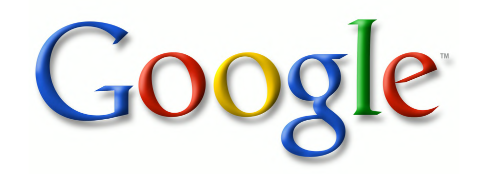
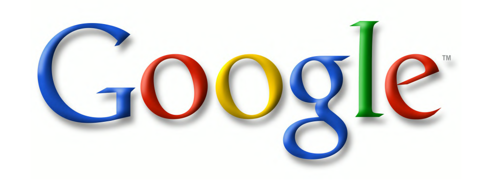

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

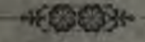
РАЗСКАЗЫ БАБУШКИ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПЯТИ ПОКОЛѢНІЙ,

ЗАПИСАННЫЕ И СОБРАННЫЕ ЕЯ ВНУКОМЪ

Д. БЛАГОВО.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1885

РАЗСКАЗЫ БАБУШКИ.

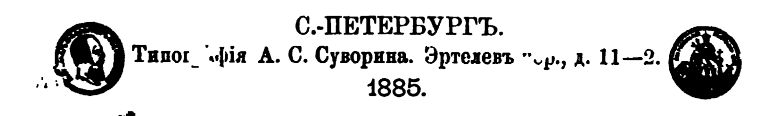
ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПЯТИ ПОКОЛѢНІЙ,

ЗАПИСАННЫЕ И СОБРАННЫЕ ЕЯ ВНУКОМЪ

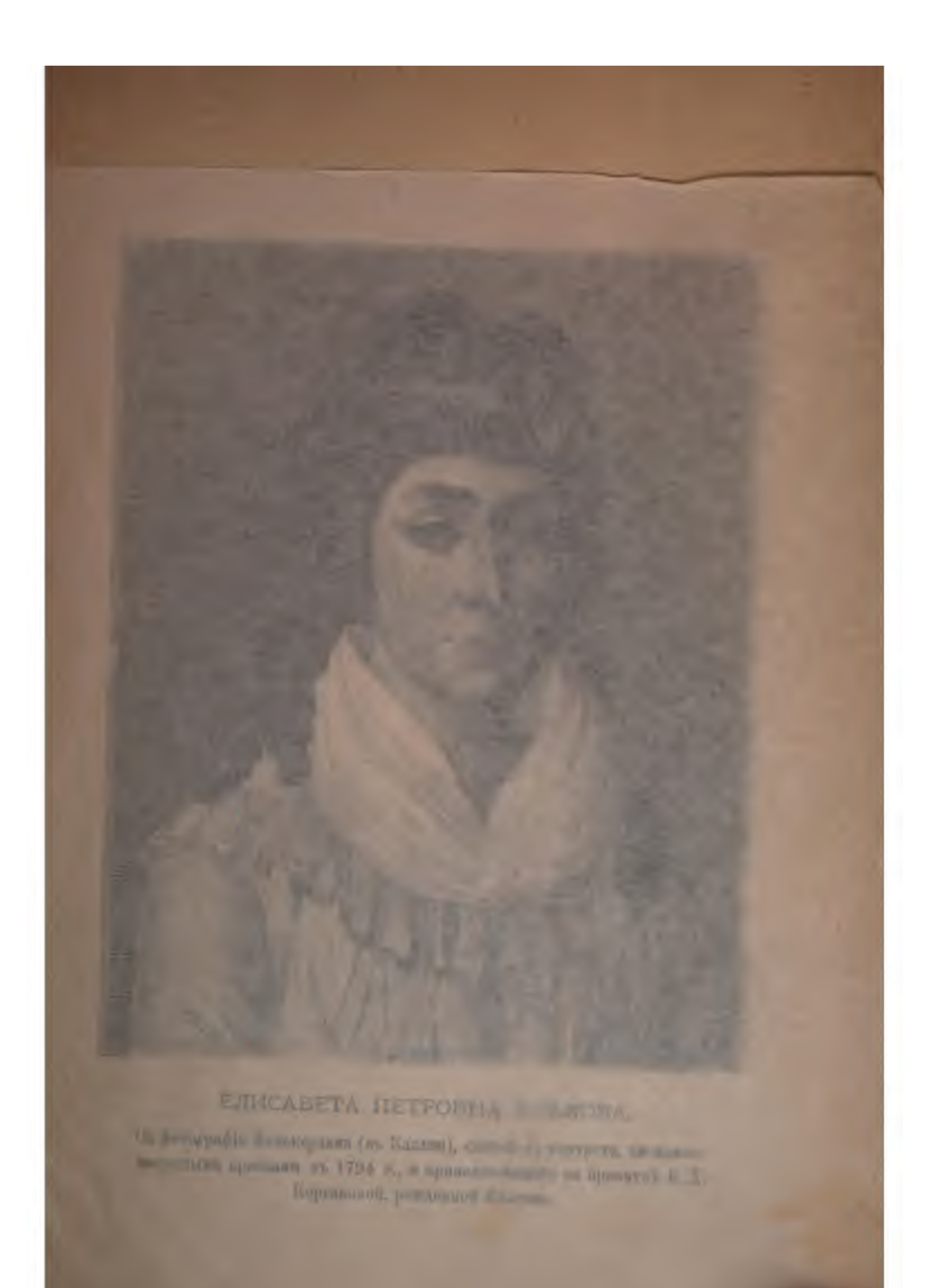
Д. БЛАГОВО.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ

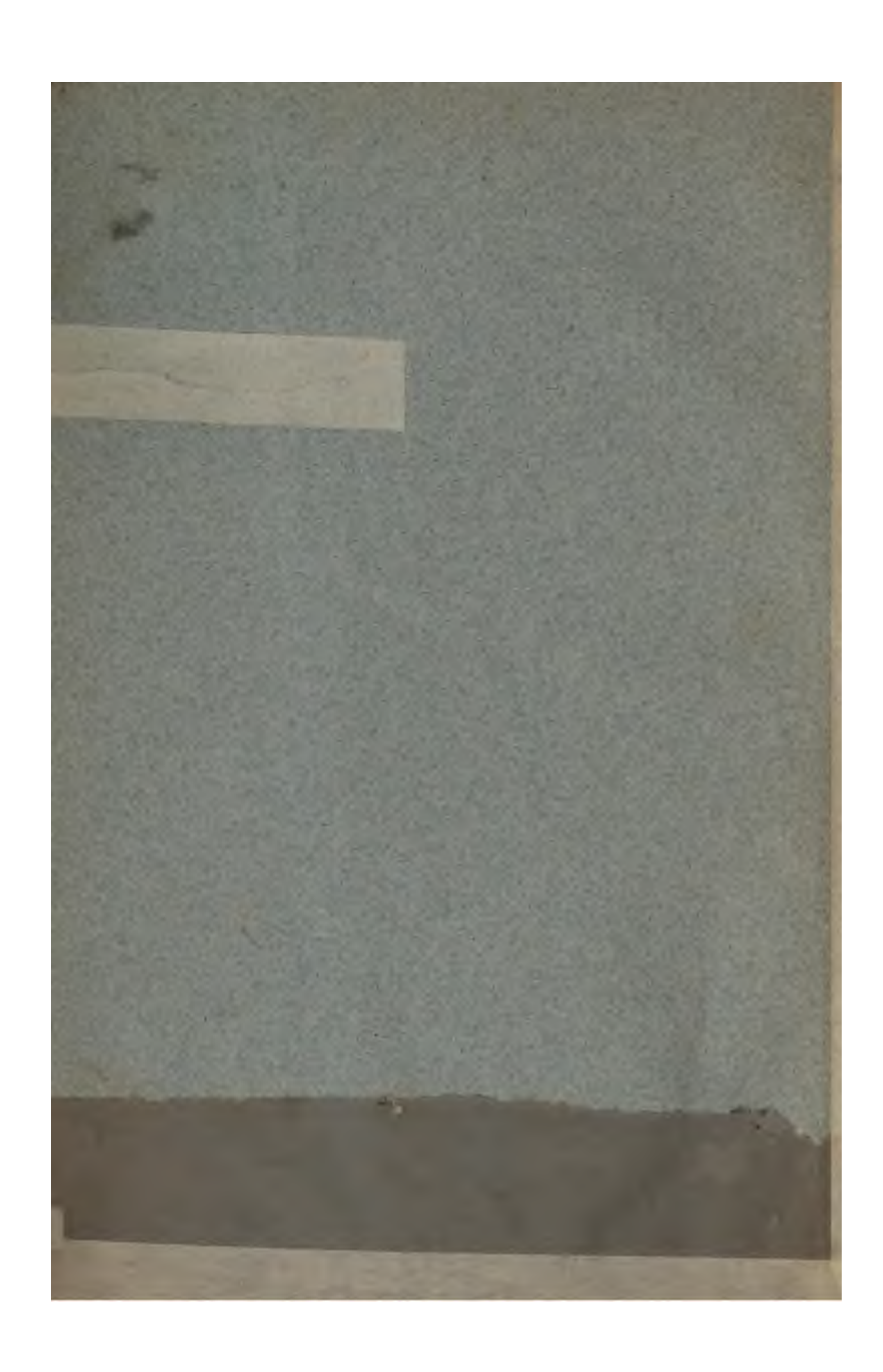
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.
1885.

ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА [illegible].

Съ фотографіи [illegible] (въ Казани), [illegible] портрета, [illegible] въ 1794 г., и [illegible] Е. Д. [illegible], рожденной [illegible].

[illegible]

РАЗСКАЗЫ БАБУШКИ.

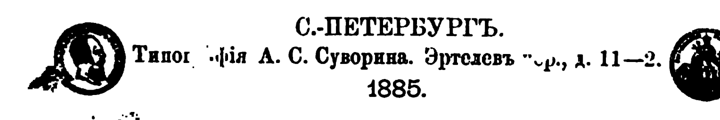
ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПЯТИ ПОКОЛѢНІЙ,

ЗАПИСАННЫЕ И СОБРАННЫЕ ЕЯ ВНУКОМЪ

Д. БЛАГОВО.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.
1885.

ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА ЯНЬКОВА.

Съ фотографіи Фелькерзама (въ Казани), снятой съ портрета, писаннаго масляными красками въ 1794 г., и принадлежащаго ея правнукѣ В. Д. Корсаковой, рожденной Благово.

довв. ценз. спб., 15 іюля 1885 г.

Бабушка моя, матушкина мать, Елизавета Петровна Янькова, родилась 24-го марта 1768 года. Она была дочь Петра Михайловича Римскаго-Корсакова, женатаго на княжнѣ Пелагеѣ Николаевнѣ Щербатовой. Мать Петра Михайловича, Евпраксія Васильевна, была дочь историка Василія Никитича Татищева.

Бабушка скончалась 3-го марта 1861 года, сохранивъ почти до самой своей кончины твердую память, въ особенности когда рѣчь касалась прошлаго. Всѣ члены рода Корсаковыхъ жили весьма долго, но бабушка Елизавета Петровна всѣхъ превзошла своимъ долгоденствіемъ. Она живо помнила всѣ преданія семейства, восходившія до временъ Петра I, и разсказывала съ удивительною подробностью, помня иногда года и числа: кто былъ на комъ женатъ, у кого было сколько дѣтей, словомъ сказать, она была живою лѣтописью всего XVIII столѣтія и половины XIX.

Я началъ помнить мою бабушку съ 1830 года, со времени первой холеры: ей было тогда 62 года. Она жила постоянно въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, въ приходѣ у Троицы въ Зубовѣ, въ Штатномъ переулкѣ, между Пречистенкой и Остоженкой. Мнѣ было тогда три года: мы жили въ деревнѣ въ сорока верстахъ отъ Москвы; это было осенью, въ концѣ августа или въ сентябрѣ.

Помню, что разъ вечеромъ въ гостиной я заснулъ у матушки на диванѣ, за ея спиной. Просыпаюсь — поданы свѣчи; предъ матушкой стоитъ жена управителя, Настасья Платоновна, и матушка читаетъ ей вслухъ письмо, полученное отъ бабушки. Она писала: «Милый другъ мой, Грушенька, пріѣз-

жай скорѣй въ Москву: насъ посѣтилъ гнѣвъ Божій, смертоносное повѣтріе, которое называютъ холерой. Смертность ужасная: люди мрутъ какъ мухи. Пріѣзжай, моя голубушка, я одна: Клеопатра [1]) еще не возвращалась; она и Авдотья Ѳедоровна у Анночки въ Бремячевѣ. Что̀ тебѣ дѣлать одной съ ребенкомъ въ деревнѣ: ежели Господь опредѣлилъ намъ умереть, такъ ужь лучше пріѣзжай умирать со мною, умремъ вмѣстѣ; на людяхъ, говорятъ, и смерть красна. Жду тебя, моя милая, Господь съ тобою» [2]).

На слѣдующій день мы поѣхали въ Москву. Какъ мы ѣхали, не помню; памятно мнѣ только, что когда мы пріѣхали къ Бутырской заставѣ, было уже совершенно темно и вдругъ насъ озарилъ яркій свѣтъ: были разложены большіе костры по обѣимъ сторонамъ дороги у самой заставы.

Я спалъ во время дороги, но когда карета вдругъ остановилась, я проснулся.

Слышу, матушка спрашиваетъ у кого-то:

— Что̀ это такое? Отчего разложены костры?

— Велѣно окуривать тѣхъ, которые въѣзжаютъ въ городъ, отвѣчалъ чей-то голосъ въ темнотѣ.

Человѣкъ нашъ пошелъ въ караульную при заставѣ росписываться въ книгѣ: кто и откуда ѣдетъ (какъ это тогда водилось, покуда, съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ въ 1852 году, на заставахъ не были сняты шлагбаумы и въѣздъ въ города не сдѣлался совершенно свободнымъ).

Матушка говоритъ моей нянѣ старушкѣ:

— Няня, спусти стекло и спроси, отчего это казакъ стоитъ у огня?

Няня спустила стекло, высунула голову и съ кѣмъ-то говорила; я вѣрно или не понялъ, или не слыхалъ ея словъ, но только слышу, она передаетъ матушкѣ шепотомъ, чтобы

---

[1]) Клеопатра Дмитріевна, младшая сестра матушки, дѣвица, которая жила съ бабушкой. Анночка, т.-е., Анна Дмитріевна Посникова, вторая дочь бабушки, находившаяся тогда въ костромской деревнѣ Бремячевѣ. Авдотья Ѳедоровна Барыкова, дочь одного тульскаго дворянина, которую по выходѣ изъ института бабушка взяла къ себѣ погостить, очень полюбила ее и не пустила къ отцу, и прожила она у бабушки до своего замужества, съ 1816 до 1834 года.

[2]) Это письмо уцѣлѣло; списываю его слово въ слово.

меня не разбудить: «Это, вишь, пикетъ, казаки поставлены, городъ оцѣпленъ; и мертвое тѣло лежитъ»...

— Ахъ, Боже мой! воскликнула матушка.

Мнѣ стало почему-то вдругъ страшно, и я громко заплакалъ.

Матушка взяла меня на колѣни, крѣпко поцѣловала и стала мнѣ что-то говорить. Между тѣмъ, человѣкъ расписался, подняли шлагбаумъ и мы въѣхали въ городъ.

Я совершенно разгулялся ото сна и сталъ внимательно смотрѣть въ окно: вижу фонари, лавки освѣщенныя, по улицамъ ѣздятъ въ каретахъ. Все это меня занимало, и все мы ѣхали, ѣхали — мнѣ показалось, очень долго и далеко. Наконецъ матушка говоритъ мнѣ: «Сними шляпу и перекрестись, мой хорошій; вотъ церковь, это нашъ приходъ, сейчасъ прiѣдемъ»...

И точно, вскорѣ мы въѣхали на дворъ. Меня вынули изъ кареты и понесли въ домъ.

Бабушка вышла встрѣтить насъ въ залу и обняла матушку, а ко мнѣ нагнулась и меня расцѣловала. Это свиданіе матушки и бабушки живо врѣзалось въ мою память и представляется мнѣ какъ самое давнее, первое мое воспоминаніе. Съ этого дня я начинаю помнить бабушку, ея Зубовскій домъ, приходъ нашъ, садъ и все то, чѣмъ я былъ постоянно окруженъ до 1838 года, когда мы отъ бабушки переѣхали на житье въ собственный домъ.

Мы вошли въ гостиную: большая желтая комната; налѣво три большихъ окна; въ простѣнкахъ зеркала съ подстольями темнокраснаго дерева, какъ и вся мебель въ гостиной. Направо отъ входной двери рѣшетка съ плющомъ и за нею диванъ, столъ и нѣсколько креселъ.

Напротивъ оконъ, у средней стѣны, диванъ огромнаго размѣра, обитый краснымъ шелономъ; предъ диваномъ столъ овальный, тоже очень большой, а на столѣ большая зеленая жестяная лампа тускло горитъ подъ матовымъ стеклянымъ круглымъ колпакомъ. У стѣны, противоположной входной двери, небольшой диванъ съ шитыми подушками и на немъ, по вечерамъ, всегда сидитъ бабушка и работаетъ: вяжетъ филе, или шнурочекъ, или что-нибудь на толстыхъ спицахъ изъ разныхъ шерстей. Предъ нею четвероугольный продол-

говатый столъ, покрытый пестрою клеенкой съ изображеніемъ скачущей тройки; на столѣ двѣ восковыя свѣчи въ высокихъ хрустальныхъ съ бронзой подсвѣчникахъ и бронзовый колокольчикъ съ пѣтухомъ. Напротивъ бабушки у стола кресло, въ которое сѣла матушка и стала слушать, что говоритъ бабушка; а я, довольный, что послѣ неподвижнаго сидѣнія въ каретѣ могу расправить ноги, отправился по всѣмъ комнатамъ все осматривать съ любопытствомъ, какъ будто видимое мною видѣлъ въ первый разъ.

Надобно думать, что я до тѣхъ поръ былъ еще слишкомъ малъ и ничего еще не понималъ, потому что все, что представлялось моимъ взглядамъ, мнѣ казалось совершенно новымъ.

Поутру бабушка кушала свой кофе у себя въ кабинетѣ, и пока не откушаетъ — дверь въ гостиную не отворялась; въ 10 часовъ замокъ у двери щелкнетъ со звономъ, бабушка выходитъ въ гостиную и направо отъ кабинетной двери садится у окна въ мягкое глубокое кресло и работаетъ у маленькаго столика до обѣда, т. е., до трехъ часовъ, а если работаетъ въ пяльцахъ — вышиваетъ коверъ, то остается въ своемъ кабинетѣ и сидитъ на диванѣ противъ входной двери изъ гостиной и видитъ тотчасъ, кто входитъ изъ залы. Когда она бывала дома, то принимали прямо безъ доклада.

Опишу наружность бабушки, каковою я началъ ее помнить съ дѣтства и каковою, съ едва замѣтною для меня перемѣной, она осталась до самой ея кончины въ 1861 году, когда ей было 93 года.

Бабушка была маленькая, худенькая старушка съ весьма пріятнымъ блѣднымъ лицомъ; на ней тюлевый чепецъ съ широкимъ рюшемъ надвинутъ на самый лобъ, такъ что волосъ совсѣмъ не видать; тафтяное платье съ очень высокимъ воротомъ и около шеи тюлевый, рюшевый барокъ; сверху накинутъ на плечи большой темный платокъ изъ легкой шерстяной ткани или черный шелковый палатинъ. Какъ многія старушки ея времени, она остановилась на извѣстной модѣ, ей приличествовавшей (1820 годовъ), и съ тѣхъ поръ до самой кончины своей продолжала носить и чепецъ, и платье однажды усвоеннаго ею покроя. Это несовременное одѣяніе не казалось на ней страннымъ, напротивъ того: невольное

внушало каждому уваженіе къ старушкѣ, которая, чуждаясь непостоянства и крайностей моды, съ чувствомъ собственнаго достоинства, оставила за собой право одѣваться, какъ ей было удобно, какъ бы считая одежду не поводомъ къ излишнему щегольству, но только средствомъ, изобрѣтеннымъ необходимостью, приличнымъ образомъ, удобно и покойно себя чѣмъ-нибудь прикрыть.

Десять лѣтъ моего дѣтства провелъ я въ домѣ бабушки и съ дѣтства слышалъ ея разсказы, но немногое отъ слышаннаго тогда осталось въ моей памяти; я былъ еще такъ малъ, что не придавалъ настоящаго значенія слышанному мною и то, что̀ слышалъ сегодня — забывалъ завтра. Десять лѣтъ спустя, когда, лишившись своей незамужней дочери, съ которою она жила, бабушка переѣхала на житье къ намъ въ домъ и жила съ нами до своей кончины, въ эти двѣнадцать лѣтъ слышанное мною живо врѣзалось въ мою память, потому что многое было мною тогда же подробно записано. Въ числѣ этихъ двѣнадцати лѣтъ мы провели безвыѣздно три года — 53, 54 и 55 — въ деревнѣ, и тутъ то въ длинные зимніе вечера бабушка любила вспоминать о своей прошлой жизни и не рѣдко повторяла одно и то же.

То, что̀ я тогда записалъ, могу передать со всею полнотой подробностей, которыя доказываютъ, что говоритъ очевидецъ, припоминающій когда-то видѣнное, а то, что̀ я позабывалъ или иногда и лѣнился записывать подробно, слишкомъ довѣряя своей памяти, я передаю только въ очертаніяхъ и краткихъ словахъ, не желая вымышлять и опасаясь исказить точность мнѣ переданнаго.

Всѣ тѣ мелочныя подробности ежедневной нашей жизни, которыми мы пренебрегаемъ въ настоящее время, считая ихъ излишними и утомительными, становятся драгоцѣнными по прошествіи столѣтія, потому что живо рисуютъ предъ нами нравы, обычаи, привычки давно исчезнувшаго поколѣнія и жизнь, имѣвшую совершенно другой складъ, чѣмъ наша.

Я нѣсколько разъ пытался предлагать бабушкѣ диктовать мнѣ ея воспоминанія, но она всегда отвергала мои попытки при ней писать ея записки и обыкновенно говаривала мнѣ: «Статочное ли это дѣло, чтобъ я тебѣ диктовала? Да я и сказать-то ничего тебѣ не съумѣю; я давнымъ давно все перезабыла, а

— Я дня не назначаю, потому что ты сама знаешь, всегда тебѣ рада и обѣдомъ угощу, прошу не прогнѣваться, чѣмъ Богъ послалъ... А ежели день назначишь, и того лучше, буду тебя ожидать... Назначь сама.

День назначили. Бабушка, пріѣхавъ домой, послала нѣсколько троекъ туда-сюда: кто поѣхалъ за рыбой, кто за дичью, за фруктами, мало ли за чѣмъ? Званный обѣдъ: Шепелева угощаетъ графиню Шувалову,—стало-быть, пиръ на весь міръ. Бабушка была большая хлѣбосолка и не любила лицомъ въ грязь ударить. Надобно гостей назвать: не вдвоемъ же ей обѣдать съ графиней. Послала звать сосѣдей къ себѣ хлѣба-соли откушать; и знатныхъ, и незнатныхъ—всѣхъ зоветъ: большая барыня никого не гнушается; ее никто не уронитъ, про всѣхъ у нея чѣмъ накормить достанетъ... Приспѣлъ назначенный день. Гостиная полна гостей; Калуга въ семнадцати верстахъ и оттуда съѣхались: пріѣхала главная гостья—Шувалова; не забыли и попа съ попадьей. Попадью бабушка очень любила и ласкала; соскучится бывало, и позоветъ человѣка: «Поди, зови попадью». Та придетъ: «Что жь это ты дѣла своего не знаешь, ко мнѣ не идешь который день?» Та начнетъ извиняться: «Ахъ, матушка ваше превосходительство, помилуйте, какъ же я могу, какъ я смѣю незваная придти»... Бабушка какъ прикрикнетъ на нее: «Что ты, въ умѣ, что ли, дура попова, всякій вздоръ городишь! Вотъ новости: незваная! Скажите на милость: велика птица, зови ее! пришла бы сама, да и пришла... Ну, ну, не сердись, что я тебя обругала, я пошутила, попадья; садись, разсказывай, что знаешь»... И такъ рѣдкій день, чтобы попадья не была у бабушки.

Пришелъ часъ обѣда; дворецкій съ важностью доложилъ: «Кушанье готово». Хозяйка взяла за руку Шувалову, ведетъ ее къ столу, видитъ, попадья тутъ стоитъ. Желая ее приласкать, она и говоритъ ей:

— Ну, попадья, ты свой человѣкъ; сегодня не жди, чтобъ я тебя подчивала, а что приглянется, то и кушай.

Въ то время кушанья не подавали изъ буфета, а все выставляли на столъ, и перемѣнъ было очень много. Въ простые дни, когда за-свой обѣдаютъ, и то бывало у бабушки всегда: два горячія—щи да супъ или уха, два холодныя, четыре соуса, два жаркія, два пирожныя... А на званомъ обѣдѣ, такъ

и того болѣе: два горячія — уха да супъ, четыре холодныя, четыре соуса, два жаркія, нѣсколько пирожныхъ, потомъ дессертъ, конфеты, потому что въ рѣдкомъ домѣ чтобы не было своего кондитера и каждый день конфеты свѣжія... Можно себѣ представить, какой былъ въ этотъ день обѣдъ у бабушки: она любила покушать, у нея, говорятъ, и свои фазаны водились; безъ фазановъ она въ праздникъ и за столъ не садилась. Бывало, сидятъ за столомъ, сидятъ — конца нѣтъ: сядутъ въ зимнее время въ два часа, а встанутъ — темно; часа по три продолжался званый обѣдъ.

Ну, сѣли за столъ, сидятъ — кушаютъ да похваливаютъ; что̀ блюдо — то диковинка; вотъ дошло дѣло до рыбы. Дворецкій подходитъ къ столу, чтобы взять блюдо,—стоитъ и не беретъ. Бабушка смотритъ и видитъ, что онъ самъ не свой, на немъ лица нѣтъ, чуть не плачетъ. «Что̀ такое?» Подаютъ ей стерлядь разварную на предлинномъ блюдѣ; голова да хвостъ, самой рыбы какъ не бывало. Можешь себѣ представить, какъ бабушкѣ стало досадно и конфузно! Она не знаетъ, что̀ и подумать! Смотритъ кругомъ на всѣхъ гостей, видитъ, попадья сидитъ, какъ на иголкахъ — ни жива, ни мертва... Бабушка догадалась, говоритъ громко: «Что̀ жь это такое?» а сама съ попадьи глазъ не сводитъ. Съ попадьей чуть не дурно дѣлается, встала, хочетъ сказать — не можетъ. Всѣ гости опустили глаза, ждутъ — вотъ будетъ буря. «Попадья, ты это съѣла у меня рыбу?» грознымъ голосомъ спрашиваетъ бабушка.

— Виновата, матушка государыня, ваше превосходительство, точно я, виновата, бормотала попадья, — сглупила...

Бабушка расхохоталась, глядя на нее—и всѣ гости.

— Да какъ же это тебѣ въ умъ только пришло съѣсть что ни на есть лучшую рыбу? спрашивала хозяйка сквозь смѣхъ.

— Простите, виновата, государыня, ваше превосходительство! Вотъ какъ изволили идти-то къ столу, такъ и сказали мнѣ, что ты, молъ, свой человѣкъ, не жди, чтобы подчивать стала, а что̀ приглянется, то и кушай... Сѣла я за столъ, смотрю, рыбина стоитъ предо мною большая, — хороша, должно-быть, семъ-ка, я отвѣдаю, да такъ кусочекъ за кусочкомъ, глотокъ за глоткомъ, смотрю, — а рыбы-то ужь и нѣтъ...

Бабушка и графиня хохочутъ еще пуще прежняго; имъ вторятъ гости...

— Ну, попадья, удружила же ты мнѣ, нечего сказать... есть за что поблагодарить! Я нарочно за рыбой посылаю и ни вѣсть куда, а она за одинъ присѣстъ изволила скушать! Да развѣ про тебя это везли? Ужь подлинно—дура попова.

И обратившись къ дворецкому сказала: «Поди, ставь попадьѣ ея объѣдки, пусть доѣдаетъ за наказаніе, а намъ спросите, нѣтъ ли еще какой другой рыбы?..»

Принесли другое блюдо рыбы—больше прежней...

Я думаю, что вся эта продѣлка попадьи была заранѣе подготовлена, чтобы посмѣшить гостей; тогда вѣдь это водилось, что держали шутовъ да шутихъ...

Бабушка Евпраксія Васильевна была, говорятъ, очень крутого нрава, и какъ знатная и большая барыня, была въ большомъ почетѣ и не очень церемонилась съ мелкими сосѣдями, такъ что многія сосѣдки не смѣли и войти къ ней на парадное крыльцо, а все на дѣвичье крыльцо ходили.

Разсказываютъ, что одна сосѣдка сказала про бабушку что-то неладное; бабушкѣ передали это. Она промолчала. Черезъ сколько-то времени пріѣхала къ ней эта сосѣдка, говорившая про нее дурно. Пришла въ дѣвичью и говоритъ: «Доложите генеральшѣ, что я, молъ, пріѣхала».

Пришли докладывать бабушкѣ, что такая-то пріѣхала и сидитъ въ дѣвичьей.

— Скажи ей, что я ее и видѣть не хочу. Я, видишь, не хороша по ея разсужденью,—ну, пусть лучше кого ищетъ, а меня бы оставила въ покоѣ и избавила отъ своего знакомства.

Возвратилась въ дѣвичью та, которая докладывала.

— Генеральша на васъ, матушка, за что-то гнѣвается, говоритъ: «коли я не хороша для нея, пусть кого получше ищетъ, чтобы ко мнѣ и глазъ не казала, не ѣздила».

Барынька проситъ, чтобъ объ ней доложили; никто идти не смѣетъ, боятся. Такъ она посидѣла, посидѣла, да и къ себѣ опять поѣхала. И раза два или три она потомъ пріѣзжала; доложатъ бабушкѣ—и все одинъ отвѣтъ: «Скажи ей, что напрасно ѣздитъ, вѣдь сказала, что не приму, и не приму».

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ: бѣдная сосѣдка ѣздитъ, бабушка не принимаетъ.

Та плачетъ, увѣряетъ, что ни въ чемъ не виновата, что и не знаетъ, за что на нее генеральша гнѣвается; проситъ, чтобы такъ и доложили.

Наконецъ, кто-то и рѣшился доложить.

Бабушка взмиловалась, велѣла впустить къ себѣ сосѣдку.

Та пришла.

— Чѣмъ это я не угодила тебѣ, что ты меня бранишь и говоришь про меня вотъ то-то и то-то? Да какъ только ты смѣла про меня худо говорить? Знаешь ли, кто я и кто ты?

Та начинаетъ оправдываться, божится, что ни въ чемъ не виновата, что ничего и знать не знаетъ, а бабушка пуще ее бранитъ. Мылила-мылила ей голову, та и въ ноги-то кланяется, проситъ только бы слушать...

Перестала бабушка ее пробирать и стала слушать оправданіе, и что̀ же оказывается? что точно это все была одна сплетня. Увѣрившись, что про бѣдную сосѣдку сказали напраслину, бабушка очень пожалѣла, что безъ причины ее оскорбила и разными подарками старалась утѣшить бѣдную дворянку, ни въ чемъ не виновную, и съ тѣхъ поръ къ ней особенно благоволила.

Вотъ что̀ мнѣ еще разсказывала про бабушку Евпраксію Васильевну наша мамушка, Марья Ивановна, бывшая при бабушкѣ сѣнною дѣвушкой: «Генеральша была очень строга и строптива; бывало, какъ изволятъ на кого изъ насъ прогнѣваться, тотчасъ и изволятъ снять съ ножки башмачокъ и живо отшлепаютъ. Какъ накажутъ, такъ и поклонишься въ ножки и скажешь: «Простите, государыня, виновата, не гнѣвайтесь». А она-то: «Ну пошла, дура, впередъ не дѣлай». А коли кто не повинится, она и еще побьетъ... Ужь настоящая была барыня: высоко себя держала, никто при ней и пикнуть не смѣй; только взглянетъ грозно, такъ тебя варомъ и обдастъ... Подлинно барыня... Упокой ее Господи... Не то, что̀ нынѣшніе господа».

Бабушка была въ свое время очень хорошо воспитана и учена; она говорила хорошо по-нѣмецки, это я слышала отъ батюшки Петра Михайловича.

II.

Отецъ бабушки Евпраксіи Васильевны, Василій Никитичъ Татищевъ, который написалъ Русскую Исторію, родился при Петрѣ I и былъ лично ему извѣстенъ. Родился въ 1686 году, умеръ 15-го іюля 1750 года. Онъ долгое время жилъ за границей для своего обученія; провелъ нѣсколько лѣтъ въ Германіи и службу свою началъ на восьмнадцатомъ году отъ рожденія, въ военныхъ чинахъ. Государь къ нему благоволилъ и, сказывали мнѣ, давалъ ему секретныя порученія, и былъ онъ посылыванъ и въ Швецію, гдѣ учился горному дѣлу, почему впослѣдствіи и въ Сибирь его посылали и поручили заниматься рудокопнями и горнымъ производствомъ.

При вступленіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны, онъ много выигралъ тѣмъ, что стоялъ за самодержавіе, котораго не желали многіе изъ вельможъ. Онъ былъ статскій совѣтникъ, а передъ коронаціей сдѣлали оберъ-церемоніймейстеромъ и послѣ того дали ему чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; и злодѣй Биронъ былъ къ нему хорошъ, а онъ посылалъ ему изъ Сибири разные гостинцы, которые тотъ принималъ.

Василій Никитичъ имѣлъ только одну сестру, Прасковью Никитичну, которая была сперва въ замужествѣ за Теряевымъ, а потомъ за Станкевичемъ. Вотъ почему намъ тѣ и другіе родня. Женатъ былъ прадѣдушка на вдовѣ Рѣдкиной, Аннѣ Васильевнѣ, урожденной Андреевской [1]). Онъ имѣлъ отъ нея только двоихъ дѣтей: Евграфа Васильевича и бабушку

[1]) Кажется, что жена Василія Никитича была дважды вдовой: ее звали Анна Васильевна, урожденная Андреевская; это извѣстіе находимъ мы въ изслѣдованіи Чистовича (Ѳеоф. Прок. и его время), который говоритъ, что Василій Никитичъ женился въ 1714 году на вдовѣ Рѣдкиной, а бабушка говорила, что она была прежде Батвиньева, слѣдовательно, можно полагать, что Анна Васильевна была за Батвиньевымъ, потомъ за Рѣдкинымъ и въ 1714 году за Татищевымъ, который имѣлъ отъ нея: Евпраксію Васильевну (родилась или въ 1715, или 1716 году) и Евграфа Васильевича, который родился въ 1717 году. Евпраксія Васильевна вышла замужъ за Римскаго-Корсакова, при императрицѣ Аннѣ, или въ концѣ 1730, или въ началѣ 1731 года, потому что Петръ Михайловичъ родился въ 1731 году. Въ 1727 году, Василій Никитичъ хлопоталъ о разводѣ, потому что жена его имѣла связь съ Радищевымъ. (См. Чистовича).

Евпраксію Васильевну. Въ которыхъ годахъ, я не съумѣю сказать, но слыхала, что Василій Никитичъ былъ губернаторомъ въ Оренбургѣ и въ Астрахани и тутъ попалъ въ немилость; это было уже при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, въ началѣ 1740 годовъ. Ему велѣно было выйдти въ отставку и жить въ деревнѣ, къ нему даже былъ приставленъ караулъ. О причинѣ этой опалы заподлинно не умѣю сказать: кто говоритъ, что были на него доносы по службѣ, а другіе сказывали, будто бы его жена, съ которою онъ разъѣхался, обнесла его предъ императрицей, и стали къ нему придираться и, наконецъ, подкопались подъ него. Онъ жилъ въ своей деревнѣ въ Клинскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Болдинѣ, лѣтъ шесть и имѣлъ предчувствіе о своей кончинѣ. Объ этомъ я не разъ слыхала и отъ батюшки и весьма подробно разсказывалъ покойный дядюшка Ростиславъ Евграфовичъ Татищевъ, который въ то время жилъ съ нимъ въ Болдинѣ, и со словъ его покойный мужъ мой, Дмитрій Александровичъ, подробно описалъ всѣ обстоятельства кончины, послѣдовавшей 15-го іюля 1750 года. За нѣсколько дней до этого, Василій Никитичъ сталъ чувствовать какую-то слабость и потому писалъ къ сыну своему, Евграфу Васильевичу, въ Москву, чтобъ онъ съ женой пріѣхалъ съ нимъ проститься, потому что чувствуетъ приближеніе времени своего исхода. Евграфъ Васильевичъ съ первою своею женою, Прасковьею Михайловною Зиновьевою, поспѣшилъ пріѣхать къ отцу и нашелъ его, повидимому, совершенно здоровымъ. Іюля 14-го Василій Никитичъ поѣхалъ верхомъ за три версты въ свою приходскую церковь со своимъ внукомъ, Ростиславомъ Евграфовичемъ, и отправляясь изъ дома, велѣлъ прислать въ село мастеровыхъ людей съ лопатами. Когда обѣдня окончилась, онъ позвалъ священника идти съ собою на погостъ и, пришедши туда, сталъ ему показывать, гдѣ кто изъ его родныхъ положенъ; выбралъ себѣ мѣсто и приказалъ рабочимъ приступить къ копанію могилы. Возвращаться домой верхомъ онъ не могъ, потому что ослабѣлъ, сѣлъ въ одноколку и со внукомъ поѣхалъ домой, а священника просилъ на завтра пріѣхать къ нему въ Болдино со Святыми Дарами, чтобъ его исповѣдать и причастить, и поручилъ ему, кромѣ того, пригласить такихъ-то священниковъ, потому что желаетъ собороваться.

Возвратившись домой, онъ нашелъ у себя курьера, присланнаго изъ Петербурга съ извѣстіемь, что онъ оправданъ отъ несправедливаго обвиненія, и государыня посылаетъ ему Александровскую звѣзду.

Онъ самъ написалъ къ государынѣ письмо, благодарилъ ее за ея милость, но орденъ возвратилъ обратно, извѣщая, что чувствуетъ уже приближеніе своей кончины, и отпустилъ курьера. Караулъ, находившійся при немъ, былъ снятъ.

Въ этотъ вечеръ, когда пришелъ къ нему за приказаніемъ его поваръ-французъ, онъ обѣда заказывать не сталъ.

— Я теперь у васъ уже гость, сказалъ онъ, — а не хозяинъ, а хозяева вотъ кто, прибавилъ онъ, указывая на сына и на невѣстку: — они тебя прикажутъ, что нужно; я обѣдать болѣе не буду.

Онъ былъ очень спокоенъ духомъ и не забылъ даже передать невѣсткѣ, что на погребѣ лежитъ начатой теленокъ, «такъ есть изъ чего и готовить».

На другой день поутру, пріѣхалъ приходскій священникъ съ причтомъ, исповѣдалъ его и причастилъ Святыхъ Таинъ.

Василій Никитичъ велѣлъ позвать сына, невѣстку, внука, прощался съ ними и дѣлалъ имъ наставленія, потомъ велѣлъ собрать всѣхъ домашнихъ и дворовыхъ людей, просилъ у всѣхъ прощенія, благодарилъ за усердную службу и, простившись со всѣми и всѣхъ отпустивъ, просилъ священниковъ начать соборованіе, и тихо и безболѣзненно скончался при чтеніи послѣдняго Евангелія.

Когда послали за столяромъ, чтобы снять мѣрку для гроба, столяръ сказалъ, что ужь давно по приказанію покойника для него гробъ сдѣланъ, а что ножки подъ него онъ самъ изволилъ точить.

Евграфа Васильевича я помню, что видала въ моемъ дѣтствѣ. Онъ скончался, когда мнѣ было лѣтъ тринадцать, а третью его жену, бабушку Аграфену Ѳедотовну, я очень любила и уважала, и батюшка ее очень чтилъ и съ нею крестилъ старшую мою дочь, Аграфену Дмитріевну.

III.

Корсаковы родомъ съ острова Корсики, потому такъ и называются. Сперва они переселились въ Литву, а оттуда, при сынѣ Димитрія Донскаго, одинъ изъ нихъ, по имени Вячеславъ, прибылъ въ Россію съ литовской княжной (Софьею Витовтовною), и отъ него и пошелъ нашъ родъ. У него былъ сынъ Ѳедоръ и четыре внука; отъ старшаго, Осипа, пошли Корсаковы, а отъ одного изъ его братьевъ—Милославскіе. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ Корсаковы стали прозываться Римскими-Кòрсаковыми, въ отличіе отъ другой похожей фамиліи Корсàковыхъ. Изъ послѣднихъ нѣкоторые потомъ вписались въ нашу родословную, но это неправильно, потому что они совсѣмъ другого происхожденія, чѣмъ мы. Двое изъ батюшкиныхъ пращуровъ были митрополитами: одинъ, Игнатій, сибирскимъ, другой, Іосифъ, псковскимъ. Батюшкинъ дѣдъ, Андрей Леонтьевичъ, служилъ при Петрѣ I и былъ стольникомъ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Шаховской, Марьѣ Ѳедоровнѣ; у нея была сестра, княгиня Екатерина Ѳедоровна, за стольникомъ Венедиктомъ Яковлевичемъ Хитрово. Дочь ихъ, Евдокія Венедиктовна Хитрово, была сперва въ замужствѣ за княземъ Юріемъ Ѳедоровичемъ Кольцовымъ-Масальскимъ, а потомъ, овдовѣвъ, она вышла за Василія Васильевича Головина, который въ собственноручныхъ замѣткахъ, сохранившихся въ селѣ Новоспасскомъ, Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда (нынѣ Спасо-Влахернскій монастырь), записалъ, что 10-го января 1717 года сговоръ его со вдовой Хитрово былъ въ домѣ тетки ея родной, Маріи Ѳедоровны Римской-Корсаковой, на Остоженкѣ, въ приходѣ Стараго Воскресенія. У нихъ было два сына: старшій, Василій Андреевичъ, и меньшой, мой дѣдъ, Михаилъ Андреевичъ. По указу Петра I велѣно было учреждать майораты, т.-е., отдавать имѣніе старшему сыну для того, чтобы дворянскіе роды не обѣднѣли. Батюшкинъ отецъ, Михаилъ Андреевичъ, былъ посланъ для обученія за границу въ послѣдніе годы царствованія Петра и жилъ тамъ довольно долго, такъ что срокъ его возвращенію исполнился уже по вступленіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны. При ея дворѣ находилась одна близкая

родственница Римскихъ-Корсаковыхъ. Какую она должность занимала, навѣрное не знаю, но только она была изъ приближенныхъ къ императрицѣ, а звали ее Елизавета Ивановна Зимкова. Она была пожилою дѣвицей. Разъ какъ-то приходитъ она къ императрицѣ просить позволенія отлучиться къ своимъ роднымъ. «Присылала за мною моя невѣстка, Римская-Корсакова, наказывала, чтобъ я отпросилась и непремѣнно бы у нея побывала: нужно со мною повидаться». Государыня ее отпустила, а вечеромъ, когда она возвратилась и явилась къ императрицѣ, та и спрашиваетъ ее:

— Ну, что̀, побывала у своихъ?

— Побывала, государыня, и вдоволь наплакалась, глядючи на невѣстку...

— А что̀ же такое? Развѣ какое у нихъ несчастіе? спросила императрица.

— Нѣтъ, несчастія-то, по милости Божіей, нѣтъ, а невѣстка очень горюетъ о меньшомъ своемъ сынѣ Мишѣ: онъ въ чужихъ краяхъ учится, посланъ былъ еще при жизни покойнаго государя, теперь ему срокъ наступилъ вернуться назадъ, онъ меньшой, а у матери-то знать не любимый ли... Убивается, плачетъ, бѣдная, говоритъ: возворотится Миша, у чего онъ будетъ? Онъ меньшой, все имѣніе велѣно отдавать бо̀льшему, а онъ останется безо всего, не будетъ у него ни кола, ни двора...

— Такъ что̀ же тутъ дѣлать? спросила императрица.

— Поручали мнѣ просить тебя, царица-государыня: будь къ нимъ милостива, дозволь имъ свое имѣніе поровну раздѣлить обоимъ братьямъ...

— Нѣтъ, этого я не могу, возразила императрица: — позволь имъ, позволь и другимъ, законъ нарушить... этого нельзя, а лучше ты дай ему что-нибудь изъ своего имѣнія, помоги родному...

— Матушка государыня, рада бы радешенька дать что-нибудь, коли бы средствія имѣла, а то я и сама еле-еле существую, и еслибы не твои ко мнѣ милости, то и совсѣмъ бы нуждалась. У меня всего-то и есть что деревушка въ Череповскомъ уѣздѣ, 200 душъ...

— Вотъ ее-то и отдай...

— А сама-то я съ чѣмъ останусь? Благодарю покорно, по міру идя...

— По міру! воскликнула императрица,—а я-то что же? Развѣ я тебя оставлю? Не жалѣй, отдай, я тебя обезпечу...

— Государыня, велики твои ко мнѣ милости, не стою я ихъ. А ну, какъ да я тебѣ не угожу, и ты меня вонъ вытуришь: «гнать ее, старую дуру»! Тогда что, куда я тогда дѣнусь?

— Говорю я тебѣ, отдай, а я тебя обезпечу; а невѣсткѣ скажи, чтобъ она отписала къ сыну и приказала ему вернуться, что я, молъ, не оставлю его и приіщу-де ему богатую невѣсту.

Такъ и сдѣлали. Михаилъ Андреевичъ возвратился. Зимкова отдала ему свою деревушку, которою потомъ батюшка наградилъ меня въ приданое, и я всегда Зимкову поминаю. Она погребена въ Переяславскомъ Θеодоровскомъ монастырѣ. Такъ ли она тамъ жила, или была потомъ въ монашествѣ, или велѣла, можетъ-статься, схоронить себя со своими сродниками, этого я не могу сказать. Когда мы ѣзжали въ Ростовъ, всегда въ Переяславлѣ останавливались и по ней служили панихиду.

Дѣдушка, по возвращеніи, поступилъ въ Семеновскій полкъ, и вскорѣ императрица сосватала ему невѣсту, и пребогатую, дочь Татищева, Евпраксію Васильевну. Императрица наградила ее: благословила иконой, пожаловала бриліантовый цвѣтокъ съ краснымъ яхонтомъ, жемчужную нить и глазетовое платье со своего плеча.

Бабушка была недолго замужемъ и имѣла только двоихъ дѣтей: батюшку,—онъ родился 27-го ноября 1731 года, и тетушку, княгиню Марью Михайловну (жену князя Михаила Петровича Волконскаго). Она родилась 9-го января 1736 г., скончалась 6-го августа 1786 г.; я потомъ буду говорить о ней подробнѣе.

IV.

Въ 1733 году бабушка купила, въ семнадцати верстахъ отъ Калуги, село Боброво и тамъ постоянно живала бо̀льшую часть года, а въ Москвѣ имѣла свой домъ близь Остоженки,

въ приходѣ Иліи Обыденнаго, и мы жили еще въ этомъ домѣ, когда я шла замужъ, въ 1793 году, и тамъ вѣнчалась. Не могу сказать навѣрное, чей это былъ домъ: Корсаковыхъ или Татищевыхъ, или купленъ былъ бабушкой. Вѣроятно, по близости этого дома отъ Зачатіевскаго монастыря, и схоронили дѣдушку Михаила Андреевича въ этомъ монастырѣ, подъ церковью Милостиваго Спаса, что̀ надъ святыми вратами, а церковь строили прежде еще Корсаковы, и кромѣ дѣдушки, тамъ погребены многіе изъ нихъ и изъ Шаховскихъ, такъ какъ дѣдушкина мать была Шаховская.

Батюшка былъ лѣтъ четырнадцати, когда бабушка отвезла его въ Петербургъ, записала каптенармусомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ и тамъ оставила, а сама возвратилась въ Боброво.

Почтовыхъ сообщеній въ то время, должно быть, не было, и бабушка посылывала иногда письма на своей лошади, а такъ какъ батюшка жилъ своимъ хозяйствомъ, то чтобы подводу не отправлять пустую, бабушка и велитъ зимой накласть на возъ всякой провизіи: живности, молочнаго скопу, муки и всякой всячины, и пошлетъ изъ Калуги въ Петербургъ. И ѣдетъ подвода недѣли двѣ.

Когда батюшку произвели въ офицеры и сталъ онъ ходить ко дворцу на караулъ, то сдѣлался лично извѣстенъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Она къ нему очень благоволила и не рѣдко случалось, что отворитъ форточку и спрашиваетъ, кто изъ офицеровъ на караулѣ, и когда узнаетъ что Корсаковъ, пошлетъ за нимъ, и рѣдко-рѣдко чтобы не велѣно угостить его чаркой водки. Многіе даже на это вниманіе къ батюшкѣ смотрѣли не безъ зависти, а другіе не безъ опасенія, и ежели бы по своей оплошности батюшка самъ себѣ не повредилъ живостію своего характера и излишнею откровенностью въ словѣ, то былъ бы, можетъ быть, великою особой.

И онъ въ послѣдствіи нерѣдко припоминалъ этотъ случай изъ своей молодости и горько сожалѣлъ, что чрезъ него нажилъ себѣ сильныхъ враговъ, и будучи тѣснимъ по службѣ, принужденъ былъ выдти въ отставку съ чиномъ полковника.

Хотя императрица и не живала въ Москвѣ постоянно, но Москву любила и часто ее посѣщала; и когда дворъ пріѣдетъ

въ Москву, то и дѣло что вечера, да балы и маскарады во дворцѣ. Дворъ пріѣхалъ въ Москву въ декабрѣ мѣсяцѣ 1749 года и пробылъ чуть ли не болѣе года; за императрицей послѣдовалъ и лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, а стало-быть, и батюшка. Государыня вскорѣ сдѣлалась нездорова, однако болѣзнь продолжалась не долго; она оправилась и, желая сдѣлать удовольствіе своему особенному любимцу, графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, поѣхала къ нему за городъ въ подмосковную Перово на праздникъ, который онъ для нея устроилъ, и тамъ внезапно опять захворала, такъ что ее должны были несть въ Москву на рукахъ. Она была высокаго роста, собою прекрасная, мужественная и очень дородная, а кушала она не мало и каждое блюдо запивала глоткомъ сладкаго вина; сказываютъ, она въ особенности любила токайское; ну, не мудрено, что при ея полнотѣ, кровь приливала къ головѣ, и съ ней дѣлались обмороки, такъ что въ концѣ ужина ее иногда уносили изъ-за стола въ опочивальню.

При наступленіи весны 1750 года, когда императрица уже совсѣмъ оправилась отъ вторичной своей болѣзни, она пожелала идти пѣшкомъ въ Троицкую лавру на богомолье. За нею должна была туда послѣдовать и гвардія. Фельдмаршалъ Апраксинъ, Степанъ Өедоровичъ, зная, что императрица будетъ шествовать долго, испросилъ ея соизволеніе заранѣе отправиться изъ Москвы и идти не прямо къ Троицѣ, а на свое подмосковное имѣніе, село Ольгово, которое отъ Москвы въ пятидесяти верстахъ и въ такомъ же разстояніи отъ Троицы: ему хотѣлось угостить у себя гвардію и попировать дома на просторѣ.

Батюшка былъ тогда уже офицеромъ; ему было лѣтъ двадцать, онъ былъ живой и веселый человѣкъ, но очень воздержной жизни, почему товарищи не только его любили, но и уважали. Вотъ, во время этого-то пребыванія онъ и испортилъ навсегда свою карьеру.

Въ одинъ изъ дней, послѣ обѣда, офицеры пошли гулять около дома, а тамъ предъ домомъ пребольшой и прекрасный прудъ. Вотъ идутъ офицеры мимо пруда и видятъ, что кто-то у пруда кувыркается; подходятъ ближе, смотрятъ—двое изъ Орловыхъ, а третій до того уже напился, что лежитъ пластъ пластомъ. Они тогда были еще очень молоды и, кажется, еще

не офицерами, а каптенармусами. Батюшка, какъ старшій и какъ офицеръ степенный, пожурилъ молодежь и сказалъ имъ, что такъ вести себя неприлично и въ особенности въ гостяхъ у фельдмаршала, а безъ чувствъ лежавшаго толкнулъ ногой и, подозвавъ двухъ деньщиковъ, говоритъ имъ: «Уберите вы этого Орлова (кажется, Григорія) къ мѣсту; того и гляди, въ прудъ свалится, вишь, какъ нализался, какъ свинья валяется».

Въ первый разъ какъ батюшка былъ на караулѣ при императрицѣ (должно-быть, это было въ скоромъ времени и чуть ли не у Троицы), императрица и спрашиваетъ его:

— Ну что̀, Корсаковъ, хорошо ли попировали у Апраксина? изрядно ли онъ угостилъ васъ?

— Такъ хорошо, ваше величество, попировали и такъ угостилъ насъ фельдмаршалъ, что мы чуть на головахъ не ходили, а кто даже и взаправду кувыркался.

Императрица очень смѣялась этому и потомъ милостиво замѣтила Апраксину: «Говорятъ, вы на славу угостили мою молодую гвардію, такъ что молодежь у васъ кувыркалась».

Пошли разспросы: «кто былъ у императрицы, съ кѣмъ говорила она изъ бывшихъ у Апраксина въ деревнѣ».

Говорятъ: Корсаковъ.

Апраксинъ этимъ не обидѣлся, а только посмѣялся батюшкѣ: «Экой ты болтунъ, все императрицѣ успѣлъ разсказать, какъ въ Ольговѣ эти шуты куралѣсили».

Нашлись добрые люди, которые и Орловымъ пересказали, что Корсаковъ-де государынѣ все про васъ разсказалъ, какъ вы кувыркались и у пруда пьяные валялись.

Орловы тогда были мальчики, кутилы и буяны, не страшенъ былъ ихъ гнѣвъ; но въ послѣдствіи, когда они попали въ честь, а Григорій и въ особую милость, тогда они припомнили Корсакову, что онъ ихъ журилъ въ Ольговѣ и обругалъ одного изъ нихъ свиньей, и такъ стали батюшкѣ вредить, что онъ поневолѣ принужденъ былъ выйти въ отставку.

Онъ часто вспоминалъ это обстоятельство и, упрекая себя, повторялъ: «Да, языкъ мой врагъ; вѣдь нужно же мнѣ было ради смѣха разсказать это императрицѣ!»

Батюшка участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и былъ въ сраженіи при Гросъ-Егернсдорфѣ, въ которомъ Апраксинъ одержалъ побѣду. Тутъ батюшка едва не лишился жизни,

потому что пуля ударила ему въ грудь; но такъ какъ на немъ былъ надѣтъ образъ-складень, присланный ему предъ войной отъ его матери, то пуля пробила платье и овчинку, въ которую былъ зашитъ складень, и отскочила назадъ. Бабушка была очень благочестива и богомольна и вообще къ духовенству и монашеству расположена. Она заповѣдала своему сыну никогда не выходить изъ дома, не прочитавъ 26-го псалма, то есть: Господь просвѣщеніе мое и спаситель мой, кого убоюся. Батюшка всегда это соблюдалъ. И точно, онъ имѣлъ всегда сильныхъ враговъ, и хотя они старались ему повредить, но однако Господь помиловалъ и сохранилъ отъ погибели.

V.

Бабушка всегда принимала монаховъ-сборщиковъ: бывало, позоветъ къ себѣ, накормитъ, напоитъ, дастъ денегъ, велитъ отвести комнату гдѣ переночевать и отпуститъ каждаго довольнымъ ея пріемомъ.

Вотъ однажды, говорятъ ей: пріѣхалъ монахъ со сборомъ. Приказала позвать: «Откуда, отецъ?» Оттуда-то, называетъ монастырь.

— Садись, старецъ.

Велѣла изготовить чѣмъ угостить его. Сидятъ, разговариваютъ. Монахъ и говоритъ ей: — Матушка, а я и сынка-то вашего, Петра Михайловича, знаю.—Какъ, такъ? Гдѣ жъ ты его видѣлъ?—Тамъ-то, и начинаетъ бабушкѣ подробно говорить о батюшкѣ; и точно, по словамъ видно, что знаетъ его. Бабушка еще пуще расположилась къ монаху. Только вдругъ, во время разговора, бѣжитъ человѣкъ и докладываетъ бабушкѣ: Петръ Михайловичъ пріѣхалъ. Взвертѣлся монахъ: хочетъ уйти изъ комнаты, бабушка его уговариваетъ остаться, а между тѣмъ, входитъ батюшка. Поздоровавшись съ матерью, онъ взглянулъ на монаха. Тотъ ни живъ, ни мертвъ.

— Ты какъ здѣсь? крикнулъ ему батюшка.

Тотъ въ ноги:—Не погубите, виноватъ.

Бабушка смотритъ, понять не можетъ, что такое происходитъ. Батюшка и говоритъ ей:

— Знаете ли, матушка, кого вы изволили принимать? Это бѣглый солдатъ изъ моей роты; его давно отыскиваютъ.

— Не погубите, повторяетъ тотъ.

Батюшка хотѣлъ было отправить его по этапу, но бабушка уговорила сына не срамить ея дома и не налагать руки на гостя, кто онъ ни на есть. Тотъ обѣщался явиться въ полкъ самъ отъ себя; не помню теперь, исполнилъ ли онъ обѣщаніе.

Бабушка, хотя и не перестала принимать монаховъ-сборщиковъ, но съ тѣхъ поръ стала гораздо осторожнѣе, опасаясь, чтобы подъ видомъ настоящаго монаха не принять опять какого-нибудь бѣглаго, а батюшка, помня этотъ случай, всегда опасался сборщиковъ.

Въ которомъ году женился батюшка, опредѣлительно сказать не умѣю, но полагаю, что это было въ 1763 году, потому что старшая моя сестра Екатерина Петровна родилась 24-го октября 1764 года, на первомъ же году его женитьбы. Матушка была сама по себѣ княжна Щербатова, дочь князя Николая Осиповича и княгини Анны Ивановны, урожденной княжны Мещерской. Когда она родилась, — это было 7-го октября 1743 года, — дѣдушка находился въ отсутствіи, и бабушка дала ей имя Пелагеи, празднуемой октября 8-го дня. Дѣдушка Щербатовъ скоро возвратился и очень опечалился, что дочь его назвали Пелагеей, а не Аграфеной, какъ онъ намѣревался, въ честь своей матери (второй жены его отца, князя Осипа Ивановича Щербатаго [1]), женатаго на Аграфенѣ Θедоровнѣ Салтыковой), и рѣшилъ, чтобы называть ее Аграфеной, но именины она всегда праздновала октября 8-го; при вѣнчаніи ее называли Аграфеной, но отпѣвали Пелагіей. Чрезъ тринадцать лѣтъ послѣ рожденія матушки, бабушка родила вторую дочь, которую назвали Александрой; думаю, что это

[1]) Князь Осипъ Ивановичъ Щербатовъ былъ женатъ два раза: въ первый на Соковниной, Марьѣ Васильевнѣ, и отъ нея имѣлъ только дочь княжну Варвару Осиповну, вышедшую за князя Сергѣя Никитича Долгорукаго; а отъ второй жены, А. Θ. Салтыковой, имѣлъ двухъ сыновей: князя Николая и князя Сергѣя Осиповичей. Этотъ былъ женатъ на Екатеринѣ Михайловнѣ Стрѣлковой, которую я видѣла въ моемъ дѣтствѣ, а мужъ ея умеръ, когда я была еще ребенкомъ, и его не помню. У князя Сергѣя Осиповича было двѣ дочери: одна за Елагинымъ, другая, Аграфена Сергѣевна, за Мясоѣдовымъ; этихъ я помню, онѣ къ намъ ѣздили, а Аграфена Сергѣевна умерла уже въ первые годы царствованія императора Александра.

въ честь бабушкиной матери, княгини Мещерской, урожденной Ергольской. Тетушка Александра Николаевна (бывшая въ послѣдствіи въ замужествѣ за бригадиромъ графомъ Степаномъ Ѳедоровичемъ Толстымъ) была чуть ли не у кормилицы еще, когда послѣдовала дѣдушкина кончина.

Бабушка Евпраксія Васильевна была еще въ живыхъ, когда женился батюшка, и къ матушкѣ была она очень добра и взяла къ себѣ на воспитаніе мою сестру (вторую дочь батюшкину), которую такъ же, какъ и меня, звали Елизаветой.

У меня сохранилось письмо, писанное бабушкой къ матушкѣ по случаю моего рожденія: она пишетъ, что поздравляетъ и что посылаетъ ей съ мужемъ пятьдесятъ рублевъ на родины и на именины. Бабушка Евпраксія Васильевна была слаба, хотя лѣтами была еще совсѣмъ не стара: едвали ей было и шестьдесятъ лѣтъ.

При моемъ рожденіи, старшей моей сестрѣ Екатеринѣ было около пяти лѣтъ, и батюшкѣ угодно было, чтобъ она была моею крестною матерью.

Осенью 1770 года было сильное оспенное повѣтріе; оспы тогда не умѣли еще прививать и ждали, чтобы пришла натуральная. Потому въ то время много мерло дѣтей, и вообще въ мое время было больше рябыхъ, чѣмъ теперь. Бабушки въ живыхъ уже не было, и Лиза, которая была у нея, находилась уже дома; ей было лѣтъ пять, а мнѣ всего полтора года. Батюшка старшую Елизавету въ особенности любилъ: говорятъ, она была красоты неописанной. Обѣ мы заболѣли оспой въ одинъ день, и хотя у сестры болѣзнь была не такъ сильна, какъ у меня, но она не вынесла и скончалась. Батюшка былъ, говорятъ, неутѣшенъ и сильно плакалъ. Пришелъ въ нашу дѣтскую, стоитъ и смотритъ на сестру; въ то время приходитъ гробовщикъ снимать мѣрку для гробика. Батюшкѣ было очень горько, что онъ лишился любимой дочери. Видя, что и я еле жива, говоритъ гробовщику: «что̀ тутъ еще ходить, сними мѣрку и съ этой: пожалуй, и до утра не доживетъ». Итакъ, съ обѣихъ насъ сняли мѣрки и приготовили гробики. Сестру схоронили тогда же, а я оправилась, живу съ тѣхъ поръ еще девяносто лѣтъ, и хотя все лицо мое было покрыто какъ корой, а остались на лицѣ только двѣ маленькія язвинки на лбу.

Чумы я совсѣмъ не помню: мнѣ было тогда около четырехъ лѣтъ, и гдѣ въ то время жили батюшка съ матушкой, я совсѣмъ не знаю; думаю что въ Бобровѣ, гдѣ чумы не было. Помнить себя стала я съ тѣхъ поръ, когда Пугачевъ навелъ страхъ на всю Россію. Какъ сквозь сонъ помнятся мнѣ разсказы объ этомъ злодѣѣ: въ дѣтской сидятъ наши мамушки и толкуютъ о немъ; придешь въ дѣвичью—рѣчь о Пугачевѣ; приведутъ насъ къ матушкѣ въ гостиную—опять разговоръ про его злодѣйства, такъ что и ночью-то бывало отъ страха и ужаса не спится: такъ вотъ и кажется, что сейчасъ скрипнетъ дверь, онъ войдетъ въ дѣтскую и насъ всѣхъ передушитъ. Это было ужасное время!

Когда Пугачева взяли, мы были тогда въ Москвѣ; его привезли и посадили на Монетномъ Дворѣ. Помню, что въ день казни (это было зимой, вскорѣ послѣ Крещенья, морозъ, говорятъ, былъ преужасный), на Болотѣ, гдѣ его казнили, собралось народу видимо-невидимо, и было множество каретъ: ѣздили смотрѣть, какъ злодѣя будутъ казнить. Батюшка самъ не былъ и матушкѣ не совѣтовалъ ѣхать на это позорище; но многіе изъ нашихъ знакомыхъ туда таскались, и двѣ или три барыни говорили матушкѣ: «мы были такъ счастливы, что карета наша стояла противъ самаго мѣста казни, и все подробно видѣли»... Батюшка какой-то барынѣ не далъ и договорить: «не только не имѣлъ желанія видѣть, какъ будутъ казнить злодѣя, и слышать-то, какъ его казнили, не желаю, и дивлюсь, что у васъ хватило духу смотрѣть на такое зрѣлище».

Въ послѣдствіи объ этой казни я слышала разсказы отъ Архарова Николая Петровича, братъ котораго (Иванъ Петровичъ) былъ женатъ на моей троюродной сестрѣ, Екатеринѣ Александровнѣ Римской-Корсаковой.

VI.

По зимамъ мы живали въ Москвѣ, а весной, по просухѣ уѣзжали въ Боброво. Домъ выстроила тамъ бабушка Евпраксія Васильевна, онъ былъ прекрасный: строенъ изъ очень толстыхъ брусьевъ, и чуть ли не изъ дубовыхъ; низъ былъ ка-

менный, жилой, и стѣны претолстыя. Весь нижній ярусъ назывался тогда подклѣтями; тамъ были кладовыя, но были и жилыя комнаты, и когда для братьевъ приняли въ домъ мусье, француза, то ему тамъ и отвели жилье. Двойныхъ рамъ у него въ комнатѣ не было, стекла были еще очень дороги, такъ онъ и придумалъ во вторыя рамы вставить бумагу, промазанную масломъ; можно себѣ вообразить, какая тамъ была темь и среди бѣла дня. У насъ въ дѣтской также не было зимнихъ рамъ: моя кровать стояла у самаго окна, и чтобъ отъ него ночью не дуло во время сильныхъ холодовъ, то на ночь заставляли доской и завѣшивали чѣмъ-нибудь потолще. Всѣ парадныя комнаты были съ панелями, а стѣны и потолки затянуты холстомъ и расписаны краской на клею. Въ залѣ нарисована на стѣнахъ охота, въ гостиной ландшафты, въ кабинетѣ у матушки то же, а въ спальнѣ, кажется, стѣны были расписаны боскетомъ; еще гдѣ-то драпировкой или спущеннымъ завѣсомъ. Конечно, все это было малевано домашними мазунами, но, впрочемъ, очень недурно, а по тогдашнимъ понятіямъ о живописи—даже и хорошо. Важнѣе всего было въ то время, чтобы хозяинъ дома могъ похвалиться и сказать: «оно, правда, не очень хорошо писано, да писали свои крѣпостные мастера».

У батюшки были свои мастеровые всякаго рода: столяры, кузнецы, каретники; столовое бѣлье ткали дома и, кромѣ того, были ткачи для полотна; былъ свой кондитеръ. Въ комнатѣ людей было премножество, такъ что за каждымъ стуломъ, во время стола, стоялъ человѣкъ съ тарелкой.

Въ гостиной мебель была пальмовая, обита черною кожей съ золотыми гвоздиками; это было очень недурно и прочно. На окнахъ были шторы изъ парусины, расписаны на клею, но гардинъ и драпировокъ не было нигдѣ; только у матушки въ кабинетѣ были кисейные подборы на окнахъ.

Батюшка былъ богатъ: онъ имѣлъ 4,000 душъ крестьянъ, а матушка 1,000; въ домѣ было всего вдоволь, но роскоши не было ни въ чемъ. Посуда была вся оловянная: блюда, чаши, миски; только впослѣдствіи, когда мы стали постоянно жить по зимамъ въ Москвѣ, батюшка купилъ столовый сервизъ серебряный, а въ Бобровѣ остался все тотъ же оловянный. По воскресеньямъ и праздникамъ, гостей съѣзжалось премноже-

«что̀ въ разговоръ ввязываешься? тебя вѣдь не спрашиваютъ, ну, такъ и молчи!» Да, такого панибратства, какъ теперь, не было; и, право, лучше было, больше чтили старшихъ, было больше порядку въ смействахъ и благочестія... Теперь все перемѣнилось, не нахожу, чтобы къ лучшему. Теперь и часы-то совсѣмъ иначе распредѣлены, какъ бывало: что̀ тогда былъ вечеръ, теперь, по-вашему, еще утро! Смеркается, уже и темно, а у васъ это все еще утро. Эти всѣ перемѣны произошли на моей памяти. День у насъ начинался въ семь и въ восемь часовъ; обѣдали мы въ деревнѣ всегда въ часъ пополудни, а ежели званый обѣдъ, въ два часа; въ пять часовъ пили чай. Когда матушка была еще жива, стало-быть, до 1783 года, приносили въ гостиную большую жаровню и мѣдный чайникъ съ горячею водой. Матушка заваривала сама чай. Ложечекъ чайныхъ для всѣхъ не было; во всемъ домѣ и было только двѣ чайныя ложки: одну матушка носила при себѣ въ своей готовальнѣ, а другую подавали для батюшки. Поутру чаю никогда не пили, всегда подавался кофе. Ужинали обыкновенно въ девять часовъ, и къ ужину подавали все свѣжее кушанье, а не то чтобъ остатки отъ обѣда стали разогрѣвать; и какъ теперь бываютъ званые обѣды, такъ бывали въ то время званые ужины въ десять часовъ. Балы начинались рѣдко позднѣе шести часовъ, а къ двѣнадцати всѣ уже возвратятся домой. Такъ какъ тогда точно танцовали, а не ходили, то танцующихъ было немного. Главнымъ танцемъ бывалъ менуэтъ, потомъ стали танцовать: гавотъ, кадрили, котильйоны, экосезы. Однѣ только дѣвицы и танцовали, а замужнія женщины — очень немногія, вдовы — никогда. Вдовы, впрочемъ, рѣдко и ѣздили на балы, и всегда носили черное платье, а если приходилось ѣхать на свадьбу, то сверхъ платья нашивали золотую сѣтку.

Старшія мои двѣ сестры и я стали выѣзжать послѣ кончины матушки, а выѣзжали мы съ нашею троюродною сестрой, Екатериною Александровною Архаровою. Отецъ ея, Александръ Васильевичъ Римскій-Корсаковъ, доводился батюшкѣ двоюроднымъ братомъ [1]). Онъ былъ женатъ на кня-

[1]) Отцы ихъ, Василій Андреевичъ и Михаилъ Андреевичъ, были родные братья; была у нихъ еще сестра, помнится, Марья Андреевна за кня-

гинѣ Волконской, Марьѣ Семеновнѣ. Дядюшку я что-то не помню; онъ умеръ, когда я была еще ребенкомъ, а тетушка Марья Семеновна скончалась въ 1796 году; на моей свадьбѣ она была посаженою матерью.

Домъ ея былъ за Москвой-рѣкой. Она имѣла двухъ дочерей: Екатерину Александровну, за Архаровымъ, и Елизавету Александровну, за камергеромъ Александромъ Ильичемъ Ржевскимъ, и сына Николая Александровича; онъ умеръ бездѣтнымъ. Тетушка имѣла очень хорошее состояніе, будучи и сама не бѣдна, и богата по своему мужу, но была очень разсчетлива. Она имѣла еще ту странность, что не любила дома обѣдать, что̀ въ то время въ особенности было очень рѣдко: она каждый день кушала въ гостяхъ, кромѣ субботы. Она съ вечера призоветъ, бывало, своего выѣздного лакея и велитъ на утро сходить въ три-четыре дома ея знакомыхъ и узнать, кто кушаетъ дома сегодня и завтра, и ежели кушаютъ дома, то узнать отъ нея о здоровьѣ и сказать, что она собирается пріѣхать откушать. Вотъ и отправится съ обѣими дочерями. Тогда блюда выставлялись всѣ на столъ. Когда ей понравится какое-нибудь блюдо, холодное которое-нибудь, или одинъ изъ соусовъ, или жаркое, она и скажетъ хозяйкѣ: «какъ это блюдо должно быть вкусно, позвольте мнѣ его взять», и обращаясь къ своему лакею, стоявшему за ея стуломъ, говоритъ: «возьми такое-то блюдо и отнеси его въ нашу карету». Всѣ знали, что она имѣетъ эту странность, и такъ какъ она была почтенная и знатная старушка, то многіе сами ей предлагали выбрать какое угодно блюдо. Такъ она собираетъ цѣлую недѣлю, а въ субботу зоветъ обѣдать къ себѣ и подчуетъ васъ вашимъ же блюдомъ. Многіе, впрочемъ, и смѣялись надъ ней и кто-то и пересказалъ намъ, что Корсакова Марья Семеновна увезла откуда-то поросенка. Вотъ, вскорѣ послѣ того, тетушка пожаловала къ намъ кушать, я и говорю меньшой ея дочери:

— Скажи, пожалуйста, сестра Елизавета, гдѣ это надняхъ вы, сказываютъ, обѣдали и стянули жаренаго поросенка?

чемъ Мещерскимъ. Василій Андреевичъ былъ женатъ на Кошелевой Евдокіѣ Родіоновнѣ, дочери шталмейстера при Петрѣ I. Александръ Васильевичъ имѣлъ еще брата Андрея Васильевича и сестру Анну Васильевну.

А она мнѣ и отвѣчаетъ:

— Вотъ какіе бываютъ злые языки! Никогда мы поросенка ниоткуда не возили, а привезли надняхъ жареную индюшку. Вотъ видишь ли, такъ не поросенка же.

Екатерина Александровна была лѣтъ на семь старше меня, съ нею-то мы и выѣзжали; больше мы двѣ: Александра Петровна и я, а сестра Екатерина Петровна выѣздовъ не любила, можетъ быть потому, что была старшая въ домѣ, была нужна для батюшки, да и лицомъ была нехороша. Сестра Александра Петровна была высока ростомъ, хорошо сложена и лицомъ очень красива, а я была мала ростомъ, но находили, что была недурна, а кто говорилъ даже, что и хороша. Въ мои лѣта можно признаться, потому что и слѣдовъ нѣтъ того, что̀ было. И, бывало, когда мы идемъ въ собранія, мужчины раздвигаются предъ нами и слышится, что шепчутъ: «Place, messieurs, place! la petite Korsacoff passe».

Екатерина Александровна Архарова была величественна и умѣла себя держать въ людяхъ какъ слѣдуетъ, или, какъ вы теперь говорите, съ достоинствомъ. Я всегда скажу, что если я умѣю войдти и сѣсть какъ слѣдуетъ, то этимъ я ей обязана. Она, бывало, насъ оговариваетъ:

— Зачѣмъ, Елизавета, ты вотъ то и то дѣлаешь: это не годится, нужно вотъ такъ и такъ дѣлать.

У нея было двѣ дочери: старшая, Софья Ивановна, была за графомъ Александромъ Ивановичемъ Соллогубомъ и младшая, Александра Ивановна, за Александромъ Васильевичемъ Васильчиковымъ.

Послѣднее время своей жизни она провела въ Петербургѣ и въ Павловскѣ и была посѣщаема покойнымъ императоромъ Александромъ Павловичемъ, который къ ней очень благоволилъ. Она была кавалерственною дамой, а дочь ея Александра — фрейлиной. Меньшая сестра Архаровой, Елизавета Александровна Ржевская, ходила на костылѣ, потому что на которой-то ногѣ у нея не доставало полступни и та была обращена въ противоположную сторону.

Братъ ихъ Николай Александровичъ былъ очень скупъ, необыкновенно сластолюбивъ и чревоугодливъ, такъ что ему зачастую случалось раза по два завтракать, дважды обѣдать и, кромѣ вечерняго чая и разныхъ лакомствъ, плотно ужинать.

Когда онъ скончался (въ 1833 г.), сестра его, Елизавета Александровна, находившаяся въ его домѣ, за двѣ комнаты отъ той, гдѣ онъ лежалъ, узнавъ, что онъ скончался, была такъ этимъ поражена, что, забывъ взять свой костыль, прошла совершенно одна черезъ двѣ комнаты, какъ будто бы имѣла обѣ ноги здоровыя. Это объясняли тогда врачи нервнымъ усиленнымъ напряженіемъ, и это былъ единственный случай въ ея жизни, чтобъ она прошла безъ костыля.

VIII.

Кромѣ села Боброва, у батюшки была еще и другая прекрасная усадьба въ Тульской губерніи, село Покровское. Оно было расположено по обѣимъ сторонамъ рѣки: съ одной стороны имѣніе было Корсаковское, а съ другой—Щербатовское. Когда батюшка женился, матушкѣ дали въ приданое ту часть, что̀ за рѣкой: въ цѣломъ и вышло прекрасное имѣніе. Въ Покровскомъ домъ былъ гораздо меньше, чѣмъ въ Бобровѣ, сосѣдей было менѣе, батюшка и нашелъ, что ему и покойнѣе, и выгоднѣе переѣхать на житье въ Покровское.

Кромѣ того, вотъ что еще было причиной къ перемѣнѣ мѣста жительства: Калуга была только въ семнадцати верстахъ отъ Боброва; въ Калугѣ былъ въ то время намѣстникомъ Иванъ Никитичъ Кречетниковъ. Онъ благоволилъ къ батюшкѣ и то и дѣло посѣщалъ его: пріѣдетъ обѣдать, а за нимъ и вся городская знать тянется, и многіе живутъ по нѣскольку сутокъ. Такіе пріѣзды становились очень не дешевы,—батюшка и разчелъ, что ему лучше жить въ Покровскомъ. А то случалось и такъ, что Кречетниковъ назовется къ батюшкѣ, — все изготовятъ, гости съѣдутся, вдругъ ѣдетъ гонецъ: намѣстникъ извиняется, что сегодня не можетъ быть, а будетъ вотъ тогда то; стало-быть, опять хлопоты, возня, траты. Батюшка рѣшился уѣхать и жить потише и поскромнѣе.

Вотъ что̀ припомнилось мнѣ о Кречетниковѣ, когда онъ былъ намѣстниковъ въ Калугѣ. Въ тотъ годъ, какъ императрица Екатерина II посѣтила Калугу, ужь не упомню въ какомъ именно году, — на хлѣбъ былъ плохой урожай. Ожи-

дая прибытія государыни, Кречетниковъ распорядился, чтобы по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой ей надлежало ѣхать, на ближайшія къ дорогѣ десятины свезли сжатый, но еще неубранный хлѣбъ (это было въ августѣ) и уставили бы копны какъ можно чаще, оставивъ, такимъ образомъ, отдаленныя десятины совершенно пустыми. При въѣздѣ въ городъ были устроены тріумфальныя ворота и украшены снопами ржаными и овсяными. Знала ли императрица о скудости урожая и замѣтила ли она, что̀ было на дорогѣ, неизвѣстно, но обошлась съ намѣстникомъ милостиво. Она спросила его однако: хорошъ ли былъ урожай? Кречетниковъ отвѣчалъ: прекрасный. Когда, послѣ стола, намѣстникъ доложилъ ей, что въ городѣ есть театръ и изрядная труппа, и не соизволитъ ли ея императорское величество осчастливить театръ своимъ посѣщеніемъ, она потребовала списокъ играемыхъ піесъ, и возвращая оный, прибавила: «Ежели у васъ разыгрывается Хвастунъ, то хорошо бы имъ позабавиться», и пригласила намѣстника въ свою ложу. Во время комедіи, которая шла очень исправно, государыня часто посматривала на Кречетникова и милостиво ему улыбалась; онъ сидѣлъ какъ на иголкахъ. Въ тотъ ли же вечеръ, или на завтра — не знаю, былъ данъ балъ для императрицы калужскимъ дворянствомъ, и она его почтила своимъ высочайшимъ посѣщеніемъ. Во время сего бала она была милостива къ Кречетникову, но послѣ ужина, предъ отъѣздомъ, сказала ему: «Вотъ вы меня угощаете и дѣлаете празднества, а самымъ дорогимъ угостить пожалѣли». — Чѣмъ же, государыня? спросилъ Кречетниковъ, не понимая, чего могла пожелать императрица. «Чернымъ хлѣбомъ», отвѣчала она, и тутъ высказала ему свое неудовольствіе: «Я желаю знать всю правду, а отъ меня ее скрываютъ и думаютъ сдѣлать мнѣ угодное, скрывая отъ меня дурное! Здѣсь неурожай, народъ терпитъ нужду, а вы еще дѣлаете тріумфальныя ворота изъ сноповъ! Чтобы мнѣ угодить, не слѣдуетъ отъ меня таить правды, хотя бы и непріятной. Прошу это запомнить на будущее время».

Вообще императрица очень была милостива къ Кречетникову, но, вѣроятно, онъ имѣлъ недоброжелаталей, которые старались вредить ему. Впрочемъ, онъ до кончины сохранилъ бла-

горасположеніе, а пожалуй, можно сказать, что и по смерти императрица его еще жаловала. Онъ былъ пожалованъ въ графы, и это извѣстіе было привезено курьеромъ на другой день по его кончинѣ; онъ находился въ то время въ Польшѣ.

Когда мы переѣхали на жительство въ Покровское, вскорѣ послѣ кончины матушки, тамъ что-то было мало сосѣдей и изъ нихъ памятны мнѣ Рукуновы и Еропкины. Рукуновъ былъ уже очень немолодъ. Онъ былъ послѣднимъ сокольничимъ и разсказывалъ, что присутствовалъ на послѣдней соколиной охотѣ при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Онъ очень любилъ разсказывать, какъ нужно вынашивать соколовъ для охоты; много было интереснаго въ его разговорѣ и воспоминаній о разныхъ случаяхъ на охотѣ, но это все такъ давно я слышала, что все перезабыла. Одно только мнѣ памятно, что однажды на охотѣ при Елизаветѣ Петровнѣ онъ свалился съ лошади, въ присутствіи императрицы, и это вышло какъ-то такъ смѣшно, что она не могла удержаться отъ смѣха, а ему и больно, и досадно на свою неловкость...

Еропкиныхъ, и мужа, и жену, я живо помню. Петръ Дмитріевичъ былъ женатъ на Елизаветѣ Михайловнѣ Леонтьевой. Онъ прославился во время чумы въ 1771 году. Чума началась еще въ декабрѣ мѣсяцѣ 1770 года, но особенно стала свирѣпствовать въ Москвѣ въ мартѣ мѣсяцѣ. Намѣстникомъ въ Москвѣ въ то время былъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, губернаторомъ — Бахметевъ, а Юшковъ, Иванъ Ивановичъ, — оберъ-полиціймейстеромъ. Они всѣ такъ струхнули, что поскорѣе разъѣхались: Салтыковъ уѣхалъ въ свою подмосковную, въ Марѳино, тѣ тоже куда-то попрятались, такъ что Москва осталась безъ призора. Вотъ тутъ-то Еропкинъ, видя, что столица въ опасности, и рѣшился самовольно принять на себя управленіе городомъ. Императрица прислала графа Орлова, а Еропкину приказала быть его помощникомъ. Салтыкова отъ должности отставили, и это такъ его поразило, что онъ сталъ хворать и, съ годъ спустя, умеръ, можетъ быть, и раскаиваясь въ своемъ малодушіи, что не умѣлъ умереть, какъ слѣдовало, въ отправленіи своей службы, а умеръ съ позоромъ въ отставкѣ за свой побѣгъ.

Во время этой чумы въ Москвѣ сдѣлался бунтъ въ народѣ изъ-за иконы Боголюбской, что̀ у Варварскихъ воротъ. Предъ

нею стали много служить молебновъ, а тогдашній архіерей Амвросій, опасаясь, чтобъ и здоровые люди, будучи въ толпѣ съ чумными, не заражались, изъ предосторожности велѣлъ икону убрать. Вотъ за это-то народъ и озлобился на него. Онъ жилъ тогда въ Чудовѣ монастырѣ. Узнавъ, что народъ его ищетъ, онъ поскорѣе уѣхалъ въ Даниловъ монастырь; мятежники бросились туда. Онъ въ Донской монастырь, гдѣ шла обѣдня, и прямо въ церковь, которую заперли. Двери народъ выломалъ, ворвался въ церковь: ищутъ архіерея — нигдѣ нѣтъ, и хотѣли было идти назадъ, да кто-то подсмотрѣлъ, что изъ-за картины, бывшей на хорахъ, видны ноги, и крикнулъ: «Вонъ гдѣ онъ».

Стащили его сверху, вывели за ограду; тамъ его терзали, мучили и убили. Убилъ его, говорятъ, пьяный поваръ Раевскаго. Въ то время многіе винили преосвященнаго, что онъ оторопѣлъ и сталъ прятаться; ему слѣдовало дождаться народа въ Чудовѣ монастырѣ и встрѣтить бунтовщиковъ, будучи въ архіерейскомъ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ: едва ли бы кто рѣшился поднять на него руку. Конечно, такова была воля Божія, чтобъ онъ получилъ мученическій вѣнецъ, но жаль, что, по малодушію своему, онъ не усмирилъ народъ, а устрашился его и чрезъ то самъ пострадалъ. Усмирять народъ пришлось Еропкину. Государыня прислала ему Андреевскую ленту и хотѣла пожаловать нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ, но Петръ Дмитріевичъ обрадовался лентѣ, а вотчинъ не принялъ: «Насъ съ женой только двое, дѣтей у насъ нѣтъ, состояніе имѣемъ; къ чему же намъ еще набирать себѣ лишнее».

Онъ имѣлъ свой домъ на Остоженкѣ, тотъ самый, гдѣ теперь Коммерческое Училище, отчего и переулки, что̀ возлѣ, называются: одинъ—Малый Еропкинскій, другой — Большой Еропкинскій. Когда въ послѣдствіи Петръ Дмитріевичъ былъ сдѣланъ московскимъ главнокомандующимъ (1786—1790 г.), онъ не захотѣлъ переѣхать въ казенный домъ, а остался жить въ своемъ, и денегъ, отпускаемыхъ изъ казны на угощенія, не принималъ. Во время посѣщенія императрицею Екатериною II Москвы, онъ давалъ ей праздникъ у себя въ домѣ, и когда она его спросила: «что̀ я могу для васъ сдѣлать, я желала бы васъ наградить», онъ отвѣчалъ:

— Матушка государыня, доволенъ твоими богатыми милостями, я награжденъ не по заслугамъ: андреевскій кавалеръ и начальникъ столицы, заслуживаю ли я этого?

Императрица не удовольствовалась этимъ отвѣтомъ и опять ему говоритъ:

— Вы ничего не берете на угощеніе Москвы, а между тѣмъ, у васъ открытый столъ: не задолжали ли вы? я заплатила бы ваши долги.

Онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, государыня, я тяну ножки по одежкѣ, долговъ не имѣю, а чтò имѣю, тѣмъ угощаю, милости просимъ кому угодно моего хлѣба-соли откушать. Да и статочное ли дѣло, матушка государыня, мы будемъ должать, а ты, матушка, станешь за насъ платить деньги; нѣтъ, это не приходится такъ.

Видя, что Еропкину дать нечего, императрица прислала его женѣ орденъ Св. Екатерины. До поступленія въ должность главнокомандующаго Москвы и потомъ, когда, за старостью лѣтъ, онъ отказался отъ службы, Петръ Дмитріевичъ и жена его живали у насъ по сосѣдству и бывали у батюшки. Онъ никогда не пріѣзжалъ, не прославъ освѣдомиться, батюшка дома ли, и ежели посланный узнаетъ, что дома, то велитъ доложить, что Петръ Дмитріевичъ и Елизавета Михайловна приказали узнать о здоровьѣ и спросить: можно ли ихъ принять тогда-то?

Этого мало: пріѣдетъ Петръ Дмитріевичъ цугомъ въ шорахъ, съ верховымъ впереди, и остановится у воротъ, а верховой трубитъ въ рожокъ, и когда выйдутъ и отворятъ ворота и тоже изъ рожка отвѣтятъ съ крыльца, тогда онъ въѣдетъ.

Онъ былъ высокаго роста, очень худощавый, нѣсколько сгорбленный, весьма пріятной наружности, и кто его помнилъ смолоду, сказывали, что онъ былъ красавцемъ. Глаза у него были большіе, очень зоркіе и довольно впалые, носъ орлиный; онъ пудрился, носилъ пучокъ и былъ причесанъ въ три локона (à trois marteaux). Онъ былъ очень уменъ, благороденъ и безкорыстенъ, какъ немногіе; въ разговорѣ очень воздерженъ, въ обхожденіи простъ и безо всякой кичливости, чѣмъ доказывалъ, что вполнѣ заслуживалъ наградъ, которыя получилъ.

Жена его, Елизавета Михайловна, была удивительной доброты и не могла видѣть ни чьихъ слезъ, чтобы не постараться утѣшить, и когда дѣлала кому добро, то первый уговоръ ея былъ, чтобъ это оставалось тайной. Разсказывали въ то время, что одна сосѣдка пріѣхала къ Елизаветѣ Михайловнѣ и убивается, плачетъ, что у ея сына пропали казенныя деньги (какъ это случилось, я теперь ужь не умѣю передать) и что ежели онъ не внесетъ, то его мало что изъ полка выгонятъ, еще сошлютъ.

Еропкина стала сперва спрашивать:

— Да что̀ твой сынъ-то, мать моя, не мотишка ли, или, можетъ статься, не въ карты ли онъ проигралъ?..

И когда она увѣрилась, что это было не по собственной винѣ сына этой сосѣдки, а по несчастному случаю, принялась утѣшать ее:

— Да ты, голубка, не плачь, помолись Богу, Богъ-то и пошлетъ невидимо. А много ли пропало-то у него? спросила она.

— Много, матушка, очень много, и не выговоришь—пять тысячъ!..

— А-а-а! Эка бѣда какая, и подлинно, что не мало, легко ли сколько! Я готова бы тебѣ помочь, да ужь это больно много... А вотъ погоди плакать-то, обожди здѣсь меня, сама становись на молитву, а я пойду посчитаю, увижу, чѣмъ могу тебѣ помочь.

И пошла къ себѣ. Выходитъ немного погодя.

— Ну что̀, молилась ли Богу, голубка моя? спрашиваетъ сосѣдку.

— Молилась, моя родная.

— Ну, пойдемъ же ко мнѣ...

Привела ее въ свою комнату и говоритъ ей:

— Положи три поклона земныхъ предъ образами и бери, что завернуто въ бумагу подъ образомъ, только не развертывай и не смотри, пока домой не вернешься.

Та ей въ ноги благодарить.

— Постой, постой, выслушай, что̀ я тебѣ скажу: поклянись предъ образомъ, слышишь, что ты никому не скажешь, что я тебѣ въ бѣдѣ пособила; а то начнутъ благовѣстить, что Еропкина деньги раздаетъ. Сохрани тебя Богъ, ежели я

только узнаю, что ты про меня болтаешь, тогда ко мнѣ и на глаза не кажись.

Она продержала гостью у себя весь день, и какъ той ни хотѣлось посмотрѣть, что́ завернуто въ бумагу, ослушаться не смѣла. Прiѣзжаетъ домой, смотритъ — 5,000 рублей! Можно себѣ представить ея радость. Она сдержала слово, и пока Еропкина была жива — никому не разсказывала и открыла это уже послѣ ея смерти.

Это одинъ случай, который я запомнила, а ихъ было много, потому что она дѣлала много добра.

И про Петра Дмитрiевича припомнила я еще одинъ случай, очень замѣчательный.

У него былъ прiятель Собакинъ; ка̀къ по имени — не запомню, знаю только, что они во время чумы вмѣстѣ служили въ Москвѣ. Собакинъ былъ бездѣтный, все имѣнiе слѣдовало его родному племяннику (сыну нашей родственницы Соковниной, бывшей за Собакинымъ). Дядя разсердился на племянника и вздумалъ лишить его наслѣдства. Прiѣхалъ къ Еропкину.

— Я, братецъ мой, къ тебѣ съ просьбой: ты знаешь, я тебя люблю, дѣтей у меня нѣтъ, желаю отдать тебѣ все свое имѣнiе.

— А твой племянникъ? спросилъ Еропкинъ.

— Мерзавецъ, мотишка, ждетъ моей смерти! Ничего ему не оставлю.

— Ну, какъ угодно, а я не приму, у меня тоже нѣтъ дѣтей...

— Такъ ты, стало быть, отказываешься? спрашиваетъ Собакинъ.

— Отказываюсь.

— Ну, хорошо; жаль, что тебя прежде не зналъ.

Друзья пересорились и разстались.

Какъ Собакинъ уѣхалъ, и думаетъ Еропкинъ: «Глупо я сдѣлалъ, что отказался; онъ, пожалуй, другому кому-нибудь отдастъ, и племянникъ тогда и взаправду всего лишится». Поѣхалъ къ Собакину.

— Прости меня, что я съ тобою погорячился и не принялъ, что́ ты мнѣ отдавалъ по дружбѣ.

— Стало-быть, ты готовъ теперь принять?

— Да, не откажусь.

— Ну, ладно, помиримся.

Итакъ, все имѣніе Собакинъ и передалъ по купчей Еропкину. Умеръ Собакинъ. Еропкинъ посылаетъ извѣстить племянника, что дядя умеръ, чтобъ ѣхалъ его хоронить. «Это меня не касается; кто получилъ имѣніе, тотъ и хорони, я не наслѣдникъ». Тогда Еропкинъ объяснилъ племяннику, отчего онъ рѣшился взять имѣніе: «опасался, чтобы дядя не отдалъ другому». И возвратилъ имѣніе племяннику. Этого звали Петръ Александровичъ, а его мать была Наталья Петровна, урожденная Соковнина, и приходилась двоюродною сестрой моей свекрови Яньковой.

Когда Еропкины живали въ Москвѣ, у нихъ былъ открытый столъ, т.-е., къ нимъ приходили обѣдать ежедневно кто хотѣлъ, будь только опрятно одѣтъ и веди себя за столомъ чинно; и сколько бы за столомъ ни сѣло человѣкъ, всегда для всѣхъ доставало кушанья: вотъ какъ въ то время умѣли жить знатные господа!

IX.

Въ 1792 году скончалась бабушка, княгиня Анна Ивановна Щербатова. Она больше все жила въ деревнѣ, въ селѣ Сясковѣ, тоже Калужской губерніи. Это было ея собственное имѣніе, приданое. Тетушка, графиня Александра Николаевна Толстая, жила съ бабушкой. Мужъ ея, графъ Степанъ Ѳедоровичъ, когда женился, былъ уже не молодъ и былъ бригадиромъ. У него всего состоянія и было только: золоченая двухмѣстная карета и пара пѣго-чалыхъ лошадей, а тетушка также, какъ и матушка, получила въ приданое 1,000 душъ.

Бабушка-княгиня была очень мала ростомъ, ходила всегда въ черномъ платьѣ, какъ вдова, и на головѣ носила не чепецъ, а просто шелковый платокъ. Одинъ только разъ и случилось мнѣ видѣть бабушку во всемъ парадѣ; она заѣхала къ намъ въ Москвѣ откуда-то съ обѣда свадебнаго, или со свадьбы: на ней было платье съ золотою сѣткой и нарядный чепецъ съ бѣлыми лентами. Мы были еще всѣ дѣтьми, выбѣжали къ ней на встрѣчу и, увидѣвъ ее въ необыкновенномъ нарядѣ, стали прыгать предъ ней и кричать:

«Бабушка въ чепцѣ! Бабушка въ чепцѣ»!

Она прогнѣвалась на насъ за это:

— Ахъ вы дуры, дѣвченки! Что́ за диковинка, что я въ чепцѣ? Бабушка въ чепцѣ! А вы думали, что ужь я и чепца надѣть не умѣю... Вотъ я вамъ уши за это надеру...

Пришелъ батюшка, она ему и жалуется на насъ:

— Дуры-то твои выбѣжали ко мнѣ и ну кричать: бабушка въ чепцѣ! Знать ты мало имъ уши дерешь, что онѣ старшихъ не почитаютъ.

Батюшка сталъ успокоивать ее: «Матушка, не извольте на нихъ гнѣваться, дѣти глупы, ничего еще не смыслятъ».

Послѣ, какъ бабушка уѣхала, ужь и досталась же намъ отъ батюшки гонка за это; тогда мнѣ было едва ли больше пяти лѣтъ.

Мы ѣзжали къ бабушкѣ Щербатовой въ деревню и послѣ матушкиной кончины у нея долго гостили, да и прежде гащивали въ Сясковѣ по нѣскольку денъ. Случалось это почти всегда осенью, потому что принаравливали, чтобы попасть къ бабушкинымъ именинамъ, сентября 9-го. Ей въ честь и названа была младшая моя сестра Анной, а мнѣ имя Елизаветы дано въ честь Зимковой, которая чуть ли и не крестила батюшку. Бабушка вставала рано и кушала въ полдень; ну, стало быть, и мы должны были вставать еще раньше, чтобы быть уже наготовѣ, когда бабушка выйдетъ. Потомъ до обѣда сидимъ, бывало, въ гостиной предъ нею на вытяжкѣ, молчимъ, ждемъ, что бабушка спроситъ у насъ что-нибудь; когда спрашиваетъ, встанешь и отвѣчаешь стоя, и ждешь, чтобъ она сказала опять: «ну, садись». Это значитъ, что она больше съ тобой разговаривать не будетъ. Бывало, и при батюшкѣ, и при матушкѣ никогда не смѣешь сѣсть, пока кто-нибудь не скажетъ: «что̀ же ты стоишь, Елизавета, садись». Тогда только и сядешь.

Послѣ обѣда бабушка отдыхала, а намъ и скажетъ: «Ну, дѣтушки, вамъ, чай, скучно со старухой, все сидите на вытяжкѣ; подите-ка, мои свѣты, въ садъ, позабавьтесь тамъ, поищите, не найдется ли бранцевъ, а я семъ-ка лягу отдохнуть».

Знаешь ли, что такое значитъ: бранцы? Это самые спѣлые орѣхи, которые остаются, по недосмотру, на кустахъ въ

то время, когда орѣхи берутъ. Потомъ они дозрѣваютъ и съ кустовъ падаютъ на землю; это самые вкусные орѣхи, потому что дозрѣютъ.

Въ Сясковѣ въ то время садъ былъ пребольшой, цвѣтниковъ было мало, да и цвѣтовъ тогда такихъ хорошихъ, какъ теперь, не бывало: розаны махровые, шиповникъ, касатики, нарцисы, барская спѣсь, піоны, жонкили. Сады бывали все больше фруктовые: яблоки, груши, вишни, сливы, чернослива и почти вездѣ орѣховыя аллеи. Теперь нѣтъ и такихъ сортовъ яблоковъ, какіе я въ молодости ѣдала; были у батюшки въ Бобровѣ: мордочка, небольшое длинное яблоко, кверху узкое, точно какъ мордочка какого-нибудь звѣрька, и звонокъ, — круглое, плоское, и когда совсѣмъ поспѣетъ, то зернышки точно въ гремушкѣ гремятъ. Теперь этихъ сортовъ и не знаютъ: когда брату Михаилу Петровичу досталось Боброво, какъ мнѣ хотѣлось достать прививокъ съ этихъ яблонь; искали — не нашли, говорятъ, померзли.

Въ Сясковѣ было тоже много яблоней и всякихъ ягодъ и предлинныя орѣховыя аллеи: цѣло ли теперь все это? Съ тѣхъ поръ прошло болѣе семидесяти пяти лѣтъ!..

Бабушка Щербатова была очень богомольна, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень суевѣрна и имѣла множество примѣтъ, которымъ вѣрила. По тогдашнему это было не такъ странно, а теперь и вспомнить смѣшно, чего она боялась, моя голубушка! Такъ, напримѣръ: ежели она увидитъ нитку на полу, всегда ее обойдетъ, потому что «Богъ вѣсть, кѣмъ положена эта нить, и не съ умысломъ ли какимъ»? Если кругъ на пескѣ гдѣ-нибудь въ саду отъ лейки или отъ ведра, никогда не перешагнетъ черезъ него: «Не хорошо, лишаи будутъ». Подъ первое число каждаго мѣсяца ходила подслушивать у дверей дѣвичьей, и по тому, какое услышитъ слово, заключала — благополученъ ли будетъ мѣсяцъ или нѣтъ. Впрочемъ, дѣвушки знали ея слабость и когда заслышатъ, что княгиня шаркаетъ ножками, [illegible] заведутъ такую рѣчь, которую [illegible] къ благополучію, а [illegible] чтобы захватить [illegible]

— [illegible]

[illegible], какъ она

вошла, и нагородятъ ей всякаго вздора и потомъ прибавятъ:

— Это, государыня княгиня, знать къ благополучію.

А ежели она услышитъ что-нибудь нескладное, плюнетъ и пойдетъ назадъ.

Иногда придетъ и скажетъ тетушкѣ: «Алексашенька, вотъ что̀ я слышала», и станетъ ей разсказывать, и потомъ вмѣстѣ перетолковываютъ, значитъ ли это слово къ благополучію или не къ добру.

Она вѣрила колдовству, глазу, оборотнямъ, русалкамъ, лѣшимъ; думала, что можно испортить человѣка, и имѣла множество разныхъ примѣтъ, которыхъ я теперь и не упомню.

Зимой, когда запушитъ окна, разсматривала узоры и по фигурамъ тоже судила: къ добру или не къ добру.

Тетушка, графиня Толстая, которая до самой кончины ея все жила съ нею вмѣстѣ, много понабралась онъ нея примѣтъ и имѣла большія странности.

Очень понятно: живали въ деревнѣ, занятій не было, вотъ онѣ сидятъ и придумываютъ себѣ всякую всячину. У матушки было очень мало этихъ предразсудковъ, а батюшка вовсе имъ не былъ подверженъ.

Вообще скажу про батюшку, что онъ во всемъ былъ рѣдкимъ человѣкомъ по своему времени: благочестивъ и богомоленъ, но ни мало не суевѣренъ; воздерженъ и въ пищѣ, и питіи; честенъ, безкорыстенъ, но бережливъ безъ малѣйшей скупости; привѣтливъ съ каждымъ, но гордымъ не давалъ потачки. Такъ, напримѣръ: когда мы переѣхали жить въ Покровское, такъ какъ оно было Тульской губерніи, то батюшка и заблагоразсудилъ познакомиться съ губернаторомъ, съ княземъ Петромъ Петровичемъ Долгорукимъ.

Должно-быть, князь думалъ, что батюшка, какъ многіе дворяне, очень благоговѣетъ предъ княжескимъ титуломъ, и вздумалъ было его принять немного свысока.

Онъ вышелъ къ батюшкѣ и первое спрашиваетъ его: «Что̀ вамъ угодно?»

Батюшку это покоробило, однако, онъ смолчалъ: ждетъ, что князь ему предложитъ сѣсть; князь все стоитъ. Тогда батюшка и говоритъ ему: «Сперва, сядемте, князь, тогда я вамъ скажу, за чѣмъ я пріѣхалъ», и сѣлъ.

— Вотъ теперь я скажу вамъ, что̀ мнѣ угодно. Вы вѣрно думаете, что я пріѣхалъ къ вамъ просителемъ, или по дѣламъ? Очень ошиблись. Я сюда пріѣхалъ жить въ свое имѣніе, а такъ такъ вы начальникъ губерніи, то считалъ своимъ долгомъ сдѣлать вамъ изъ вѣжливости визитъ; да, мнѣ было угодно отдать вамъ честь, посѣтить васъ, какъ одинъ дворянинъ посѣщаетъ другого дворянина, а вы вообразили, что я къ вамъ явился просителемъ? Очень ошиблись, ваше сіятельство.

Князь былъ горденекъ и, должно-быть, не очень смышленъ. Онъ совершенно растерялся, видя предъ собою равнаго себѣ, а не униженнаго слугу и пресмыкателя; сталъ извиняться и совершенно перемѣнилъ тонъ. Батюшка посидѣлъ у него нѣсколько минутъ, холодно и сухо съ нимъ простился и послѣ того никогда у него уже не бывалъ и о немъ всегда говаривалъ: «Надутый пузырь и гордый глупецъ; моя нога никогда у него не будетъ».

Въ послѣдствіи, мой второй братъ женился на дочери этого Долгорукова; это было уже послѣ кончины батюшки, а при его жизни, конечно бы онъ брака не дозволилъ.

Отправляя моихъ двухъ братьевъ на службу, батюшка имъ сказалъ: «Помните слова вашего отца: будьте усердны къ Богу, вѣрны государынѣ, будьте честными людьми, ни на что не напрашивайтесь и ни отъ чего не отказывайтесь, и паче всего будьте осторожны въ словѣ; я самъ много пострадалъ чрезъ неумѣренность моего языка, онъ мнѣ много повредилъ».

Братья давно были записаны въ полкъ, а жили дома, какъ это тогда водилось, и, поступивъ капралами въ Преображенскій полкъ, скоро были произведены въ офицеры.

Старшему моему брату было шестнадцать лѣтъ, меньшому четырнадцать, когда они поѣхали въ Петербургъ.

Изъ числа матушкиныхъ родныхъ по Мещерскимъ, я помню, что къ намъ ѣзжали Ергольскіе: одинъ былъ по отчеству Тимоѳеичъ, другой Гурычъ; оба они были бабушки княгини Анны Ивановны двоюродные братья. Кромѣ того, были и Мещерскіе родные: князь Борисъ и князь Павелъ Ивановичи [1]).

[1]) Князья Борисъ, Павелъ и Алексѣй Ивановичи и сестра ихъ, княжна Анна Ивановна (по замужеству Безобразова), были дѣти князя Ивана Ни-

Они доводились матушкѣ внучатыми братьями. Князь Борисъ Ивановичъ былъ женатъ на Евдокіѣ Николаевнѣ Тютчевой (въ послѣдствіи игуменья Евгенія, послѣ смерти мужа основавшая Аносинъ-Борисоглѣбскій монастырь). Ея дочь была за Семеномъ Николаевичемъ Озеровымъ; вотъ почему намъ Озеровы и родня. У Павла Ивановича было два сына: князь Алексѣй Павловичъ, умеръ холостымъ, и князь Андрей Павловичъ, былъ женатъ и оставилъ сколько-то дѣтей, а сестра ихъ, Софья Павловна, была за Александромъ Дмитріевичемъ Чертковымъ.

Еще помню, что ѣздилъ къ матушкѣ троюродный дядя, князь Тюфякинъ, а видала ли я его и какъ звали, не помню: съ тѣхъ поръ прошло ежели не восемьдесятъ пять лѣтъ, такъ уже навѣрное восемьдесятъ.

Изъ матушкиныхъ родныхъ съ отцовской стороны, т. е., по Щербатовымъ, были у нея тоже двоюродные дяди Салтыковы: Сергѣй Васильевичъ, женатый на Матренѣ Павловнѣ Балкъ (онъ былъ гдѣ-то потомъ посланникомъ и все больше жилъ за границей), и братъ его Александръ Васильевичъ, который былъ два раза женатъ — на Вельяминовой и на Трегубовой. У нихъ было три сестры: одна за Адамомъ Олсуфьевымъ, другая за Голицынымъ, а третья, помнится, за Измайловымъ. Помню только одни имена, а больше о нихъ ничего сказать не умѣю.

Изъ Щербатовыхъ самая близкая родственница наша была дѣдушки, князя Николая Осиповича, родная по отцу сестра, княгиня Варвара Осиповна Долгорукая, но она къ намъ не ѣзжала, потому что дѣдушка былъ съ нею не въ ладахъ, и вотъ отчего.

Дѣдушкинъ отецъ, князь Осипъ Ивановичъ Щербатовъ, былъ женатъ два раза. Въ первый разъ на Марьѣ Васильевнѣ Соковниной; отъ этого брака родились княжна Варвара и князь Сергѣй; а потомъ женился на Аграфенѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой, и отъ нея былъ только одинъ сынъ — дѣдушка. По смерти

каноровича. Князь Алексѣй оставилъ двухъ сыновей—Никанора и Ивана; у Ивана, женатаго на Ергольской, была дочь Анна Ивановна, за княземъ Николаемъ Осиповичемъ Щербатовымъ; у нихъ двѣ дочери: Аграфена (Римская-Корсакова) и Александра (графиня Толстая).

отца, онъ остался, ежели не малолѣтенъ, то очень еще молодъ, и старшая въ домѣ сестра, княжна Варвара, всѣмъ заправляла и все больше радѣла брату Сергѣю, да и при раздѣлѣ отцовскаго имѣнія тоже, говорятъ, не совсѣмъ по совѣсти дѣйствовала. Отъ этого у дѣдушки и осталась заноза въ сердцѣ, и когда онъ возмужалъ, то и пересталъ видаться со своею сестрой и съ Долгорукими не очень ладилъ. Подробностей я не помню, да оно и лучше, когда о семейныхъ раздорахъ забывается: помни что̀ хорошо, а что̀ дурно—спѣши позабыть.

Родная моя тетка, матушкина сестра, графиня Александра Николаевна Толстая, жена графа Степана Өедоровича, была на тринадцать лѣтъ моложе матушки. Она всегда матушкѣ говорила «вы» и очень ее уважала; съ батюшкой и она, и ея мужъ были дружны и къ намъ родственно расположены. Тетушка получила въ приданое 1.000 душъ и ту деревню, село Сясково, гдѣ жила и скончалась бабушка. Дядюшка, графъ Степанъ Өедоровичъ, былъ человѣкъ очень разсчетливый и смѣтливый, онъ и то берегъ, что̀ имѣлъ, да и умѣлъ копить и наживать: покупалъ имѣнія дешево и бралъ хорошую потомъ цѣну, и когда скончался въ 1804 году, то у нихъ было чуть ли уже не 4,000 душъ крестьянъ [1]). У него была сестра Варвара Өедоровна, замужемъ за Дохтуровымъ (по имени его звали Аөанасіемъ, а какъ по отцѣ, не знаю), имѣла сына и двухъ дочерей: Марью и Варвару Аөанасьевенъ.

А у тетушки, графини Александры Николаевны, было двѣнадцать человѣкъ дѣтей—девять сыновей и три дочери. Старшая, Елизавета Степановна, была за графомъ Григоріемъ Сергѣевичемъ Салтыковымъ и имѣла отъ него единственную дочь Александру Григорьевну, которая была за Павломъ Ивановичемъ Колошинымъ [2]).

---

[1]) Графъ Степанъ Өедоровичъ былъ знакомъ съ преосвященнымъ Тихономъ, епископомъ Задонскимъ, находился съ нимъ въ перепискѣ и имѣлъ много его собственноручныхъ писемъ. Когда онъ сдѣлался нездоровъ, то завѣщалъ похоронить себя въ Задонскѣ возлѣ той церкви, гдѣ было погребено тѣло преосвященнаго Тихона, что̀ и исполнили.

[2]) У Колошиныхъ было три сына и двѣ дочери:

1) Сергѣй Павловичъ, литераторъ, родился въ 1823 году, скончался въ 1863 году во Флоренціи.

2) Дмитрій Павловичъ, родился 14-го апрѣля 1827 года, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

3) Валентинъ Павловичъ, убитъ въ 1855 году при осадѣ Севастополя.

Вторая сестра, графиня Аграфена Степановна, была помолвлена въ молодости (за Фаминцына), но ея женихъ умеръ.

Третья сестра, Марья Степановна, вышла за Василія Алексѣевича Толстого, не графа, который ей приходился какъ-то дальнимъ родственникомъ [1]).

Перечисливъ всѣхъ матушкиныхъ родныхъ, доскажу о родныхъ по Корсаковымъ: о Корсаковыхъ, Волконскихъ и Татищевыхъ. Батюшкина сестра, княгиня Марья Михайловна [2]), имѣла только двухъ сыновей: князя Дмитрія Михайловича [3]) и князя Владиміра Михайловича [4]).

Князь Дмитрій былъ гораздо старѣе меня, лѣтъ на десять, если не болѣе. Онъ былъ высокаго роста, очень уменъ, любезенъ и добръ, но очень нехорошъ собою и отъ оспы имѣлъ лицо рябое. Служилъ, навѣрное не знаю, не то въ Семенов-

---

Александра Павловна родилась въ 1824 году, умерла въ 1848 году отъ холеры.

Софья Павловна родилась въ 1828 году, 22-го августа.

Александра Григорьевна и Павелъ Ивановичъ Колошины погребены въ Москвѣ, въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ.

[1]) У Марьи Степановны Толстой дѣти:

Николай Васильевичъ, умеръ бездѣтнымъ.

Виталій Васильевичъ, отъ брака съ дѣвицей Булыгиной, имѣетъ дочь Александру.

Василій Васильевичъ, умеръ бездѣтнымъ.

Варвара Васильевна, въ первомъ бракѣ за Воейковымъ, во второмъ не помню за кѣмъ.

Александра Васильевна, за Сомовымъ; оба умерли бездѣтны.

Екатерина Васильевна, за Николаемъ Осиповичемъ Бове; два сына и дочь.

Марья Васильевна, дѣвица; умерла въ Калугѣ.

Марья Степановна, умерла въ 1874 году въ Калугѣ.

[2]) Марья Михайловна Римская-Корсакова родилась 9-го января 1736 года, скончалась 6-го августа 1786 года, была замужемъ за княземъ Михаиломъ Петровичемъ Волконскимъ (оба схоронены въ московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ).

[3]) Князь Дмитрій Михайловичъ родился 5-го мая 1759 года, скончался 2-го декабря 1814 года. Жена его, Марѳа Никитична Зыбина, родилась 28-го іюля 1766 года, скончалась 28-го іюля 1816 года; оба схоронены въ московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ.

[4]) Князь Владиміръ-Прокопій Михайловичъ родился 8-го іюля 1761 года, скончался 17-го іюня 1845 года, схороненъ въ московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ.

скомъ, не то въ Преображенскомъ полку; вышелъ въ отставку полковникомъ, долгое время былъ безъ службы, женился на Зыбиной и поступилъ опять на службу, но только уже не въ военную: онъ былъ директоромъ въ Павловскомъ, которое такъ любила императрица Марія Θеодоровна. Жена князя Дмитрія имѣла ужасный характеръ, вспыльчивый и жестокій, и хотя она и любила своего мужа, но много причиняла ему печали своею запальчивостію, которая доходила до того, что она бывало какъ разсердится, то поблѣднѣетъ, то вспыхнетъ, то сдѣлается вся полосатая; выступитъ потъ на лицѣ, пѣна у рта, и даже иногда такое бѣшенство оканчивалось у нея обморокомъ. Болѣе всего отъ нея страдалала несчастная прислуга, въ особенности, когда мужа ея не бывало дома и потомъ, когда онъ умеръ. Признаюсь, я всегда опасалась за нее: ожидала, что съ ней что-нибудь сдѣлаютъ. У нихъ было трое дѣтей: два сына, Модестъ и Вячеславъ, и дочь Зинаида, была замужемъ за Ланскимъ, Петромъ Сергѣевичемъ, сыномъ Елизаветы Ивановны, урожденной Вилламовой, сестры извѣстнаго въ свое время статсъ-секретаря. Всѣ дѣти князя Дмитрія были характеромъ въ мать. Модестъ, умершій въ первой молодости, лѣтъ 16 или 17, былъ бы ужаснымъ человѣкомъ, ежели бы Господь не взялъ его благовременно. Зинаида была тоже предурнаго характера и много дѣлала горя своей добрѣйшей и милѣйшей свекрови Елизаветѣ Ивановнѣ.

О Корсаковыхъ: тетушкѣ Марьѣ Семеновнѣ, о ея дочеряхъ — Екатеринѣ Александровнѣ Архаровой и Елизаветѣ Александровнѣ Ржевской и о братѣ ихъ Николаѣ Александровичѣ я, кажется, уже много говорила, но не досказала еще, что у дѣдушки Михаила Александровича была сестра Марья Андреевна за княземъ Мещерскимъ, и у этой Мещерской было нѣсколько дочерей, изъ которыхъ одна была замужемъ за Ильинымъ. Отецъ и мать не желали этого брака; тогда княжна обратилась съ просьбой къ своему дядѣ, то-есть, къ моему дѣдушкѣ, Михаилу Андреевичу. Онъ сперва уговаривалъ Мещерскихъ, чтобъ они позволили дочери выйти замужъ, тѣ не хотѣли объ этомъ и слышать; тогда онъ помогъ племянницѣ бѣжать и даже благословилъ ее образомъ Спасителя. У Ильиныхъ была только одна дочь, Елизавета Андреевна, которая меня очень любила; она умерла дѣвицей и, умирая, оста-

вила мнѣ образъ, которымъ благословлялъ ея мать мой дѣдушка.

Въ то время побѣгъ считался великимъ позоромъ, и потому Мещерскіе не очень долюбливали Ильину, вспоминая, что ея мать не вышла замужъ, а бѣжала.

Изъ Татищевыхъ теперь никого уже не осталось въ живыхъ, я всѣхъ пережила, а было у насъ въ Москвѣ три родственные близкіе дома:

1) Аграфена Ѳедотовна Татищева, урожденная Каменская (сестра графа Михаила Ѳедотовича, пожалованнаго при императорѣ Павлѣ въ графы и фельдмаршалы), была третьею женой батюшкинаго родного дяди, Евграфа Васильевича. Батюшка ее очень уважалъ, и до самой смерти своей она была ко мнѣ и ко всѣмъ намъ очень хорошо расположена. Ея домъ былъ на Тверскомъ бульварѣ; на дворѣ, съ двумя большими флигелями: тотъ, который на переулокъ, съ круглымъ угломъ [1]).

Отъ первой жены своей, дѣдушка Евграфъ Васильевичъ, сынъ Василія Никитича и братъ Евпраксіи Васильевны Римской-Корсаковой, имѣлъ только одного сына, дядюшку Ростислава Евграфовича, жившаго въ дѣтствѣ при дѣдѣ своемъ, Василіѣ Никитичѣ, въ Болдинѣ. Эта первая жена Евграфа Васильевича была Зиновьева. Вторая его жена, Наталья Ивановна, была по себѣ баронесса Черкасова и оставила только одну дочь — Анну, которая была за Ахлестышевымъ; а отъ третьей жены было четыре сына и четыре дочери.

Старшему сыну своему отъ первой жены, Ростиславу Евграфовичу, дѣдушка отдалъ свой каменный домъ на Петровскомъ бульварѣ [2]), рядомъ съ Петровскимъ монастыремъ, и въ этомъ домѣ онъ дѣлалъ балъ и принималъ великаго князя Павла Петровича. Это было, не знаю навѣрно, въ которомъ году, но думаю, или въ концѣ семидесятыхъ годовъ, или въ 1780, потому что въ восемьдесятъ первомъ году онъ скончался. Въ этомъ домѣ была зала довольно высокая, но очень узенькая, съ зеркальными дверьми и зеркальными окнами,

---

[1]) Нынѣ это домъ княгини Ухтомской и тамъ адресная контора.

[2]) Этотъ домъ Р. Е. Татищевъ отдалъ своей дочери Елизаветѣ Ростиславовнѣ, бывшей въ замужствѣ за княземъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Вяземскимъ; она отдала его своей дочери Варварѣ Сергѣевнѣ Ершовой, которая и продала его г. Катуару.

что̀ по тому времени, когда зеркала были въ диковинку, считалось очень хорошо и нарядно.

2) Ростиславъ Евграфовичъ Татищевъ, двоюродный братъ батюшки, былъ съ нимъ очень друженъ, и батюшка, по его просьбѣ, подарилъ ему портретъ своего и его дѣда, Василія Никитича Татищева; этотъ портретъ теперь принадлежитъ Ершовой, Варварѣ Сергѣевнѣ. Дядюшка былъ также женатъ три раза: на Бакуниной, на Грязновой и на княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ Гагариной. Отъ первыхъ двухъ женъ онъ имѣлъ по одной дочери: Александра Ростиславовна была за Похвисневымъ, а младшая, Елизавета Ростиславовна, за княземъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Вяземскимъ, который былъ съ нею въ близкомъ свойствѣ, потому что былъ роднымъ племянникомъ Аграфенѣ Ѳедотовнѣ Татищевой, будучи сыномъ ея родной сестры, Анны Ѳедотовны.

Двоюродный братъ князя Сергѣя Сергѣевича, князь Николай Семеновичъ, былъ женатъ впослѣдствіи на моей сестрѣ, Александрѣ Петровнѣ; объ этомъ я разскажу послѣ.

3) Третій домъ Татищевыхъ былъ рядомъ съ домомъ Пашковыхъ, съ одной стороны, и съ домомъ Нарышкиныхъ, съ другой. Тутъ жилъ дядюшка Алексѣй Евграфовичъ, женатый на Марьѣ Степановнѣ Ржевской, дочери Степана Матвѣевича, женатаго на баронессѣ Строгановой, Софьѣ Николаевнѣ, слѣдовательно, по Строгановымъ она была въ свойствѣ, хотя и дальнемъ, съ Татищевыми.

Имѣя сама хорошее состояніе и вышедши за человѣка богатаго, она жила очень весело, любила давать балы и маскарады: сперва, когда была молода, для себя самой, а потомъ, когда подросли ея двѣ дочери, Софья и Анна, она ихъ тѣшила, и будучи въ родствѣ едва ли не съ полъ-Москвой, почти всѣмъ говорила: mon cousin или ma cousine, и этимъ заслужила прозваніе всемірной кузины. И точно, почти всѣ, кто у нея бывали, приходились ей сродни, или по Строгановымъ и Ржевскимъ, или по Татищевымъ и Каменскимъ.

У дядюшки Алексѣя Евграфовича были отъ Марьи Степановны два сына: Николай и Никита, оба прекрасные молодые люди и оба умерли очень молоды, старшій лѣтъ двадцати пяти, а меньшой былъ полковникомъ; ни тотъ, ни другой не были женаты. Марья Степановна воспитывала сына

своей старшей дочери, бывшей во второмъ бракѣ за Савеловымъ, и этотъ внукъ подавалъ большія надежды, но умеръ преждевременно. Въ послѣдніе годы своей жизни, Марья Степановна почти никого уже не принимала и, имѣя во всемъ недостатокъ, больше жила въ Болдинѣ и тамъ умерла въ 1852 году, будучи почти восьмидесяти лѣтъ отъ рожденія.

Остальные три брата ея мужа: Никита, Василій и Михаилъ Евграфовичи, умерли неженатые. Никита и Михаилъ умерли очень молоды: одному было лѣтъ 17, другому 20, а Василій умеръ въ 1827 году, въ послѣднихъ числахъ октября мѣсяца.

Три тетушки Татищевы, Евграфовны, были замужемъ: Александра Евграфовна за Яковомъ Андреевичемъ Дашковымъ; Прасковья—за грузинскимъ царевичемъ, Леономъ Леоновичемъ, и все больше жила у себя въ ярославской деревнѣ, и Елизавета—за Новосильцевымъ, Иваномъ Филипповичемъ, и имѣла двухъ сыновей: Дмитрія Ивановича, который пошелъ въ монахи и умеръ въ Донскомъ монастырѣ, и Евграфа Ивановича, женатаго на Натальѣ Ивановнѣ Вырубовой. У нихъ сынъ Иванъ и дочь Елизавета. А двѣ дочери Елизаветы Евграфовны были замужемъ: Аграфена Ивановна за Ивинскимъ, Елизавета Ивановна—за Роговскимъ.

Екатерина Евграфовна, вторая изъ дочерей Аграфены Өедотовны, не была замужемъ и умерла въ молодыхъ лѣтахъ.

Теперь изъ этой большой семьи никого не осталось, и если есть какіе Татищевы, то и не сочтешься съ ними родствомъ.

Третья жена дядюшки Ростислава Евграфовича, урожденная княжна Гагарина, Александра Ивановна, сестра князя Сергѣя Ивановича, была прекрасна собой. Оставшись послѣ мужа молодою вдовой, она влюбилась въ учителя своихъ падчерицъ—изъ духовнаго званія, и сдѣлала непростительную глупость: вышла за него замужъ. Онъ былъ человѣкъ очень грубый и она дорого поплатилась за свое увлеченіе: мужъ ее заперъ почти безвыходно дома, и она грустно дожила свой вѣкъ взаперти, удаленная отъ своихъ родныхъ, которые, разумѣется, осуждали ее за ея безразсудство и къ ней не ѣздили, а къ нимъ ее мужъ не пускалъ, и такъ она умерла, забытая ото всѣхъ, претерпѣвая отъ грубаго семинариста самое жестокое обращеніе, потому что онъ былъ и скупъ, и,

говорятъ, бѣдную жену свою даже нерѣдко и бивалъ. Домишко ихъ былъ въ Георгіевскомъ переулкѣ, близь Спиридоновки — маленькій, деревянный, въ три окна и ворота всегда на запорѣ. Бывало, ѣдешь мимо, посмотришь и подумаешь: каково это бѣдной Александрѣ Ивановнѣ послѣ довольства и изобилія, послѣ житья въ палатахъ и въ кругу знатныхъ родныхъ и друзей, — томиться въ такой лачугѣ? Да, вотъ что̀ значитъ, какъ поддашься увлеченію безразсудной страсти! Впрочемъ, къ чести моего времени скажу, что тогда такіе случаи бывали за рѣдкость и неравные браки не были такъ часты, какъ теперь. Каждый жилъ въ своемъ кругу, имѣлъ общеніе съ людьми, равными себѣ по рожденію и по воспитанію и не братался со встрѣчнымъ и съ поперечнымъ...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Къ числу нашихъ родныхъ, не очень близкихъ, принадлежало и семейство Яньковыхъ, жившихъ въ Москвѣ. Они доводились намъ родственники по Татищевымъ, именно: отецъ моего прадѣда, Василія Никитича, Никита Алексѣевичъ, имѣлъ еще брата Ѳедора Алексѣевича, бывшаго комнатнымъ стольникомъ царицы Параскевы Ѳедоровны, невѣстки Петра I; сынъ Ѳедора Алексѣевича, Иванъ Ѳедоровичъ, двоюродный братъ моего прадѣда, былъ женатъ на Степанидѣ Алексѣевнѣ Новосильцевой и имѣлъ сына Семена Ивановича и двухъ дочерей, Анну Ивановну и Марью Ивановну, которыя доводились, стало-быть, бабушкѣ Евпраксіѣ Васильевнѣ троюродными, что̀ по нашимъ понятіямъ о родствѣ считалось еще не очень дальнимъ родствомъ. Василій Никитичъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ былъ друженъ, и когда онъ служилъ въ Сибири при горныхъ заводахъ и былъ губернаторомъ въ Оренбургѣ, то присылывалъ ему разные гостинцы: персидскіе ковры, китайскую посуду и тому подобное; многое изъ этого

и я еще застала. Бабушка считалась родствомъ съ его дѣтьми. Вотъ старшая-то дочь Ивана Θедоровича и вышла замужъ за Александра Даниловича Янькова. Яньковы были родомъ изъ Македоніи, откуда ихъ предокъ выѣхалъ отъ турецкаго утѣсненія и поселился въ Польшѣ. Ихъ было нѣсколько братьевъ: одинъ остался въ Польшѣ и назывался Яньковскій, другой братъ ушелъ въ Венгрію и сталъ писаться Яньковичъ, а двое изъ нихъ, Иванъ Васильевичъ и Θедоръ Васильевичъ, прибыли въ Россію при царѣ Θедорѣ Алексѣевичѣ. Θедоръ былъ очень ученый человѣкъ и потому былъ принятъ въ московскую славяно-греко-латинскую академію и, постригшись, сталъ называться Θеодосіемъ Яньковскимъ [1]). Онъ былъ потомъ при Петрѣ I новгородскимъ архіереемъ, короновалъ Екатерину I, былъ членомъ синода, и ежели бы Прокоповичъ не повредилъ ему, можетъ быть, онъ былъ бы и митрополитомъ, послѣ Яворскаго. Но Θеофанъ, который самъ, кажется, мѣтилъ на это мѣсто, опасался его, подыскивался подъ него, перетолковывалъ его слова и дѣйствія не въ его пользу, наводилъ императрицу Екатерину I на гнѣвъ и добился, наконецъ, что его лишили архіерейства и даже монашества и сослали куда-то въ Архангельскъ, въ монастырь.

Братъ его Иванъ Васильевичъ имѣлъ сына Даніила, который поступилъ при Петрѣ I въ военную службу и началъ называться, въ отличіе отъ другихъ своихъ родственниковъ, Яньковымъ. Онъ былъ женатъ на Дмитріевой [2]), Аннѣ Ивановнѣ, служилъ при дворѣ императрицы Анны: сперва помощникомъ гофъ-интенданта, строилъ Анненгофскій дворецъ, за что былъ пожалованъ въ маіоры и потомъ сдѣланъ гофъ-интендантомъ и, несмотря на опасное положеніе при дворѣ въ то время, когда ужасный любимецъ Анны Іоанновны Биронъ

---

[1]) Подробности о жизни преосвященнаго Θеодосія Яньковскаго см. въ книгѣ Чистовича: Θеофанъ Прокоповичъ и его время.

[2]) Ея мать, Евдокія Никифоровна Бартенева, дочь Никифора Ивановича, была замужемъ два раза: 1) за Иваномъ Юліевичемъ Дмитріевымъ (дочь Анна), 2) за Василіемъ Ивановичемъ Горскимъ (сынъ Василій). У Никифора Ивановича былъ еще сынъ въ иночествѣ Іоиль. Сестра Никифора Ивановича Дарья была за Іаковомъ Кошелевымъ; двое дѣтей: сынъ Дмитрій, дочь Ирина, за Константиномъ Дмитріевичемъ Есауловымъ, три сына: Давидъ, Іосифъ, Θедоръ.

дѣлалъ, что хотѣлъ, онъ, однако, удержался на своемъ мѣстѣ до конца жизни, скончался въ Петербургѣ въ 1738 году и былъ положенъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Ему особенно покровительствовалъ графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, который въ свое время былъ сильнымъ человѣкомъ.

Незадолго до кончины своей, Данила Ивановичъ отдалъ замужъ свою старшую дочь Анну за Адріана Лукьяновича Толмачева. Вдова его Анна Ивановна осталась съ двумя дѣтьми: сыномъ Александромъ Даниловичемъ, которому былъ восьмнадцатый годъ, и съ дочерью Ольгой, лѣтъ одиннадцати.

Воспитаніе своему сыну Александру Яньковъ далъ самое хорошее: онъ прекрасно говорилъ и писалъ по-французски и по-нѣмецки, учился итальянскому языку и португальскому, изучалъ разныя науки, исторію, математику, астрономію и морское плаваніе, и мало ли чему его учили. Онъ былъ очень красивъ собою, уменъ, да къ тому же еще и состояніе получилъ послѣ отца очень большое, и по всему этому былъ принятъ въ лучшемъ кругу.

Въ какомъ полку онъ служилъ, этого я, право, не знаю, но слыхала, что къ нему былъ очень расположенъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ и скоро взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Онъ много съ нимъ путешествовалъ: ѣздилъ то въ Митаву, то въ Дерптъ, то въ Ригу, жилъ сколько-то времени въ Стокгольмѣ, былъ въ Глуховѣ, въ Нѣжинѣ, и у Салтыковыхъ въ домѣ былъ своимъ человѣкомъ. Графъ Салтыковъ имѣлъ къ нему большое довѣріе и просилъ его присматривать за его сыномъ Иваномъ Петровичемъ и слѣдить, такъ ли его учатъ наукамъ. Когда молодому графу исполнилось восьмнадцать лѣтъ и пора ему было вступить въ службу, то графъ Петръ Семеновичъ, находившійся въ ту пору либо въ Ригѣ, либо въ Митавѣ, просилъ Янькова съѣздить за своимъ сыномъ въ Москву и привезти его для поступленія на службу, что тотъ и сдѣлалъ.

Александръ Даниловичъ женился въ 1745 году на Аннѣ Ивановнѣ Татищевой, дочери Ивана Ѳедоровича и жены его Степаниды Алексѣевны, урожденной Новосильцевой. Свадьба была въ Москвѣ, въ приходѣ Успенія на Овражкѣ, въ Газетномъ переулкѣ, гдѣ у нихъ былъ свой домъ [1]). Жениху былъ

[1]) Нынѣ онъ принадлежитъ купцу Живаго.

двадцать пятый годъ, невѣстѣ пятнадцатый; по тогдашнему это было такъ принято, что дѣвушекъ отдавали рано замужъ; сказывали мнѣ, что матушкина мать, княжна Мещерская, была двѣнадцати лѣтъ, когда выходила замужъ.

Женившись на Татищевой, Яньковъ попалъ въ очень знатное родство: родная тетка его тещи, Марья Яковлевна Новосильцева, была за именитымъ человѣкомъ, Григоріемъ Строгановымъ, слѣдовательно всѣ Строгановы—Григорьевичи: Николай, Александръ, Сергѣй, сколько ихъ тамъ было, приходились Аннѣ Ивановнѣ двоюродными дядями, а другая Новосильцева, Марья Іонишна, двоюродная ея тетка, была за адмираломъ Александромъ Ивановичемъ Головинымъ; тоже въ свое время люди со значеніемъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, внучатыя сестры Анны Ивановны, баронессы Строгановы, сдѣлали прекрасныя партіи: одна вышла за родного племянника императрицы Екатерины, Скавронскаго, другая за Голицына, третья за Долгорукова, сына извѣстной схимницы Нектаріи, дочери Шереметева, Бориса Петровича. Всѣ эти родственныя связи еще болѣе улучшали положеніе Яньковыхъ и выдвигали ихъ впередъ, и давали имъ почетное мѣсто въ тогдашнемъ обществѣ. Мать Александра Даниловича, Анна Ивановна, была хорошая хозяйка, умѣла вести свои дѣла исправно и, имѣя послѣ мужа около 5,000 душъ въ лучшихъ губерніяхъ, одна всѣмъ заправляла до самой своей кончины въ 1751 году. Кажется, она преимущественно жила въ Москвѣ; должно-быть, и ея невѣстка оставалась съ нею, а сынъ былъ все въ разъѣздахъ вмѣстѣ съ Салтыковымъ.

Родство въ Москвѣ было большое. Когда Александръ Даниловичъ женился, то была еще въ живыхъ бабушка его жены, схимонахиня Анѳиса; она была слишкомъ семидесяти лѣтъ и жила въ Зачатіевскомъ монастырѣ. Сама по себѣ Братцова, Анна Васильевна, была за Алексѣемъ Яковлевичемъ Новосильцевымъ и имѣла отъ него трехъ дочерей: Степаниду, что̀ за Татищевымъ (Иваномъ Ѳедоровичемъ), Дарью, которая была за Соковнинымъ (Петромъ Алексѣевичемъ), и Марью за Шишкинымъ (Василіемъ Михайловичемъ). Всѣ эти семьи жили въ Москвѣ. Овдовѣвъ, Анна Васильевна пошла въ монастырь и постриглась подъ именемъ Александры, пожила

сколько-то времени въ монастырѣ и пожелала принять схиму. Она скончалась три года спустя послѣ женитьбы Янькова на ея внучкѣ Татищевой и погребена у соборной церкви, напротивъ самаго алтаря. Нѣсколько лѣтъ спустя, рядомъ съ нею, схоронили ея двухъ дочерей: Татищеву [1]) и Шишкину и зятя Ивана Ѳедоровича Татищева [2]).

Александръ Даниловичъ жилъ очень хорошо и открыто; когда онъ женился, у него была золотая карета, обитая внутри краснымъ рытымъ бархатомъ, и вороной цугъ лошадей въ шорахъ съ перьями, а назади, на запяткахъ, букетъ. Такъ называли трехъ людей, которые становились сзади: лакей выѣздной въ ливреѣ, по цвѣтамъ герба, напудренный, съ пучкомъ и въ треугольной шляпѣ; гайдукъ высокаго роста, въ красной одеждѣ, и арапъ въ курткѣ и шароварахъ ливрейныхъ цвѣтовъ, опоясанный турецкою шалью и съ бѣлою чалмой на головѣ. Кромѣ того, предъ каретой бѣжали два скорохода, тоже въ ливреяхъ и въ высокихъ шапкахъ: тульи на подобіе сахарной головы, узенькія поля и предлинный козырекъ. Такъ выѣзжали только въ торжественныхъ случаяхъ, когда нуженъ былъ парадъ, а когда ѣздили запросто, то скороходовъ не брали, на запяткахъ былъ только лакей да арапъ, и ѣздили не въ шесть лошадей, а только въ четыре, но тоже въ шорахъ, и это значило ѣхать запросто. Лошадей въ то время держали помногу: у батюшки, при жизни матушки, было три цуга: одинъ для него, одинъ для матушки, да запасный, и кромѣ того, нѣсколько лошадей разсыльныхъ для людей, водовозокъ, такъ что на конюшняхъ набиралось лошадей около тридцати, а у кого и больше. Стало-быть, и кучеровъ, и конюховъ человѣкъ по десяти.

У Александра Даниловича, сказывала мнѣ его дочь, было три цуга: вороной крупный, вороной англійскій кургузый,

---

[1]) Степанида Алексѣевна Татищева скончалась въ Москвѣ 25-го февраля, въ 7 часовъ утра, 1756 года. Иванъ Ѳедоровичъ скончался въ Москвѣ, 24-го іюня 1756 года. Когда скончалась Марья Алексѣевна Шишкина, намъ неизвѣстно.

[2]) Гдѣ схоронена третья дочь старицы Анѳисы, Д. А. Соковнина, мы не знаемъ. Соковнины жили въ своемъ домѣ на Срѣтенкѣ, у Спаса въ Пушкаряхъ. Петръ Алексѣевичъ Соковнинъ умеръ 13-го декабря 1755 года, а 15-го его схоронили у Никиты, что у Красныхъ Колоколовъ.

гнѣдой; четверня сѣрая; четыре лошади кургузыя верховыя, да разныхъ еще лошадей съ четыре. И это не казалось въ ту пору, что много.

Людей въ домахъ держали тогда премножество, потому что, кромѣ выѣздныхъ лакеевъ и официантовъ были еще: дворецкій и буфетчикъ, а то и два; камердинеръ и помощникъ, парикмахеръ, кондитеръ, два или три повара и столько же поварятъ; ключникъ, два дворника, скороходы, кучера, форейторы и конюхи, а ежели гдѣ при домѣ садъ, такъ и садовники. Кромѣ этого, у людей достаточныхъ, и не то что особенно богатыхъ, бывали свои музыканты и пѣсенники, ну, хоть по немногу, а все-таки человѣкъ по десяти. Это только въ городѣ, а въ деревнѣ — тамъ ещё всякіе мастеровые, и у многихъ псари и егеря, которые стрѣляли дичь для стола; а тамъ скотники, скотницы, — право, я думаю, какъ всѣхъ сосчитать городскихъ и деревенскихъ мужчинъ и женщинъ, такъ едва ли въ большихъ домахъ бывало не по двѣсти человѣкъ прислуги, ежели не болѣе. Теперь и самой-то не вѣрится, куда такое множество народа держать, а тогда такъ было принято, и вѣдь казалось же, что иначе и быть не могло. Это, я думаю, потому, что все было свое: и хлѣбъ, и живность, и всѣ припасы, все привозилось изъ деревень; всего заготовляли помногу, стало-быть, и содержаніе стоило не дорого; а жалованье людямъ платили небольшое, сапоги шили имъ свои мастера, платье тоже, холстъ былъ некупленный.

Въ то время, какъ матушка Александра Даниловна скончалась, — это было въ началѣ января 1751 года, въ Москвѣ, — онъ былъ съ женой въ Петербургѣ. Извѣстіе пришло къ нему на шестой день; онъ два дня прособирался еще: служилъ въ то время провіантмейстеромъ, стало быть, и отлучиться безъ отпуска нельзя; поѣхалъ съ женой въ Москву и пріѣхалъ уже на одиннадцатыя сутки послѣ ея кончины. Хоронить дожидались. По близости ихъ дома отъ Никитскаго монастыря, тамъ и схоронили, а отпѣвалъ и сорочины правилъ преосвященный Левъ изъ рода Юрловыхъ. Онъ жилъ тогда въ Москвѣ, въ какомъ-то монастырѣ, на покоѣ, послѣ тѣхъ скорбей, которыя онъ испыталъ. Вотъ что́ о немъ мнѣ разсказывали люди достовѣрные, помнившіе его. Онъ былъ сынъ нижегородскаго дворянина и назывался Лаврентіемъ. Родители

отца, онъ остался, ежели не малолѣтенъ, то очень еще молодъ, и старшая въ домѣ сестра, княжна Варвара, всѣмъ заправляла и все больше радѣла брату Сергѣю, да и при раздѣлѣ отцовскаго имѣнія тоже, говорятъ, не совсѣмъ по совѣсти дѣйствовала. Отъ этого у дѣдушки и осталась заноза въ сердцѣ, и когда онъ возмужалъ, то и пересталъ видаться со своею сестрой и съ Долгорукими не очень ладилъ. Подробностей я не помню, да оно и лучше, когда о семейныхъ раздорахъ забывается: помни что̀ хорошо, а что̀ дурно—спѣши позабыть.

Родная моя тетка, матушкина сестра, графиня Александра Николаевна Толстая, жена графа Степана Θедоровича, была на тринадцать лѣтъ моложе матушки. Она всегда матушкѣ говорила «вы» и очень ее уважала; съ батюшкой и она, и ея мужъ были дружны и къ намъ родственно расположены. Тетушка получила въ приданое 1.000 душъ и ту деревню, село Сясково, гдѣ жила и скончалась бабушка. Дядюшка, графъ Степанъ Θедоровичъ, былъ человѣкъ очень разсчетливый и смѣтливый, онъ и то берегъ, что̀ имѣлъ, да и умѣлъ копить и наживать: покупалъ имѣнія дешево и бралъ хорошую потомъ цѣну, и когда скончался въ 1804 году, то у нихъ было чуть ли уже не 4,000 душъ крестьянъ [1]). У него была сестра Варвара Θедоровна, замужемъ за Дохтуровымъ (по имени его звали Аθанасіемъ, а какъ по отцѣ, не знаю), имѣла сына и двухъ дочерей: Марью и Варвару Аθанасьевенъ.

А у тетушки, графини Александры Николаевны, было двѣнадцать человѣкъ дѣтей—девять сыновей и три дочери. Старшая, Елизавета Степановна, была за графомъ Григоріемъ Сергѣевичемъ Салтыковымъ и имѣла отъ него единственную дочь Александру Григорьевну, которая была за Павломъ Ивановичемъ Колошинымъ [2]).

---

[1]) Графъ Степанъ Θедоровичъ былъ знакомъ съ преосвященнымъ Тихономъ, епископомъ Задонскимъ, находился съ нимъ въ перепискѣ и имѣлъ много его собственноручныхъ писемъ. Когда онъ сдѣлался нездоровъ, то завѣщалъ похоронить себя въ Задонскѣ возлѣ той церкви, гдѣ было погребено тѣло преосвященнаго Тихона, что̀ и исполнили.

[2]) У Колошиныхъ было три сына и двѣ дочери:

1) Сергѣй Павловичъ, литераторъ, родился въ 1823 году, скончался въ 1863 году во Флоренціи.

2) Дмитрій Павловичъ, родился 14-го апрѣля 1827 года, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

3) Валентинъ Павловичъ, убитъ въ 1855 году при осадѣ Севастополя.

Вторая сестра, графиня Аграфена Степановна, была помолвлена въ молодости (за Фаминцына), но ея женихъ умеръ.

Третья сестра, Марья Степановна, вышла за Василія Алексѣевича Толстого, не графа, который ей приходился какъ-то дальнимъ родственникомъ [1]).

Перечисливъ всѣхъ матушкиныхъ родныхъ, доскажу о родныхъ по Корсаковымъ: о Корсаковыхъ, Волконскихъ и Татищевыхъ. Батюшкина сестра, княгиня Марья Михайловна [2]), имѣла только двухъ сыновей: князя Дмитрія Михайловича [3]) и князя Владиміра Михайловича [4]).

Князь Дмитрій былъ гораздо старѣе меня, лѣтъ на десять, если не болѣе. Онъ былъ высокаго роста, очень уменъ, любезенъ и добръ, но очень нехорошъ собою и отъ оспы имѣлъ лицо рябое. Служилъ, навѣрное не знаю, не то въ Семенов-

---

Александра Павловна родилась въ 1824 году, умерла въ 1848 году отъ холеры.

Софья Павловна родилась въ 1828 году, 22-го августа.

Александра Григорьевна и Павелъ Ивановичъ Колошины погребены въ Москвѣ, въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ.

[1]) У Марьи Степановны Толстой дѣти:

Николай Васильевичъ, умеръ бездѣтнымъ.

Виталій Васильевичъ, отъ брака съ дѣвицей Булыгиной, имѣетъ дочь Александру.

Василій Васильевичъ, умеръ бездѣтнымъ.

Варвара Васильевна, въ первомъ бракѣ за Воейковымъ, во второмъ не помню за кѣмъ.

Александра Васильевна, за Сомовымъ; оба умерли бездѣтны.

Екатерина Васильевна, за Николаемъ Осиповичемъ Бове; два сына и дочь.

Марья Васильевна, дѣвица; умерла въ Калугѣ.

Марья Степановна, умерла въ 1874 году въ Калугѣ.

[2]) Марья Михайловна Римская-Корсакова родилась 9-го января 1736 года, скончалась 6-го августа 1786 года, была замужемъ за княземъ Михаиломъ Петровичемъ Волконскимъ (оба схоронены въ московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ).

[3]) Князь Дмитрій Михайловичъ родился 5-го мая 1759 года, скончался 2-го декабря 1814 года. Жена его, Маѳа Никитична Зыбина, родилась 28-го іюля 1766 года, скончалась 28-го іюля 1816 года; оба схоронены въ московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ.

[4]) Князь Владиміръ-Прокопій Михайловичъ родился 8-го іюля 1761 года, скончался 17-го іюня 1845 года, схороненъ въ московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ.

скомъ, не то въ Преображенскомъ полку; вышелъ въ отставку полковникомъ, долгое время былъ безъ службы, женился на Зыбиной и поступилъ опять на службу, но только уже не въ военную: онъ былъ директоромъ въ Павловскомъ, которое такъ любила императрица Марія Θеодоровна. Жена князя Дмитрія имѣла ужасный характеръ, вспыльчивый и жестокій, и хотя она и любила своего мужа, но много причиняла ему печали своею запальчивостію, которая доходила до того, что она бывало какъ разсердится, то поблѣднѣетъ, то вспыхнетъ, то сдѣлается вся полосатая; выступитъ потъ на лицѣ, пѣна у рта, и даже иногда такое бѣшенство оканчивалось у нея обморокомъ. Болѣе всего отъ нея страдала несчастная прислуга, въ особенности, когда мужа ея не бывало дома и потомъ, когда онъ умеръ. Признаюсь, я всегда опасалась за нее: ожидала, что съ ней что-нибудь сдѣлаютъ. У нихъ было трое дѣтей: два сына, Модестъ и Вячеславъ, и дочь Зинаида, была замужемъ за Ланскимъ, Петромъ Сергѣевичемъ, сыномъ Елизаветы Ивановны, урожденной Вилламовой, сестры извѣстнаго въ свое время статсъ-секретаря. Всѣ дѣти князя Дмитрія были характеромъ въ мать. Модестъ, умершій въ первой молодости, лѣтъ 16 или 17, былъ бы ужаснымъ человѣкомъ, ежели бы Господь не взялъ его благовременно. Зинаида была тоже предурнаго характера и много дѣлала горя своей добрѣйшей и милѣйшей свекрови Елизаветѣ Ивановнѣ.

О Корсаковыхъ: тетушкѣ Марьѣ Семеновнѣ, о ея дочеряхъ — Екатеринѣ Александровнѣ Архаровой и Елизаветѣ Александровнѣ Ржевской и о братѣ ихъ Николаѣ Александровичѣ я, кажется, уже много говорила, но не досказала еще, что у дѣдушки Михаила Александровича была сестра Марья Андреевна за княземъ Мещерскимъ, и у этой Мещерской было нѣсколько дочерей, изъ которыхъ одна была замужемъ за Ильинымъ. Отецъ и мать не желали этого брака; тогда княжна обратилась съ просьбой къ своему дядѣ, то-есть, къ моему дѣдушкѣ, Михаилу Андреевичу. Онъ сперва уговаривалъ Мещерскихъ, чтобъ они позволили дочери выйти замужъ, тѣ не хотѣли объ этомъ и слышать; тогда онъ помогъ племянницѣ бѣжать и даже благословилъ ее образомъ Спасителя. У Ильиныхъ была только одна дочь, Елизавета Андреевна, которая меня очень любила; она умерла дѣвицей и, умирая, оста-

вила мнѣ образъ, которымъ благословлялъ ея мать мой дѣдушка.

Въ то время побѣгъ считался великимъ позоромъ, и потому Мещерскіе не очень долюбливали Ильину, вспоминая, что ея мать не вышла замужъ, а бѣжала.

Изъ Татищевыхъ теперь никого уже не осталось въ живыхъ, я всѣхъ пережила, а было у насъ въ Москвѣ три родственные близкіе дома:

1) Аграфена Ѳедотовна Татищева, урожденная Каменская (сестра графа Михаила Ѳедотовича, пожалованнаго при императорѣ Павлѣ въ графы и фельдмаршалы), была третьею женой батюшкинаго родного дяди, Евграфа Васильевича. Батюшка ее очень уважалъ, и до самой смерти своей она была ко мнѣ и ко всѣмъ намъ очень хорошо расположена. Ея домъ былъ на Тверскомъ бульварѣ; на дворѣ, съ двумя большими флигелями: тотъ, который на переулокъ, съ круглымъ угломъ [1]).

Отъ первой жены своей, дѣдушка Евграфъ Васильевичъ, сынъ Василія Никитича и братъ Евпраксіи Васильевны Римской-Корсаковой, имѣлъ только одного сына, дядюшку Ростислава Евграфовича, жившаго въ дѣтствѣ при дѣдѣ своемъ, Василіѣ Никитичѣ, въ Болдинѣ. Эта первая жена Евграфа Васильевича была Зиновьева. Вторая его жена, Наталья Ивановна, была по себѣ баронесса Черкасова и оставила только одну дочь—Анну, которая была за Ахлестышевымъ; а отъ третьей жены было четыре сына и четыре дочери.

Старшему сыну своему отъ первой жены, Ростиславу Евграфовичу, дѣдушка отдалъ свой каменный домъ на Петровскомъ бульварѣ [2]), рядомъ съ Петровскимъ монастыремъ, и въ этомъ домѣ онъ дѣлалъ балъ и принималъ великаго князя Павла Петровича. Это было, не знаю навѣрно, въ которомъ году, но думаю, или въ концѣ семидесятыхъ годовъ, или въ 1780, потому что въ восемьдесятъ первомъ году онъ скончался. Въ этомъ домѣ была зала довольно высокая, но очень узенькая, съ зеркальными дверьми и зеркальными окнами,

---

[1]) Нынѣ это домъ княгини Ухтомской и тамъ адресная контора.

[2]) Этотъ домъ Р. Е. Татищевъ отдалъ своей дочери Елизаветѣ Ростиславовнѣ, бывшей въ замужствѣ за княземъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Вяземскимъ; она отдала его своей дочери Варварѣ Сергѣевнѣ Ершовой, которая и продала его г. Катуару.

что̀ по тому времени, когда зеркала были въ диковинку, считалось очень хорошо и нарядно.

2) Ростиславъ Евграфовичъ Татищевъ, двоюродный братъ батюшки, былъ съ нимъ очень друженъ, и батюшка, по его просьбѣ, подарилъ ему портретъ своего и его дѣда, Василія Никитича Татищева; этотъ портретъ теперь принадлежитъ Ершовой, Варварѣ Сергѣевнѣ. Дядюшка былъ также женатъ три раза: на Бакуниной, на Грязновой и на княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ Гагариной. Отъ первыхъ двухъ женъ онъ имѣлъ по одной дочери: Александра Ростиславовна была за Похвисневымъ, а младшая, Елизавета Ростиславовна, за княземъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Вяземскимъ, который былъ съ нею въ близкомъ свойствѣ, потому что былъ роднымъ племянникомъ Аграфенѣ Ѳедотовнѣ Татищевой, будучи сыномъ ея родной сестры, Анны Ѳедотовны.

Двоюродный братъ князя Сергѣя Сергѣевича, князь Николай Семеновичъ, былъ женатъ впослѣдствіи на моей сестрѣ. Александрѣ Петровнѣ; объ этомъ я разскажу послѣ.

3) Третій домъ Татищевыхъ былъ рядомъ съ домомъ Пашковыхъ, съ одной стороны, и съ домомъ Нарышкиныхъ, съ другой. Тутъ жилъ дядюшка Алексѣй Евграфовичъ, женатый на Марьѣ Степановнѣ Ржевской, дочери Степана Матвѣевича, женатаго на баронессѣ Строгановой, Софьѣ Николаевнѣ, слѣдовательно, по Строгановымъ она была въ свойствѣ, хотя и дальнемъ, съ Татищевыми.

Имѣя сама хорошее состояніе и вышедши за человѣка богатаго, она жила очень весело, любила давать балы и маскарады: сперва, когда была молода, для себя самой, а потомъ, когда подросли ея двѣ дочери, Софья и Анна, она ихъ тѣшила, и будучи въ родствѣ едва ли не съ полъ-Москвой, почти всѣмъ говорила: mon cousin или ma cousine, и этимъ заслужила прозваніе всемірной кузины. И точно, почти всѣ, кто у нея бывали, приходились ей сродни, или по Строгановымъ и Ржевскимъ, или по Татищевымъ и Каменскимъ.

У дядюшки Алексѣя Евграфовича были отъ Марьи Степановны два сына: Николай и Никита, оба прекрасные молодые люди и оба умерли очень молоды, старшій лѣтъ двадцати пяти, а меньшой былъ полковникомъ; ни тотъ, ни другой не были женаты. Марья Степановна воспитывала сына

своей старшей дочери, бывшей во второмъ бракѣ за Савеловымъ, и этотъ внукъ подавалъ большія надежды, но умеръ преждевременно. Въ послѣдніе годы своей жизни, Марья Степановна почти никого уже не принимала и, имѣя во всемъ недостатокъ, больше жила въ Болдинѣ и тамъ умерла въ 1852 году, будучи почти восьмидесяти лѣтъ отъ рожденія.

Остальные три брата ея мужа: Никита, Василій и Михаилъ Евграфовичи, умерли неженатые. Никита и Михаилъ умерли очень молоды: одному было лѣтъ 17, другому 20, а Василій умеръ въ 1827 году, въ послѣднихъ числахъ октября мѣсяца.

Три тетушки Татищевы, Евграфовны, были замужемъ: Александра Евграфовна за Яковомъ Андреевичемъ Дашковымъ; Прасковья—за грузинскимъ царевичемъ, Леономъ Леоновичемъ, и все больше жила у себя въ ярославской деревнѣ, и Елизавета—за Новосильцевымъ, Иваномъ Филипповичемъ, и имѣла двухъ сыновей: Дмитрія Ивановича, который пошелъ въ монахи и умеръ въ Донскомъ монастырѣ, и Евграфа Ивановича, женатаго на Натальѣ Ивановнѣ Вырубовой. У нихъ сынъ Иванъ и дочь Елизавета. А двѣ дочери Елизаветы Евграфовны были замужемъ: Аграфена Ивановна за Ивинскимъ, Елизавета Ивановна—за Роговскимъ.

Екатерина Евграфовна, вторая изъ дочерей Аграфены Ѳедотовны, не была замужемъ и умерла въ молодыхъ лѣтахъ.

Теперь изъ этой большой семьи никого не осталось, и если есть какіе Татищевы, то и не сочтешься съ ними родствомъ.

Третья жена дядюшки Ростислава Евграфовича, урожденная княжна Гагарина, Александра Ивановна, сестра князя Сергѣя Ивановича, была прекрасна собой. Оставшись послѣ мужа молодою вдовой, она влюбилась въ учителя своихъ падчерицъ—изъ духовнаго званія, и сдѣлала непростительную глупость: вышла за него замужъ. Онъ былъ человѣкъ очень грубый и она дорого поплатилась за свое увлеченіе: мужъ ее заперъ почти безвыходно дома, и она грустно дожила свой вѣкъ взаперти, удаленная отъ своихъ родныхъ, которые, разумѣется, осуждали ее за ея безразсудство и къ ней не ѣздили, а къ нимъ ее мужъ не пускалъ, и такъ она умерла, забытая ото всѣхъ, претерпѣвая отъ грубаго семинариста самое жестокое обращеніе, потому что онъ былъ и скупъ, и,

говорятъ, бѣдную жену свою даже нерѣдко и бивалъ. Домишко ихъ былъ въ Георгіевскомъ переулкѣ, близь Спиридоновки — маленькій, деревянный, въ три окна и ворота всегда на запорѣ. Бывало, ѣдешь мимо, посмотришь и подумаешь: каково это бѣдной Александрѣ Ивановнѣ послѣ довольства и изобилія, послѣ житья въ палатахъ и въ кругу знатныхъ родныхъ и друзей, — томиться въ такой лачугѣ? Да, вотъ что̀ значитъ, какъ поддашься увлеченію безразсудной страсти! Впрочемъ, къ чести моего времени скажу, что тогда такіе случаи бывали за рѣдкость и неравные браки не были такъ часты, какъ теперь. Каждый жилъ въ своемъ кругу, имѣлъ общеніе съ людьми, равными себѣ по рожденію и по воспитанію и не братался со встрѣчнымъ и съ поперечнымъ...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Къ числу нашихъ родныхъ, не очень близкихъ, принадлежало и семейство Яньковыхъ, жившихъ въ Москвѣ. Они доводились намъ родственники по Татищевымъ, именно: отецъ моего прадѣда, Василія Никитича, Никита Алексѣевичъ, имѣлъ еще брата Ѳедора Алексѣевича, бывшаго комнатнымъ стольникомъ царицы Параскевы Ѳедоровны, невѣстки Петра I; сынъ Ѳедора Алексѣевича, Иванъ Ѳедоровичъ, двоюродный братъ моего прадѣда, былъ женатъ на Степанидѣ Алексѣевнѣ Новосильцевой и имѣлъ сына Семена Ивановича и двухъ дочерей, Анну Ивановну и Марью Ивановну, которыя доводились, стало-быть, бабушкѣ Евпраксіѣ Васильевнѣ троюродными, что̀ по нашимъ понятіямъ о родствѣ считалось еще не очень дальнимъ родствомъ. Василій Никитичъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ былъ друженъ, и когда онъ служилъ въ Сибири при горныхъ заводахъ и былъ губернаторомъ въ Оренбургѣ, то присылывалъ ему разные гостинцы: персидскіе ковры, китайскую посуду и тому подобное; многое изъ этого

и я еще застала. Бабушка считалась родствомъ съ его дѣтьми. Вотъ старшая-то дочь Ивана Ѳедоровича и вышла замужъ за Александра Даниловича Янькова. Яньковы были родомъ изъ Македоніи, откуда ихъ предокъ выѣхалъ отъ турецкаго утѣсненія и поселился въ Польшѣ. Ихъ было нѣсколько братьевъ: одинъ остался въ Польшѣ и назывался Яньковскій, другой братъ ушелъ въ Венгрію и сталъ писаться Яньковичъ, а двое изъ нихъ, Иванъ Васильевичъ и Ѳедоръ Васильевичъ, прибыли въ Россію при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ. Ѳедоръ былъ очень ученый человѣкъ и потому былъ принятъ въ московскую славяно-греко-латинскую академію и, постригшись, сталъ называться Ѳеодосіемъ Яньковскимъ [1]). Онъ былъ потомъ при Петрѣ I новгородскимъ архіереемъ, короновалъ Екатерину I, былъ членомъ синода, и ежели бы Прокоповичъ не повредилъ ему, можетъ быть, онъ былъ бы и митрополитомъ, послѣ Яворскаго. Но Ѳеофанъ, который самъ, кажется, мѣтилъ на это мѣсто, опасался его, подыскивался подъ него, перетолковывалъ его слова и дѣйствія не въ его пользу, наводилъ императрицу Екатерину I на гнѣвъ и добился, наконецъ, что его лишили архіерейства и даже монашества и сослали куда-то въ Архангельскъ, въ монастырь.

Братъ его Иванъ Васильевичъ имѣлъ сына Даніила, который поступилъ при Петрѣ I въ военную службу и началъ называться, въ отличіе отъ другихъ своихъ родственниковъ, Яньковымъ. Онъ былъ женатъ на Дмитріевой [2]), Аннѣ Ивановнѣ, служилъ при дворѣ императрицы Анны: сперва помощникомъ гофъ-интенданта, строилъ Анненгофскій дворецъ, за что̀ былъ пожалованъ въ маіоры и потомъ сдѣланъ гофъ-интендантомъ и, несмотря на опасное положеніе при дворѣ въ то время, когда ужасный любимецъ Анны Іоанновны Биронъ

---

[1]) Подробности о жизни преосвященнаго Ѳеодосія Яньковскаго см. въ книгѣ Чистовича: Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время.

[2]) Ея мать, Евдокія Никифоровна Бартенева, дочь Никифора Ивановича, была замужемъ два раза: 1) за Иваномъ Юліевичемъ Дмитріевымъ (дочь Анна), 2) за Василіемъ Ивановичемъ Горскимъ (сынъ Василій). У Никифора Ивановича былъ еще сынъ въ иночествѣ Іоиль. Сестра Никифора Ивановича Дарья была за Іаковомъ Кошелевымъ; двое дѣтей: сынъ Дмитрій, дочь Ирина, за Константиномъ Дмитріевичемъ Есауловымъ, три сына: Давидъ, Іосифъ, Ѳедоръ.

дѣлалъ, что̀ хотѣлъ, онъ, однако, удержался на своемъ мѣстѣ до конца жизни, скончался въ Петербургѣ въ 1738 году и былъ положенъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Ему особенно покровительствовалъ графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, который въ свое время былъ сильнымъ человѣкомъ.

Незадолго до кончины своей, Данила Ивановичъ отдалъ замужъ свою старшую дочь Анну за Адріана Лукьяновича Толмачева. Вдова его Анна Ивановна осталась съ двумя дѣтьми: сыномъ Александромъ Даниловичемъ, которому былъ восьмнадцатый годъ, и съ дочерью Ольгой, лѣтъ одиннадцати.

Воспитаніе своему сыну Александру Яньковъ далъ самое хорошее: онъ прекрасно говорилъ и писалъ по-французски и по-нѣмецки, учился итальянскому языку и португальскому, изучалъ разныя науки, исторію, математику, астрономію и морское плаваніе, и мало ли чему его учили. Онъ былъ очень красивъ собою, уменъ, да къ тому же еще и состояніе получилъ послѣ отца очень большое, и по всему этому былъ принятъ въ лучшемъ кругу.

Въ какомъ полку онъ служилъ, этого я, право, не знаю, но слыхала, что къ нему былъ очень расположенъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ и скоро взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Онъ много съ нимъ путешествовалъ: ѣздилъ то въ Митаву, то въ Дерптъ, то въ Ригу, жилъ сколько-то времени въ Стокгольмѣ, былъ въ Глуховѣ, въ Нѣжинѣ, и у Салтыковыхъ въ домѣ былъ своимъ человѣкомъ. Графъ Салтыковъ имѣлъ къ нему большое довѣріе и просилъ его присматривать за его сыномъ Иваномъ Петровичемъ и слѣдить, такъ ли его учатъ наукамъ. Когда молодому графу исполнилось восьмнадцать лѣтъ и пора ему было вступить въ службу, то графъ Петръ Семеновичъ, находившійся въ ту пору либо въ Ригѣ, либо въ Митавѣ, просилъ Янькова съѣздить за своимъ сыномъ въ Москву и привезти его для поступленія на службу, что̀ тотъ и сдѣлалъ.

Александръ Даниловичъ женился въ 1745 году на Аннѣ Ивановнѣ Татищевой, дочери Ивана Ѳедоровича и жены его Степаниды Алексѣевны, урожденной Новосильцевой. Свадьба была въ Москвѣ, въ приходѣ Успенія на Овражкѣ, въ Газетномъ переулкѣ, гдѣ у нихъ былъ свой домъ [1]). Жениху былъ

[1]) Нынѣ онъ принадлежитъ купцу Живаго.

двадцать пятый годъ, невѣстѣ пятнадцатый; по тогдашнему это было такъ принято, что дѣвушекъ отдавали рано замужъ; сказывали мнѣ, что матушкина мать, княжна Мещерская, была двѣнадцати лѣтъ, когда выходила замужъ.

Женившись на Татищевой, Яньковъ попалъ въ очень знатное родство: родная тетка его тещи, Марья Яковлевна Новосильцева, была за именитымъ человѣкомъ, Григоріемъ Строгановымъ, слѣдовательно всѣ Строгановы—Григорьевичи: Николай, Александръ, Сергѣй, сколько ихъ тамъ было, приходились Аннѣ Ивановнѣ двоюродными дядями, а другая Новосильцева, Марья Іонишна, двоюродная ея тетка, была за адмираломъ Александромъ Ивановичемъ Головинымъ; тоже въ свое время люди со значеніемъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, внучатыя сестры Анны Ивановны, баронессы Строгановы, сдѣлали прекрасныя партіи: одна вышла за родного племянника императрицы Екатерины, Скавронскаго, другая за Голицына, третья за Долгорукова, сына извѣстной схимницы Нектаріи, дочери Шереметева, Бориса Петровича. Всѣ эти родственныя связи еще болѣе улучшали положеніе Яньковыхъ и выдвигали ихъ впередъ, и давали имъ почетное мѣсто въ тогдашнемъ обществѣ. Мать Александра Даниловича, Анна Ивановна, была хорошая хозяйка, умѣла вести свои дѣла исправно и, имѣя послѣ мужа около 5,000 душъ въ лучшихъ губерніяхъ, одна всѣмъ заправляла до самой своей кончины въ 1751 году. Кажется, она преимущественно жила въ Москвѣ; должно-быть, и ея невѣстка оставалась съ нею, а сынъ былъ все въ разъѣздахъ вмѣстѣ съ Салтыковымъ.

Родство въ Москвѣ было большое. Когда Александръ Даниловичъ женился, то была еще въ живыхъ бабушка его жены, схимонахиня Анѳиса; она была слишкомъ семидесяти лѣтъ и жила въ Зачатіевскомъ монастырѣ. Сама по себѣ Братцова, Анна Васильевна, была за Алексѣемъ Яковлевичемъ Новосильцевымъ и имѣла отъ него трехъ дочерей: Степаниду, что за Татищевымъ (Иваномъ Ѳедоровичемъ), Дарью, которая была за Соковнинымъ (Петромъ Алексѣевичемъ), и Марью за Шишкинымъ (Василіемъ Михайловичемъ). Всѣ эти семьи жили въ Москвѣ. Овдовѣвъ, Анна Васильевна пошла въ монастырь и постриглась подъ именемъ Александры, пожила

сколько-то времени въ монастырѣ и пожелала принять схиму. Она скончалась три года спустя послѣ женитьбы Янькова на ея внучкѣ Татищевой и погребена у соборной церкви, напротивъ самаго алтаря. Нѣсколько лѣтъ спустя, рядомъ съ нею, схоронили ея двухъ дочерей: Татищеву [1]) и Шишкину и зятя Ивана Ѳедоровича Татищева [2]).

Александръ Даниловичъ жилъ очень хорошо и открыто; когда онъ женился, у него была золотая карета, обитая внутри краснымъ рытымъ бархатомъ, и вороной цугъ лошадей въ шорахъ съ перьями, а назади, на запяткахъ, букетъ. Такъ называли трехъ людей, которые становились сзади: лакей выѣздной въ ливреѣ, по цвѣтамъ герба, напудренный, съ пучкомъ и въ треугольной шляпѣ; гайдукъ высокаго роста, въ красной одеждѣ, и арапъ въ курткѣ и шароварахъ ливрейныхъ цвѣтовъ, опоясанный турецкою шалью и съ бѣлою чалмой на головѣ. Кромѣ того, предъ каретой бѣжали два скорохода, тоже въ ливреяхъ и въ высокихъ шапкахъ: тульи на подобіе сахарной головы, узенькія поля и предлинный козырекъ. Такъ выѣзжали только въ торжественныхъ случаяхъ, когда нуженъ былъ парадъ, а когда ѣздили запросто, то скороходовъ не брали, на запяткахъ былъ только лакей да арапъ, и ѣздили не въ шесть лошадей, а только въ четыре, но тоже въ шорахъ, и это значило ѣхать запросто. Лошадей въ то время держали помногу: у батюшки, при жизни матушки, было три цуга: одинъ для него, одинъ для матушки, да запасный, и кромѣ того, нѣсколько лошадей разсыльныхъ для людей, водовозокъ, такъ что на конюшняхъ набиралось лошадей около тридцати, а у кого и больше. Стало-быть, и кучеровъ, и конюховъ человѣкъ по десяти.

У Александра Даниловича, сказывала мнѣ его дочь, было три цуга: вороной крупный, вороной англійскій кургузый,

---

[1]) Степанида Алексѣевна Татищева скончалась въ Москвѣ 25-го февраля, въ 7 часовъ утра, 1756 года. Иванъ Ѳедоровичъ скончался въ Москвѣ, 24-го іюня 1756 года. Когда скончалась Марья Алексѣевна Шишкина, намъ неизвѣстно.

[2]) Гдѣ схоронена третья дочь старицы Анѳисы, Д. А. Соковнина, мы не знаемъ. Соковнины жили въ своемъ домѣ на Срѣтенкѣ, у Спаса въ Пушкаряхъ. Петръ Алексѣевичъ Соковнинъ умеръ 13-го декабря 1755 года, а 15-го его схоронили у Никиты, что у Красныхъ Колоколовъ.

гнѣдой; четверня сѣрая; четыре лошади кургузыя верховыя, да разныхъ еще лошадей съ четыре. И это не казалось въ ту пору, что много.

Людей въ домахъ держали тогда премножество, потому что, кромѣ выѣздныхъ лакеевъ и офиціантовъ были еще: дворецкій и буфетчикъ, а то и два; камердинеръ и помощникъ, парикмахеръ, кондитеръ, два или три повара и столько же поварятъ; ключникъ, два дворника, скороходы, кучера, форейторы и конюхи, а ежели гдѣ при домѣ садъ, такъ и садовники. Кромѣ этого, у людей достаточныхъ, и не то что особенно богатыхъ, бывали свои музыканты и пѣсенники, ну, хоть по немногу, а все-таки человѣкъ по десяти. Это только въ городѣ, а въ деревнѣ — тамъ ещѐ всякіе мастеровые, и у многихъ псари и егеря, которые стрѣляли дичь для стола; а тамъ скотники, скотницы, — право, я думаю, какъ всѣхъ сосчитать городскихъ и деревенскихъ мужчинъ и женщинъ, такъ едва ли въ большихъ домахъ бывало не по двѣсти человѣкъ прислуги, ежели не болѣе. Теперь и самой-то не вѣрится, куда такое множество народа держать, а тогда такъ было принято, и вѣдь казалось же, что иначе и быть не могло. Это, я думаю, потому, что все было свое: и хлѣбъ, и живность, и всѣ припасы, все привозилось изъ деревень; всего заготовляли помногу, стало-быть, и содержаніе стоило не дорого; а жалованье людямъ платили небольшое, сапоги шили имъ свои мастера, платье тоже, холстъ былъ некупленный.

Въ то время, какъ матушка Александра Даниловна скончалась, — это было въ началѣ января 1751 года, въ Москвѣ, — онъ былъ съ женой въ Петербургѣ. Извѣстіе пришло къ нему на шестой день; онъ два дня просбирался еще: служилъ въ то время провіантмейстеромъ, стало быть, и отлучиться безъ отпуска нельзя; поѣхалъ съ женой въ Москву и пріѣхалъ уже на одиннадцатыя сутки послѣ ея кончины. Хоронить дожидались. По близости ихъ дома отъ Никитскаго монастыря, тамъ и схоронили, а отпѣвалъ и сорочины правилъ преосвященный Левъ изъ рода Юрловыхъ. Онъ жилъ тогда въ Москвѣ, въ какомъ-то монастырѣ, на покоѣ, послѣ тѣхъ скорбей, которыя онъ испыталъ. Вотъ что́ о немъ мнѣ разсказывали люди достовѣрные, помнившіе его. Онъ былъ сынъ нижегородскаго дворянина и назывался Лаврентіемъ. Родители

его оба умерли, и онъ остался сиротой. Сродни ли были ему Троекуровы или изъ жалости, но почему-то одинъ изъ князей Троекуровыхъ взялъ его къ себѣ въ домъ и воспитывалъ вмѣстѣ со своими дѣтьми. Потомъ Лаврентія записали въ полкъ и онъ былъ въ походахъ, но вдругъ онъ задумалъ идти въ монахи и постригся; былъ послѣ того архимандритомъ и, наконецъ, былъ сдѣланъ воронежскимъ архіереемъ. Когда взошла на престолъ императрица Анна, онъ почему-то не отслужилъ въ скорости молебна: кто-то изъ городскихъ властей, по непріязни къ нему, и донесъ на него въ синодъ. Вотъ изъ-за этого и вышла вся бѣда: Прокоповичъ его не жаловалъ, такъ какъ онъ былъ изъ дворянъ и могъ ему быть помѣхой на пути, а кромѣ того, былъ еще и въ дружествѣ съ архіереемъ изъ рода Дашковыхъ, которыхъ Прокоповичу хотѣлось стереть съ лица земли. Началось дѣло, пошли допросы, и кончилось тѣмъ, что Дашкова и Юрлова и еще сколько-то архіереевъ разстригли и разослали по разнымъ монастырямъ отдаленнымъ. Больше десяти лѣтъ томился Юрловъ. Когда взошла на престолъ императрица Елизавета Петровна, то по милостивому манифесту подвели и ссыльныхъ архіереевъ подъ прощеніе: которые перемерли, а Юрлова вернули и все ему опять возвратили, потому что знали, что онъ страдалъ невинно; хотѣли было опять его сдѣлать гдѣ-нибудь мѣстнымъ архіереемъ, но онъ не пожелалъ и просилъ, чтобъ ему дали какой-нибудь монастырь въ Москвѣ, гдѣ онъ и жилъ чуть ли не пятнадцать лѣтъ. Вся Москва его очень чтила и уважала: онъ былъ точно истинный святитель и слуга Христовъ, человѣкъ умный и пріятный.

Много причинилъ вреда этотъ Прокоповичъ, а все изъ-за того только, что опасался людей достойныхъ, которые могли стать ему на пути. И чѣмъ же все это для него окончилось? Онъ умеръ, не дождавшись — чего такъ добивался — митрополитства, погубилъ премножество добрыхъ и честныхъ людей и оставилъ по себѣ очень не хорошую память. Теперь все это давно перезабыто, а кто помнилъ его время, не съ похвалой, а съ ужасомъ объ немъ отзывался.

Александръ Даниловичъ, за погребеніе своей матери, поднесъ преосвященному Льву панагію, а въ монастырѣ была заказана поминовенная служба на годъ: съ пѣвчими, со свѣ-

чами и съ ладаномъ, по субботамъ, обѣдни и панихиды; и чтó же за все это? только двадцать пять рублевъ[1]) въ годъ. Говорю это, чтобы показать, какія тогда были цѣны и какъ дороги деньги.

Сестра Александра Даниловича, Ольга, была сговорена за Приклонскаго, Ивана Михайловича, когда ихъ матушка скончалась. Чтобы не откладывать свадьбы до лѣта, такъ какъ наступала масляница, она вѣнчалась до истеченія шести недѣль. Мать этого Приклонскаго была по себѣ Колычева, кажется, Екатерина Ивановна.

У Яньковыхъ было двѣ дочери, Анна и Клеопатра, а мальчики все умирали; умерло и нѣсколько дочерей.

Въ то время, т.-е., въ 1752 или 53 годахъ, стали прославляться мощи Ростовскаго митрополита, святителя Димитрія и много совершалось чудесъ отъ его мощей; слыша это, Яньковы не разъ туда ѣздили и положили, что ежели Господь имъ даруетъ еще сына, непремѣнно назвать его Димитріемъ.

Между тѣмъ, Александра Даниловича сдѣлали прокуроромъ въ чинѣ полковника и послали въ Бѣлгородъ; это уже было, должно-быть, въ 1760 году. Они купили домъ въ Бѣлгородѣ у Толстого и тамъ основались на житье. Когда они туда уѣхали, то людей отправляли въ фурахъ, и одна фура была съ горничными, въ числѣ которыхъ было и нѣсколько кружевницъ, которымъ были заданы уроки, сколько сплести кружева во время дороги: такъ какъ ѣхали на волахъ, очень тихо, то и велѣно было дѣвкамъ не терять даромъ времени, а заниматься дѣломъ. Это я слышала отъ одной изъ кружевницъ, Акульки, которую я уже стала знать, когда она была въ лѣтахъ, женой прикащика, и потому изъ Акульки сдѣлалась Акулиной Васильевной.

Въ Бѣлгородѣ, въ то время, архіереемъ былъ преосвященный Іосафъ[2]), человѣкъ очень умный и обходительный, и Александръ Даниловичъ съ нимъ очень сошелся и про-

---

[1]) Бабушка постоянно и говорила и писала: рублевъ, а не рублей; много дѣловъ, а не дѣлъ, и хотя слышала, какъ говорятъ другіе, не измѣняла своей привычки.

[2]) Іосафъ Миткевичъ, въ 1748—1750 г. Префектъ и ректоръ Новогородской семинаріи; въ 1756 году, архимандритъ Хутынскій; въ 1758 году, апрѣля 26-го, епископъ Бѣлогородскій; погр. въ Бѣлгородѣ.

силъ его, уѣзжая въ 1761 году въ Петербургъ, чтобъ онъ навѣщалъ его жену во время его отсутствія и что ежели безъ него родится ребенокъ, котораго ожидали, и будетъ сынъ, то чтобы преосвященный не отказался быть воспріемникомъ и далъ бы ему имя Димитрія, въ честь новопрославленнаго святителя. И какъ ожидали и желали, такъ и случилось: Яньковъ по дѣламъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, и не прошло мѣсяца, какъ онъ получилъ увѣдомленіе, что жена его родила сына, названнаго Димитріемъ, и крестилъ его архіерей, который при крещеніи благословилъ своего крестнаго сына рукописною книгой «Лѣтописецъ святителя Димитрія» съ собственноручными замѣтками святителя.

Въ концѣ того же года, Александра Даниловича вызвали въ Петербургъ и сдѣлали прокуроромъ въ главной провіантской коммиссіи, и онъ снова поселился въ Петербургѣ, гдѣ въ 1763 году родился у него еще сынъ Николай.

Меньшая сестра Анны Ивановны, Марья Ивановна, послѣ кончины своихъ родителей жила частію у сестры, а когда та уѣхала въ Бѣлгородъ, то стала жить въ домѣ у своей кузины Скавронской, жены графа Мартына Карловича, и изъ его дома вышла замужъ за Николая Алексѣевича Мамонова. Такъ какъ Яньковы были съ хорошимъ состояніемъ, то Анна Ивановна, по совѣту мужа, и отказалась отъ своей части изъ отцовскаго имѣнія въ пользу сестры своей Мамоновой.

Братъ Яньковой и Мамоновой, Семенъ Ивановичъ, былъ женатъ на княжнѣ Урусовой, Анастасіѣ Васильевнѣ, [1]) свадьба эта была въ 1757 году въ Москвѣ, въ домѣ у Александра Даниловича, въ Газетномъ переулкѣ; вѣроятно, посаженою матерью была родная тетка Соковнина, а посаженымъ отцомъ Александръ Даниловичъ. Когда именно умеръ Семенъ Ивановичъ и его жена — я не знаю, но они жили недолго, дѣ-

---

[1]) Въ родословной Долгорукихъ, Татищевы, Иванъ Ѳедоровичъ и всѣ его дѣти, пропущены, и въ родословной князей Урусовыхъ Анастасія Васильевна не показана; думаемъ, что она дочь князя Василія Алексѣевича (№ 70) и сестра Анны Васильевны Зиновьевой (№ 83). Анну Васильевну Зиновьеву, думаемъ, слѣдуетъ помѣстить въ родословной (изд. «Русск. Стар.»), съ ея мужемъ, между №№ 56 и 57.

тей не оставили, и Татищевское имѣніе, Село Новое [1]), перешло къ Марьѣ Ивановнѣ Мамоновой, а послѣ нея досталось ея дочери, Аннѣ Николаевнѣ Неклюдовой.

II.

Въ концѣ 1764 года Яньковы переѣхали опять на житье въ Москву: Александръ Даниловичъ все хворалъ и въ концѣ мая 1766 года скончался и былъ погребенъ въ своей приходской церкви у Успенья на Овражкѣ, въ придѣлѣ св. Николая, за лѣвымъ клиросомъ у оконъ, рядомъ со своими малолѣтними дѣтьми, тамъ же погребенными.

Анна Ивановна осталась съ четырьмя дѣтьми: двумя дочерьми—Анной, 16-ти лѣтъ, Клеопатрой, 14-ти лѣтъ, и двумя сыновьями—Дмитріемъ, 5-ти лѣтъ, и Николаемъ, 3-хъ лѣтъ. Года два спустя, она поѣхала въ Петербургъ и помѣстила своихъ мальчиковъ въ малолѣтній Шляхетскій корпусъ, гдѣ былъ въ то время директоромъ извѣстный Иванъ Ивановичъ Бецкій, и гдѣ воспитывался первый изъ Бобринскихъ, впослѣдствіи графъ Алексѣй Григорьевичъ. Императрица Екатерина весьма заботилась о его хорошемъ воспитаніи, и потому, говорятъ, малолѣтній корпусъ былъ тогда въ самомъ цвѣтущемъ положеніи.

Анна Ивановна, говорятъ, очень грустила, что разсталась съ дѣтьми и, поживъ еще до 1772 года, скончалась отъ простудной горячки, на другой день Рождества Христова. Ее отпѣли въ Москвѣ, но такъ какъ хоронить въ приходскихъ церквахъ со времени чумы было воспрещено, то и схоронили ее въ подмосковной, въ селѣ Горкахъ, въ придѣлѣ пророка Даніила.

---

[1]) Неклюдова, Анна Николаевна, вдова генералъ-майора, имѣла двухъ дочерей: 1) Варвару Сергѣевну, за генералъ-лейтенантомъ Владиміромъ Григорьевичемъ Глазенапъ, дѣтей не было, и 2) Марью Сергѣевну, за тайнымъ совѣтникомъ Владиміромъ Николаевичемъ Шепшинымъ: три дочери и сынъ Сергій. По нерасположенію къ меньшей дочери, А. Н. Неклюдова отдала все свое имѣніе, помимо ея, чужимъ — дѣтямъ своего зятя Глазенапъ. Нынѣ Село Новое принадлежитъ Михаилу Владиміровичу Глазенапъ.

Умирая, Анна Ивановна завѣщала своихъ дѣтей внучатой своей сестрѣ, княгинѣ Аннѣ Николаевнѣ Долгорукой, урожденной Строгановой, а мужа ея, князя Михаила Ивановича, назначила опекуномъ надъ дѣтьми и надъ ихъ имѣніемъ.

Обѣ дѣвицы Яньковы переѣхали жить къ Долгорукимъ въ ихъ домъ, близь Дѣвичьяго Поля, въ приходѣ Воздвиженія, на Пометномъ Вражкѣ. Младшая изъ дочерей, Клеопатра, была, говорятъ, прекрасна собою, но слабаго здоровья. Она очень любила свою мать, послѣ ея смерти стала чахнуть и, спустя два года послѣ нея, скончалась отъ чахотки; ее отпѣли также въ Москвѣ и повезли въ село Горки и схоронили тамъ въ церкви, возлѣ ея матери. Ей было отъ рожденія 22 года.

Старшую сестру я знала; она бывала у батюшки и всегда его величала: «братецъ», потому что доводилась ему правнучатою сестрой, и онъ тоже называлъ ее сестрицей. Но онъ не очень ее долюбливалъ и про нее говорилъ: «Эта старая дѣвка прехитрая и прелукавая, и только у нея и разговору, что ея Долгорукіе».

Я стала ее знать въ концѣ 80-хъ годовъ, когда ей было уже подъ сорокъ лѣтъ. Она была очень мала ростомъ; головка прехорошенькая, премилое лицо, глаза преумные, но туловище самое неуклюжее: горбъ спереди и горбъ сзади, и чтобы скрыть этотъ недостатокъ, она всегда носила мантилью съ капюшономъ, очень большимъ и весьма сборчатымъ, такъ что сверху изъ капюшона выглядывала маленькая головка, а снизу тащилась преполная юпка съ длиннымъ шлейфомъ, что̀ выходило пресмѣшно. Анна Александровна была очень умна и воспитаніе получила хорошее, что̀ тогда было довольно рѣдко. Все ученіе въ наше время состояло въ томъ, чтобъ умѣть читать, да кое-какъ писать, и много было очень знатныхъ и большихъ барынь, которыя кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, подписывали свое имя каракулями. Анна Александровна, напротивъ того, и по-русски, и по-французски писала очень изрядно и говорила съ хорошимъ выговоромъ.

По смерти сестры своей, она осталась жить у Долгорукихъ, которые имѣли трехъ дочерей: Прасковью Михайловну, Анну Михайловну (впослѣдствіи за графомъ Ефимовскимъ) и

Елизавету Михайловну (потомъ за Селецкимъ) и сына Ивана Михайловича, который былъ сочинителемъ и стихотворцемъ. Княжны были помоложе Яньковой, и живя у нихъ въ домѣ, она за ними приглядывала и, какъ старшая, иногда съ ними выѣзжала.

У батюшки она бывала изрѣдка, и хотя онъ принималъ ее по родственному, но особаго вниманія ей никогда не оказывалъ, и такъ какъ съ Долгорукими не былъ знакомъ, то къ ней и не ѣздилъ.

Когда ея братья, Дмитрій и Николай, вышли изъ корпуса въ 1783 году, она съ ними пріѣзжала къ батюшкѣ, но это было въ то время, какъ скончалась матушка, и намъ тогда было не до того; не помню, принимали ли ихъ или нѣтъ. Послѣ того они бывали у насъ три-четыре раза въ годъ, но съ 88 или 89 года Анна Александровна стала у насъ бывать чаще и чаще.

Разъ какъ-то батюшка и говоритъ за столомъ:

— Не понимаю, отчего это Янькова такъ зачастила ко мнѣ; давно ли была, а сегодня опять ко мнѣ пріѣзжала; не знаю, чтò ей нужно, а ужь вѣрно не даромъ — она прелукавая.

И старшій изъ ея братьевъ тоже сталъ у насъ бывать почаще прежняго. Младшій, Николай, былъ уже въ то время женатъ и жилъ большею частію съ женой въ деревнѣ.

Прошло еще сколько-то времени, пріѣзжаетъ къ батюшкѣ тетушка Марья Семеновна Корсакова и говоритъ ему:

— А я, Петръ Михайловичъ, къ тебѣ свахой пріѣхала, хочу сватать жениха твоей дочери.

— Которой же?

— Елизаветѣ, батюшка.

— Елизаветѣ? Она такъ еще молода... А кто женихъ?

— Старшій изъ Яньковыхъ, Дмитрій.

— Нѣтъ, матушка сестрица, благодарю за честь, но не принимаю предложенія: Елизавета еще молода; я даже ей и не скажу.

И точно, батюшка мнѣ ничего и не сказалъ и не спросилъ моего мнѣнія; а узнала я это отъ сестры Елизаветы Александровны: пока тетушка была съ батюшкой, она мнѣ и говоритъ: «Елизавета, поди-ка сюда», отвела меня въ сторону и шепчетъ:

— Матушка пріѣхала тебѣ сватать жениха, Янькова Дмитрія Александровича.

Тетушка уѣхала; батюшка молчитъ; проходитъ день, другой, третій; такъ батюшка ничего мнѣ и не сказалъ и только послѣ уже мнѣ это разсказывалъ.

Прошло, должно-быть, съ годъ, опять тетушка Марья Семеновна повторяетъ батюшкѣ то же предложеніе и опять онъ не отказалъ наотрѣзъ, а сказалъ: «Спѣшить нечего, Елизавета еще не перестарокъ; а засидится—не велика бѣда, и въ въ дѣвкахъ останется».

И мнѣ объ этомъ ни слова; а сестра Елизавета мнѣ опять шепнула.

Думаю себѣ: «Стало-быть, батюшка имѣетъ какія-нибудь причины, что это ему не угодно».

Помнится мнѣ, что однажды я подхожу въ залѣ къ окну, и вижу: ѣдетъ на дворъ карета Яньковой; у меня отчего-то сердце такъ и упало.

Я прошла во вторую гостиную. Батюшка былъ дома у себя въ кабинетѣ. Ему доложили, онъ вышелъ въ гостиную и Анну Александровну принялъ: изъ насъ никого не позвали, они посидѣли вдвоемъ, чтò говорили—было не слышно, и Янькова уѣхала.

Тутъ батюшка меня кликнулъ:

— У меня сейчасъ была Янькова, пріѣзжала сватать тебя, Елизавета, за брата своего Дмитрія. Говоритъ мнѣ: «Петръ Михайловичъ, вотъ вы два раза все говорили тетушкѣ Марьѣ Семеновнѣ, что Елизавета Петровна еще слишкомъ молода; неужели и теперь мнѣ то же скажете, а братъ мой приступаетъ, чтобъ я узнала вашъ рѣшительный отвѣтъ». Я ей на это и сказалъ: «Мы, сестрица, родня... И чтò это, право, далась вамъ моя Елизавета; неужели кромѣ ея нѣтъ и невѣстъ въ Москвѣ?» Про Дмитрія Александровича нельзя ничего сказать, кромѣ хорошаго: человѣкъ добрый, смирный, неглупый, наружности пріятной, да это и послѣднее дѣло смотрѣть на красоту; ежели отъ мужчины не шерахается лошадь, то, значитъ, и хорошъ... Родство у Яньковыхъ хорошее, они и намъ свои, и состояніе прекрасное: чѣмъ онъ не женихъ? Не будь сестра у него, я никогда бы ему не отказалъ... Но вотъ она-то меня пугаетъ: пресамонравная, прехитрая, братьями

такъ и вертитъ, она и тебя смяла бы подъ каблукъ; это настоящая золовка-колотовка, хоть кого заклюетъ. Не скорби, моя голубушка: тебя любя, я не далъ своего согласія... А быть тебѣ за нимъ, прибавилъ батюшка, немного помолчавъ,—такъ и будешь, по пословицѣ: суженаго конемъ не объѣдешь!

Это, что̀ я разсказываю, было или въ 92-мъ году, предъ Рождествомъ, или въ началѣ 93-го года.

Дѣло о сватовствѣ совершенно заглохло: Яньковы бывали рѣдко, вѣрно считали себя обиженными. А мнѣ, признаюсь, Дмитрій Александровичъ приходился по мысли: не то чтобъ я была въ него влюблена (какъ это срамницы-барышни теперь говорятъ), или бы сокрушалась, что батюшка меня не отдаетъ, нѣтъ, но дай батюшка свое согласіе, и я бы не отказала.

Настала весна; мы начали собираться ѣхать въ деревню и часть обоза отправили уже впередъ; это было послѣ Николина дня; вотъ, какъ-то я утромъ укладываю кой-что, для отправки тоже, присылаетъ за мною батюшка: «Пожалуйте, Елизавета Петровна, въ гостиную». Спрашиваю: «Кто тамъ?» Говорятъ: Яньковъ.

Вошла я въ гостиную; батюшка сидитъ на диванѣ превеселый, рядомъ съ нимъ Дмитрій Александровичъ, весь раскраснѣлся и глаза заплаканы; когда я вошла, онъ всталъ. Батюшка и говоритъ мнѣ:

— Елизавета, вотъ Дмитрій Александровичъ дѣлаетъ тебѣ честь, проситъ у меня твоей руки. Я далъ свое согласіе, теперь зависитъ отъ тебя принять предложеніе или не принять... подумай и скажи.

Я отвѣчала: «Ежели вы, батюшка, изволили согласиться, то я не стану противиться, соглашаюсь и я»...

Дмитрій Александровичъ поцѣловалъ руку у батюшки и у меня; батюшка насъ обоихъ обнялъ, былъ очень растроганъ и заплакалъ; глядя на него, заплакали и мы оба, его обняли и поцѣловали руку. Потомъ батюшка говоритъ, смѣясь и обнявъ Янькова:

— Вѣдь экой какой упрямецъ, четвертый разъ сватается и добился таки своего! Ну, Елизавета, вѣрно, было тебѣ написано на роду, что тебѣ быть за Яньковымъ... Поди объяви

сестрамъ, что я тебя просваталъ, и позови ихъ сюда, мы помолимся.

Я побѣжала къ сестрамъ и объявила имъ новинку, что я невѣста; всѣ меня цѣловали, поздравляли и мы пошли вмѣстѣ въ гостиную. Батюшка сталъ предъ образомъ лицомъ на восходъ и потомъ взялъ мою руку и передалъ Дмитрію Александровичу.

— Вотъ, другъ мой, сказалъ онъ,—отдаю тебѣ руку моей дочери, люби ее, жалуй, береги и въ обиду не давай; ея счастіе отъ тебя теперь зависитъ. — А мнѣ батюшка примолвилъ:—А тебѣ, Елизавета, скажу одно: чти, уважай и люби мужа и будь ему покорна; помни, что онъ глава въ домѣ, а не ты, и во всемъ его слушайся.

Это называлось въ наше время «ударили по рукамъ»; чрезъ нѣсколько дней былъ назначенъ сговоръ.

Моему жениху было 34 года, мнѣ 25 лѣтъ. Начались у насъ въ домѣ хлопоты о приданомъ, и тутъ больше всего помогла намъ сестра Екатерина Александровна Архарова: она имѣла понятіе обо всемъ, знала всему цѣну и была женщина съ большимъ вкусомъ.

Сговоръ былъ назначенъ чрезъ нѣсколько дней. Такъ какъ май былъ уже въ исходѣ и многіе изъ родныхъ разъѣхались по деревнямъ, то звали самыхъ близкихъ изъ тѣхъ, которые еще не уѣхали, и то однако же было довольно.

На сговорѣ, мая 27-го, были: бабушка Аграфена Ѳедотовна Татищева съ дочерьми; тетушка Марья Семеновна Корсакова, сестра Елизавета Александровна и ея сестра Архарова; дядюшка Ростиславъ Евграфовичъ Татищевъ, кажется, съ женой; матушкина двоюродная сестра, тетушка Аграфена Сергѣевна Мясоѣдова, Прасковья Александровна Ушакова, батюшкина двоюродная тетка (дочь Прасковьи Никитишны Татищевой, бывшей въ первомъ бракѣ за Александромъ Ивановичемъ Теряевымъ), матушкина пріятельница Наумова (урожденная Сафонова) и еще человѣкъ съ десятокъ, которыхъ теперь и не упомню. Это съ моей стороны. Съ жениховой стороны: его сестра Анна Александровна, княгиня Анна Николаевна Долгорукова, двоюродный дядя жениха, Сергѣй Петровичъ Соковнинъ, пріятель его Щербачевъ; ну, конечно, братъ жениха, Николай Александровичъ, одинъ безъ жены, и еще

кто-то и тоже по давности не могу вспомнить. Въ этотъ вечеръ былъ молебенъ и потомъ долженъ былъ быть обмѣнъ образовъ: жениховъ, какъ водилось, остается у невѣсты, а невѣстинъ у жениха. Меня батюшка благословилъ большою иконой Влахернской Божіей Матери; ждали, что и съ жениховой стороны привезутъ икону, и что̀ же? Анна Александровна привезла на серебряномъ подносѣ крестъ съ мощами. Конечно, это была святыня, но какъ-то страннымъ показалось всѣмъ, что на сговоръ привезли крестъ, а не икону.

Женихъ привезъ мнѣ жемчужные браслеты, потомъ дарилъ мнѣ часы, вѣера, шаль турецкую, яхонтовый перстень, осыпанный брилліантами, и множество разныхъ другихъ вещей.

Тутъ же на сговорѣ батюшка сказалъ Аннѣ Александровнѣ: «Ну, теперь ужь перестаньте меня называть братцемъ; дочь моя выходитъ за вашего брата, ихъ, пожалуй, еще и разведутъ». По Татищевымъ батюшкѣ приходился мой женихъ правнучатымъ братомъ и былъ мнѣ, слѣдовательно, дядей. По нашимъ понятіямъ о родствѣ, думали, что нужно архіерейское разрѣшеніе: женихъ ѣздилъ—не умѣю сказать—къ викарію ли, или къ самому митрополиту, и когда онъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, то ему сказали, что препятствія къ браку нѣтъ и разрѣшенія не требуется.

Батюшка жаловалъ мнѣ въ приданое по сговорной записи: 200 душъ крестьянъ въ Новгородской губерніи, въ Череповскомъ уѣздѣ, и приданаго на двадцать пять тысячъ рублевъ серебромъ. Въ томъ числѣ были брилліантовыя серьги въ 1,500 руб.; нахтъ-тишъ (т. е., туалетъ) серебряный въ 1,000 р., столовое и чайное серебро, изъ кармана на булавки 2,500 р.

Мы жили близь Остоженки въ своемъ домѣ, и вѣнчали меня у Ильи Обыденнаго, поутру іюня 5-го. Подвѣнечное платье у меня было бѣлое глазетовое, стоило 250 рублевъ; волосы, конечно, напудрены и вѣнокъ изъ красныхъ розановъ,—такъ тогда было принято, а это уже гораздо послѣ стали вѣнчать въ бѣлыхъ вѣнкахъ изъ флеръ-д'оранжъ. Батюшкѣ угодно было, чтобы свадебный обѣдъ былъ у него въ домѣ.

Онъ сказалъ заранѣе жениху:

— Что̀ тебѣ, братецъ, тратиться на свадебныя угощенія, я это беру на свой счетъ: старшихъ у тебя въ домѣ нѣтъ,

сестра твоя дѣвушка, лучше у меня отобѣдаете, а къ вечеру и отправитесь къ себѣ въ домъ.

Никогда послѣ того не пришлось мнѣ объ этомъ говорить съ батюшкой, но думаю, что онъ такъ распорядился того ради, чтобы съ перваго раза не дать хозяйничать моей золовкѣ.

На слѣдующій день мы поѣхали съ визитами, и мнѣ въ первый разъ пришлось видѣть князя Михаила Ивановича Долгорукова, родственника Яньковыхъ и ихъ опекуна во время малолѣтства.

Онъ жилъ въ своемъ домѣ у Вздвиженья, на Пометномъ Вражкѣ, близь Дѣвичьяго Поля. Долгоруковы были прежде очень богаты, но вслѣдствіе опалъ и гоненія на ихъ семейство, многіе изъ нихъ при Аннѣ и Биронѣ лишились почти всего; потомъ, хотя имъ и возвратили имѣніе, они никогда не могли совершенно оправиться, но помня, какъ живали ихъ отцы и дѣды, тянулись за ними и все болѣе и болѣе запутывались въ своихъ дѣлахъ. Этотъ домъ у Дѣвичьяго Поля былъ прежде загороднымъ, а московскій домъ былъ гдѣ-то, на Мясницкой, на Покровкѣ, на Тверской, и былъ проданъ въ 1784 году [1])—не знаю навѣрно. Когда средства поубавились, то загородный домъ сталъ городскимъ. Можетъ-быть, еслибы средства князя Михаила Ивановича были позначительнѣе, онъ и не сталъ бы жить въ Москвѣ, а постарался бы въ Петербургѣ быть поближе къ солнышку, да по пословицѣ: бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ, не имѣлъ возможности. Въ Петербургѣ жили его родные: Шереметевы, Строгановы, Черкасскіе, Скавронскіе, всѣ пребогатые, ему ли съ его средствицами было за ними тянуться? Вотъ и разсудилъ онъ, что лучше жить въ Москвѣ, да и тутъ подальше, чтобы было поменьше пріемовъ. Его мать, многострадальная и добродѣтельная старица Нектарія, послѣ тяжелыхъ своихъ испытаній, пришла, говорятъ, въ великое смиреніе и, живя въ Кіевѣ въ монастырѣ, на самомъ дѣлѣ отреклась отъ всякой мірской суеты, а сынъ ея, напротивъ того, былъ самымъ суетнымъ, мелочнымъ и тщеславнымъ человѣкомъ. Онъ былъ очень недальняго ума и потому пренадменный и прелегко-

[1]) См. «Капище моего сердца».

вѣрный. Онъ едва не попалъ въ большую бѣду и чуть-чуть съ собою не втянулъ въ эту бѣду, совершенно невинно, мать моего мужа и все ея семейство.

Вотъ какую затѣяли-было интригу, пожалуй, назови это даже заговоромъ: хотѣли возвести на престолъ Ивана Антоновича, при содѣйствіи князя Михаила Ивановича, и обѣщали ему, что если онъ въ этомъ поможетъ, то молодой императоръ женится на его старшей дочери, княгинѣ Прасковьѣ Михайловнѣ. Долгорукій вѣрилъ возможности привести это въ исполненіе и принялъ участіе въ этой интригѣ, которая, къ счастію, окончилась ничѣмъ. Свиданіе между Долгорукимъ и Иваномъ Антоновичемъ, который явился къ нему подъ видомъ монаха съ Аѳонской горы, было въ Кіевѣ, когда князь туда ѣздилъ со своимъ семействомъ, въ 1770 году; вмѣстѣ съ ними ѣздила и Анна Ивановна Янькова. Долгорукій такъ былъ легковѣренъ, что уговорилъ Янькову выстроить у себя въ Веневской деревнѣ, въ селѣ Петровѣ, домъ, гдѣ будетъ жить Иванъ Антоновичъ, и дожидаться, чтобъ его провозгласили императоромъ.

Домъ Долгорукихъ былъ преогромный деревянный: большая зала, большая гостиная, за нею еще другая, тутъ на подмосткахъ, покрытыхъ ковромъ, на золоченомъ креслѣ сиживалъ у окна князь Михаилъ Ивановичъ. Въ глупой своей гордости онъ считалъ, что дѣлаетъ великую честь, когда сойдетъ со своихъ подмостей и встрѣтитъ на половинѣ комнаты или проводитъ до двери: далѣе онъ никогда не ходилъ ни для кого.

Когда мы пріѣхали, онъ спустился со своихъ лѣсовъ и встрѣтилъ насъ, какъ молодыхъ, чуть ли не у двери. Ему было на видъ лѣтъ 60 или болѣе; небольшаго роста, очень дородный и тучный человѣкъ, въ зеленомъ бархатномъ кафтанѣ, очень поношенномъ, кружевное жабо и манжеты, тоже очень поистрепанныя, напудренный, завитой въ три локона, съ пучкомъ и съ кошелькомъ. Лицомъ онъ былъ бы не дуренъ, но напыщенный и надменный видъ его производилъ самое непріятное чувство. По своему понятію, онъ принялъ насъ милостиво, но мнѣ очень не полюбилась его покровительственная и снисходительная привѣтливость. Княгиня Анна Николаевна была просто ласкова, безо всякихъ штукъ,

княжны внимательны, а отъ князя такъ и разило его чуфарствомъ.

Мнѣ не долго пришлось посѣщать князя: съ небольшимъ чрезъ годъ послѣ моего замужества, онъ умеръ, и тогда я могла бывать у доброй княгини безъ непріятнаго чувства: къ ней я могла ѣхать въ гости, а къ нему приходилось ѣхать на поклонъ.

Одна изъ княженъ вышла потомъ замужъ за графа Ефимовскаго, а другая за Селецкаго.

У князя былъ еще младшій братъ, князь Дмитрій Иванычъ, прекрасный собой, но больной и слабый головой, то-есть, немного скудоуменъ. Ему хотѣлось вступить въ монашество, но императрица Екатерина II воспрепятствовала, и онъ былъ постриженъ въ ряску и жилъ очень благочестиво. За нѣсколько времени до кончины, онъ совершенно пришелъ въ себя: умъ его сдѣлался совершенно здравымъ, слабое здоровье укрѣпилось, онъ предузналъ свою кончину, которая послѣдовала (кажется) во время чумы, бывшей въ Кіевѣ.

Анна Александровна Янькова, съ дѣтства привыкшая къ обхожденію Долгорукова, не чувствовала его надменности и, по привычкѣ, очень предъ нимъ благоговѣла и, какъ батюшка говаривалъ, подличала предъ нимъ и очень удивлялась, что я не расположилась къ этому очень непривлекательному старику. Кромѣ того, я была съ нимъ насторожѣ потому, что батюшка меня предупредилъ: «Будь ты съ нимъ осторожнѣе; онъ, говорятъ, старый грѣховодникъ, великій охотникъ до хорошенькихъ и молоденькихъ женщинъ».

Весь домъ Долгорукихъ поражалъ непріятно: во всемъ замѣтна была напыщенность, желаніе бросить пыль въ глаза и показать свою вельможественность, а средства-то были очень плоховаты, и потому въ передней лакеи были въ гербовыхъ презатасканныхъ ливреяхъ; въ гостиной золоченая мебель была мѣстами безъ позолоты, штофная обивка съ заплатами, хрустальныя люстры и жирандоли безъ многихъ хрусталей, ковры протерты, потолки закоптѣлые, старинные портреты въ полинялыхъ рамахъ, и такъ во всемъ сквозь гордость просвѣчивала скудость; я рѣдко уѣзжала изъ этого полуразрушеннаго дома безъ очень тяжелаго чувства.

Мы были, между прочимъ, съ визитомъ и у Сергѣя Пе-

тровича Соковнина: милый, привѣтливый и обходительный человѣкъ. Домъ не раскошный, но видно, что во всемъ достатокъ, вездѣ чисто, хорошо и просто, но парадно и потому нарядно.

Какъ только прошло съ недѣлю времени послѣ нашей свадьбы и мы окончили всѣ наши свадебные визиты, мы собрались отправиться въ деревню; батюшка съ сестрами вскорѣ уѣхалъ въ Покровское, а мы поѣхали въ нашу подмосковную, въ село Горки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Подмосковная Яньковыхъ, село Горки, была у нихъ всегда самымъ любимымъ имѣніемъ и, хотя они имѣли, кромѣ того, много очень хорошихъ усадебъ: Петрово, Орѣхово, Теплое, Мыза подъ Петербургомъ, они предпочитали всѣмъ прочимъ Горки. Можетъ быть потому, что оно только въ 40 верстахъ отъ Москвы, да и кромѣ того, очень хороша мѣстность и садъ раскинутъ по горамъ. Покойная моя свекровь сюда часто приглашала къ себѣ Долгорукихъ и Строгановыхъ, когда они живали въ Москвѣ, и они гащивали по нѣскольку денъ. Потомъ село Новое, Ивана Өедоровича Татищева, было въ 25 верстахъ, а Марѳино, гдѣ живали Салтыковы,—Петръ Семеновичъ съ семействомъ,—было въ 20 верстахъ. Слышала я, что при царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ Горки были пожалованы какому-то Измайлову, потомъ, не знаю какимъ манеромъ, перешли къ Аргамаковымъ и отъ нихъ за долгъ поступили Данилѣ Ивановичу Янькову. При раздѣлѣ, Горки достались моему мужу, брату его — Петрово, въ Веневскомъ уѣздѣ, а Теплое (тоже тамъ) моей золовкѣ.

Время стояло въ ту пору очень знойное и потому мы поѣхали не рано, а когда уже сталъ жаръ посваливать и, хотя ѣхали скоро, по дорогѣ очень хорошей, но стали подъѣзжать къ селу, когда ужь очень обвечерѣло и становилось довольно темно, какъ бываетъ въ 10-мъ часу въ концѣ іюня. Послѣд-

нія двѣнадцать верстъ дороги — все лѣсами и это меня не мало тревожило, потому что я слыхала, что тамъ водились тогда медвѣди, и на моей памяти, нѣсколько лѣтъ спустя, убили тамъ медвѣдя, должно быть, послѣдняго старожила.

За мостомъ, гдѣ начинается садъ, влѣво, былъ тогда большой и густой лѣсъ; нижній садъ тоже былъ, какъ настоящій лѣсъ. Меня просто бралъ ужасъ: куда это мы ѣдемъ? Точно вертепъ разбойниковъ.

Наконецъ, слава Богу, въѣхали на прекрутую гору, проѣхали мимо церкви и остановились у крыльца; у меня отлегло на сердцѣ. Моя золовка встрѣтила насъ съ хлѣбомъ-солью.

Домъ былъ совершенно новый, только-что отстроенный и ничѣмъ еще внутри не отдѣланный.

На слѣдующее утро, когда я вышла на балконъ, который въ садъ, я увидѣла очень хорошій видъ: направо и налѣво за палисадникомъ рощи, передъ домомъ за рѣкой густой лѣсъ и только маленькій просѣкъ напротивъ дома, узенькій, какъ щелка...

— Ну, какъ тебѣ нравится видъ? спрашивалъ меня мужъ,— не правда ли, что очень хорошъ?

— Да, мѣстность очень хороша, но только лѣсу слишкомъ много и глухо; хорошо, ежели бы повырубить и открыть видъ.

Такъ потомъ и сдѣлали, и вотъ тогда и вышелъ тотъ прекрасный видъ, которымъ всѣ любуются. Предъ обѣдомъ мы ходили въ церковь и служили панихиду по матушкѣ Аннѣ Ивановнѣ и по сестрѣ Дмитрія Александровича, Клеопатрѣ Александровнѣ: одна погребена была за лѣвымъ клиросомъ, другая нѣсколько праѣе. Тогда былъ только одинъ придѣлъ пророка Даніила и потому такъ и приноровили, а впослѣдствіи, когда мужъ мой теплую церковь распространилъ и задумалъ сдѣлать два придѣла вмѣсто одного, то и вышло, что надъ тѣломъ Анны Ивановны пришлось поставить престолъ.

Въ прежнее время, очень давно, церковь была, говорятъ, за рѣкой, деревянная. Кто и когда перенесъ ее сюда, на эту сторону, этого никто не зналъ и не помнитъ изъ Яньковыхъ, хотя къ нимъ имѣніе перешло въ 1720 году. Церковь была тоже деревянная и сгорѣла; тогда, по смерти мужа своего, Анна Ивановна, въ 1738 году, стала просить позволеніе построить церковь каменную во имя пророка Даніила, а не Святителя Николая,

какъ было прежде, но ей этого не дозволили, а разрѣшили построить церковь опять во имя Святителя Николая съ придѣломъ пророка Даніила. Итакъ, эта церковь и была построена въ 1739 году и, должно думать, что тогда же и освящена, потому что антиминсъ, говорятъ, этого года. Колоколенька была въ то время — низъ каменный, а верхъ деревянный и кровля тесовая.

Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ, былъ праздникъ Казанской Богоматери и, какъ всегда въ этотъ день, ярмарка. Къ обѣднѣ пріѣхали изъ сельца Сокольниковъ, за полторы версты, наши сосѣди, Титовы, Василій Васильевичъ и Анна Васильевна, его жена, урожденная Матюшкина; тутъ я съ ними и познакомилась. Это были люди добрые, хорошіе сосѣди, и съ тѣхъ поръ мы были съ ними въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Василій Васильевичъ умеръ задолго до своей жены, а Анна Васильевна умерла въ 1825 году, въ февралѣ мѣсяцѣ; и въ теченіе нашей слишкомъ тридцатилѣтней дружбы у насъ не было никогда ни малѣйшей размолвки. Дочь ея, Надежда Васильевна Балкъ, тоже до своей смерти въ 1852 году была постояннымъ и искреннимъ другомъ всего нашего семейства.

Послѣ обѣдни, Титовы пришли къ намъ и у насъ обѣдали; кромѣ ихъ, гостей никого еще не было, потому что мы не успѣли еще никого изъ сосѣдей объѣхать. Предъ обѣдомъ, какъ изстари водилось, предъ параднымъ крыльцомъ собрались всѣ крестьяне изъ нашихъ деревень. Тутъ меня вывелъ мой мужъ имъ показать и, какъ они просили, я жаловала ихъ къ своей рукѣ; потомъ всѣхъ мужиковъ угощали пивомъ, виномъ, пирогами, а бабамъ раздавали серьги и перстни и изъ окна бросали дѣтямъ пряники и орѣхи. Такъ праздновались прежде во всѣхъ селахъ храмовые главные праздники.

Послѣ Казанской, мужъ повезъ меня знакомить съ сосѣдями. По близости мы посѣтили Титовыхъ (жившихъ за полторы версты отъ насъ, въ сельцѣ Сокольникахъ), и такъ любезно пріѣхавшихъ къ намъ на праздникъ, не дожидаясь нашего пріѣзда. Василій Васильевичъ былъ человѣкъ очень пожилыхъ лѣтъ,— ему было, я думаю, лѣтъ подъ 70; по своимъ лѣтамъ и по старой привычкѣ въ прежнее время ни съ кѣмъ не церемониться, онъ съ перваго разу, кто бы ни былъ, мужчина или женщина, всѣмъ говорилъ «ты» и это такъ у него

было складно, что не только не выходило обидно, но, казалось, что иначе и быть не могло. Онъ не пудрился, а былъ стриженъ въ кружокъ, носилъ предлинный сюртукъ и высокіе сапоги съ кисточками, поверхъ платья. Онъ былъ женатъ два раза и обѣ его жены носили то же имя: первая его жена—Анна Васильевна, была урожденная Головцына, сперва была за Нащокинымъ Василіемъ Александровичемъ, и когда онъ умеръ въ 1760 годахъ, нѣсколько лѣтъ спустя, она вышла за Титова; дѣтей у нихъ не было. Вторая жена Василія Васильевича — Анна Васильевна (тоже) была Матюшкина (дочь Василія Кирилловича, женатаго на Плоховой); у нея была сестра за Филимоновымъ. Анна Васильевна Титова была премилая и предобрая, очень умная женщина лѣтъ 55 и совершенно простосердечная, весьма благочестивая, набожная и правдивая. Въ то время у нихъ было три дочери и сынъ. Сына не было дома, онъ уже служилъ въ Петербургѣ, а дочери воспитывались дома: старшая, Клеопатра Васильевна, была лѣтъ 14, потомъ она была замужемъ за Никифоровымъ, а потомъ за Вышеславцевымъ; вторая, Надежда Васильевна, лѣтъ 11; она была за Павломъ Михайловичемъ Балкъ[1]), и Вѣра Васильевна лѣтъ 3-хъ или 4-хъ; потомъ вышла за Ростислава Васильевича Загоскина, пензенскаго помѣщика. Мы очень скоро сдружились съ Титовыми, и не проходило недѣли, чтобъ они у насъ не побывали или мы у нихъ. Въ послѣдствіи, когда наши дочери подросли и намъ случалось съ мужемъ уѣзжать въ Москву на нѣсколько дней, то я и отвезу, бывало, своихъ дѣвочекъ въ Сокольники; онѣ тамъ и гостятъ, пока мы не возвратимся. Когда сестра моя Анна Петровна стала гащивать у насъ, она очень сошлась со второю Титовой, Надеждой Васильевной, и мы ихъ все называли les deux amies. Старшая Клеопатра была большого роста и лицомъ прекрасная изъ себя.

Не помню теперь, въ какомъ порядкѣ мы ѣздили по сосѣдямъ, да это и все равно — когда и съ кѣмъ мы познакомились; буду говорить по мѣстности, гдѣ и кто жилъ въ первое время моего замужества.

---

[1]) Павелъ Михайловичъ Балкъ былъ долгое время предсѣдателемъ московской уголовной палаты.

Въ четырехъ верстахъ отъ насъ, въ сельцѣ Шиховѣ, жилъ тогда старикъ Бахметевъ, Петръ Алексѣевичъ: человѣкъ стараго закала, предерзкій и пренеобтесанный. Я у него только разъ или два всего и была; мужъ мой изрѣдка у него бывалъ, но меня не принуждалъ ѣздить, потому что я была молода, а старикъ былъ очень нескроменъ въ обхожденіи, да и въ разговорѣ тоже слишкомъ свободенъ; словомъ сказать, былъ старый любезникъ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Львовой, Марьѣ Семеновнѣ; у нихъ былъ только одинъ сынъ, Владиміръ Петровичъ. Не знаю, сколько лѣтъ жили они вмѣстѣ, только Марья Семеновна не могла больше вынести жизни съ такимъ мужемъ и его оставила и потомъ вышла, съ согласія мужа, за другого, не помню навѣрно за кого, а кажется, если не ошибаюсь, за Якова Андреевича Дашкова.

У него въ деревнѣ былъ по ночамъ бабій караулъ: поочередно каждую ночь наряжали двухъ бабъ караулить село и барскія хоромы; одна баба ходила съ трещоткой около дома и стучала въ доску, а другая должна была ночевать въ домѣ и дежурить внутри. Хорошъ былъ старикъ, нечего сказать! Мудрено ли, что послѣ этого отъ него жена бѣжала...

Какъ я вышла замужъ, онъ жилъ уже одинъ. Онъ пріѣхалъ однажды къ намъ; я не вышла, сказалась нездоровою.

— А гдѣ же барыня-то? спросилъ онъ.

— Нездорова, не выходитъ, отвѣчалъ мой мужъ.

— Ну, такъ я самъ къ ней пойду.

— Нѣтъ, Петръ Алексѣевичъ, не трудитесь, нельзя, она въ постели...

— Экой ты, братецъ, чудакъ какой, чтобы старика не пустить.

И больше онъ у насъ и не бывалъ.

Когда умеръ этотъ грѣховодникъ, я не припомню, а также и гдѣ: въ деревнѣ или въ Москвѣ; можетъ быть, не во время ли нашего отсутствія, когда мы жили въ тамбовскомъ имѣніи. Гораздо спустя, въ Шиховѣ жилъ сынъ этого старика, Владиміръ Петровичъ. Онъ былъ два раза женатъ: первая его жена была прекрасная собой, Марья Владиміровна Бутурлина, не графиня; у нея было еще нѣсколько сестеръ: одна за Нероновымъ, другая за Колокольцовымъ, третья за Потуловымъ; были ли еще сестры или братья, не знаю. Отъ этой первой

жены у Бахметева было двѣ дочери: одна за Кашинцевымъ, Авдотья Владиміровна, вторая за Колотовскимъ; онѣ были почти однихъ лѣтъ съ моими двумя старшими дочерьми. Послѣ матери онѣ остались дѣвочками и воспитывались подъ руководствомъ мачихи, второй жены ихъ отца, которая была для нихъ истинною матерью. Ее звали Дарья Александровна, урожденная Нащокина: собою не была очень хороша, но преумная, прелюбезная и премилая. Характера была живого и веселаго, и предобрая: умѣла быть умна, смѣялась, шутила, но никогда ни про кого не говорила дурно и всѣмъ желала добра, потому что не была завистлива. Я душевно ее любила и была съ нею искренно дружна, всегда ее вспоминаю съ пріятностью и жалѣю, что она не долго жила на свѣтѣ. У нея былъ сынъ Петруша, который теперь женатъ на Ховриной, и дочь Лизанька; была потомъ выдана за Повалишина и тоже, кажется, умерла молода.

Владиміръ Петровичъ жилъ долгое время вдовцомъ, былъ въ Москвѣ уѣзднымъ предводителемъ довольно долго. Подъ старость сдѣлался, говорятъ, скупцомъ, жилъ въ деревнѣ одинъ, въ большомъ неопрятствѣ: съ собаками, съ кошками, съ обезьянами, съ птицами, выжилъ изъ памяти и тоже во многомъ сталъ походить на своего отца; но въ этомъ положеніи меня Богъ не привелъ его видѣть, и слава Богу!

Версты четыре за Шиховомъ, въ сельцѣ Пескахъ, я застала Волковыхъ: мужа звали Степанъ Степановичъ, жену Екатерина Петровна; они ѣзжали къ батюшкѣ. И мужъ, и жена предобрые, преласковые и гостепріимные хлѣбосолы, какихъ я и не видывала. Первое ихъ удовольствіе было кормить своихъ гостей, да вѣдь какъ: чуть не насильно заставляли ѣсть. Степанъ Степановичъ любилъ и самъ кушать, умѣлъ и заказать обѣдъ и охотникъ былъ говорить про кушанье: какой пирогъ хорошо сдѣлать, съ какою начинкой, съ какою подливкой соусъ лучше или хуже, а ужь главное дѣло—подчиваніе гостей. Онъ, бывало, и не садится за столъ, а ежели сѣлъ, то поминутно вскакиваетъ и кричитъ дворецкому: «Постой, постой, куда ты ушелъ; видишь, не берутъ или мало взяли, кланяйся, проси», и тотчасъ самъ подбѣжитъ и станетъ упрашивать: «Матушка, Елизавета Петровна, покушайте, пожалуйста, положите еще, ну, хоть немножко, вотъ

этотъ кусочекъ». Не возьмешь — кровная обида. Или приступитъ къ женѣ: «Катерина Петровна, ты совсѣмъ не смотришь за гостями, никто не кушаетъ, посмотри сама...» И ну опять подчивать. Столъ у нихъ былъ прекрасный, блюдъ премножество и все блюда сытныя, да бери помногу, ну, просто, бывало, бѣда: ѣшь, ѣшь, того и гляди, что захвораешь. Отказаться отъ обѣда, когда зовутъ, это — огорчить его до крайности. Одинъ разъ, не помню, въ Москвѣ или деревнѣ, онъ звалъ насъ, а мы почему-то не поѣхали и не послали извѣстить, что не будемъ. Боже мой, какъ обидѣлся! Мѣсяцъ къ намъ не ѣздилъ: пріѣдемъ, сидитъ у себя, не выходитъ. Дѣлать нечего, послали сказать, что тогда-то пріѣдемъ обѣдать: встрѣтилъ — радъ-радехонекъ; цѣлуетъ руки, не знаетъ, какъ и принять. «Матушка, голубушка, ужь вотъ хорошо, вотъ хорошо, забыли вы насъ, разлюбили...» И сталъ выговаривать, что не пріѣхали обѣдать. Добрый былъ человѣкъ, хорошій и умный человѣкъ, однимъ несносенъ — заподчиваетъ. Иногда вдругъ пришлетъ, ни съ того, ни съ сего, пирогъ или какое нибудь пирожное. Въ Москвѣ у нихъ бывали часто обѣды и насъ всегда ужь пригласитъ за нѣсколько дней, а поутру, въ день обѣда, пришлетъ просить столоваго серебра, видно, у нихъ было мало, и опять напомнитъ намъ, что насъ ждутъ.

Онъ умеръ первый: жена его жила еще послѣ него нѣсколько лѣтъ. Она была тоже предобрѣйшая, но съ большими странностями и была очень мнительна насчетъ здоровья. Пріѣдешь къ ней, въ деревнѣ,—это когда она была уже вдовой,— на дворѣ жара, а у нея въ комнатахъ во всѣхъ окнахъ вставлены сѣтки изъ кисеи и пречастой, такъ что воздухъ не проходитъ: боялась мухъ и комаровъ. Сама лежитъ въ спальной, въ постели, окна закрыты ставнями, голова обвязана платкомъ, намоченнымъ уксусомъ съ водой, или привязанъ капустный листокъ; на столѣ сткляночки съ разными каплями и примочками.—«Катерина Петровна, что̀ съ вами?» спросишь ее.

— Ахъ, милюся (она была картава), умираю, совсѣмъ умираю, голова болитъ.

И точно: голосъ слабый, еле говоритъ; кто ея не зналъ, могъ бы подумать, что она и взаправду больнехонька.

Посидишь съ нею, поговоришь, она забудетъ свою болѣзнь и начинаетъ снимать всѣ свои компрессы: и съ головы, и съ

рукъ; пройдетъ еще нѣсколько времени, велитъ открыть ставни... «Вотъ, милюся, ты пріѣхала, мнѣ вѣдь стало лучше». Потомъ, глядишь, позоветъ дѣвушку: «Дай одѣться». И немного погодя выйдетъ въ гостиную, а тамъ на балконъ и пойдетъ гулять...

У нея была дочь, которую она любила и лишилась ея лѣтъ 15-ти. Кромѣ того еще дѣтей не было, и изъ любви къ дочери она ея нянюшку всюду съ собой возила... Она была большая трусиха въ дорогѣ: ѣдетъ въ большой четырехмѣстной каретѣ и то и дѣло, что кричитъ: «Стой, стой, пустите, пустите... я выйду... гора... ай, ай, ай — косогоръ... стой, стой, мостъ. Я боюсь... пустите...»

Человѣкъ подойдетъ и станетъ ее уговаривать:

— Помилуйте, сударыня, никакой горы нѣтъ, — ровное мѣсто, не извольте безпокоиться...

— Ну, хорошо, ступайте... Такъ ты говоришь, нѣтъ опасности?

— Никакой, сударыня, будьте покойны.

Но только что тронутся съ мѣста, опять кричитъ: «Стой, стой», и опять та же исторія.

Нянюшка, которая знала ея трусливость, какъ видитъ, что гора или мостъ, и заведетъ о чемъ нибудь рѣчь; Екатерина Петровна заговорится и не замѣтитъ, что ѣдутъ въ гору или подъ гору.

Вотъ еще ей бывала бѣда, когда гроза: закроютъ ставни, завѣсятъ окны, зажгутъ свѣчи; сама она уляжется въ постель, закроется одѣялами, а няня стой и молись. Станетъ ей душно, вотъ она и начнетъ открывать одѣяло и спрашивать: «Ну, что̀, няня, тише?» — «Тише, матушка, гораздо тише».

Вдругъ раздается ударъ грома...

— «Ай, ай, ай... Святъ, святъ, святъ Господь Богъ Саваоѳъ... Ай, ай, ай, осанна въ вышнихъ». И опять забьется подъ одѣяло и лежитъ ни жива, ни мертва.

Измучается пока гроза не пройдетъ, а тамъ начнутся всякія болѣзни: то голова болитъ, то ей дурно дѣлается или съ ней жаръ... И мудрено ли: лежитъ подъ пятью одѣялами, какъ тутъ не задохнуться и не разболѣться головѣ? Но добрая была и хорошая женщина.

Въ Ярцовѣ жилъ долгое время батюшкинъ двоюродный

братъ Андрей Васильевичъ Римскій-Корсаковъ, деверь тетушки Марьи Семеновны и братъ тетушки Анны Васильевны Кретовой. Добрый старичокъ, который принялъ насъ по-родственному, и мы у него бывали столько же разъ, сколько бывалъ и онъ у насъ. Потомъ онъ все больше сидѣлъ дома и съ трудомъ могъ выѣзжать.

Въ Храбровѣ, это версты три за Ярцовымъ, издавна владѣли Оболенскіе и въ то время тамъ жилъ старикъ князь Николай Петровичъ. Мы ѣхали въ Гарушки къ Петру Михаиловичу Власову и заѣхали къ Оболенскому. Человѣкъ лѣтъ преклонныхъ, характера непокойнаго и раздражительнаго: онъ былъ нѣкоторое время съ моимъ мужемъ въ ссорѣ; вотъ изъ-за чего вышла у нихъ непріятность. Земля Іевлевскихъ нашихъ крестьянъ граничитъ съ его Храбровскою землей, и случилось какъ-то, что нѣсколько крестьянскихъ скотинъ зашло на его землю. Князь велѣлъ ихъ схватить и загнать въ Храброво и потребовать выкупа. Крестьяне просили отпустить, такъ князь не согласился; дѣлать было нечего, бѣдные мужики заплатили, и что-то не мало. Чрезъ нѣсколько дней все княжеское стадо зашло на Іевлевскую землю, тогда и крестьяне стадо загнали къ себѣ и послали требовать отъ князя выкупа. Вотъ и пошла бѣда: князь рветъ и мечетъ; выкупа не даетъ и требуетъ, чтобъ его стадо возвратили; крестьяне не отпускаютъ. Оболенскій пишетъ предерзкое письмо къ Дмитрію Александровичу и требуетъ, чтобъ онъ приказалъ своимъ мужикамъ отпустить его скотину. Дмитрій Александровичъ отвѣчалъ, что это не его дѣло, и что ежели князь бралъ выкупъ съ крестьянъ, то нѣтъ причины, чтобъ и крестьяне не поступили съ нимъ точно такъ-же; вышла предлинная исторія и нѣсколько лѣтъ мой мужъ съ нимъ и не видался.

Не могу назвать князя человѣкомъ надменнымъ или заносчивымъ, а скажу, что онъ просто былъ грубый человѣкъ, хотѣвшій казаться гордымъ, да какъ-то это у него выходило смѣшно и нескладно, и пока онъ княжилъ въ Храбровѣ, мужъ мой очень изрѣдка у него бывалъ, а я и вовсе не бывала.

Когда мы пріѣхали въ Гарушки, нашли самый радушный пріемъ отъ почтеннаго и милаго старика Власова, Петра Михайловича.

— Спасибо вамъ, матушка моя, Елизавета Петровна, что

вы посѣтили старика, премного меня утѣшили. Я вмѣстѣ съ батюшкой вашимъ служилъ, онъ мнѣ хорошій всегда былъ пріятель, назову даже другомъ, душевно люблю и уважаю его, и для меня было бы прискорбно, ежели бы дочь хорошаго моего друга меня, старика, не навѣстила. Пожалуйста, сударыня, и впередъ меня не забывайте.

Онъ очень насъ обласкалъ, мы у него обѣдали и возвратились къ себѣ поздно вечеромъ. Послѣ того мы у него бывали каждое лѣто два или три раза, и всегда находили пріемъ самый радушный: видно, что и старику было пріятно наше посѣщеніе, и своимъ ласковымъ пріемомъ онъ дѣлалъ и намъ удовольствіе. Много значитъ привѣтливость въ общежитіи; какъ она всегда располагаетъ сердце и къ себѣ привлекаетъ!

Впослѣдствіи Гарушки купилъ Обольяниновъ, Петръ Хрисанѳовичъ, но это было много лѣтъ спустя; въ свое время разскажу и объ немъ.

Въ Селявинѣ тогда жили Фаминцыны: Аграфена Андреевна, Елизавета Андреевна и Анна Андреевна, вышедшая за графа Татищева; у нихъ былъ братъ Сергѣй Андреевичъ, служившій въ Петербургѣ. Настоящая фамилія ихъ не Фаминцыны, а Фамендины. Ихъ дѣдъ или прадѣдъ, навѣрно не знаю, былъ лифляндскій нѣмецъ, дворянинъ, взятый въ плѣнъ и обрусѣвшій, и потому и фамилію свою переложилъ онъ на русскій ладъ. Это были очень милыя и добрыя сосѣдки, большія рукодѣльницы и хорошія хозяйки, которыя умѣли и полечивать: составляли разныя мази, примочки и пластыри и гнали изъ разныхъ травъ воды. Къ нимъ изъ околотка приходило много больныхъ и онѣ имъ очень помогали простыми средствами. Помню, что они гнали воду изъ васильковъ—средство отъ воспаленія глазъ; воду изъ ландышей—отъ падучей болѣзни; воду изъ тмина—отъ заваловъ въ желудкѣ и много другихъ средствъ, которыхъ я и не припомню. Кто была ихъ мать, не могу теперь припомнить, а вѣдь слыхала не разъ, и фамилія-то очень знакомая.

Ихъ имѣньеце было неподалеку отъ села Ольгова, принадлежавшаго Апраксину, Степану Степановичу, который въ то время служилъ въ Петербургѣ и, кажется, не былъ еще женатъ и жилъ у сестры своей, Марьи Степановны Талызи-

ной. Она была вдовою, и гораздо старѣе брата, лѣтъ на 20 или немного менѣе. Отецъ ихъ, Степанъ Ѳедоровичъ, былъ фельдмаршаломъ при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и былъ батюшкинымъ начальникомъ.

Старшая сестра, Елена Степановна, была за княземъ Куракинымъ, и умерла очень молодою, въ самый годъ моего рожденія. Старшій сынъ ея, князь Александръ Борисовичъ, былъ посланъ въ Парижъ при первомъ Наполеонѣ и имѣлъ несчастіе быть на томъ ужасномъ балѣ, во время котораго сдѣлался пожаръ, и Куракина нашли на другой день подъ обгорѣвшими досками. Онъ еле остался живъ, но, изуродованный и больной, жилъ еще послѣ этого несчастнаго случая лѣтъ семь или восемь. Этотъ несчастный праздникъ у австрійскаго посла, по случаю втораго брака Наполеона съ дочерью австрійскаго императора, надѣлалъ въ свое время много шуму, и про пожаръ тогда говорили, какъ про дурное предвѣстіе для Наполеона.

Мы ѣздили съ мужемъ въ Ольгово къ Марьѣ Степановнѣ Талызиной, когда она туда пріѣхала, въ 1794 или въ 1795 году. Она знала и помнила батюшку, когда онъ служилъ при ея отцѣ, и меня очень обласкала.

Батюшка разсказывалъ про нее, что она была въ молодости пребойкая и пребѣдовая: «Пріѣдешь, бывало, къ фельдмаршалу, она и подстережетъ.—Корсаковъ, поѣдемъ кататься». Говоришь ей: «Что̀ это, Марья Степановна, какъ можно: батюшка узнаетъ, будетъ гнѣваться. — Не узнаетъ, а узнаетъ— бѣды не будетъ. Я беру на себя.—Да, вамъ-то и сойдетъ, а мнѣ бѣда.—Да, вѣдь говорятъ, что нѣтъ». Иногда отдѣлаешься отъ нея; а то и схватитъ, ежели вечеромъ, и изволь ее катать. Кажется, она имѣла виды на батюшку, и едва ли не было и страстишки; не знаю, отчего она вышла за Талызина.

Ольгово тогда было еще совсѣмъ не то, чѣмъ сдѣлалось въ послѣдствіи, когда тамъ стали жить сами Апраксины. Домъ тогда былъ маленькій, какъ есть только средина, а бока, галлереи и флигеля, все это пристроено послѣ.

Съ Апраксиными мы познакомились нѣсколько лѣтъ спустя.

Еще неподалеку и отъ насъ, и отъ Ольгова, въ сельцѣ Колошинѣ, жила наша родственница Марѳа Ивановна Станкевичъ.

вы посѣтили старика, премного меня утѣшили. Я вмѣстѣ съ батюшкой вашимъ служилъ, онъ мнѣ хорошій всегда былъ пріятель, назову даже другомъ, душевно люблю и уважаю его, и для меня было бы прискорбно, ежели бы дочь хорошаго моего друга меня, старика, не навѣстила. Пожалуйста, сударыня, и впередъ меня не забывайте.

Онъ очень насъ обласкалъ, мы у него обѣдали и возвратились къ себѣ поздно вечеромъ. Послѣ того мы у него бывали каждое лѣто два или три раза, и всегда находили пріемъ самый радушный: видно, что и старику было пріятно наше посѣщеніе, и своимъ ласковымъ пріемомъ онъ дѣлалъ и намъ удовольствіе. Много значитъ привѣтливость въ общежитіи; какъ она всегда располагаетъ сердце и къ себѣ привлекаетъ!

Впослѣдствіи Гарушки купилъ Обольяниновъ, Петръ Хрисанѳовичъ, но это было много лѣтъ спустя; въ свое время разскажу и объ немъ.

Въ Селявинѣ тогда жили Фаминцыны: Аграфена Андреевна, Елизавета Андреевна и Анна Андреевна, вышедшая за графа Татищева; у нихъ былъ братъ Сергѣй Андреевичъ, служившій въ Петербургѣ. Настоящая фамилія ихъ не Фаминцыны, а Фамендины. Ихъ дѣдъ или прадѣдъ, навѣрно не знаю, былъ лифляндскій нѣмецъ, дворянинъ, взятый въ плѣнъ и обрусѣвшій, и потому и фамилію свою переложилъ онъ на русскій ладъ. Это были очень милыя и добрыя сосѣдки, большія рукодѣльницы и хорошія хозяйки, которыя умѣли и полечивать: составляли разныя мази, примочки и пластыри и гнали изъ разныхъ травъ воды. Къ нимъ изъ околотка приходило много больныхъ и онѣ имъ очень помогали простыми средствами. Помню, что они гнали воду изъ васильковъ— средство отъ воспаленія глазъ; воду изъ ландышей—отъ падучей болѣзни; воду изъ тмина—отъ заваловъ въ желудкѣ и много другихъ средствъ, которыхъ я и не припомню. Кто была ихъ мать, не могу теперь припомнить, а вѣдь слыхала не разъ, и фамилія-то очень знакомая.

Ихъ имѣньеце было неподалеку отъ села Ольгова, принадлежавшаго Апраксину, Степану Степановичу, который въ то время служилъ въ Петербургѣ и, кажется, не былъ еще женатъ и жилъ у сестры своей, Марьи Степановны Талызи-

ной. Она была вдовою, и гораздо старѣе брата, лѣтъ на 20 или немного менѣе. Отецъ ихъ, Степанъ Ѳедоровичъ, былъ фельдмаршаломъ при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и былъ батюшкинымъ начальникомъ.

Старшая сестра, Елена Степановна, была за княземъ Куракинымъ, и умерла очень молодою, въ самый годъ моего рожденія. Старшій сынъ ея, князь Александръ Борисовичъ, былъ посланъ въ Парижъ при первомъ Наполеонѣ и имѣлъ несчастіе быть на томъ ужасномъ балѣ, во время котораго сдѣлался пожаръ, и Куракина нашли на другой день подъ обгорѣвшими досками. Онъ еле остался живъ, но, изуродованный и больной, жилъ еще послѣ этого несчастнаго случая лѣтъ семь или восемь. Этотъ несчастный праздникъ у австрійскаго посла, по случаю втораго брака Наполеона съ дочерью австрійскаго императора, надѣлалъ въ свое время много шуму, и про пожаръ тогда говорили, какъ про дурное предвѣстіе для Наполеона.

Мы ѣздили съ мужемъ въ Ольгово къ Марьѣ Степановнѣ Талызиной, когда она туда пріѣхала, въ 1794 или въ 1795 году. Она знала и помнила батюшку, когда онъ служилъ при ея отцѣ, и меня очень обласкала.

Батюшка разсказывалъ про нее, что она была въ молодости пребойкая и пребѣдовая: «Пріѣдешь, бывало, къ фельдмаршалу, она и подстережетъ.—Корсаковъ, поѣдемъ кататься». Говоришь ей: «Чтò это, Марья Степановна, какъ можно: батюшка узнаетъ, будетъ гнѣваться. — Не узнаетъ, а узнаетъ— бѣды не будетъ. Я беру на себя. —Да, вамъ-то и сойдетъ, а мнѣ бѣда.—Да, вѣдь говорятъ, что нѣтъ». Иногда отдѣлаешься отъ нея; а то и схватитъ, ежели вечеромъ, и изволь ее катать. Кажется, она имѣла виды на батюшку, и едва ли не было и страстишки; не знаю, отчего она вышла за Талызина.

Ольгово тогда было еще совсѣмъ не то, чѣмъ сдѣлалось въ послѣдствіи, когда тамъ стали жить сами Апраксины. Домъ тогда былъ маленькій, какъ есть только средина, а бока, галлереи и флигеля, все это пристроено послѣ.

Съ Апраксиными мы познакомились нѣсколько лѣтъ спустя.

Еще неподалеку и отъ насъ, и отъ Ольгова, въ сельцѣ Колошинѣ, жила наша родственница Марѳа Ивановна Станкевичъ.

Въ сельцѣ Батовѣ жила въ то время Авдотья Ивановна Сабурова, урожденная княжна Оболенская, двоюродная сестра того, которому принадлежало Храброво. Она была вдовою, мужа ея звали Иванъ Θедоровичъ. Домъ въ Батовѣ былъ очень хорошъ и отдѣланъ весьма богато; но въ особенности хорошъ былъ садъ регулярный, стриженный, какъ была тогда мода, все разнымъ манеромъ: были деревья, подстриженныя пирамидами, зонтикомъ, нѣкоторыя, — ихъ было не много, кажется, гдѣ-то по угламъ, — были выстрижены на подобіе медвѣдей. Все это въ то время очень нравилось, и хозяйка любила водить гостей любоваться этими причудами. Авдотья Ивановна была очень богата, имѣла прекрасное столовое бѣлье — голландское и, опасаясь, чтобъ его не испортили, два раза въ годъ посылала его стирать въ Голландію. Можно себѣ представить, чего это тогда стоило.

Сабурова была очень обходительная и привѣтливая женщина, лѣтъ пятидесяти, и пока она живала въ Батовѣ, мы другъ ко другу ѣзжали по нѣскольку разъ въ лѣто и она не разъ бывала у насъ въ Казанскую. Она умерла преклонныхъ лѣтъ, полагаю, около 1820 годовъ. У нея было два сына и дочь Надежда Ивановна; была ли она за мужемъ или нѣтъ — что-то не припомню.

Еще гдѣ-то, верстахъ въ восьми или въ десяти отъ насъ, жилъ старичекъ Поздѣевъ. Въ прежнее время онъ служилъ въ Малолѣтнемъ Шляхетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ; былъ тамъ или учителемъ, или инспекторомъ, а мой мужъ былъ при

былъ губернаторомъ въ Тамбовѣ и во Владимірѣ, и Прасковья Николаевна, за Кречетниковымъ. У Петра Николаевича Мамонова былъ сынъ Иванъ Петровичъ (умеръ бездѣтнымъ и женатъ не былъ) и три дочери: *1)* Анастасія Петровна, за Андреемъ Васильевичемъ Дашковымъ; *2)* Марья Петровна, за Алексѣемъ Гавриловичемъ Сазоновымъ; *3)* Елизавета Петровна, за Степаномъ Ивановичемъ Шиловскимъ. У Дашковой два сына: старшій умеръ; второй, Василій Андреевичъ, почетный опекунъ, женатъ на Горчаковой, и дочь Софья Андреевна за княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Гагаринымъ. У Сазоновой дѣти: *1)* Петръ, *2)* Гавріилъ и три дочери: Екатерина за Левашовымъ, Прасковья за Прибытковымъ и Елизавета, не помню за кѣмъ. У Шиловскихъ дѣти: *1)* Иванъ, *2)* Степанъ и *3)* Петръ и дочь Анна за Воейковымъ. Дѣти Кречетниковой: Михаилъ Ивановичъ, умеръ неженатымъ; дочь, Степанида Ивановна, за Александромъ Гавриловичемъ Жеребцовымъ; дѣтей не было.

немъ въ корпусѣ. Поздѣевъ потомъ жилъ въ своемъ имѣніи и, кажется, безвыѣздно и чуть ли не противъ желанія: онъ былъ масонъ, попавшійся въ исторію, которая была въ концѣ 1780 годовъ. Былъ онъ человѣкъ очень умный, ученый, но большой нелюдимъ и съ большими странностями. Ка̀къ звали его—не припомню; онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей. Мужъ мой у него бывалъ, и Поздѣевъ всегда былъ ему очень радъ и любилъ поговорить про жизнь въ корпусѣ. Когда онъ умеръ, послѣ него, говорятъ, осталось въ его деревнѣ множество масонскихъ картинъ, книгъ разныхъ и всякихъ вещей, которыя масоны употребляли на своихъ собраніяхъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Когда я была невѣстою, большой каменный домъ, что̀ у Успенья, въ Газетномъ переулкѣ, былъ еще за Яньковыми, но кому-то уже запроданъ, и я въ этомъ домѣ была всего только одинъ разъ: ѣздила съ визитомъ къ жениховой сестрѣ; а послѣ свадьбы мы переѣхали съ мужемъ въ другой домъ, который у него былъ у Неопалимой Купины, въ переулкѣ. Къ намъ переѣхала и золовка моя, Анна Александровна. Домъ былъ деревянный, очень большой, помѣстительный, съ садомъ, огородомъ и огромнымъ пустыремъ, гдѣ весною, пока мы не уѣдемъ въ деревню, паслись наши двѣ или три коровы.

Лѣтомъ батюшка пожаловалъ къ намъ въ деревню со всѣми четырьмя сестрами и прогостилъ у насъ сколько-то дней, потомъ поѣхалъ опять въ Боброво, а на зиму пріѣхалъ въ Москву, и мы также.

Все, что̀ батюшка говорилъ мнѣ про мою золовку, оказалось вполнѣ справедливымъ: она была пресамонравная и хотѣла командовать Дмитріемъ Александровичемъ, стараясь вооружить его противъ меня. Много тутъ вытерпѣла я отъ нея непріятностей: я была молода, вспыльчива и она тоже не очень

терпѣливаго десятка, а мужъ очень добръ и сдержанъ. Онъ жалѣлъ меня и любилъ, а немного прибаивался и старшей сестры своей, а потому, при нашихъ размолвкахъ, всегда бывалъ, какъ между двухъ огней. Со своимъ братомъ онъ раздѣлился, а съ сестрой у него раздѣла еще не было, и потому волей-неволей приходилось терпѣть отъ нашего несогласія. Наконецъ, я настояла, чтобъ онъ отдѣлилъ свою сестру, и она переѣхала въ свой домъ по близости отъ насъ, но и тутъ не мало причиняла мнѣ скорби...

Въ маѣ мѣсяцѣ, 20-го числа, у насъ родилась дочь; это было утромъ, въ двѣнадцатомъ часу, и Дмитрій Александровичъ тотчасъ отправился къ батюшкѣ съ радостною вѣстью и спрашиваетъ его: «какъ прикажете назвать новорожденную?»

Батюшка обнялъ его, поздравилъ и говоритъ: «какое дать имя новорожденной—въ вашей волѣ; но ежели ты меня спрашиваешь, то мнѣ всего пріятнѣе, если назовете мою внуку именемъ покойнаго моего друга — Аграфеною».

Такъ мы и сдѣлали. Батюшка пожаловалъ мнѣ на зубокъ 100 рублевъ.

Крестнымъ отцомъ былъ батюшка, а крестною матерью бабушка, Аграфена Ѳедотовна Татищева.

Матушку назвали Аграфеною въ честь ея бабушки, княгини Аграфены Ѳедоровны Щербатовой, урожденной Салтыковой; и Аграфена Ѳедоровна тоже была названа въ честь своей бабушки: отецъ ея, Ѳедотъ Михайловичъ Каменскій, былъ сынъ Михаила Сергѣевича, женатаго на Аграфенѣ Юліановнѣ Челищевой. Дочь Аграфены Ѳедотовны, Елизавета Евграфовна, вышедшая за Ивана Филипповича Новосильцева, свою дочь тоже назвала Аграфеною.

Въ 1795 году скончалась старшая моя сестра и моя крестная мать, Екатерина Петровна, въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ селѣ Покровскомъ, гдѣ тогда батюшка находился со всѣми моими сестрами. Тамъ ее и схоронили. Это было для меня большое горе, потому что я ее очень любила, а для батюшки это была очень тяжелая потеря: сестра Екатерина Петровна, послѣ кончины матушки, какъ старшая изо всѣхъ насъ, всѣмъ распоряжалась по хозяйству, а когда батюшка отлучался куда-нито она, по его указанію, завѣдывала и дѣлами. Она была юей кончинѣ невступно 40 лѣтъ. Отъ природы очень

умная, добрая и благочестивая дѣвушка, но собою очень не красива; и такъ какъ она не имѣла намѣренія идти замужъ, то батюшка на нее и разсчитывалъ, какъ на вѣрную блюстительницу и меньшихъ сестеръ, и всего домашняго обихода, и объ ней очень горевалъ.

Въ этомъ же году родился у насъ сынъ, котораго мы назвали Петромъ въ честь батюшки, а въ 1796 г. родилась дочь Анна, и крестили ее мой деверь Яньковъ и моя золовка, Анна Александровна; батюшка былъ въ деревнѣ. Дня за два до ея рожденія, мы были дома поутру, вдругъ слышимъ, въ совершенно необычное время ударили въ Кремлѣ въ колоколъ, потомъ въ другомъ мѣстѣ, еще гдѣ-то и у насъ въ приходѣ... Что̀ такое? Послали узнать: приходятъ и говорятъ, что получено извѣстіе изъ Петербурга, что скончалась императрица.

Дмитрій Александровичъ тотчасъ отправился къ батюшкѣ, потомъ, немного погодя, вернулся, надѣлъ свой дворянскій мундиръ и отправился въ соборъ присягать новому государю. Немного погодя говорятъ мнѣ: пришелъ квартальный надзиратель и меня желаетъ видѣть. Я къ нему вышла. «Что̀ вамъ угодно?» спрашиваю я.—«Не имѣете ли старыхъ газетъ 1762 года и манифестовъ; и ежели у васъ сохранились, то пожалуйте, велѣно обирать».—«Отчего же?»—«Этого, сударыня, я не знаю, а таково распоряженіе начальства». Я стала догадываться, въ чемъ дѣло, и сказала ему: «Теперь моего мужа нѣтъ дома, а безъ него я ничего не могу вамъ сказать и не знаю: есть ли то, что вы спрашиваете; ежели найдется что, то мы вамъ пришлемъ».

Обирали тогда вездѣ манифестъ Петра III о его отреченіи... Хотя у насъ были и манифестъ, и газеты 1762 года, мы все это скорѣе отправили въ деревню и тамъ сберегли. Ихъ велѣно было отбирать и жечь.

Покойную императрицу довелось мнѣ видѣть всего только два раза: одинъ разъ въ соборѣ въ Петровъ день, другой—въ московскомъ благородномъ собраніи. Это было когда праздновали двадцатипятилѣтіе ея воцаренія. Въ соборѣ намъ пришлось стать довольно близко отъ того мѣста, гдѣ стояла государыня, и изъ-за другихъ можно было иногда ее видѣть. Въ этотъ день было провозглашеніе московскаго архіепископа Платона митрополитомъ. Тогда разсказывали, что предъ на-

чатіемъ обѣдни приказано было отъ императрицы первому протодіакону, чтобы на первой эктеньѣ, когда дойдетъ очередь поминать преосвященнаго Платона, называть его митрополитомъ, и чтобъ этого до того времени ему не сказывать. Діаконъ вышелъ на амвонъ и, какъ было приказано, такъ и сдѣлалъ; эктенья окончилась — митрополитъ вышелъ изъ алтаря и, сдѣлавъ шагъ на амвонъ, молча поклонился императрицѣ и, вошедши въ алтарь, продолжалъ обѣдню своимъ чередомъ.

На другой день былъ великій праздникъ, который давалъ Шереметевъ императрицѣ у себя въ Кусковѣ, но мы тамъ не были: съ графомъ батюшка знакомъ не былъ и толкаться въ толпѣ и давкѣ онъ намъ не позволилъ. «Будетъ государыня въ собраніи на дворянскомъ балѣ, тогда и вы ее увидите».

Сестрѣ Александрѣ Петровнѣ было 21 годъ, мнѣ 19 лѣтъ, и мы отправились въ собраніе съ сестрой, Екатериной Александровной Архаровой. Балъ былъ самый блестящій и такой парадный, какихъ въ теперешнее время и быть не можетъ: дамы и дѣвицы всѣ въ платьяхъ или золотыхъ и серебряныхъ, или шитыхъ золотомъ, серебромъ, каменій на всѣхъ премножество; и мужчины тоже въ шитыхъ кафтанахъ съ кружевами, съ каменьями. Пускали въ собраніе по билетамъ самое лучшее общество; но было много.

Императрица тоже была въ серебряномъ платьѣ, невелика ростомъ, но такъ величественна и вмѣстѣ милостива ко всѣмъ, что и представить себѣ трудно. Играли и пѣли:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый Россъ...

И каждый куплетъ оканчивался стихами:

Славься симъ Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Мнѣ пришлось танцовать очень неподалеку отъ императрицы и я вдоволь на нее наглядѣлась. Когда приходилось кланяться во время миновета, то всѣ обращались лицомъ къ императрицѣ и кланялись ей; а танцующіе стояли такъ, чтобы не обращаться къ ней спиною. Блестящій былъ праздникъ.

Прежде и послѣ того случалось мнѣ видѣть издали и на улицахъ государыню, но такъ близко—никогда.

Въ то время главнокомандующимъ Москвы былъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, хорошій батюшкинъ знакомый; онъ давалъ для государыни праздникъ у себя въ домѣ, но батюшка и самъ не былъ, и насъ не отпустилъ на балъ: «Много и безъ насъ тамъ будетъ и познатнѣе, и поважнѣе». А ужъ куда какъ хотѣлось ѣхать! Не пришлось. Отчего батюшка не заблагоразсудилъ, мы объ этомъ какъ-то и не разсуждали: не угодно ему, вотъ и вся причина.

Ноября 11-го родилась Анночка; тутъ ужъ мнѣ было самой до себя и какія были новости—я не слушала, а мнѣ не говорили.

Когда прошло еще нѣсколько дней и стали ко мнѣ пріѣзжать съ поздравленіями, вотъ мнѣ и стали сказывать, какія вѣсти изъ Петербурга о милостяхъ новаго государя.

Всѣ Гатчинскіе (т. е., приверженцы малаго двора, потому что великій князь Павелъ Петровичъ жилъ больше въ Гатчинѣ) подняли головы: при императрицѣ большой дворъ не очень къ нимъ хорошо относился.

Тогда мнѣ сказывали, что, на третій день послѣ кончины императрицы, государь пожаловалъ Андрея Первозваннаго Архарову,—деверю Екатерины Александровны, Николаю Петровичу, который въ ту пору былъ новгородскимъ губернаторомъ; сказывали также, и это для всѣхъ было неслыханною новостью, что государь самъ возложилъ этотъ орденъ на митрополита петербургскаго Гавріила: до тѣхъ поръ духовенству не давали орденовъ, а награждали только панагіями да крестами, или жаловали одежды какія-нибудь дорогія.

Архаровы тогда были въ деревнѣ, за Тамбовомъ: почему-то Иванъ Петровичъ въ послѣдніе годы императрицы былъ въ немилости. Вскорѣ онъ возвратился и былъ тоже пожалованъ звѣздой, Анненскою или Александровскою—этого я ужъ не упомню. Многіе изъ тѣхъ, которые были удалены на жительство по деревнямъ, получили дозволеніе выѣзда и свободнаго жительства въ столицахъ. Между прочими, и одинъ хорошій знакомый батюшки и сосѣдъ по калужскому имѣнію—Василій Алексѣевичъ Каръ или, какъ его всегда называли, Каровъ.

Онъ служилъ въ военной службѣ генераломъ и былъ, видно, у императрицы на очень хорошемъ счету, потому что когда сталъ разгораться бунтъ Пугачева, государыня своею рукой писала къ нему, чтобъ онъ отправился противъ возмутителя. Онъ поспѣшилъ исполнить повелѣніе, отправился; потомъ вдругъ слухъ разнесся, что Каръ вернулся въ свое имѣніе: какъ такъ? Дошелъ этотъ слухъ и до батюшки: «Что за вздоръ, можетъ ли это быть»? Не повѣрилъ. Потомъ слухъ оправдался: говорили, что почему-то онъ вдругъ передалъ свою команду другому, а самъ безъ спроса уѣхалъ. Всѣ его очень осуждали и долгое время многіе боялись къ нему ѣздить. Батюшка, однако, у него бывалъ: «Что̀ мнѣ за дѣло, что онъ подъ опалой: я ѣзжу къ своему знакомому, а ежели онъ неисправенъ по службѣ, такъ суди его законъ, а не я».

Онъ жилъ у себя въ деревнѣ, занимался хозяйствомъ и былъ очень хорошій хозяинъ и охотникъ строиться: онъ свою усадьбу отстроилъ на славу. Онъ былъ богатъ, жилъ въ большомъ довольствѣ и никогда и не намекалъ, что былъ отставленъ отъ службы.

Когда императрица скончалась, его вскорѣ послѣ того потребовали въ Петербургъ; думали: «Ну, вотъ теперь бѣда;» ни чуть, дѣло его пересмотрѣли и разрѣшили ему жить свободно, гдѣ онъ пожелаетъ. Онъ былъ очень любезный и милый человѣкъ, и мы у него не разъ бывали въ гостяхъ, когда онъ сталъ жить въ Калугѣ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Хованской, Марьѣ Сергѣевнѣ; у нихъ было два сына и дочери: одна изъ нихъ была за Бѣлкинымъ, другая за Хрущовымъ. Самъ Каръ былъ старѣе батюшки; онъ имѣлъ еще брата и сестру, которая была за Голицынымъ, и я ее знавала. Каръ умеръ первый, когда именно—не знаю, но въ то время, какъ сестра Варвара Петровна выходила за Комарова [1]) замужъ, онъ былъ еще живъ и мы у него были въ гостяхъ и обѣдали. Жена его, овдовѣвъ, пошла въ монастырь, что̀ въ Калугѣ, и тамъ умерла послѣ первой холеры, въ тридцатыхъ годахъ.

Немного попрежде по времени, но тоже въ этомъ году,

---

[1]) Иванъ Елисѣевичъ Комаровъ, статскій совѣтникъ, калужскій вице-губернаторъ; женился въ 1805 году, умеръ въ 1823 году.

женился нашъ родня, князь Борисъ Ивановичъ Мещерскій (сынъ князя Ивана Никаноровича), матушкинъ троюродный братъ. Онъ взялъ за себя Тютчеву, Авдотью Николаевну. Эти Тютчевы — смоленскіе: мать Авдотьи Николаевны была Панютина; знаю это по наслышкѣ, но сама ее не знавала. Было нѣсколько братьевъ и изъ нихъ я видала Ивана Николаевича и знала сестру княгини, Надежду Николаевну Шереметеву, а другихъ двухъ сестеръ: Надаржинскую и Безобразову, не помню даже, видала ли я когда-нибудь.

Съ Шереметевымъ была очень дружна двоюродная сестра моего мужа А. П. Неклюдова, и у нея-то я съ нею и встрѣчалась особенно часто.

Мещерская была моложе меня лѣтъ на пять или на шесть; она была замужемъ менѣе трехъ мѣсяцевъ: ея мужъ простудился и умеръ отъ горячки, оставивъ свою жену беременною. Тутъ пошли у нихъ въ семьѣ большія непріятности: имѣніе послѣ Бориса Ивановича было изрядное, такъ братьямъ-то его и хотѣлось оттягать его, а княгиня была беременна, обобрать ее было нельзя; придумали разный вздоръ, клеветали на бѣдную, однако Господь сохранилъ ее и она своевременно родила дочь, Настасью, и тѣмъ былъ положенъ конецъ всѣмъ домогательствамъ ея деверьевъ. Въ послѣдствіи я съ княгинею очень сошлась и подружилась и до самой ея кончины, въ 1837 году, мы съ нею были въ самыхъ родственныхъ отношеніяхъ и мои дочери съ ея дочерью были очень дружны. Въ 1812 году, когда всѣ изъ Москвы бѣжали отъ француза, и Мещерская уѣзжала въ Моршанскъ и гостила у насъ въ тамбовской деревнѣ. Объ этомъ разскажу въ другое время.

Новый годъ, 1797-ый, мы встрѣтили съ мужемъ и съ дѣтьми въ Москвѣ, безъ батюшки и безъ сестеръ, которые въ то время были въ деревнѣ: до ноября они прожили въ Бобровѣ, а потомъ поѣхали въ Покровское. Нашъ домъ у Неопалимой Купины становился старъ и ветхъ, мы его не хотѣли передѣлывать, а продать; батюшка и предложилъ намъ переѣхать въ его домъ, гдѣ было теплѣе, и я сама была въ такомъ положеніи, что мнѣ нужно было беречь себя, а главное — Петруша все кашлялъ и хрипѣлъ, и я очень за него опасалась. Сестры мнѣ писали, чтобы я не тревожилась на его счетъ

и давала бы ему по одной гарлемской каплѣ. Меня Господь привелъ Анночку родить благополучно и послѣ того оправиться, а мальчику моему не суждено было жить: онъ скончался 12-го февраля 1797 года. Отпѣвали его въ приходѣ у Неопалимой Купины, а схоронили въ Дѣвичьемъ монастырѣ.

Съ первыхъ чиселъ марта мѣсяца стали съѣзжаться въ Москву; къ коронаціи прибыла гвардія; и офицеровъ, и солдатъ разставляли по домамъ. Въ нашъ домъ былъ назначенъ молодой офицеръ, Николай Ивановичъ Свѣшниковъ; очень молоденькій и почти мальчикъ, прекраснаго поведенія и стыдливый, и робкій какъ дѣвушка. Онъ очень къ намъ привыкъ, и съ тѣхъ поръ хотя и прошло много десятковъ лѣтъ, всегда насъ помнилъ и, когда бывалъ въ Москвѣ, насъ посѣщалъ. Онъ былъ потомъ гдѣ-то уѣзднымъ предводителемъ и, будучи отставленъ съ полнымъ мундиромъ александровскаго времени, до конца жизни ходилъ въ этомъ стародавнемъ мундирѣ.

Марта 10-го прибылъ государь съ государыней, со всѣмъ семействомъ и со всѣмъ дворомъ. Начали разъѣзжать по городу герольды и объявлять о днѣ коронаціи. Государь въ Москву не въѣхалъ, а остановился въ новомъ Петровскомъ дворцѣ, который строила покойная императрица, и туда собрались всѣ городскія власти, и митрополитъ Платонъ, бывшій законоучителемъ еще великаго князя, говорилъ ему встрѣчную рѣчь. Въ вербное воскресенье былъ торжественный въѣздъ государя въ Москву: онъ и старшіе великіе князья ѣхали верхами, а государыня со своими невѣстками въ восьмистеклянной золотой каретѣ.

Императрица была очень моложава, хотя ей и было безъ малаго сорокъ лѣтъ, и пріятной наружности; но старшая ея невѣстка, жена Александра Павловича, была красоты неописанной, совершенно ангельское лицо. Императрица улыбалась и кланялась всѣмъ направо и налѣво. Когда она вышла изъ часовни Иверской, чтобы сѣсть въ карету, она остановилась на площадкѣ: смотрѣла направо и налѣво, милостиво кланялась и простояла минуты съ двѣ, какъ будто давала всѣмъ время на нее наглядѣться. Вотъ тутъ-то я и насмотрѣлась на старшую великую княгиню — обворожительное лицо.

Побывавъ въ Кремлѣ и приложась къ мощамъ въ собо-

рахъ, торжественный поѣздъ отправился обратно по Никольской къ Краснымъ воротамъ. Тутъ у запаснаго дворца была встрѣча и потомъ опять поѣхали всѣ въ Лефортовскій дворецъ, гдѣ вся царская семья и пребывала до великой субботы.

Слышу, говорятъ, въ этотъ день всѣ будутъ въ Чудовѣ у обѣдни причащаться. Много было въ церкви, однако провели насъ, и я опять могла всѣхъ видѣть очень близко и хорошо. Но самъ государь и государыня были, но не пріобщались, въ ожиданіи слѣдующаго дня Пасхи и дня коронованія.

Изъ Чудова государь прошелъ въ соборъ и тамъ все осматривалъ; но туда изъ постороннихъ никого не пускали и мы, дождавшись, чтобы государь оттуда вышелъ, тоже ходили и все видѣли.

Гдѣ былъ государь у утрени — я не знаю, только кажется, въ Успенскій соборъ никого не пускали. Мы были у утрени и у обѣдни у себя и, разговѣвшись дома, вскорѣ отправились въ Кремль на мѣста: утро было тихое, ясное, теплое, совершенно лѣтнее. Народу было уже много... Часовъ въ 7 раздался сигнальный выстрѣлъ, потомъ благовѣстъ и вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ выходъ съ Краснаго крыльца: подъ балдахиномъ, мимо нашихъ мѣстъ, довольно близко, прошли государь и государыня вдвоемъ къ горнымъ дверямъ Успенскаго собора, и имъ была тутъ архіерейская встрѣча. Государь былъ въ мундирѣ, государыня въ парчевомъ платьѣ. И звонъ прекратился; потомъ, болѣе получаса спустя, опять выстрѣлъ, пушечная пальба, колокольный звонъ, барабанный бой, военная музыка: всѣ перекрестились и три раза раздалось въ народѣ ура! Когда пушечная пальба кончилась, стали благовѣстить къ обѣднѣ и трезвонить; трезвонили еще къ Евангелію, потомъ опять пальба, трезвонъ и выходъ въ соборы и по Красному крыльцу возвращеніе во дворецъ. Государь былъ въ царскомъ далматикѣ, поверхъ царская мантія, и во всю недѣлю были царскіе выходы въ соборы во всемъ царскомъ одѣяніи.

Въ день своей коронаціи императоръ осыпалъ щедрыми и великими милостями своихъ приверженцевъ: нѣкоторымъ по двѣ, по три награды были. Кому 6,000 душъ и Андрея, кому 3,000, 4,000 и 5,000 душъ. Всего было роздано въ этотъ

Свадьба была опять у батюшки въ домѣ, а такъ какъ у жениха не было своего собственнаго дома въ Москвѣ, то и послѣ свадьбы, первое время, молодые жили у батюшки и потомъ поѣхали въ деревню.

Князь Николай Семеновичъ былъ добрый и честный человѣкъ, но по характеру самый несносный: преупрямый и пребѣшеный, и что въ особенности для его жены было тяжело: разсердится и нѣсколько дней молчитъ, ни слова не скажетъ. Она и такъ и сякъ заговариваетъ: молчитъ, ни слова. Наконецъ, самому станетъ совѣстно, что капризничаетъ изъ-за пустяковъ, чувствуетъ это, а признаться не хочется. Тутъ сестра и начнетъ разсказывать что нибудь смѣшное, онъ расхохочется и все пройдетъ. А то иногда, когда разсердится, уйдетъ къ себѣ и все спитъ: придутъ звать къ обѣду, придетъ, отобѣдаетъ молча и опять спать и не выходитъ изъ кабинета. Вотъ пріѣдемъ мы съ мужемъ, сестра и говоритъ мнѣ: «А князь Николай Семеновичъ опять все спитъ». Это значитъ, что онъ не въ духѣ и сердится. «Пожалуйста, сестра, сходи растереби его». Вотъ и пойду я къ нему: «Николай Семеновичъ, мы пріѣхали къ тебѣ въ гости, сестра тебя зоветъ, пойдемъ». Молчитъ. Придетъ сестра и возьмемъ мы его подъ руки, да насилу и подымемъ. «Ха-ха-ха», громко захохочетъ онъ, и все его сердце пройдетъ. Былъ онъ еще очень скупъ и эта скупость была иногда причиною досады: нужно что нибудь для дома, не покупаетъ; сестра пристаетъ: «купи». Купитъ и дуется потомъ нѣсколько дней, что купилъ. Престранный былъ человѣкъ. Сердцемъ былъ предобрый, а характеръ самый непріятный.

Вскорѣ послѣ женитьбы, Вяземскій купилъ себѣ домъ на Пречистенкѣ, на углу переулка, наискосокъ съ домомъ, бывшимъ Всеволожскаго.

Однажды, утромъ, сижу я у сестры, — это было въ 1801 году, 14-го или 15-го марта, — входитъ ея дворецкій и говоритъ намъ вполголоса, что онъ только-что возвратился съ торга, и что носится слухъ, что въ ночь на 12-е марта государя не стало, что онъ скончался.

Мы не повѣрили и сказали дворецкому, чтобъ онъ молчалъ, не говорилъ глупостей и не разглашалъ, можетъ быть, ложнаго слуха, что можетъ отъ этого быть для него бѣда.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Въ 1798 или 1799 году батюшка продалъ свой старый домъ и купилъ другой, каменный, прекрасный, на Зубовскомъ бульварѣ. Этотъ домъ принадлежалъ прежде графу Толстому, человѣку очень богатому, который въ одно время выстроилъ два совершенно одинаковыхъ дома: одинъ у себя въ деревнѣ, а другой въ Москвѣ. Оба дома были отдѣланы совершенно однимъ манеромъ: обои, мебель, словомъ, все какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ. Это для того, чтобы при переѣздѣ изъ Москвы въ деревню не чувствовать никакой перемѣны.

Батюшка отдѣлалъ свой домъ, по тогдашнему, очень хорошо: въ одной гостиной мебель была бѣлая съ золотомъ, обита голубымъ штофомъ, а въ другой—вся золоченая, обита шпалернымъ пестрымъ ковромъ, на манеръ гобленовыхъ издѣлій, цвѣты букетами и птицы—очень было это хорошо. Вездѣ были люстры съ хрусталями и столы съ мраморными накладками. Въ саду были фонтаны, оранжерея и большой грунтовый сарай.

Соотвѣтственно дому, батюшка захотѣлъ, чтобъ и весь обиходъ домашній былъ получше, и потому заказалъ серебряный новый сервизъ; фарфоръ и хрусталь, все было прекрасное и все это скоро было обновлено къ свадьбѣ сестры Александры Петровны. Она выходила за князя Николая Семеновича Вяземскаго. Онъ былъ полковникъ въ отставкѣ, при взятіи Очакова былъ раненъ пулею въ бокъ, и странно: пуля осталась не вынутою и лѣтъ черезъ пятнадцать спустилась и ее вырѣзывали изъ ноги. Онъ былъ лѣтъ на десять старѣе сестры; собою не дуренъ, но вслѣдстіе контузіи немного глухъ. Его отецъ, князь Семенъ Ивановичъ, былъ женатъ на Ковериной, а какъ ее звали—не знаю. Были еще два брата: князь Василій и князь Юрій Семеновичи и сестра княжна Дарья Семеновна, которую я знала и которая умерла въ 1859 или 1860 году. Можетъ быть, и еще были сестры, но этого навѣрно не знаю.

Свадьба была опять у батюшки въ домѣ, а такъ какъ у жениха не было своего собственнаго дома въ Москвѣ, то и послѣ свадьбы, первое время, молодые жили у батюшки и потомъ поѣхали въ деревню.

Князь Николай Семеновичъ былъ добрый и честный человѣкъ, но по характеру самый несносный: преупрямый и пребѣшеный, и что̀ въ особенности для его жены было тяжело: разсердится и нѣсколько дней молчитъ, ни слова не скажетъ. Она и такъ и сякъ заговариваетъ: молчитъ, ни слова. Наконецъ, самому станетъ совѣстно, что капризничаетъ изъ-за пустяковъ, чувствуетъ это, а признаться не хочется. Тутъ сестра и начнетъ разсказывать что нибудь смѣшное, онъ расхохочется и все пройдетъ. А то иногда, когда разсердится, уйдетъ къ себѣ и все спитъ: придутъ звать къ обѣду, придетъ, отобѣдаетъ молча и опять спать и не выходитъ изъ кабинета. Вотъ прiѣдемъ мы съ мужемъ, сестра и говоритъ мнѣ: «А князь Николай Семеновичъ опять все спитъ». Это значитъ, что онъ не въ духѣ и сердится. «Пожалуйста, сестра, сходи растереби его». Вотъ и пойду я къ нему: «Николай Семеновичъ, мы прiѣхали къ тебѣ въ гости, сестра тебя зоветъ, пойдемъ». Молчитъ. Придетъ сестра и возьмемъ мы его подъ руки, да насилу и подымемъ. «Ха-ха-ха», громко захохочетъ онъ, и все его сердце пройдетъ. Былъ онъ еще очень скупъ и эта скупость была иногда причиною досады: нужно что нибудь для дома, не покупаетъ; сестра пристаетъ: «купи». Купитъ и дуется потомъ нѣсколько дней, что купилъ. Престранный былъ человѣкъ. Сердцемъ былъ предобрый, а характеръ самый непрiятный.

Вскорѣ послѣ женитьбы, Вяземскiй купилъ себѣ домъ на Пречистенкѣ, на углу переулка, наискосокъ съ домомъ, бывшимъ Всеволожскаго.

Однажды, утромъ, сижу я у сестры, — это было въ 1801 году, 14-го или 15-го марта, — входитъ ея дворецкiй и говоритъ намъ вполголоса, что онъ только-что возвратился съ торга, и что носится слухъ, что въ ночь на 12-е марта государя не стало, что онъ скончался.

Мы не повѣрили и сказали дворецкому, чтобъ онъ молчалъ, не говорилъ глупостей и не разглашалъ, можетъ быть, ...го слуха, что можетъ отъ этого быть для него бѣда.

Немного погодя, приходитъ князь Николай, Семеновичъ откуда-то возвратившійся, и тоже шепчетъ намъ:

— Говорятъ, государь скончался.

Къ обѣду пріѣхалъ и мой мужъ и съ тѣмъ же извѣстіемъ... Мы все еще не вѣримъ; наконецъ, стали разносить повѣстку, чтобъ собирались въ соборъ для присяги; ну, тутъ мы уже перестали сомнѣваться.

Въ то время извѣстія не могли доходить въ Москву, какъ теперь, потому что не было телеграфовъ, и хотя курьеры и ѣздили скоро, но, все-таки, извѣстія достигали чрезъ двое сутокъ на третьи.

II.

Все лѣто 1801 года мы прожили въ нашей подмосковной и положили въ августѣ ѣхать въ нашу тамбовскую деревню. Къ намъ пріѣзжали погостить сперва молодые наши Вяземскіе, а потомъ батюшка и сестры, и очень насъ уговаривали, чтобы мы дождались коронаціи, которая была назначена въ началѣ сентября; однако, мы рѣшились ѣхать [1]).

Августа 10-го, мы выѣхали изъ деревни въ Москву и тамъ пробыли до 14-го. Въ этотъ день, въ шесть часовъ утра, выѣхали изъ Москвы и 16-го, въ четыре часа послѣ обѣда, пріѣхали въ село Петрово, къ моему деверю Николаю Александровичу Янькову.

Онъ былъ женатъ на Ѳедосьѣ Андреевнѣ Зыбиной, которая годомъ или двумя была моложе меня; женился онъ за годъ до своего старшаго брата. Невѣстка моя была добрая женщина, очень благочестивая, но совершенно безо всякаго воспитанія даже и по нашему времени. Она была бѣдная дворянка, которую пригрѣли Долгоруковы, и они-то и спихнули ее съ рукъ за Янькова. Онъ былъ очень добрый, но и очень ограниченный человѣкъ, и, вдобавокъ, небольшаго роста и весьма кривобокъ, такъ что онъ и не могъ разсчитывать на болѣе выгодную женитьбу и рисковалъ жениться на дѣвушкѣ, которая пошла бы за него изъ-за его имѣнія, и, можетъ быть,

---

[1]) Всѣ эти поѣздки я могъ потому такъ подробно изложить, что сохранилась собственноручная тетрадь моего дѣда; ею я руководствовался чтобы полнѣе передать устные разсказы бабушки. Внукъ.

сдѣлала бы его несчастливымъ, или бы совершенно раззорила. Такіе примѣры бывали и въ наше время.

Яньковы жили въ старомъ домѣ, гдѣ живали ихъ дѣдъ и отецъ; домъ былъ ветхъ и содержанъ не по-барски, довольно неопрятно, и мы оба, и мой мужъ, и я, были этимъ очень поражены. Сосѣди были тоже престранные и совершенно допотопные и безо всякаго воспитанія и умѣнія жить. Одни только и пришлись мнѣ по мысли: верстахъ въ 40 отъ нихъ, въ селѣ Михайловскомъ, жилъ Вилимъ Денисовичъ Ридеръ, отставной генералъ, вдовецъ, и у него была дочь, Агафья Вилимовна, молодая дѣвушка. Она была не дурна собою, хорошо воспитана, очень умная и милая. Тутъ я съ нею и познакомилась; потомъ она была замужемъ за Кротковымъ, Степаномъ Степановичемъ, очень богатымъ человѣкомъ.

Прогостивъ у Яньковыхъ болѣе недѣли, мы поѣхали далѣе, останавливались въ нашемъ веневскомъ имѣніи и на слѣдующій день пріѣхали ночевать въ Епифань. Городокъ довольно раскинутый, но болѣе похожій на деревню, чѣмъ на городъ: дома все деревянные, есть и крытые соломой, церкви тоже деревянныя, исключая двухъ каменныхъ; вообще городишко очень невзрачный.

Выѣхавъ рано утромъ по Ефремовской дорогѣ, мы три раза переѣзжали черезъ Донъ по очень дурнымъ мостамъ, которые вообще въ той мѣстности ужасные; и были крутыя горы и дорога очень дурная, такъ что мы отъѣхали не болѣе 50-ти верстъ и ночевали. На слѣдующій день обѣдали у моей золовки въ деревнѣ, въ селѣ Тепломъ, и не доѣхавъ до Лебедяни 8 верстъ, остановились ночевать.

На слѣдующій день мы проѣхали рано утромъ чрезъ Лебедянь, городъ гдѣ бываетъ нѣсколько ярмарокъ, больше лошадиныхъ. Городъ тоже показался мнѣ плоховатъ, но соборъ каменный, повидимому, хорошъ.

Ночевать мы въ этотъ день пріѣхали въ Липецкъ, нашъ уѣздный городъ. Мы спѣшили добраться поскорѣе до мѣста, и потому ранехонько утромъ, не осматривая города, поѣхали къ себѣ въ деревню Аннино, въ 40 верстахъ отъ города; сбились съ дороги, воротились назадъ и наконецъ пріѣхали благополучно къ себѣ въ имѣніе.

Сельцо Аннино, такъ названное въ честь моей свекрови

Анны Ивановны, при нашемъ прiѣздѣ почти никакой не имѣло усадьбы, и намъ приходилось строиться и устраиваться. Первое время мы жили въ банѣ: мой мужъ, я и наши четыре дѣвочки: Груша, Анночка, Сонюшка и Клеопатра. Эти годы проведенные нами въ тамбовской деревнѣ, были для меня тяжелымъ временемъ: мы жили въ тѣснотѣ и съ дѣтьми, у которыхъ сдѣлался коклюшъ; докторовъ по близости не было, а и тѣ, которые были, оказались очень плохими.

Ближайшими сосѣдями было семейство Бурцевыхъ: Петръ Тимоѳеевичъ и Екатерина Дмитрiевна, и ихъ дочери Александра Петровна за Александровымъ и Аполлинарiя Петровна за Бартеневымъ [1]), люди добрые, честные и благочестивые, которымъ мы многимъ обязаны были въ первое время нашего жительства въ неустроенномъ нашемъ имѣнiи.

Дмитрiй Александровичъ, хозяинъ еще вновѣ и притомъ въ совершенно незнакомой мѣстности, часто прибѣгалъ къ совѣтамъ этого опытнаго человѣка, а во время нашей стройки Бурцевы не разъ ссужали насъ деньгами. Екатерина Дмитрiевна была хорошая хозяйка, опытная, добрая жена у прекрасная мать.

Въ 1802 году, въ половинѣ января, Дмитрiй Александровичъ поѣхалъ въ Москву одинъ, а я съ дѣтьми осталась въ деревнѣ и въ скоромъ времени послѣ отъѣзда мужа была обрадована неожиданнымъ прiѣздомъ батюшки. Это было въ началѣ февраля. Но эта радость обратилась мнѣ въ великое горе: батюшка опасно занемогъ, у него сдѣлалось воспаленiе легкихъ. Докторовъ по близости не было и потому посылали въ Козловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ я писала къ мужу и къ брату Николаю Петровичу въ Москву. Письмо мое застало обоихъ въ Москвѣ, 23-го февраля. На другой день они взяли подорожную и отправились вдвоемъ, прiѣхали къ намъ на третьи сутки и нашли, что батюшкѣ, слава Богу, лучше.

Очень настрадалась я душой во время батюшкиной болѣзни, хотя и сама была не совсѣмъ здорова, потому что была при послѣднемъ мѣсяцѣ тягости, и въ самое Вербное Воскресенье, апрѣля 6-го, родила дочь Елизавету, которую батюшка

[1]) Отцомъ издателя «Русскаго Архива» П. И. Бартенева.

шихъ лошадей отправили 5-го числа, а сами отъ батюшки поѣхали 6-го октября. Отобѣдавъ въ селѣ Овечьи Воды, мы перемѣнили лошадей и отправились далѣе, пріѣхали ночевать въ Ефремовъ, а на утро выѣхали очень рано, при лунномъ свѣтѣ; на дорогѣ въ одномъ селеніи останавливались кормить лошадей и обѣдать, и къ вечеру пріѣхали въ Елецъ. Городъ очень приглядный, только при въѣздѣ весьма крутая гора и другая при выѣздѣ, но гораздо отложе.

Изъ Ельца мы выѣхали въ 8 часовъ утра и пріѣхали въ Задонскъ во второмъ часу дня: противъ города переѣхали по мосту черезъ Донъ и остановились въ монастырской гостинницѣ въ самомъ городѣ.

Монастырь, говорятъ, древній, но сперва былъ весь деревянный и сгорѣлъ; при императрицѣ Аннѣ стали его перестроивать изъ камня и отдѣлывать. Въ особенности этотъ монастырь началъ прославляться, когда въ немъ жилъ на покоѣ великій подвижникъ и служитель Господень, преосвященный Тихонъ, къ которому стекалось множество богомольцевъ отовсюду за благословеніемъ. Онъ былъ удивительно кротокъ, и столько же своими поученіями, сколько и примѣромъ добродѣтельной жизни служилъ назиданіемъ для приходившихъ къ нему. Келія его была самая убогая, одежда грубая, и пища скудная и простая. Онъ скончался на моей памяти, и Господь сподобилъ меня слышать о прославленіи его нетлѣнныхъ мощей. И въ то время были уже исцѣленія отъ его могилы, но мощи не были еще свидѣтельствованы, и по немъ служили панихиды. День его тезоименитства былъ 16-го мая, а преставился онъ 13-го августа 1783 года.

Кромѣ того, здѣсь погребены игуменъ обители Евсевій, жившій въ давнее время, и схимонахъ Митрофанъ, скончавшійся 27-го февраля, въ 1790 году. И тотъ, и другой оставили по себѣ хорошую память, какъ великіе подвижники, проводившіе праведную жизнь.

Весь этотъ день мы провели въ Задонскѣ и были въ церкви у службы; настоятелемъ былъ тогда архимандритъ Тимоѳей.

Городъ этотъ потому былъ названъ Задонскомъ, что отъ Москвы онъ находится по ту сторону Дона; это еще молодой городъ, которому едва сто лѣтъ; монастырь давнишній, а го-

мадамъ, съ моднымъ старьемъ, которое въ Москвѣ уже не носятъ: наколки и шляпы преужасныя, съ перьями, съ лентами и цвѣтами, точно вербы; и все это втридорога. Купечеству эта ярмарка праздникъ: и жены, и дочери ихъ, разодѣтыя въ шелкъ и бархатъ, въ жемчугахъ, брилліантахъ, сидятъ у входа лавокъ и вереницей снуютъ взадъ и впередъ по ярмаркѣ, высматривая себѣ жениховъ. Много помѣщиковъ, барышниковъ и цыганъ толпятся тамъ, гдѣ выводка лошадей, которыхъ пригоняютъ табунами: какихъ только тутъ нѣтъ породъ и мастей!

Въ этотъ разъ были балаганы и кукольная комедія, куда мы водили дѣтей, и они очень этимъ утѣшались.

На другой день мы ночевали въ селѣ Шиловѣ, а на слѣдующій пріѣхали обѣдать въ Ефремовъ. Городъ очень плохенькій, выстроенный какъ-то не по-людски, а просто по-татарски, въ разбродъ: куда какой домъ попалъ, тамъ и стоитъ: гдѣ лицомъ повернутъ, гдѣ иначе. Улицы и площади немощенныя, прегрязныя и претопкія; дома гдѣ деревянные, гдѣ мазанки, и много кровель соломенныхъ. Можетъ статься, что теперь, чрезъ шестьдесятъ лѣтъ, онъ улучшился, а тогда былъ претошный городишко. Ночевали мы въ селѣ Овечьи Воды и, выѣхавъ оттуда рано поутру, прибыли, наконецъ, въ село Покровское. Это было 28-го сентября.

Батюшки мы не нашли дома, онъ съ сестрами еще не возвращался изъ Боброва; братъ Николай Петровичъ одинъ былъ въ Покровскомъ и очень намъ обрадовался. На слѣдующій день, поздно вечеромъ, возвратился и батюшка, и такъ мы всѣ вмѣстѣ встрѣтили праздникъ Покрова и прогостили еще съ недѣлю.

На возвратномъ пути къ себѣ мы расположились ѣхать другою дорогой, верстъ на 20 подалѣе, чтобы заѣхать въ Задонскъ поклониться праху преосвященнаго Тихона, жившаго тамъ лѣтъ двадцать предъ тѣмъ на покоѣ и тамъ скончавшагося. Батюшка съ нимъ былъ лично знакомъ и очень чтилъ его память, а дядюшка графъ Степанъ Ѳедоровичъ былъ съ нимъ очень друженъ и имѣлъ переписку.

Батюшка предложилъ намъ отправить впередъ нашихъ лошадей на первую станцію въ Овечьи Воды, а самимъ ѣхать на слѣдующій день на его лошадяхъ, что̀ мы и сдѣлали: на-

шихъ лошадей отправили 5-го числа, а сами отъ батюшки поѣхали 6-го октября. Отобѣдавъ въ селѣ Овечьи Воды, мы перемѣнили лошадей и отправились далѣе, пріѣхали ночевать въ Ефремовъ, а на утро выѣхали очень рано, при лунномъ свѣтѣ; на дорогѣ въ одномъ селеніи останавливались кормить лошадей и обѣдать, и къ вечеру пріѣхали въ Елецъ. Городъ очень приглядный, только при въѣздѣ весьма крутая гора и другая при выѣздѣ, но гораздо отложе.

Изъ Ельца мы выѣхали въ 8 часовъ утра и пріѣхали въ Задонскъ во второмъ часу дня: противъ города переѣхали по мосту черезъ Донъ и остановились въ монастырской гостинницѣ въ самомъ городѣ.

Монастырь, говорятъ, древній, но сперва былъ весь деревянный и сгорѣлъ; при императрицѣ Аннѣ стали его перестроивать изъ камня и отдѣлывать. Въ особенности этотъ монастырь началъ прославляться, когда въ немъ жилъ на покоѣ великій подвижникъ и служитель Господень, преосвященный Тихонъ, къ которому стекалось множество богомольцевъ отовсюду за благословеніемъ. Онъ былъ удивительно кротокъ, и столько же своими поученіями, сколько и примѣромъ добродѣтельной жизни служилъ назиданіемъ для приходившихъ къ нему. Келія его была самая убогая, одежда грубая, и пища скудная и простая. Онъ скончался на моей памяти, и Господь сподобилъ меня слышать о прославленіи его нетлѣнныхъ мощей. И въ то время были уже исцѣленія отъ его могилы, но мощи не были еще свидѣтельствованы, и по немъ служили панихиды. День его тезоименитства былъ 16-го мая, а преставился онъ 13-го августа 1783 года.

Кромѣ того, здѣсь погребены игуменъ обители Евсевій, жившій въ давнее время, и схимонахъ Митрофанъ, скончавшійся 27-го февраля, въ 1790 году. И тотъ, и другой оставили по себѣ хорошую память, какъ великіе подвижники, проводившіе праведную жизнь.

Весь этотъ день мы провели въ Задонскѣ и были въ церкви у службы; настоятелемъ былъ тогда архимандритъ Тимоѳей.

Городъ этотъ потому былъ названъ Задонскомъ, что отъ Москвы онъ находится по ту сторону Дона; это еще молодой городъ, которому едва сто лѣтъ; монастырь давнишній, а го-

родъ одного времени съ Липецкомъ; и тамъ, и здѣсь были при Петрѣ желѣзные и пушечные заводы.

Ночевали мы въ Боренскихъ заводахъ, которые тогда приходили уже въ упадокъ, потому что все было деревянное, а лѣсъ тамъ выводился и сталъ дорогъ.

На слѣдующій день проѣхали чрезъ Липецкъ, не останавливаясь, обѣдали въ бывшемъ когда-то и потомъ упраздненномъ городкѣ Сокольскѣ, и тамъ отобѣдавъ, пріѣхали къ себѣ въ деревню 10-го октября.

III.

Въ 1803 году, въ январѣ мѣсяцѣ, ѣздилъ въ Москву Дмитрій Александровичъ одинъ и возвратился 20-го февраля. Во время его отсутствія, 24-го января, умерла моя меньшая дѣвочка Лизанька, и тутъ мнѣ много оказала участія добрѣйшая наша сосѣдка Екатерина Дмитріевна Бурцева: я была и сама нездорова, и всѣ дѣти хворали, и она ѣздила и хоронила мою дѣвочку въ селѣ Грязяхъ, отъ насъ двѣ версты. Такое живое участіе никогда не забывается; много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а очень я помню всѣ попеченія обо мнѣ Екатерины Дмитріевны.

Скажу, къ слову, о нашемъ причтѣ. Въ первое время, какъ мы пріѣхали въ эту деревню, я и вздумала послать къ священнику просить его отслужить у насъ на дому всенощную подъ какой-то большой праздникъ. Каково же мое было удивленіе: священникъ приходитъ въ валенкахъ, а діаконъ и дьячекъ въ лаптяхъ и превонючихъ тулупахъ. Сначала я это терпѣла, хотя бывало послѣ нихъ не закуришь ничѣмъ, а полы хоть мой; потомъ это мнѣ надоѣло и я велѣла сшить всѣмъ тремъ сапоги и имъ подарила. Надобно было видѣть ихъ радость: ужь такъ я ихъ этимъ утѣшила.

Сосѣди, кромѣ Бурцевыхъ, были все однодворцы и мелкіе помѣщики, не лучше однодворцевъ. Верстахъ въ двадцати отъ насъ жило семейство Бершовыхъ, которые у насъ бывали. Состояньице у нихъ было очень небольшое, и барыня сама хаживала со своими домашними на работы. Звали ее Матрена, какъ по батюшкѣ—и не помню. «Вотъ, матушка», разсказы-

тораго дѣвать было некуда; слышимъ отъ Бурцевыхъ, что гдѣ-то неподалеку есть ключевая вода. Послали, привезли; точно, вода хороша. Дмитрій Александровичъ велѣлъ срубить срубъ, окопали мѣсто, гдѣ ключъ и поставили этотъ срубъ,— а было это на однодворческой землѣ. Смотримъ, на утро срубъ этотъ стоитъ у насъ посередь двора. «Чтò это такое?» Говорятъ, ночью однодворцы привезли его и сложили на дворѣ. Послали узнать: отчего они нашъ срубъ къ намъ привезли; кажется, не мѣшалъ онъ имъ. Приходятъ нѣсколько человѣкъ. Дмитрій Александровичъ вышелъ къ нимъ: «Скажите, братцы, чѣмъ вамъ мѣшалъ мой срубъ, поставленный на ключѣ»?

— Батюшка, Александрычъ, не вели его тамъ ставить, просимъ тебя...

— Да чѣмъ же онъ вамъ мѣшаетъ? Развѣ жаль вамъ воды?..

— Воды не жаль, а сруба не ставь.

— Чтò же вы такъ сруба моего не жалуете?

— Коли вода тебѣ такъ люба, прикажи, мы тебѣ сгородимъ какой хошь срубъ; а тебѣ ставить не дадимъ...

— Вы мнѣ скажите, друзья, какая причина...

Мялись, мялись, наконецъ высказались.

— Вотъ чтò, Александрычъ, какъ ты свой срубъ-то поставишь, да примежуешь къ нему отъ нашей земли? Мы вотъ этого-то и стережемся.

— Ахъ, какіе же вы чудаки, мнѣ никогда этого и въ голову не приходило... Даю вамъ слово... Да развѣ это возможно сдѣлать?..

— А Богъ тебя знаетъ... А ужь если хочешь, мы почтимъ тебя: ты подари намъ этотъ срубъ, мы его сами и поставимъ.

— Мнѣ, право, все равно, возьмите и ставьте его сами...

— Значитъ, срубъ нашъ, ты его намъ жалуешь...

— Жалую, жалую...

— Эй, слышь, господа, Лександрычъ отдалъ намъ этотъ срубъ, значитъ онъ нашъ...

Итакъ, они его взяли, сами опять поставили на ключѣ и успокоились.

Это смѣшное опасеніе однодворцевъ имѣло однако нѣко-

хорошей черноземной землѣ, какъ тамъ. И такъ засадилъ онъ что-то много десятинъ; сынъ его не трогалъ этихъ деревьевъ, а внукъ, дождавшись времени, бралъ потомъ большія деньги за хорошія дрова.

Неподалеку отъ этихъ Бершовыхъ жилъ одинъ однодворецъ, который промышлялъ рыбой, ловилъ ее въ рѣкахъ и потомъ куда-то возилъ продавать. Онъ и у насъ въ рѣкѣ Матырѣ, предъ домомъ, лавливалъ изпола, съ нашего согласія, и потому иногда бывалъ у Дмитрія Александровича по дѣлу. Однажды онъ и предлагаетъ моему мужу: «Александрычъ», такъ онъ его называлъ, «у тебя, сказываютъ, вишь, есть некошная»[1]) дѣвка, пьянчуга и воровка, съ которою тебѣ только одна докука; продай ты мнѣ ее, я тебѣ хорошія за нее дамъ деньги».

— Ну, а сколько, напримѣръ? спрашиваетъ мужъ.

— Да ежели чистоганомъ — деньгами, такъ двадцать пять рублевъ, а коли хошь на рыбу смѣнять, такъ рыбы дамъ тебѣ на пятьдесятъ рублевъ.

Эта дѣвка точно была предрянная: пьяница, воровка, убѣжитъ безъ паспорта, накрадетъ гдѣ-нибудь, попадется за кражу, сидитъ въ острогѣ, потомъ ее выпустятъ и къ намъ по этапу пришлютъ. Держать у себя ее опасно было, и мы не знали, что намъ съ нею и дѣлать. Дмитрій Александровичъ не разъ говаривалъ:

— Грѣшно, а желалъ бы, чтобъ она чего-нибудь побольше накрала и чтобъ ее совсѣмъ сослали, намъ бы руки развязали...

Вотъ, какъ однодворецъ вызвался ее купить у насъ, мужъ и приходитъ ко мнѣ посовѣтоваться и разсказываетъ, что за нее даютъ или 25 рублей деньгами, или рыбы на 50 рублей...

Я и говорю ему: «Ты ужъ лучше возьми деньгами, а то это какъ-то ужасно подумать, что мы дѣвку промѣняли на рыбу: это и кусокъ въ горло не пойдетъ». Такъ за дѣвку и взяли мы 25 рублей и отъ нея избавились.

Наши сосѣди-однодворцы были пресмѣшные и преглупые. У насъ въ деревнѣ не было хорошей воды; въ рѣкѣ вода вонючая, потому что въ нее много валили тогда навозу, ко-

[1]) То-есть, негодная.

колая Ивановича и родная племянница извѣстнаго въ свое время графа Аркадія Ивановича, бывшаго посланникомъ въ Голландіи, а въ то время находившагося посломъ въ Парижѣ, при Бонапарте. Брату было около тридцати четырехъ лѣтъ, а его невѣстѣ лѣтъ на десять или на двѣнадцать менѣе. Она была очень недурна собою, мила и обходительна; одно только вредило ей въ разговорѣ: ужасно пришепетывала и, чувствуя свой недостатокъ, сама же надъ нимъ смѣялась и называла себя картавою. Это происходило отъ того, что ея языкъ былъ длиннѣе обыкновеннаго и съ трудомъ умѣщался во рту.

Батюшка былъ очень доволенъ, что братъ женился: домъ свой къ свадьбѣ опять отдѣлалъ заново, весь свой серебряный сервизъ перемѣнилъ и весело и свѣтло праздновалъ братнину свадьбу. Верхній этажъ онъ уступилъ молодымъ, а самъ помѣстился въ нижнемъ этажѣ, и съ нимъ двѣ мои сестры: Варвара Петровна и Анна Петровна. У моей невѣстки была еще сестра, Прасковья Николаевна, за княземъ Андреемъ Михайловичемъ Оболенскимъ; они жили лѣтомъ въ своей подмосковной деревнѣ въ Дмитровскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 18 отъ насъ, и нерѣдко, ѣдучи въ Москву, заѣзжали къ намъ на перепутьи. Кн. Оболенская скончалась въ 1832 году въ іюлѣ, а ея сестра, моя невѣстка, въ февралѣ 1833 года. У брата было нѣсколько человѣкъ дѣтей, но въ живыхъ остался только одинъ Владиміръ.

Мы до самаго мая мѣсяца прожили въ Москвѣ, а въ половинѣ мая опять всею семьей поѣхали въ Липецкъ пить воды. Въ селѣ Петровѣ мы прогостили болѣе недѣли и пріѣхали въ Липецкъ 31-го мая въ свой домъ, купленный нами у Бурцевыхъ.

Весь іюль мѣсяцъ мы провели въ Липецкѣ, пили воды и потомъ поѣхали въ Елизаветино и жили тамъ до половины сентября мѣсяца.

Во время лѣта пріѣзжали къ намъ въ гости братъ Николай Петровичъ и съ нимъ Семенъ Сергѣевичъ Зыковъ; они тоже въ Липецкѣ пили воды и жили въ нашемъ домѣ.

Въ іюлѣ пріѣхали пить воды тетушка графиня Александра Николаевна Толстая съ дядюшкой и дѣтьми: Елизаветою Степановною и Владиміромъ и Петромъ Степанови-

торое основаніе: въ то время было много порожнихъ земель въ Тамбовской губерніи, а можетъ быть, и въ другихъ, и помѣщики заявляли только куда слѣдовало, что вотъ тамъ-то и тамъ-то у нихъ столько-то земли, но что плана не имѣютъ и просятъ выдать планъ и землю за ними укрѣпить.

Такъ, одинъ сосѣдъ разсказывалъ намъ:

«Землицы у меня было маловато, а возлѣ меня—борозда къ бороздѣ—была большая пустошь, казенная, что ль, или кѣмъ брошенная, только никто ею не владѣлъ, и мы издавна ею пользовались, какъ своею. Былъ я въ городѣ, мнѣ тамъ и говорятъ: скоро, молъ, будетъ размежеваніе, такъ хорошо кто этимъ воспользуется и изъ пустыхъ земель себѣ примежуетъ. Думаю себѣ, ладно. Заѣхалъ къ межевщику, захватилъ его къ себѣ и сталъ межевать пустошь; обошли окружную межу—было съ залишкомъ пятьсотъ восемьдесять десятинъ. Я поставилъ на пустырѣ избенку и подалъ заявленіе объ этой землѣ; что же, вѣдь ее за мной и укрѣпили»...

И такъ дѣлали многіе помѣщики; можетъ быть, подобнаго захвата боялись и наши сосѣди-однодворцы.

IV.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ мы поѣхали въ Москву всею семьей. За недѣлю до нашего отъѣзда мы отправили свой обозъ: три фуры, три кибитки на волахъ парами, и телѣгу въ одну лошадь, обозныхъ три человѣка и Тараса повара съ парою лошадей, а сами отправились мы, 13-го числа, въ восьмимѣстной линейкѣ въ 6 лошадей, въ каретѣ въ 6 лошадей, коляскѣ въ 4 лошади и кибиткѣ въ 3 лошади, всего на 19 лошадяхъ. Въ Липецкѣ мы пристали у Бурцевыхъ въ ихъ домѣ, гдѣ насъ поджидала Екатерина Дмитріевна и ея дочь, Александра Петровна Александрова.

По пути заѣзжали къ моему деверю въ село Петрово и тамъ прогостили пять сутокъ, и наконецъ пріѣхали 28-го въ Москву, послѣ двухлѣтняго отсутствія.

Старшій изъ моихъ братьевъ, Михаилъ Петровичъ (двумя годами младшій меня), женился въ этомъ году на графинѣ Варварѣ Николаевнѣ Марковой. Она была дочь графа Ни-

колая Ивановича и родная племянница извѣстнаго въ свое время графа Аркадія Ивановича, бывшаго посланникомъ въ Голландіи, а въ то время находившагося посломъ въ Парижѣ, при Бонапарте. Брату было около тридцати четырехъ лѣтъ, а его невѣстѣ лѣтъ на десять или на двѣнадцать менѣе. Она была очень недурна собою, мила и обходительна; одно только вредило ей въ разговорѣ: ужасно пришепетывала и, чувствуя свой недостатокъ, сама же надъ нимъ смѣялась и называла себя картавою. Это происходило отъ того, что ея языкъ былъ длиннѣе обыкновеннаго и съ трудомъ умѣщался во рту.

Батюшка былъ очень доволенъ, что братъ женился: домъ свой къ свадьбѣ опять отдѣлалъ заново, весь свой серебряный сервизъ перемѣнилъ и весело и свѣтло праздновалъ братнину свадьбу. Верхній этажъ онъ уступилъ молодымъ, а самъ помѣстился въ нижнемъ этажѣ, и съ нимъ двѣ мои сестры: Варвара Петровна и Анна Петровна. У моей невѣстки была еще сестра, Прасковья Николаевна, за княземъ Андреемъ Михайловичемъ Оболенскимъ; они жили лѣтомъ въ своей подмосковной деревнѣ въ Дмитровскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 18 отъ насъ, и нерѣдко, ѣдучи въ Москву, заѣзжали къ намъ на перепутьи. Кн. Оболенская скончалась въ 1832 году въ іюлѣ, а ея сестра, моя невѣстка, въ февралѣ 1833 года. У брата было нѣсколько человѣкъ дѣтей, но въ живыхъ остался только одинъ Владиміръ.

Мы до самаго мая мѣсяца прожили въ Москвѣ, а въ половинѣ мая опять всею семьей поѣхали въ Липецкъ пить воды. Въ селѣ Петровѣ мы прогостили болѣе недѣли и пріѣхали въ Липецкъ 31-го мая въ свой домъ, купленный нами у Бурцевыхъ.

Весь іюль мѣсяцъ мы провели въ Липецкѣ, пили воды и потомъ поѣхали въ Елизаветино и жили тамъ до половины сентября мѣсяца.

Во время лѣта пріѣзжали къ намъ въ гости братъ Николай Петровичъ и съ нимъ Семенъ Сергѣевичъ Зыковъ; они тоже въ Липецкѣ пили воды и жили въ нашемъ домѣ.

Въ іюлѣ пріѣхали пить воды тетушка графиня Александра Николаевна Толстая съ дядюшкой и дѣтьми: Елизаветою Степановною и Владиміромъ и Петромъ Степанови-

чами. Была съ ними и дядюшкина сестра, Варвара Өедоровна Дохтурова, съ дѣвочкой своею Машенькой.

Мы съ мужемъ ѣздили повидаться съ ними въ Липецкъ, предложили имъ свой домъ на время ихъ житья въ Липецкѣ и звали ихъ къ себѣ въ гости въ Елизаветино, и они обѣщали у насъ быть.

Въ этотъ годъ пилъ воды Дмитрій Ивановичъ Яковлевъ; ему очень понравился нашъ домъ и онъ нанялъ его у насъ на весь водяной курсъ слѣдующаго 1805 года за 700 рублей.

Іюля 30-го, къ намъ пріѣхали въ деревню Толстые, прогостили у насъ двое сутокъ и поѣхали отъ насъ къ себѣ въ деревню.

Послѣ Спасова дня, мужъ мой и братъ Николай Петровичъ вздумали отправиться за 80 верстъ на ярмарку въ заштатный Толшевскій Спасо-Преображенскій монастырь, 40 верстъ не доѣзжая Воронежа и, проѣхавшись попустому, потому что ярмарки уже не застали, возвратились домой.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ мы стали собираться на зиму въ Москву.

Сентября 15-го отправили свой обозъ: три фуры, двѣ кибитки и двѣ телѣги, а чрезъ недѣлю выѣхали сами на 24 лошадяхъ, потому что было много экипажей: большая линейка въ 8 мѣстъ, маленькая въ 4 мѣста, карета, коляска и двѣ кибитки.

Утромъ, 26-го числа, проѣзжали чрезъ Куликово Поле, гдѣ Димитрій Донской разбилъ Мамая. Старшимъ моимъ дѣвочкамъ захотѣлось посмотрѣть на Поле; погода была хорошая, мы всѣ вышли изъ экипажей и пошли пѣшкомъ. Поле очень обширное: кругомъ, куда ни посмотришь, не видно конца; такъ мы прошли съ полверсты и опять всѣ усѣлись.

Мы обѣдали въ селѣ Мышинкѣ, и здѣсь хозяинъ, у котораго мы останавливались въ домѣ, разсказывалъ намъ, что среди Куликова Поля есть большая яма, которую мѣстные жители называютъ «денежною», потому что въ то время, когда здѣсь кочевали татары, они имѣли тамъ складъ, и была тамъ настоящая кладовая съ желѣзными створами; потомъ эта кладовая обвалилась, заросла травой и кустарникомъ. Мышинка— при рѣкѣ Непрядвѣ, которая вытекаетъ оттуда въ 7 верстахъ изъ болота.

Въ село Петрово мы пріѣхали 28-го числа. Дѣти занемогли сыпью и потому прожили въ Петровѣ до 10-го октября, когда выѣхали въ Москву, гдѣ и провели всю зиму и весну, до начала мая 1805 года.

Батюшка съ сестрами и братъ съ невѣсткою были въ Москвѣ. Сестра Варвара Петровна была помолвлена за Ивана Елисѣевича Комарова. Онъ былъ вдовецъ, не молодыхъ лѣтъ и калужскій вице-губернаторъ. Сестрѣ тоже было уже за тридцать лѣтъ; собою она была не особенно хороша и потому, хотя партія не была въ особенности заманчива, сестра пошла замужъ, и батюшка не воспротивился этому браку.

Кто были эти Комаровы, я что-то не могу хорошенько сказать; знаю, что дворяне настоящіе, а съ кѣмъ въ родствѣ и чьихъ была женихова мать — что-то не помню... У Комарова былъ сынъ отъ первой жены, Николаша, молоденькій мальчикъ, отъ котораго потомъ сестрѣ было много горя.

Батюшка и сестра очень желали, чтобы мы были на свадьбѣ, которую хотѣли справлять въ Бобровѣ.

Послѣ Николина дня, мы взяли младшихъ дѣтей, Сонюшку и Клеопашу, и поѣхали въ дмитровскую деревню и уговорили съ собою ѣхать одну добрую нашу знакомую, Ѳедосью Ѳедоровну Егорову. Она была не молодыхъ лѣтъ вдова, совершенно безродная, которая жила небольшою пенсіей послѣ мужа своего, бывшаго чиновникомъ и, нанимая у насъ въ домѣ половину мезонина, съ нами познакомилась. Это была предобрая и преблагочестивая женщина, характера самаго пріятнаго, и для меня она была кладомъ: бывало, куда-нибудь поѣду, поручу ей всѣхъ дѣтей, дамъ ей ключи; ежели къ дѣтямъ придутъ учителя — попрошу ее присутствовать при урокахъ, словомъ сказать — правый глазъ и правая рука. Когда мы ближе познакомились, мы перестали брать съ нея деньги за квартиру, предложили ей жить у насъ по дружбѣ, пользоваться нашимъ столомъ и быть своимъ человѣкомъ. Иногда мы ей дѣлали подарки: платье, платокъ и деньгами, а она дарила дѣтямъ, въ праздники и въ именины, то саксонскую какую-нибудь старинную чашку, бронзовую корзинку и въ этомъ родѣ, потому что имѣла множество вещей.

Вотъ ее-то мы уговорили съ собою ѣхать въ деревню и,

оставивъ тамъ своихъ дѣтей на ея попеченіе, чрезъ два-три дня возвратились въ Москву къ батюшкѣ въ домъ.

Въ 20-хъ числахъ мы отправились всѣ въ Боброво. Сперва батюшка, сестры, братъ съ невѣсткой, сестра Вяземская съ мужемъ, въ пяти или шести экипажахъ, а на другой день и мы съ двумя старшими дѣвочками. Дорога была преужасная, грязная, какихъ я и не запомню, и мы насилу-насилу доѣхали на третьи сутки, хотя отъ Москвы до Боброва менѣе 160 верстъ.

Свадьба назначена была на̀ 2-е іюня. Дня за три братъ Михаилъ Петровичъ съ зятемъ Вяземскимъ ѣздили въ Калугу съ визитами: обѣдали у Сергѣя Александровича Сомова, вечеромъ были у Демидова, а къ ужину возвратились домой. На слѣдующій день, невѣстка моя Варвара Николаевна и сестры тоже ѣздили въ Калугу съ визитами, послѣ обѣда.

Іюня 2-го, была свадьба послѣ обѣда, часовъ въ 6; кромѣ всѣхъ насъ родныхъ, была еще Марья Семеновна Каръ, а съ жениховой стороны—Сомовы, Сергѣй Александровичъ и жена его Авдотья Михайловна. Отужинавъ въ 9 часовъ, мы всѣ поѣхали провожать молодыхъ въ Калугу, пробыли у нихъ съ полчаса и обратно поѣхали въ Боброво. На другой день послѣ свадьбы, молодые и еще кой-кто изъ гостей изъ Калуги пріѣхали къ батюшкѣ въ Боброво обѣдать и послѣ ужина разъѣхались; это было, стало быть, 3-е число; 4-го мы всѣ ѣздили къ молодымъ въ Калугу и провели у нихъ цѣлый день: обѣдали, ужинали и поздно вечеромъ возвратились домой.

Чрезъ день или два, всѣ мы ѣздили вмѣстѣ съ молодыми въ деревню къ Василію Алексѣевичу Кару, у котораго пропировали цѣлый день, потому что онъ былъ хлѣбосолъ, хозяинъ примѣрный и весьма гостепріимный и любезный въ обращеніи.

Въ одинъ изъ дней, что̀ гостили мы у батюшки, чуть-чуть было не постигло меня несчастіе: какъ-то по утру, Дмитрій Александровичъ гулялъ въ саду и только-что вышелъ изъ поперечной аллеи въ длинную, какъ предъ самымъ его носомъ просвистѣла пуля. Оказалось, что плотникъ пробовалъ ружье и изъ воротъ стрѣлялъ въ даль аллеи, никого въ ней не видя, а Дмитрій Александровичъ въ эту самую минуту

въ нее и вышелъ изъ другой и шелъ прямо противъ выстрѣла. Явное милосердіе Божіе, что онъ остался живъ.

Пробывъ еще нѣсколько дней, мы собрались въ обратный путь въ Москву: Вяземскіе и мы, и отправились вмѣстѣ.

Братъ Николай Петровичъ былъ въ это время нездоровъ и не могъ быть на свадьбѣ, а жилъ въ Москвѣ въ батюшкиномъ домѣ, гдѣ остановились и мы, такъ какъ въ нашемъ собственномъ домѣ передѣлывали въ это время полы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Возвратившись къ себѣ въ село Горки, мы нашли дѣтей нашихъ здоровыми по милости Божіей, и очень благодарили Ѳедосью Ѳедоровну за то, что она безъ насъ съ ними нянчилась. Она осталась у насъ гостить еще.

Сосѣди наши Титовы, узнавъ, что мы пріѣхали, не дожидаясь нашего посла, тотчасъ къ намъ сами поспѣшили и были очень рады нашему возвращенію. Отъ нихъ мы узнали, что во время нашего отсутствія произошла перемѣна въ нашемъ сосѣдствѣ.

Въ Ольгово пріѣхали на жительство Апраксины; въ Храбровѣ сталъ жить сынъ старика Оболенскаго, князь Алексѣй Николаевичъ; Горушки принадлежали Обольянинову вмѣсто Власова; въ Дьяковѣ поселился Жуковъ, въ Шиховѣ Бахметевъ, сынъ съ женою.

Апраксины графы и просто Апраксины, хотя и одного поколѣнія, но родствомъ счесться не могутъ. Самый извѣстный изъ Апраксиныхъ былъ старшій братъ царицы Марѳы Матвѣевны, невѣстки Петра I, графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ. Онъ былъ фельдмаршаломъ, и подъ его начальствомъ началъ свою службу дѣдъ моего мужа, первый изъ Яньковыхъ, Даніилъ Ивановичъ. У этого Апраксина было два брата, тоже графы, и отъ нихъ пошли графы, а у Ѳедора Матвѣевича,

который былъ женатъ на Хрущевой, дѣтей не было; онъ умеръ при Петрѣ II и схороненъ въ московскомъ Златоустовомъ монастырѣ. Батюшка служилъ подъ начальствомъ Степана Ѳедоровича Апраксина, тоже фельдмаршала, и этотъ приходился Ѳедору Матвѣевичу и царицѣ (умершей задолго до его рожденія) правнучатымъ внукомъ, т. е., только слава, что родня.

Степанъ Ѳедоровичъ былъ единственный сынъ Ѳедора Карповича, женатаго на Кокошкиной, которая потомъ вышла за графа Ушакова, Андрея Ивановича. Одна изъ ихъ дочерей, графиня Екатерина Андреевна, была за графомъ Петромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ, отцомъ княгини Натальи Петровны Голицыной и дѣдомъ Екатерины Владиміровны Апраксиной. Стало-быть, по своей матери Степанъ Ѳедоровичъ и графиня Чернышева были родные братъ и сестра; сынъ Степана Ѳедоровича, Степанъ Степановичъ, былъ двоюроднымъ братомъ княгини Натальи Петровны Голицыной (урожденной графини Чернышевой) и, женившись на ея дочери, былъ, стало-быть, женатъ на своей двоюродной племянницѣ.

Степанъ Ѳедоровичъ былъ женатъ на Аграфенѣ Леонтьевнѣ Соймоновой, которой мать была урожденная Кокошкина, а какъ звали — не знаю. Такъ какъ онъ служилъ и бывалъ въ отлучкахъ и походахъ, то всѣмъ завѣдывала его жена, и, должно быть, она была скупенька; какъ понадобятся деньги, вотъ онъ и придетъ къ ней: «Ну-ка, Леонтьевна, распоясывайся, разставайся съ завѣтными, давай-ка денежекъ».

У Степана Ѳедоровича было двѣ дочери и только одинъ сынъ, Степанъ Степановичъ. Онъ былъ младшій изо всѣхъ дѣтей и былъ крестникомъ покойной императрицы, почему и былъ пожалованъ при крещеніи чиномъ капитана. Когда отецъ его умеръ, онъ былъ еще ребенкомъ, и очень молодъ, когда лишился своей матери. Старшей сестры его, княгини Куракиной, тогда тоже не было уже въ живыхъ, и онъ остался на попеченіи своей сестры Талызиной, Марьи Степановны, которой мужъ, кажется, въ то время былъ еще въ живыхъ. Марья Степановна была фрейлиной при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, и извѣстный графъ Шуваловъ, Петръ Ивановичъ, за нею, говорятъ, очень ухаживалъ, потому что въ молодости она была очень хороша. Когда я стала знать

ее, въ первые годы моего замужества, ей было лѣтъ около 60, и то еще была видная женщина.

Братъ ея, Степанъ Степановичъ, былъ лѣтъ на двадцать моложе ея и родился, думаю, около 1758 или 57 года, а женился онъ на княжнѣ Голицыной, Екатеринѣ Владиміровнѣ, или въ 94, или въ 95 году. Апраксина была годомъ старѣе меня или годомъ моложе, стало-быть, родилась или въ 1767 или въ 1769 году. У нея было три брата: Петръ, Борисъ и Дмитрій Владиміровичи и сестра Софья Владиміровна за графомъ Строгановымъ; всѣ они были моложе Апраксиной и всѣ умерли прежде ея. Отецъ ея, Владиміръ Борисовичъ, былъ только бригадиръ, человѣкъ очень богатый, но, какъ сказывали знавшіе его, очень посредственнаго ума; жена его, княгиня Наталья Петровна, напротивъ того, была женщина очень умная, любимая императрицами Екатериною и Маріею Ѳеодоровною, съ которо́ю была весьма коротка, и уважаемая всѣмъ Петербургомъ, гдѣ бо́льшею частію всегда жила при дворѣ, потому что была статсъ-дамою и чуть ли не имѣла Екатерининской ленты первой степени. Она много путешествовала и была въ Парижѣ при Людовикѣ XVI, была очень хорошо принята несчастною королевой Маріею-Антуанетой и выѣхала изъ Парижа незадолго до начала революціи. Она была собою очень нехороша: съ большими усами и съ бородой, отчего ее называли la princesse-moustache. Хотя она и была довольно надменна съ людьми знатными, равными ей по положенію, но вообще она была привѣтлива. Мужъ ея былъ сынъ Бориса Васильевича, женатаго на Екатеринѣ Ивановнѣ Стрѣшневой, внукъ Василія Борисовича и правнукъ Бориса Алексѣевича, воспитателя Петра I; по крайней мѣрѣ, такъ я всегда слыхала, а вѣрно ли это — этого я ужь не знаю. Екатерина Владиміровна была очень хороша собою, но имѣла черты рѣзкія и выраженіе лица довольно суровое, и поэтому въ молодости, когда она была въ Парижѣ, ее называли французы Venus en courroux, потому что походила на разгнѣванную богиню. Она была фрейлиной при императрицѣ Екатеринѣ II, потомъ, когда овдовѣла, при императорѣ Николаѣ Павловичѣ была сдѣлана статсъ-дамой и, какъ это называется, гофмейстериною, кажется, при дворѣ Елены Павловны, а въ послѣдніе годы своей жизни была кавалерственною дамой большого креста.

Съ самаго перваго времени своего жительства въ Москвѣ и въ нашемъ сосѣдствѣ, Апраксины заняли почетное, первое мѣсто; не знаю, былъ ли домъ, подобный ихъ дому до ихъ переселенія въ Москву, но что послѣ нихъ не было подобнаго, это я могу сказать по всей справедливости. Отчасти можно еще сравнить жизнь князя Юрія Владиміровича Долгорукова, но и то домъ его, при всей своей вельможественности, былъ далеко не домъ Апраксиныхъ.

Не застала я того времени въ Москвѣ, когда графъ Орловъ, Алексѣй Григорьевичъ, жилъ подъ Донскимъ и тѣшилъ весь городъ своими праздниками; но думаю, что и это были дорого стоившія празднества, но не съ такимъ утѣшеніемъ и не съ такимъ вкусомъ устроенныя, какъ у Апраксиныхъ.

Эти имѣли все, чего человѣкъ могъ только пожелать: оба были молоды, хороши собою, знатные, богатые, любимы и уважаемы. Вся ихъ жизнь проходила въ постоянномъ веселіи и была продолжительнымъ пиршествомъ.

Когда они живали въ Ольговѣ, куда приходилось изъ Москвы ѣхать мимо насъ, то не проходило дня, чтобы не проѣхало двухъ-трехъ экипажей туда или обратно. Бывало, видишь съ балкона или изъ гостиной, что ѣдетъ къ мосту экипажъ, вотъ и пошлешь садомъ человѣка узнать, кто ѣдетъ? И окажется, что это Гедеоновъ, Яковлевъ, Кокошкинъ или кто-нибудь изъ Голицыныхъ ѣдутъ въ Ольгово. Теперь некому и нечѣмъ такъ весело жить, какъ въ то время. Чего только не бывало въ Ольговѣ: былъ отдѣльный театръ, свои актеры и музыканты, балы, фейерверки, охоты. Эти 20 или 25 лѣтъ, которые провели Апраксины у насъ въ сосѣдствѣ, въ лѣтнее время и по зимамъ въ Москвѣ, было самое веселое время моей жизни, и хотя я сама не была никогда большою охотницей до разсѣянной жизни, но тутъ мнѣ приходилось поневолѣ тѣшиться для моихъ дочерей, и скажу безъ хвастовства и лести, что то, что̀ намъ пришлось видѣть на нашемъ вѣку, мнѣ и дочерямъ моимъ, того ни дѣти ихъ, ни внуки, конечно, уже не увидятъ.

Тогда было совсѣмъ другое время, и жизнь проводили иначе, чѣмъ теперь: кто имѣлъ средства, не скупился и не сидѣлъ на своемъ сундукѣ, а жилъ открыто, тѣшилъ другихъ и самъ чрезъ то тѣшился; а теперь только и думаютъ

стую, дочь графа Петра Александровича, бывшаго одно время посломъ при Бонапарте. Графиня Марья Алексѣевна, жена его, была урожденная княжна Голицына и приходилась Екатеринѣ Владиміровнѣ двоюродною сестрой, потому что была дочь родного ея дяди, князя Алексѣя Борисовича, женатаго на княжнѣ Грузинской.

Молодая Апраксина была прекрасная собой: свѣжа и румяна, совершенная роза. На ней была бѣлая атласная юбка въ клѣтку, шитая бусами, а на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ клѣтки пересѣкались, крупные солитеры, лифъ бархатный, ярко-красный, также шитый бусами и солитерами...

Во время бала вдовствующей императрицѣ угодно было обойти всю залу и привѣтствовать дамъ и дѣвицъ милостивымъ словомъ.

За ужиномъ мнѣ пришлось сидѣть неподалеку отъ царскаго стола, и хотя не все было слышно, что̀ тамъ говорили, но все видно, что̀ дѣлалось. На концѣ царскаго стола сидѣла графиня Разумовская, Марья Григорьевна, урожденная княжна Вяземская. Она была сперва за княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, потомъ его оставила и при его жизни вышла за графа Льва Кирилловича Разумовскаго, и пока ея первый мужъ былъ живъ, бракъ ея съ Разумовскимъ не былъ признаваемъ. Голицынъ умеръ или въ 1817, или въ этомъ же 1818 году. За ужиномъ государь обратился къ ней съ какимъ-то вопросомъ, она отвѣчала и потомъ, слышу, она спрашиваетъ вполголоса у своей сосѣдки по-французски:

— Вы слышали, что государь меня назвалъ графинею?

— Да, какъ же...

— Вы хорошо слышали?

— Конечно, Боже мой, слышала...

— Такъ онъ меня назвалъ графинею? Ахъ, слава Богу, слава Богу...

Это потому такъ порадовало Разумовскую, что ея бракъ былъ, стало-быть, признанъ по смерти ея перваго мужа...

Впослѣдствіи, эта графиня Разумовская была при дворѣ и, не имѣя никакого придворнаго чина, очень часто посѣщала императрицъ, какъ знакомая [1]).

---

[1]) Скончалась въ шестидесятыхъ годахъ, имѣя болѣе отъ рожденія 90 лѣтъ; до конца жизни одѣвалась по модѣ, и послѣ ея смерти осталось нѣсколько сотъ платьевъ и сундуки съ кружевами и лентами.

Въ домѣ Апраксиныхъ былъ отдѣльный театръ съ ложами въ нѣсколько ярусовъ, и когда въ Москву пріѣзжала итальянская опера, то итальянцы въ этомъ театрѣ и давали свои представленія и, помнится мнѣ, что въ 1818 или 1819 году какъ будто тутъ же видѣла извѣстную мамзель Жоржъ.

Всѣ знатные пѣвцы, музыканты и пѣвицы, которые бывали въ Москвѣ, непремѣнно попоютъ и поиграютъ у Апраксиныхъ, и много хорошаго наслушалась я на своемъ вѣку въ ихъ домѣ.

Не припомню, въ которомъ именно году, добрые наши сосѣди Титовы продали свою деревню Сокольники, которую и купилъ Степанъ Степановичъ Апраксинъ, а когда его старшая дочь, Наталья Степановна, вышла замужъ за князя Сергѣя Сергѣевича Голицына, то онъ ей и отдалъ это имѣніе, и Голицыны нѣсколько лѣтъ тутъ прожили. Жаль намъ было Титовыхъ, потому что мы съ ними свыклись, но сосѣдство Голицыныхъ было пріятно потому, что князь Сергѣй Сергѣевичъ былъ очень веселый и милый человѣкъ, весьма любезный и привѣтливый и очень хорошій музыкантъ и сочинитель многихъ романсовъ. Потомъ Голицыны переѣхали жить въ Петербургъ, и когда мы туда ѣздили въ 1822 году и тамъ прожили цѣлый годъ, съ ними часто видались; онъ умеръ въ скоромъ времени послѣ холеры, помнится, что въ одинъ годъ съ Владиміромъ Степановичемъ Апраксинымъ, стало-быть, въ 1832 или 1833 году; дѣтей у Голицыныхъ не было.

Вторая дочь, Софья Степановна, вышла за князя Щербатова, Алексѣя Григорьевича, который потомъ былъ въ Москвѣ генералъ-губернаторомъ.

II.

Домъ Обольяниновыхъ былъ совершенно въ другомъ родѣ, чѣмъ домъ Апраксиныхъ, чувствовалась великая разница: одинъ былъ природный вельможа, другой человѣкъ случайный и временщикъ.

Петръ Хрисанѳовичъ Обольяниновъ былъ очень небогатый порховскій дворянинъ, который служилъ въ военной службѣ и въ Гатчинскомъ полку, умѣлъ снискать расположеніе великаго князя Павла Петровича, а когда тотъ вступилъ на

престолъ, сдѣлался важнымъ человѣкомъ и получилъ пожалованіе отъ государя болѣе 3,000 душъ крестьянъ, и въ четыре года Павлова царствованія очень шагнулъ впередъ. Онъ одинъ изъ первыхъ, послѣ кончины императрицы, получилъ Аннинскую ленту, былъ потомъ генералъ-прокуроромъ и пользовался неограниченною довѣренностью государя.

Отъ природы Обольяниновъ былъ очень умный человѣкъ, съ быстрымъ соображеніемъ, но мало ученъ и по нашему времени, такъ что едва-едва умѣлъ писать, а былъ, однако, человѣкомъ государственнымъ, и не послѣднимъ.

Онъ не зналъ иностранныхъ языковъ, не говорилъ и даже не понималъ, и вообще не любилъ ничего иноземнаго. Находившись долгое время при дворѣ и въ обществѣ людей высшаго круга, онъ немного понатерся: умѣлъ себя держать очень прилично своему званію, но въ разговорѣ замѣтно было, что онъ не получилъ настоящаго обученія. Характеромъ онъ былъ крутъ, былъ честенъ, благороденъ, но жестковатъ и очень настойчивъ. Вотъ ничтожный случай, который можетъ показать, до чего онъ былъ требователенъ, чтобы его воля была исполнена безотговорочно. Онъ былъ охотникъ до цвѣтовъ, и когда купилъ Горушки, очень занимался своимъ садомъ и любилъ, чтобы было много цвѣтовъ и строго запрещалъ ихъ рвать. Какая-то сосѣдка пріѣхала къ нему въ деревню со своимъ сыномъ, мальчикомъ лѣтъ 10 или 12. Предъ обѣдомъ мальчикъ просится идти погулять въ саду. Обольяниновъ и говоритъ ему: «иди, гуляй, сколько угодно, но сохрани тебя Богъ, ежели ты у меня сорвешь цвѣтокъ — заставлю съѣсть, слышишь, уговоръ лучше денегъ». Пошелъ мальчикъ въ садъ и, нагулявшись вдоволь, возвращается оттуда. Обольяниновъ подозвалъ его къ себѣ. «Ну что̀, голубчикъ, набѣгался, натѣшился? И цвѣтовъ не рвалъ?»

— Нѣтъ-съ...

Послѣ обѣда пошли въ садъ гулять всѣ гости и самъ Обольяниновъ и тутъ онъ, гдѣ-то въ кустахъ, подсмотрѣлъ пучекъ нарванныхъ садовыхъ цвѣтовъ. Ему тотчасъ пришла мысль, что вѣрно мальчикъ-гость нарвалъ и потомъ бросилъ, струсивъ... Онъ поднялъ цвѣты и, держа въ рукахъ, подошелъ къ гостямъ и пристально, и строго посмотрѣлъ на мальчика; тотъ весь такъ и посоловѣлъ.

Обольяниновъ подозвалъ мальчика и спросилъ его: «что̀ говорилъ я тебѣ, когда ты просился гулять въ садъ»?

Мальчикъ молчитъ, опустивъ голову. Онъ опять его спрашиваетъ: — нельзя не отвѣчать.

— Чтобъ я не рвалъ цвѣтовъ.

— А это что̀? Кто это рвалъ?

Пришлось признаться.

— Я обѣщалъ тебѣ, что заставлю тебя съѣсть, — такъ ѣшь же сейчасъ все, что нарвалъ.

Всѣ думали, что онъ хочетъ пугнуть мальчика и постращать за ослушаніе и засмѣялись, видя испугъ мальчика, но каково же было удивленіе всѣхъ, когда увидѣли, что хозяинъ не шутитъ и настоятельно требуетъ, чтобы ребенокъ ѣлъ цвѣты.

— Петръ Хрисанѳовичъ, простите моему сыну, онъ виноватъ, болѣе не будетъ этого дѣлать, говорила мать...

— Можетъ быть, тутъ вредные цвѣты, сказалъ кто-то изъ гостей.

Что̀ же? поставилъ на своемъ: заставилъ мальчика все съѣсть до послѣдняго листика и, кромѣ того, выдралъ еще за уши, приговаривая: «это за то, что ты солгалъ и запирался».

Мальчика стало рвать.

— Ничего, говорилъ Обольяниновъ, впередъ будетъ умнѣе; не безпокойтесь, не умретъ.

Однако, говорятъ, у бѣднаго мальчика была потомъ горячка отъ испуга, что ль, или отъ вредныхъ цвѣтовъ? [1])

Лицомъ Обольяниновъ былъ очень некрасивъ: худощавъ, большой носъ луковицей, впалые глаза со строгимъ взглядомъ, волосы очень рѣдкіе на всей головѣ и такъ плотно выстрижены, что ухватить нельзя. Онъ былъ бы довольно высокъ, если бы не держалъ себя согнутымъ; думаю, что это было отъ привычки, а подъ старость, когда онъ не могъ уже ходить и его возили по комнатамъ въ креслахъ, голова его

---

[1]) Этотъ разсказъ я много разъ слышалъ и отъ бабушки, и отъ матушки, которая почти всегда мнѣ его повторяла, когда мы ѣхали въ Горушки къ Обольянинову, и я въ дѣтствѣ на него всегда смотрѣлъ съ ужасомъ и страхомъ, и, конечно, никогда и не подумалъ посягнуть на его цвѣты. Внукъ.

до того нагнулась, что чуть не на колѣняхъ лежала; это была уже немощь.

Жена его Анна Александровна, урожденная Ермолаева, была въ первомъ замужествѣ за Нащокинымъ, который былъ гораздо старѣе, чѣмъ она, и потому, какъ сама разсказывала, она одѣвалась старше своихъ лѣтъ, а когда вышла за Обольянинова, лѣтъ на пять или на шесть моложе ея, она стала молодиться, чтобы казаться моложавѣе.

Была очень добрая и привѣтливая женщина, собою красавица, но очень простовата и безо всякаго образованія, и такъ какъ она была великая охотница до собакъ, которыхъ держала премножество, то и разговоръ былъ только что про ея собакъ. «Милка сдѣлала вотъ то-то, а Фиделька или Амишка вотъ это-то». Самая любимая собака Милка была предурная собаченка, въ родѣ дворняшки и вдобавокъ презлая, того и гляди, что схватитъ за ногу. Пріѣдешь, бывало, къ нимъ въ домъ: въ передней чувствуешь, что есть собаки, такъ и охватитъ запахомъ, а войдешь въ гостиную—поднимется лай и визготня. Для собакъ была особая горничная, и ежели въ чемъ провинится кототорая изъ собакъ, виновата не она, а дѣвушка—зачѣмъ не доглядѣла. На ночь всѣ эти собаченки взберутся на постель и забьются подъ одѣяло, а ежели вздумается, такъ и на подушки, и тогда Анна Александровна уступаетъ имъ мѣсто и сама кой-какъ лѣпится на краю постели, а ежели собаки станутъ проситься изъ комнаты, то Петръ Хрисанѳовичъ долженъ встать, выпускать ихъ и впускать, и это нѣсколько разъ во время ночи. Ежели кто приласкаетъ которую нибудь изъ собакъ или похвалитъ, то хозяйка готова того человѣка разцѣловать, такъ ей этимъ можно было удружить; а собаку согнать съ колѣнъ, ежели ей вздумается къ гостю вскочить—значило хозяйку разобидѣть до нельзя: хочешь не хочешь держи, а ежели и укуситъ—молчи, а то Обольянинова тотчасъ надуется.

Разъ кто-то изъ людей на собаку топнулъ, собака завизжала и бросилась бѣжать къ хозяйкѣ; изъ-за этого вышла цѣлая исторія: Обольяниновъ возвратился домой, жена ему нажаловалась,—человѣка выбранили и разсчитали, потому что былъ наемный, а своему было бы и того хуже.

Словомъ сказать, у Обольяниновыхъ въ домѣ хозяева были

не они сами, а ихъ собаки; все имъ угождало, всѣ ихъ ласкали, и хозяйка все это вниманіе принимала на свой счетъ.

Дѣтей у Обольяниновыхъ не было. Онъ имѣлъ брата и сестру.

Кто былъ братъ его Михаилъ Хрисанѳовичъ — я совсѣмъ не знаю; онъ былъ небогатый псковскій дворянинъ, женатъ на Евфиміи Ефимовнѣ и имѣлъ сына Михаила, котораго я помню еще Мишенькой. Потомъ онъ служилъ въ военной службѣ; въ двѣнадцатомъ году ему оторвало ногу и онъ ходилъ на деревянной ногѣ: былъ онъ, кажется, полковникомъ въ отставкѣ. Добрый, хорошій человѣкъ, очень умный, но ужасно боявшійся дяди: въ его присутствіи онъ все болѣе молчалъ. Собой онъ былъ бы недуренъ, но лицо его отъ оспы было очень испорчено. Онъ былъ женатъ впослѣдствіи на княжнѣ Горчаковой, Елизаветѣ Михайловнѣ, дочери князя Михаила Алексѣевича, женатаго на баронессѣ Остенъ-Сакенъ, урожденной Ферзенъ. Не умѣю сказать, отчего Горчаковъ жилъ въ Ревелѣ, и княжны, прекрасно воспитанныя, были совершенныя нѣмки, и когда Обольянинова, вспоминая свое дѣтство, хвалила что-нибудь нѣмецкое, старику-дядѣ это было какъ ножъ острый, — онъ, который любилъ одно только русское.

Аннѣ Александровнѣ Господь не судилъ видѣть Мишу женатымъ: она скончалась въ 1822 году, а племянникъ ея мужа женился въ 25 или 26 году. Петръ Хрисанѳовичъ очень былъ огорченъ кончиной жены и до самой своей смерти спалъ на ея кровати, на ея подушкахъ, и покрывался тѣмъ одѣяломъ, подъ которымъ она умерла. Судя по наружности, нельзя бы, казалось, и ожидать отъ него такой нѣжной любви.

Насъ въ Москвѣ не было, когда умерла его жена; мы въ тотъ годъ жили въ Петербургѣ и не видали его въ первое время его вдовства, а онъ, говорятъ, былъ неутѣшенъ и плакалъ, какъ ребенокъ.

У Михаила Михайловича были три дочери: Анночка, Еленочка и Катенька, и всѣ три умерли въ 1831 или 1832 году отъ скарлатины, въ одну недѣлю; это старика тоже очень огорчило. Потомъ у нихъ родились еще двѣ дочери, вторыя Анна и Елена [1]), и онѣ пережили свою мать, дѣдушку и

[1]) Анна Михайловна за графомъ Адамомъ Васильевичемъ Олсуфьевымъ; Елена Михайловна за Владиміромъ Алексѣевичемъ Всеволожскимъ вторая его жена, первая была Суровщикова).

отца. Елизавета Михайловна умерла родами въ 1840 году. Я ѣздила навѣщать Петра Хрисанѳовича и сама была свидѣтельницею того, какъ этотъ старикъ, повидимому, черствый и суровый, горько плакалъ. Ему тогда было за 80 лѣтъ.

— Благодарю васъ, матушка Елизавета Петровна, что вы меня вспомнили и посѣтили старика въ великой скорби: я лишаюсь не племянницы, а дочери, и она оставляетъ трехъ сиротъ—двухъ дочерей да меня. Я надѣялся, что она мнѣ глаза закроетъ и меня схоронитъ, а вотъ приходится мнѣ видѣть ее въ гробу.

И очень, очень плакалъ старикъ.

Впрочемъ, ему не долго приходилось сиротѣть, потому что чрезъ годъ или полтора [1]) и самъ успокоился.

По вступленіи на престолъ императора Александра I Оболъяниновъ вышелъ въ отставку. Онъ во всеуслышаніе говорилъ:

«Я всею душой былъ преданъ покойному государю (императору Павлу) и чувствую, что служить опять такъ другому я не могу: и онъ легко остался бы недоволенъ, а главное, и я самъ, и потому лучше съ честью идти на покой».

Онъ былъ много лѣтъ московскимъ губернскимъ предводителемъ, и всею Москвой былъ высоко чтимъ, и во время своего служенія по выборамъ получилъ Владимірскую ленту, а Андреевскую онъ имѣлъ уже при императорѣ Павлѣ. Домъ его былъ на углу Тверской и Садовой, къ Тверской-Ямской; до 1812 года домъ былъ на дворѣ съ большимъ садомъ и двумя флигелями; въ двѣнадцатомъ году большой домъ и одинъ изъ флигелей сгорѣли, а другой флигель уцѣлѣлъ, и въ немъ-то онъ потомъ и жилъ до своей кончины. У него въ домѣ была домовая церковь, которую послѣ его кончины упразднили.

Сестра Петра Хрисанѳовича, Марья Хрисанѳовна, была замужемъ за полковникомъ Симоновымъ. По смерти мужа она осталась съ очень скромнымъ состояніемъ, и по ходатайству брата, ей было пожаловано имѣніе въ 300 душъ. У нея было два сына, Ѳедоръ и Александръ, и дочь Наталья Андреевна, которая въ дѣвицахъ. Въ 1822 году, въ бытность

---

[1]) Умеръ въ 1842 году, 22-го сентября, въ Москвѣ, погребенъ вмѣстѣ съ женою въ своемъ имѣніи, въ Тверской губерніи.

нашу въ Петербургѣ, Марья Хрисанѳовна Симонова была еще въ живыхъ, а когда умерла, достовѣрно этого не знаю.

Въ Дьяковѣ, въ шести верстахъ отъ насъ, поселился Жуковъ, Никифоръ Ивановичъ. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, небольшого роста, плотенъ, плечистъ и лицомъ весьма некрасивъ. Прежде онъ былъ очень небогатъ: имѣлъ душъ 150 или 200 крестьянъ и жилъ скромно и разсчетливо. Вдругъ ему досталось послѣ отца имѣніе въ 1,000 душъ, у него закружилась голова; онъ думалъ, что его состоянію не будетъ конца, и видя, какъ жилъ Апраксинъ отъ 13,000 душъ, или Обольяниновъ, тоже богатый человѣкъ, вотъ онъ и вздумалъ тянуться за ними. Завелъ охоту, музыкантовъ, пѣвчихъ, и мало ли какихъ еще прихотей онъ себѣ не позволялъ...

Онъ у насъ бывалъ довольно часто и насъ очень забавлялъ своимъ хвастовствомъ и лганьемъ; вотъ ужь точно можно было про него сказать: не любо—не слушай, а лгать не мѣшай. Когда онъ начинаетъ что̀ разсказывать—говоритъ сперва, какъ и всѣ порядочные люди, а тамъ и пойдетъ прилыгать и все пуще, и пуще вретъ и, наконецъ, до того заврется, что и самъ почувствуетъ, что далеко заѣхалъ, и вдругъ остановится и скажетъ:—Вы, я вижу, не вѣрите, а оно правда такъ было...

Одинъ разъ сталъ разсказывать при насъ у Апраксиныхъ, что у него въ Дьяковѣ такой урожай этотъ годъ, такая рожь, что войдетъ человѣкъ—такъ и не видать его во ржи.

— Высока и густа у меня рожь въ тамбовской деревнѣ, говоритъ Дмитрій Александровичъ,—а такой я все-таки не видывалъ.

— Вы не вѣрите, ну, хорошо же, пришлю вамъ показать...

Прошло нѣсколько дней, и точно присылаетъ цѣлый снопъ: предлинная солома, пожалуй, безъ малаго въ сажень; но только потомъ, намъ сказывали, что онъ посылалъ по всему полю собирать самые высокіе стебли.

Однажды у насъ гостила сестра моя, Анна Петровна, вотъ мы и сговорились,—мой мужъ, она и я,—поочереди подстрекать Жукова. Чуть не бѣды мы сдѣлали: когда онъ лжетъ, то весь раскраснѣется и съ него потъ градомъ; онъ лгалъ, лгалъ—смотримъ покраснѣлъ, весь багровый, того и гляди, съ нимъ будетъ ударъ.

Потомъ еще разъ привозитъ намъ корзину яблокъ прекрупныхъ и говоритъ: отгадайте, съ какой яблони эти яблоки?

Ему и говорятъ, что это такой-то сортъ.

— Ничуть не бывало... Ѣду я разъ лѣсомъ, смотрю—яблоня въ цвѣту, велѣлъ я замѣтить, пересадить ее въ садъ, и вотъ съ нея эти яблоки, а яблоня-то была дикая.

Онъ плохо зналъ по-французски, а любилъ щегольнуть своимъ знаніемъ и выходило всегда пресмѣшно.

Такъ онъ говаривалъ: J'avais connu un demoiselle français. J'ai des pommiers féroces dans la bois, и въ этомъ родѣ.

Что̀ потомъ съ нимъ сдѣлалось, я не знаю: онъ продалъ свое имѣніе, переѣхалъ въ Москву и такъ я потеряла его изъ виду.

Въ Храбровѣ, вмѣсто старика Оболенскаго, стали жить его сынъ, князь Алексѣй Николаевичъ съ женой. Она была по себѣ Магнитская, Александра Леонтьевна, внука извѣстнаго Магнитскаго, составителя первой русской ариѳметики. Она была очень милая, добрая и любезная женщина, очень недурна собой и пріятнаго обращенія. У нея было четверо дѣтей: два сына—Николай и Михаилъ, и двѣ дочери—Екатерина и Варвара. Съ Оболенскою жила и сестра ея, Анастасія Леонтьевна Магнитская, пожилая дѣвица. Въ Москвѣ у нихъ былъ домъ подъ Новинскимъ, а другой рядомъ, въ переулкѣ, каменный, что̀ на бульварѣ, былъ купленъ Колошинымъ въ 1837 или 38 году и заплаченъ 35,000 ассигнаціями.

Кромѣ этихъ ближайшихъ сосѣдей, мы ѣзжали въ Новое къ двоюродной сестрѣ мужа, къ Неклюдовой, и по пути заѣзжали въ Храброво къ Оболенскимъ, потомъ къ обѣду пріѣдемъ въ Новое, тамъ отдохнемъ и возвратимся домой къ вечеру, а то отправимся далѣе, въ село Болдино, къ бабушкѣ Аграфенѣ Ѳедотовнѣ Татищевой, у нея переночуемъ, иногда гостимъ день и два. Случалось, что мы ѣздили къ ея именинамъ, 23-го іюня; тогда и свою именинницу—Грушеньку, ея крестницу, беремъ съ собою. Бабушка очень ее любила и была къ ней весьма милостива.

Бабушка скончалась въ 1811 году. До самой ея смерти мы бывали у нея разъ или два въ лѣто; въ иной годъ и она пріѣзжала къ намъ; иногда дядюшка Ростиславъ Евграфовичъ

Татищевъ, тоже на перепутьи изъ Москвы въ свою тверскую деревню (село Дубны), заѣзжалъ къ намъ, и это почти каждое лѣто разъ, а иногда два раза.

Евграфъ Васильевичъ не ѣздилъ къ себѣ въ деревню, какъ обыкновенно ѣздятъ другіе; онъ терпѣть не могъ останавливаться на постоялыхъ дворахъ или въ избахъ, а останавливался, гдѣ ему приглянется мѣсто и когда вздумается. За нимъ всегда ѣздила фура, въ которой ѣхала дорожная поварня, буфетъ и палатка. Вдругъ ему понравится мѣсто и закричитъ: «Стой, палатку!» Тотчасъ разобьютъ палатку, разстелятъ ковры, разставятъ складной столъ, походныя кресла, и онъ выйдетъ изъ кареты и сидитъ себѣ въ палаткѣ, жуируетъ, а въ другой палаткѣ люди, а лошадей кормятъ въ это время. Онъ былъ очень умный человѣкъ, и сердцемъ не то чтобы злой человѣкъ, но превзбалмошный и прегорячій: чуть что̀ не по немъ сдѣлаетъ человѣкъ, того и гляди, что закричитъ: «плетей», и живо велитъ отодрать на конюшнѣ. Въ ту пору, къ сожалѣнію, это водилось и зачастую, что пороли людей, и по тогдашнему это не считалось предосудительнымъ, не казалось даже и жестокимъ. Но бывали и ужасные случаи: такъ вотъ, напримѣръ, графъ Каменскій былъ очень жестокъ въ обращеніи со своими людьми, и кончилось тѣмъ, что люди его сговорились и въ деревнѣ его зарѣзали. Да, бывали такіе случаи!

Къ слову о Каменскихъ: вспомнила я еще одну мелочь о бабушкѣ Аграфенѣ Ѳедотовнѣ Татищевой.

Она нюхала табакъ, какъ почти всѣ въ наше время, потому что любили пощеголять богатыми табатерками, и у бабушки были прекрасныя, золотыя, съ эмалью и съ брилліантами. И что̀ же? какая странность: позвонитъ бывало человѣка, дастъ ему грошъ или пять копѣекъ и скажетъ: «пошли взять у будочника мнѣ табаку». Немного погодя, и несутъ ей на серебряномъ подносѣ табакъ отъ будочника въ прегрязнѣйшей бумагѣ, и она, не брезгая, сама развернетъ и насыпаетъ этотъ зеленый, противный табакъ въ свои дорогія золотыя табатерки. И это много разъ случалось при мнѣ, и я не могла надивиться, какъ ей это только не было гадко покупать свой табакъ у будочника.

Въ наше время рѣдкій не нюхалъ, а курить считали весьма

предосудительнымъ, а чтобы женщины курили, этого и не слыхивали; и мужчины курили у себя въ кабинетахъ или на воздухѣ, и ежели при дамахъ, то всегда не иначе, какъ спросятъ сперва: «позвольте».

Въ гостиной и въ залѣ никогда никто не куривалъ даже и безъ гостей въ своей семьѣ, чтобы, сохрани Богъ, какъ-нибудь не осталось этого запаху и чтобы мебель не провоняла.

Каждое время имѣетъ свои особыя привычки и понятія.

Куреніе стало распространяться замѣтнымъ образомъ послѣ 1812 года, а въ особенности въ 1820 годахъ: стали привозить сигарки, о которыхъ мы не имѣли и понятія, и первыя, которыя привезли намъ, показывали за диковинку.

И много бывало такихъ вещей, которыя намъ казались странными и которыя потомъ сдѣлались совершенно обыкновенными. Какъ сейчасъ помню, что, въ началѣ 1800 годовъ, Дмитрій Александровичъ читалъ однажды газеты, остановился, да и говоритъ мнѣ: «Представь себѣ, какой вздоръ печатаютъ: будто въ Америкѣ англичане хотятъ устроить дорогу, по которой будутъ ѣздить безъ лошадей, а посредствомъ силы паровъ: это значитъ, какъ въ сказкѣ будетъ коверъ самолетъ. Какихъ глупостей ни печатаютъ!» Тогда это казалось невѣроятнымъ, а прошло 30 или 40 лѣтъ, и у насъ у самихъ стали кататься по желѣзнымъ дорогамъ, и что̀ тогда мы считали вздоромъ, теперь оказывается возможнымъ и становится самою обыкновенною вещью. Пароходамъ тоже какъ дивились въ первое время, и сѣрныя спички, которыя сами зажигаются, совсѣмъ не рѣдкость и не диковинка, а за сто лѣтъ все это сочлось бы едва-ли не колдовствомъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

(1806—1809).

I.

Въ 1806 году мы провели все лѣто въ Горкахъ; въ тамбовскую деревню не ѣздили, а только во время Успенскаго поста были на богомольи у Троицы. Отправились мы 4-го августа въ большой линейкѣ: Дмитрій Александровичъ и я, взяли съ собой старшую дѣвочку—Грушу (ей было уже 12 лѣтъ) и пріѣхали обѣдать къ Аннѣ Васильевнѣ Титовой въ Сокольники. Съ нами сговаривались ѣхать и ея дочери къ Троицѣ и, отобѣдавъ у Титовой, мы всѣ усѣлись въ нашу линейку и поѣхали. Ночевали въ Дмитровѣ на квартирѣ у одного купца, напротивъ моста.

На утро мы выѣхали изъ Дмитрова въ седьмомъ часу и къ девяти пріѣхали въ село Озерецкое; обѣдали, выждали, чтобы свалилъ жаръ и отправились въ Хотьковъ монастырь. Тамъ, какъ водится, отслужили панихиду по родителямъ Преподобнаго Сергія и тотчасъ же поѣхали къ Троицѣ и остановились въ гостинницѣ.

Въ то время тамъ пребывалъ преосвященный митрополитъ Платонъ. Узнавъ, что онъ на завтра, въ Преображеніе, будетъ служить у праздника въ Виѳаніи, мы положили туда ѣхать къ обѣднѣ.

Виѳанія начала свое существованіе только при митрополитѣ Платонѣ и устраивалась на моей памяти. При его предмѣстникѣ, преосвященномъ Самуилѣ, который, какъ мнѣ сказывали, временно управлялъ Московскою митрополіей, (послѣ убіенія во время чумы преосвященнаго Амвросія), архіерейскій загородный домъ былъ нѣсколько лѣвѣе Виѳаніи; тамъ были прекрасные обширные пруды, саженыя рощи, которыя я застала, и много кедровыхъ деревьевъ. Это мѣсто не полюбилось преосвященному Платону; онъ выбралъ мѣсто поправѣе, построилъ тамъ для себя домъ съ церковью и назвалъ ее Виѳанія. Когда послѣ коронованія императоръ Павелъ со всѣмъ семействомъ ѣздилъ на богомолье въ Лавру,

предосудительнымъ, а чтобы женщины курили, этого и не слыхивали; и мужчины курили у себя въ кабинетахъ или на воздухѣ, и ежели при дамахъ, то всегда не иначе, какъ спросятъ сперва: «позвольте».

Въ гостиной и въ залѣ никогда никто не куривалъ даже и безъ гостей въ своей семьѣ, чтобы, сохрани Богъ, какъ-нибудь не осталось этого запаху и чтобы мебель не провоняла.

Каждое время имѣетъ свои особыя привычки и понятія.

Куреніе стало распространяться замѣтнымъ образомъ послѣ 1812 года, а въ особенности въ 1820 годахъ: стали привозить сигарки, о которыхъ мы не имѣли и понятія, и первыя, которыя привезли намъ, показывали за диковинку.

И много бывало такихъ вещей, которыя намъ казались странными и которыя потомъ сдѣлались совершенно обыкновенными. Какъ сейчасъ помню, что, въ началѣ 1800 годовъ, Дмитрій Александровичъ читалъ однажды газеты, остановился, да и говоритъ мнѣ: «Представь себѣ, какой вздоръ печатаютъ: будто въ Америкѣ англичане хотятъ устроить дорогу, по которой будутъ ѣздить безъ лошадей, а посредствомъ силы паровъ: это значитъ, какъ въ сказкѣ будетъ коверъ самолетъ. Какихъ глупостей ни печатаютъ!» Тогда это казалось невѣроятнымъ, а прошло 30 или 40 лѣтъ, и у насъ у самихъ стали кататься по желѣзнымъ дорогамъ, и что̀ тогда мы считали вздоромъ, теперь оказывается возможнымъ и становится самою обыкновенною вещью. Пароходамъ тоже какъ дивились въ первое время, и сѣрныя спички, которыя сами зажигаются, совсѣмъ не рѣдкость и не диковинка, а за сто лѣтъ все это сочлось бы едва-ли не колдовствомъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

(1806—1809).

I.

Въ 1806 году мы провели все лѣто въ Горкахъ; въ тамбовскую деревню не ѣздили, а только во время Успенскаго поста были на богомольи у Троицы. Отправились мы 4-го августа въ большой линейкѣ: Дмитрій Александровичъ и я, взяли съ собой старшую дѣвочку—Грушу (ей было уже 12 лѣтъ) и пріѣхали обѣдать къ Аннѣ Васильевнѣ Титовой въ Сокольники. Съ нами сговаривались ѣхать и ея дочери къ Троицѣ и, отобѣдавъ у Титовой, мы всѣ усѣлись въ нашу линейку и поѣхали. Ночевали въ Дмитровѣ на квартирѣ у одного купца, напротивъ моста.

На утро мы выѣхали изъ Дмитрова въ седьмомъ часу и къ девяти пріѣхали въ село Озерецкое; обѣдали, выждали, чтобы свалилъ жаръ и отправились въ Хотьковъ монастырь. Тамъ, какъ водится, отслужили панихиду по родителямъ Преподобнаго Сергія и тотчасъ же поѣхали къ Троицѣ и остановились въ гостинницѣ.

Въ то время тамъ пребывалъ преосвященный митрополитъ Платонъ. Узнавъ, что онъ на завтра, въ Преображеніе, будетъ служить у праздника въ Виѳаніи, мы положили туда ѣхать къ обѣднѣ.

Виѳанія начала свое существованіе только при митрополитѣ Платонѣ и устраивалась на моей памяти. При его предмѣстникѣ, преосвященномъ Самуилѣ, который, какъ мнѣ сказывали, временно управлялъ Московскою митрополіей, (послѣ убіенія во время чумы преосвященнаго Амвросія), архіерейскій загородный домъ былъ нѣсколько лѣвѣе Виѳаніи; тамъ были прекрасные обширные пруды, саженыя рощи, которыя я застала, и много кедровыхъ деревьевъ. Это мѣсто не полюбилось преосвященному Платону; онъ выбралъ мѣсто поправѣе, построилъ тамъ для себя домъ съ церковью и назвалъ ее Виѳанія. Когда послѣ коронованія императоръ Павелъ со всѣмъ семействомъ ѣздилъ на богомолье въ Лавру,

то посѣтилъ бывшаго своего законоучителя, митрополита Платона въ Виѳаніи, и тамъ у него кушалъ.

Много разсказывали о новой Виѳанской церкви, устроенной внутри, на подобіе горы Ѳаворъ: кто хвалилъ, а кому и не нравилась, и вотъ, наконецъ, довелось мнѣ и самой ее видѣть. Намъ сказали, что обѣдня начнется въ восемь часовъ, мы и встали пораньше, такъ что въ семь часовъ были уже готовы ѣхать; проѣхали эти три версты отъ Троицы до Виѳаніи и туда поспѣли еще до благовѣста. Въ этотъ день я видѣла архіерейское служеніе все вполнѣ, отъ начала до конца.

Церковь мнѣ не понравилась: нижняя очень низка и какъ-то сдавлена, а Преображенская, верхняя, хотя и довольно высока и обширна, но плащадка на верху мала, всходы круты и, что́ очень страннымъ показалось всѣмъ намъ, множество разныхъ звѣриныхъ чучелокъ разсованы во мху, которымъ устлана гора. Это какъ будто не идетъ ко храму Божію. Конечно, владыка былъ умный человѣкъ и зналъ, что̀ дѣлалъ, и, можетъ быть, на его взглядъ это было очень благолѣпно, но по нашимъ мірскимъ сужденіямъ казалось неодобрительнымъ.

Въ церкви было много народу, однако, мы стали хорошо и все прекрасно видѣли. Я нашла въ митрополитѣ большую перемѣну: не видавъ его лѣтъ двадцать, я себѣ все представляла его довольно молодымъ, такъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, и очень красивымъ собою, какъ я его помнила. Тутъ я увидала его очень постарѣвшимъ, весьма тучнымъ, совсѣмъ сѣдымъ, впрочемъ, довольно еще бодрымъ, хотя его и вели подъ руки; но это, я думаю, для пущей важности, по святительскому сану. Служеніе было очень торжественное и праздничное; торжество еще усугубилось посвященіемъ новаго архимандрита, Николо-Пѣсношскаго игумена Макарія: владыка посвятилъ его во архимандрита въ нашъ Дмитровъ, въ Борисоглѣбскій монастырь.

По окончаніи литургіи, было освященіе плодовъ: посреди церкви поставили столикъ, какъ бываетъ для благословенія хлѣбовъ, и два діакона принесли и поставили на него большое серебряное блюдо или, скорѣе, корзину, наполненную всякими плодами. Тутъ были: арбузъ, дыня, яблоки, персики,

сливы, вишни; посрединѣ ананасъ, воткнутый совсѣмъ съ зеленью; торчали разные колосья, кукуруза, были и всякія мелкія ягоды, истинно можно было сказать: — благословеніе всѣхъ плодовъ земныхъ.

Потомъ, когда окончилась вся служба и владыка вышелъ всѣхъ благословлять, два иподіакона несли за нимъ благословенные плоды въ покои. Въ служеніи съ митрополитомъ, въ этотъ день были два архимандрита: Виѳанскій, онъ же вмѣстѣ и намѣстникъ въ Лаврѣ — Симеонъ (который потомъ былъ въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ [1]), и новый архимандритъ Борисоглѣбскій и, кромѣ того, еще много почетныхъ іеромонаховъ; можетъ-быть, въ числѣ ихъ были и какіе игумены или строители.

Въ началѣ одиннадцатаго часа вся служба окончилась, мы сѣли въ нашу линейку и поѣхали обратно. Погода была свѣтлая, день теплый, но жаркій, оттого остановились и гуляли въ архіерейскихъ рощахъ.

По возвращеніи къ Троицѣ, мы отобѣдали и пошли въ монастырь осматривать все, чтó тамъ достойно примѣчанія, были въ ризницѣ, которую намъ показывалъ отецъ Іаковъ, бывшій до того времени на Махрѣ строителемъ. Ходили въ митрополичій домъ и во дворецъ и все подробно осмотрѣли. Потомъ отстояли всенощную и служили молебенъ.

На другой день собрались совсѣмъ въ путь; отправились къ ранней обѣднѣ и приложились къ мощамъ; изъ монастыря прямо поѣхали въ дорогу. Въ Хотьковъ этотъ разъ мы не заѣхали, а остановились въ деревнѣ Горбуновой, гдѣ купецъ Поповъ завелъ фарфоровый заводъ, и ходили все осматривать, купили сколько-то посуды и поѣхали въ Озерецкое; ночевали въ Дмитровѣ, а на слѣдующій день пріѣхали до полдня въ Сокольники къ Титовой и у нея обѣдали.

Въ этотъ же годъ, кажется, пріѣхали въ наше сосѣдство еще новыя сосѣдки въ сельцо Хорошилово. Чье было оно прежде — что-то не помню, а тутъ его купила, слышу, ка-

[1]) Въ 1816 году хиротонисованъ во епископа Тульскаго; въ 1818 году переведенъ въ Черниговъ, въ 1819 году сдѣланъ архіепископомъ; въ 1820 переведенъ въ Тверь; въ 1821 году—въ Ярославль, и въ 1824 тамъ же умеръ.

кая-то Неёлова. Въ ту сторону, за Хорошилово, мнѣ рѣдко приходилось ѣздить. Тамъ жили только Ртищевы, двѣ немолодыя дѣвушки: Вѣра Михайловна и Татьяна Михайловна въ сельцѣ Михалкинѣ, а за ними, влѣво, Лужины въ сельцѣ Григоровѣ, а вправо, въ Данилихѣ—сперва Болтинъ, а потомъ его дочь, Варвара Александровна Баранова, хорошая моя пріятельница.

Слышу, что новая сосѣдка въ Хорошиловѣ, а ни къ кому не ѣдетъ; думаю: «стало, не желаетъ знакомиться; она новая пріѣзжая, такъ ей и слѣдуетъ пріѣхать первой, не мнѣ же ѣхать къ ней».

Разъ какъ-то въ воскресенье, послѣ обѣдни, подходитъ ко мнѣ, при выходѣ изъ церкви, какая-то деревенская женщина, кланяется.

— Откуда, милая?

— Изъ Хорошилова, сударыня... У меня дѣло до вашей милости.

— Что такое?

— Да вотъ, матушка, новые господа пріѣхали и имъ желательно было бы съ вами познакомиться, наказывали вамъ поклонъ передать...

— Кланяйся и отъ меня, скажи, что и я рада буду познакомиться. Милости просимъ въ гости, ежели угодно.

Очень страннымъ показалось мнѣ такое знакомство: какъ это посылать поклонъ чрезъ деревенскую бабу?

На другой-ли, на третій-ли день пріѣзжаетъ ко мнѣ хорошиловская барыня, докладываютъ:

— Елизавета Сергѣевна Неёлова со своею сестрицей, Вѣрою Сергѣевною Бутурлиной.

Велѣла принять.

Входятъ двѣ барыни: одна высокаго роста, полная, лѣтъ сорока пяти или болѣе, лицомъ не дурна и рекомендуетъ себя:

— Я Неёлова, а вотъ это моя сестра Бутурлина...

Та средняго роста, худенькая, тоже не дурна собою, лѣтъ тридцати на видъ и обѣ очень какъ-то странно одѣты, по иногородному, а не по нашему.

Эти Бутурлины нижегородскія, какъ онѣ мнѣ сказывали, ардатовскія. Ихъ было пять сестеръ: Александра Сергѣевна за Мирошевскимъ, Анна Сергѣевна за Жуковымъ, Василіемъ

Михайловичемъ [1]), Марья Сергѣевна за Иваномъ Петровичемъ Кислинскимъ, Елизавета Сергѣевна за Неѣловымъ, Вѣра Сергѣевна дѣвица, и былъ у нихъ еще братъ Николай Сергѣевичъ, не помню на комъ женатый, и у него остались дѣти.

Въ первое время мы не очень сошлись въ знакомствѣ и видѣлись рѣдко, но въ послѣдствіи очень подружились, и до конца ихъ жизни обѣ сестры были къ намъ сердечно расположены и мы всѣ также очень ихъ любили.

Въ первый разъ, что я поѣхала въ Хорошилово отдавать визитъ, было довольно свѣжо. Подъѣзжаю къ дому, вижу, идетъ ко мнѣ на встрѣчу какой-то мужчина въ шинели и въ ночномъ колпакѣ. Думаю:

— Не братъ ли это, Бутурлинъ?

Каково же было мое удивленіе, когда, подошедши ближе, говоритъ мнѣ этотъ мужчина: «здравствуйте, Елизавета Петровна»... Оказывается, что это сама Неѣлова!

— Откуда это вы такъ? вырвалось у меня.

— Я была на стройкѣ, хожу всегда въ шинели, которая осталась послѣ покойника: нужно же донашивать.

Конечно, на первыхъ порахъ я ничего ей не сказала: что̀ же оговаривать незнакомыхъ людей, Богъ вѣсть, какъ еще это покажется? Очень я подивилась, однако, такому одѣянію; но въ послѣдствіи, когда мы покороче стали знакомы, я при случаѣ какъ-то разъ сказала Елизаветѣ Сергѣевнѣ:

— Ну, матушка, удивила же ты меня, какъ я въ первый разъ къ тебѣ пріѣхала...

— А чѣмъ же? спрашиваетъ она меня.

— Какъ это тебѣ въ голову только пришло ходить въ плащѣ и колпакѣ?

— Э, что̀ за бѣда? не бросать же, коли есть...

---

[1]) Былъ въ свое время довольно извѣстнымъ писателемъ и другомъ кн. Ив. Мих. Долгорукова, который часто его посѣщалъ. Однажды они вечеръ сидѣли вмѣстѣ и разстались оба здоровые и веселые. На утро князю докладываютъ, что приходилъ человѣкъ отъ Жуковой сказать, что Василій Михайловичъ вчера скончался. Это очень поразило Долгорукова. Въ сборникѣ его стихотвореній «Бытіе моего сердца» — есть стихотвореніе на смерть Жукова.

— Воля твоя, моя милая, а по моему, кажется, этого бы не слѣдовало дѣлать: у насъ это здѣсь не принято.

Домъ въ Хорошиловѣ былъ тогда старый и ветхій, въ которомъ Неѣлова жила еще сколько-то лѣтъ, а потомъ она выстроила новый домъ по образцу нашего пречистенскаго, строеннаго послѣ французовъ.

Нашъ домъ, у Неопалимой Купины, старый уже и при моемъ замужествѣ, годъ отъ году становился все хуже и плоше. Во время нашего житья въ тамбовской деревнѣ онъ еще пообветшалъ, и хотя его почистили и кое-что въ немъ поновили, однако, онъ былъ все-таки не пригоденъ, а главное—холодноватъ зимою, и такъ какъ покои были высоки и печей много, то раззорялъ насъ дровами.

Я все твердила мужу:—Продадимъ его, пока еще онъ не рухнулся, и купимъ лучше гдѣ-нибудь другой, не въ такой глуши, или купимъ мѣсто и выстроимъ себѣ по мысли.

— Хорошо, матушка; прибью ярлыкъ, что продается, обыкновенно отвѣчалъ мнѣ Дмитрій Александровичъ.

Но это хорошо я слушала не одинъ годъ, а все ярлыка не прибиваютъ у воротъ. Наконецъ, провалился въ одной комнатѣ накатъ и дѣвичье крыльцо чуть не разсыпалось.

Я этимъ воспользовалась, стала опять приступать:

— Да что же, Дмитрій Александровичъ, когда же ты рѣшишься домъ продать? теперь еще кто купитъ его, перестроить можетъ, а то будутъ просто дрова, и я, право, боюсь за дѣтей, того и гляди, что, прыгая, подъ поломъ очутятся, или потолокъ ихъ прикроетъ...

На этотъ разъ слово мое подѣйствовало: ярлыкъ прибили у воротъ и начали приходить покупатели. Цѣну мы назначили умѣренную—восемь тысячъ. Много ходило смотрѣть домъ, и нѣкоторые, какъ видно, и не прочь бы были купить, да недовольны были, что великъ за домомъ пустырь: «много придется поземельныхъ платить».

И всѣ только и твердятъ: пустырь великъ. Мнѣ Дмитрій Александровичъ и говоритъ:

— Вотъ видишь ли, смотрятъ домъ, а не покупаютъ,—много земли; я ужь думаю, не огородить ли пустырь и потомъ продать особо.

Такъ и сдѣлали: наняли плотника, пустырь огородили, а

цѣны съ дома не сбавили, думаемъ—увидимъ, что будетъ. Опять смотрятъ, а все не покупаютъ; наконецъ, пришелъ какой-то господинъ, не помню фамиліи, но знаю, что звали его Ѳедулычъ.

— Ну, говорю я мужу,—коли пошли ходить Ѳедулычи, вѣрь, проку не будетъ.

А вышло дѣло наоборотъ: онъ-то и купилъ, заплатилъ 8.000, а мѣсто отдѣленное осталось за нами; сверхъ того, и мы продали его послѣ почти за столько же, какъ и домъ.

Запродавъ нашъ домъ, тутъ ужь мы сами стали искать для себя гдѣ-нибудь въ срединѣ города, такъ чтобы недалеко было отъ батюшкинаго дома, на Зубовскомъ бульварѣ, и отъ сестры Вяземской, имѣвшей домъ на Пречистенкѣ. И, какъ нарочно будто бы для насъ, черезъ домъ отъ дома сестры и черезъ переулокъ отъ Архаровыхъ, продавали домъ Бибиковы; мы этотъ домъ и купили. Домъ былъ старый и ветхій, но намъ было главное нужно мѣсто, и мы рѣшили строиться сами, какъ удобно для нашего семейства.

II.

Осенью, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1806 года, мы пріѣхали въ Москву; ко мнѣ пріѣхала гостить сестра Анна Петровна, а батюшка оставался въ Покровскомъ; по дѣламъ ѣздилъ въ Петербургъ и опять возвратился въ деревню.

Въ январѣ мѣсяцѣ я съ сестрой ѣздила къ нему и прогостила недѣли съ двѣ; сестра осталась, а я возвратилась въ Москву.

Здоровье батюшки давно уже становилось все хуже и хуже: у него была водяная, пухли повременамъ ноги и была большая одышка.

Я стала его уговаривать переѣхать въ Москву:

— Вы, батюшка, изволили бы въ Москву пріѣхать и повидались бы съ кѣмъ-нибудь изъ докторовъ, они бы вамъ помогли.

— Нѣтъ, матушка, никто мнѣ помочь не можетъ; у меня болѣзнь, отъ которой не излечиваются — водяная. Въ Москву поѣхать я, пожалуй, поѣду, не для себя, потому что всѣмъ

этимъ лекаришкамъ я ни на грошъ не повѣрю, а поѣду, чтобы васъ утѣшить и быть вмѣстѣ съ вами,—это мнѣ будетъ отрадой и облегченіемъ...

Мы съ сестрою заплакали и батюшку обняли...

Онъ тоже прослезился...

— Не плачьте, мои голубушки: сколько Господь опредѣлилъ прожить, столько и проживу: никто ни дня, ни часа не убавить, ни прибавить не можетъ... Слава тебѣ, Господи! пожилъ не мало, нужно и честь знать, а то, пожалуй, и до того доживешь, что и другимъ, и себѣ въ тягость будешь, какъ чурка будешь лежать и тебя станутъ ворочать съ боку на бокъ; не приведи Господи до того дожить.

Такъ, погостивъ у батюшки, я и поѣхала въ Москву обратно, и приказалъ батюшка сказать, чтобъ его домъ готовили къ его пріѣзду. Вверху въ его домѣ жилъ тогда братъ Михаилъ Петровичъ съ женой, а внизу было батюшкино помѣщеніе, такъ какъ ему было трудно входить на лѣстницу.

Здоровье батюшки видимо слабѣло, и ему необходимо было пріѣхать въ Москву, гдѣ все-таки было больше средствъ и возможности облегчить его страданія. Болѣзнь его, какъ оказалось послѣ осмотра врачей, была сложная: водяная и подагра. Опасности явной не было, но врачи не скрывали, что болѣзнь эта можетъ продлиться нѣсколько мѣсяцевъ, годъ и даже болѣе; но можетъ и вдругъ приключиться кончина, и это насъ очень огорчало и озабочивало.

Каждое утро, когда я просыпалась, первая моя мысль была: «что, батюшка живъ ли». Часовъ въ десять я отправлялась къ нему, потому что по немощи своей онъ кушалъ одинъ въ двѣнадцать часовъ и потомъ отдыхалъ. Иногда послѣ того я оставалась съ сестрой, или шла къ брату и невѣсткѣ, или возвращалась домой, а иногда мы куда-нибудь ѣздили и возвращались къ обѣду, то-есть, къ двумъ или тремъ часамъ, и почти всегда весь остатокъ дня проводили уже у батюшки въ домѣ.

Въ продолженіе великаго поста мы нѣсколько разъ были въ тревогѣ насчетъ батюшки, но, слава Богу, наступила наконецъ страстная недѣля, и Свѣтлое Воскресеніе Господь привелъ всѣхъ насъ еще встрѣтить съ батюшкою. Но груст-

ный былъ этотъ для насъ праздникъ: наше сердце чуяло, что это въ послѣднiй разъ мы вмѣстѣ съ нимъ слушаемъ въ его домовой церкви пасхальную утреню и вмѣстѣ съ нимъ разгавливаемся...

Въ концѣ апрѣля, когда погода становилась теплая, отворяли дверь въ садъ, и батюшка выходилъ и сидѣлъ на террасѣ: весеннiй воздухъ оживлялъ его, а иногда, сидя на солнцѣ, батюшка закрывалъ глаза, начиналъ дремать и засыпалъ.

Съ первыхъ чиселъ мая мѣсяца Дмитрiй Александровичъ сталъ торопить меня уѣхать съ дѣтьми въ деревню. Я была въ то время въ тягости на пятомъ мѣсяцѣ, и онъ очень опасался, чтобъ отъ безпрестанной тревоги и волненiя я не занемогла и не приключилось бы со мной какой-нибудь бѣды, потому и спѣшилъ меня увезти. Грустно мнѣ было разставаться съ батюшкой, и хотя ему и было, повидимому, лучше, но сердца обмануть нельзя: часто случается, что горя-то еще и вовсе нѣтъ, а сердце задолго его предчувствуетъ и намъ предсказываетъ, что скорбь насъ ожидаетъ.

Прощаясь съ батюшкой, я всѣми силами удерживалась отъ слезъ и крѣпилась, но слезы прошибли и я расплакалась.

— О чемъ же ты плачешь, моя голубушка? сказалъ мнѣ батюшка.—Вѣдь мы не на вѣкъ съ тобой прощаемся: ты сама видишь, что мнѣ гораздо полегчило, что я теперь и бродить иногда могу... Не плачь, Елизаветушка, Господь милостивъ, мы еще съ тобой увидимся. Ты себя теперь береги: ты помни, что теперь въ такомъ положенiи, что не должна себя разстраивать.

Мои старшiя дѣвочки стали прощаться съ дѣдушкой и тоже горько расплакались, такъ что и батюшка разчувствовался и прослезился. Онъ долго ихъ обнималъ, цѣловалъ, крестилъ и клалъ имъ руку на голову...

Это прощанье было самое трогательное и раздирающее душу: всѣ мы плакали, и еслибы батюшка не посовѣтовалъ Дмитрiю Александровичу насъ увезти, мы всѣ бы, я думаю, доплакались до дурноты.

Такъ насъ почти силою вывели отъ батюшки изъ комнаты, усадили въ экипажъ и повезли въ деревню.

Не даромъ сердце у меня болѣло: не привелъ меня Господь еще видѣть батюшку въ живыхъ!

Мы поѣхали изъ Москвы 13 мая, а іюня 18 батюшка скончался. Ему отъ рожденія былъ семьдесятъ восьмой годъ, и скончался онъ черезъ двадцать четыре года послѣ матушки, въ томъ же мѣсяцѣ, какъ она [1]).

Не знаю, лучше ли сдѣлали, что увезли меня въ деревню, а не оставили при одрѣ умиравшаго отца: я бы еще мѣсяцъ побыла при немъ, видѣла бы каждый день, какъ подвигается его жизнь къ концу, и получила бы отъ него его предсмертное благословеніе. Я думаю, это бы мнѣ было легче.

Когда батюшкѣ сдѣлалось очень худо и доктора потеряли всякую надежду, братья и сестры извѣстили мужа и звали его пріѣхать, а отъ меня велѣли скрыть, чтобъ и я не вздумала ѣхать. Такъ Дмитрій Александровичъ мнѣ и не сказалъ: что̀ ему писали, а говорилъ, что хочется ему провѣдать батюшку; но я догадывалась, что есть какія нибудь худыя вѣсти.

Черезъ нѣсколько дней пишетъ онъ мнѣ, что батюшка видимо слабѣетъ и чтобъ я приготовлялась къ горю, потому что нѣтъ никакой надежды. Ужь какъ мнѣ было тяжело: быть за сорокъ верстъ и знать, что отецъ умираетъ. Наконецъ, разъ вечеромъ слышу, что по мосту ѣдетъ тяжелый экипажъ, потомъ слышу—подъѣхали къ крыльцу, хочу идти

---

[1]) Іюнь мѣсяцъ въ родствѣ Римскихъ-Корсаковыхъ ознаменованъ многими кончинами:

1783 года, іюня 13, скончалась Аграфена Николаевна Римская-Корсакова, урожд. княжна Щербатова.

1792 года, іюня 4, умерла княгиня Анна Ивановна Щербатова, урожд. княжна Мещерская.

1807 года, іюня 18, умеръ Петръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ.

1845 года, іюня 17,—князь Владиміръ Михайловичъ Волконскій (его мать урожденная Римская-Корсакова).

1853 года, іюня 16,—Николай Петровичъ Римскій-Корсаковъ.

Бабушка Елизавета Петровна, которой принадлежатъ эти Разсказы, всегда очень опасалась іюня мѣсяца, думая, что и ей въ въ этомъ мѣсяцѣ опредѣлено умереть, и будучи дважды при смерти больна въ іюнѣ, она говорила: «Не хорошъ въ нашемъ роду этотъ мѣсяцъ, для многихъ былъ послѣднимъ; ежели я переживу іюнь, такъ останусь въ живыхъ». Скончалась она 3 марта, имѣя отъ роду девяносто третій годъ и далеко превзошедъ всѣхъ Корсаковыхъ (очень долговѣчныхъ) своими лѣтами.

на встрѣчу, узнать, что въ Москвѣ—не могу встать. Входитъ Дмитрій Александровичъ; хочется узнать и боюсь спросить... Наконецъ, рѣшилась:

— Что батюшка? Молчитъ Дмитрій Александровичъ и заплакалъ. Обнялъ меня.

— Береги себя для дѣтей и для меня... Батюшка скончался 18 числа; сегодня отпѣвали и повезли въ Боброво.

Хотя я и давно ждала этого извѣстія и приготовилась его слышать, но какъ сказали мнѣ, это меня ужасно потрясло; я стала плакать и меня почти замертво отнесли на постель. Очень опасались, чтобъ я преждевременно не родила, однако, Господь помиловалъ отъ этой бѣды.

Батюшку отпѣвали у Неопалимой Купины, и въ тотъ же день повезли тѣло къ брату Михаилу Петровичу въ калужскую деревню, въ село Боброво, гдѣ схоронены бабушка Евпраксія Васильевна и матушка.

Къ десятому дню мы всѣ поѣхали въ Москву. Пробыли тамъ и двадцатый день и, взявъ съ собою сестру Анну Петровну, возвратились въ деревню за день до Казанской.

Домовую церковь, которая была у батюшки въ домѣ, дозволено было оставить до сорокового дня, поминовенія ради, а въ этотъ день, отслуживъ обѣдню, священникъ разоблачилъ престолъ; вынесли его на дворъ и, изрубивъ, тутъ же сожгли. Это было очень прискорбно видѣть, и братъ Михаилъ Петровичъ, который былъ совсѣмъ не изъ плаксивыхъ, видя это, плакалъ какъ ребенокъ.

III.

Недѣлю спустя послѣ Казанской, къ намъ пріѣхалъ сынъ деверя моего, Андрюша, звать насъ въ Петрово на освященіе церкви. Я не поѣхала по случаю глубокаго траура, а мужа уговорила ѣхать, потѣшить брата; они ждали къ себѣ въ гости и княгиню Долгорукову, и золовку мою Анну Александровну.

Мы всею семьей поѣхали провожать мужа моего до Москвы, гдѣ я и осталась съ сестрами, а онъ съ Андрюшею отправился на другой день къ брату своему въ Петрово.

Весь этотъ день, до самаго вечера, я провелъ у брата, отужиналъ и потомъ со всѣми распростился, чтобы на завтра ѣхать въ обратный путь, и возвратился ночевать въ Радино.

«Пятница, 26-го. Въ восемь часовъ утра поѣхалъ на своихъ лошадяхъ въ Веневъ; дорога хорошая, но въ городѣ преужасная мостовая: изъ неровныхъ камней, хуже что̀ незабороненное поле. Городокъ очень плохой: домовъ каменныхъ мало, крыши есть и тесовыя, но большею частію, въ особенности по опушкѣ города, все соломенныя, и хаты — мазанки. Церкви есть очень хорошія: видно, что граждане пекутся болѣе о благолѣпіи дома Божія, чѣмъ о своихъ жилищахъ. Замѣчателенъ домъ городового магистрата: полагаю, что онъ—до-Петровскаго времени, во всякомъ случаѣ, современникъ Петра I. На одномъ изъ концовъ города — бывшій Николаевскій-Веневскій монастырь, который существовалъ до Петра I, и имъ закрытъ; теперь это приходская церковь.

«Къ вечеру я пріѣхалъ въ Тулу и остановился въ общественной гостинницѣ.

«Утромъ, въ субботу, я посѣтилъ преосвященнаго Амвросія (Протасова). Я много о немъ слыхалъ, какъ о мужѣ духовномъ и о великомъ проповѣдникѣ. «Ежели бы я умѣлъ писать и говорить, какъ онъ», говаривалъ про него нашъ московскій святитель Платонъ, «я увѣренъ, что меня сходились бы слушать со всѣхъ концовъ Россіи». Онъ былъ въ послѣднее время настоятелемъ Юрьева монастыря въ Новѣгородѣ и оттуда посвященъ епископомъ въ Тулу. На видъ ему лѣтъ пятьдесятъ, или немного болѣе, очень представителенъ и простъ въ обращеніи, но съ достоинствомъ. Говоритъ плавно, безъ торопливости, смѣется едва замѣтно, а держитъ себя вообще, какъ подобаетъ архіерею: безъ натяжки и высокомѣрія, какъ это иногда бываетъ у этихъ духовныхъ сановниковъ,—ученыхъ, но иногда необтесанныхъ сынковъ просвирницъ и пономарей. Этотъ, напротивъ того, смиренно-важенъ и привѣтливо-сановитъ. Онъ внимательно выслушалъ мое неважное дѣло и далъ мнѣ удовлетворительный отвѣтъ. Побывъ у него около часа времени, я отправился осматриватъ ряды и лавки. Потомъ былъ на оружейномъ заводѣ и все подробно видѣлъ; сказывали мнѣ, что еженедѣльно выходитъ изъ работы до 5.000 совершенно готовыхъ ружей, или 5.000 паръ пистолетовъ и 3.000 тесаковъ.

«Въ воскресенье поутру, очень рано, я отправился изъ Тулы, на наемныхъ лошадяхъ, къ шурину моему Николаю Петровичу Корсакову: мѣнялъ лошадей въ Лапоткѣ, обѣдалъ въ

Мещериновой Плавѣ и, не доѣзжая трехъ верстъ до Покровскаго, былъ встрѣченъ братомъ Николаемъ Петровичемъ и Иваномъ Ѳедоровичемъ Бартеневымъ, которые выѣхали ко мнѣ на встрѣчу верхами, потому что я заранѣе извѣстилъ, что пріѣду въ этотъ день, и въ 11 часовъ вечера пріѣхали мы въ Покровское, гдѣ нашли насъ ожидавшаго Дмитрія Марковича Полторацкаго.

«Я прогостилъ у брата Николая Петровича до 4-го августа и поѣхалъ обратно на Тулу въ Москву.

«5-е число я пробылъ въ Тулѣ.

«6-го числа бываетъ крестный ходъ изъ собора; очень мнѣ хотѣлось посмотрѣть, но такъ какъ спѣшилъ въ Москву, не остался для этого лишняго полдня. Выѣхалъ изъ Тулы 6-го числа, а 7-го благополучно прибылъ въ Москву и нашелъ всѣхъ своихъ, благодаря Господа, здоровыми».

IV.

Вскорѣ по возвращеніи Дмитрія Александровича, Господь насъ порадовалъ: августа 16-го у насъ родилась дочь, которую, въ память первой нашей Сонюшкй, мы пожелали назвать также Софьей; но ни той, ни другой не суждено было дожить до совершеннолѣтія. Ее крестила сестра Анна Петровна и мой зять Вяземскій. Крестины были прегрустныя, всѣ мы были въ глубокомъ трауръ, потому что едва исполнилось шесть недѣль по кончинѣ батюшки и на душѣ у насъ у всѣхъ было очень невесело.

Всѣ мы, четыре сестры, носили трауръ два года. Теперь всѣ приличія плохо соблюдаютъ, а въ мое время строго все исполняли и по пословицѣ: «родство люби счесть и воздай ему честь», точно родствомъ считались, и когда кто изъ родственниковъ умиралъ, носили по немъ трауръ, смотря по близости или по отдаленности, сколько было положено. А до меня еще было строже. Вдовы три года носили трауръ: первый годъ только черную шерсть и крепъ, на второй годъ черный шелкъ и можно было кружева черныя носить, а на третій годъ, въ парадныхъ случаяхъ, можно было надѣвать серебряную сѣтку на платье, а не золотую. Эту носили по окончаніи трехъ лѣтъ, а черное платье вдовы не снимали,

У князя Юрія Владиміровича былъ старшій братъ, который женился на графинѣ Бутурлиной, а нѣсколько времени спустя, на другой, младшей ея сестрѣ женился самъ Юрій Владиміровичъ: первый бракъ считался законнымъ, а второй не признавали, хотѣли развести, но молодые не согласились и остались жить вмѣстѣ. Какъ братья, такъ и жены ихъ, жили душа въ душу. Жену старшаго брата, Василія Владиміровича, звали Варвара Александровна, а жену Юрія Владиміровича—Екатерина Александровна. У старшей четы дѣтей не было, а у княгини Екатерины Александровны вскорѣ послѣ замужества оказались признаки тягости, тогда и старшая сестра стала выдавать себя за находящуюся въ таковомъ же положеніи, для того, чтобы имѣть возможность новорожденнаго сестринаго ребенка выдать за своего законнаго, а не сестринаго, отъ непризнаннаго брака, и въ этихъ видахъ она обкладывалась подушками, и посторонніе, видя ихъ обѣихъ въ таковомъ положеніи, не догадывались, что одна въ тягости заподлинно, а другая — притворно.

У княгини Екатерины Александровны было трое дѣтей: [1]) сынъ и двѣ дочери; одна умерла въ дѣтствѣ, а другая, Варвара Юрьевна, бывшая за княземъ Горчаковымъ, умерла года за два до первой холеры. Сынъ, князь Василій Юрьевичъ, прекрасный молодой человѣкъ, подававшій великія надежды своимъ родителямъ, имѣя едва двадцать лѣтъ отъ роду, былъ при императорѣ Павлѣ генералъ-маіоромъ, а въ тридцать лѣтъ произведенъ въ генералъ-адъютанты; но не суждено было служить отрадой престарѣлаго отца: онъ умеръ, не имѣя еще и сорока лѣтъ, и съ нимъ погибли всѣ надежды старика видѣть потомство.

Домъ князя Юрія Владиміровича былъ на Никитской, одинъ изъ самыхъ большихъ и красивыхъ домовъ въ Москвѣ. На большомъ и широкомъ дворѣ, какъ онъ ни былъ великъ, иногда не умѣщались кареты, съѣзжавшіяся со всей Москвы къ гостепріимному хозяину, и какъ ни обширенъ былъ домъ, въ немъ жилъ только князь съ княгиней, ихъ

---

[1]) По смерти брата и невѣстки, князь Юрій Владиміровичъ испросилъ высочайшее соизволеніе на признаніе дѣтей, числившихся братнивыми — своими законными дѣтьми.

приближенные и безчисленная прислуга. А на лѣтнее время князь переѣзжалъ за семь верстъ отъ Москвы въ Петровское-Разумовское, гдѣ были празднества и увеселенія, которыхъ Москва никогда ужь больше не увидитъ...

Все дано было князю Юрію Владиміровичу отъ Бога, что̀ можетъ сдѣлать жизнь счастливою, и онъ умеръ, однако, разбитый горемъ, потому что лишился всѣхъ близкихъ, такъ что свое огромное состояніе оставилъ не близкому наслѣднику, а сестрину внуку, Салтыкову. Прежде всѣхъ умеръ его сынъ, потомъ княгиня, въ 1811 году, потомъ зять его, князь Горчаковъ, внука—дочь княгини Варвары Юрьевны, княжна Лидія Алексѣевна, выданная за графа Бобринскаго, и, наконецъ, княгиня Горчакова. Почти девяностолѣтній старикъ совершенно осиротѣлъ и умеръ, можно сказать, на чужихъ рукахъ, но онъ былъ хорошій христіанинъ и потому не роптал на Господа, съ твердостію переносилъ всѣ потери и смиренно несъ свой крестъ.

Князь Юрій Владиміровичъ скончался въ ноябрѣ мѣсяцѣ, во время первой холеры 1830 года. Схоронили его рядомъ съ женой въ подмосковной, въ селѣ Никольскомъ, гдѣ-то въ сторону отъ владимірской дороги, за Кусковымъ, верстахъ въ 15 отъ Москвы.

На моей памяти только и были такіе два вельможескіе дома, какъ дома Долгорукова и Апраксина, и это въ то время, когда еще много было знатныхъ и богатыхъ людей въ Москвѣ, когда умѣли, любили и могли жить широко и весело. Теперь нѣтъ и тѣни прежняго: кто позначительнѣе и побогаче—всѣ въ Петербургѣ, а кто доживаетъ свой вѣкъ въ Москвѣ, или устарѣлъ, или обѣднѣлъ, такъ и сидятъ у себя тихохонько и живутъ бѣднехонько, не по-барски, какъ бывало, а по-мѣщански, про самихъ себя. Роскоши больше, все дороже, нужды увеличились, а средствица-то маленькія и плохенькія, ну, и живи не такъ какъ хочется, а какъ можется. Поднялъ бы нашихъ стариковъ, далъ бы имъ посмотрѣть на Москву, они ахнули бы—на что̀ она стала похожа... Да, обмелѣла Москва и измельчала жителями, хоть и много ихъ.

Имена то хорошія, можетъ, и есть, да людей нѣтъ: не по имени живутъ.

Говорятъ про старыхъ людей, что мы хвалимъ только

въ особенности пожилыя. Да и молодую не похвалили бы, еслибъ она поспѣшила снять трауръ.

По отцу и матери носили трауръ два года: первый—шерсть и крепъ, въ большіе праздники можно было надѣвать что-нибудь дикое шерстяное, но не слишкомъ свѣтлое, а то какъ разъ бывало оговорятъ:

«Такая-то совсѣмъ приличій не соблюдаетъ: въ большомъ траурѣ, а какое свѣтлое надѣла платье».

Первые два года, вдовы не пудрились и не румянились; на третій годъ можно было немного подрумяниться, но бѣлиться и пудриться дозволялось только по окончаніи траура. Также и душиться было нельзя, развѣ только употребляли о-де-колонъ, о-де-лавандъ и о-де-ла-ренъ де-гонри, по-русски—унгарская водка, о которой теперь никто и не знаетъ. Богатые и знатные люди обивали и свои кареты чернымъ, и шоры были безъ набору, кучера и лакеи въ черномъ.

По матушкѣ мы носили трауръ два года,—такъ было угодно батюшкѣ, и по бабушкѣ тоже, можетъ-быть, проносили бы болѣе года, да я вышла замужъ и потому мы всѣ трауръ сняли.

Когда свадьбы бывали въ семьѣ, гдѣ глубокій трауръ, то черное платье на время снимали, а носили лиловое, что̀ считалось трауромъ для невѣстъ. Не припомню теперь, кто именно изъ нашихъ знакомыхъ выходилъ замужъ, будучи въ траурѣ, такъ все приданое сдѣлали лиловое разныхъ матерій, разумѣется, и различныхъ тѣней (фіолетово-дофиновое—такъ называли самое темно-лиловое, потому что французскіе дофины не носили въ траурѣ чернаго, а фіолетовый цвѣтъ, лиловое, жирофле, сиреневое, гри-де-лень, и т. под.).

Къ слову о цвѣтахъ, скажу кстати о матеріяхъ, о которыхъ теперь нѣтъ понятія: объярь или гро-муаръ, гро-детуръ, гро-гро, гро-д'оріанъ, левантинъ, марселинъ, сатеньтюркъ, бомбъ,—это все гладкія ткани, а то затканныя: петиброше, пети-семе, гранъ-рамажъ (большіе разводы); послѣднюю торговцы переиначали по-своему и называли большая ромашка. Матеріи, затканныя золотомъ и серебромъ, были очень хороши и такой доброты, какой теперь и не найдешь. Я застала еще турскіе и кизильбашскіе бархаты и травчатые аксамиты: это были ткани привозныя, должно быть, пер-

сидскія или турецкія, бархаты съ золотомъ и серебромъ. Тогда ихъ донашивали, а теперь развѣ гдѣ въ старинныхъ монастыряхъ найдешь въ ризницахъ, и то, я думаю, за рѣдкость берегутся.

Были нѣкоторые цвѣта въ модѣ, о которыхъ потомъ и я уже не слыхала: hanneton, темно-коричневый на подобіе жука, grenouille évanouie, лягушечно-зеленоватый, gorge-de-pigeon, tourterelle, и т. п. Цвѣта эти, конечно, въ употребленіи и теперь, но только подъ другими названіями и не въ такомъ ходу, какъ при самомъ началѣ, когда показались.

Эти два года, послѣ батюшкиной кончины, мы всѣ провели очень тихо и уединенно, видались другъ съ другомъ, никуда въ даль не ѣздили, да и въ Москвѣ бывали только у близкихъ и родныхъ.

Подъ конецъ великаго поста мы собрались ѣхать въ свою подмосковную деревню, чтобы тамъ провести и Святую Недѣлю. Бывало, мы всю страстную недѣлю у батюшки слушаемъ службу въ его домовой церкви, у него встрѣчаемъ Свѣтлое Христово Воскресеніе, съ нимъ всѣ разговляемся: въ этотъ разъ, батюшки уже не было въ живыхъ, церковь его упразднена; очень намъ было горько и рѣшили не оставаться въ Москвѣ. Свѣтлое Воскресеніе приходилось апрѣля 5-го, время стояло холодное, было еще много снѣгу; мы отправились во вторникъ на страстной недѣлѣ и преблагополучно пріѣхали къ себѣ на саняхъ. Съ нами поѣхала и сестра Анна Петровна, и такъ мы и встрѣтили Пасху у себя, своею семьей, избавили себя отъ лишней печали, отъ скучныхъ выѣздовъ и отъ утомительныхъ пріемовъ гостей, докучающихъ своимъ пустымъ разговоромъ, когда на душѣ не весело.

Сосѣдство у насъ было доброе и хорошее, въ особенности же наши самые близкіе, Титовы (съ которыми мы видались почти-что ежедневно), и какъ наступила весна, всѣ съѣхались въ свои деревни, мы начали видѣться и провели лѣто очень мирно, тихо и нескучно.

Дмитрій Александровичъ занялся приготовленіемъ матеріаловъ для будущаго пречистенскаго дома, потому что мы жили въ старомъ домѣ, купленномъ у Бибиковой, и помышляли о новомъ. Кромѣ того, и въ деревнѣ нашъ домъ ста-

новился намъ тѣсноватъ, такъ какъ прибавилась наша семья: мы съ мужемъ, три дѣвочки побольше, при нихъ мадамъ, Сонюшка, при ней кормилица, нянюшка-мамушка Ѳедосья Ѳедоровна, а теперь, послѣ кончины батюшки, и сестра Анна Петровна. По всему этому приходилось намъ подумать о деревенскомъ домѣ, поприбавить его, и рѣшили, не трогая, какъ онъ есть, подстроить верхъ, то-есть, мезонинъ. Такъ мы почти-что безвыѣздно и прожили два года въ деревнѣ: дѣти были еще малы, я въ траурѣ, мужъ любилъ деревню, со мною жила сестра Анна Петровна; иногда пріѣзжалъ къ намъ погостить братъ Николай Петровичъ, иногда и князь Дмитрій Михайловичъ Волконскій. И какъ прошли эти два года — я и не замѣтила.

Послѣ батюшки, по раздѣлу между братьями, досталось: брату Михаилу Петровичу Боброво, петербургская деревня и въ Рязани, а Николаю Петровичу—Покровское и деревня въ Костромѣ; сестрѣ Аннѣ Петровнѣ—тоже въ Костромѣ, по смежности съ братнинымъ имѣніемъ. Сестрѣ Вяземской, при ея замужествѣ, батюшка пожаловалъ имѣніе въ Кинешмѣ, а Варварѣ Петровнѣ дано было имѣніе въ близи отъ Калуги, вновь купленное сельцо Субботино. Братья дѣлили имѣніе по доходу, а не по числу душъ, и потому Михаилу Петровичу пришлось больше, чѣмъ Николаю Петровичу; но оба въ сложности получили 3.800 душъ, а мы четыре сестры—около 1.200; на мою долю при замужствѣ полученная мною новгородская была самая малочисленная—250 душъ.

V.

По близости отъ Покровскаго, тоже въ Новосильскомъ уѣздѣ, было имѣніе князя Петра Петровича Долгорукова, того самаго, который, будучи губернаторомъ въ Тулѣ, необходительно принялъ батюшку и про котораго батюшка обыкновенно выражался не очень одобрительно.

Этотъ Долгоруковъ былъ женатъ на Лаптевой, Анастасьѣ Симоновнѣ, и, вышедши въ отставку въ первые годы царствованія императора Александра Павловича, жилъ у себя въ имѣніи, будучи очень небогатъ, и тамъ занимался хозяйствомъ и важничалъ предъ мелкопомѣстными сосѣдями.

Онъ имѣлъ трехъ сыновей, изъ которыхъ одинъ, Петръ Петровичъ, былъ, говорятъ, хорошъ собою, очень уменъ, былъ дружески любимъ императоромъ Александромъ, подавалъ большія надежды на блестящую будущность, но въ молодыхъ лѣтахъ умеръ въ 1806 году.

Другихъ двухъ сыновей звали: Михаилъ Петровичъ и Владиміръ Петровичъ, женатый на Варварѣ Ивановнѣ Пашковой. У послѣдняго остался сынъ Петръ Владиміровичъ [1]).

Дочерей у Долгорукова было двѣ: старшая, Елена Петровна, была давно замужемъ за Сергѣемъ Васильевичемъ Толстымъ, и меньшая, княжна Марья Петровна, которой было уже далеко за тридцать лѣтъ; она была собою не хороша и вдобавокъ еще и кривобока.

Слышала я, что она была за кого-то сговорена, и женихъ выписалъ свою мать къ свадьбѣ (кажется, въ Москву), но князь Петръ Петровичъ дурно обошелся съ жениховою матерью, которая такъ этимъ оскорбилась, что не захотѣла, чтобъ ея сынъ женился на княжнѣ. Какъ сынъ ни упрашивалъ, старушка осталась непреклонна и пріискала для сына даже другую невѣсту, красивѣе и богаче, только не княжну, а княжна такъ и должна была сидѣть—ждать у моря погоды, не найдется ли еще другой женихъ.

И много прошло съ тѣхъ поръ времени, а княжна все оставалась княжною.

Послѣ кончины батюшки, братъ Николай Петровичъ какъ-то сблизился съ Долгоруковыми и сталъ бывать у нихъ довольно часто и, наконецъ, въ 1804 году и женился на княжнѣ Марьѣ Петровнѣ. Она была крестница князя Юрія Владиміровича, и такъ какъ приходилась ему двоюродная внука, то онъ ей и дѣлалъ приданое. Петръ Петровичъ былъ очень не богатъ; а князь Юрій Владиміровичъ, напротивъ того,

---

[1]) Петръ Владиміровичъ жилъ нѣкоторое время за границею, гдѣ печаталъ свои сочиненія: Notices sur les principales familles de la Russie; La verité sur la Russie и многія другія, недозволенныя цензурой. Имъ же составлена: Россійская родословная книга, которую онъ не успѣлъ довести до конца и вышло только четыре части. При всей своей неполнотѣ и многихъ пропускахъ, это, однако, самая полная родословная книга, какую мы до сихъ поръ имѣли.

имѣлъ очень большое состояніе и родственнику своему часто и много помогалъ.

Когда братъ объявилъ намъ, что онъ женится на княжнѣ Долгоруковой, мы всѣ очень подивились этому, и намъ живо представился разсказъ батюшки о его визитѣ Долгорукову. Повторяю, что еслибъ онъ былъ еще въ живыхъ, не бывать бы этой женитьбѣ.

Никогда не приходилось мнѣ видѣть княжну Марью Петровну, но много слыхала я о ней отъ нашихъ сосѣдокъ по Покровскому — барышень Меркуловыхъ.

Онѣ часто говаривали про Долгоруковыхъ и очень хвалили княжну, что она умна, хорошо воспитана, поетъ по-итальянски, словомъ, превозносили до небесъ; но чтобы хороша была или стройна, никогда не говорили.

Мы часто другъ другу и говаривали:

— Чтò жь это Меркуловы никогда не скажутъ, хороша ли собой княжна Долгорукова?

Престранныя были эти Меркуловы: не то, чтобъ онѣ были хороши собой, но не дурны, сложены какъ слѣдуетъ, здоровья прекраснаго и кушали во славу Божію все, чтò ни подадутъ.

Какъ пріѣхали Долгоруковы къ себѣ въ деревню и познакомились съ Меркуловыми, стали мы примѣчать въ нихъ перемѣну: обѣ сестры начали какъ-то гнуться на бокъ и странно ходить, какъ прежде не хаживали, и стали жаловаться на свое здоровье: то холодно, то сквозной вѣтеръ, то имъ сыро. Вздумали привередничать за столомъ: это вредно, это тяжело, то жирно, другое тамъ солоно или кисло.

Это намъ казалось смѣшнымъ и страннымъ, но все мы не догадывались, что онѣ перенимаютъ у кого-нибудь весь этотъ вздоръ, а думали, что онѣ такъ сами по себѣ дурачатся: и кому бы пришло въ голову, чтобы человѣкъ, родившійся прямымъ, не кривобокимъ, сталъ вдругъ корчить изъ себя кривобокаго?

Которая-то изъ моихъ сестеръ разъ и спрашиваетъ у одной изъ Меркуловыхъ:

— Чтò это, матушка, какъ ты стала себя криво держать, точно кривобокая какая?

— Бокъ болитъ, такъ все меня и гнетъ на сторону.

Чужой боли не угадаешь: можетъ, и взаправду нездоровится и бокъ болитъ.

Батюшка тоже замѣтилъ перемѣну въ Меркуловыхъ: не ѣдятъ за столомъ того, другого. — Давно ли это вы начали разбирать, что вредно, что здорово; вы, кажется, прежде все ѣдали?

— Что-то желудки у насъ испортились, плохо переваривають пищу, спазмы дѣлаются.

— Какія это вы тамъ еще выдумали спазмы? говоритъ батюшка, кушайте во славу Божью все, что̀ подаютъ, и пройдутъ ваши спазмы: русскому желудку все должно быть здорово.

Въ послѣдствіи, какъ мы познакомились съ княжной Марьею Петровною, у насъ глаза и открылись; думаемъ себѣ:

— Вотъ съ кого обезьянничаютъ Меркуловы!

Первый визитъ братниной невѣсты былъ къ сестрѣ Александрѣ Петровнѣ, — она была и старшая, да притомъ же, и княгиня Вяземская; — потомъ къ брату и ко мнѣ.

Ну, ужь подивилась я на первыхъ порахъ выбору брата, глядя на невѣсту: очень не велика ростомъ, кривобока, горбовата, оловяннаго цвѣта вытаращенные глаза, носъ картофелиной, зубы какъ клыки и какіе-то кривые пальцы. Смотрю на княжну, не вѣрю себѣ: «неужели это братнина невѣста»?

При тогдашнихъ коротенькихъ и общелкнутыхъ платьяхъ съ коротенькою таліей, нескладность княжны была еще замѣтнѣе. Что она была умна — это безспорно, но какъ-то рѣзка и насмѣшлива, и это намъ не понравилось...

Со всѣми нами она обошлась не то чтобы свысока, но не очень радушно, хотя мы всѣ готовы были принять ее въ родство, какъ братнину жену; а важничать ей не приходилось съ нами: мы были вѣдь не Чумичкины какія-нибудь или Доримедонтовы, а Римскіе-Корсаковы, одного племени съ Милославскими, изъ рода которыхъ была первая супруга царя Алексѣя Михайловича; матушка была Щербатова, а бабушка Мещерская, не Лаптевымъ чета.

Большая была разница между старшею невѣсткой и этою: та была очень не дурна, правда, что съ простотцой и немного картава, но добра и ласкова, а эта пренапыщенная,

какъ будто великую намъ честь дѣлала, что роднилась съ нами.

Батюшка былъ точно вполнѣ баринъ: однако, онъ всякаго дворянина принималъ, какъ равнаго себѣ, хотя, конечно, не за всякаго бы отдалъ своихъ дочерей; да и мы, правду сказать, съ разборомъ глядѣли на мужчинъ, но были пріучены быть привѣтливыми съ каждымъ порядочнымъ человѣкомъ, а въ особенности съ равными себѣ. Этого Марья Петровна никогда или не хотѣла, или не умѣла, и не только сама не сблизилась съ нами, но мало-по-малу и брата ото всѣхъ родныхъ отдалила, а такъ какъ онъ былъ характера слабаго, то имъ совсѣмъ завладѣла.

Братъ Николай Петровичъ при своей женитьбѣ былъ тридцати семи лѣтъ, а невѣста его года на четыре моложе его, но онъ, несмотря на свою хворость, былъ моложавъ и очень не дуренъ собой.

По милостивому расположенію покойнаго государя къ старшему брату княжны Марьи Петровны—Петру Петровичу, она была пожалована фрейлиной, и такъ какъ въ то время было двѣ императрицы (Марія Өеодоровна и Елизавета Алексѣевна), то и шифръ былъ двойной: *М* и *Е*.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву, императоръ Александръ сказалъ княгинѣ Долгоруковой, матери умершаго Петра Петровича, много лѣтъ спустя послѣ его смерти: «вы, княгиня, потеряли сына, а я лишился въ немъ друга».

Княгиня была умная и находчивая старуха и очень хорошо и умно отвѣтила государю: «вы можете, ваше величество, всегда имѣть и много друзей, а я, лишившись сына, сына уже не найду, и самъ Богъ мнѣ его возвратить не можетъ».

Княгиня была очень почтенная, добрая, умная и привѣтливая женщина, женщина весьма благочестивая, держала себя просто, была со всѣми обходительна и не важничала, какъ ея гордый старикъ.

VI.

По случаю женитьбы брата, я познакомилась съ крестнымъ отцомъ его жены, княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ. И потому кстати и разскажу о немъ, каковымъ я его стала знать и что̀ о немъ слыхала отъ другихъ.

Князю Юрію Владиміровичу въ 1809 году было лѣтъ подъ семьдесятъ; онъ былъ ростомъ не очень великъ, но, впрочемъ, и не малъ; довольно полный, лицо имѣлъ пріятное, хотя черты не были правильны и были не особенно красивы. Что-то спокойное было въ выраженіи и много добродушія и вмѣстѣ съ тѣмъ и величавости; съ перваго взгляда можно было угадать, что это настоящій вельможа, ласковый и внимательный. Давно всѣ перестали пудриться и начали носить суконное кургузое платье; онъ до конца жизни пудрился и ходилъ въ бархатѣ и въ шелку, и думаю, что было бы странно видѣть этого вельможу, старика, одѣтаго какъ начинали одѣваться наши щеголи по-французски, на республиканскій манеръ, преотвратительно; онъ все еще носилъ французскій кафтанъ, и было это весьма прилично.

Онъ свою службу началъ при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, гдѣ находился и батюшка, и былъ тяжело раненъ въ голову, такъ что ему дѣлали операцію: вынимали изъ головы пулю или осколки. Онъ былъ тогда очень еще молодъ, и лѣтъ на десять моложе батюшки. При кончинѣ Елизаветы Петровны онъ былъ полковникомъ, а при Екатеринѣ, не имѣя и тридцати лѣтъ, былъ уже генералъ-майоромъ.

Когда графа Орлова (Алексѣя Григорьевича) императрица Екатерина послала въ Черногорію съ секретнымъ порученіемъ, то Орловъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы Долгоруковъ былъ данъ ему въ помощники. По возвращеніи былъ награжденъ Георгіемъ на шею и лентой (Александровскою) черезъ плечо. Подъ конецъ царствованія императрицы, Зубовы, попавшіе тогда въ милость государыни, опасаясь значительности Долгорукова, начали его тѣснить и вынудили выдти въ отставку за годъ или года за два до кончины императрицы.

У князя Юрія Владиміровича былъ старшій братъ, который женился на графинѣ Бутурлиной, а нѣсколько времени спустя, на другой, младшей ея сестрѣ женился самъ Юрій Владиміровичъ: первый бракъ считался законнымъ, а второй не признавали, хотѣли развести, но молодые не согласились и остались жить вмѣстѣ. Какъ братья, такъ и жены ихъ, жили душа въ душу. Жену старшаго брата, Василія Владиміровича, звали Варвара Александровна, а жену Юрія Владиміровича—Екатерина Александровна. У старшей четы дѣтей не было, а у княгини Екатерины Александровны вскорѣ послѣ замужества оказались признаки тягости, тогда и старшая сестра стала выдавать себя за находящуюся въ таковомъ же положеніи, для того, чтобы имѣть возможность новорожденнаго сестринаго ребенка выдать за своего законнаго, а не сестринаго, отъ непризнаннаго брака, и въ этихъ видахъ она обкладывалась подушками, и посторонніе, видя ихъ обѣихъ въ таковомъ положеніи, не догадывались, что одна въ тягости заподлинно, а другая — притворно.

У княгини Екатерины Александровны было трое дѣтей: [1]) сынъ и двѣ дочери; одна умерла въ дѣтствѣ, а другая, Варвара Юрьевна, бывшая за княземъ Горчаковымъ, умерла года за два до первой холеры. Сынъ, князь Василій Юрьевичъ, прекрасный молодой человѣкъ, подававшій великія надежды своимъ родителямъ, имѣя едва двадцать лѣтъ отъ роду, былъ при императорѣ Павлѣ генералъ-маіоромъ, а въ тридцать лѣтъ произведенъ въ генералъ-адъютанты; но не суждено было служить отрадой престарѣлаго отца: онъ умеръ, не имѣя еще и сорока лѣтъ, и съ нимъ погибли всѣ надежды старика видѣть потомство.

Домъ князя Юрія Владиміровича былъ на Никитской, одинъ изъ самыхъ большихъ и красивыхъ домовъ въ Москвѣ. На большомъ и широкомъ дворѣ, какъ онъ ни былъ великъ, иногда не умѣщались кареты, съѣзжавшіяся со всей Москвы къ гостепріимному хозяину, и какъ ни обширенъ былъ домъ, въ немъ жилъ только князь съ княгиней, ихъ

---

[1]) По смерти брата и невѣстки, князь Юрій Владиміровичъ испросилъ высочайшее соизволеніе на признаніе дѣтей, числившихся братниными — своими законными дѣтьми.

приближенные и безчисленная прислуга. А на лѣтнее время князь переѣзжалъ за семь верстъ отъ Москвы въ Петровское-Разумовское, гдѣ были празднества и увеселенія, которыхъ Москва никогда ужь больше не увидитъ...

Все дано было князю Юрію Владиміровичу отъ Бога, что̀ можетъ сдѣлать жизнь счастливою, и онъ умеръ, однако, разбитый горемъ, потому что лишился всѣхъ близкихъ, такъ что свое огромное состояніе оставилъ не близкому наслѣднику, а сестрину внуку, Салтыкову. Прежде всѣхъ умеръ его сынъ, потомъ княгиня, въ 1811 году, потомъ зять его, князь Горчаковъ, внука — дочь княгини Варвары Юрьевны, княжна Лидія Алексѣевна, выданная за графа Бобринскаго, и, наконецъ, княгиня Горчакова. Почти девяностолѣтній старикъ совершенно осиротѣлъ и умеръ, можно сказать, на чужихъ рукахъ, но онъ былъ хорошій христіанинъ и потому не роптал на Господа, съ твердостію переносилъ всѣ потери и смиренно несъ свой крестъ.

Князь Юрій Владиміровичъ скончался въ ноябрѣ мѣсяцѣ, во время первой холеры 1830 года. Схоронили его рядомъ съ женой въ подмосковной, въ селѣ Никольскомъ, гдѣ-то въ сторону отъ владимірской дороги, за Кусковымъ, верстахъ въ 15 отъ Москвы.

На моей памяти только и были такіе два вельможескіе дома, какъ дома Долгорукова и Апраксина, и это въ то время, когда еще много было знатныхъ и богатыхъ людей въ Москвѣ, когда умѣли, любили и могли жить широко и весело. Теперь нѣтъ и тѣни прежняго: кто позначительнѣе и побогаче — всѣ въ Петербургѣ, а кто доживаетъ свой вѣкъ въ Москвѣ, или устарѣлъ, или обѣднѣлъ, такъ и сидятъ у себя тихохонько и живутъ бѣднехонько, не по-барски, какъ бывало, а по-мѣщански, про самихъ себя. Роскоши больше, все дороже, нужды увеличились, а средствица-то маленькія и плохенькія, ну, и живи не такъ какъ хочется, а какъ можется. Поднялъ бы нашихъ стариковъ, далъ бы имъ посмотрѣть на Москву, они ахнули бы — на что̀ она стала похожа... Да, обмелѣла Москва и измельчала жителями, хоть и много ихъ.

Имена то хорошія, можетъ, и есть, да людей нѣтъ: не по имени живутъ.

Говорятъ про старыхъ людей, что мы хвалимъ только

свое время; чего тутъ хвалить, когда все пошло вверхъ дномъ; домами-то Москва, пожалуй, и красна, а жизнію скудна. Чтò по нашему за срамъ и стыдъ считали — теперь ни почемъ. Ну, слыханное ли дѣло, чтобы благородные люди, обыватели Москвы, нанимали квартиры въ трактирахъ, или жили въ меблированныхъ помѣщеніяхъ, Богъ знаетъ съ кѣмъ стѣна объ стѣну?

А экипажи какіе? Чтò у купца, то и у князя, и у дворянина: ни герба, ни коронки. Кто-то на дняхъ сказывалъ, видишь, что гербы стыдно выставлять на показъ: а то куда же ихъ прикажете дѣвать, въ сундукахъ, чтò ли, держать или на чердакѣ съ хламомъ? На то и гербъ, чтобъ смотрѣть на него, а не чтобы прятять — не краденый, отъ дѣдушекъ достался. Я имѣю два герба: свой да мужнинъ, и ступай, тащись въ каретѣ, выкрашенной однимъ цвѣтомъ, какъ какая-нибудь Простопятова, да статочное ли это дѣло? Илѝ печатай я письмо печатью съ незабудкой или, того хуже, облаткой, а не гербовою печатью? Какъ бы не такъ!

А въ каретахъ на чемъ ѣздятъ? Я ужь не говорю, что не четверней: теперь [1]) и двухъ десятковъ во всей Москвѣ не найдешь, кто бы четверней ѣздилъ, а то просто на ямскихъ лошадяхъ. Въ мое время за великій стыдъ почитали на ямскихъ лошадяхъ куда-нибудь ѣхать, опричь рядовъ или вечеромъ на балъ, когда своихъ пожалѣешь, а теперь это все ни почемъ: безъ зазрѣнія совѣсти, въ простыхъ наемныхъ каретахъ, таскаются по городу среди бѣлаго дня, или того еще хуже, на извощикахъ рыскаютъ.

Годъ отъ года все хуже и хуже становится, и теперь глаза ужь не глядѣли бы и не слушалъ бы про то, что дѣлается!..

---

[1]) Это началось въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда переставали уже ѣздить четверней и съ форейторомъ; но въ Москвѣ были еще старушки и старички, которые, по старой памяти, доѣзжали свой вѣкъ на четвернѣ, а не на парѣ въ низенькой каретѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

(1810—1813).

I.

Почти цѣлые два года: 1809 и 1810, провели мы въ хлопотахъ о стройкѣ и перестройкѣ: перестраивали въ деревнѣ церковь и домъ и строились въ Москвѣ на Пречистенкѣ, и только въ 1811 году могли перейти на новоселье въ новый домъ, въ которомъ не долго было намъ суждено пожить. Наступилъ ужасный 1812 годъ, и нашъ домъ, новый и еще не отдѣланный внутри, сгорѣлъ. Удивительная тогда напала на всѣхъ слѣпота: никто и не замѣтилъ, что что-то подготовляется, и только когда французъ въ Москвѣ побывалъ, стали припоминать то-то и то-то, по чему бы можно было догадаться о замыслахъ Бонапарта.

Въ 1811 году (это послѣ уже стало извѣстно) открыли одно тайное общество, въ которомъ находились молодые люди очень хорошихъ семействъ, и дознано было, что занимаются они рисованіемъ подробныхъ картъ Россіи и въ особенности Москвы, для отправки въ чужіе края. Доискались ли до правды—не знаю, а потомъ открылось, что это все дѣлалось для Бонапарта.

Одинъ изъ чертившихъ карты умѣлъ въ то время выпутаться изъ бѣды, но потомъ, попавшись по 14 декабрю, посаженъ былъ въ крѣпость, гдѣ просидѣлъ шесть мѣсяцевъ и ослѣпъ, и хоть поздно, но былъ все-таки отъ Бога наказанъ, что умышлялъ зло на свою родину.

Была въ Москвѣ одна французская торговка моднымъ товаромъ, на Кузнецкомъ мосту — мадамъ Оберъ-Шальме, препронырливая и превкрадчивая, къ которой ѣздила вся Москва покупать шляпы и головные уборы, и такъ какъ она очень дорого брала, то и прозвали ее оберъ-шельма. Потомъ оказалось, что она была измѣнница, которая радѣла Бонапарту. Открыли, говорятъ, ея какую-то тайную переписку,

схватили ее и куда-то сослали, но тогда этого никому извѣстно не было, а распустили слухъ, что у нея нашли фальшивую монету, и будто бы за то ее и сослали. А потомъ стали болтать, будто-бы въ 1811 году самъ Бонапартъ, разумѣется, переодѣтый, пріѣзжалъ въ Москву и все осматривалъ, такъ что когда въ 1812 году былъ въ Москвѣ, нѣсколько разъ проговаривался-де своимъ: «это мѣсто мнѣ знакомо, я его помню». Ходили какія-то прокламаціи Бонапарта по Москвѣ, но я ихъ не видала...

Было намъ и небесное предвѣщаніе: въ 1811 году явилась на небѣ большая и блестящая звѣзда съ хвостомъ, яркая комета. При первомъ появленіи этой кометы, хвостъ у нея не былъ длиненъ, но съ каждымъ днемъ все какъ будто прибавлялся и наконецъ былъ предлинный. Разные были толки тогда объ этой кометѣ и больше всѣ видѣли въ ней недоброе предзнаменованіе, считали, что это предъ великимъ бѣдствіемъ Господь посылаетъ намъ знаменіе, чтобы мы покаялись и обратились къ Нему.

Иные смѣялись и говорили, что это суевѣріе, что звѣзда или комета не можетъ имѣть никакого вліянія на судьбу человѣческую, а развѣ только на погоду, будетъ ли ведреная или сырая, жаркая или холодная.

Тамъ какъ угодно, вѣрь не вѣрь, а не даромъ же была эта комета и не прошла она безъ бѣдствія. Когда она увеличилась до большихъ размѣровъ, то сдѣлалась очень ярка, и загнутый хвостъ, который шелъ внизъ трубою, былъ предлинный и такой же яркій, какъ и она сама; и потомъ она стала все блѣднѣть, меркнуть и такъ совсѣмъ выцвѣла, исчезла. Тогда, помнится, говорили, что эта комета не совсѣмъ новая, а была уже видна до Рождества Христова при Юліѣ Кесарѣ.

Тяжелъ былъ для всѣхъ 1811 годъ; мы всѣ смутно предчувствовали, что готовится что-то ужасное и собирается гроза надъ нами, но чтобы постигло насъ такое бѣдствіе, какое мы испытали, этого никто и представить себѣ не могъ.

Отъ всѣхъ до послѣдней минуты все скрывали и всѣхъ насъ обманывали: съ умысломъ ли или потому, что и сами не вѣрили возможности, чтобы до Москвы дошелъ дерзкій врагъ — это трудно теперь рѣшить.

Нашъ новый домъ на Пречистенкѣ поспѣлъ только въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1811 года, и ноября 11-го, въ Анночкино рожденіе, отслуживъ молебенъ съ водосвятіемъ, мы и поселились въ немъ, пресчастливые и предовольные, что, наконецъ, дождались давно желаемаго нами.

Такъ мы всю зиму въ немъ прожили преблагополучно. Наступила весна. Стали ходить смутные слухи, что Бонапартъ съ нами не ладитъ и что какъ бы не было войны. Ну, что̀ жь? Развѣ мы прежде не воевали? То съ нѣмцами, то съ Турціей, или со шведами: отчего же не повоевать и съ Бонапартомъ?.. Тогда толковали, что тильзитскій миръ, очень невыгодный для Россіи, оттого и былъ такъ легко заключенъ нашимъ государемъ, что имѣлось въ виду его нарушить при первомъ удобномъ случаѣ. Потому неладныя отношенія между нами и Бонапартомъ не очень насъ смущали: пусть грозитъ— повоюемъ.

До 1812 года главнокомандующимъ въ Москвѣ былъ графъ Гудовичъ, фельдмаршалъ Иванъ Васильевичъ, недолго, — я думаю, года три; а тутъ вдругъ назначили графа Растопчина. Я его часто видала у Архаровыхъ, гдѣ онъ проводилъ иногда цѣлые вечера. Онъ былъ довольно высокъ ростомъ, мужественъ, но лицомъ очень некра̀сивъ; лицо плоское съ выдавшимися скулами, глаза на выкатѣ, носъ широкій, немного приплюснутый, вздернутый,—словомъ, видно было, что онъ происходилъ отъ татарскаго предка, и нужды нѣтъ, что давно его пращуръ прибылъ въ Россію откуда-то (кажется, онъ сказывалъ, что изъ Крыма), а такъ, вотъ и видно было, что татарскаго происхожденія; волоса рѣдкіе и немного; маленькіе полоской бакенбарды, губы тонкія и очень сжатыя, зубы широкіе, небольшой подбородокъ и большой назадъ закинутый лобъ. Но какъ по лицу онъ былъ некрасивъ, такъ по всей наружности было что-то очень важное, привѣтливое и отмѣнно благородное. На видъ ему было лѣтъ пятьдесятъ, но, говорятъ, ему ихъ не было; онъ былъ нѣсколько старообразъ и очень близорукъ: читаетъ бывало, подъ носомъ держитъ книгу. Хотя родъ Растопчиныхъ и настоящій дворянскій и древній родъ, но до Ѳедора Васильевича не былъ ни знатенъ, ни богатъ: отецъ его былъ просто майоръ; мать — урожденная Крюкова. Какимъ манеромъ, не знаю, Ѳедоръ Васильевичъ попалъ къ

Гатчинскому двору и былъ у великаго князя Павла Петровича камергеромъ. По восшествіи его на престолъ былъ тотчасъ переименованъ въ военные чины генералъ-адъютантомъ, и въ эти четыре года царствованія Павла онъ сдѣлался дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, получилъ Александра Невскаго и Андрея, былъ сдѣланъ графомъ, и, кромѣ того, его отецъ, находившійся въ отставкѣ, изъ майора сдѣланъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и награжденъ Аннинскою лентой; въ день коронованія, императоръ пожаловалъ Ѳедору Васильевичу имѣніе въ 500 душъ въ Орлѣ.

Предъ вступленіемъ на престолъ Александра Павловича, графъ Растопчинъ былъ уволенъ отъ службы, но при Александрѣ онъ опять вступилъ въ службу и въ 1812 году былъ сдѣланъ московскимъ главнокомандующимъ. Его жена, графиня Екатерина Петровна, урожденная Протасова, была племянница извѣстной въ свое время камерфрейлины Анны Степановны Протасовой, пріятельницы императрицы Екатерины, которая ее съ ея четырьмя племянницами пожаловала графскимъ титуломъ. Анна Степановна Протасова по своей матери была въ близкомъ родствѣ съ Орловыми. Анисья Никитична Орлова, сестра Ивана Никитича и Григорія Никитича, была замужемъ за сенаторомъ Степаномъ Ѳедоровичемъ Протасовымъ, потому, вѣроятно, и попала въ случай: ея мать и отецъ извѣстнаго любимца Григорья Григорьевича Орлова были родные братъ и сестра.

Графиня Екатерина Петровна Растопчина была очень не хороша собой: высокая, худая, лицо какъ у лошади, большіе глаза, большой носъ, ротъ до ушей, а уши вершка по полтора: такихъ большихъ и противныхъ ушей я и не видывала. Голосъ грубый, басистый; одѣвалась какъ-то странно и старѣе своихъ лѣтъ, все больше носила темное или черное, порусски говорило плохо, но за то по-французски говорила, какъ природная француженка, и вообще похожа была на старую гувернантку изъ хорошаго дома. Потомъ она, говорятъ, перешла въ католическую вѣру и всѣхъ дочерей своихъ покатоличила: одна изъ нихъ была за французскимъ графомъ Сегюромъ, бывшимъ при нашемъ дворѣ посланникомъ, а другая за которымъ-то Нарышкинымъ. Графиня мало выѣзжала, но графа я часто видала у Архаровыхъ и у Апраксиныхъ.

Вотъ, когда въ 1812 году стали распространяться слухи, что Бонапартъ идетъ на Россію, Растопчинъ все увѣрялъ, что это невозможно. «Помилуйте», говаривалъ онъ, «да ему и черезъ границу переступить не дадутъ, не допустятъ вступить въ Россію».

И говорилъ онъ такъ утвердительно, что нельзя было не вѣрить.

Пріѣдешь бывало къ сестрѣ Аннѣ Николаевнѣ Неклюдовой или къ княгинѣ Авдотьѣ Николаевнѣ Мещерской, толкуютъ, что французъ въ Москву придетъ. «Ну, что̀ собираешься ли въ путь? спрашиваетъ Неклюдова,—не теряй времени, а то французъ насъ врасплохъ застанетъ, всѣхъ переколѣтъ».

— Полно, Анна Николаевна, смущать, Растопчинъ увѣряетъ...

— Ахъ, какая же ты легковѣрная, охота тебѣ его слушать, этого краснобая, онъ только людей морочитъ; говорю тебѣ, собирайся, а то поздно будетъ, все изъ Москвы выбирай...

Пріѣдешь къ Апраксинымъ или къ Архаровымъ, тамъ Растопчинъ и совсѣмъ другіе толки.

— Кто это выдумалъ, что у насъ разрывъ съ Франціей? А ежели бы и была война, развѣ допустятъ до Москвы? Это все барыни выдумываютъ, это кумушки и вѣстовщицы разносятъ по городу; никогда этого и быть не можетъ.

Мещерская говоритъ: «Не сьюшай, сесья, собияйся, фьянцузъ идетъ» [1]).

Бывало и придешь втупикъ, не знаешь, чему вѣритъ, кого слушать.

II.

Однажды пріѣхали мы съ мужемъ къ Апраксинымъ: въ гостиной множество гостей; Екатерина Владиміровна, какъ всегда, спокойная и веселая. Гедеоновъ и Яковлевъ что-то разсказываютъ и шутятъ, и Степанъ Степановичъ тоже превеселый...

---

[1]) Она была косноязычна и *р* не могла выговаривать.

Немного погодя, взялъ онъ мужа за руку и повелъ къ себѣ въ кабинетъ и говоритъ ему: «Вы не полагайтесь, Дмитрій Александровичъ, на оффиціальныя извѣстія и на то, что́ говоритъ Растопчинъ,—дѣла наши идутъ не хорошо и мы войны не минуемъ. Главнокомандующій съ войскомъ около Смоленска, тамъ и государь былъ уже или на дняхъ будетъ... Не разглашайте, что я вамъ говорю, а собирайтесь понемногу и укладывайтесь: можетъ случиться, что Бонапартъ дойдетъ и до Москвы, будьте предупреждены. Все это можетъ случиться скорѣе, чѣмъ мы ожидаемъ»...

Возвратились они опять въ гостиную, Апраксинъ веселый, какъ былъ, а мужъ мой красный и какъ будто смущенный... Думаю: «что́ это такое»? Такъ и подмываетъ меня поскорѣе узнать; подозвала его и говорю вполголоса: «поѣдемъ, пожалуйста, мнѣ что-то не можется».

Встала, хочу ѣхать.

Апраксина спрашиваетъ: «куда же это вы спѣшите»?

— Что-то себя не хорошо чувствую.

Сѣли мы въ карету, Дмитрій Александровичъ и говоритъ мнѣ, что̀ ему сказывалъ Степанъ Степановичъ.

Стали мы приводить свои дѣла по немногу въ порядокъ и по немногу укладываться.

Разумѣется, я сказала сестрамъ и братьямъ.

Весной, когда всѣ стали разъѣзжаться по деревнямъ, собрались мы въ Горки; очень мнѣ было грустно разставаться съ Москвой, думаю—придется ли опять въ ней быть?

Сестра Анна Петровна поѣхала къ брату Николаю Петровичу въ Покровское; Вяземскіе въ свою веневскую деревню, въ Студенецъ, и братъ Михаилъ Петровичъ къ себѣ.

Московское дворянство, всегда отличавшееся своимъ особеннымъ усердіемъ и готовое защищать отечество до послѣдней капли крови, не ожидая воззванія отъ государя, само отъ себя вызвалось составить ополченіе и дать по числу душъ своихъ крестьянъ отъ девяти десятаго, что́ составило болѣе восьмидесяти тысячъ человѣкъ. На нашу долю пришлось по Московской губерніи выставить 32 человѣка, 22 по Тульской, по Тамбовской и Новгородской постольку же, а всего 100 человѣкъ.

Пріѣхали мы въ деревню. Дмитрій Александровичъ въ

воскресенье велѣлъ созвать полную сходку, всѣхъ кто по деревнямъ на лицо, и послѣ обѣдни всѣ собрались къ дому. Онъ вышелъ на парадное крыльцо и говоритъ имъ: «друзья мои, я васъ собралъ, чтобы поговорить съ вами. Намъ грозитъ опасность: французы идутъ на Россію, мы должны себя отстаивать, послужить царю и отечеству и защитить православную вѣру; дворянство положило дать отъ девяти десятаго, чтобы составить ополченіе; я неволить никого не хочу, а кто желаетъ доброю волей, пусть скажется, потомъ я и увижу, кого выбрать изъ желающихъ. Потолкуйте промежь себя и подумайте, и всѣ желающіе станьте особо кучкой».

И сказавъ это, ушелъ въ домъ, плачетъ, говоритъ мнѣ: «кого я выберу — всѣхъ жаль, и какъ я могу взять на себя посылать по моему выбору на явную смерть».

Когда пришелъ онъ опять на крыльцо, направо отдѣлились желающіе идти въ ратники, что-то много.

— Сколько желающихъ? спрашиваетъ онъ. Отвѣчаютъ: столько-то.—Ну, говоритъ, это слишкомъ много, нужно только 32 человѣка; я никого ни уговариваю, ни отговариваю и на себя не возьму выбирать того или другого и посылать подъ пулю, а вы, православные, помолитесь Богу и киньте жребій кому идти, кому оставаться, — значитъ, такова Божья воля.

Всѣ перекрестились и стали кидать жребій, такъ и рѣшили кому вступить въ ополченіе... Никому не было обидно: ни тому, кто шелъ, ни тому, кто оставался.

Было нѣсколько дворянскихъ съѣздовъ то въ Москвѣ, то въ Дмитровѣ. Дмитрій Александровичъ взялъ на себя должность, по предложенію дворянства, завѣдывать хлѣбными запасами въ Дмитровскомъ уѣздѣ и наблюдать за изготовленіемъ отправляемаго въ армію провіанта.

Ополченіе скоро сформировали: не прошло и шести недѣль, какъ всѣ были готовы выступить.

Графъ Дмитріевъ - Мамоновъ, Александръ Матвѣевичъ, сынъ извѣстнаго въ свое время любимца императрицы Екатерины II, служилъ въ то время въ сенатѣ. Онъ былъ съ небольшимъ лѣтъ двадцати, вступилъ въ военную службу и, какъ человѣкъ весьма богатый, на свой собственный счетъ поставилъ на ноги цѣлый полкъ изъ своихъ крестьянъ и самъ его обмундировалъ, и во главѣ его отправился въ дѣйствую-

щую армію. За это онъ былъ сдѣланъ потомъ генералъ-майоромъ, но, говорятъ, онъ ожидалъ бо̀льшаго. По окончаніи войны онъ вышелъ въ отставку, недовольный, что мало оцѣнили его заслугу, какъ ему казалось; уѣхавъ въ деревню, тамъ прожилъ безвыѣздно лѣтъ двадцать и помѣшался въ разсудкѣ на томъ, что онъ Владиміръ Мономахъ. Это я сказала къ слову...

Въ началѣ іюня, Бонапартъ переступилъ черезъ нашу границу. Войска были собраны въ губерніяхъ, смежныхъ со Смоленскою. Императоръ туда ѣздилъ, былъ въ Вильнѣ, въ Полоцкѣ, осматривалъ и, говорятъ, имѣлъ намѣреніе остаться и лично командовать, но потомъ передумалъ, чувствуя, что онъ нужнѣе для управленія; воевать предоставилъ главнокомандующимъ. Вся столица ожидала государя съ нетерпѣніемъ, а народъ, узнавъ, что государь прибудетъ по смоленской дорогѣ, толпами шелъ очень далеко и намѣревался выпрячь лошадей изъ государевой коляски и везти ее на себѣ. Растопчинъ, бывшій съ государемъ на послѣдней станціи, видя множество собравшагося народа, вышелъ и сказалъ, что государь ночуетъ на станціи; кто повѣрилъ, а многіе остались дожидаться. На Филяхъ былъ старичокъ священникъ; услышавъ, что государь поѣдетъ мимо, вышелъ въ облаченіи и съ крестомъ; государь вылѣзъ изъ коляски и, поклонившись въ землю, приложился ко кресту.

Іюля 12-го, государь прибылъ въ Москву ночью. На другой день былъ выходъ въ Успенскій соборъ. Въ то же время, за слабостью здоровья и по преклонности лѣтъ, московскій митрополитъ Платонъ уже не управлялъ московскою епархіей, жилъ на покоѣ въ Виѳаніи, а Москвой и всею губерніей управлялъ преосвященный Августинъ. При встрѣчѣ государя пѣли: Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его и да бѣжатъ отъ лица Его вси ненавидящіе Его. Встрѣча была торжественная, всеобщій восторгъ, котораго и описать нельзя, и государь отъ умиленія вышелъ изъ собора весь въ слезахъ. Съ недѣлю по прибытіи государя въ Москву, получено извѣстіе о заключеніи выгоднаго для насъ мира съ Турціей, и по этому поводу были большія торжества.

Этотъ миръ развязывалъ намъ руки и давалъ возможность всѣ наши силы собрать въ одномъ мѣстѣ, гдѣ нужнѣе, чтобъ

отразить дерзкаго Бонапарта; и всѣ сему радовались, а Бонапартъ бѣсился и злобствовалъ на англичанъ, которые намъ помогли заключить этотъ миръ.

Повторяю, что̀ слышала, а такъ ли оно было или нѣтъ, это справляйтесь съ исторіей.

По желанію государя, преосвященный Августинъ составилъ молитву и новый чинъ для молебствія по случаю нашествія иноплеменниковъ и служилъ оный ежедневно, а молитву читали съ колѣнопреклоненіемъ.

Въ іюлѣ, вышелъ высочайшій манифестъ и воззваніе отъ Святѣйшаго Синода.

Іюля 30-го, праздновали одержанную нами побѣду надъ какимъ-то маршаломъ: разбили его отрядъ.

Августа 5-го, французы заняли Смоленскъ. Бонапартъ все ожидалъ сраженія съ Кутузовымъ, а Кутузовъ отступалъ, желая заманить непріятеля подалѣе. Непріятельское войско начинало уже терпѣть великую нужду: ѣли размоченную рожь и конское мясо.

Наканунѣ Успеньева дня, преосвященный Августинъ совершилъ молебстіе за Сухаревою башней, у Спасскихъ казармъ, въ присутствіи собравшагося московскаго ополченія, благословлялъ всѣхъ воиновъ, кропилъ святою водой и, вмѣсто знаменъ, вручилъ имъ священныя хоругви.

Дня черезъ три послѣ того, пришло извѣстіе, что французы заняли Вязьму. Становилось очень жутко въ Москвѣ, но главнокомандующій Растопчинъ въ своихъ афишкахъ все печатаетъ, что бояться нечего, что француза до Москвы не допустятъ, и т. д. А между тѣмъ, слышимъ, что велѣно игуменьямъ забрать, что̀ въ ихъ монастыряхъ, въ ризницахъ лучшаго и драгоцѣннаго и укладывать, чтобы все было наготовѣ, когда потребуютъ.

Изъ Москвы стали многіе выбираться, куда кто могъ подальше. Братъ, князь Владиміръ Волконскій, поѣхалъ въ свою казанскую деревню и звалъ и меня туда пріѣхать, еслибы понадобилось. Тетушка, графиня Толстая, собралась въ Симбирскъ; Архаровы поѣхали въ тамбовскую деревню; княгиня Мещерская поѣхала въ Моршанскъ; Апраксина съ дочерьми— въ орловскую деревню: всѣ забирались подальше, и все казалось, что еще близко...

Дмитрій Александровичъ принужденъ былъ остаться въ Дмитровѣ, по должности, которую на себя принялъ, а обо мнѣ съ дѣтьми мы рѣшили, что отправимся въ тамбовскую деревню.

Мы собирались, но все еще медлили, надѣясь, авось Господь помилуетъ и избавитъ отъ такой напасти. Городъ съ каждымъ днемъ все пустѣлъ: то тѣ уѣхали, то другіе, то, смотришь, какая-нибудь лавка заперта,—перестали торговать. Выѣдешь ли куда, то и дѣло попадаются дорожныя кареты, фуры, обозы съ сундуками и пожитками. Порадовало было насъ извѣстіе о сраженіи подъ Бородинымъ: думали, ну, теперь ухлопаютъ непріятеля; нѣтъ, говорятъ, хотя и сильно пораженъ, но идетъ къ Москвѣ. Стали закрывать присутственныя мѣста, изо всѣхъ монастырей настоятели и игуменьи собрались на подворье къ преосвященному Августину: настоятели всѣ отправились съ обозомъ церковныхъ сокровищъ въ Вологду, а изъ игуменій нѣкоторыя тоже выѣхали, а другія остались въ городѣ и во все время непріятеля, то жили по своимъ монастырямъ, то укрывались, гдѣ Господь приведетъ...

III.

Какъ я ни медлила, а ѣхать приходилось. Начали совсѣмъ собираться: все хотѣлось бы взять, а брать некуда; въ четверомѣстной каретѣ и безъ того тѣсно: я, двѣ старшія дочери, Клеопатра, двѣнадцати лѣтъ, Сонюшка, пяти лѣтъ, и ея няня... Образа свои мы оставили въ сундукѣ въ Горковской церкви; изъ серебра взяли, что̀ понужнѣе, а что̀ получше и потяжелѣе оставили въ деревнѣ. Денегъ у насъ на лицо было всего 1.000 р. асс., мы раздѣлили ихъ пополамъ съ Дмитріемъ Александровичемъ, и взяла я съ собой одинъ фунтъ чаю: болѣе въ домѣ не оказалось, а купить было уже негдѣ.

Поутру, наканунѣ отъѣзда, пришелъ ко мнѣ камердинеръ мужа и говоритъ:

— Сударыня, вы бы изволили уговорить Дмитрія Александровича послать въ Горки все, что̀ получше: зеркала, мебель которую, фарфоръ; тамъ, все-таки, будетъ сохраннѣе, чѣмъ здѣсь. Ну, сохрани Богъ, домъ сгоритъ...

Пошла я въ кабинетъ; Дмитрій Александровичъ прегрустный, преразстроенный, говорю ему:

— Вотъ Михаилъ Ивановъ мнѣ тоже говоритъ, что̀ и я тебѣ совѣтовала: побольше отправить въ деревню, цѣлѣе будетъ.

— Нѣтъ, матушка, не сто̀итъ возиться: ежели Москва не уцѣлѣетъ, гдѣ уцѣлѣть деревнѣ въ сорока верстахъ! Оставимъ, какъ что̀ есть: право, не до того теперь...

Такъ мы этого и не сдѣлали, а еслибы послушались добраго совѣта, все бы могли сохранить.

Поздно вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, сидѣли мы и толковали съ мужемъ обо всемъ, какъ будто мы на вѣкъ прощались; да и всяко думалось: могло быть, что и не свидѣлись бы. Не дай Богъ никому перечувствовать и испытывать, что̀ мы всѣ тогда испытали и пережили...

Въ самый день отъѣзда послали въ приходъ за священникомъ, отслужили молебенъ напутственный съ водосвятіемъ; карета была уже еще съ вечера уложена, велѣли закладывать, простились всѣ со слезами, какъ бы на вѣкъ, и поѣхали...

Отправились мы на Крымскій Бродъ, чтобъ оттуда пробраться проселочными дорогами на каширскую дорогу и такъ черезъ Каширу доѣхать до веневской деревни моего деверя и потомъ, ежели не будетъ опасности, проѣхать къ себѣ въ тамбовскую деревню.

Отъ нашего дома съ Пречистенки и до Крымскаго Брода точно гулянье: тянулись экипажи, кареты, коляски, дрожки и телѣжки; всѣ ѣдутъ, спѣшатъ выбраться изъ Москвы, кто идетъ пѣшкомъ навьюченъ узелками и мѣшечками. По берегамъ у Крымскаго Брода народъ сидитъ толпами... Это было 1-го сентября, поутру.

Мы ѣхали на своихъ лошадяхъ, останавливались, кормили лошадей и ночевали, и благополучно прибыли въ Петрово на третій день. Здѣсь отдохнули дня съ два и поѣхали далѣе. Подъ Рождество Богородицы мы были въ Задонскѣ и остановились на монастырской гостиницѣ. Въ праздникъ мы пошли къ обѣднѣ и на встрѣчу намъ идетъ настоятель, архимандритъ отецъ Евграфъ, и видя, что мы пріѣзжія, спрашиваетъ:

— Откуда вы, матушка, не московскія ли?

Я отвѣчаю: — «Да, мы изъ Москвы».

Дмитрій Александровичъ принужденъ былъ остаться въ Дмитровѣ, по должности, которую на себя принялъ, а обо мнѣ съ дѣтьми мы рѣшили, что отправимся въ тамбовскую деревню.

Мы собирались, но все еще медлили, надѣясь, авось Господь помилуетъ и избавитъ отъ такой напасти. Городъ съ каждымъ днемъ все пустѣлъ: то тѣ уѣхали, то другіе, то, смотришь, какая-нибудь лавка заперта,—перестали торговать. Выѣдешь ли куда, то и дѣло попадаются дорожныя кареты, фуры, обозы съ сундуками и пожитками. Порадовало было насъ извѣстіе о сраженіи подъ Бородинымъ: думали, ну, теперь ухлопаютъ непріятеля; нѣтъ, говорятъ, хотя и сильно пораженъ, но идетъ къ Москвѣ. Стали закрывать присутственныя мѣста, изо всѣхъ монастырей настоятели и игуменьи собрались на подворье къ преосвященному Августину: настоятели всѣ отправились съ обозомъ церковныхъ сокровищъ въ Вологду, а изъ игуменій нѣкоторыя тоже выѣхали, а другія остались въ городѣ и во все время непріятеля, то жили по своимъ монастырямъ, то укрывались, гдѣ Господь приведетъ...

III.

Какъ я ни медлила, а ѣхать приходилось. Начали совсѣмъ собираться: все хотѣлось бы взять, а брать некуда; въ четвероместной каретѣ и безъ того тѣсно: я, двѣ старшія дочери, Клеопатра, двѣнадцати лѣтъ, Сонюшка, пяти лѣтъ, и ея няня... Образа свои мы оставили въ сундукѣ въ Горковской церкви; изъ серебра взяли, что̀ понужнѣе, а что̀ получше и потяжелѣе оставили въ деревнѣ. Денегъ у насъ на лицо было всего 1.000 р. асс., мы раздѣлили ихъ пополамъ съ Дмитріемъ Александровичемъ, и взяла я съ собой одинъ фунтъ чаю: болѣе въ домѣ не оказалось, а купить было уже негдѣ.

Поутру, наканунѣ отъѣзда, пришелъ ко мнѣ камердинеръ мужа и говоритъ:

— Сударыня, вы бы изволили уговорить Дмитрія Александровича послать въ Горки все, что̀ получше: зеркала, мебель которую, фарфоръ; тамъ, все-таки, будетъ сохраннѣе, чѣмъ здѣсь. Ну, сохрани Богъ, домъ сгоритъ...

Пошла я въ кабинетъ; Дмитрій Александровичъ прегрустный, преразстроенный, говорю ему:

— Вотъ Михаилъ Ивановъ мнѣ тоже говоритъ, что̀ и я тебѣ совѣтовала: побольше отправить въ деревню, цѣлѣе будетъ.

— Нѣтъ, матушка, не сто̀итъ возиться: ежели Москва не уцѣлѣетъ, гдѣ уцѣлѣть деревнѣ въ сорока верстахъ! Оставимъ, какъ что̀ есть: право, не до того теперь...

Такъ мы этого и не сдѣлали, а еслибы послушались добраго совѣта, все бы могли сохранить.

Поздно вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, сидѣли мы и толковали съ мужемъ обо всемъ, какъ будто мы на вѣкъ прощались; да и всяко думалось: могло быть, что и не свидѣлись бы. Не дай Богъ никому перечувствовать и испытывать, что̀ мы всѣ тогда испытали и пережили...

Въ самый день отъѣзда послали въ приходъ за священникомъ, отслужили молебенъ напутственный съ водосвятіемъ; карета была уже еще съ вечера уложена, велѣли закладывать, простились всѣ со слезами, какъ бы на вѣкъ, и поѣхали...

Отправились мы на Крымскій Бродъ, чтобъ оттуда пробраться проселочными дорогами на каширскую дорогу и такъ черезъ Каширу доѣхать до веневской деревни моего деверя и потомъ, ежели не будетъ опасности, проѣхать къ себѣ въ тамбовскую деревню.

Отъ нашего дома съ Пречистенки и до Крымскаго Брода точно гулянье: тянулись экипажи, кареты, коляски, дрожки и телѣжки; всѣ ѣдутъ, спѣшатъ выбраться изъ Москвы, кто идетъ пѣшкомъ навьюченъ узелками и мѣшечками. По берегамъ у Крымскаго Брода народъ сидитъ толпами... Это было 1-го сентября, поутру.

Мы ѣхали на своихъ лошадяхъ, останавливались, кормили лошадей и ночевали, и благополучно прибыли въ Петрово на третій день. Здѣсь отдохнули дня съ два и поѣхали далѣе. Подъ Рождество Богородицы мы были въ Задонскѣ и остановились на монастырской гостиницѣ. Въ праздникъ мы пошли къ обѣднѣ и на встрѣчу намъ идетъ настоятель, архимандритъ отецъ Евграфъ, и видя, что мы пріѣзжія, спрашиваетъ:

— Откуда вы, матушка, не московскія ли?

Я отвѣчаю: — «Да, мы изъ Москвы».

— А давно ли вы, сударыня, оттуда изволили выѣхать?

— Утромъ 1-го сентября, говорю я.

— Давненько... стало, вы и не знаете, что французы въ Москвѣ, и она горитъ пятыя сутки?

У меня едва не подкосились ноги.

«Господи, подумала я, что̀ тамъ теперь дѣлается?» Когда чего дурнаго ожидаешь, чаще всего представишь себѣ непремѣнно худшее, чѣмъ оно дѣйствительно бываетъ: чего тутъ я ни придумала: мужъ или убитъ, или въ плѣну, домъ сгорѣлъ, Москва вся выжжена, нашу деревню тоже, вѣрно, спалятъ, и чего-чего себѣ я не представила. Поплакала я, погоревала и поѣхала далѣе; наконецъ, пріѣхали мы къ себѣ, въ Елизаветино. Добрые наши сосѣди Бартеневы, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, поспѣшили ко мнѣ пріѣхать. Стали разспрашивать, какъ и что̀ въ Москвѣ? Разсказываешь имъ, а сама, бывало, плачешь; опять все ужасное и въ самомъ черномъ цвѣтѣ придетъ въ голову.

Тревожное было тогда для меня время: почта пріостановилась; слухи, когда дойдутъ откуда-нибудь, все нерадостные и самые преувеличенные, а иногда и вовсе невѣрные. Сентябрь сталъ подходить къ концу, ни писемъ, ни извѣстій отъ мужа нѣтъ... Прошло три недѣли, какъ мы выѣхали изъ Москвы, а въ три недѣли, и не въ такое время, мало ли что̀ могло случиться.

Разъ, предъ вечеромъ, сижу я въ гостиной одна: дѣти разошлись по своимъ комнатамъ, смеркалось, свѣчъ еще не подали, и въ большой грусти думаю, что-то теперь дѣлаетъ мой мужъ, что̀ въ Москвѣ. Вдругъ входитъ человѣкъ и говоритъ мнѣ:

— Елизавета Петровна, къ намъ ѣдетъ какой-то дорожный экипажъ, разглядѣть нельзя, а кучеръ пѣсни поетъ, какъ будто Филатъ, значитъ, Анны Петровны.

Очень я обрадовалась мысли, что это сестра, и потомъ вдругъ мнѣ представилось: не съ дурною ли она вѣстію, не объявлять ли мнѣ что-нибудь о Дмитріѣ Александровичѣ?

Пошла ходить отъ окна къ окну, не увижу ли, жду не дождусь; слышу, подъѣхали къ крыльцу, иду на встрѣчу: точно, сестра.

— Ахъ, голубушка моя, какъ это ты вздумала ко мнѣ пріѣхать? Ну, что̀, какія извѣстія изъ Москвы?

Она вздохнула:—очень дурныя. Москва взята французами и почти вся выжжена...

— Ну, думаю себѣ, «это она приготовляетъ меня, хочетъ мнѣ объявлять что-нибудь о мужѣ».

— Ну, а ты какія имѣешь вѣсти о Дмитріѣ Александровичѣ? спрашиваетъ она меня.

Такъ и чувствую, что она меня приготовляетъ и сейчасъ объявитъ мнѣ печальное извѣстіе.

— Никакихъ, говорю я: — да ты не томи меня, а скажи мнѣ лучше, ужь не слыхала ли ты что-нибудь про него?..

— Увѣряю тебя, что ничего не знаю: вѣдь почта не ходитъ...

Пошли мы въ гостиную, прибѣжали дѣти, подали свѣчи, стали хлопотать объ обѣдѣ для сестры, а потомъ она начала разсказывать, какія вѣсти дошли до нея о состояніи Москвы.

IV.

Въ понедѣльникъ, сентября 2-го, какъ ударили въ Кремлѣ къ вечернѣ, вошли французы въ Москву черезъ Дорогомиловскій мостъ. Войска были холодны и голодны, наги и босы; дорвавшись до Москвы, они тотчасъ же разсыпались по городу промышлять себѣ, кому что̀ было нужно; кто спѣшилъ утолить свой голодъ или жажду, а кому хотѣлось добыть себѣ обувь или чистое бѣлье. Мародеры ходили по городу, отнимали, что̀ имъ полюбится, подбивали куръ, уводили лошадей и коровъ и, словомъ сказать, все, что̀ принадлежало московскимъ обывателямъ, считали своею собственностію. Москва очень опустѣла: вмѣсто 280 тысячъ жителей, говорятъ, не осталось и десятой доли. Растопчинъ велѣлъ выпустить всѣхъ колодниковъ и арестантовъ для того, чтобъ они получили свободу прежде вступленія непріятеля, а не по его милости; пожарныя трубы, всю команду изъ Москвы вывезли, и когда начались пожары, то непріятелю не оставалось и средствъ для ихъ прекращенія.

Вышедши замужъ въ 1796 году, она овдовѣла три мѣсяца спустя послѣ брака, будучи непраздною [1]), а въ надлежащее время родила дочь Анастасію, въ которой полагала все свое счастіе и воспитывала съ неусыпнымъ стараніемъ, живя по зимамъ въ Москвѣ, а лѣтомъ въ своемъ звенигородскомъ имѣніи, въ сельцѣ Аносинѣ. Тамъ церкви не было, когда Мещерская купила имѣніе. Она была очень благочестивая и набожная женщина, и потому выпросила у митрополита Платона дозволеніе построить у себя церковь, которая была совсѣмъ уже готова, оставалось только освятить, когда вдругъ нагрянулъ непріятель, и княгинѣ пришлось наскоро собираться и уѣзжать.

По сосѣдству съ Аносинымъ жила наша родственница, бабушка Прасковья Александровна Ушакова (урожденная Теряева); она была дружна съ княгиней и послѣ 1812 года ей помогала при поправкѣ церкви и обновленіи строеній; она жила въ селѣ Ламоновѣ.

Съ другой стороны, неподалеку было имѣніе Кутайсовыхъ. Этотъ Кутайсовъ турецкаго происхожденія (уроженецъ города Кутаиса); онъ былъ взятъ въ плѣнъ во время турецкой войны и понравился великому князю Павлу Петровичу, который его окрестилъ, къ себѣ приблизилъ и, при своемъ восшествіи на престолъ, пожаловалъ графствомъ и немалымъ имѣніемъ; звали его Иванъ Павловичъ. При первомъ взглядѣ на него видно было его происхожденіе; онъ былъ женатъ на Аннѣ Петровнѣ Рѣзвой, очень доброй и почтенной женщинѣ, которая умерла гораздо спустя послѣ своего мужа, доживъ до преклонныхъ лѣтъ. Она была очень дружна съ княгиней Мещерской, и онѣ между собой положили, чтобы меньшой графъ Кутайсовъ, Александръ Ивановичъ, женился на княжнѣ Мещерской, когда ей исполнится шестнадцать или семнадцать лѣтъ. Но родители улаживали, а Господь рѣшилъ иначе: 26-го августа графъ Кутайсовъ, не имѣя еще и тридцати лѣтъ, но будучи уже генераломъ, былъ убитъ подъ Бородинымъ. Это очень поразило графиню и не менѣе опечалило и княгиню, которая желала этого брака; но видно, не было суждено ему совершиться.

---

[1]) См. выше, глава XIV.

рей бросили въ рѣку и чуть было не утопили, да слава Богу, нашлись добрые люди, которые ихъ вытащили изъ рѣки.

Но не долго нагостился Бонапартъ въ Кремлевскомъ дворцѣ: въ самый день по его вступленіи въ Москву начались пожары. Прежде всего, говорятъ, загорѣлся въ ночь рядъ лавокъ противъ Кремля, и въ Кремлѣ стало нестерпимо жарко; потомъ и пошла горѣть Москва. Каретный рядъ каретные мастера сами зажгли, не желая, чтобы непріятельскіе маршалы и генералы катались въ ихъ каретахъ; вспыхнулъ пожаръ на Знаменкѣ, а съ 5-го на 6-е сентября такой сдѣлался вихрь, что огонь стало перебрасывать съ улицы въ улицу; вся Москва запылала съ разныхъ концовъ и въ три или четыре дня сгорѣло болѣе 8,000 домовъ. Пожарныхъ трубъ не было, слѣдовательно не чѣмъ было и тушить: не хотѣлось Бонапарту выбираться изъ Кремля, а дѣлать было нечего, пришлось отъ пылу искать себѣ убѣжища, и онъ едва могъ проѣхать по Тверской въ Петровскій дворецъ и тамъ и поселился.

Какому изъ жителей Москвы не прискорбно было въ то время знать, что Москва сожжена, а въ особенности тѣмъ, которые имѣли тамъ дома? Но въ послѣдствіи времени было дознано, что именно этотъ всеобщій пожаръ столицы и спасъ Россію отъ грозившаго ей ига: Господь, по Своей благости, великое зло обратилъ въ величайшее благо.

V.

Съ пріѣздомъ сестры, у меня на сердцѣ немного поотлегло: она меня успокоила вѣрнымъ извѣстіемъ, что почта изъ Москвы прекращена, и когда я начинала безпокоиться, сестра меня старалась развлечь и успокоить.

Немного времени спустя, пріѣхала ко мнѣ и другая моя сестра, Варвара Петровна Комарова, съ мужемъ, а тамъ и княгиня Авдотья Николаевна Мещерская со своею дочерью Настенькой, которой было въ то время, я думаю, лѣтъ шестнадцать. Итакъ, насъ собралось довольно много. Мещерская уѣзжала въ Моршанскъ и тамъ жила въ первое время непріятельскаго нашествія и, погостивъ у меня нѣсколько дней, опять возвратилась въ Моршанскъ, гдѣ и прожила всю зиму до начала лѣта 1813 года.

Вышедши замужъ въ 1796 году, она овдовѣла три мѣсяца спустя послѣ брака, будучи непраздною [1]), а въ надлежащее время родила дочь Анастасію, въ которой полагала все свое счастіе и воспитывала съ неусыпнымъ стараніемъ, живя по зимамъ въ Москвѣ, а лѣтомъ въ своемъ звенигородскомъ имѣніи, въ сельцѣ Аносинѣ. Тамъ церкви не было, когда Мещерская купила имѣніе. Она была очень благочестивая и набожная женщина, и потому выпросила у митрополита Платона дозволеніе построить у себя церковь, которая была совсѣмъ уже готова, оставалось только освятить, когда вдругъ нагрянулъ непріятель, и княгинѣ пришлось наскоро собираться и уѣзжать.

По сосѣдству съ Аносинымъ жила наша родственница, бабушка Прасковья Александровна Ушакова (урожденная Теряева); она была дружна съ княгиней и послѣ 1812 года ей помогала при поправкѣ церкви и обновленіи строеній; она жила въ селѣ Ламоновѣ.

Съ другой стороны, неподалеку было имѣніе Кутайсовыхъ. Этотъ Кутайсовъ турецкаго происхожденія (уроженецъ города Кутаиса); онъ былъ взятъ въ плѣнъ во время турецкой войны и понравился великому князю Павлу Петровичу, который его окрестилъ, къ себѣ приблизилъ и, при своемъ восшествіи на престолъ, пожаловалъ графствомъ и немалымъ имѣніемъ; звали его Иванъ Павловичъ. При первомъ взглядѣ на него видно было его происхожденіе; онъ былъ женатъ на Аннѣ Петровнѣ Рѣзвой, очень доброй и почтенной женщинѣ, которая умерла гораздо спустя послѣ своего мужа, доживъ до преклонныхъ лѣтъ. Она была очень дружна съ княгиней Мещерской, и онѣ между собой положили, чтобы меньшой графъ Кутайсовъ, Александръ Ивановичъ, женился на княжнѣ Мещерской, когда ей исполнится шестнадцать или семнадцать лѣтъ. Но родители улаживали, а Господь рѣшилъ иначе: 26-го августа графъ Кутайсовъ, не имѣя еще и тридцати лѣтъ, но будучи уже генераломъ, былъ убитъ подъ Бородинымъ. Это очень поразило графиню и не менѣе опечалило и княгиню, которая желала этого брака; но видно, не было суждено ему совершиться.

---

[1]) См. выше, глава XIV.

После отъезда Мещерской, я опять осталась съ двумя сестрами и съ зятемъ Комаровымъ.

Съ каждымъ днемъ мнѣ становилось все тяжелѣе и грустнѣе, что нѣтъ извѣстій отъ мужа, и еслибы не сестры, я совсѣмъ упала бы духомъ.

Подходилъ праздникъ Покрова; я съ утра послала наканунѣ къ священнику звать его придти къ намъ послѣ обѣда отслужить всенощную. Начали служить; смотрю на своихъ дочерей и думаю:—это сироты, а я вдова... Царица небесная, Владычица Дѣва Пречистая, пріими насъ подъ свой покровъ... И много, много я плакала за всенощной, и по слову Псалмопѣвца случилось и со мной: Вечеръ водворится плачь и заутра радость. На слѣдующій день, послѣ обѣда, пріѣхала подвода изъ деревни отъ Дмитрія Александровича: когда мнѣ подали письмо и я увидѣла его руку, тутъ я только повѣрила, что Господь помиловалъ насъ отъ самой великой для насъ печали. Всѣ мы обступили привезшаго письмо и стали спрашивать обо всемъ, что̀ дѣлается въ Москвѣ и у насъ въ деревнѣ.

Москва, точно, почти вся выгорѣла, сгорѣлъ и нашъ пречистенскій домъ, но въ деревнѣ у насъ непріятель не былъ, хотя былъ въ Озерецкомъ, въ 12 верстахъ отъ насъ, небольшой отрядъ, и тамошніе мужики по-своему съ нимъ расправились: кто вилами, кто дубиной, порядкомъ француза отподчивали, такъ что онъ не то что̀ нападать, а думалъ, какъ бы подобру, поздорову самому уплестись и бѣжать въ лѣсъ; и тамъ добили окончательно.

Когда начала горѣть Москва, то зарево такъ было сильно, что у насъ въ селѣ казалось, что пожаръ какъ будто только гдѣ-нибудь за лѣсомъ, верстахъ въ трехъ или четырехъ, и странное дѣло, находили около села, на поляхъ, обгорѣлыя головни и пахло дымомъ и смрадомъ, какъ еслибы пожаръ былъ неподалеку. Когда былъ взрывъ порохового двора и другіе взрывы въ Кремлѣ, ихъ слышали и у насъ, и такъ сильно, что въ оранжереѣ дрожали стекла въ рамахъ [1]).

---

[1]) Одинъ крестьянинъ, старичокъ, изъ деревни Кармолино (Богородскаго уѣзда), по близости отъ Берлюковой пустыни, разсказывалъ мнѣ: «Я былъ во французскій годъ 13-ти лѣтъ; мы разъ убирались съ батюш-

Дмитрій Александровичъ писалъ мнѣ, что положеніе непріятеля въ Москвѣ бѣдственное и что онъ едва ли долго еще удержится въ городѣ. Изъ Москвы мой мужъ выѣхалъ 2-го сентября, поутру, и благополучно пріѣхалъ въ деревню, а въ вечерню непріятель занялъ Москву.

Посланный ко мнѣ съ письмомъ ѣхалъ окольными путями, опасаясь встрѣтиться съ французами, и, благодаря Бога, нигдѣ ихъ не видалъ. Чтобы миновать Москву, ему слѣдовало забрать верстъ сорокъ выше и вправо отъ Бутырской заставы и ѣхать все окраиной, пока не попадетъ на Каширку, и потому пришлось ему проѣхать больше ста лишнихъ верстъ, да что̀ нужды: хоть дальше, да вѣрнѣе.

Въ октябрѣ очень уже стали поговаривать, что француза выгонятъ изъ Москвы, стало, думаемъ мы, онъ ослабѣлъ, что его теперь уже не опасаются. Потомъ я получила письмо отъ мужа, и онъ пишетъ, что скоро Москву очистятъ, потому что безпрестанные пожары и недостатокъ продовольствія, а къ тому же, и необычные холода вытѣсняютъ непріятеля. Это онъ мнѣ писалъ въ первыхъ числахъ, а послѣ 15-го послѣдовало и радостное извѣстіе, что 6-го числа Бонапартъ выѣхалъ изъ Москвы, стали выходить его войска, и что 11-го числа не осталось ни одного непріятеля въ Москвѣ, кромѣ больныхъ, лежавшихъ въ госпиталяхъ.

Такъ Господь, наведшій на насъ Свой праведный гнѣвъ, не предалъ насъ въ руки враговъ нашихъ, но, наказавъ, паки умилосердился надъ нами.

Тѣ, которые видѣли Москву вскорѣ послѣ выхода непріятеля, разсказываютъ, что это было самое печальное зрѣлище: многіе всего лишились и, возвратясь въ Москву, на выгорѣвшихъ мѣстахъ долго искали принадлежавшаго имъ мѣста и

кой на дворѣ и такой вдругъ услышали трескъ, что мы такъ и присѣли, а въ избѣ инда стекла въ рамахъ задрожали: это, говорятъ, въ Москвѣ былъ взрывъ. На третій день послѣ француза, мы поѣхали въ Москву; пріѣзжаемъ, по улицамъ еще валяются убитыя лошади и французы,— не успѣли, значитъ, убрать. У нашихъ господъ былъ свой домъ,— сгорѣлъ весь до тла; старичокъ изъ нашей деревни былъ дворникомъ при домѣ, онъ сгородилъ себѣ хибарку на огородѣ, да тамъ и жилъ. Французы доходили до Купавны, но мужички встрѣтили ихъ съ пиками, ну, они поскорѣе и тягу дали, пошли назадъ».

того не могли признать. Такъ, у Авдотьи Николаевны Мещерской былъ свой домъ въ Старой Конюшенной и, пріѣхавъ въ Москву уже весной 1813 года, насилу-насилу княгиня узнала, гдѣ стоялъ ея домъ.

Октября 12-го, былъ отслуженъ въ Страстномъ монастырѣ благодарственный молебенъ объ освобожденіи Москвы. Преосвященный Августинъ, выѣхавшій изъ столицы наканунѣ вступленія непріятеля, все время провелъ во Владимірѣ и въ Муромѣ, гдѣ жилъ въ монастырѣ, и возвратился въ Москву въ концѣ октября, но сперва жилъ у себя въ Черкизовскомъ загородномъ домѣ, а потомъ въ Срѣтенскомъ монастырѣ, потому что на Саввинскомъ подворьѣ архіерейскій домъ не былъ еще приведенъ въ порядокъ, хотя и не горѣлъ [1]).

Въ Михайловъ день, ноября 8-го, преосвященный, въ сопровожденіи духовенства и нѣкоторыхъ изъ московскихъ вла-

---

[1]) Секретарь преосвященнаго Августина, Николай Ивановичъ Малиновскій, вышедшій въ отставку послѣ кончины преосвященнаго, жилъ у своего зятя, священника церкви Василія Кесарійскаго. Онъ былъ съ нами коротко знакомъ, и въ послѣднія 15 лѣтъ своей жизни (1847—1863), рѣдкое воскресенье или праздникъ не приходилъ къ намъ обѣдать, а иногда, кромѣ того, бывалъ и въ будни, и очень любилъ разсказывать подробно о 1812 годѣ. Малиновскій былъ человѣкъ очень неглупый, много читавшій, не безъ пользы, многихъ знавшій и слышанное хорошо помнившій; но, по многословію его, разсказы были утомительны и трудно было слѣдить за главнымъ предметомъ по множеству отступленій и недостатку послѣдовательности. Находясь при преосвященномъ Августинѣ, онъ имѣлъ возможность познакомиться со многими значительными лицами; такъ, онъ бывалъ у Обольянинова, у Елизаветы Петровны Глѣбовой-Стрѣшневой, у нашей родственницы А. Н. Неклюдовой, у Ивинскихъ и у многихъ другихъ. Онъ многое разсказывалъ, но слышанное отъ него не всегда хорошо усвоивалось отъ сбивчивости въ разсказѣ. Говорятъ, онъ въ свое время, не безъ пользы вещественной для себя, былъ архіерейскимъ секретаремъ, и послѣ его смерти это оправдалось. Онъ занималъ очень скудную квартирку, носилъ стародавнее платье двадцатыхъ годовъ, все больше ходилъ пѣшкомъ, рѣдко у себя дома обѣдалъ, и, глядя на его жизнь и обстановку, можно было полагать, что онъ съ трудомъ пробавлялся самыми скудными средствами, а по смерти у него оказалось болѣе 70.000 руб. сер. Эти деньги достались двумъ его племянникамъ, которымъ при себѣ онъ и гроша не давалъ. Года свои онъ скрывалъ, а на видъ ему нельзя было дать болѣе 70-ти, 72-хъ или 73-хъ лѣтъ, и о слишкомъ давнихъ событіяхъ онъ никогда не говорилъ, чтобъ онъ ихъ самъ помнилъ, но передавалъ о нихъ, какъ о слышанныхъ отъ отца или отъ кого-нибудь. Когда онъ умеръ въ 1863 году, ему было, говорятъ, за 90 лѣтъ. Внукъ.

ности же, гдѣ квартировали маршалы и генералы, потому что, предъ выходомъ своимъ изъ Москвы, они ничего съ собою громоздкаго не брали, а все оставляли въ своихъ квартирахъ. По возвращеніи въ Москву городского начальства, было всѣмъ оповѣщено, что хозяева могутъ считать своимъ все, что найдутъ въ своихъ домахъ, но чтобы никто не заявлялъ правъ своихъ на свои вещи, которыя во время непріятеля попали въ другое мѣсто, а то судбищамъ не было бы и конца. Такъ, при въѣздѣ съ Пречистенки на Дѣвичье поле былъ налѣво старый и просторный домъ Матрены Прохоровны Оболдуевой (она приходилась нашимъ Вяземскимъ сродни); тамъ жилъ какой-то генералъ и, говорятъ, чего-чего не было навезено въ этотъ домъ: мебели, посуды всякой и припасовъ разныхъ, и Матрена Прохоровна, старушка очень небогатая, послѣ того поправила свои дѣла: стало-быть, наслѣдство было изрядное.

Рядомъ съ этимъ домомъ, домъ, что̀ теперь Олсуфьевыхъ (а въ ту пору—либо князя Голицына, либо князя Долгорукова, женатаго на Делицыной), былъ занятъ какимъ-то маршаломъ, тоже остался въ совершенномъ порядкѣ и не горѣлъ, и хозяева нашли въ немъ порядочно всего.

А нашъ домъ сгорѣлъ до тла. У Обольянинова уцѣлѣлъ только одинъ флигель. Былъ у Петра Хрисанѳовича малахитовый столикъ, отдѣланный бронзой, пожалованный ему императоромъ Павломъ; думали, что вмѣстѣ съ домомъ сгорѣлъ и столикъ; ничуть не бывало: проходитъ годъ и сказываютъ Обольянинову, что гдѣ-то на Бутыркахъ у одного мѣщанина есть столикъ, похожій на тотъ, который былъ у него. Онъ послалъ посмотрѣть; точно, тотъ самый, и онъ его потомъ выкупилъ.

Изъ числа остававшихся въ Москвѣ жительницъ во время непріятеля я могу назвать двухъ, которыхъ я знавала по имени: Загряжскую и Щепотьеву; обѣ онѣ совершенно различно дѣйствовали во время непріятельскаго нахожденія въ Москвѣ.

Загряжская, сказывали тогда, добыла себѣ какіе-то большіе ключи, подговорила кой-кого, встрѣтила Бонапарта при его вступленіи въ столицу и поднесла ему эти ключи, которые она выдала за кремлевскіе. Жаль, что онъ не велѣлъ

Слышала я, что и въ Саввинѣ монастырѣ, что̀ возлѣ Звенигорода, въ 1812 году тоже все обошлось благополучно. Въ монастырѣ со своимъ отрядомъ квартировалъ тогда пасынокъ Бонапарта, сынъ Жозефины, Евгеній Богарне, которому было ночное видѣніе, и во снѣ сказалъ ему преподобный Савва, что если онъ не коснется монастыря и его имущества, то будетъ невредимъ и возвратится на родину благополучно. Тогда Богарне велѣлъ приставить караулъ къ церкви, а церковь заперъ, ключи взялъ къ себѣ и, кромѣ того, запечаталъ двери и повторилъ всей своей командѣ, что если кто-нибудь чего бы то ни было коснется въ монастырѣ, то онъ тутъ же велитъ того разстрѣлять. И благодаря этой предосторожности, въ монастырѣ все осталось неприкосновеннымъ. Мало этого: принцъ Богарне такую возъимѣлъ вѣру къ преподобному Саввѣ, что предъ отъѣздомъ изъ монастыря просилъ себѣ отъ настоятеля его икону и благословеніе. Онъ оставилъ ее сыну своему и заповѣдалъ ему, что если ему случится быть когда-нибудь въ Россіи, чтобъ онъ непремѣнно побывалъ въ обители преподобнаго Саввы и поклонился его святымъ мощамъ. И точно, лѣтъ тридцать спустя, въ сороковыхъ годахъ, принцу Максимиліану Лейхтенбергскому пришлось быть въ Москвѣ; онъ вспомнилъ, что̀ заповѣдалъ ему отецъ и благоговѣйно исполнилъ его благочестивое желаніе, и при этомъ разсказалъ случившееся съ его отцомъ.

Находившіеся въ Москвѣ маршалы и главные начальники не такъ обращались съ Кремлевскою святыней. Мощи святителя Алексія нашли вынутыми изъ раки, поверженными на полъ и заваленными всякимъ хламомъ; въ Успенскомъ соборѣ тоже всѣ раки были поруганы, кромѣ раки святителя Іоны, которая осталась неприкосновенною; мощи святителя Филиппа лежали на полу, а въ Архангельскомъ соборѣ дохлая лошадь валялась въ алтарѣ! Мощи св. царевича Дмитрія были спрятаны у брата священника Вознесенскаго монастыря, во избѣжаніе поруганія, а ручка Всехвальной Евфиміи нашлась отчего-то у одного столяра, на Бутыркахъ, и была взята отъ него архіерейскимъ секретаремъ Малиновскимъ, который случайно объ этомъ провѣдалъ и донесъ преосвященному.

Хозяева тѣхъ домовъ, которые уцѣлѣли, не только ничего не потеряли, но, говорятъ, очень много пріобрѣли, въ особен-

ности же, гдѣ квартировали маршалы и генералы, потому что, предъ выходомъ своимъ изъ Москвы, они ничего съ собою громоздкаго не брали, а все оставляли въ своихъ квартирахъ. По возвращеніи въ Москву городского начальства, было всѣмъ оповѣщено, что хозяева могутъ считать своимъ все, что найдутъ въ своихъ домахъ, но чтобы никто не заявлялъ правъ своихъ на свои вещи, которыя во время непріятеля попали въ другое мѣсто, а то судбищамъ не было бы и конца. Такъ, при въѣздѣ съ Пречистенки на Дѣвичье поле былъ налѣво старый и просторный домъ Матрены Прохоровны Оболдуевой (она приходилась нашимъ Вяземскимъ сродни); тамъ жилъ какой-то генералъ и, говорятъ, чего-чего не было навезено въ этотъ домъ: мебели, посуды всякой и припасовъ разныхъ, и Матрена Прохоровна, старушка очень небогатая, послѣ того поправила свои дѣла: стало-быть, наслѣдство было изрядное.

Рядомъ съ этимъ домомъ, домъ, что̀ теперь Олсуфьевыхъ (а въ ту пору—либо князя Голицына, либо князя Долгорукова, женатаго на Делицыной), былъ занятъ какимъ-то маршаломъ, тоже остался въ совершенномъ порядкѣ и не горѣлъ, и хозяева нашли въ немъ порядочно всего.

А нашъ домъ сгорѣлъ до тла. У Обольянинова уцѣлѣлъ только одинъ флигель. Былъ у Петра Хрисанѳовича малахитовый столикъ, отдѣланный бронзой, пожалованный ему императоромъ Павломъ; думали, что вмѣстѣ съ домомъ сгорѣлъ и столикъ; ничуть не бывало: проходитъ годъ и сказываютъ Обольянинову, что гдѣ-то на Бутыркахъ у одного мѣщанина есть столикъ, похожій на тотъ, который былъ у него. Онъ послалъ посмотрѣть; точно, тотъ самый, и о̀нъ его потомъ выкупилъ.

Изъ числа остававшихся въ Москвѣ жительницъ во время непріятеля я могу назвать двухъ, которыхъ я знавала по имени: Загряжскую и Щепотьеву; обѣ онѣ совершенно различно дѣйствовали во время непріятельскаго нахожденія въ Москвѣ.

Загряжская, сказывали тогда, добыла себѣ какіе-то большіе ключи, подговорила кой-кого, встрѣтила Бонапарта при его вступленіи въ столицу и поднесла ему эти ключи, которые она выдала за кремлевскіе. Жаль, что онъ не велѣлъ

примѣрить: приходились ли они по замкамъ. Я думаю, сплутовала она и подсунула ему связку ключей отъ своихъ амбаровъ и погребовъ. Онъ ее наградилъ: подарилъ ей загородный домъ князя Голицына—село Кузминки.

Когда французъ вышелъ изъ Москвы, она себѣ и въ усъ не дуетъ,—живетъ въ Кузминкахъ. Возвратился Голицынъ; послалъ осмотрѣть туда свой домъ; говорятъ ему: «Тамъ, дескать, живетъ новая помѣщица Загряжская».

Расходился Голицынъ: «что̀ ты, батюшка, вздоръ городишь: какая это такая Загряжская, я ее знать не знаю, велите ей выѣзжать изъ моего дома, а то я ее по шеямъ выгнать велю».

Ей передаютъ: «Извольте, молъ, сударыня, выѣзжать, князь проситъ васъ честью выѣхать, а то будетъ вамъ непріятность».

Что̀ жь она? Говоритъ: «Я знать не хочу Голицына: Кузминки мои, мнѣ ихъ императоръ Наполеонъ пожаловалъ...» И не поѣхала. Принужденъ былъ князь Сергѣй Михайловичъ послать за становымъ и только тотъ втолковалъ ей, что Бонапартъ не имѣлъ права дарить ей чужое имѣніе. И такъ ее почти силой и выпроводили.

Щепотьева, напротивъ того, оставшись въ Москвѣ, можно сказать, дразнила Бонапарта. И какъ это она ничего не боялась? Она была генеральская дочь, дѣвица—пожилая и богатая, и все ѣзжала цугомъ. Вотъ какъ услышитъ, что мы одержали какую-нибудь побѣду надъ непріятелемъ, и велитъ заложить свою карету, а сама разрядится елико возможно. Пріѣдетъ куда-нибудь на площадь и махаетъ платкомъ изъ окна лакею, кричитъ: «Стой!» Народъ сбѣжится смотрѣть, что̀ такая за диковинка: барыня въ цвѣтахъ и перьяхъ сидитъ въ каретѣ со спущенными стеклами и то къ одному окну бросится и высунется, то къ другому? А она кричитъ проходящимъ: «Эй, голубчикъ, поди-ка сюда; слышалъ ты, мы побѣду одержали? Да, побѣда, голубчикъ: разбили такого-то маршала». Потомъ высунется изъ другого окна и то же самое повторяетъ...

Накричится вдоволь и отправится дальше. Тамъ опять гдѣ-нибудь на рынкѣ или на площади закричитъ: «Стой!» И опять кричитъ проходящимъ: «Побѣда, голубчикъ, побѣда»! И такъ все утро и разъѣзжаетъ по городу изъ конца въ конецъ.

Какъ это она уцѣлѣла въ Москвѣ во время суматохи, Богъ знаетъ. Удивительно, что ее французы не пришибли и даже не обобрали.

Какъ ее звали—не помню теперь; Анна Николаевна, кажется, но навѣрно не могу сказать; можетъ статься, называю не такъ.

Вотъ какой разсказъ ходилъ еще о Бонапартѣ.

Увѣрили-де его, что крестъ на Иванѣ Великомъ изъ чистаго золота. Разгорѣлись глаза у хищника. Говоритъ своимъ маршаламъ: «Я желаю, чтобы крестъ съ колокольни былъ снятъ». Слово его было для всѣхъ закономъ, всѣ трепетали предъ нимъ.

Маршалы молчатъ, переглянулись межъ собой: знаютъ, что на колокольню слазить не бездѣлка, а надо исполнить волю императора. Собрали самыхъ отважныхъ изъ своихъ солдатъ, отъявленныхъ головорѣзовъ. Говорятъ имъ: что вотъ, что̀ императоръ приказалъ: кто желаетъ исполнить волю его? Всѣ отвѣчаютъ: никто; кому охота шею себѣ сломить? Докладываютъ: «никто не соглашается». Пожалъ плечами, покачалъ головой.

— Хороша, говоритъ, у васъ дисциплина! Васъ не слушаютъ солдаты... Мнѣ все равно, употребите на это дѣло кого хотите, только чтобы крестъ былъ снятъ: вы слышали, что я этого хочу.

Что̀ тутъ дѣлать?—французы не лѣзутъ. Выискался какой-то русскій измѣнникъ, вѣрно какой-нибудь пьянчуга. Согласился лѣзть: выпросилъ сто рублей: дешева, стало быть, ему его жизнь. Полѣзъ и преблагополучно крестъ выломалъ и спустилъ его. Пошли къ императору; разсказали, какъ что̀ было. Стали ковырять крестъ—оказывается желѣзный, обитъ золоченною мѣдью. Пришелъ самъ Бонапартъ, спрашиваетъ: «кто снималъ крестъ?»

Показываютъ измѣнника. Тотъ подъ собою земли не слышитъ, думаетъ:—вотъ благополучіе-то, императоръ меня желалъ видѣть, значитъ я молодецъ.

«Заплатите ему что слѣдуетъ, говоритъ императоръ».

Отдали сто рублей.

Спрашиваетъ императоръ у него чрезъ переводчика: «Все ли ты получилъ, что̀ нужно, и доволенъ ли?»

Тотъ отвѣчаетъ: «Все, очень доволенъ».

Говоритъ Бонапартъ переводчику: «Я буду говорить, а ты ему переводи».

И началъ: «Если бы который изъ моихъ солдатъ полѣзъ на колокольню, я похвалилъ бы его, сказалъ бы ему, что онъ храбрецъ и щедро наградилъ за такой подвигъ. Но ты—русскій, ты сторговался за сто рублей подвергнуть свою жизнь опасности, стало, тебѣ жизнь не дорога; ты снялъ крестъ съ своей церкви, чтобъ отдать врагу, стало быть, ты измѣнникъ. Я измѣнниковъ ненавижу и нахожу, что они не достойны жить; готовься умереть, тебя сейчасъ разстрѣляютъ».

И тутъ же тотчасъ молодца и разстрѣляли; и хорошо сдѣлали: подѣломъ вору и мука.

Когда Бонапартъ вышелъ изъ Москвы, въ Кремлѣ осталось послѣ него болѣе 1.000 фуръ, нагруженныхъ всякимъ добромъ: такъ награбленное добро въ прокъ и не пошло.

Конечно, во время пожара погибло въ Москвѣ много древностей и драгоцѣнностей, но самое драгоцѣнное, что было все вывозили; Патріаршую ризницу и Оружейную палату, что̀ цѣнятъ болѣе чѣмъ въ 25 милліоновъ, увозили въ Нижній и въ Вологду. Изъ московскихъ монастырей и церквей увозили всякихъ сокровищъ на 600 подводахъ.

VII.

Куда увозили всѣ архивы—я не знаю, а изъ Опекунскаго Совѣта бумаги и заложенныя вещи отправлены были на баркахъ въ Казань, и возилъ ихъ Полуденскій, Петръ Семеновичъ, женатый потомъ на дочери попечителя совѣтскаго Александра Михайловича Лунина.

Кстати о Лунинѣ и Полуденскомъ. Лунинъ, Александръ Михайловичъ, былъ попечителемъ Московскаго Опекунскаго Совѣта послѣ Николая Ивановича Баранова и начальникомъ московскихъ институтовъ. Я нерѣдко видала его у Архаровыхъ. Жена его Варвара Николаевна, по себѣ Щепотьева (племянница той чудихи, что разъѣзжала по Москвѣ при Бонапартѣ), была коротка съ Архаровой и тамъ мы съ ней встрѣчались. За заслуги ея мужа, къ которому благоволила

покойная императрица Марія и съ которымъ была въ переписке, Лунина имѣла Екатерининскій орденъ меньшаго креста. Милая и добрая старушка съ пріятнымъ лицомъ, съ голубыми, очень привѣтливыми глазами и ласковою улыбкой. Она была довольно худощава и, можетъ-статься, желта лицомъ, но она по нашей привычкѣ густо румянилась. Лунинъ самъ до послѣдняго времени продолжалъ пудриться; онъ былъ по тогдашнему очень хорошо воспитанъ и ученъ; въ обхожденіи не то что̀ надмененъ, а, какъ бы сказать, не очень общителенъ, впрочемъ, прилично учтивъ; а видно, что онъ въ домашнемъ быту былъ характера не совсѣмъ покладистаго, но, должно быть, крутого и настойчиваго.

У него былъ сынъ и пять дочерей. Эти барышни тоже часто бывали у Архаровыхъ и съ моими дѣвочками учились танцовать. Старшая, Варвара, была очень дурна собой, но по заслугамъ отца была фрейлиной. Въ первый разъ, что ей пришлось быть при императрицѣ, увидалъ ее великій князь Константинъ Павловичъ, который, говорятъ, не всегда мягко выражался; онъ у кого-то и спрашиваетъ изъ фрейлинъ:

— Это еще что за обезьяна? Говорятъ ему: «Это Лунина, дочь попечителя московскаго Опекунскаго Совѣта»...

— Оно и видно, что у ней долженъ быть попечительный отецъ, а то развѣ такую пустили бы во дворецъ...

И говорятъ, будто бы она слышала этотъ разговоръ, потому что великій князь говорилъ не шепотомъ. Каково это было ей выслушать такую похвалу на свой счетъ?

Ее звали Варвара Александровна. Она была уже очень не молода, когда вышла замужъ за какого-то Клаузена, не важная птица. Тогда всѣ кричали: «Какъ это Лунина идетъ за Клаузена?»

Двѣ изъ младшихъ дочерей, Елена и Настасія, были не дурны, но ужь очень лицомъ худощавы и сухопары. Былъ какъ-то у Архаровыхъ дѣтскій маскарадъ и онѣ были наряжены китаянками: къ ихъ худощавымъ лицамъ это шло недурно, а одна изъ меньшихъ была одѣта купидономъ. Это хорошенькая была дѣвочка, Татьяна или Анна—не припомню.

Елена Александровна вышла за Полуденскаго, Петра Семеновича. Мы его знавали по нашимъ Яньковымъ, у которыхъ былъ пріятель Шумовъ, Иванъ Ѳедоровичъ, другъ По-

луденскаго, и чрезъ него мы и познакомились, потому что, когда послѣ 1812 года, пришлось намъ опять строиться, то должны были призанять кой у кого денегъ; занимали и у Полуденскаго, который имѣлъ небольшія деньги. Онъ былъ человѣкъ очень хорошій, честный, добрый и работящій. Смолоду былъ весьма красивъ лицомъ, но ростомъ не очень высокъ. На комъ онъ былъ сперва женатъ—не знаю; помнится, что она была воспитанница какой-то большой барыни, чуть ли не графини Головкиной, которая, не имѣя дѣтей, дала ей изрядное приданое. Она была, сказывали, хороша собой и, не проживъ года въ замужествѣ, умерла. Лунинъ зналъ по Совѣту, какъ начальникъ, служившаго тамъ Полуденскаго за человѣка честнаго, хорошаго и дѣльнаго. Полюбился онъ ему, а дочки-то ужь на возрастѣ, онъ разъ и говоритъ Полуденскому: «Петръ Семенычъ, хочешь быть моимъ зятемъ; я съ удовольствіемъ за тебя отдамъ Леночку».

Вѣрно онъ ей нравился.

Ну, какъ ни говори, хоть и хорошій былъ и дѣльный человѣкъ Полуденскій, а все же не партія Луниной. Разумѣется, чего тутъ думать, и женился.

Потомъ онъ и самъ былъ чиновнымъ человѣкомъ, сенаторомъ и почетнымъ опекуномъ, и большимъ пріятелемъ князя Сергѣя Михайловича Голицына, который имѣлъ къ нему полное довѣріе и въ важныхъ случаяхъ съ нимъ всегда совѣтовался.

Не помню, въ которомъ году, по просьбѣ Полуденскаго, покойный Дмитрій Александровичъ пріискалъ ему имѣньеце въ Тульской губерніи, и тотъ его купилъ.

Настасья была за Богдановскимъ, тоже сенаторомъ; Татьяна — за Савинымъ. Послѣ княгини Елизаветы Ростиславовны Вяземской, она была начальницей въ Домѣ Трудолюбія.

Еще одна была Лунина, Анна, очень не дурна собой, но болѣзненная; эта жила все у Троицы, была благочестива и богомольна. Тамъ и умерла и схоронена въ Лаврѣ [1]).

---

[1]) А. А. Лунина, дочь д. т. сов., скончалась 26 января 1840 года, погребена за алтаремъ Успенскаго собора.

VIII.

Въ концѣ октября, совершенно неожиданно, пріѣхалъ, наконецъ, и Дмитрій Александровичъ. Вотъ была радость-то! Какъ въ старинныхъ сказкахъ, бывало, мамушки приговаривали: ни словомъ сказать, ни перомъ описать. Всего только два мѣсяца, какъ мы разстались, а показалось всѣмъ намъ едва ли не за годъ: время-то было такое опасное.

Кромѣ того, что мы лишились дома въ Москвѣ, все, благодаря Бога, было благополучно у насъ: въ деревняхъ урожаи хорошіе и уборка, несмотря на передряги, довольно успѣшная, а мужичкамъ нашимъ—хорошіе заработки въ Москвѣ, гдѣ было много работы и рукъ недоставало.

Каждый тогда потерпѣлъ потери, а про убытки не думали, а благодарили Бога, что Онъ избавилъ Россію отъ лютаго врага и что сами спаслись отъ смерти и погибели. А многія семейства оплакивали близкихъ: кто сына, кто брата, мужа, отца, убитыхъ во время сраженій съ французами.

Тяжелый былъ этотъ годъ!

Въ то время, какъ сестры гостили у меня, однажды утромъ сестра Анна Петровна и говоритъ мнѣ:

— Сегодня я видѣла во снѣ, что кто-то говоритъ мнѣ: «Вотъ и 1812-й годъ, а ты все еще не въ монастырѣ».

— Это потому, что ты думаешь объ монастырѣ, оттого тебѣ про это и снится, говорю я ей.

— Нѣтъ, сестра, это опять мнѣ напоминаніе.

Надобно сказать, что она еще въ 1811 году видѣла во снѣ страшный судъ, и тогда это ее очень поразило и она положила идти въ монастырь. Во время непріятеля она опять подтвердила свое обѣщаніе, что ежели Господь всѣхъ насъ помилуетъ отъ погибели, непремѣнно вступитъ въ монашество; и тутъ вскорѣ она этотъ сонъ-то и увидѣла.

— Такъ что̀ же ты теперь думаешь дѣлать? спросила я ее.

— Хочу готовиться.

— Испытай ты сперва себя, говорю я ей.

У насъ, впрочемъ, монашествующихъ было въ роду не мало. Изъ Корсаковыхъ были два митрополитами: Игнатій—Сичрскій, Іосифъ—Псковскій. Игнатій былъ стольникомъ при

царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Куда онъ поступилъ прямо изъ міра, я не знаю, но слыхала, что онъ былъ одно время при архіереѣ въ Вологдѣ, и присланный отъ него въ Москву за сборомъ, съ письмомъ отъ царицы (Маріи Ильиничны), отправился въ Соловецкій монастырь. Послѣ того не долгое время онъ былъ въ Ярославлѣ, въ Спасскомъ монастырѣ архимандритомъ (1683—84); потомъ его перевели въ Москву, въ Новоспасскій монастырь (1684—92) и возвели оттуда прямо во Сибирскаго митрополита. Онъ былъ въ свое время человѣкомъ ученымъ; очень умный и духовный мужъ, онъ писалъ грамоты и противъ раскольниковъ, и, будучи еще архимандритомъ Новоспасскимъ, былъ посланъ въ Костромскую епархію обращать раскольниковъ. Подъ конецъ своей жизни, онъ испыталъ большія скорби, былъ вызванъ въ Москву и сидѣлъ въ заключеніи въ Чудовѣ монастырѣ, потомъ жилъ въ Симоновѣ монастырѣ и тамъ скончался или въ 1700, или въ 1701 году, и тамъ погребенъ.

Подробностей объ его жизни у насъ въ семьѣ какъ-то никто не зналъ, даже его мірское имя мнѣ неизвѣстно, и за что онъ былъ подъ опалой—не могу сказать; предположеніе же есть, что тутъ виновенъ послѣдній патріархъ (Адріанъ). Тогда уже старый и хилый, онъ желалъ видѣть своимъ преемникомъ котораго-то изъ митрополитовъ, и опасаясь, чтобы митрополитъ Сибирскій, и знатный родомъ, и очень извѣстный своими пастырскими поученіями, не попрепятствовалъ ему въ этомъ намѣреніи, онъ и старался оттереть его. Такъ онъ и скончался въ Москвѣ, живя въ Симоновѣ монастырѣ.

Іосифъ Римскій-Корсаковъ, какъ назывался въ міру—также неизвѣстно, ни куда онъ сперва вступилъ въ монастырь. Должно думать, что онъ положилъ начало въ Серпуховѣ, во Владычномъ монастырѣ, который въ то время былъ еще мужскимъ монастыремъ. Въ послѣдствіи времени онъ былъ архимандритомъ Высокопетровскаго монастыря, и пробывъ тамъ нѣсколько лѣтъ настоятелемъ, былъ сдѣланъ архіереемъ и назначенъ митрополитомъ во Псковъ, гдѣ святительствовалъ довольно до́лго, невступно восемнадцать лѣтъ. Потомъ онъ пожелалъ удалиться на покой и былъ уволенъ въ Серпуховъ, во Владычный монастырь, что̀ и заставляетъ думать, что тамъ онъ былъ постриженъ. Проживъ тамъ нѣсколько мѣся-

цевъ, скончался и былъ погребенъ въ склепѣ, гдѣ погребались настоятели. Очень жаль, что неизвѣстны подробности его жизни. По малограмотности, въ то время не вели семейныхъ записокъ, а только словесно кое-что передавали, такъ многое позабылось, а иное и совсѣмъ утратилось.

Въ родѣ Щербатовыхъ знаю, что было двое въ монашествѣ: отецъ дѣда моего (князя Николая Осиповича) князь Осипъ Ивановичъ имѣлъ дядю—князя Юрія Θедоровича, который служилъ при Петрѣ Великомъ, былъ окольничимъ, участвовалъ во многихъ походахъ, получилъ новый тогда чинъ бригадира; потомъ, наскучивъ мірскою суетой, пожелалъ оставить міръ и вступилъ въ московскій Андреевскій монастырь (теперь упраздненный), былъ постриженъ подъ именемъ Софронія и скончался тамъ въ царствованіе императрицы Анны. Жена его, княгиня Анна Михайловна, урожденная Волынская, тоже оставила мірское званіе и постриглась подъ именемъ Александры, но въ какомъ монастырѣ—не знаю. Она была троюродною сестрой несчастному Артемію Петровичу Волынскому, котораго казнили по враждѣ на него злодѣя Бирона, и скончалась послѣ своего мужа. Еще другой князь Щербатовъ, Лука Осиповичъ, гораздо прежде того, при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ постригся въ Чудовѣ монастырѣ.

Изъ княженъ Щербатовыхъ тоже родственница дѣдушкинаго отца, княжна Параскева, была сперва монахиней въ Страстномъ московскомъ монастырѣ, подъ именемъ Памфиліи, а потомъ игуменьей около двадцати лѣтъ (1708—27).

Прабабушка Щербатова, княгиня Аграфена Θедоровна, была по себѣ Салтыкова; прадѣдъ ея, Михаилъ Михайловичъ, былъ при Годуновѣ окольничимъ, а послѣ того постригся и принялъ схиму подъ именемъ Мисаила, а жена его (Евдокія) постриглась и названа Евникіей. У прабабушки Марьи Θедоровны Римской-Корсаковой, по себѣ Шаховской, былъ пращуръ—въ міру князь Миронъ Михайловичъ, воевода въ Сибири, присутствовавшій при избраніи Михаила Θеодоровича на царство,—который вступилъ въ монашество и былъ названъ Михаиломъ.

Въ родѣ Татищевыхъ, жена Игнатія Петровича, Аграфена Никифоровна, урожденная Вышеславцева, была впослѣдствіи схимницей Александрой.

Вотъ десять человѣкъ изъ нашего родства съ давняго времени были въ монашествѣ, тѣ о которыхъ мнѣ извѣстно; а можетъ-статься, были и еще, о которыхъ я и не слыхала или слышала, да позабыла, а поэтому при случаѣ всѣхъ и припоминаю теперь, а то и про нихъ никто современемъ знать не будетъ.

Очень жаль, что я смолоду не записывала всего, что̀ слышала, то ли бы еще могла я поразсказать; а это только крохи того, что̀ я слышала и знала въ былое время.

Отговаривать сестру идти въ монастырь, конечно, я не думала, а только всѣ мы совѣтовали ей подумать хорошенько и себя испытать, потому что монашество дѣло не шуточное, не скинешь съ себя какъ платье, которое не понравилось.

Итакъ, она сперва стала понемногу свои дѣла устраивать и привыкать къ соблюденію всего, что̀ слѣдовало бы соблюдать и всѣмъ намъ, а тѣмъ паче монашествующимъ, и строго испытывать себя.

Въ свое время разскажу о ея вступленіи въ монастырь и о ея тамъ жизни.

IX.

Дмитрій Александровичъ недолго прожилъ въ Елизаветинѣ: онъ долженъ былъ возвратиться въ деревню, ѣхать въ Дмитровъ сдавать отчеты и хлопотать о заготовленіи матеріаловъ для постройки дома въ Москвѣ, до тла сгорѣвшаго, а я осталась съ дѣтьми въ тамбовской деревнѣ. У меня гостили сперва обѣ сестры; ко мнѣ пріѣзжала и сестра Вяземская съ мужемъ и дѣтьми. Немалое время гостилъ у меня и братъ, князь Владиміръ Михайловичъ Волконскій. Его постигло большое горе. Онъ былъ помолвленъ на дочери Марьи Ивановны Римской-Корсаковой, на Варварѣ Александровнѣ Ржевской, вдовѣ Александра Алексѣевича, и долженъ былъ уже въ скоромъ времени жениться, когда вдругъ пришлось выбираться изъ Москвы по случаю непріятельскаго нашествія, и поэтому пришлось отложить свадьбу.

Варвара Александровна была прекрасна собою: высокая ростомъ, статная, стройная, величественной осанки и имѣла замѣчательно пріятные глаза. Ей было невступно тридцать

лѣтъ, а брату, князю Владиміру, лѣтъ пятьдесятъ съ чѣмъ-нибудь: и по годамъ, и по всему партія подходящая съ той и съ другой стороны. Ржевская поѣхала со своею матерью и съ сестрами куда-то далеко, въ Пензу, что ли, или въ Симбирскъ, а братъ въ Казань, и въ началѣ 1813 года, вмѣсто того, чтобы выходить вторично замужъ, умерла отъ чахотки въ Муромѣ. Это очень поразило брата, и ему еще труднѣе было перенести эту потерю, потому что онъ былъ совершенно невѣрующій.

Во дни его молодости, то-есть, въ 1780 годахъ, очень свирѣпствовалъ духъ французскихъ философовъ Вольтера, Дидерота и другихъ. Братъ, князь Владиміръ, очень любилъ читать, хорошо зналъ французскій языкъ, а вдобавокъ, у нихъ въ домѣ жилъ въ дядькахъ какой-то аббатъ-разстрига. Вотъ онъ смолоду и начитался этихъ ученій, и хотя былъ умный и честный человѣкъ, а имѣлъ самыя скотскія понятія насчетъ всего божественнаго, словомъ сказать, былъ изувѣръ, не лучше язычника.

Вотъ какъ горе-то его затронуло, и пріѣхалъ онъ ко мнѣ плакать, что онъ лишился той, которую любилъ.

Я говорю ему: «Молись, поминай ее, для ея души будетъ отрада и для тебя облегченіе».

— Не умѣю молиться; и зачѣмъ это? Она умерла...

И мало ли что̀ онъ говорилъ сгоряча; я желала его утѣшить, а онъ мнѣ то наговорилъ, чего бы я и слышать не хотѣла.

Однако, я ему говорила, что̀ умѣла, и скажу, что послѣ смерти своей невѣсты онъ сталъ полегче: ему хотѣлось вѣрить, что она не умерла и что съ ея смертію не все кончилось между нимъ и ею.

— Ну, ты самъ не вѣришь, что поминовеніе важно для умершихъ, и не вѣрь; а ежели ты любилъ, такъ не для себя, а ея ради поминай ее, для ея души отрада...

— Пожалуй, отъ чего не поминать, убытокъ не великъ.

— А она будетъ за тебя молиться...

Очень мнѣ всегда грустно было видѣть, что такой хорошій и добрый человѣкъ, а такъ заблуждается, и всегда просила я Господа, чтобъ Онъ обратилъ его къ Себѣ ими же путями вѣдаетъ. и благодареніе Господу, братъ потомъ дѣйствительно прозрѣлъ и покаялся. Это было гораздо спустя.

Говоря о князѣ Владимірѣ, разскажу объ одномъ случаѣ изъ его прежней жизни.

Былъ у него хорошій пріятель, Дмитрій Васильевичъ... какъ по фамиліи, это не важно знать. Человѣкъ богатый, очень извѣстный по фамиліи, красавецъ собою, вдовецъ и женатъ на красавицѣ, что не мѣшало ему заглядывать и въ чужіе цвѣтники. Это, разумѣется, не по нутру было молодой женщинѣ; звали ее Любовь Петровна.

Она стала жаловаться князю Владиміру на мужа, какъ его пріятелю. Онъ сперва его защищалъ, бывалъ часто у нихъ въ домѣ, и все приходилось, когда мужа нѣтъ дома, врагъ ихъ и попуталъ: пріятель мужа сталъ другомъ и жены...

Родился сынъ: Дмитрій Васильевичъ радъ; и князь Владиміръ тоже не горюетъ. Бѣда, однако, прошла: мужъ не догадывается, что его пріятель вмѣстѣ и пріятель жены.

Черезъ сколько-то времени Любовь Петровна жалуется мужу, что она нездорова, чувствуетъ, что у нея дѣлается опухоль: «Боюсь, не начало ли водяной, нужно захватить вовремя, поѣдемъ въ чужіе края».

Тогда ѣхать за границу не то, что теперь: сѣлъ да и поѣхалъ налегкѣ съ узелкомъ, да съ мѣшечкомъ; тогда тащись въ своемъ рыдванѣ, вези съ собой полдома; затруднительно было путешествовать.

У Дмитрія Васильевича была своя зазноба въ Москвѣ; какъ отлучиться, а женѣ отказать нельзя.

— Экая бѣда какая, думаетъ онъ, что тутъ дѣлать?

Говоритъ князю Владиміру:

— Представь, въ какомъ я положеніи: ты знаешь, я занятъ (такою-то), а жена нездорова, приступаетъ,—вези я ее въ чужіе края; ѣхать не могу, — отказать невозможно. Не поможешь ли ты моей бѣдѣ: по дружбѣ не согласишься ли свозить жену полечиться?

Князю Владиміру и смѣшно, и совѣстно, что онъ друга морочитъ.

— Отчего же не съѣздить, пріятелевой женѣ не угодить...

Тотъ цѣлуетъ его, обнимаетъ, не знаетъ, какъ и благодарить.

Такъ онъ скорехонько снарядилъ жену въ путь. Повезъ ее князь Владиміръ въ Берлинъ и оказалось, что она вовсе была

не въ водяной, а въ тягости. Тамъ у нея родилась дочь. Назвали ее Амаліей, окрестили по-нѣмецки и отдали какому-то пастору на воспитаніе. Фамилію ей дали по имени отца, но читая наоборотъ Владиміръ, это и вышло Римидалвъ, совершенно иностранная фамилія. Поживъ сколько-то времени заграницей въ разныхъ мѣстахъ, братъ, князь Владиміръ и жена его друга возвратились въ Москву, къ немалому удовольствію мужа, что онъ и не уѣзжалъ изъ Москвы, и жена возвратилась совершенно здоровая.

Не одобряю я брата, что онъ кинулъ своего ребенка въ нѣмецкомъ городѣ и далъ воспитывать его нѣмцамъ, а не привезъ въ Россію и не крестилъ въ православной вѣрѣ [1]). Узналъ ли въ послѣдствіи объ этомъ пассажѣ со своею женой братнинъ пріятель, я не знаю, но когда сынъ сталъ подростать, то поневолѣ пришлось увѣриться, что мальчикъ не чужой князю Владиміру, — такъ онъ былъ на него похожъ!

И говаривалъ Дмитрій Васильевичъ:

— Все можно довѣрить другу и пріятелю, только не довѣряй ему своей жены. Сына моего напрасно называютъ Дмитріевичемъ: стоитъ взглянуть на него, чтобы видѣть, что онъ Владиміровичъ. Истинный другъ, и жену мою любилъ по дружбѣ, какъ свою собственную. И пріятели перестали видаться.

Однако, все имѣніе, болѣе 3.000 душъ, онъ оставилъ своему мнимому сыну, и братъ, послѣ своей смерти, отказалъ ему 600 душъ.

X.

Упомянула я про Марью Ивановну Римскую-Корсакову, такъ и стану про нее договаривать. Она была урожденная Наумова (дочь Ивана Григорьевича, женатаго на княжнѣ Вар-

---

[1]) Въ 1842 или 1843 году князь Владиміръ Михайловичъ выписалъ изъ Берлина свою дочь; она была замужемъ за прусскимъ маіоромъ фонъ-Гартвигъ и они около года прожили въ Москвѣ; отецъ ее щедро наградилъ и отпустилъ обратно. Лицомъ Амалія была очень похожа на князя: тотъ же орлиный носъ и подслѣповатые, глубоко впалые глаза; въ обращеніи своемъ совершенная нѣмка и великая охотница говорить про кухню и про кушанье.

варѣ Алексѣевнѣ Голицыной) и вышла за Александра Яковлевича Римскаго-Корсакова. Онъ былъ камергеромъ при императрицѣ Екатеринѣ II, прекрасный собой и человѣкъ очень богатый, но, сколько я о немъ слыхала, не изъ очень умныхъ. Марья Ивановна была хороша собой, умна, ласкова, привѣтлива и великая мастерица устраивать пиры и праздники. Была она пребогомольная, каждый день бывала въ Страстномъ монастырѣ у обѣдни и утрени, и когда возвратится съ бала, не снимая платья отправится въ церковь вся разряженная. Въ перьяхъ и брилліантахъ отстоитъ утреню и тогда возвращается домой отдыхать. Ея домъ былъ напротивъ Страстного монастыря; она и сама любила повеселиться, и веселила Москву, давая балы для своихъ дочерей, которыхъ у нея было пять: 1) Варвара Александровна за Ржевскимъ (о которой я говорила), умерла въ 1813 году; 2) Наталья была за Акинфовымъ, Ѳедоромъ Владиміровичемъ; въ послѣдствіи онъ былъ сенаторомъ; 3) Софья Александровна за Александромъ Александровичемъ Волковымъ, жандармскимъ генераломъ; 4) Екатерина Александровна, сперва за Андреемъ Павловичемъ Офросимовымъ, а потомъ за Алябьевымъ, Александромъ Александровичемъ и 5) Александра Александровна за моимъ племянникомъ, княземъ Александромъ Николаевичемъ Вяземскимъ; объ этой я буду говорить потомъ. И было еще три сына: Павелъ, Григорій и Сергѣй Александровичи. Павелъ и Григорій умерли холостыми, Сергѣй женатъ на Грибоѣдовой [1]).

---

[1]) Павелъ Александровичъ, самый старшій, прекрасный, убитъ подъ Бородинымъ, 26 августа 1812 года.

Григорій много путешествовалъ, потомъ жилъ болѣе все въ деревнѣ и умеръ въ сороковыхъ годахъ, не бывъ женатъ.

Сергѣй Александровичъ, въ 1845—1851 годахъ, живя въ своемъ домѣ, напротивъ Страстного монастыря, веселилъ Москву своими многолюдными и блестящими праздниками, и можно сказать, что онъ былъ послѣднимъ московскимъ хлѣбосоломъ. Его домъ, при его матери, привѣтливой и радушной, въ продолженіи столькихъ лѣтъ средоточіе веселій столицы, еще разъ оживился и въ послѣдній разъ заблестѣлъ новымъ блескомъ и снова огласился радостными звуками: опять освѣтились роскошныя и обширныя залы и гостиныя, наполнились многолюдною толпой посѣтителей, спѣшившихъ на призывъ гостепріимныхъ хозяевъ, жившихъ въ удовольствіе другихъ и веселившихся веселіемъ каждаго.

Въ сороковыхъ годахъ домъ С. А. Корсакова былъ для Москвы тѣмъ же, чѣмъ когда-то бывали дома князя Юрія Владиміровича Долгорукова,

Странная случайность, что изъ шести зятьевъ Марьи Ивановны четверо были Александры: Офросимовъ былъ Андрей только и Акинфовъ—Θедоръ.

Мать Офросимова, Настасья Дмитріевна, была старуха пресамонравная и пресумасбродная: требовала, чтобы всѣ, и знакомые и незнакомые, ей оказывали особый почетъ. Бывало, сидитъ она въ собраніи, и Боже избави, если какой-нибудь

Апраксина, Бутурлина и другихъ хлѣбосоловъ Москвы. Сынъ Корсакова, Николай Сергѣевичъ, живой и красивый юноша, отъ души веселившійся и наслаждавшійся жизнью, его окружавшею, оживлялъ блестящіе праздники, на которые Москва съѣзжалась со всѣхъ своихъ концовъ, а добрая, милая, привѣтливая, веселая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спокойно задумчивая, шестнадцатилѣтняя дочь въ этомъ очарованномъ и чарующемъ кругѣ была тою свѣтлою и блестящею точкой, къ которой стремились глаза свѣтской молодежи, и какъ ночные мотыльки около нея увивавшейся. Настасья Сергѣевна, не будучи красавицей, имѣла пріятное и привлекательное лицо, нравившееся болѣе многихъ самыхъ правильно-красивыхъ лицъ.

Каждую недѣлю, по воскресеньямъ, бывали вечера запросто, и съѣзжалось иногда болѣе ста человѣкъ, и два, три большіе бала въ зиму. Но изо всѣхъ баловъ особенно были замѣчательны два маскарада, въ 1845 и 1846 годахъ, и ярмарка, въ 1847 году: это были многолюдные блестящіе праздники, подобныхъ которымъ я не помню, и какихъ Москва, конечно, уже никогда болѣе не увидитъ.

Николай Сергѣевичъ женился въ 1850 году, не былъ счастливъ въ супружествѣ, жилъ не въ отраду себѣ и умеръ въ 1875 году, оставивъ двухъ сыновей.

Настасья Сергѣевна вышла за Михаила Адріановича Устинова, имѣла нѣсколько человѣкъ дѣтей, была счастлива, осчастливила своего мужа и всю семью, но преждевременно смерть похитила ее у родителей и у семьи въ 1876 году.

Немощные и престарѣлые родители пережили молодыхъ и здоровыхъ своихъ дѣтей, которымъ, казалось, столько еще впереди жизни и счастія... Грустно и жалко видѣть одинокихъ и хилыхъ стариковъ, переживших дѣтей своихъ! Глядя на нихъ, со вздохомъ повторяю я мысленно стихи:

Какъ листъ осенній, запоздалый,
Онъ живъ, — коль это значитъ жить,
Полу-сухой, полу-завялый,
Онъ живъ, чтобъ помнить и грустить!

Спасибо, спасибо тѣшившимъ насъ въ нашей молодости, вспомнимъ ихъ въ ихъ старости и, часто бывавъ у нихъ во дни веселій, теперь хотя изрѣдка посѣтимъ ихъ во время престарѣнія, одиночества и прискорбій сердечныхъ.

Внукъ.

молодой человѣкъ и барышня пройдутъ мимо нея и ей не поклонятся: «Молодой человѣкъ, поди-ка сюда, скажи мнѣ, кто ты такой, какъ твоя фамилія?» — «Такой-то».

«Я твоего отца знала и бабушку знала, а ты идешь мимо меня и головой мнѣ не кивнешь; видишь, сидитъ старуха, ну, и поклонись, голова не отвалится; мало тебя драли за уши, а то бы повѣжливѣе былъ».

И такъ при всѣхъ ошельмуетъ, что отъ стыда сгоришь.

И молодыя дѣвушки тоже непремѣнно подойди къ старухѣ и присядь предъ ней, а не то разбранитъ:

«Я и отца твоего, и мать дѣтьми знавала, и съ дѣдушкой и съ бабушкой была дружна, а ты, глупая дѣвчонка, ко мнѣ и не подойдешь; ну, плохо же тебя воспитали, что не внушили уваженія къ старшимъ».

Всѣ трепетали передъ этой старухой—такой она умѣла на всѣхъ нагнать страхъ, и никому и въ голову не приходило, чтобы возможно было ей сгрубить и ее огорошить. Мало ли въ то время было еще въ Москвѣ почтенныхъ и почетныхъ старухъ? Были и поважнѣе, и починовнѣе: ея мужъ былъ генералъ-маіоръ въ отставкѣ, мало ли было генеральскихъ женъ, такъ нѣтъ же: никого такъ не боялись, какъ ея.

Бывало, какъ ѣдутъ матери со своими дочерьми на балъ или въ собраніе, и твердятъ имъ:

— Смотрите же, ежели увидите старуху Офросимову, подойдите къ ней, да присядьте пониже.

И мы всѣ, немолодыя уже женщины, обходились съ нею уважительно.

Говорятъ, она и въ своей семьѣ была пресердитая: чуть что̀ не по ней, такъ и сыновьямъ своимъ, уже взрослымъ, не задумается и надаетъ пощечинъ. Она имѣла трехъ сыновей: Андрея, Владиміра и Константина [1]).

---

[1]) Андрей былъ женатъ на Римской-Корсаковой; Владиміръ на Исленьевой; Константинъ умеръ холостымъ. Онъ былъ очень богатъ и суевѣренъ. Выстроивъ себѣ новый домъ въ Поварской, онъ продолжалъ жить въ другомъ домѣ, который имѣлъ въ переулкѣ, гдѣ-то около Пречистенки, а въ новый свой домъ послалъ жить старуху экономку для того, чтобъ она тамъ умерла (по повѣрью, въ новомъ домѣ долженъ непремѣнно кто-нибудь умереть); онъ смерти очень боялся. Прошло болѣе десяти лѣтъ, новый домъ все стоялъ пустымъ и въ немъ жила только старуха, кото-

Не могу теперь припомнить, какая она была урожденная, а вѣдь знала; но только изъ извѣстной фамиліи, оттого такъ и дурила.

Не всѣмъ, однако, удавалось своевольничать, какъ старухѣ Офросимовой; другимъ за дерзость бывалъ и отпоръ, и даромъ съ рукъ не сходило.

Въ Москвѣ было одно очень богатое и въ свое время извѣстное семейство Свиньиныхъ. Они были коротко знакомы съ нашими друзьями Титовыми. Люди очень богатые и оттого пренадменные. Отца звали Петръ Павловичъ; у него былъ сынъ Павелъ Петровичъ и четыре дочери: Екатерина Петровна за Бахметевымъ, Настасья Петровна умерла дѣвицей немолодыхъ лѣтъ, а изъ другихъ двухъ одна была замужемъ за Вырубовымъ, другая—за Высотскимъ. Кто была ихъ мать—не припомню.

Титовы очень ко мнѣ приставали — познакомься я съ ними.

— Нѣтъ, избавьте: они, говорятъ, преважные и пренадменные тѣмъ, что богаты; ну, предъ ними ихъ богатство, куда мнѣ лѣзть къ такимъ важнымъ особамъ? Нѣтъ, не имѣю желанія...

Такъ и не познакомилась.

Жили они въ своемъ домѣ на Покровкѣ, у Іоанна Предтечи. Священникомъ тогда былъ тамъ отецъ Матвѣй Терновскій. Былъ у нихъ въ домѣ одинъ разъ діаконъ, вотъ барышни ему и говорятъ: «Отецъ діаконъ, когда въ церкви читается Евангеліе, въ которомъ упоминается, ну, понимаешь, такъ ты насъ предупреди, чтобы намъ не быть въ этотъ день въ церкви, а то какъ-то конфузно, при нашей фамиліи; понялъ въ чемъ дѣло»?

— Понялъ, говоритъ, а самъ ничего не понимаетъ, пришелъ къ священнику и разсказываетъ ему: «Вотъ молъ, что бырышни Свиньины мнѣ наказывали, а я хотя и сказалъ имъ, что понялъ, а никакъ не смѣкаю, въ чемъ дѣло».

— Экой ты чудакъ, говоритъ священникъ, имъ не хочется

рая пережила Константина Павловича, и этотъ домъ послѣ него перешелъ къ его племянницѣ, Бухвостовой, а тотъ домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ имъ оставленъ Ивану Ивановичу Ершову. Внукъ.

слышать, что Спаситель вогналъ бѣсовъ въ свиное стадо: онѣ вѣдь Свиньины,—ну, понялъ?

И съ тѣхъ поръ діаконъ и предупреждалъ ихъ всегда наканунѣ: «Не извольте, молъ, завтра, сударыни, пріѣзжать къ Евангелію, потому что въ немъ говорится...

— Ну да, ну да, хорошо,—и пріѣдутъ въ церковь послѣ Евангелія.

У нихъ, говорятъ, и за столомъ никогда ничего свиного не подавали, такъ они боялись намека на свою фамилію.

Но какъ онѣ ни остерегались, а сами назвались на дерзость.

Двѣ изъ нихъ, будучи еще дѣвицами, ѣдутъ разъ въ собраніе во время великаго поста, когда бываютъ концерты. Кто-то изъ мужчинъ и зѣвни при нихъ довольно громко. Конечно, это невѣжливо, ну, тѣмъ хуже для него; нѣтъ, не вытерпѣла которая-то изъ нихъ, обернулась къ зѣвавшему и говоритъ ему: «Ахъ, батюшки, какъ меня испугалъ, я думала, хочешь проглотить меня».

Кавалеръ-то былъ, должно быть, не промахъ и говоритъ Свиньиной: «И что̀ вы, сударыня, Богъ съ вами: я великимъ постомъ скоромнаго не ѣмъ».

Такъ она и осталась въ дурахъ. И говорятъ, ихъ не разъ такъ угощали: какъ онѣ заважничаютъ, ихъ и угостятъ свинымъ словечкомъ: не зазнавайся.

Я ихъ встрѣчала, но съ ними не знакомилась.

XI.

Въ 1813 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, почти въ одно и то же время скончались: княгиня Анна Николаевна Долгорукова, жена князя Михаила Ивановича, и золовка моя Анна Александровна Янькова.

Долгорукова умерла 1-го марта, въ Москвѣ. Домъ ихъ, что̀ на Дѣвичьемъ полѣ, уцѣлѣлъ, только французы по-своему похозяйничали въ ихъ домовой церкви, осквернили ее, и антиминсъ или уничтожили или стащили.

И князю Ивану Михайловичу пришлось ѣхать къ архіерею просить новый антиминсъ.

Княгиня была однихъ лѣтъ съ моею свекровью Яньковою: онѣ обѣ родились въ одинъ годъ, въ 1731 году; матушка — 1-го января, а княгиня 2-го іюня. Первую жену свою князь Долгоруковъ схоронилъ въ Богоявленскомъ монастырѣ, потому что тамъ прежде, до чумы, хоронились Долгоруковы, а самъ онъ умеръ въ 1794 году и его схоронили въ Донскомъ монастырѣ; тамъ положена и княгиня. Она была добрая и хорошая женщина и не гордячка, какъ ея мужъ. Я была ею обласкана и всегда ее душевно уважала, а Яньковы предъ нею даже раболѣпствовали, и ея смерть была для нихъ очень прискорбна.

Золовка моя, уѣхавъ къ себѣ въ веневскую деревню, сельцо Теплое, предъ нашествіемъ непріятеля, тамъ все и жила неподалеку отъ своего брата Николая, верстахъ въ тридцати или немного менѣе.

Она родилась 1-го ноября 1750 года въ С.-Петербургѣ и, какъ я уже прежде сказывала, была она мала ростомъ и горбата, но здоровья не слабаго, а къ концу жизни она стала чувствовать, что горбъ спереди ее давитъ, и прихварывала.

Воспитаніе она получила очень хорошее, и въ молодости держала себя прилично, будучи пріятельницей съ Долгоруковыми, которыя старались держать себя какъ принцессы; ну, и она за ними таращилась, а потомъ, какъ молодость совсѣмъ прошла, она очень себя запустила и изъ приличной барышни сдѣлалась рохлей. Остригла свои волосы, ходила простоволосая, одѣвалась кое-какъ, лицо обрюзгло, ну, очень была невзрачна.

Дмитрій Александровичъ былъ на двѣнадцать лѣтъ моложе сестры, и потому не столько любилъ ее, сколько уважалъ, какъ старшую, а отчасти и побаивался: привыкнувъ съ дѣтства считать ее старшею, онъ и въ послѣдствіи обходился съ нею почтительно.

Она занемогла горячкой; тотчасъ извѣстили Николая Александровича, и онъ написалъ Дмитрію Александровичу, что сестра отчаянно больна; онъ поѣхалъ туда.

Про себя не скажу я, чтобъ эта кончина меня особенно огорчила; мы съ покойницей никогда не были сердечно другъ къ другу расположены: она любила командовать, а я не намѣрена была ей подчиняться. Она имѣла характеръ очень

сварливый и задорный, а я была смолоду очень горяча, и бывали у насъ частыя стычки. Кромѣ того, она старалась меня ссорить съ мужемъ и хотя ей не удавалось этого достигать, но я чувствовала ея вліяніе не въ мою пользу.

На первыхъ еще порахъ послѣ моего замужества, она мнѣ много дѣлала огорченій, когда жила съ нами вмѣстѣ, и я была очень рада, когда она отъ насъ переѣхала и стала жить особымъ домомъ. Потомъ она много выманивала денегъ у Дмитрія Александровича: онъ былъ слишкомъ добръ и не могъ отказать сестрѣ; мнѣ онъ не всегда сказывалъ и самого себя во всемъ обрѣзывалъ, и мнѣ это очень не нравилось.

Домъ Анны Александровны былъ тоже въ приходѣ Неопалимой Купины, по близости отъ нашего, и неопрятно она его содержала. Войдемъ, бывало, въ переднюю, такъ и охватитъ кошачьимъ духомъ: она была великая охотница до кошекъ, которыя у нея всюду лазили и по-своему хозяйничали.

Привыкши у батюшки жить въ чистотѣ и въ приличіи, я никогда не могла приглядѣться къ безпорядку ея дома: въ передней у ней и лакеи, и дѣвки играютъ въ носки, возятся, кричатъ во все горло, поминутно снуютъ мимо ея черезъ ея комнату, какъ по корридору; мебель въ пыли; цвѣты и растенія въ паутинѣ и на горшкахъ доказательства, что кошки занимаются ботаникой больше, чѣмъ сама хозяйка.

Вдобавокъ ко всему этому, она держала нѣсколько дѣвочекъ, которыхъ воспитывала: онѣ тоже около нея толпятся, оборванныя, растрепанныя.

Рѣдко, однако, я бывала у золовки, и она у насъ обѣдывала, но я избѣгала обѣдать въ ея домѣ,—такъ мнѣ казалось неопрятно и безпорядочно все подано.

Я не позволяла своимъ дѣтямъ между обѣдомъ и ужиномъ, и вообще не вовремя что-нибудь ѣсть, или изъ комнаты въ комнату носиться съ кускомъ хлѣба: кушай за столомъ сколько угодно, а не ходи день-деньской съ набитымъ ртомъ, съ жвачкой.

Такъ вотъ, видите ли, это ей не нравилось. Привезетъ къ ней мой мужъ старшихъ дѣвочекъ и станетъ она имъ говорить: «Ахъ, бѣдныя дѣвочки, какъ мнѣ васъ жалко: какія вы блѣдныя, худенькія, васъ голодомъ морятъ; какъ это—не смѣй ни-

чего съѣсть, окромя стола! И ученьемъ тоже, чай, васъ убиваютъ...»

И начнетъ обнимать моихъ дѣвочекъ и причитать...

— Покушайте, мои голубчики, и ну ихъ подчивать всякою всячиной, да вѣдь такъ ихъ напичкаетъ, что онѣ чуть не больны.

Нечѣмъ было ей меня покорить, такъ вотъ хоть этимъ, давай, кольну, а дѣти мои были, слава Богу, совсѣмъ не худы, а Анночка даже и толстощекая была.

Хорошо, что я держала себя такъ, что нельзя было попрекнуть меня ни лишнимъ словомъ, ни лишнимъ взглядомъ, а дай я малѣйшій поводъ къ укоризнѣ, она бы первая моему мужу про меня насплетничала.

— Ваша мать преспѣсивая, говаривала она моимъ дѣвочкамъ,—все по этикету у ней; не скажи лишняго слова, дѣвка по гостиной не смѣй пройти, все это гранъ-жанръ (grand genre). Нѣтъ, у меня такъ все попросту, безъ затѣй, безъ всякихъ привередствъ.

Схоронили ее въ Петровѣ, въ церкви. Село Теплое продали, чтобы заплатить кое-какіе ея должки, а остальное роздали ея двумъ, либо тремъ воспитанницамъ.

XII.

Лѣтомъ 1813 года мы поѣхали въ Липецкъ; тамъ у насъ былъ свой домъ и мы расположились пожить.

Липецкія минеральныя воды начинали многихъ привлекать и полечиться лѣтомъ, и пожить весело на водахъ. Тамъ былъ устроенъ очень порядочный и помѣстительный домъ при водахъ для пьющихъ воды, съ большою залой; былъ театръ и труппа какихъ-то проѣзжихъ актеровъ, очень изрядныхъ, и была музыка. Въ этотъ годъ много собралось на водахъ: по деревнямъ жить надоѣло, а въ Москвѣ у многихъ сгорѣли дома, нужно было еще сперва выстроить, да и квартиры были рѣдки и дороги, потому что въ Москвѣ сгорѣло двѣ трети домовъ.

Тетушка графиня Толстая пріѣхала на воды съ двумя дочерьми, Аграфеной Степановной и Марьей Степановной (се-

стра Елизавета была уже замужемъ за графомъ Григоріемъ Сергѣевичемъ Салтыковымъ и у нихъ была дѣвочка лѣтъ одиннадцати, Сашенька), и которые-то два изъ меньшихъ братьевъ были съ тетушкой, кажется, Андрюша и Петруша. Мы предложили тетушкѣ пристать у насъ въ домѣ, а братьямъ отвели флигель.

Пріѣхало все семейство хорошихъ нашихъ знакомыхъ, Шаховскихъ: князь Павелъ Петровичъ и жена его княгиня Агаѳоклея Алексѣевна, урожденная Бахметева.

Этотъ князь Шаховской былъ именно изъ того поколѣнія Шаховскихъ, изъ которыхъ была и батюшкина бабушка, Марья Ѳедоровна, а мать князя Павла Петровича была урожденная княжна Щербатова (Ирина Тимоѳеевна), слѣдовательно, ежели мы были не родня по дальности родства, хотя и могли бы счесться, но и по батюшкиной бабушкѣ, и по матушкиному дѣду, мы были все-таки и даже вдвойнѣ свои. Князь былъ лѣтъ на пять моложе моего мужа, княгиня настолько же моложе меня.

Теперь родство стали ни во что̀ вмѣнять,—какъ скоро не родные братья и сестры, такъ и не родня: на двоюродныхъ сестрахъ женятся; чего добраго, придетъ время, пожалуй, и за родныхъ братьевъ сестры станутъ выходить и дядья поженятся на родныхъ племянницахъ! Нѣтъ, въ наше время, пока можно счесться родствомъ—родня, а ежели дальнее очень родство, все-таки не чужіе, а свои люди—въ свойствѣ.

Отъ знакомства и отъ дружбы можно отказаться, а отъ родства, какъ ты не вертись, признавай, не признавай, а отказаться нельзя: все-таки родня. Покойникъ Обольяниновъ правду говаривалъ: «Кто своего родства не уважаетъ, тотъ себя самого унижаетъ, а кто родныхъ своихъ стыдится, тотъ чрезъ это самъ срамится».

Это очень справедливо.

У Шаховскихъ было четыре сына и шесть дочерей. Сыновья были всѣ еще мальчиками: старшему—Петрушѣ, лѣтъ четырнадцать, а меньшему—лѣтъ шесть, среднимъ—лѣтъ по десяти и по восьми.

Изъ дочерей старшая была Вѣра, вторая Ирина; эта была однихъ лѣтъ съ моими старшими дѣвочками, Софья и Агаѳоклея помоложе, а Лизанька и Наденька вовсе дѣтьми.

И мы были дружны, и наши дѣти тоже очень подружились; имъ подъ лѣта подходила и Машенька Толстая. (Моя двоюродная сестра, дочь тетушки, графини Александры Николаевны).

Итакъ, мы это лѣто провели очень пріятно.

Въ то время на водахъ были еще княжны Щербатовы, очень хорошенькія; одна изъ нихъ была потомъ за Саловымъ, другая за Апухтинымъ, а еще одна за кѣмъ, не помню, иностранная фамилія [1]).

Изъ числа молодыхъ людей тогда были тамъ два красавца, возвратившіеся съ войны: Анрепъ и Глазенапъ, этотъ гораздо спустя, въ 1836 году, былъ женатъ на моей двоюродной племянницѣ, Варварѣ Сергѣевнѣ Неклюдовой.

Утромъ всѣ собирались и пили воды, а по вечерамъ танцовали и ходили въ театръ, гдѣ играла бывшая тогда въ городѣ труппа, а иногда играли и аматеры, и, между прочимъ, одинъ князь Шаховской разучивалъ свои пьесы и послѣ того написалъ комедію Липецкія воды, въ которой, говорятъ, нѣкоторыя барыни и барышни узнали свои портреты, а кто говорилъ—каррикатуры.

Въ августѣ мѣсяцѣ, возвратившись въ Елизаветино и пробывъ тамъ недолго, мы стали снаряжаться въ путь въ Москву.

По пути мы заѣзжали къ Яньковымъ, въ Петрово, и у нихъ гостили.

У Николая Александровича было тогда четверо дѣтей: три сына и дочь.

У меня было шесть дочерей, и намъ желалось имѣть мальчиковъ; и было два сына, да не судилъ имъ Господь пожить, а невѣсткѣ очень хотѣлось имѣть дочь и она простаивала ночи на молитвѣ, приставала, можно сказать, къ Богу, дай имъ дочь. А замужъ она вышла въ 1789 году; прошло 20 лѣтъ, и наконецъ ихъ желаніе исполнилось: родилась дочь Марья въ 1809 году, марта 8-го.

Старшему Сашѣ было слишкомъ двадцать лѣтъ, второму —

---

[1]) Не за Бергманомъ ли, Степаномъ Өедоровичемъ? Это сестры бывшаго московскаго генералъ-губернатора, князя Алексѣя Григорьевича Щербатова. Внукъ.

Андрюшѣ лѣтъ пятнадцать или шестнадцать, а меньшому Харлампію — лѣтъ десять; дѣвочкѣ Машѣ — года четыре или лѣтъ пять. Андрюша былъ не въ мѣру толстъ, и немудрено, потому что дѣти цѣлый день все что-нибудь жевали и даже на ночь имъ ставили остатки отъ ужина въ ихъ комнату, точно на убой ихъ кормили, и въ послѣдствіи времени всѣ были очень дородны, а Андрей вышелъ безобразно толстъ.

Когда мы пріѣхали къ брату, застали, что у него гоститъ цыганскій таборъ,—такъ онъ намъ сказалъ.

— Какъ это гоститъ? спросила я. — Мнѣ что-то это мудрено... Растолкуй ты мнѣ.

— То-есть, они пріѣхали съ таборомъ, я позвалъ ихъ поѣсть и поплясать. Машенькѣ понравилась ихъ пляска, я и оставилъ ихъ погостить, чтобы выучили Машеньку плясать...

Мы съ мужемъ такъ и ахнули.

— Слыханное ли это дѣло, чтобы цыганятамъ позволять играть съ своими дѣтьми и учить ихъ плясать, сказала я.

— Машенькѣ нравится, она плачетъ.

— Удивляюсь я тебѣ, братъ, сказалъ Дмитрій Александровичъ, — какая тебѣ охота жить въ деревнѣ и проживаться съ попами да съ цыганами. У тебя состояніе не хуже моего и ты могъ бы жить въ Москвѣ съ порядочными людьми. Прогони ты, пожалуйста, этотъ таборъ; какъ это тебѣ въ голову только пришло учить свою дѣвочку плясать по-цыгански; какая мерзость!

Такъ мы настояли, на другой день таборъ и спровадили.

Добрые были люди, и мужъ и жена, но совсѣмъ безъ характера, каждый могъ дѣлать, что̀ хотѣлъ изъ нихъ: какъ говорится, гнули ихъ въ бараній рогъ. Мальчики росли какими-то балбесами, а дѣвочки съ малолѣтства цыганятъ въ подруги допускали!

Не нравилось мнѣ, какъ и золовка моя держала свой домъ, а въ Петровѣ было и того хуже: тоже дѣвки поминутно шмыгаютъ черезъ гостиную изъ дѣвичьей въ прихожую и тоже неопрятство.

Я сказала невѣсткѣ: «Ежели тебѣ это все равно, такъ мнѣ это не нравится; по крайней мѣрѣ, прошу тебя, чтобы при мнѣ не было такого безобразія». Меня это коробило, а они и не понимали, чтобы могло быть иначе.

Въ послѣдствіи времени, по зимамъ Яньковы стали жить въ Москвѣ, но и въ городѣ-то у нихъ все было по-деревенски, по-степному: неопрятно, неприглядно. Наймутъ какую-нибудь лачугу, на краю свѣта, въ глухомъ переулкѣ и толкуютъ, что (entrée) антре не хорошо.

— Заплатите немного подороже, гдѣ-нибудь въ центрѣ города, гдѣ мы всѣ живемъ, говорю я имъ, тогда и антре будетъ у васъ хорошее.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

I.

При нашемъ пріѣздѣ въ Москву она уже начинала обстраиваться, но, все-таки, была еще ужасная картина. Весь городъ по сю сторону Москвы-рѣки былъ точно какъ черное большое поле, со множествомъ церквей, а кругомъ обгорѣлые остатки домовъ: гдѣ стоятъ только печи, гдѣ лежитъ крыша, обрушившаяся съ домомъ; или домъ цѣлъ, сгорѣли флигеля; въ иномъ мѣстѣ уцѣлѣлъ только одинъ флигель... Увидѣвъ Москву въ такомъ разгромѣ, я горько заплакала: больно было увидать, чтó сталось съ этою древнею столицей, и не вѣрилось, чтобъ она когда-нибудь и могла опять застроиться.

Но нѣтъ худа безъ добра: послѣ пожара она стала гораздо лучше, чѣмъ была прежде: улицы стали шире, тѣ, которыя были кривы, выпрямились, и дома начали строить больше все каменные, въ особенности на большихъ улицахъ.

Домà обоихъ моихъ братьевъ уцѣлѣли, и мы рѣшили, что пристанемъ у брата Николая Петровича, который и приглашалъ насъ, а невѣстка хотѣла послать о нашемъ пріѣздѣ распоряженіе къ себѣ въ домъ, такъ какъ они жили въ Покровскомъ, а домъ ихъ на Знаменкѣ былъ пустой. Вотъ, пріѣхавъ въ Москву, мы и отправились прямо на Знаменку. Выходитъ къ намъ человѣкъ, жившій въ домѣ, и говоритъ

намъ: «Я принять васъ не смѣю, потому что, уѣзжая, господа не приказали никого принимать».

Я говорю ему: «Да, вѣдь, я сестра Николая Петровича, и невѣстка хотѣла писать, что мы поселимся здѣсь первое время, пока мы не наймемъ дома».

— Не смѣю, сударыня, а писемъ не было.

Это меня очень оскорбило...

— Ну, свои не принимаютъ, сказалъ мнѣ Дмитрій Александровичъ, поѣдемъ къ чужимъ, къ моему другу Дмитрію Николаевичу Щербачеву: онъ хотя и не родня, а приметъ насъ съ распростертыми объятіями; я за это ручаюсь.

Такъ мы со Знаменки и поѣхали опять назадъ за Москву-рѣку на Пятницкую, гдѣ жилъ Щербачевъ, который дѣйствительно намъ очень обрадовался, и какъ ни тѣсно у него было, а для насъ нашлось мѣсто. Щербачевъ былъ товарищемъ Дмитрія Александровича по корпусу, былъ съ нимъ всегда очень друженъ и любилъ его, какъ родного брата. Онъ былъ человѣкъ очень добрый, ласковый и привѣтливый для всѣхъ, а для насъ былъ какъ самый близкій родственникъ, готовый на всякую послугу и одолженіе.

Онъ и тутъ, мало того, что пріютилъ насъ, спрашиваетъ еще у моего мужа:

— Дмитрій Александровичъ, твой домъ сгорѣлъ, не нужны ли тебѣ деньги? Ты, пожалуйста, не стѣсняйся и скажи мнѣ, я всегда готовъ тебѣ предложить, сколько могу, и счелъ бы за обиду, если бы, помимо меня, ты сталъ занимать у другихъ.

Добрый и хорошій былъ человѣкъ.

Такъ мы у него и заняли сколько-то тысячъ; взяли еще у Полуденскаго, у князя Шаховского и начали опять помышлять о построеніи новаго дома на мѣстѣ сгорѣвшаго, а для покрытія долговъ, въ которые намъ пришлось войти, мы рѣшили продать, не спѣша, наше тамбовское имѣніе, если выищется настоящій и хорошій покупатель, потому что цѣнили наше имѣніе,—гдѣ была и усадьба, и земли не мало, и почва прекрасная, — не менѣе, какъ тысячъ въ двѣсти или болѣе, разумѣется, ассигнаціями, какъ тогда считали.

Говоря о пожарѣ Москвы, о перестройкахъ и перемѣнахъ въ городѣ, разскажу, кстати, о томъ, какъ я застала Москву

и что̀ припомню о перемѣнахъ, на моей памяти происшедшихъ.

Около Кремля, гдѣ теперь Александровскій садъ, я застала большіе рвы, въ которыхъ стояла зеленая вонючая вода, и туда сваливали всякую нечистоту, и сказываютъ, что послѣ французовъ въ одномъ изъ этихъ рвовъ долго валялись кипы старыхъ архивныхъ дѣлъ изъ котораго-то кремлевскаго архива. Сады стали разбивать послѣ 1818 года. Въ Кремлѣ тоже, внизу подъ горою, вдоль стѣны, былъ пустырь. Говорятъ, прежде, при царяхъ, тамъ были сады и царскіе парники, а потомъ все это упразднили и долгое время тамъ было очень неопрятно, въ особенности же послѣ непріятеля, когда туда сваливали всякій хламъ и мусоръ отъ взрывовъ.

Каменный мостъ я застала съ двойною башней, на подобіе колокольни; онъ былъ крытый и по сторонамъ торговали дѣтскими игрушками. Самыя лучшія изъ игрушекъ были деревянные козлы, которые стукаются лбами. Были игрушки и привозныя, и заграничныя; ихъ продавали во французскихъ модныхъ лавкахъ, и очень дорого. Василій Блаженный, или Покровскій соборъ на Рву, былъ на холмѣ, который ничѣмъ не былъ обнесенъ. Набережная была только мѣстами вымощена, а берега рѣки камнемъ стали обкладывать при императрицѣ Екатеринѣ II и въ 1790 годахъ; до тѣхъ поръ они были и изрыты, и часто весной обваливались.

Воспитательный Домъ достраивали и додѣлывали на моей памяти, въ то время, какъ я была еще ребенкомъ. На его построеніе пошелъ матеріалъ, приготовленный для загороднаго дворца Петра II, гдѣ-то въ окрестностяхъ Москвы, въ имѣніи, бывшемъ прежде за княземъ Меншиковымъ и отобраннымъ потомъ въ казну [1]. Много было разныхъ сужденій насчетъ Воспитательнаго Дома: кто осуждалъ, а кто и одобрялъ, и

---

[1]) Село Люберцы или Либерцы въ 15 верстахъ отъ Москвы, по коломенскому шоссе. Тамъ былъ деревянный дворецъ, въ которомъ, при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, цѣлое лѣто жили великій князь Петръ Ѳедоровичъ и великая княгиня Екатерина Алексѣевна. Тамъ былъ липовый регулярный садъ, остатки котораго видны и теперь. Дворецъ былъ разобранъ за ветхостію, сады мало-по-малу запущены и не осталось и слѣдовъ прежней роскошной усадьбы свѣтлѣйшаго князя и дворца, въ которомъ живалъ Петръ II, потѣшавшійся въ томъ мѣстѣ охотою.

послѣднихъ было болѣе. Одни говорили, что не слѣдуетъ дѣлать пріюта для незаконныхъ дѣтей, что это значитъ покрывать беззаконіе и покровительствовать разврату, а другіе смотрѣли на это иначе и превозносили милосердіе императрицы, что она давала пріютъ для воспитанія несчастныхъ младенцевъ, невиновныхъ въ грѣхѣ родителей, которые, устыдившись своего увлеченія, чтобы скрыть свой позоръ, можетъ статься, прибѣгли бы къ преступленію и лишили бы жизни невинныхъ младенцевъ, не имѣя возможности ни устроить ихъ, ни утаить ихъ, ни воспитать. И въ самъ дѣлѣ, до учрежденія Воспитательнаго Дома такіе ужасные, несчастные случаи повторялись очень не рѣдко. Потому хвалившихъ императрицу было болѣе, чѣмъ осуждавшихъ.

Стѣна, которая идетъ по набережной, и теперь уцѣлѣла только частію; до 1812 года была вся вполнѣ.

Я застала еще Тверскія ворота, Пречистенскія, Арбатскія, Никитскія, Серпуховскія; нѣкоторыя были даже деревянныя и очень некрасивыя. Въ тѣ времена, когда въ Москвѣ было нѣсколько стѣнъ городскихъ, понятно, что нужны были и ворота; потомъ стѣны обваливались, ихъ сломали, а ворота оставили, и было очень странно видѣть, что ни съ того, ни съ сего, вдругъ, смотришь, стоятъ на улицѣ или на площади ворота; многія стали ветшать, ихъ и велѣно было снести; это было въ 1780 годахъ. Теперь осталось на память одно только названіе.

Я помню, когда была въ Москвѣ рѣченка Неглинная и черезъ нее было нѣсколько мостиковъ: Боровицкій деревянный, другіе—каменные. Я слыхала отъ батюшки, что онъ засталъ мельницы на Москвѣ-рѣкѣ, и одна изъ нихъ была около Крымскаго Брода, въ мѣстѣ, что̀ называютъ Бабій Городокъ. Нѣкоторые старожилы въ мое время помнили, что была мельница на Неглинной. Рѣчку помню, а мельницъ я уже не застала; ихъ было три: 1) у Водяной башни, 2) у Троицкихъ воротъ и 3) у Боровицкихъ. На Кузнецкомъ мосту точно былъ мостъ, и налѣво, какъ ѣхать къ Самотекѣ, цѣлый рядъ кузницъ, отчего и названіе до сихъ поръ осталось. Мостъ былъ хотя и не деревянный, но преплохой, и сломали его гораздо послѣ французовъ.

Улица, называемая Кузнецкій мостъ, издавна была засе-

лена иностранцами: были французскія и нѣмецкія лавки. Теперь говорятъ «ѣхать на Кузнецкій мостъ», а въ наше время говорили: «ѣхать во французскія лавки». Тамъ торговали моднымъ товаромъ, который привозили изъ чужихъ краевъ; были и свои мастерицы въ Москвѣ, но ихъ обѣгали, и кто побогаче все покупали больше заграничный привозный товаръ.

На Ильинкѣ за Гостиннымъ рядомъ и за Гостиннымъ дворомъ были нюренбергскія лавки и голландскій магазинъ. Тамъ мы все больше покупали шерсти для работъ и шелки; чулки шерстяные и голландское полотно, которое было очень дорого, но было хорошее, ручного издѣлія и безъ бумаги; торговали и батистомъ, и носовыми платками, и голландскимъ сыромъ. Сарептскій магазинъ былъ гдѣ-то далеко, за Покровкой и за Богоявленіемъ: вотъ на первой недѣлѣ, бывало, туда всѣ и потянутся покупать медовыя коврижки и пряники, какихъ теперь не дѣлаютъ. Цѣлая нить каретъ ѣдетъ по Покровкѣ за пряниками. Потомъ сарептскую лавку перевели на Никольскую и думали, что будетъ лучше, а вышло, что стали торговать гораздо хуже.

Я чуть-чуть помню, какъ стали селиться нѣмцы (изъ Моравіи) въ Сарептѣ; это было при императрицѣ Екатеринѣ. Сначала ихъ было, говорятъ, пять-шесть семействъ, которыя первыя пріѣхали и выбрали мѣсто за Саратовымъ, по близости отъ Царицына, а послѣ чумы пріѣхало нѣсколько сотъ семействъ, такъ что въ 1780 годахъ было уже, сказывали, болѣе 3.000 человѣкъ. Они какой-то особенной лютеранской ереси [1]), но очень строгой и хорошей жизни. Эти нѣмцы, говорятъ, выстроили себѣ прекрасную молельню и завели школу для мальчиковъ и для дѣвочекъ.

Стали сѣять горчицу, которая и теперь считается у насъ самою лучшею, и занялись разведеніемъ табаку особыхъ сортовъ, и сарептскій табакъ былъ одно время въ большомъ ходу; кто тамъ бывалъ, говоритъ, что Сарепта стала потомъ какъ большой городъ, очень красивый и совершенно отличный ото всѣхъ русскихъ городовъ. Около города валъ, стѣна и все очень хорошо содержано. Тамъ всякія мастерскія, много разныхъ заводовъ и фабрикъ, и всѣ издѣлія очень хороши от-

---

[1]) Такъ называемые геррнгутеры.

дѣлкой и прочностью. Во время Пугачева, казаки это мѣстечко разграбили и раззорили, но императрица бѣднымъ нѣмцамъ помогла, и они опять оправились. Теперь эта маленькая колонія очень распространилась и расползлась, и около Саратова во многихъ мѣстахъ живутъ нѣмцы маленькими колоніями и отдѣльными семьями въ своихъ мызахъ.

II.

Московскій Большой театръ начали строить въ двадцатыхъ годахъ, а до тѣхъ поръ онъ былъ въ другомъ мѣстѣ, деревянный и преплохой. Содержалъ его отъ себя нѣкто Медоксъ: было ли ему на то дано право отъ казны, или тогда можно было обойтись безъ этого и дозволялось частнымъ лицамъ содержать театры, этого я хорошенько не знаю. Помню только, что когда старый театръ сгорѣлъ (это было очень давно, въ моей молодости), то временно былъ устроенъ театръ въ домѣ Воронцова, на Знаменкѣ, въ томъ самомъ домѣ, который въ послѣдствіи принадлежалъ брату Николаю Петровичу, а послѣ того князю Сергѣю Ивановичу Гагарину [1]). Ну, конечно, было и тѣсновато; впрочемъ, по тогдашнему было хорошо и достаточно, потому что въ театръ ѣзжали рѣже, чѣмъ теперь, и не всякій... Теперь каждый картузникъ и сапожникъ, корсетница и шляпница лѣзутъ въ театръ, а тогда не только многіе изъ простонародья гнушались театральными позорищами, но и въ нашей средѣ иные считали грѣховными всѣ эти лицедѣйства.

Но была еще и другая причина, что наша братія ѣзжала рѣже въ театры: въ Москвѣ живало много знати, людей очень богатыхъ, и у рѣдкаго вельможи не было своего собственнаго театра и своей доморощенной труппы актеровъ.

У Шереметева было два театра: въ Кусковѣ отдѣльнымъ зданіемъ отъ дома; и въ этомъ театрѣ была императрица Екатерина, когда графъ Петръ Борисовичъ дѣлалъ для нея у себя праздникъ, стоившій ему болѣе двухъ милліоновъ руб-

---

[1]) По смерти князя Сергѣя Ивановича Гагарина, домъ этотъ перешелъ по наслѣдству дочери его, Бутурлиной.

лей; другой театръ былъ въ Останкинѣ въ домѣ, и, вѣроятно, цѣлъ еще и теперь. У графа Орлова подъ Донскимъ, при его домѣ, тоже былъ театръ; у Мамонова, у Бутурлина въ Лефортовѣ, у графа Мусина-Пушкина на Разгуляѣ, у Голицына, Михаила Петровича, у Разумовскаго въ Петровскомъ (Разумовскомъ) и въ Люблинѣ, и въ Перовѣ; потомъ, у Юсупова въ Архангельскомъ и у Апраксиныхъ и въ Москвѣ, и въ Ольговѣ. Деревенскій театръ въ Ольговѣ былъ отдѣльно отъ дома, также какъ и въ Кусковѣ и въ Архангельскомъ, а въ московскомъ домѣ на Знаменкѣ былъ театръ съ ложами въ три яруса, очень хорошенькій, и на этомъ театрѣ игрывали всѣ знаменитости, посѣщавшія Москву, и была одно время итальянская опера, и мы тогда были абонированы. Въ Ольговѣ на театрѣ играла у Апраксиныхъ своя крѣпостная труппа и былъ свой оркестръ, а въ Москвѣ часто бывали спектакли для любителей: игрывали всего чаще Гедеоновъ, Яковлевъ, Кокошкинъ. Нѣкоторыя пьесы шли очень хорошо; помню, что играли по-французски Севильскаго цирюльника (Бомарше), изъ Мольера которыя-то комедіи и еще разныя другія пьесы, приличныя для благороднаго театра. Раза два или три мнѣ случилось видѣть на сценѣ и саму Апраксину; она никогда, бывало, своей роли хорошенько не запомнитъ; забудетъ, что̀ слѣдуетъ говорить, подойдетъ къ суфлеру, тотъ ей подсказываетъ, а она не слышитъ, остановится и спрашиваетъ его: «Comment?»

Содержатель театра, Медоксъ, былъ англичанинъ, какъ говорили, но я думаю, что, должно быть, изъ жидовъ, большой шарлатанъ и великій спекуляторъ. У него была дача гдѣ-то верстахъ въ пятнадцати или въ двадцати отъ Москвы, по каширской дорогѣ, и, кромѣ того, домà и обширный садъ за Рогожской, и онъ тамъ устроилъ у себя для публики всякаго рода увеселенія: вокзалъ, гулянье, театръ на открытомъ амфитеатрѣ въ саду, фейерверки и т. п. Многіе туда ѣзжали въ извѣстные дни, конечно, не люди значительные, а изъ общества средней руки, въ особенности молодежь и всякіе Гулякины и Транжирины. Между тѣмъ, у Шереметева въ Кусковѣ бывали часто праздники и пиры, на которые могъ пріѣхать, кто только хотѣлъ, и были, говорятъ, не доѣзжая до Кускова, два каменныхъ столба, съ надписью: «веселиться,

какъ кому угодно». Это барское гостепріимство и хлѣбосольство приходились не по нутру жадному Медоксу, и онъ многимъ жаловался на Шереметева, что графъ у него отбиваетъ публику.

Кто-то и говоритъ Шереметеву:

— Есть человѣкъ, недовольный вашимъ гостепріимствомъ графъ...

— Кто же это, отчего? спрашиваетъ графъ.

— Да вотъ, Медоксъ, содержатель театра, плачется на васъ, что вы у него отбиваете публику...

— Скорѣе же это я могу жаловаться на него, что онъ меня лишаетъ посѣтителей и мѣшаетъ мнѣ тѣшить даромъ людей, съ которыхъ онъ деретъ горяченькія денежки. Каждый, кто ко мнѣ пришелъ, тотъ мой и гость, милости просимъ, веселись всякій, какъ ему хочется: я весельемъ не торгую, а гостя своего имъ забавляю, для чего же онъ моихъ гостей у меня отбиваетъ? Кто къ нему пошелъ, можетъ статься, былъ бы у меня...

Этотъ Медоксъ по Москвѣ расхаживалъ въ красномъ плащѣ и потому его прозвали кардиналомъ. Онъ былъ искусный механикъ, сдѣлалъ премудреные часы съ разными штуками, съ музыкой и съ фигурами, которыя двигались и плясали. Эти часы были потомъ у извѣстнаго въ свое время мѣнялы, Дмитрія Александровича Лухманова, который цѣнилъ ихъ очень дорого.

Когда пріѣзжалъ въ Москву, изъ Персіи, извѣстный Хозревъ-Мирза, онъ былъ въ лавкѣ у Лухманова и торговалъ часы, давалъ за нихъ какую-то очень большую сумму, Лухмановъ не отдалъ, и послѣ того эти часы такъ у него и остались; куда они дѣвались—не знаю.

Директоромъ казеннаго театра, около двадцатыхъ годовъ, былъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, женатый на падчерицѣ (моей троюродной сестры) Е. А. Архаровой, на Варварѣ Ивановнѣ; ея мать была сама по себѣ Щепотьева. Этого Кокошкина я видала и у Архаровыхъ, и у Апраксиныхъ. Потомъ, когда онъ овдовѣлъ, онъ женился вторично на какой-то актрисѣ и имѣлъ дѣтей, а отъ Архаровой дѣтей не осталось.

До двѣнадцатаго года театръ былъ на Арбатской площади, построенъ въ видѣ ротонды. За годъ или за два до непрія-

тельскаго нашествія, пріѣзжала въ Москву извѣстная трагическая актриса, мамзель Марсъ, и тамъ играла. Мнѣ довелось ее видѣть раза два или три; мы ѣздили съ Титовымъ и дивились прекрасной игрѣ ея. Этотъ Арбатскій театръ во время французовъ сгорѣлъ, а временно устроили театръ на Никитской, въ домѣ Познякова (принадлежавшемъ послѣ того князю Юсупову). Кромѣ того, былъ послѣ французовъ театръ въ Пашковомъ домѣ, но не въ томъ прекрасномъ, который и теперь стоитъ на углу Знаменки, а въ другомъ, который былъ на углу Никитской и Моховой. Этотъ домъ потомъ купили въ казну, сломали и выстроили на его мѣстѣ, послѣ первой холеры, новый университетъ. Помѣщеніе было очень скудное, и сравнить нельзя съ Апраксинскимъ театромъ. Теперешній театръ начали строить при императорѣ Александрѣ Павловичѣ [1]), а отдѣлали, когда его уже не стало, въ концѣ 1825 года.

III.

Я слыхала отъ стариковъ, помнившихъ императрицъ Анну Ивановну и Елизавету Петровну, что въ 1740 и 1750 годахъ домъ для комедіи былъ гдѣ-то на Басманной, гдѣ тогда живало много знати, а итальянцы, которыхъ вызвали въ Москву, чтобы потѣшать Елизавету Петровну, когда она подолгу живала въ Москвѣ, давали свои представленія въ особомъ зданіи, у Краснаго пруда. Прошу покорно, въ такую даль тащиться! Послѣ того и русскія пьесы стали давать на этомъ театрѣ, и извѣстный въ то время стихотворецъ Сумароковъ, бывъ въ милости у императрицы, заправлялъ этимъ театромъ и присылалъ въ Москву актеровъ, и писалъ свои трагедіи, которыя они разыгрывали. Эти піесы интересны, а итальянскія оперы по-моему ничего не стоили. Когда итальянцы снимали театръ у Апраксиныхъ, для меня тоска бывало, какъ придется ѣхать въ оперу: я пущу своихъ барышенъ на передъ ложи, а сама уйду въ темный уголъ, сижу себѣ и дремлю; прескучные были эти итальянцы...

---

[1]) Въ 1821 году.

Вообще, я не скажу, чтобъ я была большая любительница театровъ, да въ наше время и не ѣзжали такъ часто по публичнымъ театрамъ, какъ теперь, оттого что приличнѣе считалось бывать тамъ, куда хозяинъ приглашаетъ по знакомству, а не тамъ, гдѣ каждый можетъ быть за деньги. У кого же изъ насъ не было въ близкомъ знакомствѣ людей, имѣвшихъ свои собственные театры?

Мнѣ было лѣтъ четырнадцать, когда я въ первый разъ была въ театрѣ Медокса, и хотя зала была очень грязновата, тѣсна и невзрачна, но, не видавъ лучшаго, мы и этимъ были довольны. Дѣтей прежде не возили такъ часто въ театръ, какъ теперь. Батюшка объ этомъ судилъ очень строго:

— Выростутъ большія, говаривалъ онъ матушкѣ—успѣютъ всего наглядѣться и всѣмъ натѣшиться, а то какъ начнутъ спозаранокъ всюду разъѣзжать, скоро все надоѣстъ и прискучитъ. Теперь пусть сидятъ за грамоткой да за рукодѣльемъ, а въ лѣтахъ будутъ, ну, тогда и забавляйся...

Въ наше время тоже бывали и для дѣтей забавы: качели и балаганы; насажаютъ насъ въ кареты и пошлютъ смотрѣть, какъ паяцы кривляются. Пріѣхали какіе-то итальянцы съ кукольнымъ театромъ и это насъ больше забавляло, чѣмъ трагедіи и комедіи.

Я тоже своихъ дѣвочекъ не любила таскать по театрамъ и не хотѣла ихъ везти до пятнадцати лѣтъ, года за два предъ тѣмъ, какъ ихъ вывезу въ свѣтъ. Въ мое время прежде восемнадцати, девятнадцати лѣтъ на балы не ѣзжали, потому что вывези рано — сочтутъ невѣстой, а это дѣвушекъ старитъ. Довольно съ нихъ и танцовальныхъ уроковъ: напрыгаются со своими подругами, чего же еще?

Дѣти мои учились танцовать у Іогеля. Онъ считался въ свое время лучшимъ танцмейстеромъ; былъ ещё другой, Флагге, но этотъ не имѣлъ такой большой практики, а Іогеля всюду приглашали. Онъ бывалъ у Архаровыхъ, у Неклюдовой, у Львовой, у Рожновой, у Шаховскихъ, словомъ—вездѣ, куда я дѣтей возила.

IV.

Прекрасный домъ Пашковыхъ, на углу Знаменки и Моховой, былъ строенъ Александромъ Ильичемъ Пашковымъ. Эти Пашковы, говорятъ, выходцы изъ Польши. Ихъ пращуръ былъ шляхтичъ, пріѣхавшій служить въ Россію, обрусѣвшій и оставившій потомковъ. Одинъ изъ нихъ, Александръ Ильичъ, женился на дочери Мясникова, богатаго золотопромышленника, за которою взялъ нѣсколько заводовъ и 20.000 душъ крестьянъ, а такъ какъ сестра его жены, Дарьи Ивановны, Екатерина Ивановна, была за Козицкимъ, статсъ-секретаремъ императрицы Екатерины, пользовавшимся ея милостями, то и Пашковъ попалъ въ почетъ.

Пашковы имѣли еще загородный дворъ съ большимъ садомъ и прекраснымъ домомъ гдѣ-то около Крестовской заставы.

Пашковы жили всегда весело и открыто, такъ какъ имѣли очень большое состояніе, и кромѣ того, и родствомъ считались со знатью. Одинъ изъ сыновей Александра Ильича былъ женатъ на графинѣ Толстой, сестрѣ графа Петра Александровича Толстого (бывшаго посломъ при Наполеонѣ I и, стало-быть, теткѣ синодальнаго оберъ-прокурора графа Александра Петровича); онъ былъ чѣмъ-то значительнымъ при дворѣ.

Я помню, когда домъ Пашковыхъ былъ во всемъ блескѣ, свѣжій и новый, какъ съ иголочки. Предъ домомъ били фонтаны; по саду расхаживали разныя птицы: павлины, фазаны; было нѣсколько пребольшихъ сѣтчатыхъ птичниковъ изъ золоченой проволоки; иногда въ саду играла ихъ собственная крѣпостная музыка; у нихъ бывали зачастую театры и праздники; ну, и конечно, въ такомъ домѣ и съ большимъ состояніемъ можно было хорошо и весело жить.

Мы домами никогда не были знакомы, но одну изъ внукъ Александра Ильича я не рѣдко видала у моей невѣстки (Марьи Петровны Корсаковой), которая ей приходилась золовкой, потому что Пашкова была замужемъ за княземъ Владиміромъ Петровичемъ Долгоруковымъ; ее звали Варварою Ивановною. Она была почти одних лѣтъ съ моими до-

черьми и я застала ее еще молодою дѣвушкой; очень была не дурна собой и добрая и милая женщина: ей было съ небольшимъ двадцать лѣтъ когда она умерла, а ея мужъ умеръ черезъ годъ, и единственный ихъ сынъ Петруша [1]) воспитывался у своей бабушки, княгини Анастасіи Симоновны, братниной тещи, которая и жила все у брата въ домѣ, и Петруша росъ на моихъ глазахъ.

Одна изъ сестеръ Варвары Ивановны была за Хвостовымъ, другая за Сушковымъ, а еще одна осталась старою фрейлиной.

Мать этихъ Пашковыхъ была сама по себѣ Яфимовичъ и жила гдѣ-то очень далеко на чистыхъ Прудахъ, въ своемъ домѣ, и тоже любила жить весело и открыто.

Пашковскій домъ на Знаменкѣ принадлежалъ, кажется, меньшому изъ братьевъ, Алексѣю Александровичу, тому, который не былъ женатъ. Во время французовъ, домъ этотъ обгорѣлъ и долго оставался не обновленнымъ: [2]) должно-быть, новому поколѣнію не подъ силу было и поправить даже того, чтó дѣдушки могли вновь построить и отдѣлать. Былъ и третій городской домъ Пашковыхъ, неподалеку отъ Каменнаго моста, рядомъ съ церковью Похвалы Пресвятыя Богородицы; онъ потомъ былъ купленъ въ казну для дворцовой конторы. Этотъ принадлежалъ второму изъ братьевъ, Василію Александровичу, женатому на графинѣ Толстой. Его дочь, Татьяна Васильевна, была за Иларіономъ Васильевичемъ Васильчиковымъ. Эти Пашковы мало живали въ Москвѣ, а все больше въ Петербургѣ.

Сестра Дарьи Ивановны Пашковой, Екатерина Ивановна, вышедшая за Козицкаго, имѣла свой домъ въ Москвѣ на Тверской, напротивъ церкви Димитрія Селунскаго. Домъ былъ большой и прекрасный. У Козицкой было нѣсколько дочерей, изъ которыхъ одна вышла за князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, и къ ней-то перешелъ домъ ея матери Козицкой. По фамиліи Козицкаго и переулокъ, которымъ домъ

---

[1]) См. выше, гл. VIII. Онъ жилъ послѣднее время за границей, гдѣ и умеръ; былъ извѣстенъ въ обществѣ подъ названіемъ: Долгорукій-le bancal; умный былъ человѣкъ, но очень рѣзкій на языкъ, собой не хорошъ и прихрамывалъ.

[2]) Нынѣ въ этомъ домѣ Румянцовскій Музей.

этотъ отдѣляется отъ гостинницы Шевалдышева, прозванъ Козицкимъ. Одна изъ сестеръ этого князя Бѣлосельскаго (Александра Михайловича), Наталья Михайловна, была замужемъ за братомъ княгини Анны Николаевны Долгоруковой, за барономъ Сергѣемъ Николаевичемъ Строгановымъ, а другая, Евдокія Михайловна, за мутушкинымъ двоюроднымъ братомъ Василіемъ Петровичемъ Салтыковымъ. Онъ умеръ за нѣсколько лѣтъ до французовъ, а жена его была еще въ живыхъ въ 1822 году, когда мы ѣздили въ Петербургъ, и ей было тогда лѣтъ семьдесятъ пять; года черезъ два послѣ того и она скончалась.

Теперь не упомню, за которою именно изъ этихъ княженъ Бѣлосельскихъ въ своей молодости ухаживалъ Ѳедоръ Сергѣевичъ Лужинъ (бывшій въ послѣдствіи нашимъ сосѣдомъ и хорошимъ пріятелемъ мужа). Онъ былъ очень милый и любезный человѣкъ, видный собою, но отъ оспы очень сильно помѣченъ. Онъ служилъ въ гвардіи и имѣлъ весьма небольшое состояньице, а молодая и богатая княжна ему очень нравилась. Онъ долго собирался съ духомъ сдѣлать ей предложеніе, наконецъ рѣшился. Чтò ему княжна отвѣтила — не съумѣю сказать, только на слѣдующій день ему утромъ подаютъ записочку, и онъ читаетъ:

Господинъ Лужинъ,
Княжнѣ вы не нуженъ,
Но васъ зовутъ на ужинъ.

Онъ, скрѣпя сердце, поѣхалъ ужинать къ Бѣлосельскимъ; за ужиномъ пили за здоровье княжны и жениха ея, за котораго ее просватали; можно себѣ представить неловкое положеніе, въ которомъ былъ этотъ отверженный воздыхатель. Онъ вскорѣ послѣ того вышелъ въ отставку, уѣхалъ жить въ деревню и умеръ старымъ холостякомъ, вспоминая о прекрасной княжнѣ; однако, послѣ него оставалось двѣ ли, три ли воспитанницы, которыя приходились ему близко сродни. Такъ какъ я коснулась Лужиныхъ, то про нихъ и буду продолжать.

Ихъ имѣніе, сельцо Григорово, было отъ нашей подмосковной верстахъ въ девяти или десяти: версты съ четыре далѣе Дьякова. Имѣньице небольшое, но хорошенькое, премилый домикъ съ мезониномъ и деревянная церковь во имя

Спаса Нерукотвореннаго Образа. Она была не приходская, а приписная къ приходу, селу Шукалову, принадлежавшему въ ту пору Шокареву.

Лужиныхъ было два брата: Дмитрій и Ѳедоръ Сергѣевичи и сестра Марья Сергѣевна, да старушка мать. Лѣтомъ они всѣ живали въ Григоровѣ, а по зимамъ въ Москвѣ въ своемъ собственномъ домѣ. Григорово досталось по раздѣлу меньшому брату Ѳедору Сергѣевичу, а старшему Дмитрію другое имѣніе, тоже въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ сторону отъ Троицкаго шоссе, верстахъ въ пятидесяти отъ Москвы и въ двадцади отъ Дмитрова, село Воронино. Старшій братъ былъ мотъ и свое имѣніе спустилъ съ рукъ потихоньку отъ матери, чтобы не огорчить старушки, а можетъ-статься, онъ ее и прибаивался,—говорятъ, была съ душкомъ. Братья были дружны между собой, и чтобъ еще лучше скрыть отъ матери, что Воронино уже въ чужихъ рукахъ, они и положили, когда пріѣзжали каждую недѣлю въ Москву подводы съ припасами, съ сѣномъ, съ дровами, говорить старушкѣ, что привозится все это то изъ Григорова, то изъ Воронина; такъ старушка Лужина и умерла, не знала, что Воронино продано и что вся семья только и существуетъ, что Григоровымъ да московскимъ домомъ.

Дмитрій Сергѣевичъ былъ женатъ; жену его звали Елизавета Васильевна [1]), предобрая и премилая женщина; я съ ней была очень дружна и мы часто видались, когда, по смерти мужа, она живала въ Григоровѣ. У нея было три дочери и сынъ. Старшая изъ дочерей, Анна Дмитріевна, вышла потомъ замужъ за Семена Николаевича Шеншина (родного брата Владиміра Николаевича, женатаго на моей племянницѣ Марьѣ Сергѣевнѣ Неклюдовой); Варвара Дмитріевна была за Озеровымъ, а Марья Дмитріевна за пензенскимъ помѣщикомъ Николаемъ Васильевичемъ Ховринымъ. Марья Дмитріевна была очень хороша собой и весьма умная и пріятная женщина.

Племянникъ Ѳедора Сергѣевича, Иванъ Дмитріевичъ,— не знаю, гдѣ онъ сперва учился,—потомъ былъ записанъ въ службу и жилъ въ Петербургѣ. Старикъ-дядя и тетка очень

[1]) Скончалась въ Москвѣ въ 1877 г.

его любили и во всемъ себѣ отказывали для того, чтобы побольше можно было послать ему денегъ. Онъ былъ молодецъ, видный и красивый изъ себя и очень полюбился Иларіону Васильевичу Васильчикову (тогда еще не князю и не графу), брату княгини Татьяны Васильевны Голицыной [1]). Молодой Лужинъ пришелся по мысли дочери Васильчикова, Екатеринѣ Иларіоновнѣ, и она за него вышла замужъ. Это было, думаю, около 1830 года, и, кажется, стариковъ Лужиныхъ,— ни дяди, ни тетки, — уже не было въ живыхъ [2]).

Еще одна изъ сестеръ Пашковой и Козицкой была выдана за Бекетова, а другая за Дурасова. Бекетовъ былъ весьма извѣстный въ свое время человѣкъ, очень ученый и имѣвшій свою собственную типографію, что̀ тогда было диковинкой. Одна изъ дочерей этого Бекетова была за Балашевымъ, долгое время бывшимъ въ Москвѣ оберъ-полиціймейстеромъ; кажется, вслѣдъ за нимъ и поступилъ извѣстный Шульгинъ. Другая дочь Бекетова, Екатерина Петровна, была за Кушниковымъ; мы были знакомы домами и я не разъ дочерей своихъ возила къ нимъ на балы, которые были прехорошенькіе. Сестра Бекетова была за Дмитріевымъ, и ея сынъ, Иванъ Ивановичъ, бывшій въ послѣдствіи министромъ, прославился своими стихами и баснями.

Дочь Дурасовой, Степанида Алексѣевна, была за двоюроднымъ братомъ дядюшки графа Степана Өедоровича Толстого, за графомъ Өедоромъ Андреевичемъ Толстымъ, котораго единственная дочь, графиня Аграфена Өедоровна, вышла замужъ за Закревскаго. Вотъ почему она и была такъ богата: это все еще Мясниковское наслѣдство, а такъ какъ Дурасову звали Аграфена Ивановна, то и графиня Толстая была названа въ честь своей бабушки Аграфеной.

Дурасовъ, Михаилъ Алексѣевичъ, имѣлъ дочь Аграфену Михайловну, которая была за Писаревымъ, и ей принадле-

---

[1]) Жена московскаго генералъ-губернатора, князя Дмитрія Владиміровича Голицына.

[2]) Иванъ Дмитріевичъ Лужинъ съ 1845—1854 г. былъ московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, потомъ губернаторомъ въ Курскѣ и Харьковѣ, а затѣмъ почетнымъ опекуномъ; во второмъ бракѣ женатъ на вдовѣ графа Николая Васильевича Орлова-Денисова, Натальѣ Алексѣевнѣ, урожденной Шидловской.

жало Люблино[1]), загородный домъ съ садомъ за Спасской заставой, очень хорошій, просторный и совершенно необыкновенной наружности, — построенный въ видѣ креста. Люблино принадлежало одно время графинѣ Разумовской, Марьѣ Григорьевнѣ, той самой, которая, будучи за княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, отъ живого мужа вышла за графа Льва Кирилловича Разумовскаго. Кажется, она-то и продала Люблино Дурасову. Чье было имѣніе это прежде — не знаю, но тамъ, говорятъ, бывали большіе праздники и былъ особый театръ.

V.

Батюшка былъ очень серьезнаго характера и большой нелюбитель всякихъ гуляній и катаній, потому мы и не ѣзжали по публичнымъ гуляньямъ, хотя иногда весной и оставались еще въ Москвѣ.

Гулянье 1-го мая въ Сокольникахъ очень давнишнее. Говорятъ, что еще Петръ I, въ ту пору, какъ въ своей молодости живалъ въ Москвѣ, ѣзжалъ въ Сокольничью рощу и любилъ пировать тамъ съ нѣмцами и другими иноземцами, для которыхъ разставлялись длинные столы. Отъ этого Сокольничья роща и называлась долгое время «Нѣмецкіе столы», и въ мое время говаривали еще: гулянье въ «Нѣмецкихъ столахъ», то есть, въ Сокольникахъ. Туда очень много ѣзжало и порядочнаго общества, и такъ какъ ѣзжали многіе цугомъ и въ золоченыхъ каретахъ, лошади въ перьяхъ, то гулянья бывали самыя нарядныя, совсѣмъ не то, что̀ послѣ того. Нѣкоторые знатные люди посылали туда съ утра въ свои палатки поваровъ; пригласятъ гостей, обѣдаютъ въ одной палаткѣ, а потомъ пойдутъ въ другую сидѣть и смотрѣть на тѣхъ, которые кружатся по рощѣ въ каретахъ. Вотъ такъ, конечно, можетъ статься, и не скучно, а ѣздить битые два-три часа въ каретѣ—скука одолѣетъ... Дачъ въ Сокольникахъ въ прежнее время не было; только за Краснымъ Селомъ (куда потомъ пе-

---

[1]) Нынѣ Люблино принадлежитъ купцамъ Голофтѣеву и Рахманину; туда перевезена деревянная церковь, бывшая въ Москвѣ на политехнической выставкѣ въ 1872 году.

ревели отъ Пречистенскихъ воротъ Алексѣевскій дѣвичій монастырь) былъ загородный домъ, съ большимъ стариннымъ садомъ, очень богатаго человѣка, нѣкоего господина Яковлева, по имени назвать не умѣю, но только изъ настоящихъ, древнихъ Яковлевыхъ (которые отъ того же племени, отъ кораго были и Захарьины). Не знаю, существуетъ ли этотъ загородный Яковлевскій домъ?

Тамъ же, неподалеку, гдѣ-то была дача и у графа Растопчина, и онъ тамъ живалъ въ лѣтнее время; но своя ли была эта дача или генералъ-губернаторская, казенная, этого не знаю.

Гулянье въ Семикъ бывало очень большое въ Марьиной рощѣ, за Крестовскою заставой, не доѣзжая Останкина [1]), принадлежащаго графу Шереметеву; въ особенности же, если гулянье 1-го мая отъ дурной погоды не бывало или не удалось, то въ Семикъ въ Марьиной рощѣ народа бывало премножество и катались въ каретахъ.

Въ Духовъ день гулянье во дворцовомъ саду, въ Лефортовѣ, больше для купечества и для Замоскворѣчья. Въ саду гулянье было для пѣшихъ, и щеголихи съ Ордынки и Богъ вѣсть откуда являлись пренарядныя, въ бархатахъ и атласахъ, съ перьями, цвѣтами, въ жемчугахъ и брилліантахъ. Такъ какъ это ужасная даль отъ той стороны Москвы, гдѣ мы живали, то мнѣ и пришлось всего только одинъ разъ тамъ побывать. Я думаю и потому туда мало господъ ѣздило, что гулянье это лѣтомъ, когда уже многіе по деревнямъ разъѣдутся, а купечество всегда живало въ своихъ домахъ въ городѣ, а не по дачамъ, какъ теперь. Бывали еще гулянья въ нѣкоторые храмовые праздники около монастырей на площадяхъ, и тутъ ярмарки, качели и народное гульбище. Такъ, въ Рождество Богородицы—предъ Рождественскимъ монастыремъ, на площади; въ Ивановъ день, Ивана постнаго, 29-го августа, за Солянкой, у бывшаго Ивановскаго монастыря, ярмарка и гулянье; въ Ильинъ день, у Иліи пророка, на Воронцовомъ полѣ — и во многихъ другихъ мѣстахъ.

---

[1]) Останкино принадлежало прежде князю Черкасскому, который тамъ и выстроилъ прекрасную церковь, и поступила въ приданое его дочери, княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, вышедшей за графа Петра Борисовича Шереметева.

Прекрасное гулянье было въ Лазареву субботу, на Красной площади въ Кремлѣ. По Волхонкѣ, мимо Василія Блаженнаго къ Иверскимъ воротамъ, кареты тянутся бывало на нѣсколько верстъ; ѣдешь, ѣдешь — конца нѣтъ. Вдоль кремлевской стѣны, напротивъ гостиныхъ рядовъ, разставлены палатки и столы, въ родѣ ярмарки; торговали вербами, дѣтскими игрушками и краснымъ товаромъ. Это было больше дѣтское гулянье. Потомъ Кремлемъ не велѣно было ѣздить, по причинѣ воротъ, — происходили замѣшательства.

Другое гулянье, въ день Прохора и Никанора, на Дѣвичьемъ полѣ: ярмарка, качели и катанье въ экипажахъ по Пречистенкѣ, иногда по Арбату и до Кремля. Также и на Святой недѣлѣ, въ пятницу, бывало большое гулянье изъ Подновинскаго по Пречистенкѣ, на Арбатъ, по Поварской и опять къ Подновинскому. Когда, послѣ французовъ, мы опять выстроили свой домъ на Пречистенкѣ, то въ пятницу на Святой недѣлѣ къ намъ съѣдутся, бывало, наши знакомые обѣдать, а послѣ и сидимъ всѣ у оконъ и смотримъ, какъ катаются въ экипажахъ.

Петровскаго парка въ прежнее время не было. Было, въ семи верстахъ отъ Москвы, за Тверской заставой, село Всесвятское. При императрицахъ Аннѣ и Елизаветѣ Петровнѣ и до временъ Екатерины, тамъ былъ подхожій станъ и деревянный дворецъ, въ которомъ эти императрицы обыкновенно и останавливались до своего въѣзда въ Москву предъ коронованіемъ.

Въ селѣ Всесвятскомъ былъ, говорятъ, обширный садъ и въ день всѣхъ святыхъ большое гулянье; потомъ Всесвятское было пожаловано императрицею Екатериною Грузинскому царевичу, а также и Прѣсненскіе пруды, за которыми была церковь Георгія въ Грузинахъ, и я еще застала деревянный дворецъ грузинскихъ царевичей, съ большимъ садомъ. До французовъ въ Грузинахъ было множество домовъ, принадлежавшихъ князьямъ и дворянамъ, выѣхавшимъ изъ Грузіи.

По разсказамъ старожиловъ, при императрицѣ Екатеринѣ былъ большой праздникъ, который для нея устраивалъ графъ Румянцевъ, по случаю заключенія мира съ турками. Это было въ скорости послѣ казни Пугачева.

Праздникъ этотъ былъ устроенъ на Ходынскомъ полѣ съ

большими затѣями: построены были разныя крѣпости и города съ турецкими названіями: гдѣ былъ театръ, гдѣ зала для обѣда, другая бальная, разныя бесѣдки и галлереи. Торжество начиналось съ утра и продолжалось весь день до поздней ночи, нѣсколько дней сряду, съ недѣлю, что ли. Всѣ постройки были сдѣланы на турецкій ладъ, съ разными вычурами: башни, каланчи и высокіе столбы, какъ при мечетяхъ, и чего-чего, говорятъ, не было. Были построены тріумфальныя ворота, и графъ Румянцевъ имѣлъ торжественный въѣздъ на золотой колесницѣ, на подобіе римскихъ. Тутъ были на полѣ ярмарки, базары на восточный манеръ, кофейные дома, даровой обѣдъ и угощеніе кому угодно, театральныя представленія [1]), канатные плясуны. Мѣста для зрителей были устроены на подмостьяхъ, въ видѣ кораблей съ мачтами, съ парусами; и это въ разныхъ мѣстахъ, которыя названы именами морей: гдѣ Черное, гдѣ Азовское и т. п. Императрица и великій князь съ супругой каждый день бывали и подолгу оставались на этомъ праздникѣ.

Тутъ, говорятъ, государыня облюбовала мѣсто и приказала строить для себя новый загородный дворецъ, который и былъ послѣ того названъ Петровскимъ, потому что мѣсто, на которомъ его поставили, было прежде во владѣніи Петровскаго московскаго монастыря. Дворецъ выстроенъ на подобіе зàмка, въ видѣ кружала, со многими башнями, и съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался подгороднымъ подхожимъ станомъ, и предъ коронованіемъ, начиная съ императора Павла, всѣ государи тамъ останавливаются и живутъ до торжественнаго въѣзда въ столицу. Парка такого, какой теперь, прежде не было, а были рощи и пустыри. Самыя давнишнія дачи, какія я тамъ запомню, были: Апраксинская, княгини Волконской, князя Михаила Петровича Голицына и одной очень богатой женщины, по имени Лобковой. Потомъ, когда послѣ первой холеры въ 1832 и 1833 годахъ, стали разводить паркъ въ томъ видѣ, какъ онъ теперь, тамъ были дачи у Настасьи Николаевны Хитровой, у княгини Натальи Сергѣевны Трубецкой. Стали раздавать отъ казны земли, кто желалъ, и по пяти тысячъ рублей

[1]) Нѣчто въ родѣ рыцарскаго турнира, на которомъ сражались благородныя дѣвицы.

на обстройку. Тогда сестра, Анна Николаевна Неклюдова, взяла себѣ участокъ на самомъ шоссе, Озеровъ, Семенъ Николаевичъ, Иванъ Александровичъ Нарышкинъ и очень многіе, и сдѣлалось моднымъ имѣть дачу въ Петровскомъ. Устройство парка препоручено Александру Александровичу Башилову, сенатору, начальнику московской комиссіи строеній и любимцу великаго князя Михаила Павловича. Башиловъ устроилъ ресторацію и сдалъ ее французу. Чтобъ еще болѣе оживить Петровское, тамъ построили деревянный театръ и поручили Башилову выстроить вокзалъ, не подалеку отъ дворца, и было ему выдано отъ казны 150.000 рублей ассигнаціями; это было въ 1836 или 1837 годахъ. Тутъ и стали всѣ, кто только могъ, покупать и строить себѣ дачи въ паркѣ, и начались гулянья по воскресеньямъ и по праздникамъ, театры и балы въ вокзалѣ.

Башиловъ былъ премилый и прелюбезный человѣкъ. Я встрѣчала его еще молодымъ человѣкомъ у Апраксиныхъ и у Голицыныхъ, то-есть, у князя Дмитрія Владиміровича и у княгини Татьяны Васильевны, когда они живали у насъ по сосѣдству, въ Рождествинѣ. Онъ былъ превеселаго характера, большой шутникъ, но безъ примѣси злословія, пріятный собесѣдникъ и душа общества.

Не знаю, когда онъ умеръ, но съ его смертію, говорятъ, и Петровскій паркъ сталъ-было приходить въ упадокъ [1]).

Прежде чѣмъ возникъ Петровскій паркъ, въ модѣ было Нескучное, принадлежавшее въ прежнее время графу Орлову, а послѣ него его дочери, графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ. Рядомъ была дача князя Дмитрія Владиміровича Голицына, а за его дачей — дача князя Шаховского. Когда покойный государь

---

[1]) Когда начали разводить Петровскій паркъ, я былъ еще такъ малъ, что этого не помню, но съ 1838 года я тамъ бывалъ. Предъ вокзаломъ, на лугу, были устроены дѣтскія игры: качели, коньки, бильбоке и т. п., и мнѣ случалось не разъ тамъ играть. Будучи молодымъ человѣкомъ, я бывалъ нерѣдко въ вокзалѣ и въ театрѣ, гдѣ разъ или два въ недѣлю играли французскіе актеры тогда бывшей въ Москвѣ постоянной труппы, а по воскресеньямъ бывалъ русскій спектакль. Мимо вокзала было гулянье въ экипажахъ и много гуляющихъ пѣшкомъ. Пока былъ живъ Башиловъ, паркъ процвѣталъ, и это продолжалось болѣе пятнадцати лѣтъ. Послѣ вокзалъ началъ ветшать и въ пятидесятыхъ годахъ пришелъ въ упадокъ.

Внукъ.

Николай Павловичъ купилъ Нескучное у графини Орловой за 800.000 ассигнаціями, Голицынъ купилъ участокъ у Шаховского и просилъ государя принять отъ него въ даръ обѣ дачи, и такимъ образомъ Нескучное, названное Александріей, очень расширилось.

Александровскій дворецъ—это тотъ самый домъ, въ которомъ живалъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, давалъ праздники и пиршества для забавы своей единственной дочери и для утѣшенія всей Москвы, въ началѣ восьмисотыхъ годовъ. Домъ такъ и остался въ томъ видѣ, какъ былъ; конечно, его приспособили къ царскому обиходу.

Въ Нескучномъ долгое время былъ воздушный театръ, то есть, прекрасная крытая галлерея полукружіемъ, а самую сцену приспособили такъ, что деревья и кусты замѣняли декораціи. Не могу сказать, былъ ли этотъ амфитеатръ остатокъ Орловскаго великолѣпія, или нарочно былъ выстроенъ отъ дирекціи театровъ для забавы московской публики; только два раза въ недѣлю, въ воскресенье да еще въ какой-то день, тамъ бывали представленія, и зрителей собиралось довольно. Въ эти дни бывало гулянье, а послѣ театра очень часто пускали фейерверкъ. Когда устроили Петровскій паркъ и тамъ выстроили театръ, а въ Нескучномъ бывшій сталъ ветшать, то его упразднили; начали ѣздить больше въ паркъ, и Нескучное пришло въ забвеніе.

Точно также было время, когда посѣщали дачу князя Гагарина за Трехгорною заставой, то, что̀ теперь называется Студенецъ, а тогда называли Гагаринскіе пруды [1]). Туда тоже съѣзжались на гулянье, были разныя забавы: ходили по канатамъ, представляли разные фокусы, играла музыка, были пѣсельники, пускали фейерверки. Но этого въ мое время уже не было, а было въ царствованіе императрицы Елизаветы.

Лѣтомъ обыкновенно всѣ дворяне живали у себя по

---

[1]) По всей вѣроятности, владѣльцемъ Студенца былъ или князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ, казненный при Петрѣ († 17 іюля 1721 г.), или сынъ его Алексѣй Матвѣевичъ; въ послѣдствіи дача эта принадлежала графу Ѳедору Андреевичу Толстому, отъ него перешла къ его дочери гр. А. Ѳ. Закревской и долгое время называлась дача Закревскаго. Графъ Закревскій пожертвовалъ ее въ казну, и съ тѣхъ поръ тамъ помѣщается Общество любителей садоводства.

имѣньямъ, конечно, исключая тѣхъ, которые, будучи пр дворѣ или по службѣ, не могли отлучиться изъ города, и потому у многихъ богатыхъ баръ были не дачи, а загородные дома въ отдаленныхъ частяхъ Москвы, вошедшихъ потомъ въ составъ города. По близости отъ Кремля всего болѣе избирали мѣста на Дѣвичьемъ Полѣ, около Хамовниковъ, у Крымскаго Брода. Такъ, по лѣвую руку Дѣвичьяго Поля, ѣдучи къ монастырю, былъ загородный домъ князя Голицына, потомъ перешедшій по наслѣдству къ князю Долгорукову, женатому на его воспитанницѣ Де-Лициной; теперь это домъ Олъсуфьевыхъ, съ прекраснымъ и обширнымъ садомъ, съ оранжереями, совершенно сельская барская усадьба; подальше былъ домъ князя Трубецкого, тоже съ большимъ садомъ и рощей, и подалѣе, рядомъ съ церковью, еще чья-то дача, теперь князя Вадбольскаго. На Воробьевыхъ Горахъ былъ потѣшный деревянный дворецъ, тотъ самый, который во время праздника, устроеннаго графомъ Румянцевымъ, находился на Ходынскомъ полѣ. Этотъ дворецъ поставленъ былъ на каменныхъ подклѣтяхъ, остававшихся отъ прежнихъ царскихъ теремовъ. Кругомъ былъ большой садъ и аллеи.

По правой сторонѣ Дѣвичьяго Поля, у Саввы Освященнаго, въ переулкѣ, былъ загородный домъ и у моего свекра Янькова: садъ спускался къ Москвѣ-рѣкѣ, домъ былъ деревянный, просторный, но одноэтажный. Я его уже не застала: онъ былъ проданъ до моего замужества. Немного подалѣе былъ домъ князя Мих. Ив. Долгорукова на Пометномъ Вражкѣ, съ очень большимъ мѣстомъ, частію подъ палисадникомъ, частію подъ пустырями, и я думаю, что Долгоруковы болѣе ста лѣтъ владѣли этимъ загороднымъ дворомъ. По этой же сторонѣ былъ домъ Прозоровскаго, и такъ вплоть до Зубова все загородные дворы.

У Крымскаго Брода — загородный дворъ графа Орлова, брата Алексѣя Григорьевича. За Крымскимъ Бродомъ — дача Голицына (Голицынская больница), а село Васильевское, бывшее въ послѣднее время за графомъ Мамоновымъ, находилось прежде во владѣніи извѣстнаго князя Долгорукова-Крымскаго.

Почти во всѣхъ концахъ Москвы, у заставы или по бли-

зости отъ города, были эти загородные дворы знатныхъ господъ. У Демидова за Покровкой, у Никиты Мученика; у графа Разумовскаго еще дальше, къ Гороховому Полю, былъ совершенный дворецъ, и во время коронаціи императора Николая тамъ жительствовала, кажется, вдовствующая императрица, а великая княгиня Елена Павловна жила въ Кусковѣ.

Словомъ сказать, вся Москва была окружена загородными дворцами и подгородными помѣстьями, а теперь едва ли и двадцатая часть уцѣлѣла и находится еще въ рукахъ дворянъ, ужь я и не говорю, чтобы въ рукахъ потомковъ прежнихъ владѣльцевъ: что̀ перешло въ казну подъ разныя заведенія, что̀ куплено богатымъ купечествомъ.

VI.

Дворянское Собраніе въ наше время было вполнѣ дворянскимъ, потому что старшины зорко смотрѣли за тѣмъ, чтобы не было какой примѣси, и члены, привозившіе съ собою посѣтителей и посѣтительницъ, должны были отвѣчать за нихъ и не только ручаться, что привезенные ими точно дворяне и дворянки, но и отвѣчать, что привезенные ими не сдѣлаютъ ничего предосудительнаго, и это подъ опасеніемъ попасть на черную доску и чрезъ то навсегда лишиться права бывать въ Собраніи. Купечество съ ихъ женами и дочерьми, и то только почетное, было допускаемо въ видѣ исключенія, какъ зрители, въ какіе-нибудь торжественные дни или во время царскихъ пріѣздовъ, но не смѣшивалось съ дворянствомъ: стой себѣ за колоннами да смотри издали. Домъ Благороднаго Собранія былъ издавна на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь, только сперва этотъ домъ былъ частный, принадлежалъ князю Долгорукову [1]). Основателемъ Собранія былъ Соймоновъ, человѣкъ очень почтенный и чиновный, къ которому благоволила императрица Екатерина; онъ имѣлъ и голубую (Андреевскую) ленту и въ день коронаціи императора Павла получилъ гдѣ-то значительное помѣстье. Жена его была сама по себѣ Исленьева. Вотъ этотъ Соймоновъ-то и вздумалъ учредить Собраніе для

[1]) Долгорукову-Крымскому.

дворянства, и лично ли, или чрезъ кого изъ приближенныхъ входилъ о томъ съ докладомъ къ государынѣ, которая дала свою аппробацію и въ послѣдствіи приказала даже пріобрѣсти домъ въ казну и пожаловала его московскому дворянству. Домъ былъ несравненно тѣснѣе, чѣмъ теперь.

Я помню, по разсказамъ, что покойная матушка ѣзжала на куртаги, которые были учреждены въ Москвѣ: барыни собирались съ работами, а барышни танцовали; мужчины и старухи играли въ карты, и по желанію императрицы, для того, чтобы не было роскоши въ туалетахъ, для дамъ были придуманы мундирныя платья по губерніямъ, и какой губерніи былъ мужъ, такого цвѣта и платье у жены. У матушки было платье: юпка была атласная, а сверху въ родѣ казакина или сюртучка довольно длиннаго, изъ стамеди стальнаго цвѣта, съ красною шелковою оторочкой и на красной подкладкѣ. Императрица пріѣхала въ Москву, въ кототомъ это было году—не знаю, но думаю, что до 1780 года зимой, и пожаловала сама на куртагъ; тогда и матушка ѣздила... Намѣреніе-то было хорошее, хотѣли удешевить для барынь туалеты, да только на дѣлѣ вышло иначе: всѣ стали шить себѣ мундирныя платья, и матеріи очень дешевыя, преплохой доброты, ужасно вздорожали и дешевое вышло очень дорогимъ. Такъ зимы съ двѣ поносили мундирныя эти платья и перестали. Такъ какъ батюшка былъ владѣльцемъ въ Калужской губерніи, гдѣ былъ и предводителемъ, и въ Тульской губерніи, то у матушки и было два мундира — одинъ стальнаго цвѣта, а другой, помнится, лазоревый съ краснымъ.

Собранія въ наше время начинались съ 24-го ноября, со дня именинъ императрицы, и когда день ея рожденія, 21-го апрѣля, приходился не въ постъ, то этимъ днемъ и оканчивались собранія. Съѣзжались обыкновенно въ 6 часовъ, потому что обѣдали рано; стало-быть, 6 часовъ—это былъ уже вечеръ, и въ 12 часовъ всѣ разъѣзжались по домамъ. Танцующихъ бывало немного, потому что менуэтъ былъ танецъ премудреный: поминутно то и дѣло, что или присядь, или поклонись, и то осторожно, а иначе, пожалуй, или съ кѣмъ-нибудь лбомъ стукнешься, или толкнешь въ спину; мало этого, береги свой хвостъ, чтобъ его не оборвали, и смотри, чтобы самой не попасть въ чужой хвостъ и не запутаться. Танцо-

вали только умѣвшіе хорошо танцовать, и почти на перечетъ знали, кто хорошо танцуетъ... Вотъ и слышишь: «Пойдемте смотрѣть—танцуетъ такая-то—Бутурлина, что ли, или тамъ какая-нибудь Трубецкая съ такимъ-то. И потянутся изо всѣхъ концовъ залы, и обступятъ кругъ танцующихъ, и смотрятъ какъ на диковинку, какъ дама присѣдаетъ, а кавалеръ низко кланяется.

Тогда и въ танцахъ было много учтивости и уваженія къ дамамъ.

Вальса тогда еще не знали, и въ первое время, какъ онъ сталъ входить въ моду, его считали неблагопристойнымъ танцемъ: какъ это—обхватить даму за талію и кружить ее по залѣ...

Одно время Собраніе помѣщалось въ домѣ бабушки Аграфены Ѳедотовны Татищевой, возлѣ Пашковскаго дома на Моховой, потому что домъ Собранія передѣлывался, и хотя зала была очень не велика, но въ ней кое-какъ тѣснились.

Собраніе въ томъ видѣ, какъ оно было потомъ, устроили въ 1811 году; его передѣлали, расширили и расписали. Очень всѣмъ не нравилось, что на потолкѣ въ залѣ представленъ былъ орелъ съ распущенными крыльями, окруженный темносинею тучей, изъ которой зигзагами выходитъ молнія. Многіе тогда видѣли въ этомъ дурное предзнаменованіе, которое и сбылось, и императору Александру Павловичу, посѣтившему тогда Собраніе, должно-быть, это не очень полюбилось, потому что онъ, взглянувъ на потолокъ, спросилъ: «Это что же такое?» и, говорятъ, нахмурилъ брови. Онъ былъ довольно суевѣренъ и имѣлъ много примѣтъ... Въ 1812 году домъ Собранія обгорѣлъ, его должны были отдѣлать вновь, а денегъ у дворянства не было; тогда государь и пожаловалъ на обновленіе болѣе ста тысячъ.

Благородное Собраніе было очень посѣщаемо, и дамскіе туалеты всегда очень хороши и несравненно богаче, чѣмъ теперь, потому что замужнія женщины носили матеріи, затканныя серебромъ, золотомъ, и цѣльныя глазетныя. Мужчины тоже долгое время до воцаренія императора Александра продолжали носить французскіе кафтаны различныхъ цвѣтовъ, довольно яркихъ иногда,—атласные, объяринные, гродетуровые и бархатные, шитые шелками, блестками и серебромъ, и

золотомъ; всегда шелковые чулки и башмаки: явиться въ сапогахъ на балъ никто и не посмѣлъ бы,—что̀ за невѣжество! Только военные имѣли ботфорты, а статскіе всѣ носили башмаки, на всѣхъ порядочныхъ людяхъ хорошія кружева, — это много придавало щеголеватости. Кромѣ того, пудра очень всѣхъ красила, а женщины и дѣвицы вдобавокъ еще румялись, стало-быть, зеленыхъ и желтыхъ лицъ и не бывало.

Съ утра мы румянились слегка, не то, что скрывали, а для того, чтобы не слишкомъ было красно лицо; но вечеромъ, предъ баломъ въ особенности, нужно было побольше нарумяниться. Нѣкоторыя дѣвицы сурмили себѣ брови и бѣлились, но это не было одобряемо въ порядочномъ обществѣ, а обтирать себѣ лицо и шею пудрой—считалось необходимымъ.

При императорѣ Павлѣ никто не смѣлъ и подумать о томъ, чтобы безъ пудры носить волосы или надѣть то уродливое платье, которое тогда уже начинали носить во Франціи. Сказывали, что кто-то попался ему въ Петербургѣ въ новомодномъ платьѣ. Государь ѣхалъ, приказалъ остановиться и подозвалъ модника. У того отъ страха и ноги не идутъ, вѣрно почуялъ, въ чемъ дѣло. Государь приказалъ ему повернуться, осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, и такъ какъ былъ въ веселомъ расположеніи духа, то расхохотался и сказалъ своему адъютанту: «Смотри, какое чучело!»

Потомъ спросилъ франта: «Что̀ ты—русскій?» — «Точно такъ, ваше в—во», отвѣчаетъ тотъ, ни живъ, ни мертвъ...

— Русскій—и носишь такую дрянь: да ты знаешь ли, что̀ на тебѣ? Республиканское платье!.. Пошелъ домой и чтобъ этого платья и слѣдовъ не было, слышишь... а то я тебя въ казенное платье одѣну—понялъ?..

А въ другой разъ велѣлъ кого-то посадить на гауптвахту.

При Павлѣ всѣ ухо востро держали. Пудру перестали носить послѣ коронаціи Александра, когда отмѣнили пудру для солдатъ, что̀ было очень хорошо: гдѣ же солдату завиваться и пудриться? А съ пудрою вмѣстѣ, конечно, и французскій кафтанъ попалъ въ отставку.

Когда молодой государь пересталъ употреблять пудру и остригъ волосы, конечно, глядя на него, и другіе сдѣлали то же. Однако, многіе знатные старики гнушались новою модой и

до тридцатыхъ еще годовъ продолжали пудриться и носили французскіе кафтаны. Такъ, я помню, нѣкоторые до смерти оставались вѣрны своимъ привычкамъ: князь Куракинъ, князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, князь Лобановъ, Лунинъ и еще другіе, умершіе въ тридцатыхъ годахъ, являлись на балы и ко двору, одѣтые по модѣ Екатерининскихъ временъ: въ пудрѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, а которые съ красными каблуками.

Теперь многіе даже и не поймутъ, что̀ такое красные каблуки (les talons rouges). Не все ли де равно, что̀ красные, что̀ черные,—это одна только мода. Можетъ быть, кто и не зная нашивалъ красные каблуки, но, конечно, не таковы были Юсуповъ, Куракинъ и подобные имъ. Они понимали значеніе и потому-то и продолжали, вопреки модѣ, одѣваться и обуваться по-своему.

Красные каблуки означали знатное происхожденіе; эту моду переняли мы, разумѣется, у французовъ, какъ и всякую другую; тамъ, при версальскомъ дворѣ, при которомъ-то изъ ихъ настоящихъ послѣднихъ трехъ королей, вошло въ обычай для высшаго дворянства (la haute noblesse) ходить на красныхъ каблукахъ. Это очень смѣшное доказательство знатности переняли и мы, и хотя сперва надъ этимъ и посмѣивались и критиковали, однако, эту моду полюбили и у насъ, въ особенности знатные царедворцы: развѣ имъ можно не отличиться отъ простого люда? Княжна Прасковья Михайловна Долгорукова до старости своей все ходила на красныхъ каблукахъ и продолжала ѣздить въ двумѣстной каретѣ, которая имѣла видъ вѣера (en forme d'éventail). Княжна была, я думаю, самая послѣдняя въ Москвѣ старожилка, которая, имѣя отъ роду почти девяносто лѣтъ (она умерла въ 1844 году), все еще одѣвалась какъ при императрицѣ Екатеринѣ II.

Батюшка до кончины своей носилъ французскій кафтанъ синяго цвѣта, всегда бѣлое жабо, бѣлый пикейный камзолъ, чулки и башмаки. Онъ носилъ парикъ и пудрился, и только за годъ до смерти снялъ парикъ и сталъ сѣдымъ старичкомъ. Давно уже всѣ перестали пудриться, и я стала носить чепецъ изъ тюля, а Дмитрій Александровичъ все ходилъ съ пучкомъ и слегка пудрился; братья мои Корсаковы и двоюродные братья Волконскіе надъ нимъ трунили. Онъ все еще

крѣпился, наконецъ, въ тамбовской деревнѣ онъ, однажды, приходитъ ко мнѣ и несетъ что̀-то такое въ рукѣ и говоритъ:

— Посмотри-ка, Елизавета Петровна, что̀ я тебѣ принесъ, угадай.

Я была близорука смолоду и не вдругъ разглядѣла, потомъ вижу, онъ держитъ отрѣзанную свою косу!

Безобразіе тѣхъ чепцовъ и шляпъ, которые пошли послѣ двѣнадцатаго года, себѣ нельзя представить, и однако, всѣ это носили; говорили, что мода уродливая, а слѣдовали ей. Платья были самыя некрасивыя: очень узенькія, поясъ подъ мышками, спереди нога видна по щиколотку, а сзади у платья хвостъ. Потомъ платья совсѣмъ окургузили и вся нога стала видна, а на головѣ начали носить какіе-то картузы. Много я видала этихъ дурачествъ; застала фижмы, les paniers: носили подъ юбками нѣчто въ родѣ кринолина, мушки, и пережила отвратительныя моды 1800 и 1815 годовъ, когда всѣ подражали французамъ, а французы старались на свой ладъ переиначить одежды римлянъ, туники, то есть, съ позволенія сказать, чуть не просто рубашки. Разумѣется, порядочные люди не доходили до такихъ крайностей, держались средины, а все же дурачились.

VII.

Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ былъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ вельможъ, когда-либо жившихъ въ Москвѣ, одинъ изъ послѣднихъ старожиловъ Екатерининскаго двора и вельможа въ полномъ смыслѣ. Прадѣдъ его былъ знатный мурза татарскаго происхожденія, принявшій православіе. Отецъ, Борисъ Григорьевичъ, былъ женатъ на Зиновьевой и при Елизаветѣ Петровнѣ былъ важнымъ сановникомъ [1]), но въ особенности выдвинуло молодаго Юсупова впередъ расположеніе, которымъ онъ нѣкоторое время пользовался при императрицѣ Екатеринѣ. Говорятъ, у него была даже прекрасная картина, на которой, подъ видомъ миѳологическихъ изображеній Венеры и Аполлона, были представлены Екате-

[1]) Князь Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ, тайный совѣтникъ, былъ съ 1736 по 1741 годъ московскимъ губернаторомъ; въ 1742 году назначенъ президентомъ коммерцъ-коллегіи.

рина и онъ самъ, смолоду весьма красивый. Эта картина была въ его спальнѣ. Императоръ Павелъ зналъ про эту картину и при восшествіи своемъ на престолъ приказалъ ее убрать, но моему двоюродному брату, графу Петру Степановичу Толстому, служившему при князѣ Николаѣ Борисовичѣ, довелось не разъ ее видѣть. Такъ какъ Юсуповъ былъ восточнаго происхожденія, то и не мудрено, что былъ онъ великій женолюбецъ: у него въ деревенскомъ его домѣ была одна комната, гдѣ находилось, говорятъ, собраніе трехсотъ портретовъ всѣхъ тѣхъ красавицъ, благорасположеніемъ которыхъ онъ пользовался.

Жена князя Юсупова была родная племянница свѣтлѣйшаго князя Потемкина, Татьяна Васильевна, урожденная Энгельгардтъ, дочь сестры Потемкина; въ первомъ бракѣ была за своимъ родственникомъ Потемкинымъ, и овдовѣвъ, вышла за князя Юсупова. У нихъ былъ только одинъ сынъ. Супруги не очень ладили и хотя не были въ ссорѣ, но разъѣхались и вмѣстѣ не жили: князь умеръ въ тридцатомъ или тридцать первомъ году, а жена его лѣтъ десять спустя. Онъ хотѣлъ, чтобъ его схоронили въ небольшомъ его имѣньицѣ— въ селѣ Котовѣ, которое у него было верстахъ въ двадцати отъ Москвы, по Рогачевкѣ, немного въ сторону. Это была родовая вотчина, гдѣ погребенъ и отецъ его. У князя Николая Борисовича было нѣсколько сестеръ; одна изъ нихъ, говорятъ, была ослѣпительной красоты, она вышла замужъ за курляндскаго герцога Петра Бирона (сына извѣстнаго злодѣя, свирѣпствовавшаго при Аннѣ), и послѣ двухъ-трехъ лѣтъ замужества умерла въ очень молодыхъ лѣтахъ. Послѣ смерти жены своей, Биронъ прислалъ на память Юсупову ея парадную постель и всю мебель изъ ея опочивальни: все серебряное, обивка голубая атласная; все это хранится въ селѣ Архангельскомъ. Другая княжна Юсупова была за княземъ Голицынымъ, Андреемъ Михайловичемъ, сыномъ фельдмаршала, имѣвшаго отъ двухъ женъ семерыхъ сыновей и десять дочерей; одна изъ нихъ была за графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ. Третья сестра Николая Борисовича Юсупова была за Измайловымъ, и дочь ея, Евдокія Михайловна, вышла за князя Сергія Михайловича Голицына, но тотчасъ же послѣ вѣнчанія отказалась изъ церкви ѣхать съ мужемъ, никогда съ нимъ не жила

вмѣстѣ и, постоянно живя въ чужихъ краяхъ, занималась науками и тамъ умерла въ концѣ сороковыхъ годовъ.

Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ былъ очень по своему времени образованный человѣкъ, получившій самое блестящее воспитаніе. Онъ былъ при Екатеринѣ II гдѣ-то [1]) посланникомъ и потому долгое время жилъ при иностранномъ дворѣ. Императоръ Павелъ, при своемъ короновaніи, пожаловалъ ему Андреевскую звѣзду и очень къ нему благоволилъ. При Александрѣ Павловичѣ онъ былъ не долго министромъ удѣловъ и въ большомъ почетѣ, а при императорѣ Николаѣ — начальникомъ Кремлевской экспедиціи, и подъ его вѣдѣніемъ перестраивался малый Николаевскій Кремлевскій дворецъ. Онъ имѣлъ всѣ россійскіе ордена, портретъ государя, алмазный шифръ, и когда не знали уже, чѣмъ его наградить, то была ему пожалована одна жемчужная эполета.

Князь Юсуповъ былъ очень привѣтливый и милый человѣкъ, безо всякой напыщенности и глупаго чванства, по которому тотчасъ узнаешь полувельможу, опасающагося уронить свое достоинство; съ дамами отмѣнно и изысканно вѣжливъ. Когда, бывало, въ знакомомъ ему домѣ встрѣтится ему на лѣстницѣ какая-нибудь дама, знаетъ ли онъ ее или нѣтъ, всегда низко поклонится и посторонится, чтобы дать ей пройти. Когда лѣтомъ онъ живалъ у себя въ Архангельскомъ и гулялъ въ саду, куда допускались всѣ желающіе гулять, онъ при встрѣчѣ непремѣнно раскланяется съ дамами, а ежели увидитъ хотя по имени ему извѣстныхъ, подойдетъ и скажетъ привѣтливое слово. Подчиненные его очень любили, и братъ Петръ Степановичъ (графъ Толстой) его всегда очень хвалилъ и говаривалъ, что съ нимъ очень легко быть и пріятно бесѣдовать. Вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна къ нему была очень благосклонна и на балахъ всегда танцовала, то-есть, ходила «польскій». При этомъ онъ снималъ обыкновенно съ правой руки перчатку и клалъ ее на два пальца (указательный и средній) и подавалъ ихъ императрицѣ, которая протянетъ ему тоже два пальца, и такъ они идутъ польскій, а чтобы къ императрицѣ не обращаться плечомъ, что̀, разумѣется, было бы непочтительно и невѣжливо,

[1]) Въ Туринѣ.

онъ какъ-то откинется назадъ и все идетъ бокомъ. Не знаю, посѣщала ли императрица Екатерина князя Юсупова въ его московскомъ старинномъ домѣ, у Харитонья въ Огородникахъ, (пожалованномъ его дѣду), но отецъ его принималъ въ этомъ домѣ императрицу Елизавету, а князь Николай Борисовичъ былъ не разъ удостоенъ высочайшихъ посѣщеній въ Архангельскомъ, гдѣ императрица Марія гащивала по нѣскольку дней, и въ саду есть памятники изъ мрамора съ надписями, когда и кто изъ высочайшихъ особъ тамъ бывалъ. Принимая царственныхъ своихъ гостей, Юсуповъ дѣлалъ праздники, и послѣдній, которымъ онъ заключилъ всѣ пиры своей долголѣтней жизни, былъ великолѣпный праздникъ, данный имъ послѣ коронованія покойнаго государя императора Николая. Тогда было много иностранныхъ пословъ, и всѣ дивились убранству дома, мѣстности,—потому что мѣстоположеніе Архангельскаго замѣчательно хорошо,—и великолѣпію пріема русскаго вельможи. Праздникъ этотъ былъ самый роскошный изо всѣхъ праздниковъ, которые тогда были; обѣдъ, театръ, балъ съ иллюминаціей во всемъ саду и великолѣпный фейерверкъ.

Князь Юсуповъ былъ весьма богатъ, любилъ роскошь, умѣлъ блеснуть, когда нужно и, будучи очень даже щедръ, былъ однако съ тѣмъ вмѣстѣ и весьма разсчетливъ.

Онъ не зналъ на память всѣхъ своихъ имѣній, потому что у него были почти во всѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ, и я слыхала, что у него слишкомъ сорокъ тысячъ душъ крестьянъ. Когда у него спрашивали: «что̀, князь, имѣете вы имѣніе въ такой-то губерніи и уѣздѣ?»--онъ отвѣчалъ: «не знаю, надо справиться въ памятной книжкѣ». Ему приносили памятную книжку, въ которой по губерніямъ и уѣздамъ были записаны всѣ его имѣнія, онъ справлялся и почти всегда оказывалось, что у него тамъ было имѣніе. Онъ былъ богатъ какъ по себѣ, такъ и по своей женѣ, которая, какъ всѣ племянницы Потемкина-Таврическаго, имѣла несмѣтное богатство [1]).

---

[1]) Сестра князя Григорія Александровича Таврическаго, Мароа Александровна, была замужемъ за Василіемъ Андреевичемъ Энгельгардтъ; у нихъ дѣти: сынъ и пять дочерей. По смерти князя Потемкина, имъ до-

Онъ очень любилъ картины, мраморы, бронзы и всякія дорогія и хорошія вещи, и собралъ у себя въ Архангельскомъ столько всякихъ цѣнныхъ рѣдкостей, что подобнаго собранія, говорятъ, ни у кого изъ частныхъ лицъ нѣтъ въ Россіи, развѣ только у Шереметева. По его милости разбогатѣли извѣстные въ Москвѣ мѣнялы: Шуховъ, Лухмановъ и Волковъ, которые всѣ начали торговать съ рублей и имѣли потомъ большіе капиталы и огромныя собранія. Въ Архангельскомъ есть очень большая библіотека, занимающая весь второй этажъ дома, нѣсколько большихъ комнатъ; говорятъ, тамъ, послѣ смерти князя, оказалось около тридцати тысячъ книгъ, все болѣе не русскія.

Многіе изъ иностранныхъ ученыхъ были съ Юсуповымъ въ перепискѣ; онъ дружески былъ знакомъ со старикомъ Вольтеромъ, не разъ бывалъ у него въ помѣстьи Ферне, находился съ нимъ въ перепискѣ и на память о немъ велѣлъ изваять точное его изображеніе и поставилъ у себя въ библіотекѣ.

Еще прежде, чѣмъ сдѣлаться посланникомъ, онъ въ молодости своей много путешествовалъ по Европѣ, что̀ тогда было очень рѣдко. Онъ любилъ вспоминать то время, когда, будучи во Франціи, онъ посѣтилъ версальскій дворъ и завѣтный Тріанонъ въ полномъ еще блескѣ. Онъ представлялся королю и прекрасной молодой женѣ его Маріи-Антуанетѣ, обворожившей его своимъ привѣтливымъ обхожденіемъ и, какъ гость, онъ не малое время прогостилъ въ Версалѣ и успѣлъ досыта насмотрѣться на все то, что̀ чрезъ нѣсколько лѣтъ уже не существовало.

Самъ вельможа, хотя и чужестранный, но воспитанный совершенно по-европейски, онъ всѣхъ удивлялъ своимъ умомъ, любезностію, познаніями и великолѣпіемъ, и между вельможами держалъ себя съ большимъ тактомъ и достоинствомъ. Онъ уѣзжалъ изъ Версаля, надѣясь и еще тамъ побывать, но

сталось все его наслѣдство, и говорятъ, что будто бы на долю каждой пришлось по восемнадцати милліоновъ, кромѣ недвижимыхъ имѣній и движимости, стоившей многихъ милліоновъ. Графиня Браницкая не знала въ точности своего капитала, но говаривала: «Мой капиталъ увеличился и я думаю, что у меня должно быть милліоновъ двадцать восемь или немного болѣе».

немного времени спустя и дворъ переѣхалъ въ Парижъ и начались смуты, окончившіяся революціей и смертію добродѣтельнаго короля и королевы.

Юсуповъ былъ въ Англіи, но она ему не полюбилась; ѣздилъ въ Испанію; въ Вѣнѣ представлялся Іосифу II и подолгу съ нимъ бесѣдовалъ объ его сестрѣ и о дворѣ версальскомъ.

Въ Берлинѣ онъ засталъ еще въ живыхъ старика Фридриха Великаго и неоднократно бывалъ у него, но король былъ уже ветхъ и видимо разрушался.

Вотъ что̀ Юсуповъ хранилъ въ своихъ воспоминаніяхъ; очень жаль, что не осталось писаннаго его дневника: много любопытнаго могъ бы передать этотъ вельможа, служившій болѣе шестидесяти лѣтъ при четырехъ государяхъ, видѣвшій три коронаціи, знавшій столькихъ иностранныхъ королей, вельможъ, принцевъ и знаменитостей, жившихъ въ теченіе болѣе полувѣка.

Послѣдніе годы своей жизни старичокъ Юсуповъ провелъ въ Москвѣ, и всѣ его очень уважали; за обходительность онъ былъ любимъ, и еслибъ онъ не былъ черезчуръ женолюбивъ, то можно было бы сказать, что онъ былъ истинно во всѣхъ отношеніяхъ примѣрный и добродѣтельный человѣкъ, но эта слабость ему много вредила во всеобщемъ мнѣніи. Впрочемъ, за это нельзя его судить слишкомъ строго, потому что онъ родился и былъ молодъ въ такое время, когда почти и сплошь да рядомъ всѣ вельможи такъ живали и, считая себѣ все дозволеннымъ, не очень-то строго наблюдали за своею нравственностью, не считая даже и предосудительнымъ, что не могли обуздать своихъ порочныхъ слабостей. То, что̀ они дѣлали хорошаго, да послужитъ имъ въ искупленіе за ихъ дурныя увлеченія.

Вотъ еще прекрасная черта его характера, доказывающая благородство его души: онъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ графомъ Растопчинымъ, но почему-то у нихъ вышла размолвка и они перестали нѣкоторое время видаться. Одинъ мѣняла, изъ ихъ общихъ знакомыхъ, желая подслужиться, вздумалъ Юсупову говорить дурно про Растопчина; онъ остановилъ злоязычника на первомъ словѣ: — «Вотъ что̀, мой любезный, я скажу тебѣ: хотя мы съ графомъ теперь и

не въ ладахъ, но я не потерплю, чтобы мнѣ кто-либо про него злословилъ, и я вполнѣ увѣренъ, что и онъ тоже этого не допуститъ; не теряй времени даромъ у меня, и если хочешь бранить его, ищи себѣ другого мѣста, а въ моемъ домѣ его нѣтъ для злоязычниковъ».

Насмотрѣвшись на спекуляцію Вольтера, который подъ старость сдѣлался торгашомъ, вздумалъ было и Юсуповъ пуститься въ аферы: завелъ у себя зеркальный заводъ, потому что въ ту пору зеркала были все больше привозныя и очень въ цѣнѣ; однако, эта спекуляція ему не удалась и онъ остался въ большомъ накладѣ. Видя, что князю не приходится торгашничать, онъ тотчасъ прекратилъ зеркальное свое производство. Мнѣ про Юсупова много разсказывалъ братъ Петръ Степановичъ, который у него бывалъ каждый день; онъ былъ ему очень преданъ, и когда онъ умеръ, имѣя слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ отъ рожденія, братъ провожалъ его тѣло въ подмосковное его имѣніе, гдѣ его схоронили въ особой каменной палаткѣ, пристроенной къ церкви, рядомъ съ его отцомъ.

По смерти старика Юсупова, сынъ его князь Борисъ Николаевичъ[1]) никогда не живалъ подолгу въ Архангельскомъ, и ни разу никто у него тамъ не выпилъ и чашки чаю. Онъ былъ очень скупъ и началъ было многое оттуда вывозить въ свой петербургскій домъ, но покойный государь Николай Павловичъ, помнившій, что̀ такое Архангельское, велѣлъ сказать князю, чтобъ онъ Архангельскаго не опустошалъ.

До Юсупова Архангельское принадлежало князю Николаю Алексѣевичу Голицыну, женатому на Марьѣ Адамовнѣ Олсуфьевой, которая и продала это имѣніе, смежное съ Никольскимъ, по сіе время оставшееся еще за Голицыными. За Архангельское просили съ чѣмъ-то сто тысячъ ассигнаціями— это было въ началѣ 1800-хъ годовъ. Тогда сестра моя Вяземская искала купить имѣніе; она ѣздила туда съ княземъ Ни-

---

[1]) Князь Борисъ Николаевичъ, гофмейстеръ, род. 9-го іюня 1794 года, скончался 25-го октября 1849 года. Первая его жена, княжна Прасковья Павловна Щербатова, род. 6-го іюля 1795 года, умерла 17-го октября 1820 года; вторая, Зинаида Ивановна Нарышкина, род. въ 1810 году; во второмъ бракѣ за иностранцемъ графомъ де-Шево; отъ перваго брака сынъ князь Николай Борисовичъ, род. 12-го октября 1827 года.

колаемъ Семеновичемъ осматривать, и они нашли, что имѣніе не дорого, но слишкомъ для нихъ великолѣпно, требуетъ большихъ расходовъ для поддержки и поэтому и не рѣшились купить, и купилъ его за сто тысячъ Юсуповъ, для котораго это была игрушка и забава, а Вяземскіе искали имѣнія посолиднѣе, для дохода; они купили вскорѣ послѣ того въ Веневскомъ уѣздѣ село Студенецъ, по раздѣлу доставшееся потомъ князю Андрею и перешедшее къ его дочери Лидіи Іорданъ.

Въ Архангельскомъ, говорятъ, однѣхъ картинъ было собрано болѣе чѣмъ на милліонъ рублей ассигнаціями, кромѣ всего прочаго рѣдкаго и цѣннаго.

Купивъ имѣніе за сто тысячъ, Юсуповъ продалъ много лѣсу и употребилъ, можетъ-быть, еще въ два раза столько же на постройки и украшенія дома и сада. Тамъ прекрасныя оранжереи, и между померанцевыми деревьями одно такое большое и толстое (купленное, кажется, послѣ Разумовскаго за три тысячи рублей ассигнаціями), что другого подобнаго нѣтъ въ Россіи, и только большіе два померанцевыя дерева, находящіяся въ версальской оранжереѣ, его превосходятъ [1]). Это дерево не столько высоко, сколько удивительно по своей толщинѣ и по обширности кроны. Въ прежніе годы всѣ померанцы выставлялись въ Архангельскомъ предъ домомъ на срединѣ двора, а этотъ всегда ставился въ срединѣ этой громадной клумбы; не знаю, продолжаютъ ли и до сихъ поръ такъ дѣлать.

Въ очень пространномъ саду въ Архангельскомъ много было мраморныхъ статуй и вазъ; неподалеку отъ дома есть особое зданіе — театръ, повидимому, помѣстительный, но внутри мнѣ не приходилось быть и потому ничего не могу о немъ сказать.

Въ саду есть домъ, называемый «Капризъ». Разсказываютъ,

---

[1]) Вѣроятно, эти два упоминаемыя дерева—извѣстные два версальскіе померанца: le Connetable и Montmorency; которое-то изъ нихъ было посажено сѣмечкомъ въ 1420 году, и слѣдовательно ему теперь почти 460 лѣтъ. Смутно помню я, что слышалъ отъ гр. Петра Степановича Толстого, что Юсуповъ купилъ всѣ померанцовыя деревья въ Люблинѣ и заплатилъ за всѣ 10.000 руб. ассигн., и въ томъ числѣ большое вышеупомянутое. Внукъ.

что въ то время, когда Архангельское принадлежало еще Голицынымъ, мужъ и жена поссорились, княгиня не захотѣла жить въ одномъ домѣ съ мужемъ и велѣла выстроить для себя особый домъ, который и назвала «Капризомъ». Особенность этого дома та, что онъ стоитъ на небольшой возвышенности, но для входа въ него нѣтъ крылецъ со ступенями, а только отлогая дорожка, идущая покатостью къ самому порогу дверей.

Мать княгини Марьи Адамовны Голицыной, Марья Васильевна, была дочь Василія Ѳедоровича Салтыкова, родного дяди дѣда моего, князя Николая Осиповича Щербатова, и слѣдовательно приходилась ему двоюродною сестрой, а Марья Адамовна, выходитъ, была матушкѣ внучатою сестрой. Она была гораздо ея моложе и скорѣе мнѣ, по своимъ лѣтамъ, была ровестницей, и я застала ее еще въ дѣвушкахъ. Мы считались родствомъ и были знакомы, но только не домами. Она любила жить весело и открыто и сдѣлала порядочную прорѣху мужниному кошельку. Мужъ ея умеръ до двѣнадцатаго года, а старшій изъ ея двухъ сыновей былъ убитъ подъ Бородинымъ; сама она умерла около 1820 года.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

I.

По возвращеніи нашемъ въ Москву, поживъ нѣкоторое время у Щербачева, мы стали пріискивать себѣ домъ для найма и, наконецъ, нашли подходящій намъ у Бориса и Глѣба, второй отъ угла Воздвиженки, на Никитскомъ бульварѣ [1]); мы наняли бель-этажъ, а братъ Владиміръ Волконскій — нижній. Дома очень вздорожали, и намъ пришлось платить 1.500 рублей ассигнаціями, что̀ было очень не дешево по тогдашнимъ цѣнамъ. Апраксины, которыхъ домъ тоже не мало пострадалъ отъ непріятеля, нанимали флигель Кокошкинскаго дома (ко-

[1]) Нынѣ этотъ домъ графини Комаровской.

торый на самомъ углу Воздвиженки, напротивъ церкви Бориса и Глѣба, что̀ на Стрѣлкѣ), а флигель по Воздвиженкѣ. Низъ былъ у нихъ въ помѣщеніи очень сыръ, такъ что по угламъ росли грибы, и они платили что-то дорого; но разбирать и привередничать не приходилось: радъ-радешенекъ былъ каждый, кто находилъ себѣ гдѣ пріютиться, въ особенности въ центрѣ города, гдѣ по большей части тогда живали дворяне.

Долго не могла я рѣшиться побывать на Пречистенкѣ и посмотрѣть на то мѣсто, гдѣ былъ нашъ домъ; наконецъ, я отправилась съ Дмитріемъ Александровичемъ: на углу переулка, называемаго Мертвымъ, гдѣ былъ домъ нашъ, увидала я совершенно пустое выгорѣлое мѣсто, и только въ углу двора на огородѣ схитилъ себѣ кое-какъ нашъ дворникъ, Игнатъ, маленькую лачужку изъ остатковъ дома и строеній. Очень грустно и обидно было видѣть, что домъ, въ которомъ мы не жили и года, сгорѣлъ до тла. Слава Богу, что мы-то всѣ уцѣлѣли, а эти потери, хотя и чувствительны и прискорбны, ну, да это дѣло нажитое, то и опять нажить можно и не слѣдуетъ черезчуръ дорожить этими стяжаніями. Не такія еще бѣды могли насъ постигнуть, и я готовилась на бо̀льшее...

Домъ нужно было опять строить и матеріалъ уже приготовлялся у насъ въ деревнѣ. Черезъ переулокъ отъ насъ, ниже къ Пречистенскимъ воротамъ, былъ домъ Архаровыхъ, напротивъ нихъ домъ Лопухина и далѣе еще большой домъ Всеволожскихъ; всѣ они сгорѣли. Рядомъ съ нашимъ домомъ, каменный домъ князя Хованскаго, домъ во дворѣ графини Елизаветы Ѳедоровны Орловой, урожденной Ртищевой, напротивъ насъ домъ князя Шаховского, большой домъ князя Долгорукова, домъ Охотникова и еще много другихъ домовъ по Пречистенкѣ, почти вплоть до самаго Зубова, гдѣ нынѣ бульваръ,—все это погорѣло. Домъ Хитровой, Настасьи Николаевны, однако, уцѣлѣлъ долгое время,—онъ одинъ-одинешенекъ стоялъ посреди обгорѣлыхъ развалинъ.

О Хитровыхъ я потомъ разскажу подробно, потому что издавна знала всю семью; Настасью Николаевну знала коротко, уважала и любила.

Всю зиму 1813—1814 года мы провели въ деревнѣ; послѣ разгрома пришлось намъ поприжаться; мы собирались опять строиться въ Москвѣ и хотѣлось намъ освятить одинъ изъ

придѣловъ нашей церкви, во имя святителя Димитрія. У насъ былъ свой живописецъ Григорій Озеровъ, который работалъ иконостасъ; непріятель намъ помѣшалъ, а теперь опять можно было приняться. У насъ даже было на умѣ, что Господь насъ за то и наказалъ, что мы себѣ домъ выстроили, а церковь все еще стояла недодѣланная, и рѣшили мы сперва хотя одинъ изъ придѣловъ отдѣлать, а между тѣмъ, хлопотать о домѣ.

Когда мы возвратились въ деревню послѣ французовъ и я увидѣла, что все уцѣлѣло, мнѣ все не вѣрилось и я не могла нарадоваться, что мы опять въ Горкахъ. Тогда я вспомнила предложеніе Михайлы Иванова: изъ московскаго дома побольше послать въ деревню,—еслибы Дмитрій Александровичъ не поупрямился, много бы хорошаго у насъ сбереглось.

Мы служили благодарственный молебенъ, что Господь привелъ насъ опять возвратиться цѣлыми и невредимыми. Всѣ дворовые люди собрались насъ встрѣчать, и въ воскресенье пришли изъ деревень и крестьяне къ обѣднѣ, а потомъ къ дому, и высказывали намъ радость свою, что опять насъ видятъ.

Няня Матрена, остававшаяся безъ насъ и жившая во время нашего отсутствія въ молочной комнатѣ при скотномъ дворѣ (управленіе которымъ было поручено отъ меня ей), намъ подробно разсказывала свои страхи и какъ она бѣгала и скрывалась въ лѣсу, услышавъ, что непріятель въ двѣнадцати верстахъ отъ насъ, въ селѣ Озерецкомъ.

У Матрены былъ мальчикъ по второму году, да грудной ребенокъ, и она съ ними ушла въ сторожку къ лѣснику и тамъ жила трое сутокъ. Вдругъ прошелъ слухъ, что французы ѣдутъ; она привязала мальчика себѣ на спину, взяла грудного ребенка, и съ мѣшкомъ, въ который наклала что̀ было подъ рукой для пропитанія, ушла въ лѣсъ и сутокъ двое бродила въ самой чащѣ. Лѣсникъ узналъ, что французовъ перебили мужики въ Озерецкомъ, и пошелъ выручать Матрену и свою жену тоже съ дѣтьми, чтобъ онѣ вернулись; сталъ ихъ окликать, а онѣ, думая, что непріятель, что̀ ни есть мочи идутъ дальше и дальше въ лѣсъ; измучились, наголодались, назяблись по ночамъ, потому что наступала уже осень, и когда все съѣстное у нихъ вышло, и сами голодныя, и дѣти просятъ ѣсть,—нечего дѣлать, пришли назадъ и узнали, что француза и не было ни въ селѣ, ни въ деревнѣ.

Но ежели французы избавили нашу мѣстность отъ своихъ посѣщеній, отряды казаковъ, подъ предлогомъ, что они розыскиваютъ, нѣтъ ли гдѣ непріятельскихъ шаекъ, всюду разъѣзжали и по селамъ справлялись, нѣтъ ли чего съѣдобного, а главное — нѣтъ ли хмѣльного. Они не позабыли и нашего села, лазили по подваламъ и погребамъ и, къ неописанному прискорбію нашей ключницы-старушки: «пріѣли все, все господское варенье, выпили все виноградное вино, и мало имъ было этого: и меды-то всѣ какіе оставались, и тѣхъ не оставили, да два окорока съ собою увезли».

Ключница Акулина Васильевна этимъ очень огорчилась и, разсказывая мнѣ, прибавила: «Ну, матушка, въ раззоръ раззорили, бездѣльники, ничего не оставили, кричатъ: подавай ключи, — не лучше непріятеля, только бы имъ ѣсть да бражничать. Легко ли, сударыня, сколько ихъ было: тридцать человѣкъ!»

Но этимъ посѣщеніемъ и ограничились, слава Богу, всѣ наши утраты въ подмосковномъ имѣніи, и по близости отъ насъ ни у кого изъ нашихъ знакомыхъ сосѣдей не были, кромѣ Головина, жившаго въ своемъ имѣніи, въ селѣ Деденевѣ-Ново-Спасскомъ. Они застигли его совершенно невзначай: это было въ простой день, онъ сидѣлъ и обѣдалъ съ женой и дѣтьми, взглянулъ въ окно и видитъ, что идутъ французы; нѣсколько начальствующихъ лицъ и солдаты направляются прямо къ дому. Что̀ прикажете ему дѣлать? Онъ былъ великій неохотникъ до иностранцевъ, а тѣмъ паче еще до враговъ отечества; однако, скрѣпя сердце, онъ предложилъ имъ раздѣлить съ нимъ трапезу. Они приняли предложеніе, но требовали, чтобъ и самъ хозяинъ сѣлъ съ ними и пробовалъ каждое подаваемое блюдо, опасаясь, можетъ быть, чтобы не угостили чѣмъ съ отравой. Головинъ выслалъ жену и дѣтей изъ-за стола, а самъ сталъ подчивать незваныхъ гостей. Французы расположились неподалеку отъ села лагеремъ и во все время, пока тамъ стояли, вели себя хорошо и смирно, и храмовъ не только нигдѣ не осквернили, но даже не препятствовали богослуженію и просили только не звонить въ большіе колокола, опасаясь, чтобы войска не приняли трезвона за тревогу и оттого не переполошились попустому.

Жену свою Головинъ, однако, куда-то спровадилъ съ дѣтьми,

которыхъ было двое ли, трое ли—навѣрное не знаю. Ее звали Анной Гавриловной; она была молода, хороша, ну, мужъ и разсудилъ, что все-таки безопаснѣе для молоденькой женщины быть подальше отъ этихъ головорѣзовъ. Она была урожденная княжна Гагарина, дочь бывшаго министра торговли, князя Гавріила Петровича. Ея сестра Екатерина Гавриловна была замужемъ за княземъ Никитою Сергѣевичемъ Долгоруковымъ, сыномъ княгини Варвары Осиповны, урожденной княжны Щербатовой, старшей сестры дѣда моего, князя Николая Осиповича; мы знакомы не были, хотя и были родня.

II.

По окончаніи всѣхъ войнъ Россіи съ Франціей и по возвращеніи союзныхъ войскъ изъ-за границы, стали жить у насъ по сосѣдству Голицыны: князь Дмитрій Владиміровичъ и жена его Татьяна Васильевна. Ни въ одномъ изъ нашихъ русскихъ княжескихъ родовъ не было столько замѣчательныхъ лицъ, какъ въ Голицыныхъ; но въ Москвѣ всѣхъ извѣстнѣе князь Дмитрій Владиміровичъ и князь Сергій Михайловичъ.

Князь Дмитрій Владиміровичъ былъ братъ Екатерины Владиміровны Апраксиной и Софьи Владиміровны Строгановой; онъ имѣлъ еще старшаго брата, Бориса Владиміровича, который былъ очень хорошъ собой, уменъ и по своему времени получилъ воспитаніе, какъ немногіе. Мать этихъ Голицыныхъ, княгиня Наталья Петровна, про которую я уже и разсказывала, кромѣ того, что женщина отъ природы очень умная, была и великая мастерица устраивать свои дѣла. Мужъ ея, бригадиръ въ отставкѣ, очень простоватый былъ человѣкъ, съ большимъ состояніемъ, которое отъ дурного управленія было запутано и приносило плохой доходъ. Чтобъ устроить дѣла, княгиня Наталья Петровна продала половину имѣнія, заплатила долги и такъ хорошо все обдѣлала, что когда умерла, почти что ста лѣтъ отъ роду, то оставила слишкомъ шестнадцать тысячъ душъ.

Нахожу, что я мало разсказала про эту очень извѣстную въ свое время женщину и потому при случаѣ доскажу о ней все, что̀ припомню. Отецъ ея, графъ Петръ Григорьевичъ, имѣлъ еще братьевъ Григорія и Захара, которые оба съ мо-

лодыхъ лѣтъ вертѣлись при дворѣ Елизаветы Петровны, и великая княгиня Екатерина Алексѣевна (въ послѣдствіи Екатерина II) оказывала имъ явное предпочтеніе, и изъ-за этого они очень пострадали и одно время даже были удалены отъ двора. Въ послѣдствіи, при Екатеринѣ, имъ за то очень повезло, и всѣ три брата пошли очень высоко. Былъ еще и четвертый, котораго по имени назвать не умѣю; онъ умеръ молодъ при Елизаветѣ, не будучи женатъ, а остальные братья стали важными особами: Петръ Григорьевичъ былъ посланникомъ при нѣсколькихъ дворахъ и долгое время находился при версальскомъ, и дочерей своихъ, Дарью и Наталью, воспиталъ въ чужихъ краяхъ. Дарья Петровна была за графомъ Иваномъ Петровичемъ Салтыковымъ, сыномъ извѣстнаго Петра Семеновича, при которомъ мой свекоръ, Александръ Даниловичъ Яньковъ, былъ адъютантомъ. Графъ Иванъ Петровичъ всегда былъ очень расположенъ къ моему свекру, помня, какъ тотъ съ нимъ возился въ молодости, и до конца его жизни находился съ нимъ въ наилучшихъ дружественныхъ отношеніяхъ; ему принадлежало село Марѳино, которое онъ и отдалъ въ приданое за своею дочерью, вышедшею за графа Григорія Владиміровича Орлова. Сестра его, графиня Софья Владиміровна, вышла за графа Панина, и такъ Марѳино почему-то и перешло въ родъ Паниныхъ. Ивана Петровича и Дарью Петровну я знавала, и мы съ мужемъ раза съ два бывали у нихъ въ Марѳинѣ и въ Москвѣ, въ то время, какъ онъ былъ главнокомандующимъ; и мужъ, и жена—оба умерли въ началѣ 1800-хъ годовъ, и въ скорости одинъ послѣ другого.

Графъ Захаръ Григорьевичъ былъ не долгое время главнокомандующимъ въ Москвѣ; я была еще ребенкомъ, когда онъ умеръ, и совсѣмъ его не помню.

Княгиня Наталья Петровна долго путешествовала по чужимъ краямъ и тамъ воспитала всѣхъ своихъ дѣтей, почему всѣ они очень плохо знали по-русски. Старше всѣхъ была Екатерина Владиміровна Апраксина, а меньшая—графиня Строганова. У Натальи Петровны было прекрасное имѣніе въ Калужской губерніи, неподалеку отъ Боброва,—село Городня, гдѣ она иногда живала, а другое—Веземы, верстахъ въ сорока отъ Москвы на пути въ Звенигородъ. Это имѣніе, говорятъ,

принадлежало Борису Годунову, который тамъ строилъ церковь каменную, очень благолѣпную; потомъ, при Петрѣ I, оно было пожаловано имъ князю Борису Алексѣевичу, его воспитателю.

Возлѣ насъ, верстахъ въ восьми, было село Рождествино, принадлежавшее тоже Голицынымъ, и въ немъ-то и поселились князь Дмитрій Владиміровичъ съ женой. Княгиня Татьяна Васильевна была сама по себѣ Васильчикова, а такъ какъ старуха Голицына не считала Васильчиковыхъ довольно знатными, то и неохотно согласилась на бракъ сына, и первое время, говорятъ, невѣстка много терпѣла отъ своей самонравной и надменной свекрови. Старуха Голицына почему-то терпѣть не могла Рождествина, отдала его сыну, сама же не только никогда тамъ не бывала, но даже, когда пріѣзжала въ Ольгово и подолгу гащивала у своей дочери Апраксиной, никто и заикнуться не смѣлъ, что въ двадцати верстахъ оттуда имѣніе ея Рождествино, въ которомъ сынъ ея жилъ и никогда о немъ не упоминалъ.

Старшій изъ Голицыныхъ, князь Борисъ Владиміровичъ, женатъ не былъ; онъ умеръ въ скорости послѣ французовъ и оставилъ двухъ дочерей, носившихъ фамилію Зеленскихъ. Княгиня Татьяна Васильевна, по своей добротѣ, взяла этихъ сиротокъ къ себѣ и воспитывала ихъ, и въ послѣдствіи хорошо выдала замужъ, но отъ старой княгини о существованіи ихъ скрывали.

Вообще, вся семья предъ княгиней трепетала и она до конца жизни дѣтей своихъ называла уменьшительными именами: Апраксину — Катенькой, а Катенькѣ было далеко за шестьдесятъ лѣтъ; сынъ былъ для нея все Митенькой. Привыкнувъ ихъ считать дѣтьми и будучи сама уже очень стара, она никакъ себѣ представить не могла, что и они уже не молоды. Разсказываютъ, что когда князь Дмитрій Владиміровичъ, бывая въ Петербургѣ, останавливался у матери въ домѣ, ему отводили комнаты въ антресоляхъ, и княгиня всегда призывала своего дворецкаго и приказывала ему «позаботиться, чтобы все нужное было у Митеньки, а пуще всего смотрѣть за нимъ, чтобъ онъ не упалъ, сходя съ лѣстницы». Онъ былъ очень близорукъ, очковъ не носилъ, но употреблялъ лорнетъ.

Родившись въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны,

при которой она была фрейлиной, княгиня Наталья Петро видѣла царскій дворъ при пяти императрицахъ и, будучи с рожилкой, не мудрено, что считала всѣхъ молодежью. Всѣ зн ные вельможи и ихъ жены оказывали ей особое уважені высоко цѣнили малѣйшее ея вниманіе.

III.

Князь Дмитрій Владиміровичъ и жена его—оба были п милые, преобходительные и преласковые. Въ 1820 году былъ сдѣланъ московскимъ генералъ-губернаторомъ и прав столицею невступно двадцать пять лѣтъ. Въ Москвѣ всѣ любили и очень жалѣли, когда ихъ не стало въ живыхъ.

Несмотря на то, что все имѣніе было Голицынское, к гиня Наталья Петровна самовластно всѣмъ завѣдывала, черямъ своимъ при ихъ замужествѣ выдѣлила по 2.000 ду а сыну выдавала ежегодно по 50.000 рублей ассигнацій Будучи начальникомъ Москвы, онъ не могъ жить, какъ ч ный человѣкъ, и хотя получалъ отъ казны на пріемы и у щенія, но этого ему не доставало и онъ принужденъ б дѣлать долги. Это стало извѣстно покойному государю колаю Павловичу; онъ говорилъ княгинѣ, чтобъ она дала нибудь своему сыну. Тогда она взмиловалась и прибавила еще 50.000 ассигнаціями, думая, можетъ быть, что его щед награждаетъ, но изъ имѣнія, кромѣ ста душъ, находивши въ Рождествинѣ, до самой кончины ея онъ ничего не имѣ Она умерла въ 1837 или 1838 году, а князь въ 1844 го слѣдовательно, онъ провелъ всю свою жизнь, почти ничего имѣя, а только за шесть или за семь лѣтъ до смерти по чилъ слѣдовавшія ему 16.000 душъ.

Въ Рождествинѣ сперва былъ старый и очень плохой микъ, который кое-какъ устроили, и въ немъ нѣсколько л жили Голицыны. Потомъ они стали строиться и выстро себѣ прехорошенькую усадьбу: домъ и два флигеля; стар ную церковь поновили и развели прекрасный садъ. Княг любила цвѣты и очень занималась садомъ: построили ор жереи, и все было въ небольшихъ размѣрахъ. Домъ бы отдѣланъ внутри очень просто: вездѣ березовая мебель, крытая тикомъ; нигдѣ ни золоченья, ни шелковыхъ матер

но множество портретовъ семейныхъ въ гостиной и прекрасное собраніе гравированныхъ портретовъ всѣхъ извѣстныхъ генераловъ 1812 года. Въ залѣ, либо въ билліардной, была большая семейная картина во всю стѣну — изображеніе семейства Чернышевыхъ; фигуръ много и всѣ почти въ натуральную величину; кисть по времени прекрасная; надобно думать, что такая картина стоила очень большихъ денегъ, когда портретная живопись была искусствомъ, а не ремесломъ, какъ сдѣлалась въ послѣдствіи.

Князь Дмитрій Владиміровичъ вышелъ въ отставку, думаю, въ 1814 году, и до 1820 года, пока не былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Москву, нигдѣ не служилъ. Воспитаніе двухъ дочерей: Натальи Дмитріевны (бывшей въ послѣдствіи за оберъ-прокуроромъ Св. Синода, графомъ Николаемъ Александровичемъ Протасовымъ) и Екатерины Дмитріевны (вышедшей за князя Николая Васильевича Долгорукова) занимало время княгини; женщина умная, благочестивая и высокой добродѣтели, княгиня Татьяна Васильевна была рождена для семейной тихой жизни, и она нерѣдко въ послѣдствіи говаривала, что самое счастливое время ея жизни было, когда князь былъ въ отставкѣ и они подолгу живали въ Рождествинѣ, до назначенія князя въ Москву.

Княгиня и смолоду не была красавицей, но трудно себѣ представить лицо болѣе пріятное и привѣтливое. Она была небольшого роста, худощавая и довольно слабаго здоровья. Князь, напротивъ того, былъ видный мужчина, довольно высокій ростомъ, съ величественною осанкой, имѣлъ прекрасныя черты лица и прекрасный цвѣтъ, и съ перваго взгляда можно было узнать въ немъ привѣтливаго, доброжелательнаго вельможу. Проведши всю свою первую молодость до семнадцати или восемнадцати лѣтъ въ чужихъ краяхъ, онъ, конечно, хорошо зналъ иностранные языки и очень плохо русскій, такъ-что когда сдѣлался московскимъ генералъ-губернаторомъ и ему приходилось говорить гдѣ-нибудь рѣчь, онъ самъ составлялъ ее и писалъ на французскомъ языкѣ, потомъ отдавалъ ее для перевода на русскій языкъ и почти затверживалъ, чтобы съумѣть прочитать по бумажкѣ. Но въ послѣдствіи онъ научился по-русски, и хотя у него сохранилось въ выговорѣ что-то иностранное, онъ, однако, объяснялся

довольно изрядно. Говорятъ, и просьбы ему подавали сперва на французскомъ языкѣ, и со всѣмъ тѣмъ, однако, вся Москва его очень любила и многимъ ему обязана. Онъ первый обратилъ вниманіе на плохое освѣщеніе улицъ, на пожарную команду, на недостатокъ воды и придумалъ устройство фонтановъ, такъ какъ прежде возили воду изъ Москвы-рѣки или посылали на край города — на Три-Горы, въ Студенецъ, что̀ было еще возможно для живущихъ въ болѣе близкихъ частяхъ города, но прошу покорно посылать откуда-нибудь съ Басманной или съ Таганки. Вообще Москва должна добромъ помнить двадцатичетырехлѣтнее правленіе князя Дмитрія Владиміровича Голицына, принесшее ей много пользы. Кромѣ этого, князь былъ для всѣхъ доступенъ и готовъ всѣмъ помочь, если только могъ, а невозможнаго для него, кажется, не было. Но что́ въ особенности дѣлаетъ ему великую честь — что въ продолженіе своего долгаго правленія онъ не сдѣлалъ ни одного несчастнаго и очень, очень многихъ людей спасъ отъ гибели, и такихъ даже, которые безъ его помощи давнымъ-давно были бы гдѣ-нибудь въ Иркутскѣ или Камчаткѣ. Мало этого, онъ иногда принималъ участіе въ семейныхъ дѣлахъ, когда къ нему обращались, и безо всякихъ судбищъ и тяжебъ все улаживалъ и соглашалъ враждовавшихъ. Трудно рѣшить, кто былъ добрѣе сердцемъ — князь или княгиня.

Вотъ двѣ черты изъ домашней жизни князя, которыя мнѣ пришли на память и которыхъ достаточно, чтобы показать, какъ и въ мелочахъ онъ умѣлъ быть добръ не напоказъ, а по своей непритворной добротѣ.

Онъ имѣлъ камердинера, который нерѣдко испивалъ, а такъ какъ князь не умѣлъ сердиться, то только слегка бранилъ своего слугу; тотъ и не очень воздерживался и пилъ частенько. Этотъ камердинеръ, когда князь уѣзжалъ куда-нибудь вечеромъ, въ театръ или на балъ, долженъ былъ дежурить и дожидаться его возвращенія; всѣхъ прочихъ слугъ, кромѣ швейцара, князь отпускалъ и, возвратившись домой, звонилъ, и по этому звонку являлся камердинеръ и помогалъ князю раздѣваться и ложиться спать. Какъ-то разъ, возвратившись домой довольно поздно, князь звонитъ, — камердинеръ не идетъ; немного погодя князь звонитъ еще, никто не является, звонитъ еще, и все никого нѣтъ. Князь идетъ въ

сосѣднюю комнату и находитъ своего слугу мертвецки пьянаго лежащимъ на полу. Князь никого изъ людей не потревожилъ, разулъ, раздѣлъ стараго слугу своего и уложилъ его въ постель, самъ пошелъ къ себѣ въ спальню и раздѣлся совершенно одинъ. Проснувшись поутру, камердинеръ припомнилъ вчерашнее и, зная, что онъ былъ пьянъ и дожидался князя, никакъ не могъ понять, какъ онъ вдругъ очутился въ своей постели, разутый и раздѣтый. Вставъ, онъ отправился допрашивать прочихъ слугъ: кто встрѣчалъ вчера князя? Говорятъ: швейцаръ. Кого звалъ еще князь? Отвѣчаютъ: никого. Это старика ужасно тронуло. Онъ со слезами просилъ прощенія у князя, далъ себѣ клятву никогда болѣе не пить и, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ никогда уже не напивался. Вотъ другой случай:

Въ Москвѣ была одна Бартенева, урожденная Бутурлина; звали ее Ѳедосья Ивановна. Она была очень не дурна собой, премилая, прелюбезная и женщина очень хорошихъ правилъ, но великая непосѣдка, потому что была охотница веселиться и мыкаться изъ дома въ домъ. У нея было нѣсколько человѣкъ дѣтей—дочери и мальчики. Какъ начнется день, насажаетъ она своихъ дѣтей въ четвероместную свою карету и поѣдетъ въ гости. Гдѣ есть дѣти, она туда привезетъ и своихъ: въ томъ домѣ, положимъ, барышни берутъ урокъ музыки, вотъ она и проситъ хозяйку: «Позвольте и моимъ дѣвочкамъ послушать, какъ ваши дочери играютъ».

Такъ прикинетъ своихъ дочерей, а сама съ мальчиками отправится, гдѣ есть мальчики. Въ томъ домѣ какой-нибудь учитель исторіи или математики: «Ваши сыновья за урокомъ, ну, и очень хорошо, позвольте и моимъ послушать». Тутъ она броситъ мальчиковъ, а сама поѣдетъ куда-нибудь обѣдать, а вечеромъ заѣдетъ за мальчиками, а потомъ за дѣвочками—и домой. Такія путешествія она совершала каждый день и дѣтей не кормила и не учила дома. Если же ей почему-нибудь не удавалось гдѣ-нибудь размѣстить своихъ дѣтей на день, она или возила ихъ съ собой по гостямъ, или же оставляла ихъ въ каретѣ, въ которую клали на всякій случай что-нибудь съѣстное, ежели дѣти проголодаются, чтобъ имъ было что̀ поѣсть, и такъ какъ въ каретѣ бывали и крошки, и всякіе объѣдки, то, говорятъ, въ ея каретѣ на-

конецъ развелись мыши и пользовались дѣтскими съѣстными припасами. Дѣти такъ привыкли къ этой кочующей жизни, что говаривали: «Намъ нуженъ домъ только для того, чтобы переночевать, а днемъ намъ нужна большая карета; жаль только, что наша безъ печи, потому что бываетъ холодно, а то бы намъ и домъ не нуженъ».

Вотъ однажды (когда ея дѣти были еще малы), она была на балѣ у Голицыныхъ. На дворѣ былъ ужасный морозъ; сама Бартенева веселится на балѣ, а дѣти бѣдняжки мерзнутъ въ каретѣ. Очень стало имъ вѣрно холодно, они начали пищать и плакать. Во время бала подходитъ къ князю Дмитрію Владиміровичу его камердинеръ и докладываетъ, что въ каретѣ у Бартеневой дѣти мерзнутъ и плачутъ. Князь приказалъ всѣхъ ихъ перенести къ себѣ въ кабинетъ, накормить и на большихъ диванахъ разложить спать. И послѣ этого случая всякій разъ, какъ Бартенева пріѣдетъ къ нему на балъ, онъ и вспомнитъ про дѣтей и пошлетъ за ними, опять ихъ переносятъ къ нему въ кабинетъ, и пока ихъ мать танцуетъ, они опять у него въ кабинетѣ, опять въ ожиданіи конца бала. Вотъ какія еще бывали матери. Говорятъ, что безъ сострадательности князя дѣти совсѣмъ бы замерзли, и это могло бы случиться не одинъ разъ.

Что̀ было причиною, что Бартенева всюду съ собой таскала дѣтей — не могу понять: не проще ли бы, кажется, оставить ихъ дома и ѣхать одной туда, куда нельзя было взять дѣтей съ собою.

При всей добротѣ и благожелательности каждому, Голицыны имѣли, однако, недоброжелателей и завистниковъ, которые старались при случаѣ повредить имъ въ общественномъ мнѣніи. Такъ, во время первой холеры, когда всѣ ужасно трусили отъ этой новой и неизвѣстной болѣзни, князь и княгиня выѣхали изъ своего казеннаго дома, что на Тверской, и на время переѣхали на житье въ домъ губернатора Небольсина, находившійся на Садовой [1]). Тамъ жила старушка очень по-

[1]) Послѣ Небольсина этотъ домъ принадлежалъ графу Растопчину, Андрею Ѳедоровичу, а потомъ былъ купленъ княгинею Софіею Степановною Щербатовою (урожд. Апраксиною, вдовою бывшаго московскаго генералъ-губернатора князя Алексѣя Григорьевича) и по сіе время принадлежитъ ей.

чтенная, тетка Небольсина, Авдотья Сильвестровна, которую Голицыны почему-то особенно любили и уважали, и во все время холеры тамъ и прожили, потому вѣроятно, что домъ не выходитъ на улицу, а стоитъ на концѣ большого двора, и съ одной стороны есть садъ, стало-быть, и шумъ отъ фуръ (въ которыя клали холерныхъ) тамъ былъ не такъ слышенъ, и не видно было изъ оконъ безпрестанныхъ похоронъ, какъ на Тверской. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались неблагонамѣренные люди и выпустили каррикатуру; представлена была смерть, которой Авдотья Сильвестровна грозитъ пальцемъ; изъ одного кармана выглядываетъ княгиня Татьяна Васильевна, а изъ другаго князь Дмитрій Владиміровичъ глядитъ въ лорнетку, и внизу надпись: «Иди назадъ, ихъ нѣтъ дома», или что-то въ этомъ родѣ. Эта каррикатура разошлась по городу и дошла до Голицыныхъ, которые, какъ люди добропорядочные, не подали и вида, что обидѣлись, первые смѣялись и шутили, конечно, не розыскивали и не преслѣдовали художника и своимъ добродушіемъ одурачили неблагонамѣреннаго человѣка.

Кто была эта Авдотья Сильвестровна сама по себѣ и почему такъ уважали ее Голицыны, я порядкомъ припомнить не могу, но знаю, что она имѣла на нихъ большое вліяніе, и когда кому было чего нужно добиться отъ Голицыныхъ, вѣрнѣе всего было просить не ихъ самихъ, а Авдотью Сильвестровну, и по этой причинѣ она имѣла въ Москвѣ не малый вѣсъ и большое значеніе въ обществѣ.

Когда кто-нибудь обращался къ Авдотьѣ Сильвестровнѣ съ просьбою походатайствовать у Голицына, она обыкновенно отвѣчала: «Хорошо, мой родной, вотъ какъ у меня будетъ ужо князь Дмитрій, я ему поговорю, скажу ему; будь увѣренъ, что если только можно,—будетъ сдѣлано». И смотришь, точно по ея просьбѣ и сдѣлается. Ее называли la vieille fée, старая фея, а недовольные ее величали la vieille sorcière, старая колдунья.

Голицыны, будучи весьма доступны, умѣли поставить себя высоко во мнѣніи московскаго общества; всѣ ихъ очень уважали, а княгиню, которая была ангельской доброты, отъ мала до велика всѣ обожали. Надобно было видѣть, до чего она бывала привѣтлива на своихъ балахъ: весь вечеръ все ходитъ,

то пойдетъ къ одной, то къ другому; ежели видитъ, что молодая дѣвушка не танцуетъ, глядишь, посылаетъ къ ней кавалера; для всѣхъ почти было у нея ласковое, привѣтливое слово, а ежели кому нечего было ей сказать — пройдетъ мимо и улыбнется. Насколько она была внимательна и обходительна, какъ хозяйка дома, настолько ласковъ и привѣтливъ былъ и Апраксинъ, Степанъ Степановичъ. Князь Голицынъ былъ очень близорукъ и, что̀ странно, застѣнчивъ, и потому нѣкоторые считали его гордымъ; но кто зналъ его короче и бывалъ съ нимъ въ небольшомъ обществѣ, можетъ свидѣтельствовать, что его кажущаяся гордость или необщительность происходила именно отъ природной застѣнчивости, а иногда, можетъ быть, и отъ недостаточнаго знанія природнаго языка, что̀ мѣшало ему привѣтствовать каждаго, какъ бы ему хотѣлось.

Кромѣ двухъ старшихъ дочерей, у Голицыныхъ было еще два сына, на много лѣтъ моложе своихъ сестеръ. Старшій — Владиміръ, родился года черезъ два или черезъ три послѣ французовъ, а второй — Борисъ, нѣсколько лѣтъ спустя, и очень не задолго до назначенія князя Дмитрія Владиміровича въ Москву.

Всѣ дѣти были очень хороши лицомъ; у меньшой изъ дочерей былъ прекрасный цвѣтъ лица, а мальчики въ дѣтскомъ возрастѣ были какъ херувимы.

Обѣ княжны Голицыны вышли замужъ очень молоды, а братья ихъ были еще совершенно дѣтьми; не знаю навѣрное, меньшой былъ ли даже еще и на свѣтѣ.

Княгиня говаривала не разъ:

— Когда въ семействѣ бываютъ дочери и сыновья, воспитаніе однихъ мѣшаетъ обыкновенно воспитанію другихъ; я въ этомъ была особенно счастлива, какъ немногія матери: когда воспитаніе моихъ дочерей окончилось и я отдала ихъ замужъ, тогда началось воспитаніе моихъ сыновей, и я могла исключительно ими заняться; это случается очень рѣдко.

Есть люди, про которыхъ вспоминаешь всегда съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что при воспоминаніи о нихъ нѣтъ въ памяти ничего непріятнаго. Таковы были Голицыны, и мужъ и жена: во все время, что я жила въ ихъ сосѣдствѣ до 1825 года, между нами были самыя дружественныя, сосѣдскія отношенія. Я о княгинѣ не могу вспомнить иначе, какъ

съ душевнымъ уваженіемъ и съ искреннимъ сердечнымъ чувствомъ любви: она была хорошая, добрѣйшая и вполнѣ добродѣтельная женщина, какихъ бываетъ на свѣтѣ очень, очень не много.

При императорѣ Александрѣ Павловичѣ, князь Голицынъ былъ что-то не въ особой милости, хотя княгиня Наталья Петровна пользовалась отмѣннымъ расположеніемъ императрицы Маріи Θеодоровны; но съ 1820 года Голицыны какъ-то опять всплыли кверху и тутъ онъ пошелъ уже въ гору, получилъ все, что̀ можно было получить: Андрея съ алмазными знаками, портретъ государя, брилліантовую эполету и, наконецъ, титулъ свѣтлости.

Княгиня Татьяна Васильевна, всегда очень слабаго здоровья, стала видимо хворать въ концѣ тридцатыхъ годовъ; потомъ у ней сдѣлалась изнурительная лихорадка, и въ 1841 году она скончалась, искренно оплаканная Москвою.

Князь Дмитрій Владиміровичъ жилъ послѣ жены года три, поѣхалъ лечиться въ Парижъ, гдѣ ему дѣлали нѣсколько операцій, разбивали камень. Послѣ многихъ страданій тамъ и скончался, въ мартѣ мѣсяцѣ 1844 года.

Кто видѣлъ его погребеніе, конечно, никогда не позабудетъ торжественности, съ какой оно совершалось: это было народное, послѣднее выраженіе всеобщей любви къ покойному градоначальнику, отъ котораго не ожидали уже ничего, и потому это была не лесть предъ могучимъ вельможею, а всеобщая народная печаль и благодарность за всѣ его бывшія хлопоты и благодѣянія [1]).

Когда-то, въ старину, родовое кладбище Голицыныхъ было въ Богоявленскомъ монастырѣ, въ нижней теплой церкви; тамъ погребены очень многіе изъ Голицыныхъ, Долгоруковыхъ, Шереметевыхъ, Салтыковыхъ и другихъ вельможъ; но со времени чумы тамъ уже перестали погребать, и нѣкоторые Голицыны облюбовали Донской монастырь и устроили для себя тамъ семейный склепъ съ церковью. Дѣдъ князя Сергія Михайловича погребенъ въ Богоявленскомъ монастырѣ,

[1]) Съ торжествомъ и великолѣпіемъ этого погребенія можно сравнить только торжество погребенія блаженныя памяти митрополита московскаго Филарета: одинъ управлялъ столицею четверть столѣтія, другой полвѣка святительствовалъ и правилъ въ Москвѣ,—болѣе сорока пяти лѣтъ.

потому что умеръ до чумы, а отецъ его, мать и другіе родственники лежатъ въ Донскомъ монастырѣ. Князь Сергій Михайловичъ и князь Дмитрій Владиміровичъ, по отдаленности, родствомъ считаться не могли, хотя одного и того же поколѣнія; но княгиня Татьяна Васильевна погребена въ этой Голицынской церкви, гдѣ потомъ схоронили и князя, а четыре года спустя, тамъ погребли и другого начальника Москвы, князя Алексѣя Григорьевича Щербатова.

Не могу сказать утвердительно, гдѣ погребена княгиня Наталья Петровна Голицына, но думается мнѣ, что въ Веземахъ, возлѣ ея мужа. Слыхала я, что тамъ погребенъ и князь Борисъ Владиміровичъ, и гробъ его не просто зарытъ въ землю, а заложенъ въ стѣнѣ, гдѣ оставлено нѣсколько такихъ пустыхъ мѣстъ, чтобы, вдвинувъ туда гробъ, потомъ закладывать кирпичомъ. Нижняя часть церкви, говорятъ, вся каменная, и сказывали мнѣ, что этотъ камень привозили нарочно изъ села Мячкова, гдѣ добываютъ и известь, стало-быть, почти за сто верстъ.

Голицыны все больше живали въ Рождествинѣ, которое они устроили по своему вкусу, а въ Веземахъ и въ Городнѣ, поочередно, лѣтомъ живала княгиня Наталья Петровна, и къ ней дѣти ея туда съѣзжались гостить. Въ Городнѣ домъ не великъ и его занимала сама старая княгиня, а для двухъ дочерей, для сына и для другихъ гостей были особые домики въ саду; къ обѣду всѣ должны были собираться въ большой домъ; на случай дождя были устроены крытыя носилки (des chaises à porteurs), на которыхъ перенашивали всѣхъ изъ маленькихъ домиковъ въ большой.

Послѣ смерти княгини Натальи Петровны, княгиня Татьяна Васильевна была въ которомъ-то году за границей; тамъ она увидѣла въ одномъ мѣстѣ, кажется, въ Швейцаріи, что цѣлое селеніе занимается издѣліемъ корзинъ. Это ей очень понравилось, она выписала оттуда мастера, и такъ какъ въ Веземахъ много ракитнику, пригоднаго для корзиночнаго производства, велѣла обучить двухъ, либо трехъ человѣкъ дѣлать корзины; потомъ выучились и другіе, и послѣ того это тамъ распространилось и обратилось въ мѣстное ремесло, очень легкое и выгодное.

Пока я живала по сосѣдству съ Рождествинымъ, Голи-

цыны тамъ все только еще строились; но въ послѣдствіи они, говорятъ, очень хорошо устроили это имѣньице, бывшее для нихъ, разумѣется, игрушкою. Всѣ хозяйственныя строенія были очень красивой наружности, и въ четверти версты отъ дома ферма съ каменными строеніями, на голландскій манеръ. Коровы были разныхъ породъ: тирольской, голландской, англійской и другихъ; при скотномъ дворѣ была большая и свѣтлая комната — молочная, отдѣланная, по княжескимъ понятіямъ, съ отмѣнною простотой, которая, разумѣется, обошлась Голицынымъ дороже всякой дорогой омеблировки, и въ эту молочную комнату хозяева съ гостями пріѣзжали иногда пить молоко и кушать простоквашу и варенцы. Главная смотрительница скотнаго двора или фермы была въ бѣломъ накрахмаленномъ чепцѣ на иностранный манеръ и въ бѣломъ передникѣ снѣжной бѣлизны, и она услуживала гостямъ и подавала разныя затѣйливыя криночки и фигурные кувшинчики.

Одно изъ строеній въ Рождествинѣ называлось Ноевымъ Ковчегомъ; оно было на большомъ дворѣ, гдѣ были и лошади, и рогатый скотъ, и всякія птицы.

Крестьянскія избы деревушекъ Лодушекъ, Дмитровки и Рождествина были всѣ заново отстроены, крыты тесомъ и выкрашены. На запруженной рѣчкѣ устроена была хорошенькая мельница; всѣ поля окопаны широкими рвами и обсажены разными кустарниками; къ дому вела длинная аллея или проспектъ, версты на полторы посаженный чрезъ дерево липами и березами; словомъ сказать, Рождествино устраивали съ умѣніемъ, съ особеннымъ тщаніемъ, а главное — съ большими средствами, и притомъ еще не просто частный человѣкъ, а московскій генералъ-губернаторъ, которому все было доступно, котораго всѣ любили и которому потому всѣ старались угождать. Не мудрено, что Рождествино скоро стало процвѣтать, и пока хозяева занимались имъ, оно было очень хорошо. Послѣ смерти княгини, князь пересталъ въ немъ жить, чувствуя пустоту, бывалъ тамъ рѣдко и не надолго, а послѣ его смерти никто въ немъ не живетъ: то же Рождествино сдѣлалось не тѣмъ, чѣмъ прежде оно было, а теперь грустно на него и взглянуть.

Въ такомъ же положеніи и прекрасное, роскошное Оль-

гово, которое на моихъ глазахъ устроилось, украсилось, стало вельможескимъ, барскимъ помѣстьемъ: пока жили въ немъ Степанъ Степановичъ и Екатерина Владиміровна—оно цвѣло; послѣ смерти Апраксина, когда оно досталось на седьмую часть его вдовѣ, при ней кое-какъ все еще лѣпилось и держалось, хотя средства были гораздо меньше. Она любила Ольгово, сдѣлала его маіоратомъ, но послѣ ея смерти все рухнуло и распалось.

IV.

Въ 1814 году, мы рѣшили съ Дмитріемъ Александровичемъ, что пора вывозить дочерей. Грушенькѣ былъ двадцатый годъ; еслибы не нашествіе непріятеля, можетъ-быть, я вывезла бы ее и прежде, но французы помѣшали; а тутъ и Линочкѣ пошелъ уже восемнадцатый годъ, и я вывезла обѣихъ вмѣстѣ. И той, и другой я сдѣлала одинакія платья, бѣлыя креповыя, съ бѣлыми цвѣтами на корсажѣ и на головѣ. Степанъ Степановичъ Апраксинъ, который былъ къ намъ очень расположенъ, непремѣнно желалъ взглянуть на платья моихъ дочерей, нарочно пріѣхалъ дня за два до ихъ выѣзда въ Собраніе; зажгли множество свѣчъ и онъ смотрѣлъ на платья и ими любовался. Москва начинала уже наполняться и дома строились.

Въ этомъ же году княгиня Авдотья Николаевна Мещерская просватала свою дочь Настеньку за Семена Николаевича Озерова. Онъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, вдовецъ, не особенно великъ ростомъ или толстъ, а что̀ называется крупный мужчина, очень пріятной наружности; честный и благородный человѣкъ съ состояніемъ и хорошаго происхожденія, но лѣтами, сравнительно съ невѣстой, слишкомъ старъ для молоденькой княжны, которой только-что исполнилось семнадцать лѣтъ; ему было подъ сорокъ, а то, пожалуй, и всѣ сорокъ. Человѣкъ очень умный и дѣльный, онъ былъ какъ-то не очень разговорчивъ, неповоротливъ въ обращеніи, но человѣкъ, вполнѣ достойный уваженія, хотя немного тяжелъ характеромъ. Конечно, Настенька могла бы сдѣлать партію гораздо блестящѣе, только Богъ знаетъ, была ли бы она счастливѣе съ какимъ-нибудь знатнымъ и богатымъ вертопрахомъ, а съ нимъ она прожила свой вѣкъ очень спокойно. Онъ

былъ потомъ сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ, имѣлъ орденъ Бѣлаго Орла. Онъ любилъ свою службу, говорятъ, зналъ до тонкости сводъ законовъ и былъ сенаторомъ не только по имени, а на самомъ дѣлѣ. Будучи характера довольно мнительнаго, терпѣть не могъ, чтобъ его просили о какомъ-нибудь дѣлѣ; тотчасъ ему западетъ въ мысль: просятъ, стало-быть, дѣло неправое. И еще строже начнетъ разбирать, чтобы не упрекнуть себя, что изъ лицепріятія или по дружбѣ упустилъ что-нибудь изъ виду. Такъ, у одной хорошей пріятельницы его жены былъ какой-то процессъ въ Сенатѣ. Зная мнительность Озерова, та перестала совсѣмъ бывать у его жены, съ которой прежде видалась два-три раза въ недѣлю, и пока процессъ не кончился, такъ она къ нимъ въ домъ и не ѣздила и, доставивъ докладную записку, какъ это водится, не просила его даже обратить вниманіе на ея дѣло. Послѣ того, какъ процессъ былъ уже оконченъ и она опять пріѣхала къ его женѣ, онъ и говоритъ ей:

— Чтò это, матушка, вы насъ позабыли, разлюбили; у нея процессъ въ Сенатѣ, а она хоть бы слово мнѣ сказала, гордая какая, не хотѣла и попросить.

— Нѣтъ, не гордая, а осторожная, отвѣчаетъ пріятельница его жены;—потому и не бывала у Настасьи Борисовны, чтобы не проговориться какъ-нибудь и не намекнуть вамъ, что у меня дѣло въ Сенатѣ, а то вы еще заподозрѣли бы правое дѣло и вашъ голосъ въ общемъ собраніи былъ бы не въ мою пользу, а противъ меня...

— Вотъ хитрая какая, говоритъ Озеровъ, смѣясь,—хорошо сдѣлали, что не просили: когда меня не просятъ, я дѣйствую свободнѣе; но очень дурно, матушка, что жену позабыли.

Отдавъ дочь замужъ, княгиня стала жить больше въ деревнѣ своей, въ селѣ Аносинѣ, гдѣ въ полуверстѣ отъ дома она выстроила каменную церковь, которую предъ нашествіемъ непріятеля собиралась освятить и не успѣла, и могла это сдѣлать только послѣ своего возвращенія изъ Моршанска.

Еще и прежде говаривала княгиня, что ей желалось бы современемъ, ежели она пристроитъ свою дочь, оставить міръ и вступить въ монастырь. Она со многими старцами объ этомъ совѣтовалась, они ее не отговаривали, а совѣтовали ей не спѣшить вступать на трудный путь, не испытавъ себя

хорошенько. Она имѣла великое довѣріе къ отцу Амфилохію, іеромонаху ростовскаго Іаковлевскаго монастыря, и къ нему ѣзжала за наставленіями, и кромѣ того, бывая въ Москвѣ, посѣщала одного архимандрита, по имени Парѳенія; онъ былъ въ послѣдствіи въ Донскомъ монастырѣ, а умеръ архіереемъ во Владимірѣ.

Княгиня въ Москвѣ перестала жить, а только бывала наѣздомъ и гащивала у своей дочери, которой отдала домъ Мещерскихъ въ Старой Конюшенной, у Власія.

Въ Аносинѣ она устроила богадѣльню при церкви на поминъ души своего мужа, и не отступаясь отъ мысли поступить въ монашество, стала понемногу себя во всемъ ограничивать. Неподалеку отъ ея имѣнія жила наша родственница, бабушка Прасковья Александровна Ушакова, которая княгиню очень любила, а послѣ французовъ ей не разъ въ затрудненіяхъ помогала.

Такъ, не поступивъ еще въ монашество, она жила въ уединеніи со своимъ лучшимъ другомъ, съ дѣвицею Ельчаниновою, часто у ней гостившею, и вела самую строгую отшельническую жизнь, отказывая себѣ почти во всякомъ излишествѣ и довольствуясь только самымъ необходимымъ.

Помѣстья, которыя княгиня имѣла отъ мужа и свои собственныя, кромѣ Аносина, она вскорѣ передала Озеровымъ и сложила съ себя всю тяготу мірскихъ обузъ. Главное имѣніе было гдѣ-то въ Орловской губерніи; надобно думать, что это было родовое Мещерскихъ, потому что и тетушка графиня Александра Николаевна получила отъ бабушки тоже орловскія имѣнія, изъ которыхъ по раздѣлу часть поступила къ брату Александру Степановичу Толстому, а другая къ его сестрѣ Аграфенѣ Степановнѣ, отданное ею по завѣщанію Колошиной и потомъ проданное. Въ орловскомъ имѣніи былъ схороненъ князь Борисъ Ивановичъ, и княгиня туда ѣздила помянуть его на его могилѣ и тутъ же и отдала имѣніе своей дочери.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

I.

Въ 1814 году, мы провели часть лѣта въ тамбовской деревнѣ, которую рѣшились продать для уплаты нашихъ долговъ, сдѣланныхъ до непріятельскаго нашествія, для постройки дома, въ двѣнадцатомъ году сгорѣвшаго; приходилось снова строиться; нужны были опять деньги, и какъ намъ ни жаль было, а приходилось продать которое-нибудь изъ нашихъ четырехъ имѣній и мы остановились на томъ, чтобы продать Елизаветино.

Проживъ тамъ часть лѣта, мы все подготовили къ продажѣ: забрали все лишнее изъ дома, что̀ послали въ Москву, что̀ въ подмосковную, а лишнихъ лошадей отправили въ веневскую деревню и, уѣзжая, прощались съ нашими милыми сосѣдями Бурцовыми со слезами, какъ будто чувствуя, что намъ больше уже не придется видѣться: и точно, такъ и сбылось.

Потомъ мы жили въ Горкахъ до поздней осени и на зиму поѣхали въ Москву.

Въ этотъ годъ лѣтомъ сталъ гащивать у Жукова одинъ молодой человѣкъ, графъ Толстой, Ѳедоръ Петровичъ, и часто бывалъ у насъ. Онъ былъ сынъ графа Петра Андреевича, женатаго на дочери французскаго эмигранта Барбо-де-Морни, и по своему отцу (Петру Андреевичу) приходился дядюшкѣ графу Степану Ѳедоровичу двоюроднымъ племянникомъ. Мы были не родня, а по Толстымъ, стало-быть, могли счесться своими. Онъ былъ лѣтъ тридцати съ чѣмъ-нибудь, очень моложавъ, не особенно красивъ, однако, и не дуренъ собой, но дикъ и застѣнчивъ, какъ дѣвочка: говорилъ онъ немного и въ разговорѣ безпрестанно краснѣлъ. Сперва мы его принимали, не очень обращая вниманіе на то, что онъ часто у насъ бываетъ вмѣстѣ съ Жуковымъ: намъ и въ голову не приходило, чтобъ онъ имѣлъ виды на которую-нибудь изъ нашихъ двухъ старшихъ дочерей. Гдѣ онъ служилъ сперва,

я не знаю; но въ то время онъ былъ, кажется, въ отставкѣ и все что-то такое рисовалъ и лѣпилъ. Мы считали его за пустого человѣка, который бьетъ баклуши; состояніе имѣлъ самое маленькое и когда чрезъ Жукова онъ вывѣдывалъ, отдадимъ ли мы за него нашу старшую дочь, которая ему нравилась, мы отклонили его предложеніе и не дали хода этому дѣлу. И кто же былъ потомъ этотъ, повидимому, пустой человѣкъ? Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ людей, съ большими дарованіями, который сдѣлалъ себѣ очень громкое имя, какъ замѣчательный художникъ; онъ былъ потомъ вице-президентомъ Академіи Художествъ и тайнымъ совѣтникомъ. Онъ имѣлъ двухъ или трехъ братьевъ. Былъ ли онъ потомъ женатъ и на комъ и имѣлъ ли дѣтей — этого я не умѣю сказать.

Онъ Грушенькѣ нравился и, конечно, она и пошла бы за него, да только намъ онъ не приходился по мысли: очень часто ошибаешься въ людяхъ, и тѣ, которыхъ мы считаемъ людьми ничтожными, выходятъ потомъ очень достойные и дѣльные люди, если обстоятельства имъ поблагопріятствуютъ, и наоборотъ.

II.

Въ концѣ весны 1815 года, я однажды вхожу въ кабинетъ Дмитрія Александровича. Онъ сидитъ у письменнаго стола и что-то пишетъ, и когда увидалъ меня, покраснѣлъ и то, что̀ писалъ, прикрылъ бѣлою бумагой. Это меня очень удивило: думаю, вотъ еще какая диковинка: «мужъ отъ меня секретничаетъ».

Я сѣла въ кресло, Дмитрій Александровичъ и говоритъ мнѣ:

— У меня сейчасъ былъ покупщикъ на Елизаветино, Борисъ Карловичъ Бланкъ, торгуетъ и даетъ 200 тысячъ (ассигнаціями).

— Ну, и что́ же? спросила я.

— И я получилъ задатокъ.

— А что́ же ты такое отъ меня спряталъ, когда я вошла?

— Его росписку и счеты, говорилъ Дмитрій Александровичъ, — я все хотѣлъ уладить, уплатить долги и, положивъ сто тысячъ на твое имя, подарить тебѣ билетъ, а ты, вотъ,

мнѣ и помѣшала. Цѣна за имѣніе была не обидная, впрочемъ, и не очень высокая, и еслибы мы еще немного подержались, то взяли бы и больше. Однако, мы были довольны, что, имѣя капиталъ, будемъ имѣть возможность расплатиться съ долгами.

На другой день Борисъ Карловичъ опять къ намъ пріѣхалъ, и хотя онъ купилъ имѣніе со всѣмъ, что̀ было въ немъ, я стала кое-что выговаривать изъ оставшагося въ домѣ и онъ не постоялъ за мелочами и изъ купленнаго уступилъ все, что̀ я желала.

Мы рѣшили сами туда больше не ѣздить, чтобы себя не разстраивать, а послать Михаила Иванова и ему поручить все сдать по описи. По своему усердію, онъ еще кое-что намъ выговорилъ, къ великому моему удовольствію, и весьма аккуратно и исправно все сдалъ съ рукъ на руки новому владѣльцу.

Какъ мы ни рады были, что свои дѣла приведемъ въ порядокъ, но продажа этого имѣнія сильно потрясла здоровье Дмитрія Александровича и отчасти была причиной его нервнаго удара, отъ котораго онъ послѣ того и скончался.

III.

Во время лѣта 1815 года, мы стали спѣшить отдѣлать хотя одинъ изъ придѣловъ нашей деревенской церкви: придѣлъ налѣво отъ входа долженъ былъ остаться прежній во имя св. Пророка Даніила, въ честь мужнина дѣда Даніила Ивановича Янькова, а правый намъ хотѣлось имѣть во имя святителя Димитрія, и желали освятить его къ празднику, а вмѣстѣ и ко дню именинъ Дмитрія Александровича, сентяря 21.

Живописецъ у насъ былъ собственный [1]), не очень искусный, когда приходилось ему самому сочинять и отъ себя пи-

[1]) Звали его Григорій Озеровъ; онъ былъ изъ дворовыхъ людей и съ дѣтства имѣлъ способность къ рисованію. Видя это, Дмитрій Александровичъ отдалъ его куда-то учиться, а послѣ того заставлялъ много копировать и такъ доучилъ его дома. И хотя этотъ крѣпостной художникъ

сать фигуры, потому что онъ плохо зналъ пропорціи, но онъ очень вѣрно, искусно копировалъ и въ этомъ былъ отличный мастеръ.

У дядюшки Ростислава Евграфовича Татищева было много хорошихъ картинъ, онъ былъ и любитель, и знатокъ. Были у него, между прочимъ, четыре ландшафта—кочующіе цыгане; эти картины очень нравились Дмитрію Александровичу и онъ выпросилъ ихъ, чтобъ отдать скопировать Григорію. Когда картины были скопированы, пріѣзжаетъ какъ-то къ намъ дядюшка и спрашиваетъ: «что, картины списаны ли?» Говорятъ—«списаны».

— Ну-ка, дайте ихъ сюда.

Принесли картины и тѣ, и другія — настоящія и копіи.

Дядюшка сталъ разсматривать: глядѣлъ, глядѣлъ,—невозможно различить подлинника отъ копій.

— Которыя же мои? спрашиваетъ онъ.

— Извольте сами сказать, говоритъ ему Дмитрій Александровичъ.

— Воля твоя, говоритъ онъ, — можешь подмѣнить, ежели хочешь, а я узнать не могу; твой живописецъ мастеръ, невозможно различить.

Тогда мужъ и показалъ ему какую-то мѣтку, сдѣланную на копіяхъ, а еслибы не это, и различить было бы нельзя. Но все, что̀ Григорій писалъ изъ своей головы, никуда не годилось, выходило аляповато и нескладно, а лица какія-то криворотыя, фигуры долговязыя и пренеуклюжія.

Дмитрій Александровичъ, и самъ искусный въ рисованіи, дѣлалъ ему эскизы, пріискивалъ въ гравированныхъ книгахъ съ чего писать изображенія святыхъ и выходилъ иконостасъ очень не дуренъ. Отдѣлка церкви занимала мужа, развлекала его и заставляла его забывать о продажѣ Елизаветина, котораго ему было очень жаль: не продать было нельзя, а продали—стало жалко.

Сперва мы хотѣли-было пригласить на освященіе церкви

не былъ особенно талантливъ, но умѣлъ отлично копировать. Въ послѣдствіи этого живописца Дмитрій Александровичъ продалъ съ женой и дочерью Обольянинову по неотступной его просьбѣ за 2.000 рублей ассигнаціями.

нашего Дмитровскаго архимандрита изъ Борисоглѣбскаго монастыря, отца Досиѳея, по фамиліи Голенищева-Кутузова, но почему-то дѣло не состоялось и мы позвали только благочиннаго, который еще съ однимъ сосѣднимъ священникомъ да съ нашимъ отцомъ Варѳоломеемъ и освятилъ придѣлъ святителя Димитрія въ самый день праздника, въ день мужниныхъ именинъ. Дьякона у насъ не было, и мы пригласили изъ села Бѣлый-Растъ, въ шести или семи верстахъ отъ насъ.

Ко всенощной пріѣхали къ намъ наши милые Титовы, Нефѣлова съ сестрой, которыя потомъ и остались у насъ ночевать. На другой день къ освященію съѣхалось премножество гостей: Бахметьевы съ дочерьми, Оболенскіе изъ Храброва, Лужины—Ѳедоръ Сергѣевичъ съ сестрой, Голицины, оба Обольяниновы; кажется, и Апраксины пріѣхали къ самому обѣду. И такъ мы превесело пропировали этотъ день именины мужа, которыя мы справляли уже въ послѣдній разъ, сами того не предчувствуя.

Лужинъ, когда къ намъ пріѣзжалъ обѣдать, всегда бывало привезетъ что-нибудь изъ своего сада: дыню, арбузъ или корзину съ яблоками. Онъ и въ этотъ разъ привезъ преогромный арбузъ изъ своихъ парниковъ.

IV.

Въ Москву мы переѣхали въ половинѣ октября, въ наемный нашъ домъ, на Никитскомъ бульварѣ. Внизу жилъ братъ князь Владиміръ Волконскій, а въ этотъ годъ съ нимъ жила и его невѣстка княгиня Марѳа Никитична со своими двумя мальчиками и дѣвочкой. Въ Анночкино рожденіе, ноября 11, у насъ обѣдалъ кой-кто изъ родныхъ и послѣ обѣда всѣ разъѣхались.

Дмитрій Александровичъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ: «Я что-то себя не совсѣмъ хорошо чувствую, отдохну немного, а къ чаю ты пришли меня разбудить».

Собрались мы всѣ въ залѣ пить чай, пришелъ и Дмитрій Александровичъ, сидимъ всею семьей, говоримъ, смѣемся, вдругъ онъ ахнулъ и вскочилъ со стула и скорыми шагами пошелъ въ гостиную къ зеркалу.

— Что̀ съ тобой? спрашиваю я.

Онъ идетъ, улыбается и ничего не говоритъ, и такой разстроенный... Такъ прошло минутъ пять, онъ не говоритъ и показываетъ, чтобъ ему дали чѣмъ писать. Которая-то изъ дѣвочекъ побѣжала, принесла бумаги и карандашъ.

«Пошли за докторомъ, у меня отнялся языкъ», написалъ онъ.

Мы всѣ ужасно встревожились, я послала за Шнаубертомъ, который у насъ лечилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ послала къ брату князю Владиміру просить, чтобы скорѣе пришелъ. У него былъ его докторъ пріятель Скюдери и они оба тотчасъ пришли.

Дмитрій Александровичъ сидѣлъ у стола и руками теръ себѣ виски и, немного погодя, сказалъ довольно внятно:

— Богъ милостивъ, лучше; я только испугался.

Шнаубертъ былъ дома и скоро пріѣхалъ. Онъ и Скюдери потолковали между собой и рѣшили, что Дмитрію Александровичу нужно кровь пустить, потому что его все еще тошнило и опасались, чтобы не повторился ударъ... Тотчасъ пустили кровь изъ руки, и у Дмитрія Александровича перекривило лицо, но это продолжалось не долго: мало-по-малу лицо пришло въ свое обыкновенное положеніе, осталась только какая-то болѣзненная улыбка и что-то необычное въ выраженіи глазъ, какъ будто онъ чему удивлялся... Я ужасно была смущена, но старалась дѣлать видъ, что спокойна, чтобы не испугать мужа и преждевременно не растревожить дѣтей; сама же я понимала, что дни моего мужа сочтены... Мое сердце это чувствовало...

Съ этого дня здоровье Дмитрія Александровича стало видимо и ежедневно ухудшаться: у него сдѣлалась одышка, стали опухать ноги, и наконецъ Шнаубертъ потребовалъ, чтобы созвали консиліумъ.

Въ то время въ Москвѣ не было такого множества докторовъ, какъ теперь; самые извѣстные были Мудровъ, Шнаубертъ, Скюдери и Яковъ Павловичъ Майеръ, домашній докторъ Апраксиныхъ, къ которому и мы имѣли большое довѣріе. Вотъ ихъ-то всѣхъ и пригласили мы на консиліумъ. Больной видимо слабѣлъ и при изслѣдованіи признаковъ его болѣзни оказалось, что у него начинается водяная; мнѣ этого не сказали, но передали князю Владиміру, и изъ его словъ

я поняла, что болѣзнь можетъ только нѣсколько продлиться, а что о совершенномъ выздоровленіи нечего и думать, и эта мысль меня убивала.

Всѣ единогласно говорили, что не слѣдовало пускать крови, такъ какъ ударъ былъ нервный, а не кровяной, и что поспѣшность Шнауберта была не простительна: кровопусканіе еще разжидило кровь, и безъ того уже худосочную, и породило водяную. Конечно, ни доктора, ни всѣ возможныя средства не продлятъ жизни человѣка ни на одно мгновеніе далѣе положенныхъ предѣловъ отъ Господа, но я не могла равнодушно видѣть Шнауберта, слыша, что всѣ его обвиняютъ въ неосмотрительности и, считая его все-таки виновникомъ смерти мужа, перестала его принимать. Ему раза два сказали, что больной спитъ, онъ понялъ и перестал ѣздить, а больному— что самъ Шнаубертъ боленъ и ѣздить не можетъ. Къ намъ ѣздилъ Мудровъ раза два въ недѣлю, а Майера пригласили быть домашнимъ нашимъ докторомъ, и онъ навѣщалъ больного ежедневно.

Много безсонныхъ ночей провела я, сидя у постели моего друга... И про это время трудно и тяжело вспоминать.

V.

Незадолго до кончины Дмитрія Александровича, въ январѣ или въ февралѣ мѣсяцѣ, прихожу я къ нему; у него сидитъ Ѳедоръ Лаврентьевичъ Барыковъ, нашъ сосѣдъ по веневскому имѣнію, очень добрый и милый человѣкъ, котораго мы очень любили и который очень часто ѣзжалъ къ моему деверю въ Петрово, будучи въ недальнемъ съ нимъ сосѣдствѣ. Ему было лѣтъ подъ 60; человѣкъ честный, хорошій хозяинъ и состояніе имѣлъ изрядное, душъ слишкомъ триста въ Веневскомъ уѣздѣ, а такое имѣніе, при тогдашней невысокой цѣнѣ на хлѣбъ, все-таки приносило изрядный доходъ. Онъ былъ женатъ на Телѣгиной (кажется, звали ее Настасьей Михайловной) и нѣсколько лѣтъ былъ уже вдовцомъ. Когда онъ женился, его невѣстѣ было 11 лѣтъ, и въ приданое ей отпустили нѣсколько куколъ. Барыковъ имѣлъ что-то очень много дѣтей, чуть ли не 18 человѣкъ, изъ которыхъ три сына и девять дочерей достигли совершеннаго возраста. Весьма понятно, что имѣя та-

кую большую семью, а средства очень ограниченныя, онъ не то, чтобы совсѣмъ нуждался, но едва-едва сводилъ концы съ концами; жилъ постоянно въ деревнѣ, хозяйничалъ и какъ могъ пробавлялся тѣмъ, что̀ получалъ.

Барыковы хотя по своему происхожденію и старинные дворяне, но никто изъ нихъ съ-поконъ вѣка не дослуживался до большихъ чиновъ, не былъ женатъ на знатныхъ и не имѣлъ богатыхъ помѣстій. По пословицѣ: жили — не тужили, что̀ имѣли — берегли.

Старшія дочери росли въ деревнѣ, а изъ среднихъ одну, Авдотью Ѳеодоровну, отецъ вздумалъ отдать въ Москву въ Екатерининскій институтъ; она оканчивала свое ученіе, ей было только пятнадцать лѣтъ и, не зная, что̀ съ ней дѣлать, Ѳедоръ Лаврентьевичъ пріѣхалъ посовѣтоваться съ моимъ мужемъ. Я ихъ застала на этомъ разговорѣ.

— Вы сами посудите, сударыня, говорилъ онъ мнѣ,—Дунюшка получила хорошее воспитаніе, ей нѣтъ еще шестнадцати лѣтъ. Ну, привезу я ее въ деревню: живемъ мы не въ роскошествѣ, очень сѣро и сурово, сосѣдей у насъ подходящихъ для дѣвочки нѣтъ, она изноетъ и съ тоски пропадетъ... Думаю, ужь не оставить ли ее совсѣмъ въ институтѣ...

— Вы бы привезли вашу дочку къ намъ и насъ бы съ ней познакомили, говорю я Барыкову.

А сама думаю: «понравится дѣвочка, предложу отцу оставить ее у насъ погостить, а тамъ будетъ видно».

Пріѣхалъ опять Барыковъ и привезъ съ собой дочь: худенькая, стройная, такая субтильная, очень недурна лицомъ, только немного рябовата и ужасно застѣнчива... Очень мнѣ она полюбилась... Оставила я ихъ обѣдать. Собрались вечеромъ уѣзжать, я и говорю отцу: «когда совсѣмъ возьмете вашу дочь изъ института, не возите ее въ деревню, она однихъ лѣтъ съ Клеопатрой, пусть у насъ погоститъ покуда... А тамъ, что̀ Богъ дастъ».

Отецъ у меня цѣлуетъ руки, благодаритъ со слезами, кланяется чуть не въ ноги, такъ я ему этимъ предложеніемъ удружила.

Пришла я потомъ къ Дмитрію Александровичу и говорю ему, что̀ я предложила Барыкову. Онъ одобрилъ меня.

— Ты точно угадала мои мысли и я хотѣлъ тебѣ посовѣ-

товать это, да не успѣлъ, а ужь ежели ты это сдѣлала по своему внушенію, и того лучше: значитъ, мы сходимся въ мысляхъ.

Черезъ сколько-то времени Барыковъ привезъ къ намъ свою институтку погостить, пока ей не захочется къ отцу въ домъ, и прогостила она въ моемъ домѣ ни много, ни мало, восемнадцать лѣтъ, пока судьба не свела ее съ ея суженымъ.

Въ то время въ институтахъ барышень держали только что не на-заперти и такъ строго, что, вышедши оттуда, онѣ были всегда престранныя, презастѣнчивыя и все имъ было въ диковинку, потому что ничего не видывали.

Когда переѣхала ко мнѣ Авдотья Ѳедоровна, я дала ей оглядѣться и недѣли двѣ погулять; вижу, что она ничего не дѣлаетъ: не работаетъ, не читаетъ, а какъ начнется день, усядется въ гостиной у окна и все только смотритъ на проѣзжающихъ...

И говорю я ей:—Вотъ что̀, моя милая: я вижу, что ты ничѣмъ не занята, только все въ окно глядишь, это никуда не годится; хоть ты и окончила свое ученье въ институтѣ, но ты еще такъ молода, что тебѣ не мѣшаетъ и еще поучиться, да и зады протверживать; посовѣтовала бы и тебѣ присѣсть опять за грамоту; мои дочери рисуютъ — рисуй и ты, онѣ играютъ на клавикордахъ, ну, и ты садись и брянчи; какой онѣ урокъ берутъ, и ты отъ нихъ не отставай.

Ужь по нутру ли ей это было, или нѣтъ, я этого не знаю, только присадила я ее опять за ученіе, а то какъ это, статочное ли дѣло, день-деньской ничего не дѣлать и сидѣть или у окна, или шляться изъ угла въ уголъ безъ всякой работы; сама потомъ была мнѣ благодарна за это.

VI.

Здоровье Дмитрія Александровича день ото дня становилось все хуже и хуже. Было нѣсколько консиліумовъ, которые я созывала не потому, чтобъ ожидала отъ нихъ облегченія для больного, а чтобы себя потомъ не упрекнуть, что не все сдѣлано, что̀ бы слѣдовало или нужно было сдѣлать...

Доктора объявили, что водяная приближается къ концу и хотя не опредѣляли дня кончины, но безъ обиняковъ уже го-

ворили мнѣ быть готовою на всякій часъ, что смерть можетъ послѣдовать неожиданно: вода подымется, зальетъ... и всему конецъ.

Можно себѣ представить, каково мнѣ было это знать и что̀ должна я была тогда чувствовать.

Всегда усердный къ Богу и богомольный съ молодости, Дмитрій Александровичъ, въ послѣднее время предъ кончиной, нѣсколько разъ пріобщался Святыхъ Таинъ и, дня два спустя послѣ Благовѣщенія, пожелалъ пособороваться... Ему было очень тяжело: ноги пухли, дыханіе становилось затруднительно, въ особенности по ночамъ, спать хочется, а лечь нельзя, и приходилось его обкладывать подушками, чтобъ онъ могъ дремать, сидя то на креслѣ, то въ постели... Послѣ соборованія какъ будто немного полегчало; онъ позвалъ, чтобы мы всѣ къ нему собрались и онъ съ нами говорилъ довольно долго, со всѣми вмѣстѣ и наединѣ съ каждою, и давалъ намъ всѣмъ наставленія...

Грушенькѣ онъ говорилъ на счетъ графа Толстого, который опять пытался свататься... «Прошу тебя, моя милая, не огорчай ты насъ съ матерью, перестань думать о Толстомъ. Знаю, что онъ тебѣ нравится, но намъ не хочется этого брака: онъ человѣкъ безъ состоянія, службы не имѣетъ, занимается пустяками — рисуетъ да лѣпитъ куколки; на этомъ далеко не уѣдешь... Нѣтъ, голубушка, обѣщай, что ты объ немъ больше думать не станешь, — я спокойно умру...»

Грушенька очень плакала, однако обѣщала отцу, что за Толстого замужъ не пойдетъ...

Она могла бы еще и за другимъ Толстымъ быть замужемъ, именно, за однимъ изъ двоюродныхъ братьевъ. Онъ часто у насъ бывалъ и мы принимали его какъ родню, а совсѣмъ не какъ жениха. Однажды онъ говорилъ мнѣ: «ma cousine, что̀ бы вы мнѣ сказали, ежелибъ я посватался за одну изъ вашихъ дочерей, за Agrippine?»

Я спрашиваю его: «Да что̀ ты это въ шутку мнѣ говоришь?»

— Нѣтъ, ma cousine, очень серьезно, отвѣчаетъ онъ.

— Ну, и я скажу тебѣ серьезно, что мы слишкомъ близкіе родные, чтобъ я согласилась отдать за тебя которую-нибудь изъ дочерей: твоя мать мнѣ родная тетка, и вдругъ,

Грушенька будетъ ея снохой: да этого брака и архіерей не разрѣшитъ...

Потомъ онъ женился на Павловой и имѣлъ сына и дочь.

Не надолго мы порадовались, что Дмитрію Александровичу полегчало: 28-го марта, наканунѣ дня моего рожденія, которое пришлось въ тотъ годъ въ среду на вербной недѣлѣ, какъ всегда, у насъ была всенощная на дому и въ комнатѣ у больного, которому хотѣлось молиться вмѣстѣ со всѣми нами, и хотя служба была очень непродолжительна, но это его утомило и ночь была очень трудная для него. Въ день моего рожденія мнѣ было особенно грустно, зная навѣрно, что этотъ день мы встрѣчаемъ въ послѣдній разъ вмѣстѣ.

Меня пріѣзжаютъ поздравлять, а мнѣ, право, не до поздравленій.

На слѣдующій день больному сдѣлалось еще труднѣе; въ пятницу мы во весь день отъ него не отходили, ежеминутно ожидая его кончины. Онъ былъ въ памяти, но дышалъ трудно и тосковалъ; послѣ полуночи, съ пятницы на субботу, онъ началъ уже совсѣмъ отходить и въ 3 часа по полуночи, апрѣля 1-го, подъ Лазареву субботу, его не стало въ живыхъ. Какъ мы ни были подготовлены къ этой потерѣ, но кончина Дмитрія Александровича всѣхъ насъ ужасно поразила, точно мы и не ожидали, что насъ постигнетъ это горе. Я совершенно растерялась, и спроси меня, какъ и что̀ было, ничего не могу вспомнить и не умѣю разсказать.

Помню только, что когда началась первая панихида, Грушенька упала безъ чувствъ и ее вынесли замертво изъ комнаты.

И поутру, въ день кончины, пріѣхалъ Степанъ Степановичъ Апраксинъ и, узнавъ, что мой мужъ скончался, онъ, весь въ слезахъ, пришелъ ко мнѣ и говоритъ:

— Елизавета Петровна, располагайте мною, приказывайте мнѣ, что̀ нужно, я готовъ сдѣлать все, что̀ могу.

И при этомъ горько плакалъ.

Такое живое участіе меня очень тронуло.

Обо всемъ похоронномъ хлопотали братъ, князь Владиміръ Михайловичъ Волконскій, и деверь мой, Николай Александровичъ Яньковъ.

Отпѣваніе было во вторникъ на страстной недѣлѣ, въ на-

шемъ приходѣ у Бориса и Глѣба, что у Арбатскихъ воротъ и послѣ того тѣло тотчасъ повезли въ деревню. Провожать поѣхалъ мой деверь Яньковъ. Дорога портилась: везли всю ночь и на утро, въ великую среду, привезли къ границѣ нашихъ владѣній. Наши крестьяне, изо всѣхъ пяти деревень, ожидали прибытія печальной колесницы и, взявъ гробъ на руки, несли, перемѣняясь, въ село до самой церкви. Покойника всѣ любили и, говорятъ, плачъ и вой были таковы, что и представить себѣ невозможно.

По совершеніи литургіи и панихиды, тѣло было опущено въ приготовленную могилу въ алтарѣ неосвященнаго придѣла пророка Даніила, рядомъ съ тѣлами моей матушки, свекрови Анны Ивановны, скончавшейся въ 1772 году, и моей золовки Клеопатры Александровны, скончавшейся два года спустя послѣ смерти своей матушки. Въ то время былъ только одинъ придѣлъ въ теплой церкви, и обѣ онѣ были погребены за лѣвымъ клиросомъ; а когда зимняя церковь была расширена и вмѣсто одного придѣла сдѣлано два, то и приноровили такъ, чтобы престолъ лѣваго придѣла пришелся надъ самымъ гробомъ Анны Ивановны. Дмитрій Александровичъ лежитъ вправо, близь южной двери.

Этотъ придѣлъ пророка Даніила мы предполагали освятить весной, но болѣзнь Дмитрія Александровича замедлила работу живописца, такъ какъ онъ самъ любилъ этимъ заниматься. Послѣ его кончины я велѣла спѣшить для того, чтобы въ сороковой день можно было уже освятить и совершить литургію.

VII.

Какъ грустно мы встрѣтили и провели въ этотъ годъ Пасху, можно себѣ представить. До истеченія шести недѣль мы поѣхали въ деревню по просухѣ, какъ только возможно было проѣхать.

Я послала въ Дмитровъ пригласить на освященіе настоятеля Борисоглѣбскаго монастыря, архимандрита Досиѳея, по фамиліи Голенищева-Кутузова. Онъ былъ человѣкъ очень видный изъ себя и представительный и служеніе совершалъ съ большимъ благоговѣніемъ. Ему было лѣтъ подъ 70. Онъ

сказывалъ, что еще въ молодости чувствовалъ склонность къ монашеской жизни, но по домашнимъ обстоятельствамъ долженъ былъ вступить въ службу, которую началъ очень рано, въ первые годы царствованія императрицы Екатерины II; бывалъ не разъ въ сраженіяхъ и, дослужившись до капитана, вышелъ въ отставку съ маіорскимъ чиномъ, имѣя отъ роду около 40 лѣтъ, и въ скоромъ послѣ того времени рѣшился исполнить давнее свое желаніе—идти въ монахи. Куда поступилъ онъ сперва — не могу сказать, но постриженъ въ Екатерининской пустыни (по близости отъ каширской дороги) и былъ тамъ невступно три года настоятелемъ. Пустынь была скудная, братство очень малое и все больше изъ подначальныхъ, такъ что ему было много отъ того хлопотъ и непріятностей. Онъ и рѣшился оставить начальство, сталъ проситься на покой у митрополита Платона и былъ опредѣленъ въ Троицкую лавру въ число монаховъ, и такъ провелъ очень спокойно и мирно болѣе двухъ лѣтъ. За годъ до нашествія французовъ на Россію, въ маѣ мѣсяцѣ (въ скоромъ времени послѣ кончины извѣстнаго въ свое время архимандрита Пѣсношскаго Макарія, прежде управлявшаго и Дмитровскимъ монастыремъ), на мѣсто переведеннаго изъ Дмитрова бывшаго тамъ игумена въ другой монастырь, владыка призвалъ отца Досиѳея и объявилъ ему о его назначеніи въ Борисоглѣбскій монастырь и въ іюлѣ мѣсяцѣ самъ посвятилъ его во архимандрита [1]).

---

[1]) Къ этому словесному разсказу прибавляемъ точныя свѣдѣнія, заимствованныя нами изъ Описанія московскаго Златоустовскаго монастыря, архимандрита Григорія. См. стр. 45. Досиѳей Голенищевъ-Кутузовъ (1816—1819)—изъ дворянъ. Военная служба доставила ему чинъ секундъ-маіора. По выходѣ въ отставку, онъ находился, съ 24-го декабря 1792 года, въ Екатерининской пустыни. Въ монашество постриженъ 1806 года, ноября 21-го, посвященъ въ іеродіакона декабря 6-го, во іеромонаха 25-го числа. Въ 1807 году, января 3-го, назначенъ строителемъ Екатерининской пустыни. Отъ сей должности, согласно прошенію, уволенъ въ 1809 году, съ опредѣленіемъ въ число братіи Троицкой Сергіевой лавры; въ 1811 году, августа 20-го, произведенъ въ Дмитровскій Борисоглѣбскій монастырь во архимандрита. Въ 1816 году, іюля 20-го, переведенъ въ Златоустовъ монастырь, гдѣ и скончался 2-го іюня 1819 года, на семьдесятъ первомъ году отъ рожденія. Сохранился портретъ его, писанный красками на полотнѣ.

Отецъ Досиѳей былъ мужъ словесный и духовный, въ управленіи взыскательный и строгій, а въ своей келейной жизни истинный подвижникъ. Въ скоромъ времени, въ это же лѣто, онъ былъ переведенъ въ Москву въ Златоустовъ монастырь.

При освященіи нашей церкви, кромѣ духовнаго торжества и заупокойной обѣдни съ панихидою, ничего не было: мы были въ глубокомъ траурѣ и не до веселій намъ было, да и неприлично созывать друзей и сосѣдовъ. Съ нами плакали и молились только наши самые близкіе: Титовы да изъ Хорошилова Елизавета Сергѣевна и ея сестра Бутурлина.

Со мной пріѣхала изъ Москвы сестра Анна Петровна, а наканунѣ мой деверь Николай Александровичъ съ Ѳедосьей Андреевной и съ кѣмъ-то изъ дѣтей. Возвратились мы изъ церкви, напились чаю и пошли уже за столъ обѣдать. Сняли горячее... слышимъ, кто-то стучится въ стеклянную дверь, чтò на балконъ. Говорю людямъ, чтобы посмотрѣли, кто тамъ. Отворяется дверь изъ маленькой гостиной и входитъ князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ.

— Вотъ, Елизавета Петровна, говоритъ онъ,—не привелъ Богъ побывать здѣсь при хозяинѣ, такъ по крайней мѣрѣ, послѣ него пріѣхалъ навѣстить его скорбную вдову и его помянуть. Мы съ сестрой переглянулись, насъ обѣихъ это покоробило и показалось намъ привѣтствіе князя Ивана Михайловича не очень умѣстнымъ... Умный былъ человѣкъ, но часто, по живости своего характера, дѣлалъ непростительные промахи.

Онъ выѣхалъ изъ Москвы очень рано поутру и надѣялся попасть во-время къ поздней обѣднѣ, но что-то такое приключилось на дорогѣ съ его коляской и онъ попалъ только уже къ обѣду.

Благодарна была я ему за его дружбу къ покойному моему мужу, но признаюсь, подосадовала на его не совсѣмъ умѣстное привѣтствіе...

Преосвященный Августинъ отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ и говорилъ: «князь Иванъ Михайловичъ вельми уменъ, но не вельми благоразуменъ». И точно, онъ часто увлекался и дѣлалъ иногда промахи, какихъ не сдѣлаетъ и человѣкъ съ очень посредственнымъ умомъ. По этой причинѣ

онъ и пострадалъ, когда былъ губернаторомъ. Честный и хорошій человѣкъ, любящій мужъ и нѣжный отецъ, въ обществѣ человѣкъ самый пріятный, въ дружбѣ очень преданный и въ свое время не послѣдній изъ писателей, онъ все имѣлъ, чтобы сдѣлать блестящую карьеру, и при этомъ, какъ и самъ говаривалъ, никогда не могъ выбиться изъ давки: онъ всю жизнь свою провелъ подъ тяжелымъ гнетомъ долговъ и враговъ. Это потому, быть можетъ, что онъ былъ великій мастеръ на всякія пріятныя, но ненужныя дѣла, а какъ только представлялось какое-нибудь дѣло нужное и важное, точно у него дѣлалось какое затмѣніе ума: онъ принимался хлопотать, усердно хлопоталъ и все портилъ и много разъ совершенно бы погибъ, если бы вліятельные друзья и сильные помощники не выручили его изъ бѣды.

Собою былъ онъ очень некрасивъ, и мало этого, можно сказать, былъ даже безобразенъ; онъ зналъ это и чувствовалъ и очень мило надъ собою подшучивалъ: «Мать натура для меня была злою мачихой, отъ того у меня и была такая скверная фигура, а на нижнюю губу матеріала она не пожалѣла и ужь такую мнѣ благодатную губу скроила, что изъ нея и двѣ бы могли выдти, и тѣ не маленькія, а очень изрядныя».

Не знаю, какъ онъ смолоду держалъ себя въ отношеніи одежды; можетъ быть, когда нашивали шелки да бархаты, то и онъ былъ щеголемъ, но въ послѣдствіи времени, когда уже перевалилъ за сорокъ, на вторую половину, онъ мало обращалъ вниманія на свой туалетъ, былъ очень неряшливъ въ домашнемъ быту и съ короткими своими.

Несмотря на всю свою неприглядность, князь Иванъ Михайловичъ заставлялъ забывать въ разговорѣ, что некрасивъ собой: бывало, слушаешь его умныя рѣчи и замысловатыя шутки, а каковъ онъ изъ себя—объ этомъ и позабудешь.

Онъ былъ женатъ два раза, и обѣ его жены были красавицы и очень его любили. Вотъ ужь подлинно можно было объ немъ сказать по пословицѣ: не родись пригожъ, а родись счастливъ [1]).

[1]) Онъ былъ женатъ: 1) на Евгеніи Сергѣевнѣ Смирновой, род. 24 дек. 1770, † 12 мая 1804; 2) на вдовѣ Аграфенѣ Александровнѣ Пожарской, урожд. Безобразовой, род. 1766, † 16 авг. 1848.

VIII.

Очень мнѣ трудно было первое время заставить себя приняться за дѣло по управленію имѣніями. Въ важныхъ дѣлахъ Дмитрій Александровичъ всегда со мною совѣтовался и мы съ нимъ сообща рѣшали, но я никогда не входила во всѣ подробности хозяйства и хотя я была замужемъ невступно 23 года, никогда я не слѣдила, какъ и когда что̀ дѣлается, а теперь мнѣ приходилось самой все рѣшать. Желая помянуть мужа чѣмъ-нибудь сдѣланнымъ для церкви, я рѣшила снять верхній деревянный ярусъ съ нашей колокольни и велѣть наддѣлать его изъ кирпича. Кирпичный заводъ былъ свой и свой архитекторъ, братъ Михаила Ивановича (камердинера моего мужа), Александръ Михайловъ Татариновъ. Онъ былъ искусный землемѣръ, хорошій рисовальщикъ по чертежной части и знающій по строительной части, но ужасно настойчивъ и упрямъ въ своихъ мнѣніяхъ. Когда я сказала ему, что намѣрена класть второй ярусъ на колокольнѣ кирпичный, онъ сталъ увѣрять меня, что это невозможно и что тяжесть надстройки придавитъ весь низъ. Эта мысль ужасно меня тревожила и я не знала, на что̀ мнѣ рѣшиться. Вотъ какъ-то, въ маѣ мѣсяцѣ, лежу я на диванѣ въ гостиной и думаю, что̀ мнѣ дѣлать? Вдругъ человѣкъ бѣжитъ мнѣ докладывать, что пріѣхалъ Степанъ Степановичъ Апраксинъ и еще кто-то съ нимъ.

Входятъ они въ гостиную и говоритъ мнѣ Апраксинъ, что онъ по пути въ Москву заѣхалъ меня провѣдать въ горѣ.

«А вотъ это, говоритъ онъ, указывая на своего спутника,— monsieur Comporesi, министръ всѣхъ ольговскихъ построекъ и верховный учредитель всѣхъ нашихъ празднествъ».

Я поняла, что это архитекторъ, очень этому обрадовалась и тотчасъ стала разсказывать, что за пять минутъ до ихъ пріѣзда я не знала, что̀ мнѣ дѣлать съ моею колокольней и къ кому обратиться за совѣтомъ.

— Ну вотъ, какъ это хорошо, засмѣялся Апраксинъ,—вы только подумали, а мы и подслушали и пріѣхали. Вотъ вамъ и человѣкъ.

Я велѣла принести планы; Компорези посмотрѣлъ и потомъ

пошли они осматривать колокольню и возвратились съ извѣстіемъ, которое меня очень успокоило.

— Можете еще два яруса строить, сказалъ Компорези,— и не опасайтесь: низъ проченъ и сдержитъ всякую тяжесть.

Такъ я и стала строить колокольню съ разрѣшенія преосвященнаго Августина, и къ концу осени кладка была окончена.

IX.

Въ этомъ году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, родился у брата Николая Петровича второй сынъ Александръ; старшему мальчику, Петрушѣ, былъ уже четвертый годъ, а Настенькѣ исполнилось уже шесть лѣтъ. Она была прехорошенькая дѣвочка и Петруша премилый мальчикъ; но моя невѣстка, изъ опасенія за ихъ здоровье, держала ихъ на слишкомъ строгой діэтѣ, и бѣдныя дѣти всегда были преголодныя и потому прехуденькія. Марья Петровна боялась повредить ихъ здоровью и, думая сохранить его, этимъ-то его и портила и, кромѣ Настеньки, никто изъ нихъ и не дожилъ до совершенныхъ лѣтъ.

Въ концѣ іюня, скончалась моя двоюродная невѣстка, княгиня Марѳа Никитична Волконская, жена князя Дмитрія Михайловича. Она въ молодыхъ лѣтахъ была недурна собою, небогатая дворянка по фамиліи Зыбина, какая-то дальняя родственница князей Репниныхъ-Волконскихъ, у которыхъ она и жила въ домѣ, и у нихъ ее и видалъ братъ князь Дмитрій. Она ему нравилась, а главное, была ему жалка, потому казалось ему, что она въ загонѣ. Тетушка княгиня Марья Михайловна была еще въ живыхъ, братъ вздумалъ было на ней жениться и сталъ просить у матери благословенія. Тетушка была очень горяча характеромъ, ну, и кромѣ того,—что же не сказать правды? она не могла помириться съ мыслію, чтобъ ея сынъ, князь Волконскій, женился на какой-нибудь неизвѣстной и бѣдной дворянкѣ Зыбиной и не изволила согласиться.

— Нѣтъ тебѣ моего материнскаго благословенія на этотъ бракъ; пока я жива, и слышать объ этомъ не хочу.

Такъ братъ и не женился.

Сказывали мнѣ, ужь не знаю — правда ли, что будто бы

тетушка сказала ему: «Прокляну тебя, ежели на ней женишься».

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ кончины своей матери, князь Дмитрій поставилъ, однако, на своемъ и былъ пренесчастный: характеръ жены его былъ ужасный, дѣти родились и всѣ умирали, а тѣ, которыя пережили ихъ, не оставили потомства, точно невидимая рука тяготѣла надо всѣми. Княгиню Марѳу схоронили рядомъ съ ея мужемъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, съ южной стороны теплаго трапезнаго храма, а тетушка княгиня Марья Михайловна положена возлѣ той же церкви съ сѣверной стороны, гдѣ въ послѣдствіи, по близости отъ ея могилы, схоронили и брата князя Владиміра.

X.

Когда я стала немного приходить въ себя послѣ мужниной кончины, я рѣшила взять гувернантку для Клеопатры, которой было 16 лѣтъ, и для Сонюшки, которой пошелъ 10-й годъ. Я и при Дмитріѣ Александровичѣ нѣсколько разъ объ этомъ думала и говорила ему, но онъ и слышать не хотѣлъ: въ памяти нашей было еще слишкомъ свѣжо непріятельское нашествіе и всѣ ужасы войны, причиненные французами, чтобы рѣшиться принять къ себѣ въ домъ кого-нибудь изъ ихъ націи; болѣе двухъ лѣтъ Дмитрій Александровичъ не могъ слышать французскаго языка и запретилъ дѣтямъ при себѣ говорить иначе, какъ по-русски. Но со временемъ это непріятное воспоминаніе о двѣнадцатомъ годѣ ослабѣло, и я рѣшилась искать француженку не молодыхъ лѣтъ.

Много ихъ перебывало у меня, и всѣ онѣ были превертлявыя и совсѣмъ не то, чего я желала: наконецъ, пришла ко мнѣ старушка лѣтъ около шестидесяти, очень приличная, въ темномъ шелковомъ платьѣ, съ сѣденькими буклями, такая тихая въ манерахъ и спокойная, что я тотчасъ рѣшилась ее взять.

— Какъ васъ зовутъ? спрашиваю я.

— Мадамъ Рено.

Стала я разспрашивать, гдѣ она жила, и она разсказала мнѣ претрогательную исторію.

Она была вдова коммерсанта, имѣла единственнаго сына, молодого человѣка лѣтъ двадцати, прекрасныхъ правилъ, который предъ походомъ въ Россію попалъ въ конскрипцію и долженъ былъ отправиться съ Бонапартовскими войсками въ походъ. Это очень опечалило мать и она рѣшилась слѣдовать за сыномъ, пріютилась въ числѣ маркитантокъ и совершила съ ними утомительный путь. Когда непріятельскія войска были поражены и стали отступать, въ числѣ плѣнныхъ оказалась и мадамъ Рено. Въ ту пору стояли страшные холода, и этихъ несчастныхъ плѣнницъ одѣли въ нагольные тулупы и гнали цѣлою толпой, не то въ Минскъ, не то въ Могилевъ, и помѣстили въ острогъ. Не умѣю сказать, кто былъ тогда тамъ губернаторомъ; къ нему обратилась мадамъ Рено съ просьбой узнать, въ живыхъ ли ея сынъ Доминикъ и гдѣ онъ находится? У губернатора были дочери; мадамъ Рено ему очень понравилась и онъ предложилъ ей остаться у него въ домѣ. Можно себѣ представить, до чего она обрадовалась такому благополучію. Такъ она и жила у губернатора; ее очень полюбили, и когда всѣ барышни вышли замужъ, она разсталась съ этимъ добрымъ семействомъ и поспѣшила въ Москву, чтобы свидѣться съ сыномъ.

Чѣмъ больше я слушала старушку, тѣмъ болѣе она мнѣ нравилась, и уговорилась съ ней за двѣ тысячи рублей ассигнаціями жалованья въ годъ, и кромѣ того, она выговорила, чтобы чрезъ воскресенье я давала ей карету и непремѣнно четверней, чтобы съѣздить къ обѣднѣ въ католическую церковь, которая гдѣ-то за Басманной, на краю свѣта.

— Знакомыхъ у меня нѣтъ, кромѣ церкви мнѣ ѣздить некуда, а сыну моему позвольте по воскресеньямъ и праздникамъ приходить обѣдать.

Не ошиблась я насчетъ мадамъ Рено; она была во всѣхъ отношеніяхъ достойная уваженія женщина: умная, благочестивая, съ прекраснымъ парижскимъ выговоромъ, очень, очень приличной наружности и съ манерами и обхожденіемъ хорошаго общества.

Она совершенно сроднилась съ нами, такъ что и сына своего считала какъ бы общимъ и, говоря о немъ, всегда называла его «notre fils» — нашъ сынъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ женился на дочери книгопродавца Рисса, который потомъ ему передалъ часть своей книжной лавки, а другая перешла къ Урбену.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

I.

Въ 1817 году прибылъ въ Москву, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, дворъ и въ октябрѣ мѣсяцѣ столица была свидѣтельницей великаго торжества, какого она, можетъ-быть, вторично никогда и не увидитъ: закладки храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ Горахъ. Покойный государь Александръ Павловичъ, находясь въ 1812 году въ Вильнѣ, въ самый день Рождества Христова, издалъ манифестъ, въ которомъ было сказано, что, въ память освобожденія Москвы отъ непріятеля, будетъ воздвигнутъ храмъ во имя Христа Спасителя. Это извѣстіе, скоро распространившееся по Россіи, всѣхъ приводило въ восторгъ, потому что говорили о такомъ великолѣпномъ и обширномъ храмѣ, каковыхъ не было, нѣтъ и не будетъ.

Долго не знали, гдѣ выберутъ мѣсто для этой диковины, наконецъ, говорятъ: «на Воробьевыхъ Горахъ».—Какъ на Воробьевыхъ Горахъ? да тамъ сыпучій песокъ.—«Ничего, отвѣчаютъ, можно вездѣ строить, лишь бы хорошъ былъ бутъ; ежели цѣлый городъ, какъ Петербургъ, выстроенъ на болотѣ и на сваяхъ, отчего на песчаномъ мѣстѣ не построить храма»?—Да кто же станетъ за городъ ѣздить, когда въ осеннее и весеннее время чрезъ Дѣвичье Поле ни пройти, ни проѣхать нельзя?—«Нужды нѣтъ, храмъ велѣно тамъ строить, потому что тамъ въ 1812 году стоялъ послѣдній непріятельскій пикетъ».

И вмѣсто всеобщаго восторга, стали говорить шепотомъ, что храму не бывать на Воробьевыхъ Горахъ.

Планъ чертилъ какой-то очень искусный архитекторъ Витбергъ, и говорятъ, что чертежъ такъ полюбился государю

императору, что онъ заплакалъ и сказалъ: «Ну, я не думалъ, что кто-нибудь такъ угадаетъ мою мысль». Это все было на моей памяти: и начало, и конецъ Воробьевскаго храма. Исторія долго тянулась, лѣтъ десять или болѣе и дѣло кончилось тѣмъ, что чрезъ интриги погубили бѣднаго Витберга, человѣка очень честнаго и, говорятъ, великаго художника и знатока въ своемъ дѣлѣ.

Помѣшалъ не песокъ и не отдаленность мѣстности, а то, что Витбергъ былъ человѣкъ не практическій и думалъ все сдѣлать безъ подрядовъ и безъ взятокъ, ну, конечно, и попалъ въ просакъ. Но самая пущая для него была бѣда, что онъ попалъ между двухъ огней: между графомъ Аракчеевымъ и княземъ Голицынымъ, министромъ духовныхъ дѣлъ; они другъ другу солили и вредили, а Витбергъ изъ-за ихъ вражды погибъ ни за что̀, ни про что̀.

Сколько лѣтъ подготовляли мѣстность для закладки храма, я не съумѣю сказать; знаю только, что торжество происходило 12 октября 1817 года. Въ то время ходила по рукамъ рукописная тетрадь, въ которой было подробное описаніе всѣхъ церемоній, и я для памяти велѣла эту тетрадь списать [1]).

За нѣсколько дней до закладки разносили по домамъ печатныя объявленія, гдѣ ѣхать и какъ что̀ будетъ происходить.

Я долго не могла рѣшиться, откуда лучше смотрѣть—съ Пречистенки ли изъ нашего строившагося дома, или попасть на самую закладку. Наконецъ, рѣшила я отправиться на Воробьевы Горы, и хотя по моему чину мнѣ нигдѣ и мѣста не было, но нашлись добрые люди и я все видѣла лучше многихъ сенаторскихъ и генеральскихъ женъ. Тогда московскимъ генералъ-губернаторомъ былъ графъ Тормасовъ, [2]) поступившій послѣ графа Растопчина, а архіереемъ преосвященный

---

[1]) Эта тетрадь, переписанная въ то время, къ счастію, уцѣлѣла и хотя она написана очень дубоватымъ, полуподъяческимъ, полусеминарскимъ превыспреннимъ языкомъ, пользуюсь ею для пополненія устныхъ разсказовъ, которые не могли бы никакъ быть столь подробными по прошествіи болѣе тридцати лѣтъ.

[2]) Когда послѣ выхода въ отставку графа Растопчина назначили Тормасова, Растопчинъ, недовольный, что его преемникъ не познатнѣе кто-нибудь, говорилъ съ насмѣшкой: «Ну, Москвѣ подтормозили, вѣрно слишкомъ прытко шла». Это передали Тормасову и онъ сказалъ: «Ничуть Москва не шла прытко, она была совсѣмъ растоптана».

Августинъ; военнымъ парадомъ распоряжался графъ Петръ Александровичъ Толстой.

Мы очень рано выбрались изъ дома и поѣхали на Дѣвичье Поле; народъ валилъ толпой, каретъ ѣхало премножество, несмотря на то, что былъ рѣзкій вѣтеръ и очень холодно; небо было самое осеннее: такъ и ждали, что вотъ-вотъ посыпетъ снѣгъ или сдѣлается изморозь, и потому на томъ мѣстѣ, гдѣ должна была совершиться закладка, устроили для высочайшихъ особъ палатку съ каминами.

Обѣдню должны были совершать въ маленькой церкви (Тихвинской Богоматери) въ Лужникахъ, за Дѣвичьимъ Полемъ, за рѣкой, черезъ которую перекинутъ былъ мостъ, и пришлось идти пѣшкомъ, и то два лакея съ трудомъ насъ провели; экипажи отсылали Богъ вѣсть куда... [1]).

«Благовѣстъ въ Лужникахъ начался въ восемь часовъ утра, а пріѣздъ духовенству и свѣтскимъ властямъ и всѣмъ знатнымъ особамъ былъ назначенъ въ девять съ половиною часовъ. Войска были разставлены отъ Кремля по Моховой, Пречистенкѣ, Дѣвичьему Полю до Воробьевыхъ Горъ, по одной сторонѣ въ четыре ряда. Артиллеріей командовалъ генералъ-маіоръ Павелъ Ивановичъ Мерлинъ.

«Въ одиннадцать часовъ утра мгновенно раздавшійся по всей Москвѣ колокольный звонъ и полковая музыка возвѣстили, что высочайшій поѣздъ слѣдуетъ изъ Кремля. Стеченіе народа было неисчислимое: кромѣ зрителей, во всѣхъ окнахъ всѣхъ домовъ (на тѣхъ улицахъ, по которымъ надлежало проѣзжать высочайшимъ особамъ) народъ былъ вездѣ,— на балконахъ, на заборахъ, на крышахъ, на подмосткахъ, гдѣ ихъ можно устроить...

«Государь императоръ Александръ Павловичъ, великій князь Николай Павловичъ и принцъ прусскій Вильгельмъ, въ сопровожденіи генералитета, изволили ѣхать верхомъ, а государыни императрицы—Елизавета Алексѣевна и Марія Ѳеодоровна—и великая княгиня Александра Ѳеодоровна, въ парадной каретѣ въ восемь лошадей. При вступленіи во храмъ, ихъ величества и ихъ высочества были встрѣчены

---

[1]) Съ этого мѣста подробности заимствуемъ изъ выше означенной тетради, замѣняя простымъ разсказомъ превыспренность слога.

архіепископомъ Дмитровскимъ Августиномъ, Грузинскимъ митрополитомъ Іоною, архіепископомъ Грузинскимъ Пафнутіемъ, архимандритами всѣхъ московскихъ монастырей и высшимъ бѣлымъ духовенствомъ [1]) съ Животворящимъ Крестомъ, послѣ чего ихъ императорскія величества и ихъ императорскія высочества слушали божественную литургію.

«На мѣстѣ, гдѣ должна была совершиться закладка храма, былъ устроенъ обширный помостъ или терраса и изъ церкви до оной проложена дорога, устланная досками и усыпанная пескомъ, а вверхъ до вершины горы вела широкая лѣстница. Посреди террасы, устланной краснымъ сукномъ, былъ приготовленъ продолговатый амвонъ о трехъ ступеняхъ, а на амвонѣ нѣсколько выше находились: 1) кубическій гранитный выдолбленный камень; 2) вода въ серебряной водосвятной чашѣ и 3) мѣста, покрытыя краснымъ сукномъ, для поставленія на оныхъ чудотворныхъ иконъ изъ Успенскаго собора.

«По совершеніи литургіи послѣдовалъ крестный ходъ изъ Тихвинской церкви на мѣсто заложенія храма: впереди несли хоругви, чудотворныя иконы Божіей Матери Владимірскія и Иверскія, слѣдовали хоры пѣвчихъ, придворныхъ и синодальныхъ; духовенство, по старшинству, въ числѣ болѣе 500 человѣкъ, въ богатыхъ облаченіяхъ; шествіе замыкалось государемъ императоромъ, государынями императрицами и прочими высочайшими членами царственнаго дома. Несмотря на стеченіе народа со всей Москвы, была удивительная тишина и слышно было только божественное пѣніе. Когда чудотворныя иконы были поставлены на приготовленныя для оныхъ мѣста, все духовенство размѣстилось въ опредѣленномъ порядкѣ и высочайшія особы вступили на террасу, началось молебное пѣніе съ водоосвященіемъ. По совершеніи онаго, архіепископъ Дмитровскій окропилъ святою водой то мѣсто, куда слѣдовало положить первый камень, а главный архитекторъ, академикъ Витбергъ, поднесъ государю императору мѣдную вызолоченную крестообразную доску съ надписью:

«Въ лѣто 1817, мѣсяца октября въ 12 день, повелѣніемъ благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго, великаго государя им-

---

[1]) Въ этотъ день въ крестномъ ходѣ при закладкѣ было болѣе 30 протоіереевъ, 300 священниковъ и около 200 діаконовъ.

ператора Александра Павловича, при супругѣ его благочестивѣйшей государынѣ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, при матери его, благочестивѣйшей государынѣ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, при благовѣрномъ государѣ цесаревичѣ и великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ и супругѣ его благовѣрной государынѣ, великой княгинѣ Аннѣ Θеодоровнѣ, при благовѣрномъ государѣ и великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ и супругѣ его благовѣрной государынѣ великой княгинѣ Александрѣ Θеодоровнѣ, при благовѣрномъ государѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, при благовѣрной государынѣ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ и супругѣ ея, при благовѣрной государынѣ королевѣ Виртембергской Екатеринѣ Павловнѣ и супругѣ ея, при благовѣрной государынѣ великой княгинѣ Аннѣ Павловнѣ и супругѣ ея, заложенъ сей храмъ Господу нашему Спасителю Іисусу Христу во славу Пресвятаго Имени и въ память неизглаголанныхъ милостей, какія благоволилъ явить намъ, даровавъ спасеніе любезному отечеству нашему въ 1812 лѣто и прославивъ въ насъ крѣпкую десницу Свою, сокрушающую брани.

«При заложеніи храма присутствовалъ благочестивѣйшій самодержавнѣйшій великій государь императоръ Александръ Павловичъ, супруга его благочестивѣйшая государыня императрица Елизавета Алексѣевна, матерь его благочестивѣйшая государыня императрица Марія Θеодоровна, благовѣрный государь великій князь Николай Павловичъ, супруга его благовѣрная государыня великая княгиня Александра Θеодоровна и его королевское высочество прусскій принцъ Вильгельмъ. При семъ священнодѣйствовалъ управляющій московскою митрополіей Августинъ, архіепископъ Дмитровскій.

«Планъ и фасадъ храма сочинялъ академикъ Карлъ Витбергъ, коему и производство строенія высочайше поручено.

«Господи Спасителю нашъ! призри съ высоты Святыя на мѣсто сіе, избери его въ жилище Себѣ и благослови дѣла рукъ нашихъ».

«Дску эту государь съ благоговѣніемъ вложилъ въ углубленіе означеннаго гранитнаго камня, затѣмъ Витбергъ поднесъ государю два серебряныя вызолоченныя блюда, на одномъ — мраморную плитку и серебряные вызолоченные молотокъ и лопатку, а на другомъ — растворъ извести.

«Послѣ того Витбергъ поднесъ также и государынямъ императрицамъ такіе же два блюда съ мраморомъ и известью

и серебряные молотки и лопатки; сперва положили камни государыни императрицы и ихъ высочества, и преосвященный Августинъ; камни были изъ сибирскаго бѣлаго мрамора и на каждомъ имена высочайшей особы, полагавшей оный въ основаніе храма.

«Когда все сіе было исполнено, преосвященный Августинъ вступилъ на амвонъ и произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Гдѣ мы? Что̀ мы видимъ? Что̀ мы дѣлаемъ? Гдѣ мы? — На томъ мѣстѣ, на коемъ въ дванадесятое лѣто сія древняя столица съ ужасомъ узрѣла пламенникъ, непріятельскою рукою возженный на истребленіе ея. Узрѣла и, преклонивъ посѣдѣвшее чело, умоляла Господа, да будетъ она искупительною жертвой своего отечества. Что̀ мы видимъ? Видимъ ту же самую столицу, воскресшую изъ пепла и развалинъ, облеченную въ новыя красоты и велелѣпіе, паки возносящую до облаковъ златые верхи свои, кипящую обиліемъ и богатствомъ и веселящуюся о славѣ Россіи и о благоденствіи Европы. Что̀ мы дѣлаемъ? Пирамиды ли хотимъ воздвигнуть во славу соотечественниковъ нашихъ, которые непоколебимою вѣрностію къ Царю, пламенною любовію къ отечеству, достохвальными подвигами на полѣ браней содѣлали имена свои достойными вѣчнаго благословенія нашего?— О нѣтъ! что̀ есть человѣкъ внѣ Бога и безъ Бога? Богъ, разумовъ Господь, даетъ разумъ и мудрость; Господь силъ препоясуетъ немощные силою, и лукъ сильныхъ изнемогаетъ. Такъ что̀ мы дѣлаемъ? Предъ лицомъ неба и земли, исповѣдуя неизглаголанныя милости и щедроты, какія Верховный Владыка міра благоволилъ изліять на насъ, восписуя Ему Единому всѣ успѣхи, всю славу минувшихъ браней, полагаемъ основаніе храма, посвящаемаго Господу Богу и Спасителю нашему Іисусу Христу. Боже! очима нашима видѣхомъ, еже содѣлалъ еси во днѣхъ нашихъ: ибо не мечомъ нашимъ уничижихомъ возстающіе на ны, и мышца наша не спасе насъ. Ты Единъ спаслъ еси насъ отъ стужающихъ намъ и ненавидящихъ насъ посрамилъ еси. О Бозѣ похвалимся весь день и о Имени Его исповѣмыся во вѣкъ! (Пс. 43, ст. 9).

«Первопрестольная столица! Ты въ особенности носишь на себѣ печать чудесъ Божіихъ; въ твоихъ развалинахъ сокрушилось страшное могущество разрушителя; пламя, истребившее тебя, истребило и его силы; оно воспламенило сердца

ператора Александра Павловича, при супругѣ его благочестивѣйшей государынѣ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, при матери его, благочестивѣйшей государынѣ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, при благовѣрномъ государѣ цесаревичѣ и великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ и супругѣ его благовѣрной государынѣ, великой княгинѣ Аннѣ Θеодоровнѣ, при благовѣрномъ государѣ и великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ и супругѣ его благовѣрной государынѣ великой княгинѣ Александрѣ Θеодоровнѣ, при благовѣрномъ государѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, при благовѣрной государынѣ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ и супругѣ ея, при благовѣрной государынѣ королевѣ Виртембергской Екатеринѣ Павловнѣ и супругѣ ея, при благовѣрной государынѣ великой княгинѣ Аннѣ Павловнѣ и супругѣ ея, заложенъ сей храмъ Господу нашему Спасителю Іисусу Христу во славу Пресвятаго Имени и въ память неизглаголанныхъ милостей, какія благоволилъ явить намъ, даровавъ спасеніе любезному отечеству нашему въ 1812 лѣто и прославивъ въ насъ крѣпкую десницу Свою, сокрушающую брани.

«При заложеніи храма присутствовалъ благочестивѣйшій самодержавнѣйшій великій государь императоръ Александръ Павловичъ, супруга его благочестивѣйшая государыня императрица Елизавета Алексѣевна, матерь его благочестивѣйшая государыня императрица Марія Θеодоровна, благовѣрный государь великій князь Николай Павловичъ, супруга его благовѣрная государыня великая княгиня Александра Θеодоровна и его королевское высочество прусскій принцъ Вильгельмъ. При семъ священнодѣйствовалъ управляющій московскою митрополіей Августинъ, архіепископъ Дмитровскій.

«Планъ и фасадъ храма сочинялъ академикъ Карлъ Витбергъ, коему и производство строенія высочайше поручено.

«Господи Спасителю нашъ! призри съ высоты Святыя на мѣсто сіе, избери его въ жилище Себѣ и благослови дѣла рукъ нашихъ».

«Дску эту государь съ благоговѣніемъ вложилъ въ углубленіе означеннаго гранитнаго камня, затѣмъ Витбергъ поднесъ государю два серебряныя вызолоченныя блюда, на одномъ — мраморную плитку и серебряные вызолоченные молотокъ и лопатку, а на другомъ — растворъ извести.

«Послѣ того Витбергъ поднесъ также и государынямъ императрицамъ такіе же два блюда съ мраморомъ и известью

и серебряные молотки и лопатки; сперва положили камни государыни императрицы и ихъ высочества, и преосвященный Августинъ; камни были изъ сибирскаго бѣлаго мрамора и на каждомъ имена высочайшей особы, полагавшей оный въ основаніе храма.

«Когда все сіе было исполнено, преосвященный Августинъ вступилъ на амвонъ и произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Гдѣ мы? Что̀ мы видимъ? Что̀ мы дѣлаемъ? Гдѣ мы? — На томъ мѣстѣ, на коемъ въ дванадесятое лѣто сія древняя столица съ ужасомъ узрѣла пламенникъ, непріятельскою рукою возженный на истребленіе ея. Узрѣла и, преклонивъ посѣдѣвшее чело, умоляла Господа, да будетъ она искупительною жертвой своего отечества. Что̀ мы видимъ? Видимъ ту же самую столицу, воскресшую изъ пепла и развалинъ, облеченную въ новыя красоты и велелѣпіе, паки возносящую до облаковъ златые верхи свои, кипящую обиліемъ и богатствомъ и веселящуюся о славѣ Россіи и о благоденствіи Европы. Что̀ мы дѣлаемъ? Пирамиды ли хотимъ воздвигнуть во славу соотечественниковъ нашихъ, которые непоколебимою вѣрностію къ Царю, пламенною любовію къ отечеству, достохвальными подвигами на полѣ браней содѣлали имена свои достойными вѣчнаго благословенія нашего?— О нѣтъ! что̀ есть человѣкъ внѣ Бога и безъ Бога? Богъ, разумовъ Господь, даетъ разумъ и мудрость; Господь силъ препоясуетъ немощные силою, и лукъ сильныхъ изнемогаетъ. Такъ что̀ мы дѣлаемъ? Предъ лицомъ неба и земли, исповѣдуя неизглаголанныя милости и щедроты, какія Верховный Владыка міра благоволилъ изліять на насъ, восписуя Ему Единому всѣ успѣхи, всю славу минувшихъ браней, полагаемъ основаніе храма, посвящаемаго Господу Богу и Спасителю нашему Іисусу Христу. Боже! очима нашима видѣхомъ, еже содѣлалъ еси во днѣхъ нашихъ: ибо не мечомъ нашимъ уничижихомъ возстающіе на ны, и мышца наша не спасе насъ. Ты Единъ спаслъ еси насъ отъ стужающихъ намъ и ненавидящихъ насъ посрамилъ еси. О Бозѣ похвалимся весь день и о Имени Его исповѣмыся во вѣкъ! (Пс. 43, ст. 9).

«Первопрестольная столица! Ты въ особенности носишь на себѣ печать чудесъ Божіихъ; въ твоихъ развалинахъ сокрушилось страшное могущество разрушителя; пламя, истребившее тебя, истребило и его силы; оно воспламенило сердца

вались о немъ, какъ о человѣкѣ безукоризненно честномъ и достойномъ уваженія.

Несчастнаго судили, усчитывали, преслѣдовали по навѣтамъ сильныхъ враговъ; послѣ того куда-то послали на житье въ дальній городъ, и тамъ совсѣмъ скрутилась его жизнь.

Воробьевскій храмъ былъ задуманъ въ 1812 году въ Вильнѣ, въ 1817 году дѣлали закладку, въ началѣ двадцатыхъ годовъ учредили коммиссію, въ 1836 году придумали продолжать храмъ, стали говорить о построеніи его на мѣстѣ бывшаго Алексѣевскаго монастыря у Пречистенскихъ воротъ; въ 1837 году монастырь перевели въ Красное Село и строенія стали разбирать, а въ 1839 году совершили новую закладку на новомъ мѣстѣ...

Все это было на моей памяти...

II.

Кстати объ Аракчеевѣ, разскажу и объ Ильинѣ, и о нашихъ Толстыхъ.

Аракчеевъ, графъ Алексѣй Андреевичъ, извѣстный любимецъ императора Александра Павловича и очень вліятельный человѣкъ въ продолженіе всего его царствованія, былъ сынъ очень небогатенькаго бѣжецкаго дворянина, мелкопомѣстнаго и только-что не однодворца: онъ служилъ при императрицѣ Екатеринѣ и вышелъ въ отставку съ маленькимъ чиномъ. Онъ имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, и вотъ одинъ-то изъ нихъ, старшій, и дослужился до графства.

Этотъ Аракчеевъ имѣлъ пріятеля или, лучше сказать, друга, Василія Васильевича Ильина, который тоже былъ генераломъ. Ильиныхъ нѣсколько фамилій, совсѣмъ разныхъ происхожденій: одна изъ нихъ считаетъ себя происшедшею отъ Рюрика, и изъ этого рода я знала Елизавету Ѳедоровну, урожденную Еропкину; она приходилась племянницей Петру Дмитріевичу Еропкину... Къ которому роду принадлежалъ Василій Васильевичъ—я не знаю. Былъ онъ женатъ на дочери одного боровскаго, очень значительнаго и богатаго старовѣра; ее звали Прасковья Ивановна. Сказываютъ, она была въ молодости отмѣнно хороша собой; надобно думать, что и

самъ Ильинъ былъ видный изъ себя мужчина и молодецъ, потому что обѣ его дочери были писанныя красавицы.

Когда я ихъ стала знать въ 1817 году, видывая ихъ на балахъ, въ Собраніи и въ обществѣ, я была поражена ихъ красотой.

Первый, кто мнѣ указалъ на нихъ, былъ мой двоюродный братъ графъ Петръ Степановичъ Толстой, самый младшій изъ сыновей тетушки.

Однажды мы были въ Благородномъ Собраніи, графъ Петръ мнѣ и говоритъ: «Хотите, я вамъ покажу красавицъ Ильиныхъ?» и повелъ меня смотрѣть на нихъ... Точно, обѣ были хороши, и трудно было рѣшить, которая лучше: одна стройная, высокая, гибкая, съ голубыми глазами, румянецъ во всю щеку, волосы каштановаго цвѣта, — ну, просто ангелъ во плоти; другая тоже статная и стройная, немного пониже, нѣсколько блѣдноватая и волосы совершенно какъ ленъ, съ золотымъ отливомъ. Я сѣла и все на нихъ смотрѣла: на которую смотришь, та и кажется лучше, а глядишь на обѣихъ вмѣстѣ—и не знаешь, которой отдать предпочтеніе.

— Ну что̀, спрашиваетъ Петръ Степановичъ, — какъ вы находите, которая лучше?

— Обѣ хороши, говорю я,—а которая изъ себя пріятнѣе, это, я думаю, та, у которой потемнѣе волосы...

— Ее зовутъ Елизавета Васильевна, она мнѣ очень нравится, я за ней ухаживаю.

Такъ какъ Ильинымъ протежировалъ графъ Аракчеевъ, а къ тому же обѣ онѣ были прехорошенькія, то и не трудно было имъ попасть въ лучшее общество; былъ ли тогда отецъ ихъ живъ, или нѣтъ—не помню. Въ этомъ же 1817 году или въ началѣ 1818 года, братъ Петръ Степановичъ женился на Елизаветѣ Васильевнѣ; ей дали при замужествѣ сто тысячъ ассигнаціями, кромѣ приданаго, а сестра ея, Александра Васильевна, вышла потомъ за Логинова [1]). У нихъ былъ еще

[1]) Ал. Вас. Логинова имѣла нѣсколькихъ дочерей: 1) Анна Ивановна (старшая)—за очень знатнымъ итальянскимъ герцогомъ Караччіоли; 2) Прасковья Ивановна — за т. с. Н. Я. Скарятинымъ, нынѣ (1879) казанскимъ губернаторомъ; 3) N. Ивановна — за иностраннымъ маркизомъ; 4) N. Ивановна—тоже за иностраннымъ графомъ; всѣ, кромѣ Скарятиной, перешли въ католичество.

братъ Павелъ Васильевичъ, который служилъ въ Петербургѣ и, будучи начальникомъ таможни, дослужился до большихъ чиновъ и умеръ, оставивъ нѣсколько человѣкъ дѣтей.

Про отца Ильина ничего сказать не умѣю; слыхала, что его любили за то, что онъ былъ преданъ Аракчееву, который былъ человѣкъ строптивый, жесткій, а иногда и жестокій; но Прасковью Ивановну я знала хорошо, и въ послѣдніе годы ея жизни, когда она подолгу гащивала у своей дочери Толстой, жившей въ своемъ домѣ, рядомъ съ моимъ домомъ въ Зубовѣ, мы видались очень часто. Она была очень добрая, милая и благочестивая старушка. Не получивъ въ молодыхъ лѣтахъ настоящаго воспитанія, она воспользовалась тѣмъ, что бывала въ хорошемъ обществѣ и, умная отъ природы, умѣла себя держать просто, но весьма прилично и съ достоинствомъ. Когда она умерла, это было въ 1831 или 1832 году, брата Петра Степановича не было въ Москвѣ, и мнѣ пришлось приготовлять графиню Елизавету Васильевну и объявить ей о кончинѣ ея матери. Женитьба брата Петра Степановича на Ильиной доставила ему протекцію Аракчеева, который пристроилъ его къ князю Николаю Борисовичу Юсупову въ Кремлевскую экспедицію, и ему очень повезло, пока были живы Юсуповъ и Аракчеевъ. Аракчеевъ такъ любилъ Ильина, что, не имѣя дѣтей, хотѣлъ сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ, но это не состоялось, и онъ завѣщалъ свое новгородское имѣніе, село Грузино, на военную богадѣльню, кажется, и, кромѣ того, былъ устроенъ гдѣ-то кадетскій корпусъ на его иждивеніе. Должно быть отъ того, что Ильинъ умеръ прежде, Аракчеевъ и перемѣнилъ свои намѣренія и не заблагоразсудилъ оставить дѣтямъ Ильина того, что̀ думалъ передать ему самому, какъ самому близкому своему пріятелю.

Упомянувъ о женитьбѣ одного изъ моихъ двоюродныхъ братьевъ, я перечислю ихъ всѣхъ по порядку и скажу, кто на комъ былъ женатъ и что̀ мнѣ извѣстно о каждомъ.

III.

Послѣ кончины бабушки, княгини Анны Ивановны Щербатовой († 4 іюня 1792 года), тетушка и дядюшка Толстые стали дольше прежняго живать въ Москвѣ и хотя оба были

большіе скопидомы и претугіе на расходъ, однако, гдѣ было нужно, они умѣли и пыль пустить въ глаза, и домъ свой держали по-графски, очень прилично. Они имѣли свой домъ на Солянкѣ, наискосокъ съ Опекунскимъ Совѣтомъ, домъ каменный, на дворѣ, съ флигелями по бокамъ. До 1812 года, домъ былъ украшенъ по тогдашнему очень хорошо лѣпными фигурами; внутренность дома графская: штучные полы, мебель съ позолотой, мраморные столы, хрустальныя люстры, штофныя шпалеры, словомъ сказать, все было въ надлежащемъ порядкѣ. Экипажъ тоже: золоченная карета, цугомъ, лошади въ перьяхъ, скороходы и назади на запяткахъ букетъ [1]).

Потомъ этотъ домъ на Солянкѣ былъ проданъ послѣ дядюшкиной кончины и долгое время онъ принадлежалъ Оболенскимъ, а Толстые купили себѣ домъ въ большомъ Толстовскомъ переулкѣ, между Смоленскимъ рынкомъ и Спасо-Песковскою площадью; домъ деревянный, одноэтажный, предлинный по улицѣ. Послѣ тетушки, онъ достался сестрѣ Аграфенѣ Степановнѣ, у которой купилъ его Василій Петровичъ Зубковъ.

У тетушки было 12 человѣкъ дѣтей: девять сыновей и три дочери.

I. Графъ Владиміръ Степановичъ, родился 28-го марта 1779 года, скончался 19-го февраля 1825 года; онъ былъ женатъ на своей внучатой сестрѣ Прасковьѣ Николаевнѣ Сумароковой. Имѣлъ сына графа Михаила Владиміровича [2]), родившагося 23-го мая 1812 года, и дочь графиню Александру Владиміровну.

---

[1]) См. выше, гл. IX.

[2]) Графъ Михаилъ Владиміровичъ, извѣстный духовно-историческій писатель, которому мы обязаны многими прекрасными монографіями и археологическими изслѣдованіями, получилъ домашнее воспитаніе и, живя съ своею родительницей вь Сергіевскомъ посадѣ, пользовался преподаваніемъ многихъ весьма ученыхъ профессоровъ, находившихся въ то время въ Духовной академіи; тогда тамъ жительствовалъ и весьма извѣстный протоіерей отецъ Θеодоръ Голубинскій. Послѣ того графъ Михаилъ Владиміровичъ вступилъ въ Московскій университетъ и окончилъ тамъ курсъ въ 1834 году. Въ 1850 году, октября 23-го, онъ женился на княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ Волконской (дочери князя Петра Сергѣевича и Александры Петровны, урожденной Новиковой).

II. Графъ Степанъ Степановичъ, родился 178... году, умеръ въ пятидесятыхъ годахъ. Онъ былъ въ военной службѣ и, будучи бѣшенаго характера, не вытерпѣлъ замѣчанія, сдѣланнаго ему его начальникомъ, далъ ему пощечину. По военнымъ законамъ его за это слѣдовало отдать подъ судъ и его, можетъ быть, лишивъ всѣхъ правъ, сослали бы и ни вѣсть куда, но оскорбленнаго начальника уговорили выдать Степана Степановича за сумасшедшаго, и потому онъ былъ только исключенъ изъ службы, но выдумка скоро обратилась въ дѣйствительность: онъ все думалъ объ обидѣ, которую получилъ, и объ оскорбленіи, которое онъ самъ нанесъ, думалъ да думалъ и, хотя по природѣ совсѣмъ не былъ изъ умныхъ, окончательно сошелъ съ ума. Его отправили на житье въ село Сосково [1]), гдѣ онъ прожилъ безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ въ совершенномъ умопомѣшательствѣ; онъ умеръ, не бывъ женатъ.

III. Графъ Ѳедоръ Степановичъ, родился въ 178... году, умеръ въ 1818 году, во время похода, въ имѣніи графа Григорія Алексѣевича Салтыкова, въ Могилевской губерніи. Вотъ что̀ про него я слыхала: онъ былъ довольно сварливаго характера и часто ссорился со второю своею сестрой, Аграфеной Степановной, которая, какъ ему казалось, забрала ихъ мать въ руки и часто тетушку наводила на гнѣвъ; за Аграфену Степановну сватался какой-то женихъ, по фамиліи, кажется, Фаминцынъ, и дѣло было почти уже слажено. Въ это-то время Ѳедоръ Степановичъ и побранись съ сестрой, да и скажи ей въ сердцахъ: «вотъ скажу я твоему жениху, какой у тебя характеръ и какъ ты въ домѣ всѣхъ мутишь, такъ онъ и не возьметъ тебя». Сказалъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ, или только

---

[1]) Село Сосково, гдѣ всегда жила княгиня Анна Ивановна Щербатова, послѣ ея кончины досталось графинѣ Александрѣ Николаевнѣ Толстой, а послѣ нея, въ 1820 году, раздѣлилось на четыре части: самая большая, гдѣ и усадьба, досталась графу Степану Степановичу, гдѣ онъ умеръ и погребенъ (послѣ него его часть была продана какому-то лекарю Функендорфу); другая часть досталась Владиміру Степановичу и отдана была его дочери Александрѣ Владиміровнѣ Ковалевской, которая передала ее своей дочери Прасковьѣ Александровнѣ Бискупской: третья часть принадлежала Андрею Степановичу, а послѣ него его дочери Елизаветѣ Андреевнѣ Замятиной; наконецъ, четвертая часть досталась Маріи Степановнѣ Толстой и была продана г. Похвисневу.

хотѣлъ этимъ постращать свою сестру, только—какъ нарочно на грѣхъ—женихъ и отказался. Аграфена Степановна, воображая, что причиной отказа ея жениха—Θедоръ Степановичъ, обнесла его предъ тетушкой, которая ужасно на него разгнѣвалась, и такъ какъ у нея былъ характеръ вспыльчивый, она тутъ же и говоритъ Θедору Степановичу: «Будь ты проклятъ! Нѣтъ тебѣ моего материнскаго благословенія! Я не хочу тебя видѣть, ты мнѣ и на глаза не кажись!»

Какъ онъ ни увѣрялъ тетушку, что онъ ни при чемъ въ отказѣ жениха сестры Аграфены Степановны, тетушка и слышать не хотѣла его оправданій и прогнала его со своихъ глазъ.

Въ такой гнѣвъ тетушка приходила довольно часто; такъ помню я, что братъ Николай Петровичъ, у котораго былъ съ братьями Толстыми какой-то общій процессъ по одному спорному имѣнію, будучи у тетушки, говоритъ ей:

— Вотъ, тетушка, у насъ съ братьями общее дѣло: братъ мой Михаилъ и я затратили на нашу долю сколько слѣдовало; столько нужно и братьямъ...

Тетушка не изволила дослушать и накинулась на брата; онъ былъ горячъ, не спустилъ и что-то сказалъ грубо, тетушка и пуще гнѣвается и дошло тоже до проклятій и до запрещенія: «Не кажись ты мнѣ на глаза...» Такъ братъ и пересталъ бывать у тетушки. Прошло не мало времени, тетушка все еще гнѣвалась на Θедора Степановича; такъ онъ отправился и въ походъ, не получивъ въ напутствіе материнскаго благословенія, а все причиной тому была Аграфена Степановна. И вотъ, однажды просыпается она ночью, заподлинно я не знаю, гдѣ это случилось, и стоитъ предъ нею братъ ея, Θедоръ Степановичъ, и выговариваетъ ей, что она лишила его материнскаго благословенія. Сперва ей вообразилось, что она во снѣ это видитъ, потомъ думала, что братъ возвратился и хотѣлъ ее пугнуть, но потомъ явленіе исчезло. Она закричала, съ ней сдѣлались корчи и послѣ того, отъ этого испуга, у нея стало дергать лицо. Немного времени спустя получили извѣстіе, что Θедоръ Степановичъ кончилъ жизнь. Тетушка очень горевала и упрекала себя, что не примирилась съ сыномъ, а сестра, Аграфена Степановна, пуще прежняго стала мучиться совѣстью и стала бояться темноты, потому что ей

Сергѣя Владиміровича была сама по себѣ княжна Троекурова, то дядюшка, Степанъ Ѳедоровичъ, считалъ его своимъ родственникомъ и сына его признавалъ дальнимъ своимъ племянникомъ и принималъ ласково. Хотя дядюшка зналъ, что Григорій Сергѣевичъ родился до брака (и потому не пользовался ни титуломъ, ни фамиліей отца, а назывался Жердѣевскимъ), онъ не мѣшалъ ему ухаживать за дочерью. Въ 1800 году графъ Салтыковъ умеръ, оставивъ жену (она была какая-то Марья Ивановна), сына и двухъ дочерей. Когда Григорій Сергѣевичъ сталъ свататься за сестру Елизавету, дядюшка и сказалъ ему: «я принимаю предложеніе и дочь свою тебѣ отдамъ, если ты выхлопочешь, чтобы тебя признали сыномъ и наслѣдникомъ графа Сергѣя».

Григорій Сергѣевичъ отправился въ Петербургъ, хлопоталъ по этому дѣлу и добился желаемаго: въ годъ восшествія на престолъ императора Александра Павловича, онъ и его двѣ сестры, Пелагея и Аграфена, которыхъ я сама знала, были признаны Салтыковыми и получили графскій титулъ. Имѣніе было очень значительное, думаю, что около двухъ тысячъ душъ, и все въ хорошихъ мѣстахъ; а сестрѣ Елизаветѣ Степановнѣ, хотя дядюшка имѣлъ и прекрасное состояніе, дали только сто душъ, потому что, кромѣ ея, было человѣкъ одиннадцать дѣтей. Жениху было 23 года, невѣстѣ около 20. И скоро послѣ того и была ихъ свадьба. У нихъ родилась дочь Александра, и больше у нихъ дѣтей еще и не было; жили они очень ладно и когда, въ 1813 году, графъ Григорій Сергѣевичъ умеръ, вдова его очень о немъ горевала. Будучи еще молодою женщиной, она не хотѣла вторично вступить въ бракъ и посвятила себя воспитанію Сашеньки, которой былъ уже седьмой годъ.

Графиня Аграфена Степановна, вторая изъ дочерей тетушки, была гораздо моложе; [1]) она была невелика ростомъ и съ очень замѣтнымъ горбомъ. Въ молодости была недурна собой, но послѣ того, какъ у нея была оспа, лицо совсѣмъ перемѣнилось, носъ какъ-то вытянулся, и она стала очень не-

---

[1]) Графиня Аграфена Степановна род. января 1788 (?), † 23-го дек. 1845 г. въ Москвѣ, погр. возлѣ своей матери, въ московскомъ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ.

красива. У нея стали рости усы и борода, какъ у мужчины, и она ихъ подстригала. Она была довольно умна и хитра и такъ какъ умѣла поддѣлаться къ тетушкѣ, водила ее за носъ и ссорила съ братьями. Въ разговорѣ ея было много забавнаго, но не всегда можно было положиться на то, что̀ она говоритъ, потому что для краснаго словца иногда она много и прибавляла ради забавы. По раздѣлу, послѣ отца, ей досталось небольшое имѣньице во сто душъ въ Орлѣ (деревня Ельково, въ десяти верстахъ отъ села Соскова); тамъ была небольшая усадьба и фруктовый садъ. Когда тетушка скончалась, она стала жить съ сестрой Салтыковой и очень любила Сашеньку. Послѣ замужества Александры Григорьевны, когда Калошины болѣе десяти лѣтъ безвыѣздно жили у себя въ деревнѣ, въ селѣ Смольномъ, она часть года проводила у нихъ, лѣтомъ живала у себя въ орловскомъ имѣніи, а во время зимы мѣсяца на три пріѣзжала въ Москву и гащивала у меня. Она болѣе всѣхъ была дружна съ Елизаветой Степановной, а съ братьями и невѣстками не очень ладила: всѣ знали пронырливый ея характеръ, не очень воздержный язычокъ и потому ея опасались и не долюбливали. И нельзя не признаться, что, по ея милости, точно было много у нихъ въ семьѣ ссоръ и непріятностей между братьями, — такъ всѣхъ переплететъ, что и не разберешь, кто правъ, кто виноватъ.

Графиня Марья Степановна, самая младшая изъ сестеръ, родилась, я думаю, въ 1792 или 1793 году. Она была лицомъ очень миловидна и интересна, и молодые люди находили, что у нея томный взглядъ. Она была замужемъ за однофамильцемъ и дальнимъ родственникомъ, Василіемъ Алексѣевичемъ Толстымъ, котораго она очень любила, но не была съ нимъ вполнѣ счастлива. Тетушка не была къ Марьѣ Степановнѣ особенно нѣжна, а одно время даже и гнѣвалась на нее и видѣть ее не хотѣла за то, что Василій Алексѣевичъ, не совсѣмъ долюбливавшій Аграфену Степановну по одному обстоятельству (которое не умѣю разсказать, ну, да это все равно), съ нею посчитался и поговорилъ очень крупно. У той отъ досады и носъ задергало, и чуть глаза изо лба не выскочили, тотчасъ пошла къ тетушкѣ, нажаловась на зятя; можетъ статься, что и не совсѣмъ такъ передала. Тетушка, разумѣется, разгнѣвалась, расходилась ужасно, и, какъ это у

нея водилось, тотчасъ давай клясть и дочь, какъ будто та виновата, что ея мужъ поссорился съ ея сестрой. Василій Алексѣевичъ умеръ, я думаю, въ 1834 году, и послѣ его кончины сестра Марья Степановна поселилась въ Калугѣ, потому, что ея имѣніе было по близости, но въ эту деревню послѣ своего мужа не могла рѣшиться съѣздить.

IV.

Въ 1816, 1817 и 1818 годахъ было у насъ въ родствѣ много свадебъ и рожденій, но въ точности сказать, кто и въ которомъ году женился или родился, за давностію времени, не берусь...

О Толстыхъ повторять не стану.

Двоюродная племянница моего мужа, Марья Сергѣевна Неклюдова вышла замужъ за Владиміра Николаевича Шеншина. Анна Николаевна Неклюдова, вторая изъ дочерей тетушки Марьи Ивановны Мамоновой [1]), вышла замужъ за генералъ-маіора Сергѣя Васильевича Неклюдова, который находился недолгое время губернаторомъ въ Тамбовѣ и во Владимірѣ. У нихъ было только двѣ дочери, Варвара Сергѣевна и Марья Сергѣевна. Неклюдовъ умеръ въ началѣ 1800 годовъ. Анна Николаевна была очень умная женщина, но прегорячая и пресамонравная. Когда ея мужъ былъ губернаторомъ, она вмѣшивалась въ дѣла, заставляла все дѣлать, что̀ хотѣла, и отъ того, говорятъ, дѣла не всегда справедливо рѣшались, вслѣдствіе чего Сергѣй Васильевичъ и пострадалъ по службѣ. Онъ былъ человѣкъ благонамѣренный и добрый, но слабый характеромъ, и жена держала его въ ежевыхъ рукахъ, такъ что онъ и пикнуть не смѣлъ. Анна Николаевна была очень скупа и любила денежки, и нельзя не отдать ей справедливости, что она была мастерица устраивать свои дѣла.

Старшую свою дочь, Варвару, она очень любила и готова была для нея все дѣлать, а меньшую Марью (или какъ ее звали—Маришу), она, мало того, что не любила, можно ска-

---

[1]) См. выше, глава II.

зать, просто терпѣть не могла. Варвара Сергѣевна была высокая ростомъ, очень умная и предобрая, но собой, не то чтобы дурна, а не совсѣмъ приглядна. Я всегда находила, что она похожа на портретъ покойной моей матушки-свекрови, но только въ-дурнѣ. Мариша также была не мала ростомъ, прекрасно сложена, имѣла прекрасный цвѣтъ лица и очень пріятный взглядъ, но была не такъ умна, какъ Варвара. Старшая родилась въ 1795 или 1796 году, меньшая была года на два или на три помоложе и въ дѣтствѣ была очень непонятлива въ ученіи. Впрочемъ, это немудрено, потому что мать очень круто съ ней обращалась и совсѣмъ отъ нея не скрывала, что ея не любитъ. Покойникъ Дмитрій Александровичъ часто за это оговаривалъ Анну Николаевну:

— Какъ тебѣ не грѣхъ такъ обращаться съ дочерью: развѣ она виновата, что ты ея не любишь?

— Терпѣть ея не могу, предрянная дѣвчонка...

— Да полно, сестра, не показывай ты ей, что ты ея не любишь...

— А что̀ же, по твоему, мнѣ лицемѣрить, что ли, съ ней?

Старшая сестра, имѣя доброе сердце, всегда была съ меньшою хороша и часто потихоньку отъ матери ее ласкала и утѣшала, а въ послѣдствіи и помогала ей втихомолку.

Шеншинъ Владиміръ Николаевичъ былъ еще молодъ, когда онъ женился (думаю, что въ 1817 году). Въ 1812, 1813 и 1814 годахъ онъ былъ въ походахъ, былъ раненъ подъ Лейпцигомъ и имѣлъ за это крестъ и въ скоромъ времени былъ произведенъ въ генералы; не знаю, было ли ему тогда сорокъ лѣтъ.

Онъ рано лишился родителей и воспитывался у своей бабушки, отцовской матери. Онъ имѣлъ еще брата Семена Николаевича, который былъ потомъ женатъ на дочери хорошей моей пріятельницы Елизаветы Васильевны Лужиной — Аннѣ Дмитріевнѣ. Шеншины эти орловскіе; ихъ тамъ цѣлый уѣздъ—Мценскій, гдѣ искони ведется ихъ очень старинная фамилія. При своей жинитьбѣ, Шеншинъ служилъ еще въ военной службѣ и имѣлъ казенную квартиру въ Спасскихъ казармахъ, куда мы и ѣздили отдавать визитъ молодымъ. Послѣ онъ вышелъ въ отставку и служилъ въ Опе-

кунскомъ Совѣтѣ почетнымъ опекуномъ. Это было въ тридцатыхъ годахъ. По своей нелюбви къ дочери, Неклюдова ей почти что ничего не дала и прескудно наградила приданымъ. Изъ отцовскаго имѣнія Марья Сергѣевна получила, что слѣдовало, потому что нельзя было ей этого не дать, а изъ своего имѣнія, кажется, только обѣщала дать, а едва ли что̀ дала. Нерасположеніе къ дочери перешло и на внучатъ. Одно время я перестала даже съ нею изъ-за этого совсѣмъ видаться. Я ей говорила правду, а непріятная правда, какъ извѣстно, глаза колетъ. Она меня разругала, выбранила, и я ее, и такъ мы перестали видаться и нѣсколько лѣтъ другъ къ другу не ѣздили, но Варвара Сергѣевна у меня всегда бывала въ большіе праздники и въ извѣстные дни. Когда въ 1836 году Варвара была помолвлена за вдовца, генерала Владиміра Григорьевича Глазенапа, Неклюдова пріѣхала ко мнѣ съ женихомъ и невѣстой, и послѣ того опять стала у меня изрѣдка бывать, но никогда у насъ не было прежней короткости или искренняго расположенія. Не я одна была съ Неклюдовой въ размолвкѣ: она вздорила и ссорилась съ моимъ мужемъ, съ княгиней Авдотьей Николаевной Мещерской, которая тоже осуждала ее въ лицо за дурное обращеніе съ Шеншиными, а съ Надеждой Николаевной Шереметевой (съ сестрой Мещерской), съ которою она была очень дружна, ссоры выходили очень часто: обѣ прегорячія, переругаются на чемъ свѣтъ стоитъ, раскраснѣются какъ піоны. Неклюдова индѣ побагровѣетъ, съ обѣихъ потъ градомъ льетъ, обѣ кричатъ, что есть мочи, кто кого перекричитъ,—ни дать, ни взять два индѣйскихъ пѣтуха; скинутъ свои чепцы и добраниваются простоволосыя... просто — умора!

— Нога моя у тебя не будетъ, говоритъ, картавя, Шереметева.

— Ну, и не прошу, очень мнѣ нужно, кричитъ Неклюдова, топая ногами; — убирайся скорѣе отъ грѣха, а я за себя не ручаюсь...

— Да, да, никогда къ тебѣ не пріѣду, приговариваетъ Шереметева, стуча кулаками по столу.

— Да сдѣлай милость, убирайся...

Такъ и разстанутся, и бранятъ за глаза другъ друга; кажется, на вѣкъ разсорились; пройдетъ сколько тамъ недѣль,

глядишь, летитъ въ дрожкахъ на парѣ съ пристяжкой Шереметева къ Неклюдовой мириться.

— Ну что̀, картавая, сама ко мнѣ пріѣхала? встрѣчаетъ ее съ громкимъ хохотомъ Неклюдова. — Что̀, скучно вѣрно безъ меня, сама припендерила... Скажи ты мнѣ, изъ чего ты только распѣтушилась на меня? Ну, ну, помиримся, я предъ тобой виновата, прости меня...

И снова у нихъ совѣтъ да любовь, пока не повздорятъ изъ-за чего-нибудь опять.

Разъ Неклюдова съ Шереметевой опять изъ-за чего-то повздорили, разбранились—и не видаются; только какъ на грѣхъ Шереметеву разбили лошади и не на шутку: кажется, она руку ли, ногу ли переломила и лицо все ей избило, и старуху еле живую повезли домой и уложили въ постель.

Узнала это Неклюдова: тотчасъ поѣхала навѣщать больную...

Что̀ жъ она ей придумала сказать въ утѣшеніе?

Входитъ къ больной, та лежитъ за ширмами, кряхтитъ, охаетъ...

— Я вѣдь всегда говорила, что ты полоумная, говоритъ Неклюдова,—и жду, что ты умрешь когда-нибудь у фонарнаго столба; мчится себѣ, какъ лихой гусаръ... Ну что̀, говорятъ, тебѣ всю рожу расквасило и кости переломало... диковинное дѣло, что тебя совсѣмъ не пришибло... Какъ это тебя угораздило?

Это она пріѣхала навѣщать больную пріятельницу, еле живую!

Ни у кого такого разговора, какъ у Неклюдовой, я не слыхивала; престранная была женщина!

Былъ у нея крѣпостной ея человѣкъ, Николай Ивановъ, управителемъ, такъ, говорятъ, она его не разъ бивала до крови своими генеральскими ручками, и тотъ стоитъ, не смѣетъ съ мѣста тронуться.

Когда разсердится, она дѣлается бывало точно звѣрь, себя не помнитъ.

Многое мнѣ не нравилось въ ея характерѣ и въ обращеніи съ людьми. У нея были швеи и она заставляла ихъ вышивать въ пяльцахъ, а чтобы дѣвки не дремали вечеромъ и

чтобы кровь не приливала имъ къ головѣ, она придумала очень жестокое средство: привязывала имъ шпанскія мухи къ шеѣ, а чтобы дѣвки не бѣгали, посадитъ ихъ за пяльцы у себя въ залѣ и косами ихъ привяжетъ къ стульямъ, — сиди, работай и не смѣй съ мѣста встать. Ну, не тиранство ли это? И диви бы, ей нужно было что шить, а то на продажу или по заказу заставляла работать. Ужь очень была корыстолюбива, только не въ прокъ пошло все ея богатство. У Шеншиной было три дочери: Настасья, Екатерина и Александра и сынъ Сергѣй.

Изо всѣхъ Шеншиныхъ болѣе всѣхъ любила Неклюдова Сашеньку и ей дозволяла всякія шалости: прыгать по диванамъ и стульямъ, мять ей лицо, стаскивать съ нея чепецъ, взлѣзать ей на колѣни и всячески дурачиться, и при этомъ громко хохотала. Но съ прочими двумя внучками и со внукомъ всегда обходилась довольно сурово и называла ихъ Шеншенятами.

Въ 1850 годахъ Шеншинъ вышелъ совсѣмъ въ отставку и поѣхалъ жить въ деревню, чтобы приводить свои дѣла въ порядокъ. Тамъ скончалась сперва Марья Сергѣевна, а потомъ и онъ, нѣсколько лѣтъ спустя.

V.

Около этого времени вышла замужъ дочь другой двоюродной сестры моего мужа, Прасковьи Николаевны (рожд. Мамоновой) Кречетниковой, Степанида Ивановна, за Александра Гавриловича Жеребцова. Отецъ его, Гавріилъ Алексѣевичъ, былъ женатъ на Лопухиной, а такъ какъ мать графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской была тоже Лопухина и она очень чтила память своей матери, хотя и не помнила ея, то она считалась съ этими Жеребцовыми родствомъ: Александръ Гавриловичъ приходился ей внучатымъ племянникомъ. Графиня очень обласкала невѣсту, сдѣлала ей прекрасные подарки и была на свадьбѣ. По возвращеніи молодыхъ изъ церкви, она пріѣхала къ нимъ въ домъ и пожелала познакомиться со всѣми родными молодой.

— Родные жены становятся родными мужа, а родные моего племянника родня и мнѣ; прошу всѣхъ присутствующихъ здѣсь пожаловать ко мнѣ откушать.

И на другой или на третій день послѣ свадьбы назначенъ былъ у Орловой въ домѣ родственный обѣдъ.

Графинѣ было лѣтъ тридцать съ небольшимъ, она была моложава и, не будучи красавицей, имѣла самое привлекательное и привѣтливое лицо, что̀ лучше всякой красоты. Держала она себя очень просто и безо всякаго чванства; одѣта была, конечно, хорошо, но почти по-старушечьи: темное бархатное платье съ прекраснымъ кружевомъ и длинная нить крупнаго жемчугу, въ нѣсколько разъ обвитая вокругъ шеи, спускалась до пояса. Такого жемчугу я и не видывала: каждая жемчужина была величиной какъ двѣ самыя крупныя горошины, положенныя одна возлѣ другой, то-есть, продолговатыя и удивительнаго блеска. Сказывали мнѣ тогда, во сколько цѣнили эту нить, но навѣрно не могу сказать, а кажется, какъ будто бы въ 600 тысячъ ассигнаціями [1]).

Графиня жила въ своемъ домѣ, въ Нескучномъ. Для частнаго человѣка и въ особенности въ то время, когда мало щеголяли домами, такой домъ былъ просто дворцомъ. Столъ былъ накрытъ очень богато, все было изъ серебра, приборы золоченые, а дессертные ножи и вилки золоченые съ сердоликовыми ручками. Графиня за столъ сама не садилась; на главное мѣсто посадила молодыхъ, а сама во время стола все ходила и всѣхъ привѣтствовала; на хорахъ была музыка, вездѣ премножество цвѣтовъ. По окончаніи стола, графиня подарила молодымъ весь сервизъ, который былъ въ употребленіи при этомъ пирѣ, а за столомъ сидѣло человѣкъ сорокъ или болѣе. Какія кушанья были — не упомню; осталось у меня въ памяти только одно, что подавали какую-то очень вкусную ананасную кашу.

У Жеребцовыхъ дѣтей не было; домъ ихъ былъ у Красныхъ воротъ, противъ Запаснаго дворца.

Братъ Степаниды Ивановны, Михаилъ Ивановичъ, не былъ женатъ. Гдѣ служилъ онъ сперва—не знаю, а послѣ того дол-

---

[1]) Вѣроятно, про эту нить изволила говорить блаженныя памяти императрица Александра Өеодоровна: «Je n'ai pas de perles telles que la comtesse Orloff». Кажется, что въ послѣдствіи графиня просила государыню императрицу принять эту чудную нить, что̀, въ утѣшеніе графинѣ, по неотступной ея просьбѣ, императрица и изволила сдѣлать. (Со словъ одной пріятельницы графини Орловой).

гое время былъ онъ звенигородскимъ предводителемъ, и большое его состояніе, тысячи три или четыре душъ, и много денегъ расщипали его наслѣдники, такъ какъ ихъ было много. Онъ жилъ очень, очень туго, любилъ копить денежку, во многомъ себѣ отказывалъ или, по крайней мѣрѣ, мало пользовался тѣмъ, что̀ имѣлъ, и тѣ, которымъ послѣ него досталось, его, быть можетъ, и спасибомъ не помянули.

У Анны Николаевны Неклюдовой былъ еще братъ Петръ Николаевичъ Мамоновъ, который имѣлъ сына Ивана Петровича и трехъ дочерей: Марью Петровну, Анастасью Петровну и Елизавету Петровну. Не помню навѣрно, кто умеръ прежде: Петръ ли Николаевичъ, или жена его, только опекунами надъ его дѣтьми, по его желанію, были назначены Анна Николаевна и мой мужъ, съ которымъ Мамоновъ былъ друженъ. Изъ-за этой опеки вышла большая непріятность у Дмитрія Александровича съ Неклюдовой: Мамоновы барышни имѣли прекрасныя бриліантовыя вещи, которыя Неклюдова задумала продать безо всякой нужды. Мой мужъ сталъ ей доказывать, что барышни уже на возрастѣ и вещи, проданныя задешево, придется опять заказывать и покупать дорого, и не согласился на продажу и заперъ ларчикъ съ этими вещами, и взялъ ключъ къ себѣ. Нѣтъ, не унялась Неклюдова: отперла своимъ ключомъ и, не сказавъ моему мужу и не спросивъ разрѣшенія опеки, взяла и все продала. Мужъ мой очень былъ недоволенъ и, несмотря на всю свою доброту, очень разсердился на Анну Николаевну и заставилъ ее всѣ вещи опять выкупить, чтобы не быть въ отвѣтственности предъ опекой.

— Опека и не узнаетъ, что вещи проданы, говорила она ему,—а въ отчетѣ мы этого не покажемъ.

— Нѣтъ, Анна Николаевна, на такой обманъ я не соглашусь... и отчета не подпишу.

Она ужасно расходилась, выбранила его и послѣ того они долгое время другъ на друга дулись и не видались.

Марья Петровна была за Алексѣемъ Сазоновымъ и имѣла двухъ сыновей: Петра и Гаврилу, и трехъ дочерей,—Екатерину, Парасковью и Елизавету [1]). Анастасья Петровна была за Андреемъ Васильевичемъ Дашковымъ; у нихъ было нѣ-

[1]) См. выше, глава III.

сколько человѣкъ дѣтей, но въ живыхъ осталось только двое: Василій Андреевичъ (женатъ на Горчаковой) и Софья Андреевна за княземъ Гагаринымъ [1]); она была фрейлиной при государынѣ цесаревнѣ Маріи Александровнѣ и была очень мила и пріятной наружности. Меньшая, третья изъ Мамоновыхъ, Елизавета Петровна, вышла за Шиловскаго, Степана Ивановича, человѣка немолодого, очень богатаго и прескупѣйшаго. Бѣдная жена его не была съ нимъ счастлива, весь свой вѣкъ терпѣла лишенія, зная, что мужъ ея имѣетъ большія средства; онъ былъ очень крутого характера, любилъ копить и также себя во всемъ обрѣзывалъ. Не знаю, правду ли про него разсказывали, что будто бы, когда приходили къ нему за деньгами на расходъ и на уплаты, съ нимъ дѣлались спазмы въ груди и удушье, такъ что иногда приходилось долго выжидать, пока можно было ему снова напомнить о деньгахъ; можетъ статься, это все и выдумка злыхъ языковъ, но все-таки доказываетъ, что его считали способнымъ разстраиваться изъ-за денегъ. Онъ былъ очень корыстолюбивъ и такъ какъ давалъ деньги взаймы и не за малые проценты, то съ нимъ было много разныхъ приключеній; да кажется, и смерть его приключилась чуть ли не отъ огорченія, что у него на комъ-то пропало много денегъ...

Иванъ Петровичъ Мамоновъ женатъ не былъ, собой былъ некрасивъ и ума очень посредственнаго; жилъ онъ постоянно у себя въ деревнѣ, кажется, гдѣ-то въ Рязанской губерніи.

---

[1]) Князь Григорій Григорьевичъ (сынъ князя Григорія Ивановича и Екатерины Петровны, рожд. Соймоновой) род. 1810 г., апр. 29; сперва былъ флигель-адъютантомъ, долгое время послѣ того служилъ въ Тифлисѣ, который обязанъ ему украшеніемъ своего театра въ грузинскомъ стилѣ, замѣчательнаго по своей изящности. Князь Григорій Григорьевичъ былъ женатъ сперва на княжнѣ Аннѣ Николаевнѣ Долгоруковой (дочери князя Николая Андреевича и княжны Мар. Дмитріевны Салтыковой), род. въ 1823, † въ 1845 г. Отъ перваго брака у князя Григорія Григорьевича была дочь, оставшаяся очень маленькою и, вѣроятно, не помнившая своей матери. Новая княгиня Гагарина приласкала свою падчерицу, запретила сказывать ей, что она дочь первой жены князя, и была съ нею ласкова и нѣжна, какъ настоящая мать, такъ что та выросла, не зная, что она не дочь, а падчерица. Княгиня Софья Андреевна была очень умная, милая и во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшая женщина. Князь Григорій Григорьевичъ былъ не малое время вице-президентомъ Академіи Художествъ.

Онъ былъ небольшого роста, довольно полный, говорилъ очень странно, потому что пришепетывалъ, носилъ парикъ и любилъ молодиться. Онъ имѣлъ очень хорошее состояніе. Умеръ онъ скоропостижно: пріѣхавъ на время въ Москву, онъ былъ у Шиловскихъ въ гостяхъ и вечеромъ прохаживался по комнатамъ со своей племянницей, вдругъ та чувствуетъ, что онъ на нее валится безъ чувствъ; послали за докторомъ, тотъ пріѣхалъ, а онъ лежитъ мертвехонекъ. Съ нимъ пресѣклась эта вѣтвь Мамоновыхъ на мужскомъ колѣнѣ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

I.

Вся осень 1817 года и зима 1818 года, по случаю пребыванія императорской фамиліи въ Москвѣ, прошли въ большихъ веселостяхъ: балы, собранія, праздники не прерывались, и всѣ московскіе вельможи-хлѣбосолы наперерывъ одинъ предъ другимъ старались забавлять и тѣшить высочайшихъ гостей. Въ эту зиму много было издержано на бальные наряды. Я для обѣихъ дочерей заранѣе приготовила хорошенькія платья, потому что мнѣ еще лѣтомъ говорилъ Апраксинъ: «Въ Москву ждутъ дворъ къ осени и на всю зиму, вы это имѣйте въ виду и приготовьте, не спѣша, хорошенькіе туалеты для вашихъ барышень, потому что будутъ большія увеселенія».

Такъ я и распорядилась: засадила своихъ швей за пяльцы и для каждой дочери приготовила по два бѣлыхъ платья, серебромъ шитыхъ по шелковому тюлю; два платья были вышиты мелкими мушками или горошкомъ серебряною битью, черезъ рядъ матовою и блестящею, а другія два платья съ большими букетами по бѣлой дымкѣ, что̀ было очень нарядно, богато и легко. Когда осенью мы возвратились въ Москву, я велѣла сшить платья и показывала ихъ Апраксину,

большому знатоку въ дамскихъ туалетахъ, и онъ ими восхитился.

— Тюлевыя платья, говорилъ онъ, — я посовѣтовалъ бы вашимъ барышнямъ надѣть на балъ въ Благородномъ Собраніи, гдѣ будетъ много публики и туалеты не такъ замѣтны; а дымковыя платья поберегите для моего бала, ежели царская фамилія меня осчастливитъ своимъ посѣщеніемъ.

Такъ мы и сдѣлали. Объ этомъ балѣ я ужь говорила, разсказывая объ Апраксинскихъ праздникахъ.

Въ тотъ годъ и балы въ Собраніи были очень нарядны и многолюдны; всѣ, имѣвшіе въ Москвѣ собственные дома, ежели хотѣли ѣздить въ Благородное Собраніе, должны были записываться какъ члены, а посѣтительскихъ билетовъ не могли имѣть. Не помню, какой номеръ билета былъ у меня въ тотъ годъ, но у которой-то изъ моихъ дочерей былъ № 1.000 для дѣвицъ; поэтому можно себѣ представить, поскольку персонъ бывало на большихъ балахъ въ Благородномъ Собраніи.

II.

Сверстницами моихъ дочерей были мои племянницы Неклюдовы и Дмитріевы-Мамоновы, которыя иногда со мной выѣзжали и о которыхъ я уже говорила; моя двоюродная сестра Машенька Толстая, княжны Шаховскія, Вѣра, которая потомъ вышла за Жихарева, и княжны Ирина и Софья, дочери князя Павла Петровича; Львовы: Авдотья, Дарья и Варвара Михайловны; старшая изъ нихъ была потомъ за Шидловскимъ, а меньшая, вышедшая въ немолодыхъ лѣтахъ за Головина, овдовѣвъ, пошла въ монастырь и была игуменьей въ Хотьковскомъ монастырѣ и въ Никитскомъ; въ монашествѣ она была названа (вмѣсто Варвары) Вѣрою [1]).

---

[1]) Варвара Михайловна Львова, замужемъ за полковникомъ Василіемъ Ивановичемъ Головинымъ (родилась 2 января 1802, † 11 марта 1841 г.), имѣла дочь, умершую въ малолѣтствѣ, послѣ кончины которой, по совѣту митрополита Филарета, она вступила въ монашество въ Зачатіевскій московскій монастырь, гдѣ построила себѣ келью съ церковью и въ нижнемъ этажѣ устроила богадѣльню для старухъ. Искусная въ живописи, она сама писала всѣ иконы устроенной ею церкви. Въ 1856 году

Со Львовою я была коротко знакома и мои дѣвочки съ ея дочерьми учились танцовать; домъ Львовыхъ былъ на Пречистенскомъ бульварѣ, на высокой сторонѣ [1]). Старшія двѣ дочери были изъ себя очень невзрачны, съ носами, какъ у попугаевъ, но преумныя и преученыя и всѣ три превеликія рукодѣльницы и доточницы въ разныхъ работахъ, а въ особенности въ рисованіи и въ живописи. Меньшая, Варвара Михайловна, была очень недурна собой, полная, румяная, съ сѣрыми глазами, и очень она нравилась Симонову, Александру Андреевичу, сыну Марьи Хрисанѳовны, сестры Обольянинова. Очень увивался около нея Симоновъ и наконецъ сдѣлалъ ей предложеніе. Мать Львова отказала наотрѣзъ: «могу ли я отдать меньшую, когда старшія двѣ сестры ея не замужемъ; выбирайте любую, вы мнѣ нравитесь и я отдамъ за васъ дочь, но не меньшую».

Онъ говоритъ Львовой: «мнѣ Варвара Михайловна нравится, а не ея сестры».

— Нѣтъ, батюшка мой, не отдамъ: куда же мнѣ старшихъ дѣвать, въ соль, что ли, въ прокъ беречь?

Такъ этотъ бракъ и не состоялся [2]).

У Львовой были еще сыновья: Дмитрій Михайловичъ, видный и красивый изъ себя; онъ умеръ въ концѣ 1830-хъ годовъ, не будучи женатъ, и Андрей Михайловичъ, очень хорошенькій въ молодости, но послѣ того обезображенный отъ оспы. Онъ былъ женатъ на Наумовой и при князѣ Дмитріѣ Владиміровичѣ Голицынѣ былъ чиновникомъ особыхъ порученій.

Послѣ смерти Дмитрія Михайловича, Львовы свой домъ

она была посвящена во игуменьи въ Хотьковъ монастырь; въ 1858 переведена въ московскій Никитскій, а въ 1861 — въ Новодѣвичій, гдѣ и находилась до 1867 года, до марта мѣсяца. Чувствуя слабость здоровья, она отпросилась на покой и нѣсколько лѣтъ прожила въ Зачатіевскомъ монастырѣ въ устроенной ею келліи, занимаясь вышиваніемъ церковныхъ одеждъ и облаченій. Скончалась въ 1875 году, имѣя около 80 лѣтъ отъ рожденія, погребена въ устроенной ею церкви.

[1]) Нынѣ этого дома уже нѣтъ; на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ, теперь домъ московскаго городскаго головы г. Третьякова.

[2]) Александръ Андреевичъ Симоновъ былъ въ послѣдствіи женатъ на Марьѣ Сергѣевнѣ Кожиной, родной племянницѣ князя Петра Михайловича Волконскаго, сестра котораго, княжна Екатерина Михайловна, была за генералъ-адъютантомъ Сергѣемъ Алексѣевичемъ Кожинымъ.

продали и стали гдѣ-то нанимать; а потомъ, когда Варвара вышла замужъ за Головина, Дарья Михайловна уѣхала за границу и все больше тамъ жила; такъ я ихъ и потеряла изъ виду.

Иногда со мною выѣзжали Титовы—Надежда Васильевна и Вѣра Васильевна, а когда Вѣра Васильевна вышла замужъ за Загоскина, то одна Надежда Васильевна, которая была уже зрѣлая дѣвица. О ней разскажу подробнѣе.

III.

Надеждѣ Васильевнѣ Титовой было далеко за 30 лѣтъ, когда послѣ долгаго времени ея мать дала, наконецъ, свое согласіе на ея замужество съ Павломъ Михайловичемъ Балкъ. Это цѣлый романъ, которому трудно повѣрить; но такъ какъ все это происходило на моихъ глазахъ, то я и могу лучше кого-либо другого знать, что это не выдумка и не преувеличеніе: она была невѣстой безъ малаго почти двадцать лѣтъ... Титовы жили тогда въ нашемъ сосѣдствѣ въ ихъ имѣніи, Сокольникахъ; это было въ началѣ 1800-хъ годовъ. Надежда Васильевна была стройна, высока ростомъ, свѣжа лицомъ, словомъ сказать, во всей красотѣ: было ей лѣтъ около 20-ти. Очень она нравилась Балку, Павлу Михайловичу, лѣтъ 30-ти съ чѣмъ-нибудь, высокаго роста, пріятной наружности, и можно было бы назвать его совершеннымъ красавцемъ, ежели бы онъ не былъ косъ. Онъ служилъ въ Москвѣ въ гражданской палатѣ совѣтникомъ, жилъ со своею матерью, небогатою вдовой и двумя сестрами дѣвицами, очень уже немолодыми, и имѣлъ весьма посредственное состояніе. Для Титовой онъ совсѣмъ не былъ подходящею партіей, но ей онъ нравился, и хотя къ ней сваталось много знатныхъ и богатыхъ жениховъ, она всѣмъ для него отказывала. Очень часто, въ лѣтнее время, Балкъ отправится, бывало, изъ Москвы, въ субботу съ вечера, въ легонькой телѣжкѣ въ одну лошадь и на разсвѣтѣ пріѣдетъ къ Титовымъ въ Сокольники; цѣлый день проведетъ у нихъ или съ ними у Апраксиныхъ въ Ольговѣ, у Шелашниковыхъ въ Коченовѣ, у насъ или у кого-нибудь изъ сосѣдей, и опять вечеромъ отправится въ путь, всю ночь ѣдетъ и къ разсвѣту опять въ Москвѣ.

Титова Анна Васильевна очень благоволила къ Балку, но какъ только онъ станетъ свататься, такъ она и скажетъ ему: «Полно, мой батюшка, спѣшить, вѣдь время еще не ушло: ѣзди къ намъ, ты видишь, я тебя принимаю охотно, ну, такъ чего же еще тебѣ... успѣешь, спѣшить нечего». Тотъ опять ѣздитъ, вздыхаетъ; Надежда Васильевна въ него влюблена по уши, мать это видитъ, а не даетъ своего согласія...

Просятъ меня и моего мужа оба,—и Титова, и Балкъ,—чтобы мы поговорили за нихъ Аннѣ Васильевнѣ. Мы какъ-то улучили удобное время, говоримъ ей: «Зачѣмъ вы томите и вашу дочь, и Балка? отчего вы не дадите своего согласія?»

Ну, уломали, наконецъ, старуху, согласилась, приняла предложеніе, дала слово, помолвила, начали приданое дѣлать — и что же? вдругъ опять на попятный дворъ. «Не хочу этого замужества».

Да такъ и тянулось дѣло до 1822 года, пока, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ не обвѣнчали помолвленныхъ!

Никогда я не могла понять, для чего Анна Васильевна такъ тянула это дѣло и терзала и дочь свою, и ея жениха; и никогда ни Надежда Васильевна, ни Балкъ не позволили себѣ пороптать на мать или пугнуть ее, что такъ какъ дано слово, то можно обойтись и безъ согласія, какъ иной разъ теперь разсуждаютъ молодые люди.

У Павла Михайловича Балка былъ старшій братъ Захарій, о которомъ я только слыхала, но никогда его не видывала, и двѣ сестры, Аграфена и Анна Михайловны. Послѣ смерти своей матери онѣ переселились изъ Москвы въ Воскресенскъ, что̀ возлѣ Новаго Іерусалима, и тамъ жили до своей кончины. Аграфена Михайловна умерла послѣдняя. У нея былъ собственный домъ, не очень большой, но съ огромнымъ флигелемъ, въ которомъ она давала пріютъ богомольцамъ, приходившимъ въ монастырь. Лѣтомъ она любила сидѣть на балконѣ или въ палисадикѣ и сама, говорятъ, закликала къ себѣ странницъ, которымъ давали ночлегъ и пропитаніе. Она считала такое страннопріимство дѣломъ богоугоднымъ и очень печалилась, когда случалось, что не бывало странниковъ или бывало немного. Будучи очень преклонныхъ лѣтъ, она не могла работать ничего другого, кромѣ чулокъ, которыхъ у ней было начато по нѣскольку паръ, положенныхъ въ большую кор-

зину. Вотъ она вяжетъ, вяжетъ, и вдругъ спуститъ петлю; сама поднять не можетъ, она и перестаетъ вязать этотъ чулокъ и принимается за другой, пока опять не спуститъ петли, а поутру пошлетъ къ сосѣдкѣ, у которой молоденькія дочери, и заставитъ всю свою вчерашнюю работу поправлять. Эти чулки она продавала и деньги употребляла на свой страннопріимный домъ, а иногда и чулки бѣднымъ раздавала.

Она была очень благочестивая старуха, богомольная, преумная и, говорятъ, препріятная въ разговорѣ. Павелъ Михайловичъ[1]) очень ее уважалъ, каждый годъ раза два ѣзжалъ

IV.

Въ 1818 году, мой новый домъ на Пречистенкѣ, начатый еще при жизни Дмитрія Александровича, былъ совершенно готовъ и я могла туда, наконецъ, переѣхать на житье.

И радостно мнѣ это было, и грустно, потому что не было уже въ живыхъ добраго моего друга.

Сестра Анна Петровна подарила мнѣ на новоселье мебель краснаго дерева на всю гостиную и рояль моимъ дочерямъ.

Въ тѣ шесть лѣтъ, которыя прошли послѣ непріятельскаго нашествія, Пречистенка опять застроилась, но оставались еще слѣды пожара. Напротивъ самаго нашего дома, черезъ улицу, на углу переулка, ведущаго на Остоженку, былъ домъ Шаховскихъ, не нашихъ, а другихъ (князя Михаила Александровича, женатаго на графинѣ Головиной); до 1812 года домъ былъ по улицѣ; онъ сгорѣлъ, его разобрали и надстроили потомъ верхъ надъ бывшими конюшнями. Этотъ домъ послѣ того принадлежалъ Новосильцеву, вице-губернатору, а у него купили Толмачевы.

Домъ Всеволожскихъ, въ свое время одинъ изъ самыхъ большихъ барскихъ домовъ въ Москвѣ, тоже сгорѣлъ и оставался съ тѣхъ поръ развалиной, а рядомъ небольшой домикъ уцѣлѣлъ.

---

[1]) Надежда Васильевна скончалась 12 февраля 1852 г., а Павелъ Михайловичъ — года два спустя; оба они погребены въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, съ южной стороны теплой трапезной церкви.

Всеволожскіе весело любили жить и такъ какъ были очень богаты, имѣя золотые пріиски (жена Всеволожскаго была, кажется, Бекетова или Мясникова, навѣрно не помню), то и давали большіе праздники; это все было до двѣнадцатаго года.

По лѣвую сторону отъ насъ, черезъ переулокъ, бывшій домъ Архаровыхъ купилъ Нарышкинъ, Иванъ Александровичъ, женатый на Екатеринѣ Александровнѣ Строгановой, родной племянницѣ княгини Анны Николаевны Долгоруковой. Нарышкины и мы были прихожане къ Пятницѣ Божедомской и, незнакомые домами, были знакомы по церкви, или когда встрѣчались гдѣ-нибудь въ обществѣ, или у Долгоруковыхъ.

Ивану Александровичу было лѣтъ за пятьдесятъ; онъ былъ небольшого роста, худенькій и миловидный человѣчекъ, очень учтивый въ обращеніи и большой шаркунъ. Волосы у него были очень рѣдки, онъ стригъ ихъ коротко и какъ-то особеннымъ манеромъ, что̀ очень къ нему шло; былъ большой охотникъ до перстней и носилъ прекрупные брилліанты. Онъ былъ камергеромъ и оберъ-церемоніймейстеромъ.

Жена его, Екатерина Александровна, была довольно большого роста, видная изъ себя, но, въ противоположность съ своимъ мужемъ, мало общительная. По своему отцу она приходилась троюродною сестрой князю Сергію Михайловичу Голицыну и этимъ очень кичилась.

Нарышкины имѣли трехъ сыновей и двухъ дочерей: Елизавету Ивановну, фрейлину, оставшуюся въ дѣвицахъ, и Варвару Ивановну, вышедшую за двоюроднаго брата нашего Неклюдова (Сергѣя Васильевича), тоже Неклюдова, Сергѣя Петровича.

Старшій изъ сыновей Нарышкиныхъ, Александръ Ивановичъ, былъ видный и красивый молодой офицеръ, подававшій большія надежды своимъ родителямъ, живого и вспыльчиваго характера; у него вышла ссора съ графомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Толстымъ, который вызвалъ его на поединокъ и убилъ его. Это было года за два или за три до двѣнадцатаго года.

Этотъ графъ Толстой былъ въ свое время кутила и человѣкъ очень извѣстный по своей разгульной и разсѣянной жизни. Убивъ Нарышкина, онъ скрылся, долго путешество-

валъ, былъ въ Сибири, пробрался въ Америку, гдѣ имѣлъ много приключеній, и возвратившись оттуда, былъ названъ, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ графовъ Толстыхъ: «Американецъ Толстой».

Онъ былъ очень видный и красивый мужчина въ своей молодости, а по возвращеніи изъ своихъ путешествій, когда немного позабыли про его дуэль съ Нарышкинымъ и про другіе грѣшки его молодости, онъ былъ нѣкоторое время въ большой модѣ и дамы за нимъ бѣгали. Онъ былъ высокаго роста, совершенно смуглый, отчего, впрочемъ, нисколько не терялъ. Отецъ его, Иванъ Андреевичъ, приходился дядюшкѣ графу Степану Ѳеодоровичу Толстому двоюроднымъ братомъ, а самъ онъ былъ двоюроднымъ братомъ графу Ѳедору Петровичу, который подолгу гащивалъ у Никифора Ивановича Жукова, съ нимъ часто бывалъ у насъ и сватался за Грушеньку.

Другіе два сына Ивана Александровича оба были женаты: старшій, Григорій, на вдовѣ Алексѣя Ивановича Муханова, Аннѣ Васильевнѣ, которая сама по себѣ была княжна Мещерская. Они имѣли сына и нѣсколькихъ дочерей: двѣ вышли за иностранныхъ графовъ, а одна перешла въ католичество и вступила гдѣ-то въ чужихъ краяхъ въ монастырь.

Меньшой сынъ Ивана Александровича, Алексѣй Ивановичъ, былъ женатъ на дочери нашихъ сосѣдей Хрущовыхъ, Елизаветѣ Александровнѣ; онъ былъ, сказывали, большой оригиналъ; дѣтей, кажется, у нихъ не было.

Гораздо старше моихъ дочерей, обѣ Нарышкины стали выѣзжать до 1812 года. Варвара Ивановна, вышедшая за Неклюдова, хотя имѣла крупныя черты, но собою была очень хороша; у нея былъ прекрасный профиль, а Елизавета Ивановна потомъ очень располнѣла и осталась старою дѣвой и за свое дородство заслужила названіе la grosse Lison.

Навѣрно не помню, но думается мнѣ, что она была пожалована фрейлиной въ 1818 году, въ одно время съ Марьей Аполлоновной Волковой и съ Александрой Ивановной Пашковой. Всѣ три имѣли двойной шифръ: Е. М.; всѣ онѣ были далеко не красивы, но очень горды и не находили для себя достойныхъ жениховъ. Ихъ прозвали les trois graces de

Moscou; а злые языки называли les trois Parques[1]). Чрезъ домъ отъ Нарышкиныхъ и черезъ переулокъ на самомъ углу, напротивъ дома Всеволожскихъ, жили въ своемъ домѣ Хрущовы.

V.

По другую сторону нашего дома, рядомъ съ нами, былъ домъ князя Хованскаго, во время пожара Москвы также обгорѣвшій. Рядомъ съ этимъ домомъ, на обширномъ дворѣ, въ углубленіи, стоялъ деревянный ветхій домъ графини Елизаветы Ѳедоровны Орловой, рожденной Ртищевой, жены самаго старшаго изъ пяти братьевъ Орловыхъ, графа Ивана Григорьевича, который умеръ задолго до того времени, какъ мы стали жить на Пречистенкѣ, и я его не знала. Съ графиней Елизаветой Ѳедоровной Орловой мы были знакомы домами въ Москвѣ, а въ деревнѣ считались сосѣдками, потому что ея имѣніе, село Андреевское, было въ пяти верстахъ отъ Ольгова и въ пятнадцати отъ насъ, и пока графиня была въ силахъ, мы все-таки разъ или два бывали другъ у друга во время лѣта. Двоюродныя сестры Орловой — Ртищевы, Марья Михайловна и Татьяна Михайловна, были съ нами дружны и, бывая у нихъ въ деревнѣ, я иногда встрѣчалась и съ Елизаветой Ѳедоровной. Она была гораздо старѣе меня: женщина ласковая и привѣтливая, не большаго ума, но до того ко всѣмъ добрая, что ея очень простое обращеніе и не мудрыя рѣчи были болѣе каждому по сердцу, чѣмъ самыя умныя бесѣды. Она много дѣлала добра и, пока имѣла сред-

---

[1]) Въ 1856 году, когда предъ коронованіемъ Государя Императора Александра Николаевича былъ торжественный въѣздъ въ Москву, въ одной изъ старинныхъ золоченыхъ каретъ (именно въ той, которую графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій поднесъ въ даръ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, заплативъ за карету въ Парижѣ очень большія деньги, потому что на дверкахъ кареты были нарисованы амуры и гирлянды цвѣтовъ знаменитымъ художникомъ Ватто) сидѣли четыре фрейлины, теперь уже умершія: Е. И. Нарышкина, М. А. Волкова, А. И. Пашкова и не припомню, кто была четвертая. Графиня Ев. П. Растопчина, извѣстная по своему живому, игривому уму, смотрѣвшая откуда-то на въѣздъ, воскликнула при видѣ этой кареты: Voilà une veritable voiture aux amours.

ства, тайно благотворила; послѣ ей пришлось распродавать по частямъ свои золотыя вещи и жемчуги, а когда она умерла въ 1834 году, все ея имущество было продано съ молотка для покрытія ея долговъ. Она, по прежнему обыкновенію, содержала большую дворню, совершенно ей ненужную, но которую ей не хотѣлось распустить, а дворня ее объѣдала и обкрадывала. Между прочимъ, у нея была дура, по имени Матрешка, которая была преумная и претонкая штука, да только прикидывалась дурой и иногда очень рѣзко и дерзко высказывала правду. Такъ она говаривала графинѣ:

— Лизанька, а Лизанька, хочешь—я тебѣ правду скажу? Ты думаешь, что ты барыня, оттого что ты, сложа ручки, сидишь да гостей принимаешь?

— Такъ что̀ я по твоему? со смѣхомъ спрашиваетъ графиня.

— А вотъ что̀: ты наша работница, а мы твои господа. Ну, куда ты безъ насъ годишься? Мы господа: ты съ мужичковъ соберешь оброкъ, да намъ и раздашь его, а себѣ шишъ оставишь.

Эта дура очень любила рядиться въ разные поношенные и никому негодные наряды: надѣнетъ на голову какой-нибудь токъ съ перьями и цвѣтами, превратившійся въ совершенный блинъ: платье бальное, декольте, изъ-подъ котораго торчитъ претолстая и грязная рубашка и видна загорѣлая черная шея; насурмитъ себѣ брови, разрумянится елико возможно и въ этомъ видѣ усядется у рѣшетчатаго забора, выходившаго на Пречистенку и предъ всѣми проходящими и проѣзжающими присѣдаетъ, кланяется и посылаетъ рукой поцѣлуи. Всѣхъ, ѣзжавшихъ къ Орловой, ея дура всегда встрѣчала и провожала, и всега просила: «пришли мнѣ цвѣточковъ, ниточекъ, дай башмаковъ бальныхъ, дай румянъ»... Въ то время, хотя и не вездѣ, у вельможъ и богатыхъ господъ, какъ прежде, но водились еще шуты и дуры, и были люди, которые находили ихъ шутки и дерзости забавными. Въ Москвѣ на моей памяти было нѣсколько извѣстныхъ такихъ шутовъ: Орловская дура Матрешка, у князя Хованскаго, нашего сосѣда, куракъ Иванъ Савельичъ, карликъ и карлица у Настасьи Николаевны Хитровой. Въ 1817 и 1818 годахъ, по Пречистенкѣ то и дѣло что ѣздили лица царской

фамиліи и разные принцы на Воробьевы Горы смотрѣть на приготовленія къ предполагавшемуся храму Христа Спасителя. Вотъ однажды покойный императоръ Александръ Павловичъ ѣхалъ по Пречистенкѣ и когда поравнялся съ домомъ Орловой, слышитъ, чей-то голосъ громко кричитъ ему: «Bonjour, mon cher»! Онъ взглянулъ направо и видитъ: за заборомъ у Орловой сидитъ разряженное чучело въ перьяхъ, въ цвѣтахъ, нарумяненная, набѣленная женщина, кривляется и посылаетъ ему рукой поцѣлуи. Это его очень позабавило, онъ остановился и послалъ своего адъютанта узнать, что это такая за фигура? «Я Орловская дура Матрешка», отвѣчаетъ она. Государь посмѣялся и послѣ прислалъ ей сто рублей на румяна. Матрешка эта была пресмѣшная: если кто изъ проходящихъ по тротуару ей понравится, схватитъ за рукавъ или за платье и тащитъ къ себѣ: изволь съ нею черезъ рѣшетку цѣловаться, а того, кто ей не полюбится, щипетъ или ударитъ.

Смутно помнится мнѣ, что я слышала, будто бы, о какомъ-то романѣ этой Матрешки, что въ молодости ей хотѣлось выдти за кого-то изъ Орловской прислуги, но что господа не позволили и что послѣ того она была долго больна и когда выздоровѣла, то стала дурачиться.

Дуракъ Хованскихъ, Иванъ Савельичъ, былъ на самомъ-то дѣлѣ преумный, и онъ иногда такъ умно шутилъ, что не всякому остроумному человѣку удалось бы придумать такія забавныя и смѣшныя шутки.

Хованскіе его очень любили и баловали. Для него была устроена особая одноколка и лошадь дана въ его распоряженіе, и онъ пользовался этимъ экипажемъ и ѣзжалъ на гулянья, которыя бывали на масляницѣ и на Святой недѣлѣ. Въ чемъ онъ катался зимой—не помню, а въ лѣтнее время онъ отправлялся на гулянье подъ Новинскимъ въ своей одноколкѣ: лошадь вся въ бантахъ, въ шорахъ, съ перьями, а самъ Савельичъ во французскомъ кафтанѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, напудренный, съ пучкомъ и съ кошелькомъ и въ розовомъ вѣнкѣ; сидитъ онъ въ своемъ экипажѣ, разъѣзжаетъ между рядами каретъ и во все горло поетъ: «Выйду ль я на рѣченьку» или «По улицѣ мостовой шла дѣвица за водой». И всѣ эти вздоры забавляли и тѣшили тогдашнюю публику!

Тогда любили и каретныя гулянья, которыя были прекрасныя и премноголюдныя. Нить каретъ начиналась отъ Новинскаго, тянулась въ два ряда по обѣимъ сторонамъ, шла по Поварской, Арбатомъ, по Пречистенкѣ отъ Знаменки, и по Зубовскому и Смоленскому бульварамъ опять выходила на гулянье. Въ четвертокъ на Святой недѣлѣ я обыкновенно приглашала къ себѣ близкихъ знакомыхъ обѣдать и послѣ того молодежь садилась къ окнамъ и смотрѣла на катающихся въ каретахъ; нѣкоторые, проѣхавшись по гулянью, пріѣзжали къ намъ и оканчивали у насъ вечеръ; другіе, отобѣдавъ у меня, ѣхали на гулянье, пріѣзжали къ Хрущовымъ, къ Нарышкинымъ или къ Хитровой Настасьѣ Николаевнѣ, объ которой къ слову разскажу подробно.

VI.

Домъ Хитровой въ Москвѣ былъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ и уважаемыхъ въ теченіе, можетъ быть, сорока лѣтъ, и хотя Настасья Николаевна была не особенно богата, знатна и чиновна, не было въ московскомъ дворянскомъ кружкѣ отъ мала до велика никого, кто бы не зналъ Настасьи Николаевны Хитровой. Кого она не обласкала или приняла непривѣтливо? Домъ Хитровой былъ всегда открытъ для всѣхъ и утромъ, и вечеромъ, и каждый пріѣхавшій былъ принятъ такъ, что можно было подумать, что именно онъ-то и есть самый дорогой и желанный гость. Я прожила на Пречистенкѣ около двадцати пяти лѣтъ и у меня остались въ памяти о Хитровой только одни самыя пріятныя воспоминанія.

Домъ, въ которомъ жила эта московская старожилка, какъ я только стала себя помнить, значитъ, съ 1780-хъ годовъ, принадлежалъ уже Хитровымъ, и батюшка, тоже родившійся въ Москвѣ, въ 1730 году, засталъ этотъ домъ уже Хитровскимъ. Свекоръ Настасьи Николаевны, Петръ Никитичъ, былъ очень чиновный человѣкъ, при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ егермейстеромъ, но я его уже не запомню, а жена его, Ирина Ѳедоровна, почтенная и милая старушка, была лѣтъ около восьмидесяти, а можетъ быть, и болѣе, когда она скончалась, незадолго до двѣнадцатаго года. Она была сама по себѣ

княжна Голицына, дочь князя Өедора Алексѣевича. Хорошенькая и субтильная старушка, слегка напудренная, въ кругломъ чепцѣ, то что̀ называли старушечьимъ чепцомъ (à la vielle), съ большимъ бантомъ; въ роброндѣ, но со шлейфомъ; на высокихъ красныхъ каблукахъ и нарумяненная во всю щеку; въ пріемахъ, въ обращеніи — въ полномъ смыслѣ большая барыня; до послѣдняго времени все ѣзжала цугомъ и въ золоченой каретѣ, съ двумя лакеями. Ея мать была Лобанова, а бабушка, отцова мать, княжна Хилкова и тоже Ирина Өедоровна, въ честь которой вѣрно и она была названа Ириною, а ей въ честь—дочь Никиты Петровича, Ирина Никитична, что̀ была за князем Урусовымъ.

Я еще не родилась, а Хитрова, Ирина Өедоровна, была уже вдовой и жила въ Зубовѣ, гдѣ былъ домъ и у тетушки Анны Васильевны Кретовой, батюшкиной двоюродной сестры, къ которой мы часто ѣзжали.

Настасья Николаевна, сама по себѣ Каковинская, была дочерью московскаго оберъ-коменданта Николая Никитича, женатаго на Марьѣ Михайловнѣ Сушковой, и была постарше меня не болѣе, какъ лѣтъ на пять. Она была отмѣнно мала ростомъ, но до того мила, пропорціональна и лицомъ пріятна, что и въ мое время, когда было очень много хорошенькихъ и красавицъ, что̀ называется писаныхъ, ни вокругъ кого на балахъ не вертѣлось столько мотыльковъ, какъ около этого розанчика. Князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ и не въ молодыхъ уже лѣтахъ, дважды вдовецъ и отецъ большой семьи, со вздохомъ все вспоминалъ и разсказывалъ, какъ хороша и мила была Каковинская и какъ онъ былъ въ нее влюбленъ. Слыхала я (но правда ли или нѣтъ—не ручаюсь), что когда сватался Хитровъ за Каковинскую и ожидали на смотрины будущую свекровь, то опасаясь, чтобы невѣста не показалась слишкомъ мала ростомъ, ее и поставили на скамейку и дали въ руки держать подносъ съ чѣмъ-то и не велѣли ей сходить съ мѣста, а только кланяться и просить, то-есть, подчивать. Никита Петровичъ, мужъ Настасьи Николаевны, былъ красивый и видный мужчина; гдѣ онъ служилъ—я что-то не знаю, но имѣлъ онъ генеральскій чинъ, и въ какое время скончался, теперь не могу припомнить; думаю, что до 1812 года.

Хитрову всѣ знали въ Москвѣ и всѣ знавшіе ее любили, потому что она была одна изъ самыхъ милыхъ и ласковыхъ старушекъ, жившихъ въ Москвѣ, и долго ея память не умретъ, пока еще живы знавшіе ее въ своемъ дѣтствѣ. Вотъ почти двѣ современницы, Офросимова и Хитрова, подобныхъ которымъ не было и не будетъ болѣе: одной всѣ боялись за ея грубое и дерзкое обращеніе, и хотя ей оказывали уваженіе, но болѣе изъ страха, а другую всѣ любили, уважали чистосердечно и непритворно. Много странностей имѣла Хитрова, но и всѣ эти особенности и прихоти были такъ милы, что— смѣшныя, можетъ быть, въ другой—въ ней нравились и были ей къ лицу.

Одѣвалась она на свой ладъ: и платье, и чепецъ у ней были по особому фасону. Чепецъ тюлевый, съ широкимъ рюшемъ и съ превысокою тульей, которая торчала на маковкѣ: на вискахъ по пучку буклей мелкими колечками (boucle en grappes de raisin), платье капотомъ, съ поясомъ и маленькимъ шлейфомъ, и высокіе каблуки, чтобы казаться какъ можно выше. Лицо ея и въ преклонныхъ лѣтахъ было очень миловидно и живые глазки такъ и бѣгали. Она была очень мнительна и, при малѣйшемъ нездоровьѣ, тотчасъ ложилась въ постель, клала себѣ компрессы на голову и привязывала уксусныя тряпички къ пульсу и такъ лежала въ постели, пока не пріѣдетъ къ ней кто-нибудь въ гости. Поутру она принимала у себя въ спальной, лежа въ постели часовъ до трехъ; потомъ она вставала и иногда кушала за общимъ столомъ, а то и одна у себя въ спальной. Вечеромъ она выходила въ гостиную и любила играть въ карты, и чѣмъ больше было гостей, тѣмъ она была веселѣе и чувствовала себя лучше. А когда вечеромъ никого не было гостей, что̀, впрочемъ, случалось очень рѣдко, она скучала, хандрила, ей нездоровилось, она лежала въ постели, обкладывалась разными компрессами, посылала за своею карлицей или Натальей Захаровной, которая пользовалась ея особою милостью и съ ея плеча носила обносочки и донашивала старые чепцы.

— Ну, садись, скажетъ она ей,—разсказывай. И Захаровна начинаетъ высыпать все, что̀ она слышала и что́ можетъ интересовать ея госпожу.

Если Захаровна разсказываетъ не занятное что-нибудь, Хит-

рова только лежитъ и слушаетъ и скажетъ: «Ну, хорошо, довольно, пошли ко мнѣ... такого-то»; иногда позоветъ карлика,— не помню, какъ его звали. Если же Захаровна затронетъ какую-нибудь живую струну и потрафитъ барынѣ, та вскочитъ и усядется на постели, ножки кренделькомъ, и станетъ разспрашивать: «Кто же тебѣ сказалъ? отъ кого ты узнала?.. ты мнѣ только скажи, а другимъ не сказывай, а я никому не скажу»...

Она была любопытна, любила все знать, но была очень скромна и умѣла хранить тайну, такъ что никто и не догадается, знаетъ ли она или нѣтъ.

Она не любила слышать о покойникахъ и о томъ, что кто-нибудь боленъ, и потому домашніе отъ нея всегда скрывали, ежели кто изъ родныхъ и знакомыхъ заболѣетъ, и молчать, когда кто умретъ. Захаровна прослышитъ, что умеръ кто-нибудь и придетъ въ спальню къ ней и шепчетъ ей: «Сударыня, отъ васъ скрываютъ, что вотъ такая-то или такой-то умеръ: боятся васъ разстроить».

Хитрова значительно мигнетъ, кивнетъ головой и скажетъ шепотомъ Захаровнѣ: «Молчи, что я знаю; ты мнѣ не говорила, слышишь»...

Пройдетъ дёнъ десять, недѣли двѣ, Хитрова и скажетъ кому-нибудь изъ своихъ:

«Чтò это я давно не вижу такого-то, ужь здоровъ ли онъ?»

Вотъ тутъ-то обыкновенно ей и отвѣтятъ:

— Да развѣ вы не слыхали, что его давно уже и въ живыхъ нѣтъ...

— Ахъ, ахъ... да давно ли же это? спроситъ она.

— Недѣли двѣ, или три, должно быть.

— А мнѣ-то и не скажетъ никто, говоритъ она.

И тѣмъ дѣло и кончится, и объ умершемъ больше нѣтъ и помину.

Жило у Хитровой семейство Крымовыхъ—старушка мать и съ нею нѣсколько дочерей-дѣвицъ. До 1812 года Крымова имѣла свой домъ въ Москвѣ, который во время непріятельскаго нашествія сгорѣлъ и она лишилась всего состоянія. Хитрова пріютила безпріютныхъ у себя въ мезонинѣ, и онѣ жили у нея нѣсколько лѣтъ. Одна изъ барышень Крымовыхъ была прекрасная собою, и ее очень полюбила графиня Анна

Алексѣевна Орлова и помѣстила въ какой-то институтъ, а потомъ взяла къ себѣ, веселила ее, и молодая дѣвушка имѣла успѣхъ по своей красотѣ и по своему замѣчательному голосу. Но, несмотря на всѣ услажденія свѣтской жизни и на жизнь въ богатомъ домѣ, она пожелала вступить въ монашество. Графиня, хотя и сама была благочестива, отговаривала, однако, молодую дѣвушку отъ ея намѣренія, не довѣряя, быть можетъ, ея молодости и считая это увлеченіемъ; но, по прошествіи двухъ-трехъ лѣтъ, молодая дѣвица поставила на своемъ и, отказавшись отъ всего, пошла въ монахини. Потомъ она была казначеей въ петербургскомъ дѣвичьемъ Воскресенскомъ монастырѣ, при игуменьѣ Ѳеофаніи Готовцевой; она была названа въ монашествѣ Варсанофіей. Ея сестра, жившая у Хитровой, вдругъ занемогла, все хуже, хуже ей и, наконецъ, умерла въ мезонинѣ, гдѣ жила почти надъ самою спальной Настасьи Николаевны. Сказать ей боятся, а выносить покойницу нужно и приходится нести черезъ ту комнату, которая между спальной Хитровой и передней. Княгиня Урусова Ирина Никитична и Екатерина Ѳедоровна Хитрова шепчутся между собою, не знаютъ, что̀ имъ дѣлать: сказать боятся, а не сказать нельзя. Выручила изъ бѣды Наталья Захаровна: «Прикажите только пораньше сдѣлать выносъ, а я ужь знаю, что̀ сказать, ничего не услышитъ и не спроситъ».

По совѣту Захаровны, пригласили придти священника съ причтомъ, и рано-ранехонько, какъ можно тише, старались снести сверху и пронести въ переднюю. Княгиня и Екатерина Ѳедоровна ни живы, ни мертвы—боятся, что Настасья Николаевна услышитъ. А Наталья Захаровна, между тѣмъ, ужь побывала у своей барыни: вошла въ комнату на цыпочкахъ; барыня не спитъ; подошла къ ней, оглянулась, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли кого за ней въ дверяхъ. Хитрова, должно быть, смекнула въ чемъ дѣло, спрашиваетъ шепотомъ: «Что̀?»—«Умерла», шепчетъ ей Захаровна, указывая пальцемъ на верхъ. Хитрова кивнула головой: «Ну, и молчи», шепчетъ она. Покойницу вынесли, схоронили, а Настасья Николаевна даже и не помянула объ ней, не спросила — жива ли она, гдѣ она, какъ будто никогда ея и не бывало!

Кто была старушка Крымова, родня ли Хитровымъ или Урусовымъ—не знаю, или только изъ пріязни и по добротѣ

своей пріютила эту семью Настасья Николаевна, этого сказать не умѣю. Потомъ я потеряла ихъ изъ виду и больше про нихъ не слыхала; это было въ 1830-хъ годахъ.

Иногда Настасьѣ Николаевнѣ ночью не спится, вотъ и позоветъ она дѣвушку.

— Подай-ка мнѣ шкатуночку.

Принесутъ ей сундучокъ; она отопретъ его и начнетъ вынимать оттуда мѣшечки: въ одномъ изумруды, въ другомъ яхонты, въ третьемъ солитеры...

На другой день и разсказываетъ кому-нибудь:

— Мнѣ ночью что-то не поспалось и я перебирала все свои солитерчики, которые для Настеньки готовлю.

Это была ея внучка, дочь княгини Ирины Никитичны Урусовой, княжна Настатья Николаевна, вышедшая за Ивана Сергѣевича Мальцова, которую она очень любила.

У Настасьи Николаевны Хитровой было двѣ дочери: Ирина Никитична, за княземъ Николаемъ Юрьевичемъ Урусовымъ, и дѣвица Екатерина Никитична. Урусова въ молодости своей была очень пріятной наружности, довольно худощавая и съ дѣтства имѣвшая отвращеніе ко всякой мясной пищѣ, отчего не могла обѣдать съ другими, потому что даже и самый запахъ всего мясного ей былъ противенъ. Это объясняли тѣмъ, что она страдала отъ солитера, а другіе думали—думаю и я такъ,—что по своему благочестію она не желала вкушать мясной пищи, но, по своему христіанскому смиренію, скрывала это подъ предлогомъ отвращенія. Княгиня была особенно добра и снисходительна и не только никогда сама ни про кого не отзывалась дурно, но не могла терпѣть, чтобы при ней и другіе про кого-нибудь злословили, и всегда, при первомъ словѣ, бывало остановитъ. Эта душевная доброта княгини выражалась на ея лицѣ, которое и въ немолодыхъ лѣтахъ имѣло совершенно ангельское выраженіе. Оставшись, послѣ кончины своего мужа, очень еще молодою вдовой, она посвятила себя воспитанію своихъ троихъ дѣтей (двухъ сыновей, князя Сергія Николаевича, князя Дмитрія Николаевича, и княжны Настасьи Николаевны) и ухаживанью за матерью старушкой. Она была истинная христіанка, благочестивая, богомольная, сострадательная и, живя въ мірѣ, вела жизнь не только монахини, но я думаю, что не погрѣшу, ежели

скажу, что она была праведница. Подъ каждое воскресенье и подъ каждый праздникъ у Хитровыхъ непремѣнно была на дому всенощная.

Если у кого изъ знакомыхъ было горе или семейная потеря—поѣзжай въ этотъ домъ и навѣрно или встрѣтишь княгиню Ирину Никитичну, или услышишь, что она уже была. Выдавъ свою дочь за Мальцева, она перестала ѣздить въ свѣтъ и дома принимала только до кончины своей матери, а послѣ того стала вести жизнь самую уединенную. Господь видимо наградилъ ее въ этой еще жизни: дочь она пристроила какъ нельзя лучше, сынъ женился по ея мысли и она про свою невѣстку говаривала съ восхищеніемъ и называла ее ангеломъ, а другой ея сынъ, князь Дмитрій, вступилъ было въ монастырь, но слабый здоровьемъ, не могши вынести строгости монашеской жизни, возвратился домой и, чуждый всего суетнаго, мірского, посѣщая церковь, продолжалъ жить у себя дома, какъ въ кельи.

Меньшую дочь Хитровой, дѣвицу Екатерину Никитичну, никогда никто изъ постороннихъ не видывалъ: кто говорилъ, что она родилась слабоумною, а кто сказывалъ, что она слѣпорожденная, но жила она не мало и умерла (въ годъ Клеопатриной кончины) въ 1848 году, имѣя лѣтъ 60 отъ рожденія.

Въ домѣ у Хитровой жила ея двоюродная племянница Екатерина Ѳедоровна Хитрова, пожилая дѣвица, дочь Ѳедора Александровича и внука Александра Никитича, то-есть дяди Никиты Петровича. Она имѣла собственный домъ напротивъ дома Урусовыхъ, но въ немъ помѣщалась аптека Блехшмидта, а сама Екатерина Ѳедоровна жила у тетки и, послѣ ея кончины, осталась жить съ княгиней Урусовой и въ ея домѣ окончила жизнь. Ея братъ Николай Ѳедоровичъ былъ женатъ на дочери князя Кутузова-Смоленскаго, былъ гдѣ-то посланникомъ и умеръ въ чужихъ краяхъ.

Пока не была еще замужемъ княжна Урусова, у Хитровой бывали балы и танцовальные вечера; роскоши въ домѣ не было: зала была не велика, однако, для полъ-Москвы доставало мѣста и всѣ веселились больше, можетъ быть, чѣмъ теперь веселится молодежь, потому что и гости менѣе требовали отъ хозяекъ, и хозяйки были такъ привѣтливы и внимательно

радушны, какъ теперь, я думаю, немногія умѣютъ быть со своими гостями.

Вотъ еще особенность въ характерѣ Настасьи Николаевны Хитровой. Она была не то что малодушна, а очень вещелюбива, любила, когда ей привозятъ въ именины и въ рожденье или въ новый годъ какую-нибудь вещицу или безделушку. Она не смотрѣла, дорогая ли вещь или безделка, и трудно было угадать, что ей больше понравится. Для всѣхъ этихъ вещей у ней было нѣсколько шкаповъ во второй гостиной и тамъ за стекломъ были разставлены тысячи разныхъ мелочей дорогихъ и грошевыхъ. Она любила и сама смотрѣть на нихъ, и показывать другимъ, и ей это доставляло большое удовольствіе, когда хвалили ея вещицы.

Вообще обо всемъ семействѣ Хитровыхъ и Урусовыхъ слѣдуетъ сказать, что это было истинно благочестивое и христіанское семейство, гостепріимное, радушное, гдѣ никто изъ гостей не былъ стѣсненъ, каждый чувствовалъ себя какъ бы дома, но никто не смѣлъ дозволить себѣ ни малѣйшаго двусмысленнаго слова и, Боже избави, злословія на счетъ ближняго. Всѣ только и помышляли о томъ, какъ бы угодить почтенной старушкѣ, умѣвшей заслужить всеобщее уваженіе московскаго общества, которая родилась, жила весь вѣкъ въ Москвѣ, умерла будучи почти 80 лѣтъ [1]) и никого никогда не обидѣла, никому не сказала жесткаго слова и потому никто не помянетъ ее лихомъ, но всѣ съ сожалѣніемъ вздохнутъ о ней и помянутъ добромъ.

VII.

Сестра Анна Петровна, давно собиравшаяся вступить въ монастырь и подготовлявшая все къ своему выходу изъ міра, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ испытанія, рѣшилась, наконецъ, исполнить свое давнишнее намѣреніе. Послѣдніе годы она больше все жила у брата Николая Петровича въ Москвѣ, въ его домѣ на Знаменкѣ, а лѣтомъ—въ селѣ Покровскомъ, въ маленькомъ лѣтнемъ домикѣ, и частію гостила и у насъ. Свою

---

[1]) Родилась въ 1764 году; скончалась 1-го января 1840 года.

костромскую деревню, по смежности съ деревнею брата, сестра отдала ему, а себѣ выговорила пожизненную плату по скольку-то въ годъ; серебро свое частью отдала мнѣ, сестрѣ Вяземской и Комаровой; также раздала и деньги. Во время стройки дома я заняла у сестры 18 тысячъ ассигнаціями; она отдала ихъ Грушенькѣ и Анночкѣ и оставила себѣ только на пріобрѣтеніе кельи и на самонужнѣйшіе расходы.

Изо всѣхъ московскихъ монастырей ближайшіе отъ всѣхъ насъ были два: Алексѣевскій — у Пречистенскихъ воротъ и Зачатіевскій—за Остоженкой. Оба монастыря были прекрасные, но первый былъ совсѣмъ на юру и на шумномъ мѣстѣ, а Зачатіевскій, и теперь въ глухомъ мѣстѣ, въ то время былъ почти и совсѣмъ за городомъ, и кромѣ того, тамъ была церковь, строенная нашими Римскими-Корсаковыми, и дѣдушка, батюшкинъ отецъ, Михаилъ Андреевичъ, тамъ погребенъ вмѣстѣ съ своими родителями. По этой причинѣ сестра и облюбовала этотъ монастырь.

Мы всегда часто ѣзжали въ этотъ монастырь и очень къ нему привыкли. Когда у батюшки былъ еще старый домъ у Ильи Обыденнаго, откуда я шла замужъ, мы зачастую бывали тамъ по воскресеньямъ и праздникамъ, знали игуменью и многихъ монахинь, и были тамъ точно у себя. Въ дѣтствѣ моемъ тамъ была игуменья Амфилохія, а въ скоромъ времени, послѣ моего замужества, туда поступила Доримедонта, изъ рода Протопоповыхъ, и скончалась въ 1817 году, въ преклонныхъ лѣтахъ. Сестра при ней еще устроилась насчетъ кельи, но не суждено ей было пожить при ней.

Бывшая игуменья Георгіевскаго дѣвичьяго монастыря (который послѣ 1812 года былъ упраздненъ), старица Митрополія поступила въ 1818 году въ Зачатіевскій монастырь. Она была добрая и простая старуха, но ужь очень безтолкова, и при ней-то пришлось моей сестрѣ быть въ монастырѣ, а казначея была мать Палладія, преумная, престрогая, которая очень понравилась сестрѣ и она избрала ее себѣ матерью-наставницей. Очень было мнѣ грустно разставаться съ сестрой предъ ея поступленіемъ въ монастырь, и въ первое время ея тамъ пребыванія, она просила всѣхъ насъ, своихъ знакомыхъ и родныхъ, чтобы мы ее не посѣщали и дали ей привыкнуть къ своей кельѣ.

Отказываясь отъ всѣхъ суетъ житейскихъ, сестра устроилась въ своей кельи, какъ возможно проще и, кромѣ полудюжины серебряныхъ столовыхъ и чайныхъ ложекъ, ничего цѣннаго и дорогого съ собой не взяла. Три небольшихъ комнатки и кухонька, въ которой помѣстилась Спиридоновна-стряпуха, благочестивая вдова-солдатка, жена одного солдата, убитаго въ 1812 году,—вотъ келья, въ которую переѣхала сестра Анна Петровна. Она вела самую уединенную и монашескую жизнь: ходила въ церковь постоянно ко всѣмъ службамъ, келій чужихъ не посѣщала, у себя занималась рукодѣліемъ, работала что-нибудь для церкви, и такъ какъ хорошо вышивала золотомъ, то вышила много для церкви по картѣ. Къ себѣ она принимала всѣхъ, кто приходилъ, и сказала разъ навсегда Спиридоновнѣ, чтобы тѣмъ изъ монахинь, которыя придутъ попросить чего-нибудь: муки, крупы, маслица и т. п., ни въ чемъ никогда не отказывать, и каждый день, хотя нѣсколько копѣекъ положила себѣ всегда подавать нищимъ, которые стоятъ при выходѣ изъ церкви, а тогда ихъ бывало очень много.

Въ числѣ прочихъ нищихъ, которые прихаживали въ Зачатіевскій монастырь, была одна нищенка съ дѣвочкою лѣтъ пяти или шести; мать нерѣдко испивала и бѣдную дѣвочку, холодную и голодную, нерѣдко съпьяна бивала. Монашенки, изъ жалости, иногда отнимали бѣдняжку у пьяной матери, приводили къ себѣ въ келью, отогрѣвали, отмывали, кормили досыта и, продержавъ у себя нѣсколько часовъ, а кто день и два, опять отдавали матери. Дѣвочка была очень неприглядна лицомъ, немного рябовата, но preживая, преумная. Кто-то изъ монахинь говоритъ однажды сестрѣ Аннѣ Петровнѣ,—это было еще въ 1808 или въ 1809 году: «сдѣлали бы вы доброе дѣло и взяли бы къ себѣ бѣдную дѣвочку, она когда-нибудь или съ голода помретъ, или мать погубитъ ее».

Сестра была очень добра, ее разжалобили и она рѣшилась дѣвочку взять; звали ее Аленушкой. Когда стали говорить объ этомъ пьяной нищенкѣ, она, вмѣсто того, чтобы благодарить Бога, что къ хорошему мѣсту пристраиваетъ своего ребенка, начала ломаться: «невыгодно мнѣ, меньше будутъ подавать». Однако, нищенку уговорили, сунули ей въ руку сколько-то денегъ и дѣвочку выручили, и въ скоромъ вре-

мени нищая умерла, а дѣвочку взяла къ себѣ сестра Анна Петровна. Когда братъ Николай Петровичъ женился, сестра въ скоромъ времени стала больше жить у брата, и невѣстка Марья Петровна расположилась къ Аленушкѣ и взяла ее на свое попеченіе. Дѣвочка оказалась преумная и преспособная, ей дали хорошее воспитаніе и всему чему слѣдуетъ учили. Въ особенности она имѣла расположеніе къ рисованію и очень хорошо въ послѣдствіи рисовала и писала масляными красками, и когда Настенька, дочь брата, стала подростать и учиться, Аленушка, будучи гораздо старше чѣмъ она, была для невѣстки моей большою подмогой: она слѣдила за уроками и была правою рукой въ домѣ. Когда Еленѣ Даниловнѣ было около сорока лѣтъ, нашелся очень хорошій человѣкъ, отставной полковникъ Александръ Андреевичъ Протасовъ, за котораго она вышла замужъ; братъ прилично наградилъ ее, они купили себѣ имѣньице возлѣ Черни и тамъ жили; дѣтей у нихъ не было. Елена Даниловна была очень хорошая, умная и разсудительная женщина, всею душой преданная семейству брата, и вознаградила за тѣ попеченія, которыя о ней имѣли въ ея дѣтствѣ и молодости.

Мать Палладія, строгая и опытная въ жизни монашеской, принявъ подъ свое руководство сестру Анну Петровну, вела ее какъ слѣдуетъ путемъ не легкимъ и была къ ней очень взыскательна, а по нашему, по мірскому, даже и слишкомъ сурова. Иногда пріѣдемъ мы къ сестрѣ на цѣлый день, она и скажетъ намъ: «вы говорите, а я буду молчать». И весь день, а иногда и нѣсколько дней сряду она молчитъ: значитъ, что мать Палладія запретила ей говорить. Иногда она цѣлый день оставалась безъ пищи и питья или ей велѣно было лежать. Все, что̀ мать Палладія говорила ей дѣлать или не дѣлать, она исполняла безпрекословно и никогда нимало не роптала. Я всегда удивлялась ея терпѣнію и нерѣдко осуждала за то, что ее слишкомъ строго испытывали.

Сестра ходила въ церковь и тамъ читала по очереди Псалтирь и Синодикъ.

Въ непродолжительномъ времени ее постригли въ ряску и, нѣсколько спустя, она пожелала и настоящаго постриженія, то-есть, въ мантію; объ этомъ скажу послѣ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

I.

Въ 1819 году, въ первыхъ числахъ марта, преставился архіепископъ Августинъ, управлявшій московскою епархіей болѣе пятнадцати лѣтъ. Онъ еще при жизни покойнаго митрополита Платона сталъ завѣдывать дѣлами, когда тотъ, по старости лѣтъ и по болѣзненности своей, отказался отъ управленія. Москва привыкла къ нему, и хотя его и не особенно любили, но всѣ о немъ очень жалѣли. Покойный Дмитрій Александровичъ и я — мы не были съ нимъ коротко знакомы и бывали у него только тогда, когда имѣли какую нужду по нашей церкви, но часто съ нимъ встрѣчались у Обольянинова, видались у Апраксиныхъ, у сестры Неклюдовой и у другихъ нѣкоторыхъ нашихъ знакомыхъ. Въ то время вообще какъ-то не часто ѣзжали къ архіереямъ: сами ли они были черезчуръ недоступны, или свѣтскіе люди не очень домогались втираться въ домъ къ архіереямъ, только къ нимъ мало ѣзжали и не докучали имъ, какъ потомъ это завелось въ Москвѣ, разумѣется, кромѣ особыхъ случаевъ знакомства, какъ вотъ, напримѣръ, дядюшка графъ Степанъ Ѳедоровичъ Толстой, который былъ друженъ съ преосвященнымъ Тихономъ Задонскимъ и велъ съ нимъ переписку. Да и архіереи мало посѣщали нашу братію, за исключеніемъ городскихъ должностныхъ сановниковъ или какихъ-нибудь особенно сановныхъ особъ. Но въ губерніяхъ архіереи больше имѣли общенія съ дворянствомъ, и у батюшки въ Бобровѣ преосвященные бывали и онъ ихъ угащивалъ съ подобающимъ приличіемъ.

Преосвященному Августину, когда онъ преставился, было лѣтъ пятьдесятъ съ чѣмъ-нибудь, не болѣе.

Онъ былъ изъ себя хорошъ, сановитъ и важенъ, въ служеніи величественъ, несмотря на то, что былъ не великъ ростомъ и не по росту тученъ. Цвѣтъ лица у него былъ отмѣнно ярокъ, былъ и румянецъ во всю щеку; взглядъ имѣлъ пріятный, но внушающій уваженіе. Проповѣди онъ сказывалъ

мастерски и всегда приличныя обстоятельствамъ; въ этомъ онъ имѣлъ большую сноровку и въ двѣнадцатомъ году имѣлъ много случаевъ выказать свое краснорѣчіе, потому что обстоятельства были потрясающія. Тогда онъ составилъ молитву на изгнаніе супостатовъ, сочинилъ пастырское увѣщаніе и говорили, что и въ составленіи манифеста государя онъ принималъ участіе.

Митрополитъ Платонъ къ нему особенно благоволилъ и просилъ государя, чтобъ Августина у него не брали и никуда не переводили; потому-то онъ съ 1804 года и до своей кончины въ 1819 году, все въ Москвѣ и находился, а то бы его давно куда-нибудь въ губернію непремѣнно вывели.

Государь его очень жаловалъ и оказывалъ ему довѣріе и награждалъ не маловажно: онъ былъ еще дмитровскимъ епископомъ, когда получилъ Александровскую ленту, а потомъ имѣлъ эту кавалерію, украшенную алмазами, алмазный крестъ на клобукѣ и очень цѣнную панагію, пожалованную отъ государя. Въ 1818 году, онъ былъ переименованъ изъ дмитровскаго епископа въ архіепископа московскаго и коломенскаго, и поживи онъ еще годъ или два, мы увидѣли бы его московскимъ митрополитомъ, но Господь вѣку ему не продлилъ. И отчего онъ умеръ? Не знаю, многимъ ли это извѣстно. Вообще говорили, что онъ скончался отъ тяжкой болѣзни и даже будто бы отъ чахотки. Это вздоръ: онъ былъ преплотный изъ себя, а ему придумали смерть отъ чахотки! Онъ умеръ просто-на-просто отъ икры. Но какъ было сказать, что кончина архіерея послѣдовала отъ икры? — неприлично. Какъ будто и святые не умирали, съѣденные отъ звѣрей, когда Господь попускалъ; мало ли какой случай можетъ выдти; тутъ конфузнаго ничего нѣтъ для святителя. Вотъ какъ это случилось.

Преосвященному прислалъ кто-то въ гостинецъ передъ масляницей большую банку зернистой икры, которую онъ любилъ кушать каждый день. Въ субботу, либо въ воскресенье, ему мало ли подали къ столу икры, или вовсе не подали, только онъ, сидя уже за столомъ, потребовалъ, чтобы принесли. Келейникъ бросился на погребъ опрометью и отъ поспѣшности поскользнулся, упалъ и разбилъ банку. Зная горячій и вспыльчивый нравъ владыки, келейникъ не рѣшился доложить ему о томъ, что̀ случилось. Страха ради, служка наскоро

выбралъ самые крупные осколки стекла и подалъ икру на тарелкѣ. Преосвященный кушалъ торопливо, а тутъ онъ былъ еще въ сердцахъ, что заставили его дожидаться, стало-быть, ѣлъ, не замѣчая, что глотаетъ мелкіе кусочки стекла... Къ вечеру онъ сталъ чувствовать спазмы въ желудкѣ, страшную рѣзь; тотчасъ послали за его докторомъ Мудровымъ. Сдѣлалось воспаленіе, и въ нѣсколько дней такъ его свернуло, что на первой недѣлѣ пришлось пѣть надъ нимъ «со святыми упокой».

Погребеніе было торжественное, и въ Кремлѣ, гдѣ отпѣвали, собралось народу премножество; но мнѣ не пришлось, не помню почему, быть самой на погребеніи. Потомъ тѣло повезли въ Троицкую Лавру и тамъ положили въ Успенскомъ соборѣ, на томъ мѣстѣ, которое онъ для себя облюбовалъ. Разсказывали мнѣ, что года еще за два или за три до своей кончины, будучи однажды въ Лаврѣ, онъ вошелъ въ Успенскій соборъ и—ни съ того, ни съ сего—остановился съ лѣвой стороны собора, гдѣ положенъ какой-то рязанскій архіерей [1]), и посмотрѣвъ, сказалъ: «Здѣсь просторно, здѣсь и для меня мѣсто будетъ». Такъ по его желанію его и схоронили у западной стѣны, напротивъ южныхъ дверей.

Отецъ преосвященнаго Августина былъ сперва въ Москвѣ дьячкомъ, а потомъ священникомъ; звали его Василіемъ. Онъ занимался иконописаніемъ и когда былъ причетникомъ при церкви Большого Вознесенія, что̀ на Никитской, имѣлъ случай сдѣлаться лично извѣстнымъ князю Потемкину, который жилъ въ его приходѣ, и заслужилъ его милостивое къ себѣ расположеніе; по прозвищу онъ былъ Виноградскій. Будучи искуснымъ въ иконописаніи, онъ участвовалъ въ числѣ трудившихся мастеровъ надъ поновленіемъ стѣнной иконописи московскаго Успенскаго собора, при императрицѣ Екатеринѣ, въ 1770-хъ годахъ, и преосвященный Августинъ, говорятъ, всегда съ умиленіемъ взиралъ на стѣнныя изображенія святыхъ въ этомъ соборѣ, почитая память своего родителя, и старался угадывать, что̀ было дѣломъ его кисти, а можетъ-статься, и зналъ по наслышкѣ, что̀ именно его трудовъ. Послѣ двѣ-

[1]) Моисей, архіепископъ рязанскій, † въ 1651 году, живя на покоѣ въ Троицкой Лаврѣ.

надцатаго года, когда послѣ непріятельскаго раззоренія обновляли Кремль и всѣ соборы и храмы подъ наблюденіемъ преосвященнаго Августина, онъ въ особенности заботился о томъ, чтобъ Успенскій соборъ былъ приведенъ совершенно въ прежній видъ, не столько, можетъ статься, потому, чтобъ имѣлъ попеченіе о сохраненіи старины, сколько желалъ, чтобъ уцѣлѣли труды его отца.

II.

Мудровъ, который былъ врачомъ преосвященнаго Августина, въ свое время имѣлъ большую извѣстность и почитался весьма искуснымъ и опытнымъ. Онъ былъ хорошій человѣкъ и добрый старикъ, но горячъ нравомъ, и потому у него не разъ выходили съ преосвященнымъ размолвки и ссоры, такъ что они подолгу другъ съ другомъ не видались. Разъ какъ-то они о чемъ-то поспорили, сперва шутя, по-дружески покалывали другъ друга; но преосвященный, какъ это съ нимъ иногда бывало, разгорячился вдругъ взаправду и Мудрова задѣлъ какимъ-то словцомъ за живое. Тотъ тоже былъ самолюбивъ и самонравенъ,—какъ ни крѣпился, а вспылилъ.

— Вы, я вижу, владыко, начинаете сердиться; при вашемъ сложеніи вамъ это вредно и потому я васъ оставлю.

— Сдѣлай милость, уходи, давно бы пора: ты мнѣ надоѣлъ своимъ споромъ.

— А, я вамъ надоѣлъ, благодарю покорно... Такъ прощайте же, я вамъ больше не слуга, ищите себѣ другого врача; я васъ лечить не стану...

— И не нужно, убирайся вонъ... кричалъ, вскочивъ, Августинъ,—кланяться вашему брату не буду...

На лѣстницѣ Мудровъ повстрѣчался съ секретаремъ преосвященнаго, Малиновскимъ, который, услышавъ, что владыка кричитъ и топаетъ ногами, бѣжалъ снизу узнать, что̀ такое приключилось.

— Что̀ владыка? спрашиваетъ онъ.

— Что̀? съ досадой передразнилъ его Мудровъ,—чего тебѣ спрашивать: развѣ ты его не знаешь? Разсвирѣпѣлъ... Вотъ помяни ты мое слово, что хватитъ его когда-нибудь ударъ наповалъ, такъ что и не пикнетъ.

Такъ они и разсорились и перестали видаться. Преосвященный сталъ бранить Мудрова и встрѣчному, и поперечному, и по своему, не стѣсняясь въ словахъ, и это доходило до Мудрова съ разныхъ концовъ и, пожалуй, еще съ добавленіемъ.

— Ну, ладно, брани меня и ругай, а ужь нога моя у него не будетъ; умирать станетъ — и тогда не поѣду я къ нему.

Прошло послѣ этого нѣсколько времени. Преосвященный плотно покушалъ и занемогъ не на шутку. Домашніе видятъ, что безъ доктора не обойдтись.

— За кѣмъ послать? спрашиваетъ экономъ и секретарь.

— Кого хочешь, хоть съ торгу бери, только не Мудрова, про него никто и не заикайся: не хочу его, вздорнаго старичишку.

Взяли какого-то другого лекаря, который, не зная привычекъ преосвященнаго, не понялъ въ чемъ дѣло и сталъ лечить его невпопадъ, такъ что вмѣсто облегченія усилилъ болѣзнь. Больной пуще раздражается и всѣми лекарствами недоволенъ. Экономъ и Малиновскій шепчутся:

— Не послать ли за Мудровымъ?

— Прогоните вы отъ меня этого негодяя, говоритъ преосвященный.

— Недовольны вы имъ, прикажите послать за Мудровымъ, предлагаетъ секретарь...

— Разъ что я сказалъ, что не хочу его и прогналъ его отъ себя, сдержу слово: не позову.

Малиновскій зналъ характеръ преосвященнаго, не сталъ настаивать, чтобъ еще пуще не раздосадовать его, а взялъ да отъ себя и послалъ извѣстить Мудрова, что владыка боленъ.

Прошло довольно времени послѣ ссоры. Мудровъ былъ не злопамятенъ и душевно привязанъ къ преосвященному Августину. Узнавъ, что онъ нездоровъ, старикъ не вытерпѣлъ и по старой дружбѣ тотчасъ явился на зовъ. Малиновскій прямо безъ доклада повелъ его къ больному.

— Что, владыко, говоритъ Мудровъ,—должно-быть, старый другъ лучше новыхъ двухъ?

Преосвященный обрадовался.

— Ты на меня сердишься? спрашиваетъ онъ.

— Видите, я пріѣхалъ, стало быть, не сержусь... а вы сердитесь?...

— Ну, ну, полно, я тебѣ радъ и давно бы послалъ, да изъ упрямства хотѣлъ на своемъ поставить... Пріѣхалъ, ну, и спасибо.

— Чтò же такое съ вами приключилось, чѣмъ вы нездоровы? Покажите-ка языкъ? Да, говоритъ Мудровъ, — язычкомъ вамъ хвалиться нельзя; у васъ, владыко, прескверный языкъ.

Оба расхохотались, опять поладили. Мудровъ попрежнему сталъ ѣздить каждый день, и преосвященный скорехонько выздоровѣлъ.

III.

Преосвященный Августинъ имѣлъ много прекрасныхъ свойствъ: онъ былъ весьма строгъ, но справедливъ; консисторію держалъ въ ежевыхъ рукавицахъ и бѣлое духовенство, въ то время по большей части грубое и распущенное, его трепетало. Онъ иногда по-отечески бивалъ своею тростью, а не то и руками, кто его прогнѣваетъ, но никого не дѣлалъ несчастнымъ. Когда просились на мѣсто изъ его родственниковъ и были чужіе достойные люди, онъ всегда оказывалъ предпочтеніе чужимъ, а своихъ заставлялъ ждать, иногда и подолгу:

— Свои люди, не взыщутъ, сочтемся.

Онъ не былъ ни пристрастенъ, ни корыстолюбивъ, и главный его недостатокъ состоялъ въ чрезмѣрной запальчивости; но ежели онъ кого во время гнѣва обидѣлъ, послѣ того всегда старался утѣшить—когда деньгами, когда давъ лучшее мѣсто.

При своей природной остротѣ ума, онъ былъ очень скоръ на отвѣты и находчивъ, и не взирая ни на какое лицо, не обинуясь, говорилъ правду, даже и въ глаза. Однажды, послѣ служенія въ московскомъ Успенскомъ соборѣ (въ 1814 или 1815 году), онъ произнесъ поучительное слово о томъ, что слѣдуетъ обуздывать свои страсти и удаляться отъ вредныхъ ученій западныхъ безбожниковъ.

При этомъ словѣ присутствовалъ одинъ изъ московскихъ сановниковъ, очень дерзкій на языкъ и извѣстный по своему безнравственному образу жизни. Во время проповѣди преосвященный часто и пристально на него посматривалъ; вельможу

коробило, онъ блѣднѣлъ, багровѣлъ и, волей-неволей, долженъ былъ выслушивать и молчать. Когда обѣдня отошла и преосвященный, надѣвъ мантію, вышелъ изъ алтаря на амвонъ, чтобы благословлять народъ, этотъ недовольный вельможа нарочно сталъ у самаго амвона, громко разговаривая со своимъ сосѣдомъ; тотъ его толкнулъ локтемъ и сказалъ вполголоса:

— Потише, архіерей.

— Ну, что̀ же, что архіерей? Онъ и самъ мнѣ нынче всѣ уши прокричалъ...

Полуобернувшись къ этому дерзкому, преосвященный черезъ плечо сказалъ ему, во всеуслышаніе присутствующихъ:

— Что̀ же дѣлать, ваше сіятельство: слово Божіе одно для всѣхъ, а такъ какъ въ толпѣ много бываетъ и глухихъ, то ихъ ради и приходится намъ говорить громко, чтобъ и они услышали слово истины; глухимъ кричатъ, вѣдь, и на ухо, не взыщите...

Тотъ прикусилъ себѣ языкъ: онъ хотѣлъ оконфузить архіерея и, вмѣсто того, самъ себя одурачилъ.

Люди, не расположенные къ преосвященному, сложили про него стихи, которые ходили по рукамъ и мнѣ кто-то ихъ далъ:

Всѣмъ москвичамъ намъ знать не худо,
Какія мы имѣемъ чуда:
Въ Кремлѣ стоитъ большой Ванюшка
И пребольшущая царь-пушка...
А чудо третье—Августинъ кадушка
И кроткая ханжа Мареушка.

Эта Мареушка была извѣстная въ свое время Марѳа Яковлевна Кроткова.

IV.

Кротковыхъ я стала знать еще въ молодости. Къ намъ ѣзжала одна немолодая дѣвица Арина Степановна, преумная и пребойкая. Ей было лѣтъ сорокъ или слишкомъ; нехороша собой, сутуловата, но премилая и прелюбезная. Батюшка очень къ ней благоволилъ: какъ узнаетъ, что она у насъ, ужь непремѣнно придетъ.

— Ну, что новенькаго да хорошенькаго ты намъ привезла? чай, по вѣстямъ поѣхала?

Сидитъ часа два она у насъ и не увидишь, какъ время идетъ; ни на минуту не умолкнетъ, все говоритъ, все говоритъ, и не то чтобы вздоръ какой-нибудь, а все очень умное и складное.

И батюшка все сидитъ, не отойдетъ ни на минуту: находилъ удовольствіе ее слушать.

— Экая, вѣдь, умница, скажетъ онъ бывало, какъ она отъ насъ уѣдетъ.

Мы даже подшучивали промежь себя, что Арина ѣздитъ къ намъ, чтобы въ себя влюбить батюшку и сдѣлаться нашею мачихой.

Она была самая старшая изъ дѣтей Степана Егоровича Кроткова. Эти Кротковы татарскаго происхожденія, какъ и многіе наши дворянскіе роды, происшедшіе отъ князьковъ, выѣхавшихъ изъ Орды. Они искони гнѣздились гдѣ-то въ Симбирской губерніи. Отецъ Арины Степановны былъ небогатый помѣщикъ, жившій въ своемъ имѣньицѣ, въ Симбирской глуши; онъ былъ женатъ, имѣлъ слишкомъ двадцать человѣкъ дѣтей, еле-еле сводилъ концы съ концами и жилъ въ великой скудости.

Когда злодѣй Пугачевъ сталъ свирѣпствовать въ той мѣстности, грабя и убивая богатыхъ помѣщиковъ, нагрянулъ онъ и къ Кроткову. Все въ домѣ переполошилось.

— Подавай какія у тебя есть деньги, требуетъ онъ,— выкладывай все свое серебро.

— Какія деньги, говоритъ Кротковъ: что̀ получу, то и проживу, а серебра у меня и въ заводѣ не бывало.

Облюбовалъ Пугачевъ Кротковское имѣньице и началъ строить тамъ разные сараи да вышки для складки грабежомъ добытыхъ имуществъ, и наѣздами тамъ живалъ со своею ватагой. Кротковъ не участвовалъ ни въ какихъ пугачевскихъ нападеніяхъ, а только, страха ради, сторожилъ все, что къ нему привозили. Но когда Пугачеву стало жутко отъ посланныхъ противъ него отъ императрицы, онъ почему-то захватилъ съ собою и Кроткова, опасаясь, можетъ-статься, чтобы тотъ какъ-нибудь его не выдалъ. Кротковъ видитъ, чте дѣло плохо, что вотъ-вотъ не нынче-завтра схватятъ злодѣя, и что тогда, пожалуй,

и его сочтутъ за укрывателя и припутаютъ къ дѣлу, и будетъ ему очень худо; онъ улучилъ удобное время и далъ тягу.

Когда Пугачева схватили и Кротковъ увѣрился, что ему уже опасаться больше нечего и Пугачевъ къ нему не возвратится, онъ и началъ все оставшееся разбирать и разсматривать. Тогда оповѣщено было отъ правительства, что все, что̀ оставлено бунтовщикомъ въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ онъ имѣлъ притоны со своею шайкой или склады, все поступаетъ въ пользу владѣльцевъ. Пошелъ Кротковъ по сараямъ, да по клѣтушкамъ и вышкамъ и нашелъ тамъ боченки съ золотомъ и съ серебромъ, серебряную посуду, мѣха, оружіе, иконы въ дорогихъ окладахъ и множество церковной утвари, похищенной по разнымъ церквамъ и монастырямъ. Въ овинной ямѣ золото было насыпано ворохомъ просто на цыновкѣ; серебряной посуды оказалось десятки пудовъ.

Касательно церковной утвари Кротковъ старался разузнать, гдѣ что̀ было похищено, въ какомъ монастырѣ или изъ какой церкви, и все по принадлежности возвратилъ, а все прочее оставилъ въ свою пользу и объявилъ онъ, что ему досталось тысячъ на триста, что̀ по тогдашнему было очень много, а кто говорилъ, что онъ только въ половину сказалъ, сколько ему досталось.

Началъ онъ покупать себѣ имѣнія и въ одномъ выстроилъ церковь и пожертвовалъ въ нее все, у него оставшееся въ числѣ пугачевскаго наслѣдства, церковное имущество, утварь, облаченіе и прочее, неизвѣстно откуда захваченное и потому не возвращенное куда бы слѣдовало. Стало быть, онъ не попользовался ничѣмъ церковнымъ.

Но не въ прокъ пошло богатство, доставшееся такъ неожиданно. У Кроткова было нѣсколько сыновей, сколько именно — не съумѣю сказать, но знаю только, что они были лихіе молодцы и ловко спускали съ рукъ пугачевскіе золотенькіе и ни въ чемъ себѣ не отказывали. Въ особенности который-то изъ нихъ былъ гораздъ на всякія проказы и ни передъ чѣмъ не останавливался: когда что̀ задумаетъ, все ему было ни почемъ, лишь бы на своемъ поставить.

Степанъ Егоровичъ былъ нравомъ крутенекъ, а на денежку скупенекъ и очень нехотя давалъ денегъ своимъ молодцамъ на мотовство, а этого-то сына, говорятъ, зачастую бивалъ, и

напослѣдокъ, наскучивъ его мотовствомъ и шалостями, чуть ли не велѣлъ конюхамъ выпороть на конюшнѣ. Это водилось въ наше время и не считалось безчестіемъ: не отъ чужого побои, а отъ родителя.

Сынъ, однако, разобидѣлся на отца и задумалъ отмстить ему.

Отецъ прогналъ его отъ себя.

Чтȯ жь онъ придумалъ? Безъ вѣдома отца взялъ да̊ и продалъ одно изъ лучшихъ его имѣній и въ число крестьянъ велѣлъ вписать и отца—Степана Егорова.

Можно себѣ представить удивленіе старика: онъ и знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ, и вдругъ оказывается, что его имѣніе продано, да еще въ добавокъ проданъ и онъ самъ и изъ дворянина попалъ на старости лѣтъ въ подушный списокъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Это дѣло было очень гласно въ свое время, и какъ ни просто въ ту пору было продать и купить имѣніе, старикъ едва выпутался изъ бѣды, и ежели бы онъ не взмиловался надъ своимъ сыномъ, тому не миновать бы ссылки за подлогъ и ужасный свой поступокъ съ отцомъ. Сначала старикъ и слышать не хотѣлъ о прощеніи сына,—такъ онъ былъ на него раздраженъ.

— Издыхай онъ, окаянный, въ кандалахъ, Іуда, продавшій отца родного.

Однако, потомъ сестры уломали старика и склонили его выручить брата изъ бѣды. Старику это дѣло дорого стоило; онъ выгородилъ сына, но видѣть его не хотѣлъ и сравнительно съ братьями далъ ему самую ничтожную часть изъ своего имѣнія. Всѣ братья были замѣшаны въ этомъ дѣлѣ, кромѣ Степана Степановича, который почему-то участія въ немъ не принималъ и потому въ послѣдствіи времени отъ этого очень выигралъ.

Чтобы наказать своихъ сыновей за ихъ продерзость и чтобъ они не выжидали корысти ради отцовской смерти, старикъ задумалъ жениться и женился на молодой дѣвушкѣ, дворянкѣ, но бѣдной, на Мароѣ Яковлевнѣ. Чьихъ была она сама по себѣ—не припомню; жила она въ одномъ знатномъ домѣ, была собою очень недурна и преблагочестивая и пребогомольная. Вотъ Господь и поискалъ ее счастьемъ: вдругъ

сватается за нее богатый и старый вдовецъ. Женившись на ней, старикъ укрѣпилъ за женой всѣ свои самыя лучшія и богатыя имѣнія и не ошибся: Мароа Яковлевна оказалась очень хорошею женой, мужа-старика уважала и покоила до его кончины, была ко всѣмъ несчастнымъ очень сострадательна и много дѣлала добра.

Она была набожна и очень потому расположена къ духовенству, и въ особенности она питала уваженіе къ преосвященному Августину. Изъ этого и составили цѣлую сплетню. Кроткову злословили, называли ханжей и на преосвященнаго взводили разныя напраслины, и на нихъ клеветали. Не мудрено, что и сыновья Кротковы тутъ принимали участіе и въ отместку своей мачихѣ не щадили ея репутаціи. Очень понятно, что будучи молодою, благочестивою и бездѣтною вдовой и располагая большими средствами, она много жертвовала на храмы и монастыри и что чрезъ это снискала особое благоволеніе преосвященнаго Августина, но изъ этого выводили совсѣмъ иныя заключенія.

Изо всѣхъ пасынковъ лучше другихъ съ Мароою Яковлевной былъ Степанъ Степановичъ, за то и она ему оставила прекрасный каменный домъ въ Москвѣ на Басманной съ пространнымъ садомъ, въ которомъ были пруды, вымощенные бѣлымъ камнемъ. Жену его я знала еще молоденькою дѣвушкой, когда у отца ея, отставнаго генералъ-маіора, было имѣніе верстахъ въ сорока отъ нашихъ Яньковыхъ, у которыхъ въ Петровѣ я познакомилась съ нею, а потомъ мы всегда были хороши.

Они долго жили у себя въ деревнѣ, въ Симбирскѣ, и пріѣзжали въ Москву на короткое время.

Степанъ Степановичъ былъ добрый, хорошій и прямой человѣкъ, но очень необтесанъ въ обращеніи. Жена его была добрѣйшая и благочестивая женщина, очень умная, разсудительная и характеръ имѣла вполнѣ кроткій. Мужъ былъ ей во многомъ обязанъ и вполнѣ это чувствовалъ и не разъ мнѣ со слезами говаривалъ: «Это, матушка, моя благодѣтельница, мой ангелъ-хранитель; не будь она моею женой, я бы совсѣмъ пропалъ и погибъ, я бы съ круга спился и былъ бы нищимъ».

Изъ сестеръ его я больше всѣхъ знавала Арину Степа-

новну, которая умерла незамужняя, и Варвару Степановну, которая была за Шалимовымъ, и когда они были нашими сосѣдями и жили въ Пескахъ, я часто съ ними видалась. Шалимовъ лечилъ меня электрическою машиной отъ ревматизма въ рукѣ и мнѣ помогъ. Онъ былъ очень умный и ученый человѣкъ, служилъ секретаремъ въ московскомъ депутатскомъ собраніи и, пока былъ здоровъ глазами, занимался химіей и былъ членомъ масонской ложи. Потомъ совершенно ослѣпъ. Пески они продали, и я ихъ потеряла изъ виду.

Еще одна изъ сестеръ, Александра Степановна, была за Порошинымъ, братомъ того, который находился при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ преподавателемъ, и ему было пожаловано имѣніе въ 300 душъ за братнины заслуги.

V.

Въ 1820 году, октября 2-го, я лишилась дочери Софьи; ей пошелъ четырнадцатый годъ и болѣе уже года была она больна сухоткой. Въ послѣдніе мѣсяцы ея болѣзни были три странныхъ случая съ нею, о которыхъ доктора не мало разсуждали,— она имѣла даръ ясновидѣнія.

Однажды Авдотьѣ Өедоровнѣ Барыковой портниха принесла платье, лиловое, прекраснаго цвѣта, и она за двѣ комнаты отъ той, въ которой лежала больная, стала примѣривать это платье.

Вдругъ Сонюшка говоритъ дѣвушкѣ:

— Поди и попроси Авдотью Өедоровну, чтобъ она платья не снимала и пришла бы въ немъ мнѣ показаться; цвѣтъ платья очень хорошъ.

Спрашиваютъ у больной: «да почему же вы знаете, что Авдотья Өедоровна примѣряетъ платье; развѣ кто вамъ сказывалъ?»

— Нѣтъ, мнѣ никто не говорилъ, я и не знала, что ей сшили новое платье, а я вижу, что цвѣтъ очень хорошъ.

Въ другой разъ, ночью, она говоритъ сестрѣ Аннѣ Петровнѣ, которая, отпросившись у игуменьи побыть у меня нѣсколько дней, спала въ Сонюшкиной комнатѣ:

— Тетенька, вы не бойтесь меня разбудить; можете повернуться, я не сплю.

А сестра, проснувшись, хотѣла повернуться на другой бокъ, но изъ боязни разбудить больную, лежитъ и не шевельнется, и та вдругъ угадала ея мысли.

— Да по чему же ты знаешь, что я проснулась? спрашиваетъ сестра.

— Я сама не знаю по чему, только я чувствовала, что вы не почиваете, и знала, что̀ вы думаете.

Дня за три до кончины Сонюшки, я стала собирать разныя мелочи, которыя хотѣла отправить при случаѣ въ деревню, и между прочимъ, попались мнѣ два Сонюшкиныхъ подносика, и завернувъ ихъ въ бумагу, я хотѣла было тоже положить въ ящикъ; это было внизу.

Въ эту минуту сверху отъ Сонюшки идетъ дѣвушка и говоритъ мнѣ:

— Софья Дмитріевна приказала вамъ сказать, сударыня, что вы напрасно хотите отправить ея два подносика: они, можетъ-быть, еще понадобятся.

Доктора объясняли тогда эти три случая и называли ихъ природнымъ ясновидѣніемъ и приписывали магнетизму, который иногда примѣчается у слабыхъ больныхъ отъ особенной чувствительности нервовъ и отъ ихъ возбужденія при упадкѣ тѣлесныхъ силъ.

Сонюшку отпѣвали въ нашемъ приходѣ, у Пятницы Божедомской, а хоронить повезли въ Горки и положили въ церкви у придѣла пророка Даніила, возлѣ южныхъ дверей.

Мадамъ Рено неутѣшно плакала по Сонюшкѣ и, чувствуя, что она уже больше не нужна въ домѣ, такъ какъ Клеопатрѣ было уже 20 лѣтъ, пришла ко мнѣ и, отказавшись отъ жалованья, которое получала, просила остаться жить въ домѣ, предлагая даже платить за себя. Я очень ее любила, какъ добрую и хорошую старуху, съ удовольствіемъ согласилась ее у себя оставить и, конечно, не дозволяла ей за себя платить. Она была мнѣ большою подмогой и часто съ моими барышнями выѣзжала въ городъ, дѣлала визиты и такъ прожила у меня въ домѣ до своей кончины, которая послѣдовала два года спустя, въ то время, какъ мы были въ Петербургѣ, въ 1822 году.

VI.

Сестра княгиня Александра Вяземская болѣе года жила уже въ Петербургѣ со своими двумя мальчиками, Андрюшей и Сашей, которые были записаны юнкерами и готовились поступить на службу въ полкъ. Она писала ко мнѣ и звала меня пріѣхать въ Петербургъ пожить съ нею и, вмѣстѣ съ тѣмъ, потѣшить дѣтей, которыя очень все грустили и объ отцѣ, и послѣ кончины Сонюшки. Въ Петербургѣ я никогда не бывала и мнѣ любопытно было и самой побывать въ этомъ пресловутомъ городѣ, и хотѣлось показать его дочерямъ. Братъ князь Николай Семеновичъ былъ въ Москвѣ зачѣмъ-то, онъ и уговорилъ меня ѣхать.

Такъ я и собралась въ концѣ августа, или въ началѣ сентября. Князь Николай Семеновичъ поѣхалъ въ своей коляскѣ, а я въ четырехмѣстной каретѣ: я, три мои дочери, Авдотья Ѳедоровна Барыкова и горничная; изъ людей я взяла Фоку да Ѳедора.

Ѣхали по старой петербургской дорогѣ, которою ѣздили, когда еще не было шоссе. Дорога была, какъ всѣ большія трактовыя дороги, мѣстами хороша, но были и очень дурныя мѣста; мосты каменные, построенные при покойной государынѣ Екатеринѣ, и каменныя пирамиды вмѣсто верстовыхъ столбовъ. Такъ какъ мы ѣхали на наемныхъ лошадяхъ, то останавливались гдѣ и когда хотѣли и по нѣскольку часовъ лишняго проводили въ городахъ, на которые лежалъ намъ путь.

Первый большой городъ былъ Тверь; останавливались не надолго, однако кое-что видѣли; городъ очень чистенькій и его очень красить Волга. Покойная государыня очень къ Твери благоволила, и когда городъ сгорѣлъ, въ концѣ 1760-хъ годовъ, она послала большое денежное пособіе,—говорятъ, будто бы милліонъ,—и что поэтому-де и главная улица называется Милліонная; такъ я слышала. Въ особенности Тверь украсилась съ тѣхъ поръ, какъ въ ней пожила великая княжна Екатерина Павловна, 1811—1812 годахъ, сестра покойнаго государя Александра Павловича, бывшая сперва за принцемъ Ольденбургскимъ, который и былъ генералъ-губернаторомъ въ Твери. Городъ очень возвысило то, что онъ былъ подъ

управленіемъ государева зятя. Для нихъ тогда былъ выстроенъ прекрасный дворецъ съ двумя церквами, православною и лютеранскою, въ двухъ зданіяхъ, соединенныхъ съ дворцомъ длинными галлереями. Дворецъ почти рядомъ съ соборомъ, очень древнимъ. Великая княгиня овдовѣла въ концѣ 1812 года и, говорятъ, была неутѣшна, такъ что опасались тогда за ея жизнь, а въ 1816 году она вышла вторымъ бракомъ за короля Виртембергскаго и скончалась въ 1819 году. Вдовствующая императрица Марія Ѳедоровна, въ особенности любившая Екатерину Павловну, очень горевала о ея кончинѣ, и государь былъ очень тронутъ этою потерей. Въ Твери, за Волгой, Отрочь монастырь, въ которомъ жилъ въ заточеніи Филиппъ митрополитъ, гдѣ онъ и пріялъ мученическій конецъ, и тутъ же нѣкоторое время былъ настоятелемъ преосвященный Тихонъ Задонскій, прежде своего епископства. Версты четыре отъ города—Желтиковъ монастырь, гдѣ мощи святителя Арсенія. Дорога песками и сосновымъ боромъ; монастырь старинный.

Верстъ 60 за Тверью—Торжокъ, хорошенькій и чистенькій городокъ; тамъ монастырь мужской, построенный преподобнымъ Ефремомъ Новоторжскимъ; мощи его на вскрытіи, и подъ спудомъ мощи келейника его, преподобнаго Авраамія.

Станціи три за Торжкомъ начинаются Валдайскія горы и тянутся верстъ на 60, такъ что приходилось болѣе дня ѣхать этими горами. Эта часть пути очень утомительна. На одной изъ станцій валдайскія дѣвки пристаютъ къ проѣзжимъ со своими баранками и кренделями. Князь Николай Семеновичъ былъ очень тугъ на денежки, и когда къ нему стали приставать валдайки со своими кренделями, онъ все съ ними бранился и ничего не хотѣлъ покупать; вдругъ одна какая-то поудалѣе говоритъ ему: «купи у меня, баринъ, а я тебя поцѣлую». Чтò-жь, вѣдь растаялъ и накупилъ премножество этихъ баранокъ, прислалъ намъ въ карету нѣсколько связокъ и потомъ съ досады, что истратилъ какой-нибудь рубль или два, нѣсколько станцій былъ не въ духѣ и на всѣхъ насъ дулся, а ямщику всю спину простучалъ тростью за то, что тотъ тихо его везетъ...

На другой станціи торгуютъ валдайскими колокольчиками, которые особенно звонки.

Въ Новгородѣ мы останавливались дольше и побывали въ соборѣ и монастыряхъ, гдѣ много мощей и святыни. Были въ Юрьевѣ монастырѣ, который неподалеку отъ города. Въ то время онъ былъ древній монастырь, очень не важный по своимъ постройкамъ, показавшійся мнѣ даже очень обветшавшимъ и совсѣмъ не таковымъ, какъ сдѣлался въ послѣдствіи, когда благочестивая и богатая графиня Орлова стала ему благотворить, изъ желанія угодить отцу Фотію, котораго тогда тамъ еще не было.

Пожелала я помянуть и несчастнаго князя Долгорукова, казненнаго при императрицѣ Аннѣ, мужа извѣстной Натальи Борисовны, дочери фельдмаршала Шереметева и отца князя Михаила Ивановича; нашли ту церковь, гдѣ онъ погребенъ, и поминали.

При нашемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, погода стояла прекрасная, и мы на первыхъ же порахъ могли многое осмотрѣть. Я сговорилась съ сестрой Вяземской, и мы нашли себѣ домъ, въ которомъ мы могли жить вмѣстѣ, гдѣ-то около Офицерской улицы.

Первые мои выѣзды были въ домикъ Петра Великаго, чтобы приложиться къ иконѣ Спасителя, которая тамъ находится, въ Казанскій соборъ и въ Невскую Лавру.

Казанскій соборъ былъ отдѣланъ вновь, съ серебрянымъ иконостасомъ, сдѣланнымъ изъ серебра, отбитаго у французовъ, и всѣ восхищались его великолѣпіемъ. Икона Казанской Божіей Матери, въ богатѣйшей ризѣ изъ чистаго золота, украшена очень крупными бриллiантами и жемчугомъ, частію изъ пожертвованныхъ обѣими императрицами; все это было тогда недавно сдѣлано и объ этомъ много было разговоровъ. Показывали одинъ очень крупный цвѣтной камень — изумрудъ ли, или синій яхонтъ — не припомню, принесенный въ даръ покойною великою княгиней Екатериной Павловной, и который цѣнили очень дорого, а всю ризу оцѣнили тысячъ въ четыреста ассигнаціями, какъ тогда считали. По стѣнамъ развѣшено множество иностранныхъ знаменъ, ключей отъ крѣпостей, взятыхъ нашими войсками, и нѣсколько фельдмаршалскихъ жезловъ, взятыхъ въ послѣднюю войну съ французами, — раззорителями Москвы.

Въ Невской Лаврѣ мнѣ хотѣлось побывать, во-первыхъ,

потому, что тамъ мощи благовѣрнаго князя Александра Невскаго, а потомъ и потому, что тамъ, подъ Благовѣщенскою церковью, былъ положенъ дѣдъ Дмитрія Александровича, Даніилъ Ивановичъ Яньковъ, и мнѣ хотѣлось отслужить по немъ панихиду. Онъ скончался въ 1738 году, живя въ Петербургѣ, поэтому тамъ и схороненъ, а жена его — въ московскомъ Никитскомъ монастырѣ. Мы отыскали его могилу и служили по немъ панихиду; потомъ, говорятъ, эту церковь перестраивали и, можетъ статься, теперь и могилы его не найдешь; надъ нимъ была плита, отлитая изъ чугуна. Меня очень удивило, что рака съ мощами благовѣрнаго князя не открыта; я просила приложиться и мнѣ сказали, что рака никогда не открывается, потому что Петръ Первый, положивъ тамъ мощи, заблагоразсудилъ раку запереть и ключи бросилъ въ Неву. Очень это страннымъ показалось мнѣ. Монашествующихъ тамъ что-то не много, все больше среднихъ лѣтъ, и молодые послушники; старичковъ три или четыре. Про одного изъ нихъ мнѣ разсказывали очень трогательную и назидательную исторію.

Онъ былъ гвардейскимъ офицеромъ; фамиліи его и имени не помню. Служилъ онъ при императорѣ Павлѣ. Вмѣстѣ съ нимъ находился въ томъ же полку его родственникъ, съ которымъ онъ былъ однихъ почти лѣтъ и очень друженъ. Этотъ пріятель его былъ очень разсѣянной жизни, ужасно влюбчивъ и, полюбивъ одну молодую дѣвушку, задумалъ ее увезти. Но дѣвушка хотя и любила молодца, будучи строгихъ правилъ, хотѣла сперва обвѣнчаться и потомъ готова была бѣжать, а не иначе, а влюбленный офицеръ былъ уже женатъ, только жилъ съ женой не вмѣстѣ, стало быть, ему вѣнчаться было невозможно. Что̀ дѣлать въ такомъ затрудненіи? Онъ открылся своему другу. Тотъ и придумалъ сыграть комедію: обвѣнчать пріятеля своего на дому, одѣвшись въ священническую ризу. Предложили молодой дѣвицѣ вѣнчаться по секрету, дома, подъ предлогомъ, что тайный бракъ въ церкви священникъ вѣнчать не станетъ. По неопытности своей, молодая дѣвушка не поняла, что тутъ обманъ, согласилась и въ извѣстный день, обвѣнчавшись со своимъ мнимымъ мужемъ, бѣжала. Онъ пожилъ съ нею сколько-то времени, она родила дочь, и потомъ онъ ее бросилъ. Не знаю, примирилась ли она съ своими родными, только нашлись люди, ко-

торые ей помогли напасть на слѣдъ ея мужа, и она узнала, что онъ уже женатый и отъ живой жены на ней женился. Она подала прошеніе на высочайшее имя императора Павла, объясняя ему свое горестное положеніе. Императоръ вошелъ въ положеніе несчастной молодой дѣвушки, которую обманули, и положилъ замѣчательное рѣшеніе: похитителя ея велѣлъ разжаловать и сослать, молодую женщину признать имѣющею право на фамилію соблазнителя и дочь ихъ законною, а вѣнчавшаго офицера постричь въ монахи. Въ резолюціи было сказано, что «такъ какъ онъ имѣетъ склонность къ духовной жизни, то и послать его въ монастырь и постричь въ монахи». Сперва молодой человѣкъ былъ, говорятъ, въ отчаяніи, но съ именнымъ повелѣніемъ спорить не станешь. Раба Божія отвезли куда-то далеко и постригли. Онъ былъ внѣ себя отъ такой неожиданной развязки своего легкомысленнаго поступка и жилъ совсѣмъ не по-монашески, но потомъ благодать Божія коснулась его сердца: онъ раскаялся, пришелъ въ себя, и когда мнѣ его показывали, онъ былъ уже не молодъ и велъ жизнь самую строгую, такъ что многіе къ нему приходили за совѣтами и онъ считался опытнымъ и весьма хорошимъ старцемъ. Сперва онъ былъ гдѣ-то въ дальнемъ монастырѣ, а такъ какъ о немъ просили, то и перевели его потомъ въ Невскую Лавру. Такъ Господь разными путями къ Себѣ призываетъ, нерѣдко и безразсудства наши обращаетъ намъ во спасеніе.

Смольный монастырь, устроенный при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, въ то время былъ уже упраздненъ и со временъ императрицы Екатерины обращенъ въ институтъ, который, однако, продолжалъ называться Смольнымъ монастыремъ, и я застала еще двухъ старушекъ-монахинь, которымъ дозволено было тамъ доживать свой вѣкъ. У насъ была родственница Станкевичъ, воспитывавшаяся въ этомъ институтѣ и вышедшая оттуда въ 1810 или 1809 году; при ней было еще шесть монахинь, которыя участвовали въ воспитаніи дѣвицъ.

VII.

Въ Петербургѣ у меня нашлись родные и знакомые, съ которыми давно я не видалась и которые мнѣ очень обрадовались. Самая близкая мнѣ и по родству, и по сердечному чувству, была сестра Екатерина Александровна Архарова. Мужа ея, Ивана Петровича, не было уже въ живыхъ; онъ скончался за годъ до кончины Дмитрія Александровича, и она переселилась жить въ Петербургъ со своими дочерьми Софьей и Александрой. Онѣ тамъ вышли замужъ. Софья Ивановна была за графомъ Александромъ Ивановичемъ Соллогубъ. Его мать была по себѣ Нарышкина, звали ее Наталья Львовна, родная сестра Дмитрія Львовича, женатаго на прекрасной собою и весьма извѣстной тогда Марьѣ Антоновнѣ, урожденной княжнѣ Четвертинской. Графу Александру Ивановичу на видъ было лѣтъ подъ сорокъ, онъ былъ весьма пріятной наружности и самый привѣтливый и ласковый человѣкъ, какихъ я видала: войдетъ онъ въ гостинную и никого не позабудетъ, всѣмъ найдетъ что сказать пріятное, и старику и ребенку, каждому улыбается, каждаго приласкаетъ; жена его, очень милая женщина, была мало общительна и имѣла какое-то пренебрежительное выраженіе лица, не очень къ ней располагавшее. Тогда у нихъ было два мальчика: Левушка, лѣтъ девяти или десяти, и Володя, лѣтъ семи.

Александра Ивановна была замужемъ за Алексѣемъ Васильевичемъ Васильчиковымъ, лѣтъ пятидесяти или болѣе. Этотъ былъ очень не общителенъ, холоденъ въ обхожденіи, высокаго роста, красивый лицомъ и съ волосами очень рѣдкими на головѣ. Его мать звали Анной Кирилловной; она была урожденная графиня Разумовская, родная племянница извѣстнаго графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, который былъ тайно обвѣнчанъ съ императрицей Елизаветой Петровной. Анна Кирилловна Васильчикова была потомъ монахиней въ которомъ-то изъ московскихъ монастырей.

Родной дядя Алексѣя Васильевича Васильчикова, Александръ Семеновичъ, говорятъ, весьма видный изъ себя мужчина и очень привлекательный по наружности, былъ нѣкоторое время въ особой милости императрицы Екатерины.

Екатерина Александровна Архарова живала по лѣтамъ въ Павловскомъ, и покойный государь Александръ Павловичъ къ ней очень благоволилъ и иногда запросто приходилъ къ ней и у ней кушивалъ. Однажды съ ней былъ пресмѣшной случай, и будь это съ другою, то, можетъ статься, та бы и переконфузилась, а Екатерина Александровна показала присутствіе духа. Былъ у нея государь и, какъ обыкновенно, когда кушивалъ у ней, велъ ее къ столу; вдругъ она чувствуетъ, что съ нея спускается одна изъ юпокъ; она пріостановилась, дала ей время упасть, перешагнула и, какъ будто не замѣчая, что̀ случилось съ нею, продолжала идти къ обѣду и не подала и виду, что замѣтила, и во все время обѣда была такъ же весела и спокойна, какъ и обыкновенно. Она была кавалерственною дамой меньшого креста, а Александра Ивановна—фрейлиной. Она была высока ростомъ, имѣла прекрасный цвѣтъ лица и въ первой своей молодости была очень привлекательна лицомъ и привѣтлива и ласкова.

Екатерина Александровна очень мнѣ обрадовалась, приняла по-родственному, и ей мы были обязаны, что многое видѣли по ея протекціи, чего бы иначе, можетъ статься, и не видали.

Въ то время жили въ Петербургѣ и наши сосѣди по деревнѣ — Голицины: князь Сергѣй Сергѣевичъ, женатый на Натальѣ Степановнѣ Апраксиной и будучи егермейстеромъ, онъ тоже отворялъ намъ многія двери, которыя остались бы для насъ заключенными.

Павловское было любимымъ загороднымъ мѣстопребываніемъ вдовствующей императрицы, и я много объ немъ слыхала отъ покойнаго брата князя Дмитрія Михайловича Волконскаго, который тамъ былъ директоромъ. Сперва это было небольшое помѣстьице, но когда императоръ Павелъ, будучи еще великимъ княземъ, облюбовалъ это мѣсто, онъ сталъ тамъ строиться, начали сажать паркъ и садъ, чтобъ осушить мѣстность, очень сырую. Это вышло царское жилище.

Разсказывали мнѣ люди достовѣрные и которые могли знать, что̀ дѣлалось при дворѣ Екатерины и помнили то время, что императрица, которая, какъ извѣстно, была не слишкомъ нѣжная мать, не старалась никогда приблизить къ себѣ сына, сначала поощряла его строиться въ Павловскомъ, которое

VII.

Въ Петербургѣ у меня нашлись родные и знакомые, съ которыми давно я не видалась и которые мнѣ очень обрадовались. Самая близкая мнѣ и по родству, и по сердечному чувству, была сестра Екатерина Александровна Архарова. Мужа ея, Ивана Петровича, не было уже въ живыхъ; онъ скончался за годъ до кончины Дмитрія Александровича, и она переселилась жить въ Петербургъ со своими дочерьми Софьей и Александрой. Онѣ тамъ вышли замужъ. Софья Ивановна была за графомъ Александромъ Ивановичемъ Соллогубъ. Его мать была по себѣ Нарышкина, звали ее Наталья Львовна, родная сестра Дмитрія Львовича, женатаго на прекрасной собою и весьма извѣстной тогда Марьѣ Антоновнѣ, урожденной княжнѣ Четвертинской. Графу Александру Ивановичу на видъ было лѣтъ подъ сорокъ, онъ былъ весьма пріятной наружности и самый привѣтливый и ласковый человѣкъ, какихъ я видала: войдетъ онъ въ гостинную и никого не позабудетъ, всѣмъ найдетъ что сказать пріятное, и старику и ребенку, каждому улыбается, каждаго приласкаетъ; жена его, очень милая женщина, была мало общительна и имѣла какое-то пренебрежительное выраженіе лица, не очень къ ней располагавшее. Тогда у нихъ было два мальчика: Левушка, лѣтъ девяти или десяти, и Володя, лѣтъ семи.

Александра Ивановна была замужемъ за Алексѣемъ Васильевичемъ Васильчиковымъ, лѣтъ пятидесяти или болѣе. Этотъ былъ очень не общителенъ, холоденъ въ обхожденіи, высокаго роста, красивый лицомъ и съ волосами очень рѣдкими на головѣ. Его мать звали Анной Кирилловной; она была урожденная графиня Разумовская, родная племянница извѣстнаго графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, который былъ тайно обвѣнчанъ съ императрицей Елизаветой Петровной. Анна Кирилловна Васильчикова была потомъ монахиней въ которомъ-то изъ московскихъ монастырей.

Родной дядя Алексѣя Васильевича Васильчикова, Александръ Семеновичъ, говорятъ, весьма видный изъ себя мужчина и очень привлекательный по наружности, былъ нѣкоторое время въ особой милости императрицы Екатерины.

Екатерина Александровна Архарова живала по лѣтамъ въ Павловскомъ, и покойный государь Александръ Павловичъ къ ней очень благоволилъ и иногда запросто приходилъ къ ней и у ней кушивалъ. Однажды съ ней былъ пресмѣшной случай, и будь это съ другою, то, можетъ статься, та бы и переконфузилась, а Екатерина Александровна показала присутствіе духа. Былъ у нея государь и, какъ обыкновенно, когда кушивалъ у ней, велъ ее къ столу; вдругъ она чувствуетъ, что съ нея спускается одна изъ юпокъ; она пріостановилась, дала ей время упасть, перешагнула и, какъ будто не замѣчая, что̀ случилось съ нею, продолжала идти къ обѣду и не подала и виду, что замѣтила, и во все время обѣда была такъ же весела и спокойна, какъ и обыкновенно. Она была кавалерственною дамой меньшого креста, а Александра Ивановна—фрейлиной. Она была высока ростомъ, имѣла прекрасный цвѣтъ лица и въ первой своей молодости была очень привлекательна лицомъ и привѣтлива и ласкова.

Екатерина Александровна очень мнѣ обрадовалась, приняла по-родственному, и ей мы были обязаны, что многое видѣли по ея протекціи, чего бы иначе, можетъ статься, и не видали.

Въ то время жили въ Петербургѣ и наши сосѣди по деревнѣ — Голицины: князь Сергѣй Сергѣевичъ, женатый на Натальѣ Степановнѣ Апраксиной и будучи егермейстеромъ, онъ тоже отворялъ намъ многія двери, которыя остались бы для насъ заключенными.

Павловское было любимымъ загороднымъ мѣстопребываніемъ вдовствующей императрицы, и я много объ немъ слыхала отъ покойнаго брата князя Дмитрія Михайловича Волконскаго, который тамъ былъ директоромъ. Сперва это было небольшое помѣстьице, но когда императоръ Павелъ, будучи еще великимъ княземъ, облюбовалъ это мѣсто, онъ сталъ тамъ строиться, начали сажать паркъ и садъ, чтобъ осушить мѣстность, очень сырую. Это вышло царское жилище.

Разсказывали мнѣ люди достовѣрные и которые могли знать, что̀ дѣлалось при дворѣ Екатерины и помнили то время, что императрица, которая, какъ извѣстно, была не слишкомъ нѣжная мать, не старалась никогда приблизить къ себѣ сына, сначала поощряла его строиться въ Павловскомъ, которое

только въ пяти верстахъ отъ Царскаго села, гдѣ она по лѣтамъ всегда изволила жить; но потомъ нашла, что это все еще слишкомъ близко. Многіе изъ вельможъ Екатерины, хотя и вертѣлись предъ нею своими лисьими хвостами, помышляли, однако, что придетъ время, когда Екатерины не станетъ и что плохо тогда имъ будетъ отъ ея наслѣдника; они, чтобы заранѣе заручиться, втихомолку ѣзжали и въ Павловское. Кто-то императрицѣ объ этомъ шепнулъ и она купила тогда у любимца своего Григорія Орлова его имѣніе Гатчину и пожаловала всю Гатчинскую волость своему сыну. Это было гораздо подальше отъ Царскаго села, а отъ Петербурга очень не близко, верстъ сорокъ или болѣе.

Названіе Гатчины, говорятъ, отъ того произошло, что тамъ много *гатей* отъ топкости мѣстности. Строенія тамъ были уже и при Орловѣ очень достаточныя, но великій князь строился еще и расширялъ дворецъ и сдѣлалъ для себя тамъ жилище вполнѣ царское.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

I.

Павловское хотя и было очень хорошо своими постройками и очень обширнымъ паркомъ въ новомъ вкусѣ—въ *англійскомъ*, то, что̀ прежде называли *пейзажнымъ садомъ* (jardin paysager), далеко, однако, уступаетъ во всѣхъ отношеніяхъ Гатчинѣ, гдѣ замѣчательна прозрачная вода въ прудахъ: точно хрустальная, такъ что видно все, что̀ на самомъ днѣ. Въ Павловскѣ, напротивъ того, пруды сильно цвѣтутъ и отъ того всегда зеленоватаго цвѣта.

Когда императрица тамъ пребывала, каждый день ранехонько утромъ и пошлютъ нѣсколько человѣкъ въ лодкахъ ко всѣмъ прудамъ: они плывутъ и сплавливаютъ зелень.

Будучи въ Павловскѣ, мы ходили смотрѣть знаменитый Розовый Павильонъ (*le Pavillion des roses*); цвѣты только-

что начинали еще распускаться, но я думаю, что когда всѣ распустятся — это точно должно быть неописанной красоты.

Тутъ я въ первый разъ увидѣла и узнала, что̀ такое называется Эолова арфа, и слышала какъ она играетъ, когда вѣтеръ шевелитъ струны; выходитъ очень складно.

О Царскомъ селѣ я много слыхала отъ батюшки, потомъ отъ братьевъ, когда при императрицѣ Екатеринѣ они служили въ гвардіи. По воскресеньямъ иногда они удостоивались тамъ обѣдать за царскимъ столомъ. Но они не могли видѣть того, что̀ я видѣла: батюшка, служившій при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и вышедшій въ отставку въ первые годы императрицы Екатерины, видѣлъ только одно начало того въ полномъ смыслѣ царскаго помѣстья, которое изъ него сдѣлала государыня. Иностранцы, пріѣзжавшіе при ней въ Россію, не могли довольно надивиться этому чуду. Изъ нихъ кто-то сказалъ очень умно, когда государыня спросила его: какъ ему нравится дворецъ?

— Тамъ все роскошно и великолѣпно, не достаетъ только одного...

Императрица посморѣла съ удивленіемъ, не понимая, чего еще могло бы недоставать.

— Недостаетъ футляра для этой неоцѣнимой драгоцѣнности.

Кѣмъ это было сказано, не могу припомнить...

Но въ то время все было еще только вновѣ, и царскосельскій садъ разводили и засаживали, а я все это видѣла спустя 50 или 60 лѣтъ: садъ разроссясь и около дворца былъ уже цѣлый городъ.

Сказывали мнѣ, что, съ небольшимъ за годъ до моего пріѣзда въ Петербургъ, былъ большой пожаръ въ Царскомъ селѣ, во время котораго сгорѣла дворцовая церковь и часть дворца. Очень опасались за покои императрицы Екатерины, и въ особенности за янтарную комнату; но Господь помиловалъ, и хотя убытку было болѣе, чѣмъ на два милліона, къ году все привели въ прежній видъ. Тогдашній петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ, узнавъ, что горитъ царскосельскій дворецъ, живо скомандовалъ, прискакалъ, не теряя времени, съ пожарными трубами и, благодаря его расторопности, пожаръ остановили; однако, церкви спасти не могли и часть государевыхъ покоевъ не уцѣлѣла.

Янтарная комната, про которую столько кричали когда ее отдѣлали и считали чудомъ, мнѣ совсѣмъ не такъ понравилась, какъ я ожидала, послѣ всего, что́ я про нее слышала: я думала, что янтари подобраны подъ цвѣтъ и составлены изъ нихъ разводы и узоры, а увидѣла я сплошную мозаику изъ мелкихъ и крупныхъ кусочковъ разной величины, въ разбродъ и какъ попало...

Очень это пестро, но нимало не поражаетъ и совсѣмъ не такъ выходитъ, какъ думается, не видавъ. Можетъ-статься, это очень дорого стоило, и рѣдкость, что могли собрать столько янтарей, да только на видъ не особенно хорошо.

II.

Показывали намъ неподалеку отъ дворца тотъ домикъ, въ которомъ нѣсколько уже лѣтъ сряду жилъ тогда историкъ Карамзинъ.

Карамзины, — симбирскіе старинные дворяне, но совсѣмъ неизвѣстные, пока не прославился написавшій Русскую Исторію. Они безвыѣздно живали въ своей провинціи и про нихъ не было слышно.

Карамзинъ-историкъ въ молодости путешествовалъ по чужимъ краямъ и описалъ это въ письмахъ, которыя въ свое время читались на расхватъ, и очень хвалили ихъ, потому что хорошо написаны; но я ихъ не читывала, а съ удовольствіемъ прочитала его чувствительную исторію о «Бѣдной Лизѣ», и такъ какъ была тогда молода и своихъ горестей у меня не было, то и поплакала читая.

Онъ жилъ тогда на дачѣ у Бекетова подъ Симоновымъ монастыремъ и такъ живо все описалъ, что многія изъ московскихъ барынь начали туда ѣздить, принимая выдумку за настоящую правду. Видя, что ему повезло, онъ напечаталъ, немного спустя, еще другую исторію, которая тоже очень всѣмъ полюбилась — «Наталью, Боярскую Дочь», а послѣ того «Мароу Посадницу».

Многіе его критиковали за то, что онъ пишетъ разговорнымъ языкомъ, а другіе его за это-то именно и хвалили. Мнѣ

всѣ эти три исторіи очень нравились, и Дмитрій Александровичъ ихъ весьма одобрялъ.

Когда Карамзинъ задумалъ писать Русскую Исторію, многіе надъ нимъ трунили и говорили: ну гдѣ же какому-нибудь Карамзину тягаться съ Татищевымъ и Щербатовымъ? На дѣлѣ вышло, однако, иначе: онъ всѣхъ перещеголялъ, и Дмитрій Александровичъ, читая его историческія статьи, оставался всегда ими доволенъ и не разъ говаривалъ мнѣ:

— Ну, матушка, этотъ, пожалуй, и твоего прадѣда [1]) за поясъ заткнетъ; мастерски и бойко онъ пишетъ и очень легко его читать.

Мать Карамзина умерла, когда онъ былъ еще ребенкомъ, и отецъ его женился на другой, на Дмитріевой, и кажется, она была добрая женщина, а не злая мачиха. У нея былъ племянникъ Иванъ Ивановичъ, съ которымъ Карамзинъ былъ очень друженъ и черезъ него онъ сталъ извѣстенъ тогдашнему куратору московскаго университета Муравьеву. Этотъ имѣлъ доступъ къ государю, былъ человѣкъ благонамѣренный и, узнавъ, что молодой Карамзинъ вызывается писать Русскую Исторію, довелъ объ этомъ до свѣдѣнія государя, который это милостиво принялъ, назначилъ жалованье и приказалъ дозволить Карамзину пользоваться всѣми архивами и библіотеками. Это было приблизительно въ 1802 или 1804 году, когда мы жили въ тамбовской деревнѣ и узнали объ этомъ изъ журнала «Вѣстникъ», который тогда получали.

На комъ былъ женатъ Карамзинъ въ первомъ бракѣ, я не знаю; овдовѣвъ, онъ женился на дочери князя Вяземскаго, дальняго родственника нашихъ Вяземскихъ—Екатеринѣ Андреевнѣ. Черезъ Вяземскаго и черезъ своего пріятеля Дмитріева, онъ сдѣлался лично извѣстенъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, жившей въ Твери. Его туда выписали и тамъ онъ представился государю, по крайней мѣрѣ, такъ я слышала. Онъ читалъ государю отрывки изъ своей исторіи; государь остался очень доволенъ, и тутъ онъ пошелъ въ гору; обѣ императрицы къ нему расположились, потому что онъ былъ весьма хорошій человѣкъ и пріятный въ бесѣдѣ. Государь къ нему благоволилъ, находилъ удовольствіе съ нимъ

[1]) Василія Никитича Татищева.

разговаривать и, будучи весьма простъ въ обращенiи, для того, чтобъ имѣть прiятнаго и умнаго человѣка поближе, назначилъ ему для лѣтняго житья одинъ изъ домиковъ въ царскосельскомъ саду.

Павильйонъ этотъ или домикъ—неподалеку отъ дворца; во время пожара онъ былъ въ большой опасности, нѣсколько разъ загорался, но государь приказалъ непремѣнно, во что бы то ни стало, домикъ Карамзина отстоять, и его спасли. Кромѣ того, что государь былъ милостиво расположенъ къ искусному историку, онъ зналъ, что у него на дому много рѣдкихъ рукописей и за нихъ опасался. На другой день послѣ пожара, государь самъ ходилъ къ Карамзинымъ въ гости и навѣстилъ Екатерину Андреевну, которая была очень милая и достойная женщина. Императрицы ее ласкали, и она не рѣдко запросто съ своимъ мужемъ у нихъ обѣдывала въ Царскомъ селѣ и въ Павловскѣ.

III.

Въ 1822 году, пароходы были еще новостью и не очень усовершенствованы и потому ихъ опасались. Моимъ барышнямъ хотѣлось попробовать съѣздить въ Петергофъ на пароходѣ, однако, я ихъ нё послушала, а наняла карету взадъ и впередъ и заплатила за нее два золотыхъ, т. е., сорокъ рублей.

Сперва мы были въ Петергофѣ утромъ и въ простой день, въ будни, чтобъ удобнѣе все разсмотрѣть. Въ то время во дворцѣ никто не жилъ, и мы по всему дворцу ходили и все видѣли.

Сравнительно съ другими дворцами, онъ кажется не великъ и во внутрённости оставался въ томъ видѣ, какъ былъ при Петрѣ Великомъ, который его построилъ, и убранствомъ своимъ нисколько не удивляетъ; есть частные дома, которые обширнѣе и богаче.

Стриженый садъ, въ подражанiе версальскому саду, былъ разведенъ и разбитъ какимъ-то очень извѣстнымъ садовникомъ, выписаннымъ изъ Голландiи. Такихъ стриженыхъ садовъ, съ регулярными аллеями, въ мое время было премножество, съ тою только разницей, что этотъ гораздо обшир-

нѣе, но что̀ показалось мнѣ диковиннымъ — это фонтаны, которые на каждомъ шагу: куда ни обернись, все фонтаны, и нѣкоторые для насъ пускали нарочно, чтобы дать намъ понятіе.

Въ другой разъ, мы ѣздили на петергофскій праздникъ, іюля 22-го, въ день именинъ императрицы Маріи: всѣ фонтаны были пущены и весь садъ иллюминованъ. Кто не видалъ Петергофа въ день праздника, тотъ не имѣетъ о немъ понятія; это такъ хорошо и ослѣпительно, что, не видавъ, и вообразить себѣ этого невозможно. Бывавшіе въ Версалѣ говорятъ, что своими постройками Версаль превосходитъ всѣ царскія резиденціи, но множествомъ фонтановъ и ихъ красотой Петергофъ несравненно великолѣпнѣе, потому что тамъ воду откуда-то провели машинами и накачиваютъ, а здѣсь воды вволю, она течетъ прямо изъ озера, которое выше дворца, и изъ фонтановъ уходитъ въ море. На берегу есть небольшой домикъ, называемый Монплезиръ, оттуда видъ на самое море удивительный. Этотъ домикъ въ особенности любила императрица Елизавета Петровна, и тамъ-то часто она пировала, то-есть, ужинала, потому что при ней и въ мое время обѣдывали рано, а настоящій пиръ былъ ужинъ, часовъ въ 8 или въ 9 вечера. Въ среду и въ пятокъ у государыни вечерній столъ былъ послѣ полуночи, потому что она строго соблюдала постные дни, а покушать любила хорошо, а чтобъ избѣжать постнаго масла, отъ котораго ее тошнило, она дожидалась перваго часа слѣдующаго непостнаго дня, и ужинъ былъ сервированъ уже скоромный. У императрицы былъ, говорятъ, замѣчательный столовый сервизъ, изъ котораго мнѣ довелось видѣть нѣкоторыя штуки. Такъ какъ блюда ставились на столъ, то, обыкновенно, они были съ крышками, чтобы кушанье не скоро остывало, и сервизъ императрицы былъ презамысловатый: крышки были сдѣланы изъ фарфора, на подобіе кабаньей головы, кочна капусты, окорока и т. п., и очень искусно.

Вотъ еще странность императрицы, про которую я слышала отъ батюшки. Государыня терпѣть не могла яблоковъ, и, мало того, что сама не кушала ихъ никогда, до того не любила яблочнаго запаху, что узнавала по чутью, кто ѣлъ недавно, и гнѣвалась на тѣхъ, отъ которыхъ пахло: ей дѣла-

лось дурно, и ея приближенные весьма остерегались, и даже наканунѣ того дня, когда имъ слѣдовало являться ко двору, до яблоковъ и не дотрогивались. Было, говорятъ, нѣсколько случаевъ, что императрица, почувствовавъ съ отвращеніемъ этотъ противный для нея духъ, отъ себя прогоняла со строгимъ выговоромъ.

IV.

Мы ѣздили въ Кронштадтъ и въ Шлиссельбургъ. Тутъ ужь дѣлать было нечего, въ каретѣ не поѣдешь,—пришлось плыть на пароходѣ. Сначала мнѣ было очень боязно, я тревожилась и трусила, потомъ перестала бояться и подъ конецъ мнѣ это очень даже понравилось. Двигаешься впередъ и скоро, а тебя не тряхнетъ, не толкаетъ, какъ въ экипажѣ—покойнѣе. Время было хорошее, море спокойно, и мы преблагополучно доплыли изъ Петербурга въ Кронштадтъ, но на обратномъ пути что-то такое приключилось съ машиной, и мы возвратились уже на боку и еле-еле дотащились до набережной.

Будучи въ Шлиссельбургѣ, я живо припомнила все то, что больше чѣмъ за пятьдесятъ лѣтъ мнѣ разсказывала покойная тетушка Марья Семеновна Римская-Корсакова. Ея мужъ, дядюшка Александръ Васильевичъ, стоялъ тамъ со своимъ полкомъ въ то время, когда вышла смута и произошла извѣстная исторія Мировича, составившаго заговоръ въ пользу Іоанна Антоновича, сидѣвшаго въ Шлиссельбургской крѣпости. Въ суматохѣ, которая сдѣлалась когда распространился слухъ, что узникъ бѣжалъ, кого-то убили, но, говорили, что убитый былъ не Іоаннъ Антоновичъ. Іоаннъ Антоновичъ бѣжалъ, а убитъ былъ другой по ошибкѣ, и цѣлые три дня обыскивали всѣ дома. Приходили и къ тетушкѣ и вездѣ все перешарили, перерыли во всѣхъ сундукахъ, ходили по погребамъ и чуланамъ и лазили по чердакамъ. Такой обыскъ утвердилъ всѣхъ въ мысли, что узникъ бѣжалъ, хотя и говорили, что онъ убитъ. Тетушка была твердо увѣрена, что онъ бѣжалъ. Нѣкоторые подтверждали это мнѣніе и тѣмъ, что Мировича казнили, а императрица была милосердна, и ежели бы Мировичъ не упустилъ узника, то навѣрное государыня его бы помиловала.

Какъ ни секретно держали Іоанна Антоновича, однако, были люди, которымъ довелось его видѣть, и они разсказывали, что онъ былъ красавецъ, высокаго роста, бѣлокурый, съ голубыми глазами; говорилъ тихо, плавно и былъ уменъ. Тетушка подробно про него разсказывала, но я многое позабыла, а иному и повѣрить трудно...

V.

Въ то время, какъ мы жили въ Петербургѣ, ко мнѣ пріѣзжаетъ однажды одна моя хорошая знакомая, вдова среднихъ лѣтъ, имѣвшая единственнаго сына, только-что произведеннаго въ офицеры.

— Я къ вамъ съ просьбой, Елизавета Петровна; сдѣлайте милость, не откажите.

— Чтò такое, моя милая, говорила я ей,—скажи мнѣ, и ежели я могу—сдѣлаю.

— Позвольте вашимъ двумъ лакеямъ придти ко мнѣ завтра поутру.

— Съ большимъ удовольствіемъ; на чтò они тебѣ понадобились?

— Вы знаете, я имѣю сына, котораго недавно сдѣлали офицеромъ...

— Ну, такъ чтò же?

— Онъ сталъ дурно себя вести, замотался, на дняхъ возвратился домой выпивши, а вчера распроигрался; хотя я имѣю состояніе, но его не надолго хватитъ, ежели мой сынъ такъ станетъ жить.

— Это очень жаль, только я все-таки не понимаю, на что тебѣ мои люди понадобились.

— Я хочу сына высѣчь, говоритъ мать, а сама плачетъ...

— Чтò это, матушка, ты за вздоръ мнѣ говоришь, статочное ли это дѣло? ему подъ двадцать лѣтъ, да еще въ добавокъ онъ и офицеръ; какъ же могутъ мои люди его сѣчь? за это ихъ подъ судъ возьмутъ.

— Да я имъ сѣчь и не дозволю; они только держи, а высѣку его я сама...

— Милая моя, онъ офицеръ, какъ же это возможно...

— Онъ мой сынъ, Елизавета Петровна, и какъ мать, я

вольна его наказать какъ хочу,—кто же отнялъ у меня это право?...

Какъ я ни уговаривала ее, она поставила на своемъ, выпросила у меня моихъ людей Фоку и Өедора.

Они пошли къ ней на другой день поутру. Сынъ ея былъ еще въ постели, она вошла къ нему въ комнату съ моими лакеями, заставила ихъ сына держать, а сама выпорола его, говорятъ, такъ, что онъ весь день отъ стыда и отъ боли пролежалъ, не вставая.

Это средство помогло, какъ рукой сняло: полно пить и въ карты играть.

Потомъ она пріѣзжала меня благодарить и моимъ людямъ дала по рублю каждому.

Лѣтъ десять спустя послѣ этого, докладываютъ мнѣ, что пріѣхалъ такой-то; приняла, а сама не знаю, съ кѣмъ говорю, совершенно позабыла его фамилію... спасибо, самъ мнѣ напомнилъ.

— Помните въ Петербургѣ вашихъ людей брала у васъ покойная матушка, чтобы меня высѣчь?.. я тогда былъ еще почти мальчикомъ.

Тутъ только я и вспомнила.

— Очень тогда мнѣ это было конфузно, а теперь отъ души благодарю покойную матушку, что она прибѣгла къ такому домашнему средству; благодарю и васъ, что помогли матушкѣ.

Вотъ какъ въ прежнее время умныя матери исправляли своихъ взрослыхъ сыновей, и не смѣли они сердиться и отъ злости не стрѣлялись и не давились, а еще благодарили.

Попробуй-ка теперь кто это сдѣлать, да что̀ бы такое вышло?

Онъ спросилъ меня, живы ли еще тѣ два человѣка, которые помогали его матери его высѣчь. Я отвѣчала, что живы еще, и онъ, уѣзжая, пожелалъ ихъ видѣть и каждому изъ нихъ далъ сколько-то на чай и сказалъ имъ ласковое слово и большое спасибо.

Онъ вышелъ очень хорошимъ человѣкомъ, трезвымъ и не играющимъ и былъ послѣ въ чинахъ, но я его совсѣмъ потеряла изъ виду и про него болѣе и не слыхала [1]).

---

[1]) Кто былъ по фамиліи этотъ офицеръ, бабушка никогда не хотѣла

VI.

Все, что̀ было замѣчательнаго въ Петербургѣ, мы все видѣли. Зимній Дворецъ мы осматривали во время отсутствія двора и потому могли побывать во всѣхъ покояхъ. Эрмитажъ, который послѣ того не разъ передѣлывали, тогда былъ еще въ томъ видѣ, какъ при императрицѣ Екатеринѣ, которая такъ имъ утѣшалась, и гдѣ она задавала такіе замысловатые праздники, ярмарки и лоттереи. Тамъ былъ особый театръ, въ который допускались только избранные изъ царедворцевъ.

Можетъ статься, теперь больше картинъ и разныхъ рѣдкостей, чѣмъ было въ ту пору и этимъ лучше Эрмитажъ и богаче, да ужь не тотъ онъ, гдѣ бывала великая государыня, гдѣ бывалъ Потемкинъ, Румянцевъ и всѣ эти знаменитости того времени.

Осматривая Академію Художествъ, мы познакомились съ начальникомъ мозаическаго отдѣленія—Веклеромъ.

Моимъ барышнямъ очень понравилась эта работа, я и приглашала Веклера бывать у насъ и давать имъ уроки.

Онъ былъ большой мастеръ своего дѣла и работалъ хорошо и очень живо. При началѣ работы большая пачкотня, когда заливаютъ формочки составомъ, въ который потомъ начинаютъ вставлять цвѣтныя стеклышки. Очень это медленная раработа, но разъ сдѣланное никогда уже не испортится. Много разныхъ вещицъ тогда надѣлала Грушенька и подарила мнѣ пейзажъ для табакерки — Красная Шапочка, который я велѣла обдѣлать въ черепаховую оправу [1]).

Въ то время была большая мода рисовать по дереву цвѣты гуашью и по бѣлому бархату.

сказать, какъ я ни добивался: «Статочное ли это дѣло назвать его: это было бы для него конфузно, что другіе узнаютъ, что его сѣкла мать... Молодъ былъ, шалилъ, ну, мать и наказала».

Я неоднократно допытывался про фамилію, такъ и не узналъ, а наконецъ, бабушка сказала мнѣ: «Представь себѣ, что я и сама позабыла, какъ звали мою знакомую, что сына-то высѣкла». Тайна осталась тайной навсегда, такъ что послѣ того я уже и не допытывался, а теперь не у кого и спросить.

[1]) Эта мозаика, вынутая изъ табакерки и оправленная въ золото, превратилась въ прекрасную брошку и принадлежитъ правнукѣ разсказчицы.

Тутъ я тоже пригласила двухъ рисовальныхъ учителей, такъ-что, живя въ Петербургѣ, мои дѣвицы кой-чему понаучились.

Сестрѣ княгинѣ Александрѣ Петровнѣ онѣ подарили прекрасныя ширмы изъ чинароваго дерева въ восемь половинокъ: верхнія филенки — большіе букеты цвѣтовъ, рисованныхъ по дереву, а среднія—по темновишневому фону разные купидоны и барельефныя фигуры; тогда это было очень модно, казалось хорошо, и знатоки цѣнили дорого. Каждая изъ дочерей нарисовала и для себя нѣсколько вещей—работныхъ ларчиковъ и корзиночекъ.

Рисованье по бархату было въ большомъ употребленіи, и англійскій бумажный бархатъ оттого очень вздорожалъ. Тогда рисовали по бархату экраны для каминовъ, ширмы, подушки для дивановъ, а у нѣкоторыхъ богатыхъ людей бывало и вся мебель на цѣлую комнату; дѣлали рисованные мѣшки для платковъ или ридикюли, которые стали употреблять послѣ того, какъ вышли изъ моды карманы, потому что платья стали до того узить, что для кармановъ и мѣста не было; но мы, люди немолодые, отъ кармановъ не отступали, а ридикюли носили ради приличія.

Помню я, что въ прежнемъ московскомъ дворцѣ была цѣлая комната съ такими бархатными рисованными стѣнами: матерія была полосатая, полоса голубая и полоса бѣлая, а по ней гирлянда розановъ разныхъ цвѣтовъ; стѣны и мебель, — все было одинаковое. Навѣрно и теперь еще гдѣ-нибудь въ дворцовыхъ кладныхъ или рухлядныхъ палатахъ хранятся эти старые обои.

Къ слову пришлось, — застала я, но только это очень давно было, почти-что въ дни моего дѣтства, въ началѣ 1780-хъ годовъ, и мужчины нашивали такіе рисованные жилеты съ сюжетами, т.-е., не мало, что съ картинами, только по бѣлому атласу, и шитые шелками, а пуговицы на кафтанахъ величиною въ мѣдный пятакъ — съ разными изображеніями и фигурами, рисованныя на кости, по перламутру и даже эмалевыя въ золотой оправѣ, очень дорогія. Потомъ, когда ...стали носить французскіе кафтаны и пудру, всѣ эти ... оставили, попало въ моду сукно, куда ужъ кружева ... и бѣлья, бывало, ни на комъ не увидишь: жилетъ

застегнутъ до верху, а на рукахъ ни манжетокъ, ни рукавчиковъ и не ищи.

VII.

Во время зимы 1822 года было нѣсколько маскарадовъ при дворѣ; намъ достали билеты, мы ѣздили въ зимній дворецъ и съ хоръ смотрѣли, что́ дѣлалось внизу въ залѣ.

Графъ Александръ Ивановичъ Соллогубъ, который доставалъ намъ билеты, снизу увидѣлъ, что мы пріѣхали, кивнулъ намъ головой, немного погодя пришелъ къ намъ на хоры и, усѣвшись съ нами, началъ намъ всѣхъ называть. Императрица Елизавета Алексѣевна, которую я видѣла въ первой ея молодости, оставалась въ моей памяти ангельской красоты,—тутъ я увидѣла ее ужасно постарѣвшею, довольно полною и съ лицомъ, на которомъ мѣстами показывались красныя пятна; словомъ, она была неузнаваема, такъ измѣнилась. Но зато великая княгиня Александра Ѳеодоровна, очень мнѣ понравившаяся на балѣ у Апраксиныхъ въ 1818 году, тутъ показалась мнѣ еще привлекательнѣе и я нашла, что она удивительно похорошѣла. Мужъ ея, великій князь Николай Павловичъ, высокій ростомъ и стройный, былъ очень худощавъ въ то время и совсѣмъ не такъ величественъ и важенъ, каковымъ я видала его послѣ того въ Москвѣ въ соборахъ.

Михаилъ Павловичъ былъ тогда почти что юношею и женатъ еще не былъ, а женился онъ года два спустя на Виртембергской принцессѣ, которую, по принятіи православія, стали называть Еленой Павловной; она приходилась императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ какъ-то племянницей, т.-е., считались въ родствѣ между собою.

Не будучи чиновною и не имѣя доступа ко двору, мнѣ никогда не приходилось видѣть придворнаго бала, потому что балы въ собраніяхъ въ присутствіи высочайшихъ особъ— это совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ балъ при дворѣ. Очень мнѣ любопытно было слѣдить за всѣми этими господами, какъ они старались незамѣтнымъ манеромъ другъ друга оттереть и будто бы случайно стать тамъ, гдѣ могли привлечь къ себѣ вниманіе, или надѣялись услышать милостивое слово. Всѣ

эти фокусы находящимся въ залѣ незамѣтны, а съ хоръ видно всѣхъ въ одно время: смотри только, такъ вотъ и увидишь, куда всѣ стремятся...

VIII.

Сговорившись съ сестрой жить въ одномъ домѣ, мы положили, чтобы никому не стѣснять себя, утромъ не дожидаться другъ друга къ чаю и пить его у себя по комнатамъ, но обѣдать, пить вечерній чай и ужинать вмѣстѣ.

Домъ мы нанимали пополамъ и за столъ я платила сестрѣ половину, а то князь Николай Семеновичъ при своей скупости меня бы со свѣту сжилъ и считалъ бы каждый кусокъ, который мы глотаемъ. Я была покойна, что Вяземскимъ не въ тягость и такъ же, какъ и они, была у себя дома.

Сестра здоровьемъ видимо слабѣла: чувствовала большую слабость, боль въ желудкѣ и нерѣдко не выходила къ столу, худѣла и желтѣла. Смолоду она была прекрасна собой: высока ростомъ, стройна, величественна и держала себя съ большимъ достоинствомъ. Ее называли la belle Korsakoff, а меня — la petite Korsakoff. Не видавшись съ сестрой года два и свидѣвшись въ Петербургѣ, я была поражена ея перемѣной; будучи немного старѣе меня, она предо мною казалась старухой.

Мой пріѣздъ ее сначала нѣсколько оживилъ и она мнѣ очень обрадовалась.

— Ахъ, голубушка моя, какъ я рада тебѣ; часто я стала прихварывать, не долго мнѣ остается пожить, а хотѣлось бы мальчиковъ моихъ людьми видѣть... ну, когда они на своихъ ногахъ будутъ?..

Я утѣшала сестру, а сама я знала, что она непрочна. Слава Богу, что хоть эти десять мѣсяцевъ мнѣ пришлось съ нею побыть и утѣшить и себя, и ее предъ концомъ ея жизни. Мы были съ нею всегда дружны, потому что она была немногимъ меня старше, всего года на два; мы вмѣстѣ выѣзжали, стало, всѣ наши воспоминанія молодости были одни и тѣ же, да и по характеру мы съ нею приходились другъ другу по сердцу.

При бѣшеномъ и невыносимомъ нравѣ (очень добраго сердцемъ) князя Николая Семеновича, сестрѣ было иногда очень тяжело, и я думаю, что отчасти и болѣзнь, отъ которой она и умерла, причину свою имѣла въ частыхъ волненіяхъ и раздраженіяхъ. Кому могла сестра передать свои скорби? Въ наше время никакая порядочная женщина не дозволяла себѣ разсказывать про непріятности съ мужемъ постороннимъ лицамъ: скрѣпи сердце да и молчи.

Сестра мнѣ открывалась не разъ, что ей часто очень тяжело: мужъ разсердится за пустякъ и бездѣлицу и недѣли по двѣ дуется. Мальчикамъ Вяземскимъ было уже лѣтъ 17 и 16; они все это видѣли; сестра старалась скрыть отъ нихъ безалаберность ихъ отца, брала на себя быть веселою, обращала въ шутку, что князь не въ духѣ, и все это ей стоило не мало труда.

Князь Андрей, старшій изъ моихъ племянниковъ, былъ высокъ ростомъ, прекрасно сложенъ, строенъ, лицомъ очень красивъ и имѣлъ въ то время прекрасный цвѣтъ лица и такую нѣжность кожи, что скорѣе былъ похожъ на дѣвочку, чѣмъ на мальчика, отчего его товарищи иногда и дразнили, называли его Катенькой, и онъ очень этимъ обижался.

Характеромъ онъ былъ кротокъ и мягокъ, откровененъ, къ матери ласковъ, и потому и отецъ, и мать замѣтно его больше любили, чѣмъ его брата.

Князь Александръ, немного пониже ростомъ, лицомъ былъ еще красивѣе брата, глаза голубые, прекрасные, но со взглядомъ до того пронзительнымъ, что онъ становился иногда непріятенъ... Умнѣе старшаго брата, онъ былъ очень вспыльчивъ и по нраву скорѣе походилъ на отца, чѣмъ на мать. Насмѣшливъ и дерзокъ на отвѣты, и онъ часто съ отцомъ ссорился, того и гляди, что князь Николай Семеновичъ его поколотитъ; сестра бывало какъ на горячихъ угляхъ, когда у нихъ выйдетъ перестрѣлка.

Князю Андрею никогда не было ни въ чемъ удачи: лошадь ли ему купятъ, ружье ли или тамъ что-нибудь еще,— что-нибудь да выйдетъ ему непріятное, а князю Александру, напротивъ того, все везло и во всемъ была удача, и не попадись онъ по своей необдуманности въ исторію 14 декабря, онъ далеко бы опередилъ своего брата. Этимъ онъ совсѣмъ

испортилъ свою карьеру; однако, нашлись добрые люди, которые выручили его изъ бѣды, такъ что онъ не былъ даже отставленъ отъ службы, а только изъ гвардіи переведенъ въ армію. Много ему тогда помогла сестра Екатерина Петровна Архарова: она имѣла сильныхъ и вліятельныхъ друзей, была коротка съ баронессой Ливенъ, воспитательницей великихъ княженъ, имѣвшей большое вліяніе на покойную императрицу Марію Θеодоровну, къ которой и сама имѣла свободный доступъ, такъ что въ Павловскѣ зачастую ѣзжала къ ней просидѣть съ нею запросто вечерокъ.

Князь Андрей, напротивъ того, служилъ всегда законному государю вѣрой и правдой, былъ хорошо принятъ на придворныхъ балахъ и былъ изъ числа тѣхъ кавалеровъ, къ которымъ благоволила императрица Александра Θеодоровна, и весьма часто онъ удостоивался чести съ нею танцовать. Знатныя старухи его ласкали и прочили ему своихъ внучекъ; такъ княгиня Наталья Петровна Голицына желала, чтобъ онъ женился на ея внукѣ Строгановой, вышедшей потомъ за графа Ферзена, но этотъ бракъ почему-то не состоялся. Князь Ларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, братъ княгини Татьяны Васильевны Голицыной, сваталъ ему свою дочь, прекрасную и премилую дѣвушку, которая и ему нравилась, но дѣло разошлось по скупости князя Николая Семеновича. Васильчиковъ, будучи очень расположенъ ко князю Андрею и желая имѣть его своимъ зятемъ, посылалъ спрашивать у отца, «сколько онъ будетъ давать сыну на содержаніе, ежели онъ женится». Отецъ Вяземскій былъ очень тугъ на денежку, отвѣтилъ, что больше того, что онъ теперь даетъ сыну, онъ дать не можетъ; такъ дѣло и кончилось ничѣмъ. Эта Васильчикова была потомъ за Лужинымъ и умерла очень молодою...

Во время коронаціи императора Николая Павловича, князь Андрей былъ при особѣ государя и во все время царской трапезы въ Грановитой Палатѣ стоялъ у ступенекъ трона съ обнаженнымъ палашомъ... Государь милостиво вспоминалъ объ этомъ и неоднократно говаривалъ ему: — «А помнишь, какъ ты меня короновалъ?..»

Блестящая ожидала его будущность, умѣй онъ умненько воспользоваться всѣми благопріятствовавшими ему обстоятельствами: такъ нѣтъ же, все не въ прокъ ему пошло. Первое

что ему повредило — это особенная его дикость и излишняя боязливость показаться навязчивымъ: ему предлагаютъ, а онъ совѣстится—отказывается; ну, разумѣется, кто былъ побойчѣе его, тотъ и шелъ впередъ и лѣзъ въ гору. Потомъ ему было великою помѣхой то, что онъ былъ слишкомъ влюбчивъ и охотникъ кружить головы молодымъ женщинамъ. Самъ красавецъ и достаточно уменъ, чтобы быть любезнымъ, онъ нечасто встрѣчалъ жестокихъ красавицъ; сперва онъ завлекалъ, а потомъ ужь и самъ такъ увлекался, что и невозможно было отстать во время. Конечно, эти красавицы были не какія-нибудь такія, которыхъ и назвать нельзя, а самые лучшіе цвѣтки тогдашняго петербургскаго высшаго круга, и несмотря на всю свою скромность и осторожность, чтобы не скомпрометтировать благородныхъ женщинъ, многое всплывало кверху и навлекло на него ненависть и вражду людей сильныхъ, которые ему изподтишка мстили и вредили.

Братъ князь Николай Семеновичъ, не бывъ никогда самъ ни волокитой, ни шаркуномъ, вмѣсто того, чтобъ отговаривать молодого мальчика, ему точно поблажалъ, и когда въ 30-хъ годахъ князь Андрей гащивалъ по зимамъ въ Москвѣ, старикъ нарочно тащится бывало въ Благородное Собраніе на балъ, чтобы потомъ разсказать мнѣ, за кѣмъ сынъ его волочится. Разъ я не вытерпѣла и сказала зятю: «Я, право, тебѣ, братъ, удивляюсь, чему ты тутъ радуешься, что твой сынъ у мужей отбиваетъ женъ: развѣ хорошо, что-ль, или похвально такое волокитство? Дай Богъ, чтобъ ему самому въ жизни это современемъ не отозвалось; знаешь, по пословицѣ: чего не желаешь себѣ, того не дѣлай и другимъ».

Не понравилось это старику, онъ надулъ на меня губы и нѣсколько дней сряду ко мнѣ ни ногой, пока не сошла съ него дурь...

IX.

Въ то время, какъ мы жили въ Петербургѣ, презабавную онъ выкинулъ штуку съ Анночкой. Теперь мнѣ это смѣшно, а тогда куда какъ было мнѣ досадно и прискорбно. Ѣздили мы какъ-то утромъ по лавкамъ, были и въ мѣховой, прицѣнились къ мѣховымъ палатинамъ (palatine), какіе тогда были въ модѣ.

Вотъ за обѣдомъ Анночка и разсказываетъ сестрѣ, что мы видѣли и говоритъ, «что хороши палатины, да дороги—нѣтъ меньше ста рублей».

— А тебѣ очень нравится палатинъ? вдругъ спрашиваетъ князь Николай Семеновичъ у Анночки.

— Да, дяденька, очень нравится, да нахожу, что дорого...

— Ну, я тебѣ дарю...

Поѣхалъ на другой день, купилъ палатинъ и подарилъ Анночкѣ.

Та въ большой радости... Смотримъ, къ вечеру князь Николай Семеновичъ, какъ въ воду опущенный: не глядитъ ни на кого, молчитъ, спросишь—не отвѣчаетъ.

Не въ диковинку намъ съ сестрой были эти штуки; думаемъ, такъ что-нибудь ему попритчилось... На другой день стали примѣчать, что онъ дуется на Анночку; какъ та въ комнату войдетъ, онъ замолчитъ или выйдетъ изъ комнаты, за столомъ сядетъ къ ней бокомъ, чтобы на нее не глядѣть, да такъ двѣ недѣли на нее и дулся за то, что подарилъ ей палатинъ!

Эта пустячная исторія много перепортила намъ всѣмъ крови: Анночка пресамолюбивая, видитъ, что дядя на нее дуется и здороваться съ нею даже не хочетъ; сестрѣ совѣстно за мужа, жаль племянницу, которая ни въ чемъ не виновата; нѣловко со мною, и мнѣ конфузно, да и, признаюсь, досадно было на зятя. Къ счастію, пришлось такъ, что, черезъ двѣ недѣли послѣ подарка этого палатина, я прослышала, что которому-то изъ мальчиковъ Вяземскихъ хочется купить ружье. Стоитъ оно полтораста рублевъ, денегъ своихъ нѣтъ, а отцу и заикнуться не смѣй, я и подарила ему денегъ на ружье, а чтобы другому не было завидно, дала столько же и ему, сколько его брату. Къ вечеру узналъ это князь Николай Семеновичъ, совѣстно стало ему... «Ты, сестра, все мотаешь, говоритъ онъ мнѣ, — ну, на что ты балуешь моихъ мальчиковъ, даришь имъ деньги на пустяки, къ мотовству ихъ только пріучаешь»?

— Напрасно ты говоришь, князь Николай Семеновичъ, что я ихъ балую; ты тѣшишь моихъ дѣтей, а я твоихъ: долгъ платежомъ красенъ...

— Я тѣшу твоихъ, говоришь ты, а чѣмъ же бы это?

— А какъ же: палатинъ ты Анночкѣ подарилъ...

— Ахъ, да... а я и позабылъ, ха-ха-ха, громко захохоталъ онъ,—тѣмъ все и прошло. И къ вечеру сталъ говорить съ Анночкой, какъ будто ничего никогда и не бывало. Такой былъ престранный человѣкъ.

Нагостившись вдоволь въ Петербургѣ, я стала поговаривать объ отъѣздѣ и заказала себѣ у лучшаго каретнаго мастера Вебера большую дорожную четвероместную карету, за три тысячи рублей. Эта карета-то меня и задержала, а то бы, можетъ-статься, я уѣхала и прежде.

Не жалѣю я, что позамѣшкалась въ Петербургѣ — побыла я съ сестрой на послѣднихъ порахъ ея жизни: разстались мы съ нею въ іюлѣ 1822 года, а 7 мая слѣдующаго 1823 года ея не стало въ живыхъ. Она послѣдніе годы очень хворала, болѣла желудкомъ и очень страдала; оказалось потомъ, что у нея былъ ракъ въ желудкѣ и отъ того изнурительная лихорадка.

Очень мы плакали, разставаясь: я чувствовала, что намъ больше не суждено было видѣться въ этой жизни. Она тоже предчувствовала, что не долго наживетъ и говорила мнѣ это. Я, конечно, ее утѣшала, звала въ Москву, а сама видѣла, что при ея слабости и боляхъ, она не жилица. Утѣшило ее, что мальчиковъ ея произвели въ офицеры; не могла она довольно на нихъ налюбоваться. Милая, хорошая, умная и достойная была женщина и, несмотря на всю безалаберность мужа, любила его какъ слѣдуетъ женѣ и была прекрасная мать.

Сестру схоронили на Охтенскомъ кладбищѣ. Изо всѣхъ моихъ сестеръ и братьевъ я любила сестру Вяземскую болѣе другихъ, она была умнѣе всѣхъ насъ и лучше всѣхъ изъ себя; была привѣтлива и ласкова, но держала себя очень важно и съ достоинствомъ, и такъ какъ была довольно большого роста, то имѣла величественную осанку и съ виду была совершенная княгиня.

Мы возвратились изъ Петербурга въ іюлѣ мѣсяцѣ и, проведя нѣсколько времени въ Москвѣ, поѣхали въ деревню, гдѣ и жили довольно поздно. Годъ окончили благополучно. Не было у насъ въ родствѣ ничего замѣчательнаго, потому ничего не приходитъ на память.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

I.

Во время зимы 1823 года были въ Москвѣ увеселенія, и мои барышни выѣзжали немало. Голицыны и Апраксины были коренными хлѣбосолами Москвы и умѣли тѣшить публику, и Дворянское Собраніе было послѣ 20-хъ годовъ во всемъ блескѣ.

Года съ два послѣ непріятеля, Москва все еще обстраивалась, а мы всѣ кряхтѣли, а съ 17 и 18 годовъ, когда царскій дворъ долго пребывалъ въ Москвѣ, все опять пошло на прежній ладъ и стало во всемъ больше роскоши примѣтно.

По возвращеніи нашемъ изъ Петербурга, я застала на балахъ дочь моей двоюродной сестры, графини Елизаветы Степановны Салтыковой—Сашеньку. Очень была она мила, свѣжа лицомъ, привлекательна, стройная, живая, преумная и прелюбезная, одна дочь у матери, которая только ею и дышала; знали, что дадутъ за нею немало, такъ около дѣвочки мужчины точно рои пчелъ такъ и жужжали; она была гораздо моложе моихъ дочерей... Мнѣ было очень пріятно, что сестра Елизавета ѣздитъ на балы; сядемъ, бывало, рядышкомъ и смотримъ на нашихъ дѣтей...

Въ эту зиму и рѣшилась судьба Сашеньки Салтыковой: сестра просватала ее за Павла Ивановича Колошина. Онъ служилъ при князѣ Дмитріѣ Владиміровичѣ Голицынѣ, который къ нему благоволилъ, и княгиня Татьяна Васильевна, кажется, эту свадьбу и смастерила. Колошинъ былъ изъ себя, нельзя сказать, чтобы хорошъ, но видный мужчина и въ обращеніи ловкій и любезный. Онъ былъ уменъ и очень хорошо воспитанъ и имѣлъ очень порядочное состояніе, хлѣбородное имѣніе гдѣ-то въ Симбирскѣ или Саратовѣ, душъ 600 или 700, не больше. Мать Колошина была сама по себѣ Олсуфьева и какъ-то въ родствѣ съ Адамовичами, а дядя Павла Ивановича былъ женатъ на Екатеринѣ Акимовнѣ Мальцевой, которая, овдовѣвъ, выстроила себѣ домикъ возлѣ Аносина монастыря, рядомъ съ сестрой Варварой Петровной Комаровой. Когда

придетъ ея черёдъ, скажу и объ ней. Былъ у Колошина братъ Петръ Ивановичъ, послѣ того сенаторъ, и тоже былъ женатъ на Мальцевой. Одна изъ сестеръ Колошиныхъ, Марья Ивановна, была за Пущинымъ. Варвара Ивановна какая-то, говорятъ, была чудачка, осталась въ дѣвицахъ, а Елена Ивановна, очень нехороша собой, но пребойкая и преумная штука, вышла за князя Александра Ивановича Долгорукова; но это было уже гораздо позже, послѣ холеры, въ 31—32 году.

Свадьба Колошина была, кажется, въ апрѣлѣ.

Въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца, овдовѣлъ старшій сынъ моего деверя Янькова, Александръ Николаевичъ. Онъ былъ женатъ на Аннѣ Александровнѣ Грушецкой; ея мать была по себѣ княжна Голицына, звали Елизаветой Андреевной, ей въ честь и была названа дочь Яньковыхъ Лизанька, которая потомъ вышла за Выропаева. Кромѣ дочери, осталось еще пять сыновей: Сергѣй, Николай, Павелъ, Дмитрій и Петръ. Добрая была и хорошая женщина. Такъ какъ они жили у Покрова въ Левшинѣ, то ее тамъ и отпѣвали, а схоронили въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Мой деверь и невѣстка очень жалѣли о своей снохѣ.

II.

Весной, по просухѣ, мы поѣхали въ деревню. Бабушка Марѳа Ивановна Станкевичъ, которая жила по сосѣдству отъ насъ верстахъ въ пяти, въ Колошинѣ, стала мнѣ поговаривать про какого-то Посникова, не знаю какъ имъ сродни по Румянцевымъ, и прочила его въ женихи Грушенькѣ, которую она очень любила, и дочь Станкевича, Ѳедосья Епафродитовна, нашептывала Грушѣ про этого le beau colonnel, какъ она его называла.

Въ скорости послѣ того, въ маѣ мѣсяцѣ, говоритъ мнѣ бабушка Станкевичъ, чтобъ я къ ней пріѣхала съ дочерьми отобѣдать. У Грушеньки разболѣлись зубы, и я поѣхала только съ Анночкой и нашла у нихъ ихъ родственника Посникова. Видный и разбитной малый, лѣтъ подъ 30, очень любезный и разговорчивый, и понравился онъ Анночкѣ: вотъ чтó значитъ судьба. Возвратясь домой, Анночка и говоритъ Грушѣ:

«ну, видѣла я хваленаго Посникова, — лихой полковникъ, и ежели онъ за меня посватается, я тебѣ его, Agrippine, не уступлю».

Черезъ нѣсколько дней Станкевичъ привезла его ко мнѣ; дѣло пошло на ладъ, онъ сталъ бывать у меня, Анночкѣ онъ нравился, сдѣлалъ предложеніе, мы его приняли, и 1-го іюля была помолвка, а 11-го свадьба въ Москвѣ, у меня въ домѣ; въѣхали въ приходъ Пятницы Божедомской, что̀ на Пречистенкѣ. Я уступила молодымъ мезонинъ своего дома, не желая зятя вводить въ ненужные расходы, а потомъ мы отправились въ деревню.

Посаженымъ отцомъ у жениха былъ родной его дядя, Николай Васильевичъ, женатый на Ѳедосьѣ Степановнѣ Карновичъ. Они жили въ своемъ домѣ подъ Донскимъ, самый первый домъ отъ монастыря по лѣвую сторону, ежели ѣхать оттуда. Домъ небольшой, но очень помѣстительный и прекрасно расположенъ, строенъ извѣстнымъ и несчастливымъ строителемъ храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ, Витбергомъ.

III.

До замужества Анночки я объ этихъ Посниковыхъ никогда и не слыхивала,—велика Москва, они все тамъ жили на самомъ краю города, а я туда и не заглядывала. Въ 1823 году Николаю Васильевичу было лѣтъ подъ 60, но онъ былъ еще свѣжъ и замѣчательно хорошъ собой. Говорятъ, онъ смолоду былъ такъ привлекателенъ, что императрица Екатерина Вторая обратила на него особое вниманіе, и многіе предсказывали ему блестящую судьбу. Далеко, однако, онъ не пошелъ. Ногу ли подставили красавцу приближенные ко двору, или онъ не умѣлъ склонить на свою сторону извѣстную Перекусихину, пользовавшуюся особымъ довѣріемъ государыни,—не знаю. Но былъ онъ въ близкихъ отношеніяхъ съ княгиней Екатериной Романовной Дашковой, состоялъ при ней секретаремъ, пользовался ея неограниченнымъ додовѣріемъ и особымъ, исключительнымъ благорасположеніемъ. Можетъ легко статься, что эта короткость съ Дашковой именно и повредила ему въ его придворной карьерѣ,

такъ какъ извѣстно, что сперва другъ и наперсница императрицы, Екатерина Романовна почувствовала послѣ того къ себѣ охлажденіе государыни и сама стала видимо удаляться отъ двора, уѣхала за границу и долгое время путешествовала.

Сама я Дашковой не знала, мелькомъ видала раза два въ то время, какъ въ послѣдніе годы она жила въ Москвѣ, по возвращеніи своемъ изъ ссылки въ деревню, куда ей велѣно было уѣхать на житье при императорѣ Павлѣ, и потому о ней не могу ничего сказать достовѣрнаго, а за вѣрность слышаннаго ручаться не могу, говорить же о столь извѣстныхъ людяхъ по наслышкѣ не приходится. Знаю только, что у княгини были большія контры съ Орловыми, въ особенности же съ самимъ главнымъ фаворитомъ—Григоріемъ: онъ мѣтилъ очень далеко и ужь черезчуръ высоко, а Дашкова открывала глаза императрицѣ и, не стѣсняясь, высказывала ей всю истину; это и было самою важною причиной ихъ взаимнаго охлажденія. Григорій Орловъ велъ за границей жизнь безпорядочную: Дашкова все это видѣла, знала, конечно, сообщала и окончательно съ Орловыми стала во враждѣ.

Посниковъ о княгинѣ говорилъ рѣдко, но всегда съ восхищеніемъ и великимъ уваженіемъ: «Великій, матушка, была она человѣкъ, имѣла умъ геніальный, европейскій». Много разспрашивать объ ней старика было неловко и не деликатно, а конечно онъ подробно могъ бы объ ней поразсказать...

Жена Николая Васильевича, Ѳедосья Степановна, урожденная Карновичъ, была тоже въ своемъ родѣ лицо замѣчательное. Ея отецъ былъ любимцемъ великаго князя Петра Ѳедоровича, т.-е., Петра III, который, будучи еще великимъ княземъ, пожаловалъ ему графство по своему Голштинскому герцогству, сдѣлалъ генералъ-маіоромъ и придворнымъ своимъ оберъ-камергеромъ, но такъ какъ вскорѣ послѣ того скончалась императрица Елизавета Петровна, а самъ онъ царствовалъ не больше полугода, то и не успѣлъ подтвердить этого пожалованія, какъ императоръ, ну, а послѣ него вѣрно Карновичъ считалъ безопаснѣе для себя притаиться и не просить подтвержденія графства, чтобы себѣ еще какой бѣды не нажить черезъ это. Но что онъ былъ графомъ, это извѣстно всѣмъ его близкимъ; и были ему пожалованы боль-

шія имѣнія въ Ярославской губерніи, а кромѣ того, онъ владѣлъ и въ Малороссіи наслѣдственными вотчинами, какъ какъ отецъ ли или дѣдъ его служили въ казачествѣ.

Ѳедосья Степановна была дочь отъ второй жены; отецъ ея былъ сперва женатъ на Швановичевой, а потомъ на Нероновой, Софьѣ Васильевнѣ; сестра ея Елизавета Васильевна была за Херасковымъ стихотворцемъ, съ которымъ покойный Дмитрій Александровичъ былъ коротко знакомъ; знавала и я ее, но домами мы знакомы не были. Посникова была небольшого роста, худенькая и миловидная женщина, немного помоложе своего мужа, большая чудиха и привередница на счетъ своего здоровья, и когда къ нимъ не пріѣзжай, она все, бывало, лежитъ на кушеткѣ, совсѣмъ одѣтая въ платьѣ, а ноги прикрыты турецкою шалью, и все кряхтитъ, что ей нездоровится; мнѣ кажется, что она это только такъ, для пущей важности, интересничала и только или хандрила, или просто прикидывалась хворою. Смолоду, сказывали, она была красавица и большая щеголиха, и Николай Васильевичъ тоже былъ не послѣдній франтъ. Оба они, мужъ и жена, имѣли очень хорошее состояніе, но не умѣючи вели свои дѣла и въ послѣдствіи хотя и не были въ большой нуждѣ, но жили очень поприжавшись. Съ какого времени поселились они въ Москвѣ, я не знаю, но въ ту пору, какъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ живалъ въ Москвѣ, въ началѣ 1800-хъ годовъ, и тѣшилъ свою единственную дочь роскошными праздниками, Посниковы ютились уже подъ Донскимъ и съ Орловыми хлѣбъ-соль водили, а двѣ дочери ихъ, Софья Николаевна и Авдотья Николаевна, были коротки съ графиней Анной Алексѣевной, но были помоложе, чѣмъ графиня.

Старшая, Софья, была высока ростомъ, плотно сложена, съ очень рѣзкими чертами и походила на отца только вдурнѣ. Меньшая, Авдотья, немного помѣченная оспой, была очень интересна, ростомъ меньше сестры, немного худощава. При женитьбѣ ихъ двоюроднаго брата на моей дочери, онѣ обѣ были уже очень зрѣлыя дѣвицы, были прекрасно воспитаны, говорили по-французски очень хорошо, въ обращеніи очень привѣтливы и любезны и, бывая часто въ обществѣ графини Орловой, держали себя очень хорошо, какъ дѣвицы самаго лучшаго круга.

Не будучи ни знатнымъ, ни чиновнымъ и совсѣмъ не богатымъ, Посниковъ умѣлъ пріобрѣсти уваженіе всей Москвы: кого онъ только ни зналъ, кто-кто у него ни бывалъ, и всѣ относились къ нему съ почтеніемъ, и многія молодыя женщины, когда онъ былъ уже больнымъ старикомъ, цѣловали у него руку. Онъ былъ умный и милый старикъ, превѣжливый и простой въ обращеніи, всѣхъ зналъ, про все помнилъ и разсказывалъ хорошо и занимательно, шутилъ очень тонко, но никогда ни про кого дурно не говорилъ и даже избѣгалъ быть съ людьми невоздержными на языкъ. Онъ былъ ко мнѣ хорошо расположенъ и изрѣдка пріѣзжалъ ко мнѣ запросто отобѣдать или просидѣть вечеромъ часа два-три и потомъ непремѣнно уже отправится въ Англійскій Клубъ. По утрамъ онъ всегда бывалъ дома, и ежели ему не случится гдѣ-нибудь обѣдать въ городѣ, а у себя, то въ 6 часовъ онъ садится на дрожки или въ санки въ одну лошадку и изъ Замоскворѣчья тащится черезъ весь городъ въ Англійскій Клубъ и просидитъ тамъ до двѣнадцати часовъ. Какая бы ни была погода или дорога, ему все равно: надѣнетъ на себя высокую шляпу съ широкими полями, старомодную шинель, и ѣдетъ въ клубъ, точно на службу.

Онъ часто ѣзжалъ къ Хитровой, Настасьѣ Николаевнѣ, которая старика любила; къ нему и княгиня Урусова была расположена; онъ былъ какъ-то въ свойствѣ съ Хитровыми, сестра его жены была за какимъ-то Хитровымъ, а какъ его звали, не умѣю сказать. Все что̀ было въ Москвѣ знати, все благоволило къ Посниковымъ: у князя Сергія Михайловича Голицына онъ былъ свой человѣкъ, да и къ тому, служилъ онъ по тюремному комитету, его любилъ и покойникъ Юсуповъ князь Николай Борисовичъ; съ Шереметевыми онъ былъ тоже въ свойствѣ по своей свояченицѣ, Авдотьѣ Степановнѣ; Мальцевы, Мухановы, Орлова—все это любило ихъ и къ нимъ ѣзжало.

Дѣвицы были очень благочестивы и богомольны, посты строго соблюдали, въ церкви бывали чуть не у всѣхъ службъ, знали всѣхъ игуменій, настоятелей, архіереевъ, читали книги все больше духовныя и нравственныя, словомъ сказать, были мірянками только по платью, а жили какъ совершенныя монахини. Орлова была съ ними въ перепискѣ и присылывала имъ гостинцы.

Прежде всѣхъ умерла Ѳедосья Степановна, почти ходя и не бывъ очень больна. Потомъ старикъ вывихнулъ себѣ ногу въ бедрѣ и волей-неволей засѣлъ дома. Тутъ-то и оказалась къ нему всеобщая любовь и расположеніе: когда ни пріѣзжай, днемъ или вечеромъ, все кто-нибудь да есть, и вѣдь гдѣ же? на краю свѣта; значитъ любили, что не тяготились ѣздить въ такую даль. И мужъ и жена погребены въ Донскомъ монастырѣ. Изъ дочерей сперва скончалась Авдотья Николаевна, потомъ Софья Николаевна продала свой домъ и переѣхала жить со своею пріятельницей княгиней Голицыной, Авдотьей Михайловной, рожденною Нарышкиной, сестрой Бородинской игуменьи Маріи Тучковой, которая тоже была коротка съ ними.

Хорошее, почтенное и рѣдкое было семейство. Въ прежнее время много бывало такихъ домовъ въ Москвѣ, куда всѣ ѣзжали по искреннему сердечному расположенію, безо всякой особой надобности и безъ ожиданія какихъ-нибудь веселостей, потому что умѣли чтить и уважать истинное достоинство, оттого и было больше общительности; теперь каждый сталъ думать только о самомъ себѣ.

IV.

Про самый родъ Посниковыхъ много я не знаю, но однакоже кой-что слышала и запомнила; болѣе всѣхъ могла мнѣ объ нихъ передать бабушка Станкевичъ.

Гнѣздо ихъ было съ поконъ вѣка въ Костромѣ, въ Галичѣ, гдѣ они родились, плодились и умирали, и были всѣ люди очень достаточные и уважаемые въ той мѣстности, но никто изъ нихъ никогда не бывалъ ни въ высокихъ чинахъ, ни въ особомъ случаѣ.

Отецъ Николая Васильевича, Василій Кирилловичъ, былъ женатъ сперва на Колотыровой и отъ нея имѣлъ двухъ сыновей: Алексѣя и Николая, и дочь Наталью Васильевну, а во второмъ бракѣ былъ женатъ на вдовѣ Бологовской, рожденной Румянцевой. Звали ее Александра Ѳедоровна и была она теткой бабушкѣ Станкевичъ, рожденной тоже Румянцевой; сестра ея Анна Ѳедоровна была за Зубовымъ, не гра-

фомъ. Отъ второй жены у Посникова былъ только одинъ сынъ Василій Васильевичъ, отецъ моего зятя. Онъ былъ женатъ на Еленѣ Александровнѣ Алалыкиной; старшій изъ ея братьевъ, Александръ Александровичъ, былъ при императорѣ Александрѣ Павловичѣ гофъ-интендантомъ, и, кажется, послѣднимъ, до самаго упраздненія этой должности. Женатъ онъ былъ на Аннѣ Ивановнѣ Лавровой, и оба они доживали свою жизнь у себя въ деревнѣ, въ селѣ Дубякахъ, въ Галичѣ. Меньшой братъ, Николай Александровичъ, женился потомъ на Ѳедосьѣ Епафродитовнѣ Станкевичъ, и тоже безвыѣздно жили въ деревнѣ, тамъ же. Мать Алалыкиныхъ звали Прасковьей, урожденная Бартенева, въ первомъ бракѣ за Алалыкинымъ, а когда овдовѣла, будучи еще молода и очень хороша собою, вышла вторично замужъ за Николая Петровича Колычева, и было у нихъ три сына, но до совершеннолѣтія дожилъ только средній, Петръ Николаевичъ (отецъ Анны Петровны Боде). У Елены Александровны Посниковой было еще двѣ сестры: Елизавета, за княземъ Вадбольскимъ, Николаемъ Петровичемъ, Наталья, за какимъ-то генераломъ Корфомъ, но былъ ли онъ барономъ, или нѣтъ и какъ его звали—не умѣю сказать.

Свою сватью Елену Александровну я никогда не видывала: она въ Москву не ѣздила, а я въ Галичѣ не бывала. Слыхала я про нее, что она очень умная женщина, но пренастойчивая и пресамонравная. Она постоянно жила въ своей деревнѣ, въ Куриловѣ, и имѣла большое семейство; сыновей было только двое: Николай Васильевичъ, мой зять, да братъ Дмитрій Васильевичъ, не женатый, и пять дочерей: Варвара (за Турчаниновымъ), Софья (сперва за Петромъ Николаевичемъ Сумароковымъ, а потомъ за Сергѣемъ Александровичемъ Яньковымъ; Сумароковъ приходился мнѣ внучатымъ братомъ, а Яньковъ двоюроднымъ внукомъ), Прасковья, умерла въ дѣвицахъ, Любовь (за Доливо-Добровольскимъ) и Надежда, за Вальмусъ.

Деревенское житье-бытье Посниковой-старухи и ея дочерей было вполнѣ барское, не въ роскоши, но въ простотѣ и довольствѣ.

По старинѣ, былъ въ домѣ дурачокъ Макарушка, который старуху смѣшилъ и забавлялъ; къ ней съѣзжались сосѣди,

порядку гостили, но особеннымъ расположеніемъ она не пользовалась по своему непокладистому характеру.

Когда Посниковъ сдѣлалъ Аннечкѣ предложеніе, мнѣ Станкевичъ и говоритъ: «Ты, милая, не жди, чтобы мать Посникова написала письмо тебѣ или невѣстѣ, не таковская: пресамонравная и съ кастрючимъ характеромъ».

Ей не хотѣлось, чтобы сыновья женились, да и дочерей бы оставила дѣвушками, ежелибы онѣ были не такъ бойки; второй сынъ, Дмитрій, такъ и не женился, въ угодность матери, и дочь Прасковья,—хуже всѣхъ лицомъ,—пережила мать и дожила дѣвицей уже немолодою.

Пріѣхавъ въ деревню, я повезла своихъ молодыхъ знакомить съ нашими сосѣдями; они погостили у меня мѣсяца полтора и поѣхали въ Кострому, а я вскорѣ собралась на богомолье въ Ростовъ.

V.

Мнѣ доводилось не одинъ разъ бывать и прежде того въ Ростовѣ, я съ покойнымъ мужемъ бывали мы не однажды, а тутъ я узнала, что отецъ Амфилохій очень слабѣетъ; я была его духовною дочерью, очень любила и уважала этого великаго старца и рѣшила, не теряя времени, съѣздить помолиться къ мощамъ святителя Димитрія и получить въ послѣдній, можетъ-быть, разъ благословеніе благочестиваго и строгаго подвижника. Ему тогда было уже слишкомъ семьдесятъ лѣтъ, и болѣе сорока лѣтъ онъ находился гробовымъ іеромонахомъ при мощахъ святителя.

Очень мнѣ было грустно послѣ отъѣзда моихъ молодыхъ и, проводивъ ихъ, я собралась ѣхать развлечь себя, дочерей и помолиться ростовскимъ угодникамъ Божіимъ и чудотворцамъ.

Августъ былъ уже на исходѣ, но погода стояла еще хорошая. Помолясь у Троицы, мы поѣхали далѣе. Въ Переяславлѣ останавливались и служили въ Даниловѣ монастырѣ молебенъ у мощей преподобнаго Даніила, въ Никитскомъ—у преподобнаго Никиты Столпника и въ Ѳедоровскомъ женскомъ монастырѣ панихиду на могилѣ Елизаветы Ивановны Зимковой, отъ которой новгородское череповское имѣніе пере-

шло къ батюшкѣ, потомъ ко мнѣ, а я отдала его въ приданое дочери Посниковой. Выѣхали мы рано утромъ и въ тотъ же день, сентября 1-го, были въ Ростовѣ. За нѣсколько дней до насъ, въ Ростовѣ былъ государь Александръ Павловичъ, два раза въ одинъ день посѣтилъ Яковлевскій монастырь и, зная и уважая іеромонаха Амфилохія, ходилъ къ нему въ келью и болѣе получаса провелъ у него въ духовной бесѣдѣ.

Въ 1818 году, въ бытность свою въ Ростовѣ, государыня императрица Марія Θеодоровна посѣщала Яковлевскій монастырь, и такъ какъ въ то время тамъ не было настоятеля, недавно предъ тѣмъ умершаго, то принималъ императрицу старецъ Амфилохій, какъ старѣйшій изъ братіи, и государыня съ нимъ милостиво бесѣдовала.

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, ему былъ высочайше пожалованъ наперсный алмазный крестъ.

Онъ былъ родомъ изъ самаго Ростова, гдѣ отецъ его былъ священникомъ въ одной изъ приходскихъ церквей, а дѣдъ, тоже священникъ въ одномъ селѣ, былъ рукоположенъ самимъ святителемъ Димитріемъ. Мірскимъ именемъ отца Амфилохія звали Андреемъ; онъ съ дѣтства, говорятъ, любилъ ходить въ церковь и плакивалъ, когда ему случалось проспать утреню. Такъ какъ въ Ростовѣ изстари много было иконописцевъ и въ особенности мастеровъ, пишущихъ иконы по финифти, то и онъ научился этому мастерству и сдѣлался искуснымъ иконописцемъ. Когда онъ пришелъ въ совершенный возрастъ, отецъ его женилъ, и онъ былъ въ скоромъ времени послѣ того посвященъ во діакона и имѣлъ дочь. При покойной императрицѣ Екатеринѣ потребовалось въ Москвѣ поновить Успенскій соборъ живописью. Для этого велѣно было выбрать хорошихъ мастеровъ и преимущественно изъ духовенства, которое тогда много въ этомъ упражнялось. Въ числѣ прочихъ, сподобился и ростовскій діаконъ Андрей потрудиться во храмѣ Успенія Богоматери. Покуда онъ въ Москвѣ работалъ, жена его умерла. Возвратясь на родину, онъ погоревалъ о женѣ, дочь свою отдалъ кому-то изъ родныхъ на воспитаніе, а самъ пошелъ въ Яковлевскій монастырь и, по прошествіи немногихъ лѣтъ, былъ постриженъ, посвященъ во іеромонаха и назначенъ гробовымъ къ мощамъ святителя.

Жизнь его была самая строгая, подвижническая, и въ особенности онъ отличался кротостію, терпѣливостію и смиреніемъ. Весь городъ его чтилъ и уважалъ и всѣ, посѣщавшіе Ростовъ, желали быть его духовными дѣтьми. Между прочимъ, въ числѣ ихъ была и графиня Орлова, которая по нѣскольку недѣль гащивала въ Ростовѣ, преимущественно во время четыредесятницы. Онъ первый указалъ ей на отца Фотія, который былъ въ началѣ 1820-хъ годовъ неизвѣстнымъ игуменомъ какого-то новгородскаго монастырька и былъ почему-то извѣстенъ отцу Амфилохію. Впрочемъ, не мудрено, потому что его всѣ знали, и когда графиня Орлова стала просить у старца указать ей на опытнаго человѣка, руководительству котораго она могла себя ввѣрить, онъ ей тогда и указалъ на Фотія; это было или въ 1820, или въ 1821 году. Съ этихъ поръ Фотій и пошелъ въ гору, его стали переводить изъ монастыря въ монастырь и, наконецъ, перевели въ Юрьевъ монастырь, который и обязанъ ему тѣмъ, что онъ изъ него сдѣлалъ при щедрой помощи Орловой.

Случившееся предъ нашимъ пріѣздомъ посѣщеніе государя такъ обрадовало отца Амфилохія и потрясло, что дня два спустя, 25 или 26 августа, съ нимъ сдѣлалось дурно въ церкви и его оттуда вынесли на рукахъ, и что онъ съ тѣхъ поръ все пребываетъ у себя въ кельѣ. Однако, слабость его не помѣшала ему насъ исповѣдать, но сидя, и онъ благословилъ насъ иконами.

Онъ былъ, повидимому, въ прежнее время довольно высокаго роста, но тутъ онъ былъ уже сгорбленъ, очень худъ и блѣденъ и говорилъ слабымъ и едва внятнымъ голосомъ; видно было, что свѣча догорала.

Настоятелемъ монастыря былъ въ то время родной племянникъ отца Амфилохія — архимандритъ Иннокентій, бывшій прежде священникомъ и, овдовѣвъ, пошедшій въ монашество. Онъ былъ невысокъ ростомъ, довольно плотный, съ очень пріятнымъ лицомъ и весьма ласковымъ, мягкимъ взглядомъ; человѣкъ привѣтливый и умѣвшій говорить очень красно и сладко. Онъ былъ настоятелемъ почти тридцать лѣтъ и заслужилъ общее уваженіе. Подъ конецъ онъ сталъ страдать ногами, сдѣлались раны, потомъ оказалась у него каменная болѣзнь, отъ долгихъ стояній и продолжительныхъ служеній,

и онъ умеръ въ концѣ 1840 годовъ. Его очень любила Орлова, которая тоже не мало сдѣлала и для Яковлевскаго монастыря.

Отецъ Амфилохій недолго пожилъ послѣ насъ; въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1824 года его не стало: онъ, говорятъ, скончался тихо, заснулъ съ молитвою въ устахъ.

VI.

Упомянувъ о Фотіѣ, при случаѣ скажу все, что̀ про него слышала отъ людей, коротко его знавшихъ и, между прочимъ, и отъ тѣхъ же Посниковыхъ, которыхъ Орлова съ нимъ познакомила. Одни его черезчуръ хвалили, другіе взводили на него напраслины и всячески на него клеветали; доставалось и на долю Орловой. Вся его монашеская жизнь была на моей памяти; часто говаривала мнѣ про него Катерина Сергѣевна Герардъ, великая поклонница митрополита Филарета, не совсѣмъ долюбливавшаго Фотія, но и она, хотя и не превозносила его до небесъ, никогда дурно про него не отзывалась.

Откуда онъ былъ родомъ, хорошенько не припомню; кажется, отецъ его былъ причетникомъ, по фамиліи Спасскій; мальчика звали Петромъ. Онъ учился очень усердно, такъ что по окончаніи всѣхъ ученій, былъ самъ сдѣланъ законоучителемъ. Жизни онъ былъ очень воздержной и совсѣмъ монашеской, хотя еще и не былъ монахомъ. Кто обратилъ на него сперва вниманіе—не знаю, но только онъ въ скоромъ времени попалъ въ настоятели въ Новгородскую губернію и былъ игуменомъ Сковородскаго и Деревяницкаго монастыря; въ которомъ прежде — не знаю, и тутъ онъ и познакомился съ Орловой. По ея знатности, богатству и по приближенности ко двору, всѣ предъ нею низкопоклонничали и лебезили, а онъ обошелся съ нею просто, холодно и даже сурово. Именно этимъ-то онъ графиню и расположилъ къ себѣ: ей страннымъ показалось, что онъ обращается съ нею не какъ всѣ прочіе.

Когда она приглядѣлась къ нему и увѣрилась, что онъ хорошій монахъ, да еще и строгій подвижникъ, она обратилась къ нему за духовными наставленіями. Онъ и тутъ ее ошеломилъ и сказалъ ей прямо, о чемъ другіе и намекнуть

ей боялись: «Ты не очень превозносись своимъ богатствомъ: оно грѣховное, преступно нажитое». Графиня отца своего любила, чтила его память и, узнавъ о немъ подробности, которыя отъ нея таили, рѣшилась посвятить всю свою жизнь добрымъ дѣламъ и, расточая на нихъ свои богатства, замаливать грѣхи отца и спасти его душу. Изъ благодарности къ Фотію, что онъ открылъ ей тайны объ ея отцѣ, она вполнѣ предалась его руководству, и Фотій сталъ распорядителемъ ея имущества и совѣтникомъ всѣхъ ея дѣйствій. Когда его перевели въ Юрьевъ монастырь, подъ самымъ Новгородомъ, рядомъ съ монастыремъ графиня купила мызу и стала обновлять забытый и обѣднѣвшій, очень древній монастырь. Думаю, что Фотія перевели въ Юрьевъ монастырь въ 1822 или въ 1823 году, потому что когда мы ѣхали въ Петербургъ въ 1821 году, его тамъ еще въ ту пору не было, и въ продолженіе тринадцати или четырнадцати лѣтъ, что Фотій былъ Юрьевскимъ архимандритомъ, онъ сдѣлалъ бѣднѣйшій монастырь однимъ изъ самыхъ богатыхъ въ Россіи. Что разсказывали недоброжелатели и враги Фотія про его, будто бы, предосудительныя отношенія къ графинѣ,—пустая выдумка и злая клевета. Онъ былъ строгой жизни и къ женщинамъ вообще очень суровый, а графиня пребогомольная и преблагочестивая дѣвица. Говорили, что она была въ тайномъ постригѣ и что она пошла бы и совсѣмъ въ монастырь, да не было ей позволено, и потому она оставалась въ міру, а носила подъ своими богатыми туалетами власяницу и жила, какъ монахиня. Фотій считался нѣкоторыми людьми за фанатика оттого, что строго держался православія и не одобрялъ многихъ духовныхъ книгъ, которыя въ то время, т. е., въ 1820-хъ годахъ, стали печатать при тогдашнемъ министрѣ духовныхъ дѣлъ князѣ Голицынѣ, Александрѣ Николаевичѣ. Голицынъ почуялъ, что Фотій ему недоброжелатель и старался было его придавить, но тотъ забралъ уже силу, и Орлова его оберегала отъ погибели всѣмъ своимъ сильнымъ вліяніемъ. Можетъ-статься, Фотій и взаправду преувеличивалъ вещи и видѣлъ бѣсовщину, гдѣ ея и не было, но только это совсѣмъ не изъ притворства, а потому что ему самому чуялось во многомъ вражеское навожденіе. Его упрекали, что онъ и графиню слишкомъ запугалъ дьяволомъ и такъ прибралъ къ

рукамъ, что она, бѣдная, ступить боялась, не посовѣтовавшись и не спросясь, не зная, не будетъ ли это въ угожденіе врагу.

Сказывали, что когда Фотій читалъ какую-нибудь духовную книгу и встрѣчалъ мысль, съ которою не былъ согласенъ, то отмѣчалъ на поляхъ: ложь, ересь бѣсовская. Катерина Сергѣевна Герардъ иногда посмѣивалась надъ Фотіемъ и говаривала: «Il voit le diable où il n'existe pas», но никогда ни мало не заподозрила его искренности, и не отвергала его подвижнической строгой жизни, а я знаю, что она глядѣла глазами митрополита Филарета и руководилась его мыслями.

Года за два или за полтора до своей смерти, Фотій пріѣзжалъ въ Москву, жилъ сколько-то времени и посѣтилъ многіе изъ московскихъ городскихъ и загородныхъ монастырей и вездѣ сдѣлалъ пожертвованія: гдѣ бриллiантовый крестъ, гдѣ панагію, гдѣ такъ далъ деньгами, а то и графиню расположилъ помочь тамъ, гдѣ видѣлъ нужду. Отъ очень строгаго поста и всегдашняго воздержанія, здоровье отца Фотія стало слабѣть, онъ изнемогалъ, чувствовалъ упадокъ силъ и окончилъ жизнь въ 1836 или 1837 году.

VII.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1823 года, постригли въ монашество и произвели во игуменію мою родственницу и пріятельницу, княгиню Авдотью Николаевну Мещерскую, построившую у себя въ подмосковной, въ Аносинѣ, церковь и при ней сперва богадѣльню, а потомъ и общину. Я объ этомъ уже прежде упоминала, теперь доскажу о княгинѣ до конца.

Послѣ преосвященнаго Августина, года съ два былъ въ Москвѣ архіепископомъ преосвященный Серафимъ, а послѣ того, какъ онъ былъ переведенъ въ Петербургъ митрополитомъ, въ Москву назначили преосвященнаго Филарета изъ Твери. Про него слышно было, что онъ человѣкъ очень ученый, искусный проповѣдникъ, но весьма строгій и столько же требовательный къ другимъ, сколько воздержный въ своей жизни, и духовенство съ первой поры трепетало предъ нимъ. Онъ былъ расположенъ къ монашеству, часто ѣзжалъ

и гащивалъ по монастырямъ и былъ очень взыскателенъ съ монахами, такъ что всѣ очень его боялись. Княгиня Авдотья Николаевна Мещерская съ нимъ познакомилась, онъ очень къ ней расположился, и такъ какъ она была точно въ Богѣ живущая и усердно хлопотавшая объ устройствѣ своей общины, которую ей желалось сдѣлать монастыремъ, то она часто у него бывала, находила большое утѣшеніе въ его духовныхъ бесѣдахъ и имѣла съ нимъ постоянную переписку. Онъ одобрилъ ея желаніе устроить монастырь общежительный по образцу мужскихъ, каковыхъ тогда женскихъ еще не было въ московской епархіи, и взялся выхлопотать ей высочайшее разрѣшеніе. Когда все это дѣло уладилось и общину разрѣшено было переименовать въ монастырь, княгиня очень обрадовалась и поѣхала къ архіерею Филарету. Онъ и говоритъ ей:

— Вотъ ваше желаніе, княгиня, исполнилось; теперь только вамъ слѣдуетъ принять постриженіе и вступить въ управленіе новою обителью.

Это ее очень смутило.

— Постриженіе я готова принять, владыко, говоритъ она ему, — а начальства я не желаю: мнѣ лучше повиноваться, чѣмъ повелѣвать...

— Вы основательница и учредительница, кому же быть и настоятельницей, какъ не вамъ? Готовьтесь къ постриженію.

— Да къ постриженію-то я рада съ великою любовію приготовляться, но отъ начальства избавьте...

— Если хотите быть монахиней, то прежде всего научитесь послушанію и этимъ докажите, что умѣете повиноваться; а если желаете, чтобъ община стала монастыремъ, то сами сдѣлайтесь игуменьей. Предоставляю вашему рѣшенію, иначе монастырь открытъ не будетъ; выбирайте.

Княгиня пришла въ великое затрудненіе: желала монашества, а начальства избѣгала и хотѣла, чтобъ община была обращена въ монастырь, а монастыря не хотѣли открывать, ежели она не приметъ начальства.

Какъ тутъ быть? Дѣлать было нечего: княгинѣ пришлось сдѣлаться монахиней, а монахинѣ нельзя было ослушаться своего архіерея. Согласилась.

— Да будетъ, говоритъ, воля Божія и ваша; что̀ благословите, то и сдѣлаю.

Владыка самъ пожелалъ постричь княгиню и совершилъ этотъ трогательный обрядъ подъ Воздвиженьевъ день, въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, что̀ въ Кремлѣ. Тамошняя игуменья Аѳанасія была почтенная старица и раба Божія, она была воспреемница отъ Евангелія; княгиню Евдокію назвали Евгеніей.

Всѣ родные и близкіе съѣхались на постриженіе, и очень было это трогательно и умилительно видѣть, какъ постригаемая плакала и произносила обѣты...

На слѣдующій день, за обѣдней, новопостриженную посвятили во игуменію, и она отправилась къ себѣ въ обитель, которую переименовали монастыремъ, а для открытія и встрѣчи былъ туда отправленъ который-то изъ московскихъ архимандритовъ.

Новая игуменья завела у себя въ монастырѣ самый строгій порядокъ и во всемъ себѣ отказала: келію имѣла самую убогую, пищу очень простую и даже суровую и даже спала не на постели, а на досчатой скамьѣ на войлокахъ, прикрываясь своею монашескою одеждой, и только предъ концомъ жизни стала дѣлать себѣ нѣкоторыя послабленія, ради немощей тѣлесныхъ.

Несмотря на свое косноязычіе, она часто читала въ церкви и очень ясно и внятно; бывала у всѣхъ службъ и своею жизнію для всѣхъ монахинь была примѣромъ подвиговъ и душеспасительнаго житія.

Достигнувъ давно желаемаго и оставивъ міръ, къ которому сердце ея не лежало, она не избѣгла искушеній, удалившись въ монастырь, который сама устроила и гдѣ была настоятельницей,—гдѣ, стало-быть, и дѣлалось все по ея желанію... Видно, отъ себя да отъ скорбей никуда не уйдешь. Была у нея казначея Серафима, преумная, прерасторопная и дѣловая, но самонравная и, какъ попросту говорится, пройдоха. Сперва она лебезила предъ игуменьей и старалась вкрасться въ ея довѣріе и расположеніе, а потомъ, какъ добилась этого, и стала мутить въ монастырѣ, всѣхъ смущать и возстановлять противъ игуменіи изподтишка, какъ будто сама не причемъ... Игуменія сперва этого и не подозрѣвала, а потомъ, какъ уви-

дѣла, откуда все зло, очень этимъ огорчилась, но такъ какъ была въ самомъ дѣлѣ смиренна сердцемъ и не властолюбива, то и хотѣла было сложить съ себя бремя начальства; нарочно уѣзжала на богомолье въ Кіевъ и не малое время была въ отсутствіи, думая, что между тѣмъ все успокоится въ монастырѣ. Она долго таила это отъ митрополита Филарета и попросилась на покой, будучи готова уступить свое мѣсто Серафимѣ, но митрополитъ на это не соизволилъ и когда подробно узналъ въ чемъ дѣло, то казначею смѣнилъ и послѣ то́го выслалъ изъ своей епархіи. Тогда игуменья вздохнула свободнѣе и пожелала имѣть казначеею свою бывшую служительницу, а потомъ келейницу Александру, названную въ монашествѣ Анастасіею. Это была добрая и простая монахиня, очень недалекая, но усердная и преданная; на ея рукахъ игуменья и скончалась въ 1837 году, 2-го февраля, и послѣ ея смерти она была сдѣлана игуменьею.

VIII.

Въ этомъ же 1823 году, сентября 20, скончался въ Москвѣ мой зять Иванъ Елисеевичъ Комаровъ, мужъ сестры Варвары Петровны; отпѣвали у Троицы на Арбатѣ, а схоронили въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

У сестры дѣтей не было, а былъ пасынокъ Николай Ивановичъ, къ которому она была очень расположена; но онъ плохо отплатилъ ей за ея любовь и всѣ попеченія, которыя она о немъ имѣла.

Когда Иванъ Елисеевичъ женился (въ 1804 г.), онъ былъ уже не молодъ — лѣтъ сорока или слишкомъ, вице-губернаторъ калужскій, человѣкъ честный, добрый и знающій по службѣ, но совсѣмъ не особенной наружности, ни замѣчательный умомъ и любезностію. Онъ былъ даже довольно молчаливъ и не очень общителенъ, и не будь онъ вице-губернаторомъ, а сестра помоложе, то я не знаю, и согласился ли бы покойный батюшка на этотъ бракъ.

Но сестра была уже въ лѣтахъ, собою далеко не красавица, батюшка начиналъ уже чувствовать, что онъ слабѣетъ, такъ онъ и далъ свое согласіе, что́ называется, скрѣпя сердце.

Сестра жила спокойно и мирно, въ большомъ почетѣ, пока ея мужъ былъ на должности; а потомъ, когда по разстроенному здоровью, онъ долженъ былъ выйти въ отставку, она за больнымъ ухаживала съ большою заботливостію и до конца его жизни прекрасно исполняла свои обязанности.

Подъ конецъ, послѣ параличнаго разслабленія, онъ пришелъ въ такое положеніе, что сталъ какъ малое дитя и имѣлъ недугъ, который мѣшалъ ему выходить изъ своей комнаты, гдѣ былъ воздухъ отъ этого нестерпимый. Эти послѣдніе два-три года для сестры были очень тяжелы.

Пасынокъ ея имѣлъ характеръ заносчивый и сварливый, и какъ сестра ни нянчилась съ нимъ, онъ какъ волченокъ все въ лѣсъ глядѣлъ. Онъ былъ уменъ, любезенъ и въ обществѣ пріятенъ и былъ онъ женатъ на Софьѣ Григорьевнѣ Охотниковой, которую сестра очень полюбила; была и она хороша къ сестрѣ.

Когда сестра овдовѣла, то хотѣла сгоряча тотчасъ идти въ монастырь въ Аносино; однако, сестра Аѳанасія и я удержали ее и уговорили не спѣшить, чтобы послѣ не сожалѣть. Сестра Аѳанасія, точно для Бога все оставившая и слишкомъ уже пять лѣтъ жившая въ Зачатіевскомъ монастырѣ, хотя и ладила съ игуменьей, но не совсѣмъ была довольна тѣмъ, что много было сплетенъ и дрязгъ въ монастырѣ и потому сестрѣ Варварѣ Петровнѣ совѣтовала не спѣшить.

Въ то время въ Зачатіевскомъ монастырѣ были монахини все больше не изъ нашего сословія, а такъ, изъ простого званія, которыя были охотницы шмыгать по кельямъ, а сестра ни къ кому не ходила и къ себѣ не звала, у игуменьи бывала рѣдко и знала только храмъ Божій, а у себя читала, молилась и занималась рукодѣльемъ. Придраться было не къ чему, такъ нѣтъ: сложили про нее сплетни, что она раскольница и еретичка. Кто занимался этимъ и сплетничалъ, я не могу сказать, но только это дошло и до архіерея Филарета, который сестру потребовалъ къ себѣ. Она, бѣдная, ужасно перетрусила, явилась къ архіерею, вся дрожитъ и трепещетъ.

— Ты худо живешь въ монастырѣ, и на тебя жалуются...

Сестра молчитъ, еле жива отъ страху, ждетъ, что̀ дальше будетъ.

— На тебя мнѣ доносятъ, что ты раскольница и еретичка... правда ли это?

Это сестру удивило и ободрило.

— Ваше преосвященство, я пошла въ монастырь по обѣщанію и по усердію, чтобы служить Богу; въ семействѣ у насъ, у Римскихъ-Корсаковыхъ, никогда никто не отступалъ отъ православія, и ежели вамъ такъ обо мнѣ донесли, то это, вѣроятно, по недоразумѣнію, ежели не по недоброжелательству.

Преосвященный понялъ, что этотъ доносъ была глупая сплетня и что смѣшно было бы повѣрить такой нелѣпости.

Онъ сестру посадилъ, сталъ разспрашивать объ ея образѣ жизни и увѣрился, что только по недоброжелательству возможно было выдумать на благочестивую монахиню такую несодѣянность, и, успокоивъ сестру, отпустилъ ее ласково и съ благословеніемъ.

Но эта смѣшная и глупая выдумка, не имѣвшая никакого основанія, глубоко оскорбила сестру, не потому, что про нее дурно сказали, но потому, что она желала со всѣми жить въ мирѣ и дѣлала всѣмъ одно только добро, а ей отплачивали ненавистью за возлюбленіе, по слову пророка.

Очень вѣроятно, что любительницы ходить по кельямъ и были недовольны ею, что она сама не ходила никуда и къ къ себѣ не принимала никого безъ дѣла и не охотница была до сплетенъ.

Сестра Варвара Петровна послушалась общихъ нашихъ совѣтовъ и въ монастырь тотчасъ не пошла, но отложила до времени.

Игуменія Аносинская посовѣтовала ей поселиться возлѣ монастыря и, не принимая монашества, жить такъ, какъ она жила бы, будучи въ монастырѣ.

Прошелъ годъ, сестра все еще была въ нерѣшимости, что̀ ей дѣлать. Она поѣхала къ себѣ въ деревню — въ Субботино и вотъ однажды, когда она была въ церкви у обѣдни и въ смущеніи молилась Господу, чтобъ онъ научилъ ее, что ей дѣлать съ собою и какъ ей жить — во время обѣдни прибѣжали ей сказать, что ея домъ горитъ.

Конечно, это ее очень взволновало, однако, скрѣпя сердце и помышляя, что это вражеское искушеніе, она не потеряла присутствія духа и сказала прибѣжавшему въ церковь:

— Спасайте прежде всего иконы, бумаги и книги, а тамъ что̀ можете, а какъ скоро окончится служба, возвращусь и я; на все воля Божія.

И еще съ большимъ усердіемъ старалась молиться, вполнѣ предавшись Богу.

Этотъ день рѣшилъ судьбу сестры: когда она возвратилась отъ обѣдни, то нашла, что домъ ея сгорѣлъ и что кромѣ иконъ, бумагъ, книгъ и серебра, немногое могли спасти. Послѣ пожара она пріютилась на первое время гдѣ-то во флигелькѣ, а тамъ и стала помышлять о томъ, чтобъ уйдти въ монастырь или жить гдѣ возлѣ монастыря.

— Значитъ, Господь для того и отнялъ у меня мой собственный кровъ, чтобъ я поселилась въ обители подъ кровомъ Бога небеснаго, — такъ она толковала себѣ въ утѣшеніе.

Я звала ее жить съ собою; она погостила у меня, но не оставила своего намѣренія и опять обратилась за совѣтомъ къ игуменіи Евгеніи.

— Избирай, сестра, любое, говоритъ ей та: — угодно, вступай въ монастырь, не желаешь, — выстрой домикъ и живи возлѣ монастыря за оградой; помолись, и какъ Господь возвѣститъ тебѣ, такъ и дѣйствуй.

Поживъ въ Аносинскомъ монастырѣ, она возвратилась ко мнѣ, ни на что̀ не рѣшившись.

Однажды, она поѣхала къ обѣднѣ за Москву-рѣку ко Взысканію Погибшихъ, гдѣ прекрасная икона этого явленія Божіей Матери; отстояла тамъ обѣдню, отслужила молебенъ и, пріѣхавъ домой, говоритъ мнѣ:

— Ну, поздравь меня, сестра: я рѣшилась построить домикъ возлѣ Аносина монастыря и буду тамъ жить.

Такъ она и сдѣлала; сперва поселилась въ гостинницѣ, а потомъ стала строить для себя домикъ на монастырской землѣ, которую наняла, и положила себѣ исполнять монашеское правило, не вступая въ монастырь. Она отказалась отъ мірской пищи и не стала носить ничего, кромѣ чернаго камлотоваго платья.

Вскорѣ, рядомъ съ нею, выстроила себѣ домикъ Екатерина Акимовна Колошина, жена родного дяди Павла Ивановича Колошина, женатаго на моей двоюродной племянницѣ Салты-

ковой. Она была сама-по-себѣ Мальцева, сестра Ивана Акимовича и Сергѣя Акимовича Мальцевыхъ; добрая была старушка, благочестивая, но,—что очень страннымъ казалось и въ наше время,—была совершенно безграмотная, несмотря на то, что была дочь очень богатыхъ людей. Она имѣла дочь, которая пошла въ Хотьковъ монастырь, гдѣ и умерла монахиней; въ міру ее звали Маріей. Говорятъ, она была характера очень сварливаго, и матери отъ нея не было житья. Какъ жила она въ монастырѣ — не знаю, но только мать, добрая старуха, отъ дочери чуть не бѣжала.

Имѣніе свое сестра Варвара Петровна предлагала мнѣ съ тѣмъ, чтобъ я выплачивала ей ежегодно по три тысячи рублей ассигнаціями; предлагала братьямъ моимъ и Посниковымъ, но никто изъ насъ не пожелалъ взять его. Тогда она предложила его пасынку своему, Николаю Ивановичу, и передала его женѣ. Когда она умерла, то имѣніе поступило въ опеку, и сестра осталась бы совершенно безо всего, еслибы тетка Комаровой, Емельяненкова, урожденная Охотникова, ее воспитавшая, не вошла въ положеніе сестры и не вызвалась платить ей ежегодно по три тысячи пожизненно, и къ чести ея должно сказать, что она до кончины сестры очень исправно высылала ей эти деньги. Этимъ сестра и жила безо всякой нужды и не только сводила концы съ концами, но еще умѣла и годъ за годъ оставлять понемногу и раздавала нищимъ. Она всякій день бывала у всѣхъ службъ церковныхъ, дома исправляла монашеское правило, а въ остальное время читала духовныя книги и вышивала шелками и блестками по канвѣ для церкви, пока была въ силахъ; по вечерамъ вязала для себя бумажные чулки. Раза два въ годъ она гащивала у меня недѣли по три и по мѣсяцу, но рѣдко болѣе; она такъ обжилась у себя и такъ привыкла къ уединенію, что ее домой такъ и тянуло; она скончалась 14-го декабря 1849 года; схоронили ее въ монастырѣ возлѣ церкви.

IX.

Въ 1824—25 годахъ, я лишилась трехъ весьма близкихъ мнѣ людей: бабушки Прасковьи Александровны Ушаковой, Анны Васильевны Титовой и бабушки Мареы Ивановны Станкевичъ.

Бабушка Прасковья Александровна была дочь Прасковьи Никитичны Татищевой (въ первомъ бракѣ за Александромъ Ивановичемъ Теряевымъ, а во второмъ—за Станкевичемъ) и потому была батюшкѣ двоюродною теткой, а мнѣ бабушкой. Отецъ ея Теряевъ имѣлъ весьма достаточное состояніе, и такъ какъ она была единственною дочерью, то при замужествѣ получила хорошее имѣніе и приданое съ разными причудливыми затѣями. Напримѣръ, ей дали пуховикъ верхній (тогда матрасовъ не знали, а клали на постель сперва перину, а сверху пуховикъ) изъ гагачьяго пуха и также всѣ подушки, все въ атласныхъ желтыхъ наволокахъ изъ китайскаго атласа, все бѣлье изъ батиста и наволоки парадныя, и занавѣсъ обшитъ кружевами (point d'Alançon), что̀ стоило пребольшихъ денегъ. Только спать на такой постели было, говорятъ, не удовольствіе, а просто пытка, и пришлось скоро эту необыкновенную и дорогую постель замѣнить обыкновенною, чтобы можно было спать спокойно и безъ невыносимой тоски во всемъ тѣлѣ.

Бабушка имѣла подмосковную въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Ламоново, неподалеку отъ Аносина; тамъ былъ изрядный домикъ и хорошія фруктовыя оранжереи и грунтовые сараи. Княгиня Мещерская, то-есть, игуменья Евгенія, была очень дружна съ бабушкой Ушаковой, которая не разъ помогала ей послѣ двѣнадцатаго года и во время устроенія монастыря, ссужая ей деньги, и очень радовалась, когда общину сдѣлали монастыремъ, но только менѣе года пришлось ей этимъ утѣшаться.

Въ Москвѣ она жила гдѣ-то на Нѣмецкой улицѣ, за Елоховымъ мостомъ, — даль непомѣрная, въ особенности отъ батюшкинаго дома, въ Зубовѣ, или отъ насъ, у Неопалимой Купины; однако, бабушка нерѣдко ѣзжала кушать къ батюшкѣ и къ намъ и — что̀ всего ужаснѣе — въ своей каретѣ, которая, какъ старинныя колымаги, была безъ рессоръ, а про-

сто на какихъ-то подпоркахъ и на ремняхъ. Давнымъ давно эти кареты вывелись и никто въ такихъ уже и не ѣздилъ больше, а бабушка все придерживалась старины и своей кареты перемѣнить не хотѣла. Разъ какъ-то она у насъ кушала, да и говоритъ мнѣ послѣ обѣда:

— Далеко мнѣ отъ тебя ѣхать домой, очень скучно, проводи-ка меня, вечерокъ посиди со мною, а своей каретѣ вели прiѣхать попозже.

— Какъ прикажете, говорю я ей. Собрались и поѣхали мы.

Это было до двѣнадцатаго года, весной, вскорѣ послѣ Святой недѣли; мостовыя предурныя, въ особенности на Покровкѣ — растворъ грязи съ камнями. Поѣхали мы, вотъ пытка-то! карету со стороны на сторону такъ и качаетъ, а снизу подтряхиваетъ: я и такъ сяду, и этакъ, думаю, лучше будетъ, просто возможности нѣтъ сидѣть; какъ ни сажусь — все дурно. А бабушка сидитъ стрѣлкой и не прислонится даже.

— Что ты, Елизавета, все вертишься? или тебѣ неловко? А карета моя, кажется, преспокойная, видишь, какъ качаетъ — точно люлька.

Думаю себѣ: хороша люлька, всю душу вытрясло.

— Ну, я не скажу, чтобы ваша карета, бабушка, была покойная, наши кареты на рессорахъ во сто разъ лучше; вы бы себѣ такую изволили заказать.

— Терпѣть ихъ не могу, моя покойнѣе; чѣмъ бы, казалось, не карета? Видишь ли, какiя вы молодыя привередницы и прихотницы, говорила она, смѣясь; — я, старуха, довольна каретой, а она находитъ, что не покойна, извольте думать!

Ужь какъ я доѣхала, я и не знаю, а на ту бѣду я еще была въ такомъ положенiи, что должна была беречь себя; отъ тряски чуть себѣ большой бѣды не нажила.

У бабушки и въ домѣ все было по старинному, какъ было въ ея молодости, за пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ: гдѣ шпалеры штофныя, а гдѣ и просто по холсту расписанныя стѣны, печи премудреныя, на какихъ-то курьихъ ножкахъ, изъ пестрыхъ изразцовъ, мебель рѣзная золоченая и бѣлая, какой и я уже не застала въ моемъ дѣтствѣ. Во время французовъ домъ сгорѣлъ, погорѣли и колымаги, и этому, грѣшный человѣкъ, я порадовалась.

Бабушка Прасковья Александровна носила и платье, и чепцы по прежней модѣ. Благочестивая и добрая она была, любила меня и все родство свое. Дѣтей она не имѣла и все свое имѣніе оставила племяннику своего мужа. Епафродитъ Ивановичъ Станкевичъ приходился ей роднымъ по матери братомъ, только отъ другого отца, и былъ гораздо ея моложе; но она Станкевичамъ ничего не оставила, а все отдала мужнину племяннику, который послѣ того продалъ и московскій домъ, и подмосковную Ламоново.

Бабушка скончалась въ 1824 году, октября 20. Смерть Анны Васильевны Титовой меня очень огорчила, хотя мы и не были съ нею нисколько въ родствѣ, но, будучи близкими сосѣдками, такъ сдружились и сжились, что стали точно самые близкіе родные. Послѣ того, какъ у Титовыхъ Апраксинъ купилъ Сокольники и отдалъ дочери своей, Голицыной, Титовы стали жить у себя во владимірской деревнѣ, въ селѣ Амафоровѣ, по лѣтамъ, а по зимамъ въ Москвѣ. Когда Анна Васильевна, послѣ двадцатилѣтняго упрямства, рѣшилась наконецъ дать согласіе на замужество дочери своей Надежды Васильевны съ Павломъ Михайловичемъ Балкъ, то стала жить съ ними. Они старушку успокоивали, и она послѣдніе годы своей жизни дожила тихо и счастливо. Она мало выѣзжала и все болѣе сидѣла дома, потому что отъ золотухи, кинувшейся въ лицо, она была обезображена и совѣстилась показываться людямъ, не коротко съ нею знакомымъ. Это была самая первая изъ сосѣдокъ, съ которою я познакомилась. Когда вскорѣ послѣ замужества я пріѣхала съ мужемъ въ нашу подмосковную деревню, она меня обласкала и съ тѣхъ поръ, съ 1794 по 1825 г., мы всегда были одинаково другъ къ другу расположены и между нами не было и тѣни размолвки. Она скончалась 6-го февраля 1825 года, и хоронить ее повезли во владимірскую деревню.

Бабушка Марѳа Ивановна Станкевичъ не долго нажила послѣ Анночкинаго замужества, вскорѣ поѣхала къ себѣ въ смоленскую деревню, гдѣ искони множились Станкевичи, и тамъ вскорѣ скончалась. Дочь ея, Ѳедосья Епафродитовна, вышла за Николая Александровича Алалыкина, за брата моей сватьи Посниковой, и стала жить въ Костромѣ, въ деревнѣ, такъ я и потеряла ее изъ виду. Станкевичей было

очень что-то много, но, кромѣ Ѳедосьи, я болѣе всѣхъ знала Александра Епафродитовича; онъ пріѣзживалъ къ матери и одно время вздумалъ было свататься за Грушеньку и зачастилъ къ намъ по сосѣдству, и хотѣлъ было сдѣлать предложеніе, только, какъ на грѣхъ, въ тотъ день, какъ пріѣхалъ предлагаться, сѣлъ въ гостиной на кресло, которое подъ нимъ разсыпалось. Онъ какъ-то смѣшно упалъ, опрокинулъ лампу, съ его головы слетѣлъ парикъ, всѣ мы расхохотались, и онъ до того сконфузился, что отдумалъ свататься. Колошино, по наслѣдству послѣ матери, досталось ему, но онъ въ немъ не живалъ подолгу, а только бывалъ наѣздомъ. Онъ былъ женатъ не долго и послѣ жены осталось у него три дочери, изъ которыхъ средняя умерла дѣвицей, старшая, Александра Александровна, вышла за Пѣнскаго, а младшая, Марѳа Александровна — за Толстого.

Въ этихъ же годахъ умерла хорошая моя пріятельница, княгиня Несвицкая, которая купила по сосѣдству съ нами деревню, принадлежавшую предъ тѣмъ Екатеринѣ Петровнѣ Волковой — Пески, и Пески для меня опять опустѣли. Къ году послѣ своего замужества, пріѣхала въ Москву моя дочь, Посникова, и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (13-го дня 1824 г.) родила дочь Елену, которую я крестила съ зятнинымъ дядею, Николаемъ Васильевичемъ Посниковымъ.

Послѣ того Посниковъ поѣхалъ въ Галичъ, въ деревню къ его матери, и въ 1825 году тамъ родился у нихъ второй ихъ ребенокъ — сынъ Дмитрій. Крестить его заочно пригласили меня и брата Михаила Петровича, а воспріемниками отъ купели были дядя моего зятя, Алексѣй Васильевичъ Посниковъ, и тетка, Анна Ивановна Алалыкина; родился онъ 8-го сентября 1825 года, въ Гремячевѣ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

I.

Въ 1825 году, совершенно неожиданно устроилось замужество Грушеньки. Вотъ какъ это случилось.

У насъ были дальніе родственники Лихачевы, съ которыми, однако, мы могли счесться еще родствомъ по Новосильцевымъ и Соковнинымъ. Родная тетка моей свекрови, Анны Ивановны Яньковой, — Дарья Алексѣевна (рожденная Новосильцева) была за Петромъ Алексѣевичемъ Соковнинымъ; у нихъ было нѣсколько сыновей и дочерей, изъ которыхъ одна, Елизавета Петровна, и была за Иваномъ Васильевичемъ Лихачевымъ; сынъ этой, Василій Ивановичъ, былъ женатъ на Елизаветѣ Николаевнѣ Гурьевой. Яньковы съ Лихачевыми, будучи въ родствѣ, были и въ дружбѣ: Лихачевъ приходился моему мужу внучатымъ братомъ, и мы съ Елизаветой Николаевной были пріятельницы и почти что однихъ лѣтъ: я была немного постарше, а дочь ея, Анна Васильевна, помоложе моихъ старшихъ дочерей, была съ ними также дружна. Лихачевъ — и самъ по себѣ, и по женѣ своей, Гурьевой — очень достаточный и даже богатый человѣкъ, мало живалъ въ Москвѣ, а все больше у себя въ помѣстьяхъ, вмѣстѣ съ женой въ Ярославлѣ, и въ особенности за Кашинымъ, гдѣ у нихъ была прекрасная усадьба, село Устиново: Лихачевское ли это было имѣніе, или Гурьевское—заподлинно не знаю. Они пріѣзживали иногда на зиму и въ Москву и проводили по нѣсколько мѣсяцевъ. Кромѣ дочери, у Елизаветы Николаевны были еще три сына: Григорій Васильевичъ, Иванъ Васильевичъ, оба рослые и видные молодцы, служившіе въ гвардіи; третій, Петръ, умеръ въ юности. Благочестивая и добрая была женщина Елизавета Николаевна, но не имѣвшая ни малѣйшаго понятія о столичныхъ обычаяхъ, а спросить-то вѣрно не хотѣла, что ли, или не умѣла, но только все какъ-то дѣлала по своему, а не по нашему, какъ было вообще принято. Такъ, напримѣръ, пріѣдетъ осенью въ Москву, разрядитъ

свою дочь въ бальное платье, очень дорогое, хорошее и богатое, и въ брилліантахъ, въ жемчугахъ возитъ дѣвочку съ собою и дѣлаетъ визиты поутру. Очень бывало мнѣ жаль бѣдняжки, что мать, по простотѣ своей и по незнанію, что̀ принято, такъ ее конфузитъ; ну, а сказать какъ-то совѣстно, Богъ вѣсть, еще какъ приметъ: иногда непрошенный совѣтъ — хуже обиды.

Въ 1825 году, мнѣ что-то не пожилось осенью въ деревнѣ и я ранехонько переѣхала въ городъ. Въ началѣ октября пріѣхала изъ Кашина и Лихачева съ дочерью (она была уже вдова) и мы видѣлись. Какъ-то она и говоритъ мнѣ:

— Елизавета Петровна, у меня есть племянникъ, который просилъ меня познакомить его съ вами...

— Кто же это такой по фамиліи? — спрашиваю я.

— Зовутъ его Дмитрій Калиновичъ Благово, говоритъ она.

— Что же, родня, что ли, Мухановымъ? Это у нихъ только въ семьѣ и бывали Ипатьичи да Калинычи, а то этого имени я никогда и не слыхивала въ порядочныхъ семьяхъ; фамилія тоже для меня не знакомая...

— Онъ мнѣ родня по Козловымъ, его мать урожденная Зыкова, а родня ли онъ Мухановымъ — я, право, этого не знаю; ему за сорокъ лѣтъ, собою недуренъ и, можетъ быть, и пригодился бы...

— Познакомь, пожалуй; только, разумѣется, не прямо же его ко мнѣ въ домъ привози, — ужь это было бы слишкомъ по старинному, или совсѣмъ по купеческому — точно смотрины; какъ нибудь поладнѣе, при случаѣ, у себя устрой намъ встрѣчу.

Такъ она и сдѣлала. Чрезъ нѣсколько дней спустя, пригласила меня Лихачева къ себѣ вечеромъ запросто, и я съ Грушенькой поѣхала. Немного погодя, пришелъ и родственникъ Лихачевой—Дмитрій Калиновичъ Благово. На видъ лѣтъ сорока пяти, мужчина степенный, лицомъ не очень взраченъ, но, впрочемъ, не то, чтобы совсѣмъ дуренъ или безобразенъ, а не красавецъ, и не въ обиду будь ему сказано — немного мѣшковатъ. По разговору мнѣ онъ понравился: не тараторъ, не краснобай, а говоритъ ладно и умно. Онъ былъ мнѣ отрекомендованъ, и когда я собралась уѣзжать, онъ просилъ у меня позволенія ко мнѣ пріѣхать.

— Можете, говорю, посѣтите.

Такъ онъ и сталъ у меня бывать, и хотя онъ не былъ такой балагуръ и лихой молодецъ, какъ мой зять Посниковъ, я нашла его очень приличнымъ и по его лѣтамъ для Грушеньки подходящимъ. Вотъ что̀ отъ Лихачевой и въ послѣдствіи отъ него самого я узнала про его родъ и объ его семьѣ.

Благовые и Благіе, которые потомъ стали почему-то писаться Благово (какъ нѣкоторые и другіе роды, напримѣръ, Хитрово, Дурново, Бѣлаго), считаютъ родоначальниками своими князей Смоленскихъ и Заболоцкихъ, изъ которыхъ одинъ, по прозвищу Благой, такъ и сталъ называться и княземъ уже не писался. Одинъ изъ предковъ Дмитрія Калиновича былъ воеводой въ Сибири [1]), а пращуръ—посломъ въ Царь-Градѣ [2]); бывали у нихъ въ семьѣ и еще воеводы [3]) и стольники [4]), но до большихъ чиновъ никто не дослуживался и особымъ богатствомъ они никогда не отличались.

Дѣдъ Дмитрія Калиновича, Александръ Алексѣевичъ, былъ женатъ два раза, и отъ первой жены, Авдотьи (кто она была—мнѣ этого не умѣли сказать), имѣлъ двухъ сыновей, Александра и Іосифа, а отъ второй жены, Марьи Онисимовны (дочери полковника Александрова), оставилъ малолѣтняго сына Калину, котораго воспитывала мать. По раздѣлу изъ отцовскаго имѣнія ему досталась какая-то деревенька въ Клину, да другая еще гдѣ-то въ Твери, гдѣ было имѣніе и у матери; а родовое имѣніе — село Воронино, около Клина (неподалеку отъ Татищевскаго имѣнія Балдина), осталось за старшимъ въ родѣ—Іосифомъ; этотъ имѣлъ одну только дочь Екатерину, вышедшую за князя Петра Петровича Волконскаго. Калина Александровичъ служилъ недолго и, выйдя въ отставку съ маленькимъ чиномъ, женился на Елизаветѣ Ивановнѣ Зыковой. Она имѣла нѣсколько сестеръ. Ихъ отецъ, старикъ Зыковъ, Иванъ Ивановичъ, будучи восьмидесяти

[1]) Аѳанасій Ивановичъ, воевода въ Березовѣ, при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, 1594 года.

[2]) Борисъ Петровичъ, посолъ въ Царь-Градѣ, въ 1584 г.

[3]) Иванъ Владиміровичъ, воевода въ Сургутѣ, 1610 г.

[4]) Аѳанасій Ѳеодоровичъ, 1627—29 г., стольникъ патріарха Филарета Никитича; Василій Алексѣевичъ, стольникъ царицы Натальи Кирилловны; Петръ Васильевичъ, стольникъ царицы Прасковьи Ѳеодоровны.

лѣтъ, пошелъ въ монастырь къ Николѣ на Пѣшношу, гдѣ велъ строго монашескую жизнь, удостоился постриженія, тамъ скончался и былъ погребенъ въ началѣ 1800-хъ годовъ. Подъ конецъ онъ ослѣпъ, и за свое глубокое смиреніе, кротость и доброту былъ всѣми въ монастырѣ уважаемъ и любимъ. Онъ жилъ при извѣстномъ въ свое время николо-пѣшношскомъ архимандритѣ Макаріѣ, который и постригъ его и любилъ; въ монашествѣ онъ былъ названъ Іоною.

Калина Александровичъ имѣлъ двухъ сыновей — Дмитрія и Владиміра — и четырехъ дочерей: Марью (за Звѣревымъ), Екатерину (за Рудаковымъ), Александру и Варвару, оставшихся въ дѣвицахъ. Дмитрій воспитывался въ Петербургѣ въ томъ же кадетскомъ корпусѣ, въ которомъ былъ и покойный мой мужъ, но только уже не при извѣстномъ Иванѣ Ивановичѣ Бецкомъ, а при графѣ Ангальтъ, двоюродномъ братѣ Екатерины Второй, и выпущенъ былъ въ какой-то армейскій полкъ; выходилъ въ отставку и потомъ, снова опредѣлившись въ службу, находился въ комиссаріатѣ до самой своей кончины. Въ 1812 году его постигло несчастіе: у него украли изъ полковой казны деньги (сколько, гдѣ и какъ это случилось,—я не знаю) и за это онъ поплатился своимъ имѣніемъ въ Клинскомъ уѣздѣ (сельцо Ярюхино), которое конфисковали и продали съ торговъ. Старушка Елизавета Ивановна, его мать, жившая тамъ съ двумя дочерями, Варварой и Александрой, горько плакала, когда имъ пришлось выѣзжать, и, выѣхавъ изъ своего собственнаго угла, не захотѣла жить ни у которой изъ замужнихъ дочерей, а отправилась въ Кашинъ, гдѣ въ молодости живала, потому что тамъ служилъ ея отецъ у воеводы, и вступила въ Срѣтенскій монастырь со своею дочерью Варварой. Онѣ обѣ тамъ жили послушницами, и сперва умерла дочь, а потомъ въ 1825 или 1826 году, и сама старушка Елизавета Ивановна, будучи уже рясофорною монахиней.

Владиміръ Калиновичъ былъ хромоногій и ходилъ на костылѣ, великій картежникъ и все, что̀ имѣлъ, спустилъ, говорятъ, въ карты, но потомъ ему досталось имѣніе отъ тетки, а брату его—домъ въ Москвѣ и имѣніе въ Карчевѣ отъ дяди Козлова, Павла Никитича.

Вотъ все, что̀ я знаю о Дмитріѣ Калиновичѣ Благово и

объ его родствѣ. Онъ Грушенькѣ нравился и когда сдѣлалъ предложеніе, она его приняла и я дала свое согласіе. Помолвка была 1-го ноября, а свадьба 8-го ноября. У жениха была посаженою матерью Елизавета Николаевна Лихачева, а вмѣсто отца сидѣлъ дядя его, весьма почтенный старикъ Козловъ, который былъ, кажется, и крестнымъ его отцомъ.

Я сама обѣихъ своихъ дочерей возила къ вѣнцу, а посаженымъ отцомъ у Груши былъ братъ Михаилъ Петровичъ. Шаферами у невѣсты были мои племянники Вяземскіе и Вячеславъ Волконскій, а у жениха—оба брата Лихачевы. Вѣнчали въ домовой церкви Алексѣя Ивановича Бахметева, въ Старой Конюшенной, а ужинъ былъ у меня, въ пречистенскомъ моемъ домѣ, и я уступила молодымъ свою спальню.

На свадьбѣ, съ нашей стороны, кромѣ насъ домашнихъ, былъ братъ Михаилъ со своею женой, братъ князь Владиміръ Михайловичъ Волконскій, князь Андрей и князь Александръ Вяземскіе, князь Вячеславъ Волконскій, моя племянница Александра Григорьевна Колошина, Павелъ Михайловичъ Балкъ и жена его Надежда Васильевна. Этой превеликое спасибо: она выручила меня изъ затрудненія и избавила отъ большихъ хлопотъ; она мастерица была и охотница покупать и заказывать, она мнѣ все о приданомъ и обхлопотала. Обѣимъ дочерямъ я опредѣлила по двадцати пяти тысячъ ассигнаціями, отъ себя, кромѣ отцовскаго имѣнія, по 250 душъ. Анночка сдѣлала себѣ на пятнадцать тысячъ приданаго, а Грушенька—только на десять, а остальное онѣ получили деньгами. Въ то время платья были пребезобразныя: узки какъ дудки, коротки, вся нога видна, и отъ того подъ цвѣтъ каждаго платья были шелковые башмаки изъ той же матеріи, а талія такъ коротка, что поясъ приходился чуть не подъ мышками. А на головѣ носили токи и береты, точно лукошки какія, съ цѣлымъ ворохомъ перьевъ и цвѣтовъ, перепутанныхъ блондами. Уродливѣе ничего и быть не могло; въ особенности противны были шляпки, что̀ называли кибитками (chapeau kibick). Изо всѣхъ модъ, какія только я застала, самыя лучшія по-моему были въ 1780—1790 гг. и въ 1840—1850 гг.—платье полное, пышное, длинное, лифъ съ мысомъ, а на головахъ наколки небольшія.

Со стороны жениха, между прочимъ, была одна моя старинная знакомая, а его тетка—Варвара Андреевна Новосильцева. Она была рожденная Наумова; ея мать Марья Кирилловна (сама по себѣ Сафонова) была большая пріятельница покойной бабушки княгини Анны Ивановны Щербатовой; я часто встрѣчалась съ ними у тетушки графини Толстой. Наумова была очень почтенная, благочестивая и умная старушка, которая окончила свою жизнь въ глубокой старости въ московскомъ Рождественскомъ монастырѣ монахиней и, кажется, даже въ схимѣ. Она много имѣла скорбей на своемъ вѣку и была добродѣтельнѣйшая женщина. И дочь ея Новосильцева была тоже очень хорошая и благочестивая женщина, достойная всякаго уваженія. Ростомъ она была очень мала, лицомъ некрасива,—вся въ веснушкахъ, точно подъ сѣткой,—но очень умная и разсудительная, а главное—предобрая... У Наумовой были сыновья и кромѣ Новосильцевой—еще дочь незамужняя Авдотья Андреевна, смолоду пребойкая особа, большая скопидомка и великая тараторка.

Дочь Лихачевой, бывшая у Груши на свадьбѣ еще дѣвицей, въ скоромъ времени послѣ того, тоже вышла замужъ за Льва Васильевича Давыдова, брата извѣстнаго въ двѣнадцатомъ году партизана—Дениса Васильевича...

Родство зятя моего Благово было хорошее и почтенное, но люди не свѣтскіе, мало выѣзжавшіе въ публику и съ которыми я до тѣхъ поръ совсѣмъ не встрѣчалась, кромѣ Новосильцевой и Наумовыхъ. Очень была почтенная, представительная старушка—княгиня Катерина Осиповна Волконская, двоюродная сестра Дмитрія Калиновича, дочь старшаго его дяди; она имѣла сына и дочь Марью Петровну, вышедшую за Неронова, и такъ какъ ея братъ былъ бездѣтнымъ, то къ ней и перешло родовое Благовское имѣніе, село Воронино.

Еще познакомилась я съ другою родственницей зятя, съ его дальнею теткой—Анной Лаврентьевой Благово. Умная была старушка. Она имѣла нѣсколькихъ сыновей и дочерей, изъ которыхъ двѣ были красавицы—Екатерина Сергѣевна за Баташевымъ, очень богатымъ человѣкомъ, имѣвшимъ золотые пріиски и литейные заводы; другая, Анна Сергѣевна, за Арбеньевымъ.

Обѣ сестры моего зятя—замужняя Звѣрева и Александра

дѣвица, которыхъ я только и знала—были красавицы писаныя: бѣлизна лица и румянецъ во всю щеку, просто на диво. Звѣрева была милая, умная и разсудительная женщина, съ которой братъ ея былъ очень друженъ; она мало жила въ Москвѣ, больше все у себя въ Кашинѣ, въ деревнѣ. А незамужняя Александра—пребойкая и преумная и великая совѣтодательница и тароторка, настоящая золовка-колотовка. Я про нее и говорила ея брату: «Ты, мой любезный, гостить ее къ себѣ приглашай, но въ домѣ у себя не давай ей располагаться,—видишь, какая она командирша, закомандуетъ и хоть кого заклюетъ, а заговоритъ до дурноты». Ужь черезчуръ много и слишкомъ громко она говорила.

II.

Въ самый годъ кончины государя Александра Павловича, былъ въ Петербургѣ поединокъ, объ которомъ шли тогда большіе толки: государевъ флигель-адъютантъ Новосильцевъ дрался съ Черновымъ и былъ убитъ. Онъ былъ единственный сынъ Екатерины Владиміровны, урожденной графини Орловой (дочери Владиміра Григорьевича, женатаго на Елизаветѣ Ивановнѣ Стакельберъ), отъ брака съ Дмитріемъ Александровичемъ Новосильцевымъ. У нихъ этотъ сынъ только и былъ. Екатерина Владиміровна (сестра графини Софьи Владиміровны Паниной и Натальи Владиміровны Давыдовой) была во всѣхъ отношеніяхъ достойная, благочестивая и добрѣйшая женщина, но мужемъ не очень счастливая: онъ съ нею жилъ не долгое время вмѣстѣ, имѣя постороннія привязанности и нѣсколько человѣкъ дѣтей съ «лѣвой стороны». Сынъ Новосильцевой, по имени Владиміръ, былъ прекрасный молодой человѣкъ, котораго мать любила и лелѣяла, ожидая отъ него много хорошаго, и онъ точно подавалъ ей великія надежды. Видный собою, красавецъ, очень умный и воспитанный, какъ нельзя лучше, онъ попалъ во флигель-адъютанты къ государю, не имѣя еще и двадцати лѣтъ. Мать была этимъ очень утѣшена, и такъ какъ онъ былъ богатъ и на хорошемъ счету при дворѣ, всѣ ожидали, что онъ со временемъ сдѣлаетъ блестящую партію. Знатныя маменьки,

имѣвшія дочерей, ласкали его и съ нимъ няньчились, да только онъ самъ не съумѣлъ воспользоваться благопріятствомъ своихъ обстоятельствъ. Познакомился онъ съ какими-то Черновыми; что это были за люди—ничего не могу сказать. У этихъ Черновыхъ была дочь, особенно хороша собою, и молодому человѣку очень приглянулась; онъ завлекся и, должно быть, зашелъ такъ далеко, что долженъ былъ обѣщаться на ней жениться. Сталъ онъ просить благословенія у матери, та и слышать не хочетъ: «могу ли я согласиться, чтобы мой сынъ, Новосильцевъ, женился на какой-нибудь Черновой, да еще въ добавокъ на Пахомовнѣ: никогда этому не бывать». Какъ сынъ ни упрашивалъ мать—та стояла на своемъ: «Не хочу имѣть невѣсткой Чернову Пахомовну,—экой срамъ!» Видно, Орловская спѣсь брала верхъ надъ материнскою любовью. Молодой человѣкъ возвратился въ Петербургъ, объявилъ брату Пахомовны, Чернову, что мать не даетъ согласія. Черновъ вызвалъ его на дуэль.

— Ты обѣщался жениться—женись, или дерись со мной за безчестіе моей сестры. Для дуэли назначили мѣсто на одномъ изъ петербургскихъ острововъ, и Новосильцевъ былъ убитъ. Когда несчастная мать получила это ужасное извѣстіе, она тотчасъ отправилась въ Петербургъ, горько, можетъ статься, упрекая себя въ смерти сына. На мѣстѣ томъ, гдѣ онъ умеръ, она пожелала выстроить церковь и, испросивъ на то позволеніе, выстроила. Тѣло молодаго человѣка бальзамировали, а сердце — закупоренное въ серебряномъ ковчегѣ — несчастная виновница сыновней смерти повезла съ собою въ каретѣ въ Москву. Схоронили его въ Новоспасскомъ монастырѣ. Лишившись единственнаго дѣтища, Новосильцева вся предалась Богу и дѣламъ милосердія и, надѣвъ черное платье и чепецъ, до своей кончины траура не снимала. Кромѣ церкви, митрополита Филарета, котораго очень уважала, и самыхъ близкихъ родныхъ, она нигдѣ не бывала, а первое время никого и видѣть не хотѣла. Она была въ отчаяніи и говорила Филарету: «Я убійца моего сына; помолитесь, владыка, чтобъ я скорѣе умерла».—«Ежели вы почитаете себя виновною, то благодарите Бога, что Онъ оставилъ васъ жить, дабы вы могли замаливать вашъ грѣхъ и дѣлами милосердія испросили упокоеніе душѣ своей и вашего сына; желайте не скорѣе уме-

реть, но просите Господа продлить вашу жизнь, чтобъ имѣть время молиться за сына и за себя».

Она часто бывала у Филарета на Троицкомъ подворьѣ и всегда стояла во время службы въ темной комнаткѣ, смежной съ церковью, и молилась у окошечка, продѣланнаго въ церковь. Лѣтъ десять спустя послѣ смерти сына, она овдовѣла, и въ память сына старалась благотворить не только посторонним, но и дѣтямъ своего мужа и была ко всѣмъ его родственникамъ хорошо расположена и привѣтлива. Она скончалась въ концѣ 1840-хъ годовъ, имѣя около восьмидесяти лѣтъ отъ роду. Такъ какъ она была послѣдняя въ родѣ Орловыхъ (двоюродная ея сестра, графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, умерла за годъ или за два до нея), то ея племянникъ и наслѣдникъ—Давыдовъ (сынъ ея сестры) выхлопоталъ высочайшее позволеніе прибавить къ своей фамиліи фамилію Орлова и получилъ графскій титулъ. Новосильцева изъ дочерей графа Владиміра Григорьевича была самая старшая; жила въ своемъ домѣ на Страстномъ бульварѣ, съ правой стороны, напротивъ Страстнаго монастыря [1]); оставила послѣ себя очень большое состояніе, цѣнимое не въ одинъ милліонъ.

III.

Въ Екатерининъ день 1825 года, былъ большой балъ у Апраксиныхъ, которые и послѣ замужества своихъ дочерей все еще тѣшили Москву, молодую невѣстку, а главное, самъ Степанъ Степановичъ былъ охотникъ давать праздники.

Мои молодые собрались ѣхать на балъ и тамъ Грушенькѣ Екатерина Сергѣевна Герардъ и шепчетъ на ухо: «Savez-vous ce que l'on dit: que l'empereur n'est plus». Извѣстіе это пришло въ Москву почти предъ самымъ баломъ. Что было тутъ дѣлать? Князь Дмитрій Владиміровичъ былъ въ большомъ затрудненіи: балъ у сестры, а получено извѣстіе, что государя не стало. Разсылать по всему городу и отказывать приглашеннымъ было поздно; такъ и промолчали въ этотъ ве-

---

[1]) Нынѣ домъ графа Владиміра Петровича Орлова-Давыдова.

черъ, но Голицынъ на балъ не поѣхалъ, и это всѣ замѣтили и смекнули, что̀ это значитъ, и на балѣ шепотомъ передавали другъ другу, что государь кончилъ жизнь.

На другой день печальное извѣстіе было возвѣщено всему городу. Разсказывать, что̀ сдѣлалъ въ свое царствованіе Александръ Благословенный, какъ жилъ и какъ скончался — дѣло исторіи, но про государя, какъ человѣка, можетъ разсказывать и старуха, которая жила въ его время.

Когда государь родился 12 декабря 1777 года, государыня Екатерина Алексѣевна была, говорятъ, внѣ себя отъ радости, что у нея родился внукъ, а главное — наслѣдникъ престола, и по этому случаю въ ту пору были большія празднества, маскарады и разныя веселости при дворѣ. Все это происходило въ Петербургѣ, въ 1777 году. Я была тогда еще ребенкомъ и только въ послѣдствіи слыхала объ этомъ времени отъ людей близкихъ ко двору. Было много милостей. Императрица съ первыхъ дней отняла внука у отца и матери и воспитывала его по своему желанію. «Вы свое дѣло сдѣлали», говаривала она имъ, «вы мнѣ родили внука; а воспитывать его предоставьте ужь мнѣ: это касается не васъ, а меня». Такъ они не смѣли и пикнуть. Бабушка няньчилась съ нимъ, и какъ только онъ сталъ смыслить и началъ ходить, былъ почти неотлучно при ней и росъ на ея глазахъ. Она очень имъ утѣшалась, видя, что мальчикъ смышленъ и красоты неописанной. Императрица придумала для него какую-то особенную, замысловатую азбуку; разумѣется, всѣ ахали, кричали: развѣ то, что̀ дѣлаетъ царствующая императрица, можетъ быть не хорошо! Всѣ накинулись на эту азбуку для своихъ дѣтей; сперва стали раскупать ее придворные, а тамъ, глядя на нихъ, и другіе, и въ нѣсколько дней книги и купить ужь было нельзя: пришлось опять ее печатать.

Великій князь Александръ Павловичъ былъ весьма любознателенъ, кротокъ, послушливъ и со всѣми обходителенъ, а меньшой братъ его, Константинъ, годами двумя его моложе, тоже преумный и пресмышленный, горячъ и запальчивъ и собою очень неприглядѣнъ. Въ концѣ 1780-хъ годовъ, не припомню, въ которомъ именно, государыня была въ Москвѣ, и мнѣ довелось тогда ее видѣть вблизи: она ѣхала въ каретѣ,

а предъ нею сидѣли ея внуки — Александръ и Константинъ, мальчики лѣтъ 10 и 8. Старшій былъ удивительно красивъ.

Воспитаніе ихъ было поручено императрицею Николаю Ивановичу Салтыкову, который потомъ былъ графомъ и свѣтлѣйшимъ княземъ, а учителя выписали изъ Швейцаріи, очень ученаго человѣка — Лагарпа.

Не было еще и пятнадцати лѣтъ Александру Павловичу, какъ стали говорить, что ему выбираютъ невѣсту. Вызваны были въ Петербургъ двѣ баденскія принцессы, изъ которыхъ старшая и полюбилась императрицѣ и великому князю; въ 1793 году, въ концѣ сентября, было вѣнчаніе: новобрачному было 16 лѣтъ, а молодой года на полтора менѣе.

Такая поспѣшность всѣхъ удивляла, и объ этомъ различно толковали, а люди, приближенные къ императрицѣ, зная, что она не очень нѣжна къ сыну, выводили изъ этого важныя заключенія. Передавали даже шепотомъ другъ другу, будто-бы у императрицы не разъ вырывалось въ самомъ короткомъ ея кружкѣ объ Александрѣ Павловичѣ: «сперва его обвѣнчаю, а потомъ увѣнчаю». Не могъ не знать этого великій князь Павелъ Петровичъ и это его еще болѣе, конечно, раздражало противъ матери, пристрастной ко внуку, и замѣтно охладило къ старшему сыну и къ невѣсткѣ.

Женивъ старшаго внука, императрица поспѣшила женить и втораго на принцессѣ кобургской Аннѣ Ѳедоровнѣ, — это было уже въ самый годъ кончины императрицы: свадьба была въ въ началѣ февраля 1796 года, а 6 ноября государыни не стало.

Александръ Павловичъ былъ такъ хорошъ собой и привлекателенъ, что на придворныхъ балахъ онъ всѣхъ мужчинъ превосходилъ красотою, и императрица не могла на него налюбоваться. Но онъ имѣлъ два недостатка: голову какъ-то вытягивалъ впередъ, и какъ его ни уговаривали, не могъ отстать отъ этой привычки и былъ тугъ на одно ухо. Его посылали съ Салтыковымъ лечиться въ чужіе края къ минеральнымъ водамъ, собирали знаменитыхъ врачей, но вылечить не могли. Онъ имѣлъ много примѣтъ и былъ довольно суевѣренъ. Въ его привычкахъ были нѣкоторыя особенности: такъ, поутру, вставая, онъ всегда сперва обувалъ лѣвую ногу и непремѣнно на нее становился, потомъ подходилъ къ окну

(какъ бы холодно на дворѣ ни было) и, отворивъ окно, съ четверть часа стоялъ, освѣжаясь воздухомъ; онъ называлъ это брать воздушную ванну (prendre un bain d'air).

Онъ не внушалъ страха, но располагалъ къ себѣ сердца; такое имѣлъ лицо, что глазъ оторвать отъ него не хотѣлось, такъ все и смотрѣлъ бы на него. Императрица тоже была въ первой молодости очень хороша, потомъ подурнѣла отъ красныхъ пятенъ на лицѣ, но по своей добротѣ и простотѣ въ обращенiи она была любима всѣми приближенными и ее окружавшими. Въ отношенiи ея добродѣтельной жизни ей нельзя сдѣлать ни малѣйшаго упрека: она была какъ тѣ благовѣрныя царицы древняго времени, которыя причислены къ лику праведныхъ.

Были люди, которые обвиняли Александра Павловича въ неискренности. Въ этомъ я не судья. Знаю только, что, несмотря на свои сердечныя увлеченiя, онъ былъ все-таки нравственнымъ и благочестивымъ человѣкомъ. Набоженъ онъ былъ съ молодыхъ лѣтъ и иногда говорилъ своимъ приближеннымъ, что желалъ бы оставить все и сдѣлаться монахомъ. Въ 1817 или 1818 году прiѣхала въ Петербургъ одна баронесса Крюднеръ, жена бывшаго нашего посла при прусскомъ дворѣ. Во время пребыванiя государя въ Парижѣ, она очень его привлекала своимъ умнымъ и живымъ разговоромъ и предсказала ему, что Бонапартъ не усидитъ на островѣ Эльбѣ, и когда это сбылось, государь къ ней сталъ имѣть особенное довѣрiе. Она была какая-то восторженная проповѣдница, въ родѣ миссiонерки-просвѣтительницы, которая всюду бродила и проповѣдывала обращенiе ко Христу Спасителю, словомъ, была презагадочная личность, пророчица не пророчица, а иллюминатка, и была почитаема нѣкоторыми за вдохновенную распространительницу христiанства. Другiе ее гоняли и досаждали ей, но она всякiя оскорбленiя переносила съ терпѣнiемъ и кротостiю. Государь часто видался съ нею, бывалъ нерѣдко у нея и просиживалъ по цѣлымъ вечерамъ. Сначала ея опасались, видя въ ней что-то необыкновенное; но когда государь показалъ къ ней расположенiе, около нея собрался цѣлый кружокъ поклонниковъ и послѣдователей ея ученiя. Ей хотѣлось было ходить по улицамъ въ Петербургѣ и проповѣдывать, но ей этого не дозво-

лили. Она имѣла сильное вліяніе на государя: старалась сблизить его съ императрицей, которая тоже къ ней имѣла не малое довѣріе, и это многимъ не нравилось, въ особенности сторонникамъ извѣстной Марьи Антоновны. Крюднерша и ее было хотѣла поймать на свою удочку, да только та не поддалась. Года три или четыре она прожила въ Петербургѣ, будучи въ большомъ довѣріи и фаворѣ, да только не съумѣла удержаться — проболталась, говорятъ, насчетъ нѣкоторыхъ предположеній касательно Греціи, про которыя государь передавалъ ей съ глазу на глазъ. Этимъ воспользовались люди, опасавшіеся ея вліянія и расположенія къ ней государя, поспѣшили посѣять въ его умѣ къ ней недовѣріе и наконецъ достигли того, что ей велѣно было даже выѣхать изъ Петербурга; это случилось въ 1822 году, въ то время, какъ мы тамъ были. Она отправилась куда-то въ Одессу или въ Крымъ проповѣдывать Евангеліе татарамъ; не разъ была въ опасности сдѣлаться мученицей и тамъ умерла незадолго до кончины государя. Но несмотря на немилость, въ которую она впала, ея вліяніе и послѣ ея отъѣзда было замѣтно: государь сталъ особенно богомоленъ, оказывалъ необыкновенное уваженіе къ духовенству и монашеству. Графиня Орлова этимъ воспользовалась и старалась втереть ко двору извѣстнаго отца Фотія; онъ не разъ бывалъ у государя, который съ нимъ подолгу бесѣдовалъ и цѣловалъ его руку, и будь Фотій помягче и пообщительнѣе съ вельможами, можетъ-быть, сдѣлался бы онъ лицомъ вліятельнымъ. Но онъ былъ крутъ и неподатливъ, да и слишкомъ прямъ въ разговорѣ: это многихъ встревожило; къ тому же, онъ былъ въ большой контрѣ съ княземъ Голицынымъ, тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія. Фотій обвинялъ его въ неправославіи, громко порицалъ книги духовнаго содержанія, тогда печатавшіяся, и называлъ ихъ бѣсовщиной и масонствомъ; все это государя мало-по-малу охладило къ Фотію, къ великому прискорбію Орловой, мечтавшей, можетъ статься, видѣть его и подъ бѣлымъ клобукомъ.

Государь любилъ ѣздить по монастырямъ и если слышалъ, что гдѣ-нибудь есть великіе старцы и подвижники, непремѣнно вступалъ съ ними въ бесѣду, просилъ ихъ благословенія и цѣловалъ руку. Такъ, онъ бывалъ на Валаамѣ,

въ Свирскомъ монастырѣ, въ Ростовѣ въ Яковлевскомъ и благоволилъ къ Амфилохію, котораго посѣтилъ въ кельѣ и долго у него сидѣлъ.

Очень замѣтно было, что государь чувствовалъ потребность общенія съ духовными людьми и что его душа жаждала назидательныхъ бесѣдъ, каковыхъ, конечно, нечего было ожидать отъ его окружавшихъ. Странно и непонятно, какъ государь съ такою прекрасною душой и съ такимъ добрымъ, мягкимъ сердцемъ, могъ быть расположенъ и имѣть своимъ любимцемъ человѣка, подобнаго Аракчееву. Кто жилъ въ то время, слыхалъ не мало о его крутостяхъ, жестокостяхъ и, можно сказать, безчеловѣчіи, и всѣмъ диковинно было, что при такомъ добромъ, истинно благословенномъ государѣ могъ держаться такой лютый временщикъ, который дѣлалъ, что̀ хотѣлъ. Что̀ было сдѣлано этимъ могущественнымъ любимцемъ, разумѣется, со временемъ позабудется, но люди, жившіе при немъ, долго не позабудутъ про ненавистную Аракчеевщину, причинившую много скорбей отдѣльнымъ лицамъ: и своими перемѣнами и новшествами, какъ отзывались люди знающіе, она надѣлала больше ломки и хлопотъ, чѣмъ принесла пользы.

Аракчеевъ былъ крутъ, жо̀стокъ, самонадѣянъ и оттого упрямъ и настойчивъ, а послѣдовательности въ своихъ дѣйствіяхъ не имѣлъ, и выходило, что онъ все строился на пескѣ.

IV.

Будучи отъ природы слабаго и нѣжнаго сложенія, императрица Елизавета Алексѣевна никогда не могла похвалиться здоровьемъ, а подъ конецъ, въ 1820-хъ годахъ, она стала все чаще и чаще прихварывать, и врачи рѣшили, что ей непремѣнно нужно жить въ тепломъ климатѣ. Государь, бывшій въ продолженіе многихъ лѣтъ въ холодныхъ къ ней отношеніяхъ, сталъ подъ вліяніемъ Крюднерши и другихъ благочестивыхъ совѣтчиковъ опять съ нею видимо сближаться и захотѣлъ вмѣстѣ съ нею отправиться на югъ Россіи.

Больше года уже императрица сильно кашляла и жаловалась на боль въ сердцѣ и груди; медики опасались призна-

ковъ чахотки, а можетъ быть, уже и находили ихъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ рѣшено было, что въ началѣ сентября государь и государыня отправятся въ Таганрогъ. Сперва поѣхалъ государь, а чрезъ день или дня два спустя — Елизавета Алексѣевна. Разсказывали, что императоръ точно имѣлъ предчувствіе, что ему не возвратиться, и за нѣсколько дней до отъѣзда изъ Царскаго Села его часто встрѣчали въ саду; онъ прогуливался одинъ и казался печальнымъ и унылымъ и, услышавъ однажды вечеромъ крикъ совы, онъ вздохнулъ и сказалъ кому-то изъ бывшихъ съ нимъ: «Cet oiseau de mauvaise augure, que nous présage-t-il»?

Предъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга, онъ заѣзжалъ въ Невскій монастырь, служилъ тамъ молебенъ у мощей, прощался съ митрополитомъ Серафимомъ и пожелалъ посѣтить келью бывшаго тамъ схимонаха. Увидѣвъ у него гробъ, онъ спросилъ его: «Для кого это?» — «Для меня, отвѣчалъ старецъ, чтобъ я не забывалъ, что всѣ мы гости на землѣ и чаще вспоминалъ бы о смерти». Прощаясь съ государемъ, схимникъ сказалъ ему: «Мы болѣе не увидимся...» Уѣзжая изъ монастыря, государь былъ очень печаленъ и при прощаніи съ митрополитомъ прослезился. Выѣхавъ изъ святыхъ воротъ, онъ нѣсколько разъ оглядывался назадъ, чтобы посмотрѣть еще на Невскую лавру. Митрополитъ стоялъ у св. воротъ и все благословлялъ его.

Императрица въ скоромъ времени послѣдовала за императоромъ и поселилась въ Таганрогѣ. Государь ѣздилъ дѣлать объѣзды въ ближайшихъ мѣстностяхъ: былъ на Дону и въ Новочеркаскѣ и снова возвращался въ Таганрогъ, какъ на постоянную квартиру. Онъ предполагалъ ѣхать въ Астрахань, но, по предложенію одесскаго градоначальника, графа Воронцова, поѣхалъ въ объѣздъ по южному берегу Крыма и во время этого путешествія захворалъ, — одни говорили, что отъ сильныхъ холодовъ онъ простудился, другіе утверждали, что онъ схватилъ крымскую лихорадку, нерѣдко весьма опасную. Графъ Воронцовъ уговорилъ государя заѣхать на перепутьи въ его приморскій загородный домъ, можетъ быть, ожидая, что послѣ отдыха государю станетъ легче. Лейбъ-медикомъ тогда былъ Вилье, родомъ либо ирландецъ, либо шотландецъ, пренастойчивый и преупрямый въ своихъ мнѣніяхъ;

онъ далъ государю лекарство, отъ котораго болѣзнь еще усилилась, и государь, до времени отложивъ начатое путешествіе, пожелалъ немедленно возвратиться въ Таганрогъ. Императрица ужаснулась, видя перемѣну въ государѣ, стала настаивать на консиліумѣ, но Вилье утверждалъ, что нѣтъ никакой опасности и что государь скоро оправится и едва-едва согласился посовѣтоваться съ лейбъ-медикомъ императрицы Штофрегеномъ. Государь, не получая облегченія отъ лекарствъ, пересталъ ихъ принимать, требовалъ воды со льдомъ, чувствуя внутренній необыкновенный жаръ. Разсердившись на Вилье, не велѣлъ его къ себѣ пускать. Въ Петербургѣ ничего этого не знали, извѣстили императрицу Марію Ѳеодоровну и великихъ князей, что государь захворалъ, но слегка, что̀ сначала нисколько никого не встревожило. Императрицу Елизавету Алексѣевну медики тоже успокаивали. Повѣрила ли она имъ, или нѣтъ, но она почти неотлучно находилась при больномъ, забывая свою собственную болѣзнь и не взирая на свою слабость. Государя также старались успокоить. Онъ грустно улыбался, качалъ головой и говорилъ обыкновенно: «Je sais à quoi m'en tenir», а раза два прибавилъ еще: «pourtant je ne voulais que du bien à tous, mais que la volonté de Dieu se fasse». Онъ былъ спокоенъ духомъ и какъ будто ожидалъ неминуемой смерти, когда ему начинали говорить о выздоровленіи. Императрица тревожилась, страдала, не отходила отъ одра болящаго. Должно быть, слыша постоянныя увѣренія, что нѣтъ опасности, и сама этому повѣрила или хотѣла себя увѣрить, и за день или за два до 17-го ноября писала вдовствующей императрицѣ: «послѣ тяжелыхъ дней сомнѣнія и опасности, есть надежда на скорое и совершенное выздоровленіе».

Недолго продолжалась эта надежда, потому что на двѣнадцатый день болѣзни государь скончался 19-го ноября. Послѣ успокоительныхъ извѣстій, которыя обнадеживали, внезапно полученное извѣщеніе о кончинѣ государя всѣхъ ошеломило, всѣ были убиты горемъ и совершенно растерялись. Въ Москву объ этомъ пришло извѣстіе въ Екатерининъ день, довольно поздно вечеромъ, а на другой день печальный звонъ колокола возвѣстилъ его всему городу. Много было различныхъ разговоровъ и предположеній на счетъ неожиданной для всѣхъ кончины государя.

Въ самый день кончины государя, императрица писала письмо ко вдовствующей императрицѣ; оно ходило тогда по рукамъ въ спискѣ и начиналось очень умилительными словами: «Нашъ ангелъ на небеси, а я еще все томлюсь на землѣ. Кто же могъ бы ожидать, что я, слабая и больная, переживу его?» И оканчивалось такъ: «Нахожу для себя утѣшеніе въ этомъ ужасномъ несчастіи только въ надеждѣ, что я его не переживу. Желаю и надѣюсь быть вмѣстѣ съ нимъ скоро и неразлучно».

V.

Извѣстіе о кончинѣ государя ужасно опечалило Москву: всѣ его любили, о немъ горевали и плакали. Особы чиновныя по классамъ облеклись въ трауръ, а мы, безклассныя дворянки, тоже сняли съ себя цвѣтное и надѣли черное платье. Разумѣется, прекратились всякія увеселенія, театры, балы,— все кончилось, и Москва притихла на долгое время; всѣ были въ какомъ-то страхѣ и ожиданіи, точно чуяли что̀ недоброе. Велѣно было всему чиновничеству и дворянству собираться въ Кремль и присягать новому государю, Константину Павловичу. Ходили разные смутные слухи объ отреченіи его отъ престола. Толковали, что такъ какъ у Константина Павловича дѣтей не было и онъ разошелся съ женой и вторично женился, то и царствовать не можетъ, а уступитъ престолъ младшему своему брату Николаю. Это происходило въ 1821—1823 году.

Конечно, это было дворцовою тайной, но тѣмъ не менѣе, кое-что выплывало и доходило и до насъ въ Москву.

Люди, хорошо извѣщенные о томъ, что̀ происходило при дворѣ, передавали, что извѣстіе о кончинѣ государя дошло въ Петербургъ ноября 27-го. Константинъ Павловичъ и Михаилъ Павловичъ были тогда въ Варшавѣ, а въ Петербургѣ императрица Марія Θедоровна и Николай Павловичъ, который помѣщался въ Аничковскомъ дворцѣ. Великій князь Николай Павловичъ ежедневно получалъ извѣстія изъ Таганрога; полученныя 25 и 26 числа подавали надежду, и потому 27 числа утромъ въ дворцовой церкви, послѣ обѣдни, должны были совершать молебствіе о здравіи государя. Императрица

стояла въ комнатѣ, смежной съ алтаремъ; тутъ же находился и великій князь, который далъ приказаніе, что ежели бы фельдъегерь пріѣхалъ во время службы, то чтобъ его вызвали незамѣтно. Только что отошла обѣдня и начался молебенъ, какъ великій князь увидѣлъ, что дверь изъ передней комнаты немного открылась и опять затворилась. Онъ поспѣшилъ выйдти и увидѣлъ графа Милорадовича съ такимъ смущеннымъ видомъ, что и безъ словъ понялъ, что все кончено. Тотъ подтвердилъ, что получено извѣстіе о кончинѣ государя. У великаго князя отъ потрясенія подкосились ноги, онъ опустился на стулъ и послалъ за государынинымъ лейбъ-медикомъ; когда тотъ пришелъ съ Милорадовичемъ, великій князь пошелъ съ нимъ въ ту комнату, гдѣ стояла императрица и, будучи не въ силахъ сказать ни слова, молча поклонился въ землю. Императрица, говорятъ, сразу поняла все и отъ неожиданности оцѣпенѣла; ее почти безъ чувствъ провели въ ея покои.

Великій князь Николай Павловичъ пошелъ въ церковь, чтобы немедленно принести присягу цесаревичу Константину Павловичу, какъ законному наслѣднику престола. Его примѣру послѣдовали прочіе, тутъ бывшіе сановники и находившіеся тогда въ Петербургѣ архіереи. Голицынъ, князь Александръ Николаевичъ, хотѣлъ, говорятъ, остановить великаго князя отъ присяги, зная распоряженія покойнаго государя и отреченіе Константина Павловича, и объявилъ ему, что есть завѣщаніе на этотъ предметъ, но великій князь не послушался. Подробностей большихъ не припомню: люди придворные все это разскажутъ какъ по писаному, а я передаю со словъ другихъ, что̀ слышала.

Въ Варшаву извѣстіе о кончинѣ, отправленное въ одно время, пришло раньше, чѣмъ въ Петербургъ. Константинъ Павловичъ былъ также пораженъ этимъ неожиданнымъ ударомъ. Онъ тотчасъ объявилъ брату Михаилу Павловичу, что давно отказался отъ престола, запретилъ называть себя государемъ и на другой же день поспѣшилъ отправить брата въ Петербургъ, объявляя и подтверждая, что наслѣдникъ престола Николай Павловичъ, а не онъ. Пока Михаилъ Павловичъ ѣхалъ въ Петербургъ, весь городъ уже присягнулъ Константину Павловичу и Москва тоже. Новая присяга другому

меньшому брату произвела въ Петербургѣ большую смуту, которую старались возбудить заговорщики, что̀ и случилось декабря 14-го.

Въ Москвѣ, слава Богу, все обошлось безъ тревогъ и волненій.

Ровно за недѣлю до Рождества Христова, декабря 18-го, вслѣдствіе распоряженій, послѣдовавшихъ изъ Петербурга, повѣщено было всѣмъ служащимъ и жителямъ Москвы, чтобы собрались въ Успенскій соборъ. Когда сановники, военные и гражданскіе, сенатъ и множество разныхъ лицъ туда съѣхались, преосвященный Филаретъ въ полномъ облаченіи вошелъ царскими вратами въ алтарь, вынесъ оттуда серебряный ковчегъ и, поставивъ его на столъ, приготовленный на амвонѣ, сказалъ рѣчь, что, по волѣ покойнаго государя, его завѣщаніе хранилось въ этомъ ковчегѣ.

Послѣ этой рѣчи преосвященный снялъ печать съ ковчега, вынулъ изъ него пакетъ, надписанный покойнымъ государемъ, и запечатанный его печатью. Когда пакетъ распечатали, нашли въ немъ манифестъ государя о томъ, что преемникъ его не Константинъ, а Николай, и собственноручное отреченіе отъ престола Константина Павловича, отъ 16-го августа 1823 года. Тайну эту знали только немногіе: императрица Марія, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ и архіепископъ Филаретъ, которому поручено было положить конвертъ въ ковчегъ Успенскаго собора. Николаю Павловичу это было совершенно неизвѣстно. Умирая, государь не заблагоразсудилъ открыть эту тайну ни императрицѣ и никому изъ бывшихъ съ нимъ въ Таганрогѣ, очень, впрочемъ, приближенныхъ и довѣренныхъ лицъ, ни князю Петру Михайловичу Волконскому, ни Дибичу, ни Чернышеву.

По прочтеніи манифеста и отреченія, всѣ стали присягать Николаю Павловичу, какъ законному наслѣднику.

Многіе полагали тогда, что манифестъ сочинялъ историкъ Карамзинъ, такъ какъ знали, что государь къ нему особенно благоволилъ, но потомъ оказалось, что манифестъ писалъ преосвященный Филаретъ, а послѣ того что-то еще прибавлялъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ; пакетъ ѳтотъ привезъ съ собою государь въ августѣ 1823 года и черезъ Голицына передалъ Филарету, который тогда же и вложилъ

его въ серебряный ковчегъ, стоявшій на престолѣ Успенскаго собора.

VI.

Тѣло императора Александра Павловича отпѣвали въ греческомъ монастырѣ во имя Св. Александра Невскаго. Монастырь этотъ, новый, былъ построенъ послѣ французовъ какимъ-то богатымъ грекомъ и стоилъ ему большихъ денегъ, чуть ли не до 700 тыс. рублей ассигнаціями. Послѣ отпѣванія, тѣло тамъ стояло довольно долго, такъ что процессія отправилась въ путь послѣ Рождества, и по случаю особенно жестокихъ въ тотъ годъ холодовъ, вѣтровъ и бурь, тѣло везли медленно, останавливались въ разныхъ губернскихъ большихъ городахъ по нѣсколько дней, и вездѣ было стеченіе народное около гроба неимовѣрное. По ночамъ останавливались въ селахъ и гробъ ставили въ церковь; народъ всюду встрѣчалъ и провожалъ. Когда стали приближаться къ Москвѣ, то на встрѣчу тѣла несмѣтныя толпы народа, духовенство, власти и генералитетъ отправились въ Коломенское, и все это пало на колѣна, когда показалась печальная колесница. Здѣсь дорожную колесницу перемѣнили на парадную. У всѣхъ церквей была встрѣча отъ духовенства; провожавшіе пѣшкомъ и въ экипажахъ тянулись болѣе чѣмъ на двѣ версты. Въ Москву къ заставѣ прибыли къ вечеру, и совершенно уже стемнѣло, когда въѣхали въ Кремль и внесли тѣло въ Архангельскій соборъ. Кто видѣлъ трогательное зрѣлище этого погребальнаго царскаго торжества, никогда его не позабудетъ.

Въ Москвѣ тѣло стояло только три дня и, сказываютъ, что днемъ и ночью народъ, не перемежаясь, все толпился въ соборѣ, несмотря на то, что соборы были еще въ ту пору холодные; изъ усердія то и дѣло ставили передъ гробомъ свѣчи.

При выѣздѣ изъ Москвы, были опять торжественные проводы къ Тверской заставѣ и далѣе; у Петровскаго дворца была литія, во Всѣхсвятскомъ встрѣча, и такъ до самаго Петербурга. Какъ тамъ встрѣчали и хоронили—порядкомъ разсказать не умѣю; слышала только, что передъ тѣмъ, какъ тѣлу туда прибыть, разнесся слухъ, что подъ Казанскимъ соборомъ (гдѣ оно должно было находиться до перенесенія въ Петро-

павловскую крѣпость) были, будто бы, подведены мины и что злоумышленники хотѣли разомъ взорвать все царское семейство. Доложили объ этомъ государю Николаю Павловичу, онъ этимъ ни мало не смутился, но приказалъ произвести осмотръ и оказалось, что все это были пустые слухи и что подъ соборомъ, гдѣ были просторные подвалы, снимаемые какимъ-то виноторговцемъ, были точно бочки, но только не съ порохомъ и не съ горючими веществами, а просто-напросто, съ виноградными винами; это всѣхъ успокоило.

VII.

Умирая, покойный государь Александръ Павловичъ поручилъ императрицу попеченію князя Петра Михайловича Волконскаго, его женѣ, княгинѣ Софьѣ Григорьевнѣ, сестрѣ его княжнѣ Варварѣ Михайловнѣ и дочери, княжнѣ Александрѣ Петровнѣ. Княгиня Волконская была дочерью князя Григорія Семеновича Волконскаго (родного брата тетушки Марьи Семеновны Римской-Корсаковой) и поэтому приходилась двоюродною сестрой сестрѣ, Екатеринѣ Петровнѣ Архаровой. Обѣ княжны, тетка и племянница, находились при императрицѣ, будучи ея фрейлинами и пользуясь особеннымъ ея расположеніемъ. Княжна Александра Петровна была въ послѣдствіи замужемъ за Павломъ Дмитріевичемъ Дурново. Императрица очень порывалась слѣдовать за тѣломъ государя, но при стоявшихъ тогда жестокихъ холодахъ и при слабости ея, отъ утомленія и горя, медики объявили, что ей рѣшительно невозможно тронуться съ мѣста, пока не наступитъ болѣе благопріятное время. Итакъ, ей пришлось дожидаться до послѣднихъ чиселъ апрѣля.

Въ день, назначенный для отъѣзда императрицы изъ Таганрога, едва не весь городъ собрался ее провожать: всѣ со слезами и очень далеко за городъ провожали ея карету, ѣхавшую довольно тихо. Государыня заранѣе извѣстила императрицу Марію Ѳеодоровну о своемъ выѣздѣ и просила ее пріѣхать къ ней для свиданія въ Калугу; оттуда предполагали провезти ее въ подмосковное имѣніе князя Волконскаго, вер-

стахъ въ двадцати отъ Москвы[1]), гдѣ бы она осталась дожидаться коронаціи, уже назначенной въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Путешествіе очень утомляло императрицу, и какъ ее ни уговаривали Волконскіе и медики дать себѣ отдыхъ и побыть гдѣ-нибудь подольше на одномъ мѣстѣ, она спѣшила добраться поскорѣе до Калуги, гдѣ императрица Марія Θеодоровна уже ея дожидалась. Въ Орлѣ ей стало еще хуже, т.-е., она стала еще слабѣе, но все-таки желала продолжать свой путь, 3-го мая пріѣхала въ Бѣлевъ, небольшой городъ между Орломъ и Калугой, и здѣсь до того ослабѣла, что сама почувствовала невозможность ѣхать далѣе и послала сказать императрицѣ Маріи, что проситъ ее пріѣхать. Волконскіе ужасно перетревожились, но больная ихъ успокоила и послала ихъ отдыхать, а при себѣ велѣла остаться только одной своей камермедхенъ и, говорятъ, ранѣе обыкновеннаго пожелала лечь въ постель и скоро започивала. Начинало уже разсвѣтать, когда дежурившая въ сосѣдней комнатѣ вздумала потихоньку войти въ спальную, чтобы посмотрѣть, что̀ тамъ дѣлается и, подошедши къ постели, нашла такую перемѣну въ лицѣ императрицы, что тотчасъ поспѣшила послать за лейбъ-медикомъ и Волконскими; едва они успѣли войти въ комнату, какъ государыня тихо и едва примѣтно испустила послѣднее дыханіе въ ночь съ 3-го на 4-е мая. Тотчасъ послали эстафету къ Маріи Θеодоровнѣ, которая, между тѣмъ, уже выѣхала изъ Калуги и направлялась къ Бѣлеву. Это печальное извѣстіе настигло ее, кажется, въ Перемышлѣ, верстахъ въ тридцати за Калугой. Можно себѣ представить ея пораженіе и печаль. Такъ, послѣ кончины государя Александра Павловича, его вдова не прожила и полугода. Императрица Марія, пробывъ недолгое время въ Бѣлевѣ, поѣхала въ Москву, гдѣ находилась тогда меньшая ея невѣстка, великая княгиня Елена Павловна, бывшая въ тягости и со дня на день ожидавшая разрѣшенія; въ половинѣ мая она родила дочь, которую въ память новопреставлен-

[1]) По всей вѣроятности, село Суханово, отъ Москвы 18 верстъ, отъ уѣзднаго города Подольска 12 верстъ. Тамъ прекрасный домъ и обширный паркъ; версты полторы оттуда мужской монастырь — Екатерининская пустынь, которую императоръ Александръ Павловичъ и императрица посѣтили, бывши въ гостяхъ у князя Волконскаго.

ной императрицы и назвали Елизаветою. Искренняя участница всѣхъ скорбей и радостей своей царственной семьи, императрица опять отправилась изъ Москвы встрѣчать тѣло въ Бозѣ почившей государыни. Повелѣно было преосвященному Филарету сдѣлать встрѣчу на границѣ Московской губерніи, и онъ для этого ѣздилъ въ Можайскъ, гдѣ тѣло было внесено въ соборный храмъ; наутро, въ присутствіи императрицы Маріи, Филаретомъ совершена литургія и сказано прекрасное надгробное слово, довольно краткое, но, помнится мнѣ, хорошо и вѣрно изображавшее добродѣтельную, праведную жизнь благочестивой государыни.

Тѣло везли на Москву тѣмъ же опять порядкомъ и на той же печальной колесницѣ, какъ и государя, и такъ же встрѣчали и провожали.

Недѣли полторы спустя послѣ этого печальнаго торжества, императрица Марія принимала отъ святой купели внучку свою великую княжну Елизавету Михайловну въ Чудовомъ монастырѣ, и по сему случаю преосвященнымъ Филаретомъ тамъ были произнесены два привѣтственныя краткія слова, которыя были напечатаны въ то время въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Не помню, гдѣ великая княгиня родила дочь, но потомъ она жила въ Кусковѣ и до коронаціи въ Петербургъ уже не возвращалась, а императрица Марія Ѳеодоровна имѣла пребываніе въ домѣ графа Разумовскаго на Гороховомъ полѣ. Въ послѣдствіи, великій князь Михаилъ Павловичъ купилъ домъ бывшій графа Головина[1]) на Остоженкѣ, и послѣ того онъ и великая княгиня, въ свои пріѣзды въ Москву, тамъ уже обыкновенно и пребывали; но это было послѣ первой холеры, кажется, если не ошибаюсь, въ 1831 году.

VIII.

Вслѣдъ за государемъ Александромъ Павловичемъ, стали умирать одинъ за другимъ люди, пользовавшіеся его благорасположеніемъ и не дождавшіеся свѣтлыхъ празднествъ но-

---

[1]) Нынѣ на этой мѣстности Лицей Цесаревича Николая.

ваго царствованія, все люди замѣчательные, вѣрой и правдой послужившіе государю и потрудившіеся для отечества.

Прежде всѣхъ умеръ графъ Румянцевъ, сынъ извѣстнаго Румянцева-Задунайскаго. Онъ былъ женатъ, великій любитель и собиратель древностей, рукописей и вообще разныхъ рѣдкостей и диковинокъ. Въ Москвѣ онъ живалъ не подолгу, служилъ при дворѣ, былъ канцлеромъ до 1812 года и все больше жилъ въ Петербургѣ; но мнѣ не разъ случалось видать его на большихъ балахъ,—очень благообразный и представительный вельможа. Подъ конецъ, говорятъ, совсѣмъ оглохъ и вживѣ уже разрушался. Румянцевскій домъ былъ на Покровкѣ, и тамъ во многихъ комнатахъ на потолкахъ были рисованныя и барельефныя изображенія баталій, гдѣ участвовалъ Задунайскій. Потомъ этотъ домъ купилъ какой-то купецъ и, конечно, соскоблилъ и счистилъ всѣ эти славныя воспоминанія, а вмѣсто нихъ, пожалуй, велѣлъ намалевать разныя цацы и по пряничному разукрасилъ стѣны.

Потомъ умеръ другой графъ—коротко знакомый намъ, жителямъ Москвы, бывшій нашъ генералъ-губернаторъ, графъ Θедоръ Васильевичъ Растопчинъ. Я про него хотя кой-что и разсказывала, но многаго не пришлось досказать. Что̀ тамъ ни говори про его дѣйствія во время французовъ въ Москвѣ, но Москва многимъ ему обязана, а главное тѣмъ, что онъ поджегъ ее, чѣмъ совершенно сгубилъ Бонапарта и его скопища, иначе бы мы отъ хищника и не избавились. Онъ не пожалѣлъ и собственнаго достоянія и прекрасный свой домъ въ Вороновѣ также поджегъ, чтобъ онъ не достался въ добычу врагамъ. Въ 1814 году онъ былъ смѣненъ, какъ главнокомандующій Москвы, и на мѣсто его поступилъ Тормазовъ, а онъ сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта. Послѣ выхода непріятеля изъ Москвы, онъ, какъ слышно было, остался не совсѣмъ доволенъ, что его заслуги и пожертвованія были приняты холодно и мало оцѣнены. У него осталась на сердцѣ заноза, и онъ съ тѣхъ поръ не служилъ, а только числился на службѣ и подолгу живалъ за границей. Можно упрекнуть его въ двухъ только случаяхъ: вопервыхъ, зачѣмъ онъ позволилъ неистовой черни растерзать Верещагина, ни въ чемъ, говорятъ, невиновнаго (если это такъ и онъ зналъ это, то отдастъ онъ отвѣтъ Богу), а во-вторыхъ, за малоду-

шіе, что написалъ книгу — **Правду о пожарѣ Москвы**, въ которой оправдывается отъ обвиненія, что онъ поджегъ Москву. Эта книжка была сперва напечатана на французскомъ языкѣ и послѣ того переведена на русскій, и тогда говорили, что настоящее ея заглавіе — **Неправда о пожарѣ Москвы**. Извиняться предъ врагомъ не слѣдовало: говори, что̀ хочешь, нечего объ этомъ заботиться, если совѣсть не коритъ. А что онъ придумалъ и поощрилъ поджечь Москву, въ этомъ всѣ мы были и остались увѣрены, что̀ онъ тамъ ни пиши. Домъ его былъ на Лубянкѣ, рядомъ съ домомъ, принадлежавшимъ, говорятъ, князю Пожарскому. Послѣ взятія Парижа нашими войсками въ 1814 году, Растопчинъ дѣлалъ для Москвы у себя большой праздникъ и, кажется, это было послѣднимъ блестящимъ угощеніемъ въ жизни этого человѣка, достойнаго лучшей участи, испытавшаго много превратностей, и величія, и прискорбія. Переставъ быть начальникомъ Москвы, онъ уѣхалъ въ чужіе края и, по возвращеніи своемъ, жилъ опять въ Москвѣ. Но люди, лебезившіе предъ нимъ во дни его правленія, мало о немъ помнили: онъ жилъ довольно уединенно, можетъ-быть и потому, что былъ не всегда сдержанъ въ разговорахъ и сужденіяхъ и вообще слылъ за человѣка недовольнаго, раздраженнаго и желчнаго. Жена его, племянница екатерининской камеръ-фрейлины Протасовой, вмѣстѣ съ теткой получившая графство, была ревностная католичка: одну изъ дочерей своихъ пристроивъ за французскаго графа Сегюра, хотѣла было и меньшую, дѣвицу лѣтъ семнадцати или восемнадцати, обратить въ латинство, но дѣвица не поддавалась. Она была собой очень хороша и умерла отъ чахотки въ первой молодости, и какъ ее ни преслѣдовала мать своими уговариваніями, умерла въ православіи. Тогда много толковали о томъ, какъ графиня втихомолку отъ мужа тарантила около больной со своими аббатами, но, къ счастію, не успѣла въ своихъ интригахъ.

Не знаю, былъ ли графъ Ѳедоръ Васильевичъ особенно богомоленъ и набоженъ, но онъ былъ приверженъ ко всему русскому и скончался въ духѣ православія, какъ хорошій и настоящій христіанинъ. Онъ запретилъ хоронить себя съ пышностію и завѣщалъ, чтобы тѣло отпѣвалъ только одинъ приходскій священникъ, что̀ и было исполнено: его отпѣвалъ

священникъ церкви Введенія, на Лубянкѣ, а схоронили на Пятницкомъ кладбищѣ [1]).

Третье лицо, вскорѣ послѣ императора Александра Павловича за нимъ послѣдовавшее, былъ извѣстный историкъ Карамзинъ. Не будучи ни знатнымъ, ни чиновнымъ, онъ пользовался особымъ благоволеніемъ покойнаго государя и обѣихъ императрицъ, которыя были съ нимъ въ постоянной переапискѣ и очень его любили. Его здоровье давно уже начинало слабѣть отъ многолѣтнихъ трудовъ и продолжительныхъ занятій; онъ прихварывалъ, но скоро потомъ оправлялся; лѣтъ ему было еще немного—шестьдесятъ съ чѣмъ-нибудь. Въ началѣ декабря мѣсяца, стало-быть, въ скорости послѣ полученія въ Петербургѣ извѣстія о кончинѣ государя, онъ, по обыкновенію своему, отправился во дворецъ къ императрицѣ, долго тамъ пробылъ, говорилъ много съ жаромъ и одушевленіемъ и, по возвращеніи домой, былъ въ лихорадочномъ состояніи, и это отозвалось на его здоровьѣ. Потомъ онъ простудился въ день смуты, 14-го декабря, потому что отправился на площадь, гдѣ находился государь, и послѣ того до вечера пробылъ во дворцѣ. Въ началѣ января онъ заболѣлъ, а въ первыхъ числахъ февраля дошли до насъ слухи въ Москву, что Карамзинъ смертельно занемогъ, что у него воспаленіе, что его жизнь въ опасности. Недѣли черезъ двѣ или три сказываютъ, что ему стало легче, но что онъ кашляетъ, что опасаются чахотки и потому совѣтуютъ ему ѣхать съ наступленіемъ весны въ Италію. Тутъ онъ рѣшился просить себѣ у новаго государя мѣста для службы при итальянскомъ дворѣ, но государь, вмѣсто этого, приказалъ выдать ему значительную сумму денегъ и снарядить для него особый фрегатъ, для путешествія водою. Всѣ были въ восхищеніи отъ такой внимательности и милости государя къ русскому историку, для котораго, кромѣ того, велѣно было еще отвести помѣщеніе въ Таврическомъ дворцѣ, чтобы больной до своего отъѣзда могъ дышать лучшимъ воздухомъ, чѣмъ въ спертыхъ улицахъ города.

---

[1]) Домъ графа Растопчина, купленный въ послѣдствіи графомъ Орловымъ-Денисовымъ, принадлежалъ послѣднему и его сыну болѣе пятнадцати лѣтъ; послѣ того былъ купленъ Шиповымъ и совершенно утратилъ прежній свой видъ.

Императрица Марія Θеодоровна, собираясь къ намъ въ Москву и потомъ на встрѣчу къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, нечаянно пріѣхала къ Карамзину, чтобы съ нимъ проститься, и очень его этимъ порадовала. Но вскорѣ послѣ того, ему стало опять хуже. Она посылала къ нему своего лейбъ-медика (не помню фамиліи), и онъ очень ее огорчилъ, сказавъ ей, что Карамзинъ въ безнадежномъ положеніи, что у него чахотка и что ѣхать ему въ чужіе края не придется. Въ маѣ стало ему еще хуже, пришло извѣстіе о кончинѣ императрицы въ Бѣлевѣ, и это ускорило его смерть: онъ умеръ въ послѣднихъ дняхъ мая мѣсяца. Государь ѣздилъ къ его тѣлу и очень плакалъ. Тяжелы были для Россіи 25-й и 26-й годъ, велики были для нея потери и потрясенія; многія семейства оплакали близкихъ умершихъ и живыхъ покойниковъ, принимавшихъ участіе въ мятежѣ.

IX.

Заговоръ 14-го декабря слишкомъ всѣмъ извѣстенъ и распространяться о немъ мнѣ нѣтъ нужды, но о нѣкоторыхъ лицахъ, въ немъ замѣшанныхъ, могу и я, можетъ статься, сказать чтò нибудь, нигдѣ не напечатанное. Въ числѣ ихъ были, къ несчастію, и мои родственники, родственники моихъ родныхъ и люди, знакомые мнѣ и близкіе.

Давно заваривалась эта каша въ разныхъ концахъ Россіи: въ Крыму, въ Кіевѣ, въ Петербургѣ и Москвѣ. Еще въ бытность мою въ Петербургѣ въ 1822 году доходили до меня смутные слухи, что есть какія-то тайныя общества и что они трактуютъ о разныхъ перемѣнахъ въ Россіи, и признаюсь, какъ многіе, считала и я все это глупою выдумкой и пустыми сплетнями. Тогда не обратили на это должнаго вниманія, дали деревцу разростись въ дерево и пустить глубокіе корни, такъ что подъ конецъ пришлось вступать въ борьбу съ легіономъ злоумышленниковъ. Буря разразилась при восшествіи на престолъ новаго государя: начались слѣдствія, составлена слѣдственная верховная комиссія, которая разбирала вины мятежниковъ, и были онѣ раздѣлены на сколько-то классовъ. Донесеніе комиссіи было потомъ напечатано,

какъ и списокъ лицъ виновныхъ; мнѣ добыли и то, и другое.

Самыми главными коноводами были: Пестель, Каховскій, Рылѣевъ, Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ; ихъ всѣхъ повѣсили предъ Петропавловскою крѣпостью, іюля 13 дня 1826 года. Въ день казни государя въ Петербургѣ не было: онъ заранѣе уѣхалъ въ Царское Село. Онъ хотѣлъ было, говорятъ, помиловать отъ смертной казни и этихъ зачинщиковъ, какъ онъ сдѣлалъ въ отношеніи нѣкоторыхъ другихъ мятежниковъ, но люди приближенные, а кто говоритъ, что и самъ митрополитъ Серафимъ и другіе члены Святѣйшаго Синода, прослышавъ о намѣреніяхъ государя, возстали противъ монаршаго милосердія и уговорили его показать примѣръ строгости надъ главными возмутителями, и государь послушался ихъ совѣтовъ. Для всѣхъ прочихъ государь смягчилъ приговоры Верховной Комиссіи, и хотя нѣкоторые были обречены на казнь, ихъ только сослали, осужденнымъ на ссылку убавилъ число лѣтъ пребыванія въ Сибири и сдѣлалъ всѣмъ облегченія.

Отецъ Пестеля былъ при императорѣ Александрѣ гдѣ-то въ Сибири губернаторомъ, вслѣдствіе безпорядковъ по управленію, и за начеты на него былъ удаленъ изъ службы и жилъ у себя въ деревнѣ въ великой скудости. Послѣ казни его сына, государь, узнавъ, что старикъ въ нуждѣ, велѣлъ дать ему аренду и послалъ пятьдесятъ тысячъ деньгами, а меньшого сына, брата повѣшеннаго, взялъ къ себѣ во флигель-адъютанты. Это было въ то время разсказываемо съ восхищеніемъ, и всѣ приходили въ умиленіе отъ царскаго великодушія и милосердія.

Кто былъ Рылѣевъ: сынъ ли или родственникъ бывшаго при императрицѣ Екатеринѣ II петербургскаго губернатора, или убитаго въ 1812 году генерала, и на комъ онъ былъ женатъ, — не имѣю понятія; знаю только, что у него было нѣсколько человѣкъ дѣтей, малъ-мала меньше. Вдова его отъ горя, что мужа казнили, тронулась въ умѣ. Государь узналъ объ этомъ; посылалъ навѣдываться объ ней, хотѣлъ взять ее на свое попеченіе, во всемъ обезпечить, велѣлъ ей сказать, что онъ беретъ подъ непосредственное свое покровительство ея дѣтей и позаботится объ ихъ судьбѣ, и велѣлъ узнать, не

имѣетъ ли она какихъ нуждъ. Но она, раздраженная горемъ, какъ разсказывали, отвергла милостивую заботливость государя и ничего не захотѣла принять ни для себя, ни для дѣтей.

Кромѣ Муравьева-Апостола, котораго повѣсили (Сергѣя Ивановича), и двухъ его братьевъ, были замѣшаны еще дѣти Михаила Никитича Муравьева (не Апостола), женатаго на Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Колокольцевой. И мужъ, и жена были люди весьма достойные и уважаемые. Муравьевъ-отецъ былъ нѣкоторое время попечителемъ Московскаго университета, потомъ завѣдывалъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и былъ сенаторомъ; онъ умеръ до двѣнадцатаго года, оставивъ вдову еще довольно молодыхъ лѣтъ.

Она посвятила себя воспитанію двухъ мальчиковъ, жила только для нихъ и полагала въ нихъ все свое счастіе. Старшій, Никита, былъ очень уменъ, честолюбивъ, предпріимчивъ и смѣлъ, но благороденъ. Онъ учился успѣшно, служилъ хорошо и женился на прекрасной собою, знатной и богатой графинѣ Чернышевой, дочери графа Григорія Ивановича (двоюроднаго брата княгини Натальи Петровны Голицыной). Братъ этой молодой Муравьевой, Захаръ Григорьевичъ, единственный сынъ у отца (имѣвшаго нѣсколько дочерей), былъ тоже замѣшанъ въ декабрьскій мятежъ и вмѣстѣ съ Муравьевыми и другими сосланъ въ Сибирь. Родная тетка Никиты Муравьева была за Лунинымъ (роднымъ братомъ Александра Михайловича), и ея сынъ, двоюродный братъ Муравьевыхъ, тоже попалъ въ этотъ омутъ и былъ сосланъ. Когда графъ Григорій Чернышевъ умеръ и фамилія его въ мужскомъ родѣ пресѣклась (сынъ его, Захаръ, будучи сосланъ, лишенъ былъ и графства), то старшая изъ дочерей Чернышева, вышедшая замужъ за Кругликова, приняла титулъ и фамилію отца и составилась новая отрасль Чернышевыхъ-Кругликовыхъ.

Несчастная мать двухъ Муравьевыхъ была въ великой горести и въ продолженіе слѣдствія и заключенія сыновей, постарѣла на десятокъ лѣтъ; она обращалась, къ кому могла и просила ходатайствовать. Кажется, что княгиня Наталья Петровна Голицына, близкая къ императрицѣ Маріи и уважаемая новымъ государемъ и императрицею, содѣйствовала помилованію отъ смертной казни ея племянника Чернышева и

Муравьевыхъ; можетъ статься, что просила и за другихъ. Жена Никиты Муравьева не захотѣла его оставить и послѣдовала за нимъ въ ссылку, гдѣ она и умерла въ началѣ 1830-хъ годовъ, а лѣтъ чрезъ десять спустя умеръ и онъ. Тамъ въ Сибири родилась у нихъ дочь, которую по смерти отца привезли къ бабушкѣ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ, и она должна была няньчиться со внукою на старости лѣтъ.

Много было молодыхъ людей изъ лучшихъ и извѣстнѣйшихъ фамилій замѣшано въ эту смуту. Имена нѣкоторыхъ я помню: князь Волконскій, князь Щепинъ-Ростовскій, князь Одоевскій, князь Оболенскій, князь Трубецкой, князь Голицынъ, графъ Коновницынъ, баронъ Розенъ, графъ Чернышевъ и многіе другіе.

Князь Оболенскій, Евгеній Петровичъ (сынъ князя Петра Николаевича, женатаго на Кашкиной), родной племянникъ нашего сосѣда, храбровскаго князя Алексѣя Николаевича, принималъ участіе въ мятежѣ 14-го декабря, какъ одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ; онъ былъ сперва осужденъ на смертную казнь, но государь смягчилъ приговоръ, и онъ былъ сосланъ въ Сибирь. Родная тетка этого Оболенскаго, дѣвица Кашкина, была фрейлиною при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, а отецъ ея (у котораго было много дѣтей, человѣкъ десять или двѣнадцать) былъ нѣкоторое время генералъ-губернаторомъ у насъ въ Калугѣ, уже послѣ моего замужества, и батюшка былъ съ нимъ знакомъ и въ хорошихъ отношеніяхъ. Онъ губернаторствовалъ недолго, года два-три, и умеръ лѣтъ шестидесяти или даже моложе. Я слыхала, что въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II, когда стряслась бѣда надъ Мировичемъ и онъ былъ отданъ подъ судъ, то слѣдствіе по этому дѣлу было поручено произвести Кашкину, и чрезъ это ему послѣ того очень повезло, такъ что онъ, не имѣя еще сорока лѣтъ и до своего губернаторства въ Калугѣ, былъ уже генералъ-губернаторомъ въ другихъ губерніяхъ и въ послѣднее время имѣлъ Александровскую ленту.

Родной племянникъ моей невѣстки, Марьи Петровны Римской-Корсаковой, сынъ ея сестры Елены Петровны, бывшей за Сергѣемъ Васильевичемъ Толстымъ, Владиміръ Сергѣевичъ, тоже былъ въ числѣ замѣшанныхъ въ заговоръ и хотя онъ былъ не изъ главныхъ зачинщиковъ, однако, не мино-

валъ ссылки. Елены Петровны не было уже въ живыхъ, но Сергѣй Васильевичъ былъ еще живъ, и для отца это было большое горе. Очень хлопотали тогда, чтобы выручить молодого человѣка, которому и двадцати лѣтъ еще не было; кого-кого ни просили, отстоять не могли.

По родству съ княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ, просили и его принять участіе и похлопотать за правнука. Старый вельможа, начавшій службу еще при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ Семилѣтнюю войну (въ которой участвовалъ и батюшка), вѣрою и правдою служившій Екатеринѣ, Павлу и Александру, сперва и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы просить за виновныхъ: «Кто противится своему государю, за того я не челобитчикъ; нечего и жалѣть этихъ крамольниковъ, подѣломъ вору и мука». Потомъ его, кажется, склонили просить за Толстого, но, однако, безъ успѣха.

И мой родной племянникъ, князь Александръ Вяземскій, запутался въ этомъ дѣлѣ, и, можетъ статься, ему пришлось бы очень худо, ежели бы не ходатайствовалъ за него старшій братъ князь Андрей, который не только не участвовалъ въ заговорѣ, но доказалъ свою вѣрность государю во время смуты 14 декабря, бывъ на площади и охраняя государя и наслѣдника. Онъ просилъ за брата, и его просьбу уважили; однако, князя Александра перевели въ армію тѣмъ же чиномъ и запретили ему на нѣкоторое время въѣздъ въ столицы. Отецъ на него сердился, на первыхъ порахъ видѣть не хотѣлъ и лишилъ было наслѣдства, но братъ, скрывъ завѣщаніе отца, раздѣлилъ съ нимъ пополамъ отцовское имѣніе. Во время турецкой кампаніи князь Александръ участвовалъ въ походѣ, былъ подъ Адріанополемъ и тѣмъ немного загладилъ свой безумный поступокъ; но онъ всегда рѣзко и язвительно отзывался про государя и государыню, конечно, не при мнѣ и не у меня въ домѣ, а то я бы и принимать его перестала.

Былъ у меня еще одинъ родственникъ, мужъ одной изъ моихъ племянницъ, который просидѣлъ шесть мѣсяцевъ въ крѣпости, и такъ какъ онъ носилъ фонтанель, чтобы оттягивать приливы крови отъ головы, а въ крѣпости съ этимъ возиться ему, конечно, было нельзя, то онъ вскорѣ послѣ того и ослѣпъ и умеръ много лѣтъ спустя, и ни одного изъ

своихъ дѣтей, кромѣ старшаго ребенка, родившагося въ 1824 году, ему не пришлось видѣть. По выходѣ изъ крѣпости, онъ былъ долженъ прожить безвыходно десять лѣтъ въ деревнѣ, не смѣя выѣзжать ни въ одну изъ столицъ. Послѣ 1836 года, онъ живалъ съ семействомъ въ Москвѣ по зимамъ, но въ Петербургъ не ѣздилъ. Старшій его братъ, болѣе его замѣшанный, выпутался какъ-то изъ бѣды и не только что вышелъ сухъ изъ воды, но послѣ того служилъ, былъ въ генеральскомъ чинѣ, имѣлъ ленты и умеръ, кажется, будучи сенаторомъ и на весьма хорошемъ счету у правительства, потому что его посылали ревизовать губерніи.

Не умѣю теперь назвать, кто изъ замѣшанныхъ въ заговорѣ, года за два или за три до того, былъ въ Саровской пустыни, гдѣ тогда жилъ прославившійся своею святою жизнью старецъ отецъ Серафимъ. Только вотъ какъ было дѣло: два брата пріѣхали въ Саровъ и пошли къ старцу (думается мнѣ, что это были два брата Волконскихъ); онъ одного изъ нихъ принялъ и благословилъ, а другому и подойти къ себѣ не далъ, замахалъ руками и прогналъ. А брату его про него сказалъ: «что онъ замышляетъ недоброе, что смуты не окончатся хорошимъ, и что много будетъ пролито слезъ и крови», и совѣтовалъ образумиться во время. И точно, тотъ изъ двухъ братьевъ, котораго онъ прогналъ — попалъ въ бѣду и былъ сосланъ.

Была въ Москвѣ одна очень богатая женщина, Анна Ивановна Анненкова. Она имѣла сына, попавшаго въ заговоръ, за что онъ и былъ приговоренъ къ ссылкѣ. Ему нравилась одна француженка; кто она была—цвѣточница ли, торговка ли какая или гувернантка — порядкомъ не знаю, но только не важная птица, впрочемъ, державшая себя хорошо и честно.

Когда она узнала, что Анненкова ссылаютъ, она явилась и говоритъ его матери: «Вашъ сынъ меня любитъ и я раздѣляю его привязанность; выдти за него замужъ при прежнихъ его обстоятельствахъ я не рѣшилась бы, потому что чувствую великую разницу его и моего положенія; но теперь, когда онъ несчастливъ и назначенъ въ ссылку, я его не брошу, послѣдую за нимъ, и ежели вы намъ дадите ваше благословеніе, я буду его женой». Анненкова была очень тронута такимъ благороднымъ поступкомъ, обняла эту молодую дѣ-

вушку и сказала ей, что какъ ни горько ей терять сына, но она спокойнѣе отпуститъ его, зная, что онъ будетъ имѣть при себѣ жену, такую достойную, благородную и любящую женщину. Отъ этого брака у Анненковой были двѣ ли, три ли внучки, которыя воспитывались у бабушки, жившей на Самотекѣ на Садовой, въ своемъ домѣ.

У этой Анненковой жила при ея внучкахъ Варвара Аѳанасьевна Дохтурова, дочь родной сестры дядюшки графа Степана Ѳедоровича Толстого. Это было въ 1836 или 1838 году. Мужъ Варвары Ѳедоровны былъ генералъ и богатый человѣкъ, но большой игрокъ, который проигралъ все, что̀ имѣлъ, такъ что послѣ его смерти бѣдная его жена и двѣ дочери остались ни при чемъ. Старушка въ скорости умерла, а дочери—Марья Аѳанасьевна и Варвара Аѳанасьевна принуждены были жить въ людяхъ. Старшая, Марья, большая мастерица въ живописи и рисованьи, жила у хорошей моей знакомой Настасьи Владиміровны Бееръ (урожденной Ржевской), двоюродной сестры тетушки Марьи Степановны Татищевой (по себѣ тоже Ржевской), а Варвара Аѳанасьевна—у Анненковой, и получала по двѣ тысячи ассигнаціями въ годъ жалованья; потомъ у нея сдѣлалась водянка и она умерла въ 38 или 39 году.

Эта Дохтурова много разсказывала про удивительныя странности и причуды старухи Анненковой. Такъ, напримѣръ, она спала не на перинѣ, не на пуховикѣ или матрасѣ, а на капотахъ.

— Какъ это—на капотахъ? спрашиваю я.

— Да такъ: ей постилаютъ каждый вечеръ на кровать ваточные шелковые капоты, которыхъ у ней было болѣе двухъ десятковъ, и, постлавъ одинъ, его разглаживаютъ утюгомъ, потомъ стелютъ другой, третій и сколько понадобится, и каждый разглаживаютъ, чтобы не было ни одной складки, и постлавъ простыню, гладятъ опять утюгами, чтобы постель нагрѣлась и не остыла. Если старуха ляжетъ и почувствуетъ гдѣ-нибудь складку, зоветъ горничныхъ, всѣ капоты съ постели долой и опять съизнова начинается стилка и глаженье.

Она любила, чтобъ у ней было много живущихъ въ домѣ, и когда случалось, что двѣ или три изъ приживалокъ и компаньонокъ почему-нибудь не обѣдаютъ за столомъ, она сер-

дилась: «Куда же это всѣ разошлись и за столомъ сегодня такъ мало»?

У нея была одна пожилая и толстая нѣмка, которой вся обязанность только въ томъ и состояла, чтобы нагрѣвать то кресло, на которомъ сиживала обыкновенно Анненкова, и потому за полчаса до ея выхода изъ спальни, нѣмка придетъ и сядетъ на ея мѣсто и уступаетъ, когда та придетъ.

И много разныхъ другихъ причудъ и странностей имѣла она. Если кто похвалитъ что-нибудь изъ ея вещей, тотчасъ приступитъ непремѣнно: возьми, и не отстанетъ, пока не принудитъ взять. Зная эту ея слабость, многіе изъ окружавшихъ ее тѣмъ пользовались и, умышленно хваля, что̀ имъ нравилось, выпрашивали желаемое.

X.

Въ этомъ же 1826 году, апрѣля 20-го, я лишилась сестры своей, монахини Зачатіевскаго монастыря, матери Аѳанасіи. Она всегда говаривала, что желала бы предъ смертью нѣсколько деньковъ поболѣть, успѣть исполнить долгъ христіанскій и такъ умереть. По ея желанію Господь послалъ ей и кончину. Еще на шестой недѣлѣ стала она себя плохо чувствовать и говорила мнѣ:

— Ну, сестра, скоро мы съ тобой разстанемся; я не долго наживу, чувствую, что приходитъ мое послѣднее время.

— Да что̀ же ты чувствуешь? допрашивала я ее. — Пошлемъ за докторомъ...

— Нѣтъ, милая моя, не нужно, особеннаго я ничего не чувствую, а знаю, что скоро умру.

Это меня очень тревожило; я очень ее любила. Она черезъ силу все еще ходила въ церковь. Я каждый день съ нею видалась.

Въ великій пятокъ она до того ослабѣла, что въ церковь не могла уже идти, но перемогалась, чувствуя себя очень не хорошо, и все еще надѣялась, что отдохнувъ на слѣдующій день, она будетъ въ силахъ выстоять продолжительную заутреню подъ Пасху. Я ей не противорѣчила, чтобъ ее не огорчить, но видѣла, что не въ церкви, а въ постели придется ей встрѣчать этотъ свѣтлый праздникъ, что и случи-

лось... Тутъ я невольно вспомнила, что она мнѣ за годъ предъ тѣмъ говорила въ Пасху:

— Знаешь ли, сестра, мнѣ почему-то кажется, что я въ послѣдній разъ встрѣтила Пасху въ церкви; вѣрно я не доживу до слѣдующаго года.

Предчувствіе ея сбылось: она дожила, но въ церкви не могла уже быть.

Пасха была 18-го апрѣля, а во вторникъ, 20-го числа, сестра скончалась на пятьдесятъ первомъ году отъ рожденія. Она, можетъ статься, скончалась бы и въ понедѣльникъ, но монахини не дали ей умереть покойно и на цѣлыя сутки продлили ея муки. Когда я пришла къ ней въ понедѣльникъ послѣ обѣда, она уже совсѣмъ кончалась; вдругъ монахини притащили къ постели рогожу и разостлали на полу.

— Чтò это такое? спрашиваю я.—«Это для матушки, говорятъ онѣ,—она кончается, такъ слѣдуетъ померѣть на рагозинѣ».

Я не вытерпѣла и ушла въ другую комнату, а онѣ взяли больную и стащили на полъ на рогожу.

Она было позабылась, вдругъ ее берутъ и кладутъ на полъ,—каково это?

Можетъ статься, по ихнему, по монашескому, такъ это и должно быть; но, признаюсь, близкому человѣку видѣть это очень тяжело. Бѣдная сестра стала бредить, отъ испуга сдѣлались у ней корчи, и она, при всемъ своемъ смиреніи и кротости, начала роптать, можетъ-быть, и въ бреду. Я не могла равнодушно смотрѣть на нее въ такомъ положеніи, простилась съ нею, горько заплакала и отправилась домой, а она еще всю ночь прострадала и скончалась къ утру. Отпѣвали ее въ пятницу, и такъ какъ это было на Святой недѣлѣ, то пѣли Христосъ воскресе, а мы, всѣ родные, находившіеся на погребеніи, были въ бѣломъ, и не похоже было на похороны.

Схоронить ее мы рѣшили въ Даниловѣ монастырѣ, такъ какъ тамъ были уже схоронены нѣкоторые изъ нашихъ Римскихъ-Корсаковыхъ: тетушка Марья Семеновна, дядюшка Александръ Васильевичъ и другіе, а въ послѣдствіи тамъ положили и брата Николая Александровича, и его сестру Елизавету Александровну Ржевскую.

Тамъ была схоронена и няня покойной сестры, Вѣра Дементьевна, которую она очень любила, и потому рядомъ съ нею положили и сестру. Эта потеря для меня была очень чувствительна, и я долгое время тосковала, а потому не хотѣлось мнѣ посмотрѣть ни на какое торжество изъ бывшихъ въ августѣ, по случаю коронаціи.

XI.

О коронаціи государя Николая Павловича начинали было поговаривать еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и думали совершить ее въ іюнѣ; но когда пришло въ Петербургъ извѣстіе о кончинѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны, велѣно было прекратить всѣ приготовленія къ коронованію и было оно отложено до августа мѣсяца, причемъ снова наложенъ глубокій трауръ на полгода, но потомъ, по случаю коронаціи, онъ былъ сокращенъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда окончился судъ надъ заговорщиками, и самыхъ главныхъ преступниковъ казнили, то чтобы скорѣе изгладить грустное и тяжелое впечатлѣніе, которое это на всѣхъ произвело, и чтобы положить конецъ разнымъ глупымъ и злоумышленнымъ толкамъ на счетъ того, кто будетъ государемъ, сочли нужнымъ поспѣшить коронованіемъ, и у насъ въ Москвѣ начались въ Кремлѣ приготовленія для этого торжества.

Въ ту пору были еще люди, которые помнили коронацію императрицы Екатерины (а Павловскую и Александровскую я и сама помнила) и говорили, что такой торжественности и пышности при прежнихъ не было.

Дворъ прибылъ въ Москву около 20 іюля, а государь и государыня, какъ это издавна вошло въ обычай, по пріѣздѣ съ дороги имѣли сперва пребываніе въ Петровскомъ дворцѣ, и только чрезъ нѣсколько дней торжественно, въ золотыхъ каретахъ, въѣхали въ Москву. Императрица ѣхала съ великимъ княземъ наслѣдникомъ въ каретѣ, а государь императоръ верхомъ; съ нимъ былъ великій князь Михаилъ Павловичъ, братъ императрицы прусскій принцъ и большая свита. Послы отъ иностранныхъ дворовъ имѣли также въ этотъ день торжественный въѣздъ; по обѣимъ сторонамъ по

пути были выстроены войска и, гдѣ можно, были устроены подмостки и мѣста для зрителей, чего въ прежнія коронаціи, кажется, не бывало.

За нѣсколько дней до самаго торжества, по улицамъ начали разъѣзжать герольды въ своихъ богатыхъ нарядахъ, останавливались на площадяхъ, на перекресткахъ, трубили въ трубы, читали повѣстку и раздавали печатныя объявленія о днѣ коронованія. Сперва хотѣли совершить его августа 15-го, въ Успеньевъ день, но потомъ отложили на недѣлю: разочли, что это и безъ того большой праздникъ и розговѣнье и что потому неудобно,—назначили на 22 число.

Еще поджидали пріѣзда великаго князя Константина Павловича; онъ прибылъ наканунѣ Успенія, никого не предупредивъ о днѣ пріѣзда, и это вышло неожиданностью. Во время царскихъ пріѣздовъ, Кремль съ поконъ вѣка всегда кишитъ народомъ, всѣ надѣются, не выйдетъ ли государь; вотъ Николай Павловичъ и вышелъ на балконъ съ двумя братьями, Константинъ направо, Михаилъ налѣво, народъ закричалъ ура и кричалъ такъ громко и такъ долго, что молодая императрица, сказываютъ, перетревожилась: свѣжи были еще въ ея памяти происшествія декабря мѣсяца въ Петербургѣ.

При первомъ свиданіи цесаревича съ братомъ, которому онъ уступалъ престолъ, когда тотъ хотѣлъ обнять его, онъ схватилъ руку его и поцѣловалъ, какъ подданный у своего государя. Пріѣздъ Константина Павловича былъ очень нуженъ, чтобы совсѣмъ разсѣять пустячные толки, будто бы меньшой братъ воцаряется безъ его вѣдома, а кто говорилъ— и вопреки его волѣ. Видя его съ государемъ, увѣрились, что пустыя рѣчи были сплетнями людей, любящихъ мутить народъ.

Погода установилась хорошая, и когда въ навечеріи коронованія заблаговѣстили ко всенощному бдѣнію во всей Москвѣ во всѣ большіе колокола,—дружно и разомъ, вслѣдъ за Иваномъ-Великимъ, — отрадно было слушать, точно въ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Какъ ни грустно было у меня на душѣ, а тутъ и мнѣ стало весело: «Ну, слава Богу, думаю,—дождались государева коронованья: дай Богъ много лѣтъ ему царствовать».

Мои дѣвицы—Клеопатра и Авдотья Өедоровна—промыслили себѣ билеты на мѣстахъ въ Кремлѣ, ранехонько поутру

поѣхали въ Кремль и такъ удачно усѣлись, что могли видѣть всю церемонію шествія въ соборъ и обратно.

Главнымъ распорядителемъ при коронованіи, верховнымъ маршаломъ былъ назначенъ князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, а помощникомъ его былъ князь Александръ Михайловичъ Урусовъ. Короновали три митрополита: Серафимъ петербургскій, Евгеній кіевскій и нашъ московскій Филаретъ, къ этому дню возведенный въ митрополиты.

Князю Андрею Вяземскому довелось все видѣть и въ соборѣ, и въ Грановитой палатѣ, гдѣ была потомъ царская трапеза. Онъ стоялъ съ обнаженнымъ палашемъ у ступенекъ тронной площадки, на которой подъ балдахиномъ изволили кушать государь императоръ и государыни императрицы.

Много было въ этотъ день милостей и разныхъ пожалованій: новыхъ Андреевскихъ кавалеровъ, статсъ-дамъ и пр.

Изъ нихъ нѣкоторые были мнѣ извѣстны лично: княгиня Татьяна Васильевна, жена князя Дмитрія Владиміровича, была пожалована статсъ-дамой, также графиня Марья Алексѣевна Толстая, жена графа Петра Александровича и мать молодой Апраксиной; еще Елизавета Петровна Глѣбова-Стрѣшнева, послѣдняя изъ того рода Стрѣшневыхъ, изъ которыхъ была вторая жена царя Михаила Ѳеодоровича. Старуха графиня Ливенъ, воспитательница великихъ княженъ, дочерей императора Павла, пріятельница императрицы Маріи и сестры Катерины Александровны Архаровой, была переименована княгиней съ титуломъ свѣтлости, но въ этотъ ли день, или послѣ—этого не знаю навѣрно. Андрея получили: братъ княгини Голицыной—Ларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ (бывшій потомъ княземъ), Сергѣй Ильичъ Мухановъ, который-то изъ двухъ старшихъ митрополитовъ, кажется, кіевскій. Было нѣсколько пожалованій деревнями и назначеніе новыхъ фрейлинъ. Ожидали, что и Катерина Владиміровна Апраксина получитъ портретъ, но ее обошли, а получила она уже годъ спустя, когда была вдовою, и вскорѣ ее назначили ко двору великой княгини Елены Павловны. Съ самаго дня коронованія началась иллюминація города: Кремль, стѣны кругомъ, всѣ кремлевскіе сады, Иванъ Великій,—все это горѣло огнями; былъ особый даровой театръ, и пошли балы и праздники одинъ другого лучше: при дворѣ, у главнокомандую-

щаго, у графини Орловой, у князя Сергія Михайловича Голицына, у иностранныхъ пословъ, въ Останкинѣ у Шереметева (графъ тогда былъ еще молодъ, но опекуншей и попечительницей его была императрица Марія Өеодоровна) и праздникъ въ Архангельскомъ у князя Юсупова — это, говорятъ, было выше и лучше всего, что̀ можно себѣ только вообразить. Кто-то на праздникѣ тогда сказалъ: «князь Юсуповъ побился, вѣрно, объ закладъ, что перещеголяетъ покойнаго князя Потемкина...» Для народа былъ праздникъ на Дѣвичьемъ полѣ и едва не окончился бѣдой. Какъ всегда, разставлены были столы съ разными яствами, цѣлые зажаренные быки съ золотыми рогами, бараны, фонтаны изъ разныхъ винъ, чаны пива, однимъ словомъ, какъ это всегда водилось въ такихъ случаяхъ. Для высочайшихъ хозяевъ и для ихъ гостей былъ особый павильонъ. Всѣ они въ этотъ день (по Пречистенкѣ) мимо меня проѣхали, а я, сидя у окна, на всѣхъ наглядѣлась. Когда поданъ былъ знакъ и поднятъ флагъ, народъ кинулся на столы и мигомъ все растащили, осушили фонтаны и чаны съ пивомъ тоже недолго застоялись, — народу было болѣе ста тысячъ. Когда государь и государыня уѣхали, народъ кинулся обдирать павильонъ и началъ подмостки ломать: «Все наше, сказано, все наше; бери, братцы!» Сдѣлалась ужасная суматоха и давка и, конечно, этимъ воспользовались фокусники и стали шарить по карманамъ, вырывали серьги изъ ушей и сколькихъ-то человѣкъ такъ стиснули, что нашли мертвыя тѣла. Мои барышни едва цѣлы остались; ихъ толпа разлучила, и онѣ кой-какъ добрались до дома.

Былъ сожженъ чудный фейерверкъ, какихъ никто еще и не видывалъ; стоилъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, и было пущено разныхъ ракетокъ, бураковъ, шутихъ и что̀ тамъ еще бываетъ — болѣе ста тысячъ штукъ, кромѣ богатѣйшихъ щитовъ и разныхъ вензелей.

Невступно два мѣсяца пробылъ въ Москвѣ дворъ и болѣе мѣсяца продолжались всякія торжества. Потомъ государь съ государыней ѣздили къ преподобному Сергію, какъ это и прежде всегда бывало послѣ коронаціи, потомъ стали всѣ разъѣзжаться и Москва опять пріутихла.

Коронація прошла не безъ послѣдствій для жизни въ Москвѣ: ужасно вздорожали квартиры и жизненные припасы.

Сперва думали, что это только временно и что потомъ на все будутъ прежнія цѣны, но хотя цѣны и поубавились, когда стали всѣ изъ Москвы разъѣзжаться, однако, противъ прежняго все вздорожало въ полтора раза.

Кромѣ этого, во всемъ стало замѣтно болѣе роскоши: въ отдѣлкѣ и убранствѣ домовъ, въ экипажахъ и въ нашихъ женскихъ туалетахъ, особенно въ бальныхъ. Въ нѣкоторыхъ знатныхъ дворянскихъ домахъ съ этого времени стали обѣдать позднѣе, такъ что наши поздніе часы — два и три — оказались ранними; модные люди начали обѣдать часа въ четыре и даже въ пять.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

(1827—1838).

I.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, 26-го числа, родился у меня внукъ Николай Посниковъ, близь Галича, въ сельцѣ Гремячевѣ, гдѣ тогда жила Анночка со своимъ мужемъ, въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ его матери. Новорожденнаго крестилъ его родной дядя Дмитрій Васильевичъ Посниковъ и Ѳедосья Епафродитовна Алалыкина; въ сентябрѣ, 28-го числа, родился у меня другой внукъ въ Москвѣ, у старшей дочери, первый ея ребенокъ, котораго назвали въ честь моего покойнаго мужа Дмитріемъ. Грушенька нанимала тогда домъ на Плющихѣ, принадлежавшій Лошаковскому, чрезъ два или три дома отъ Смоленской Божіей Матери, но въ приходѣ на Бережкахъ. Воспріемниками новорожденнаго были братъ князь Владиміръ Михайловичъ Волконскій и я; окрестилъ младенца на дому нашъ духовникъ, отецъ Лука, отъ Пятницы Божедомской.

Октября 25-го того же года, скоропостижно скончался зять мой, Дмитрій Калиновичъ Благово, и это такъ поразило бѣдную Грушеньку, которая еще порядкомъ не оправилась послѣ

родовъ, что она упала замертво и боялись, чтобы молоко не кинулось въ голову и она отъ пораженья не помѣшалась бы въ умѣ. Этого, слава Богу, не случилось, а года два или болѣе она, бѣдная, не могла порядкомъ оправиться.

Домъ свой на Пречистенкѣ я продала за тридцать тысячъ ассигнаціями и стала себѣ пріискивать другой въ той мѣстности, гдѣ-нибудь около Пречистенки, и въ скорости нашла, въ Штатномъ переулкѣ, домъ для меня подходящій, въ приходѣ у Троицы, въ Зубовѣ. Домъ принадлежалъ какому-то господину Зуеву и мы сошлись въ цѣнѣ; заплатила я двадцать пять тысячъ ассигнаціями. Бойкое мѣсто на Пречистенкѣ мнѣ очень надоѣло отъ безпрестанной ѣзды, а тутъ былъ переулокъ малопроѣзжій, при домѣ былъ маленькій садикъ, и напротивъ, почти изъ воротъ въ ворота, домъ Катерины Сергѣевны Герардъ съ пребольшимъ и прекраснымъ садомъ, который тянулся по переулку противъ моего дома.

Екатерину Сергѣевну Герардъ я знавала и прежде, а тутъ по близости и по сосѣдству мы познакомились короче и очень подружились. Ей было тогда лѣтъ сорокъ съ чѣмъ-нибудь, а ея мужу, Антону Ивановичу, генералъ-маіору въ отставкѣ, лѣтъ на десять или на пятнадцать поболѣе; и мужъ, и жена, оба были премилые, преумные и прелюбезные. Дѣтей у нихъ не было, они другъ друга любили и жили не то чтобы несогласно, а безпрестанно другъ другу все шпильки подпускали; ссорились, капризничали и мирились. Мать Екатерины Сергѣевны была Александра Ивановна Рѣпнинская (урожденная Кокошкина).

Кто былъ мужъ Александры Ивановны, Яковъ Рѣпнинскій, и какъ его звали по отчеству — достовѣрно сказать не умѣю; знаю только, что онъ былъ генералъ и что двое Рѣпнинскихъ—Ѳедоръ Яковлевичъ и его братъ, кажется, Сергѣй Яковлевичъ, — оба служили съ моими братьями въ Семеновскомъ полку при императрицѣ Екатеринѣ и вышли въ отставку съ маленькимъ чиномъ. Одинъ изъ нихъ въ скоромъ времени умеръ, а Ѳедоръ Яковлевичъ жилъ до преклонныхъ лѣтъ. Онъ имѣлъ сына и четырехъ дочерей, изъ которыхъ Екатерина, самая старшая, была за барономъ Иваномъ Петровичемъ Оффенбергомъ, а самая младшая, Анна Ѳедоровна,— за Арцыбашевымъ. Она собою была очень хорошенькая и

умерла оттого, что ее укусила мужнина комнатная лягавая собака. Собака не взбѣсилась, а на молодую женщину это повліяло: она умерла отъ удушья, съ признаками водобоязни и бѣшенства. Изъ двухъ другихъ дѣвицъ Рѣпнинскихъ — Елизавета вступила въ монастырь[1]).

Когда я переѣхала въ свой новокупленный домъ къ Троицѣ въ Зубово и познакомилась короче съ Герардами, племянника Екатерины Сергѣевны уже не было въ живыхъ и она про него никогда не поминала, а слышала я отъ кого-то, что она его воспитывала; будучи сама великою поклонницей митрополита Филарета, она и мальчика все къ нему возила и старалась настроить его такъ, чтобъ онъ пошелъ въ монахи. Но онъ, кажется, на это плохо поддавался и умеръ въ очень молодыхъ лѣтахъ отъ чахотки. Такъ какъ все это было до моего короткаго знакомства съ Герардовою, то въ подробностяхъ этой исторіи разсказать не могу. Говорили, что она постами заморила племянника и онъ зачахъ.

Старшая племянница, Екатерина Өедоровна, тоже все больше жила у тетки и частенько и съ нею, и одна бывала у меня. Она была очень умная и милая дѣвушка, не красавица собою, но недурна и большая доточница и искусница на разныя рукодѣлія, а въ особенности на все, что̀ касалось живописи и рисованія. Не могу припомнить, въ которомъ именно году, но думаю, что это было въ 1836 и 1837 году, она вышла замужъ изъ дома тетки, которая очень ее любила и по ней тосковала.

Антонъ Ивановичъ Герардъ одинъ изъ первыхъ въ Россіи завелъ сахарный заводъ и сталъ разводить свекловицу; съ нимъ въ компаніи были Бланкъ и Нагель. Сахаръ былъ въ то время привозный, очень дорогой, такъ что пудъ рафи-

---

[1]) Она находилась въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, была пострижена подъ именемъ Ерміоніи и нѣкоторое время исправляла должность ризничей, но потомъ, по болѣзни, отказалась и жила въ келіи, сильно страдая отъ костоѣды въ ногѣ. Прежде она была хромою, и это приписывали золотухѣ, отъ которой одна нога стала короче другой, потомъ на ногѣ открылась рана и, наконецъ, образовалась костоѣда. Мать Ерміонія скончалась въ 1877 или 1878 г. (т. е., 16 или 17 лѣтъ послѣ кончины бабушки-разсказчицы), имѣя отъ роду около 70 лѣтъ. Она отличалась смиреніемъ, терпѣніемъ и, несмотря на мучительную болѣзнь, была всегда весела, спокойна духомъ, въ страданіяхъ не роптала. Внукъ.

нада обыкновенно стоилъ отъ 35 до 40 рублей ассигнаціями, а годами доходилъ и до 60 рублей. Послѣ двѣнадцатаго года пудъ сахару стоилъ 100 рублей ассигнаціями, и во многихъ домахъ подавали самый послѣдній сортъ, котораго потомъ и въ продажѣ уже не было, называвшійся лумпъ, неочищенный и совершенно желтый, соломеннаго цвѣта. Большею частью вездѣ подавали мелюсъ и полу-рафинадъ, а у Апраксиныхъ, у которыхъ былъ большой пріемъ гостей и сахаръ выходилъ, можетъ статься, десятками пудовъ въ годъ, подавали долгое время лумпъ. Эта дороговизна сахара подала мысль завести заводы въ Россіи, и первые заводчики получили большіе барыши.

Неподалеку отъ Москвы, кажется, верстахъ въ двѣнадцати, у Герардовъ было небольшое имѣньице—сельцо Голубино, гдѣ были оранжереи, прекрасные грунтовые сараи и особенный сортъ грушъ, называвшихся планками (beurré), которыя были въ то время рѣдкостью.

Антонъ Ивановичъ былъ большой знатокъ въ сельскомъ хозяйствѣ, человѣкъ очень умный, положительный и весьма пріятный въ бесѣдѣ, говорилъ немного, но умно и хорошо. Екатерина Сергѣевна, живая, веселая, разговорчивая до болтливости, но умница, какихъ немного: каждое ея словцо было искрою ума и казалось, что и волосъ-то каждый на ея головѣ былъ пропитанъ умомъ. Рѣдко встрѣчала я такихъ умныхъ и пріятныхъ женщинъ, какъ она; не было человѣка, которому бы она не нашла сказать чего-нибудь пріятнаго; старики, молодые и дѣти—всѣ любили ее, всѣмъ было съ нею весело, всѣхъ умѣла она занять и говорила съ каждымъ именно о томъ, что̀ могло его интересовать и что̀ ему было пріятно. Она много читала, имѣла хорошую память, много помнила и умѣла очень хорошо и занимательно разсказывать; шутила остро и умно, никого не затрогивая и никогда ни про кого не злословила. Въ особенности она любила посмѣяться на свой счетъ, что̀ иногда выходило презабавно. Не было рукодѣлья или работы, которой бы она не знала, или вещи, объ которой бы не имѣла понятія и въ разговорѣ бы пришла въ тупикъ. Смолоду она была, говорятъ, очень мила и приглядна, но будучи невелика ростомъ, она къ тому же вовсе не отличалась и правильными чертами лица. У нея было, что̀ на-

зываютъ, смятое личико (une figure chiffonnée), и она не могла считаться красавицей, но была привлекательна: отъ нея такъ и вѣяло умомъ и пахло самою простосердечною, радушною любезностью.

Она была великая охотница до цвѣтовъ, до собакъ и кошекъ и умѣла такъ ихъ пріучить, что собаки и кошки ея ладили и вмѣстѣ ѣли и спали. Была у ней маленькая собачка Бижу, которая взлѣзетъ на большую кошку и уляжется на ней спать, какъ на подушкѣ. Я говорю ей однажды: «какъ это вы умѣли такъ пріучить, что ваши звѣри—кошки и собаки—живутъ въ такомъ ладу и дружбѣ?» — «Это все отъ насъ самихъ зависитъ, и ежели мы кротко обходимся со звѣрями и какъ съ разумными существами, то и они насъ слушаются и ведутъ себя разумно».

Екатерина Сергѣевна Герардъ была изъ числа тѣхъ лицъ, которыхъ знала вся Москва, т. е., все такъ называемое порядочное общество, и хотя она никогда никого не звала къ себѣ обѣдать, не знаю пивалъ ли даже у ней кто-нибудь чай, а въ карты ни она сама нигдѣ, ни у нея никто не игралъ; всѣ къ ней ѣзжали больше поутру, и не было дня, чтобы кто-нибудь у нея не побывалъ. Такъ какъ у насъ было много общихъ знакомыхъ, то частенько гости наши переѣзжали черезъ переулокъ изъ воротъ въ ворота,—то отъ нея ко мнѣ, то отъ меня къ ней.

Она имѣла большое знакомство по всей Россіи, со всѣми была дружна и со многими переписывалась и, будучи всѣми любима и уважаема, имѣла большое вліяніе и пользовалась имъ благоразумно и охотно, помогала своимъ друзьямъ и не разъ выручала ихъ изъ бѣды.

Сама она была очень скромна и никогда не хвасталась ни своими связями, ни тѣмъ, что помогла кому-нибудь, а стороною до меня доходило не разъ, что она ѣзжала въ Петербургъ, что̀ въ прежнее время не такъ легко было, какъ теперь, и хлопотала тамъ по дѣламъ.

Она была хорошо знакома съ графинею Анною Алексѣевною Орловой, съ Мальцевыми, съ которыми—не знаю, какъ-то чрезъ Мещерскихъ,—была въ свойствѣ [1]), и когда она бы-

---

[1]) Софья Сергѣевна Всеволожская (сестра Герардъ) была за княземъ

вала въ Петербургѣ, то все, чтò ей было нужно, умѣла уладить.

Послѣ того, какъ митрополитъ Филаретъ отказался освящать московскія Тріумфальныя ворота, и по какимъ-то еще двумъ дѣламъ въ синодѣ, гдѣ онъ высказалъ свое мнѣніе не такъ, какъ того желали въ Петербургѣ, онъ и Филаретъ кіевскій перестали ѣздить въ Петербургъ, для засѣданія въ синодѣ, потому что ихъ не стали туда вызывать. Екатерина Сергѣевна частехонько ѣздила въ Петербуръ и чрезъ Орлову и другихъ предотвратила тучу, которая собиралась надъ Филаретами. По крайней мѣрѣ, такъ я слышала.

Митрополитъ Филаретъ къ Герардовой очень благоволилъ, а она была ему предана всею душой и разъ въ недѣлю у него уже непремѣнно побываетъ, а то и чаще, и онъ тоже на Святой недѣлѣ и объ Рождествѣ къ ней ѣзжалъ и сиживалъ пòдолгу.

Былъ одинъ очень смѣшной и забавный случай, который доказалъ, до чего Герардша была предана митрополиту, но только едва съ нею отъ испуга не сдѣлалось удара. Какъ охотница до цвѣтовъ и до всякой садовой новинки, она гдѣ-то себѣ достала тогда новое зимующее растеніе фраксинель съ очень пахучими листьями, схожими по запаху съ лимонною цедрой. Цвѣты этого растенія темно-розовые. Какимъ манеромъ зашелъ разговоръ у Герардовой съ Филаретомъ объ этомъ цвѣткѣ — не знаю, только она возила ему показывать вѣтку съ цвѣткомъ, онъ похвалилъ, но сказалъ: хорошо растеніе, а ежели бы цвѣтокъ былъ бѣлый, думаю, было бы еще лучше».

Достаточно было этого слова митрополита, чтобы Герардова стала добиваться имѣть такое растеніе съ бѣлымъ цвѣткомъ; она справлялась, узнала, что есть, и себѣ добыла; а такъ какъ подалъ эту мысль митрополитъ, то и назвала растеніе «Филаретова мысль», а пототъ просто стала называть «Филаретъ». Вотъ какъ-то, годъ ли, два ли спустя, митропо-

---

Иваномъ Сергѣевичемъ Мещерскимъ, а сестра Мещерскаго, княжна Анна Сергѣевна, была за Сергѣемъ Акимовичемъ Мальцевымъ. Другой братъ Мещерскій, князь Петръ Сергѣевичъ, былъ нѣкоторое время оберъ-прокуромъ святѣйшаго синода.

литъ былъ весною боленъ. Екатерина Сергѣевна къ нему ѣздила узнать объ его здоровьѣ и велѣла утромъ на слѣдующій день сходить еще человѣку на подворье, и чтобы къ тому часу, когда она встанетъ, онъ вернулся и ей доложили бы объ отвѣтѣ. Поутру приходитъ къ ней ея садовникъ и говоритъ: «Я не знаю, какъ вамъ доложить, сударыня: у насъ случилось несчастіе».

— Чтò такое? спрашиваетъ она.

— Да что-съ, «Филаретъ»-то вѣдь умеръ.

Съ Екатериной Сергѣевной дурно, чуть не ударъ.

— Кто тебѣ сказалъ? почему ты знаешь? спрашиваетъ она, растерявшись.

— Я самъ видѣлъ, замерзъ, говоритъ садовникъ, чуть не плача.

Та и понять не можетъ, чтò такое онъ ей говоритъ.

— Какъ замерзъ?

— Да-съ, хорошо былъ закутанъ на зиму, а не прозимовалъ, замерзъ...

Тутъ только она догадалась, что идетъ рѣчь совсѣмъ не о митрополитѣ, а объ растеніи. Она выбранила садовника, что онъ такъ ее напугалъ, расхохоталась до слезъ, радарадешенька, что понапрасно перепугалась, но цѣлый день ходила съ головною болью, а съ подворья, вслѣдъ за тѣмъ, возвратился человѣкъ съ извѣстіемъ, что владыкѣ лучше. Потомъ, при свиданіи, она презабавно разсказывала мнѣ, какъ она перепугалась изъ пустяковъ, по недоразумѣнію. Домъ Герардовыхъ былъ, въ свое время, одинъ изъ лучшихъ домовъ въ Москвѣ: въ залѣ стѣны отдѣланы подъ мраморъ, чтò считалось тогда рѣдкостью, и пока былъ живъ Антонъ Ивановичъ и было много прислуги, домъ содержался хорошо и опрятно, но послѣ его кончины (умеръ онъ, кажется, въ 1830 или въ 1831 году), Екатерина Сергѣевна очень поприжалась, стала имѣть мало людей и домъ порядкомъ запустила: въ прихожей у нея люди портняжничали и шили сапоги, было очень неопрятно и воняло дегтемъ. Она одна изъ первыхъ отступила отъ общепринятаго порядка въ разстановкѣ мебели: сдѣлала въ гостиной какіе-то угловатые диваны, наставила, гдѣ вздумалось, большія растенія, и для себя устроила противъ средняго окна этамблисментъ (établissement): два диван-

чика, нѣсколько креселъ и круглый столъ, всегда заваленный разными книгами. Въ то время это казалось страннымъ. Вообще, она не стѣснялась тѣмъ, что̀ дѣлали другіе, и дѣлала у себя, какъ ей вздумается и что̀ ей нравится, и почти всегда выходило, хотя необычайно, однако, хорошо. Она была вообще женщина съ большимъ вкусомъ и умѣніемъ изъ ничего сдѣлать что-нибудь очень хорошенькое.

Послѣ смерти мужа она стала одѣваться скудно, всегда въ темномъ или въ черномъ, платье узенькое и коротенькое, а на головѣ чепецъ въ обтяжку изъ какой-нибудь тюлевой тряпицы, и волосы свои остригла въ кружокъ: «Je n'ai pas de prétentions, à notre âge on n'a plus de sèxe», говорила она.

До двадцатыхъ годовъ мнѣ довелось видѣть ее на балахъ раза два-три очень авантажною молодою женщиной, и разъ на балѣ гдѣ-то я видѣла ее въ бархатномъ беретѣ, съ пукомъ бѣлыхъ перьевъ: она была тогда съ небольшимъ лѣтъ тридцати, свѣжа и весьма привлекательна.

Голосъ имѣла она нѣсколько хриплый, но звонкій и пріятный, и во всѣхъ отношеніяхъ, въ разговорѣ, въ обращеніи, это была самая привѣтливая, ласковая и любезная женщина.

Къ концу жизни она стала прихварывать, выѣзжала рѣдко и окончила жизнь въ началѣ 1850-хъ годовъ отъ очень мучительной болѣзни, отъ внутренняго рака; ѣсть почти ничего уже не могла,—желудокъ не переваривалъ, но почти до самой смерти она была все на ногахъ и такъ же весела и разговорчива, какъ и прежде. Отпѣвалъ ее митрополитъ Филаретъ у Троицы въ Зубовѣ, а схоронить себя она велѣла въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ одной могилѣ со своею матерью, умершею предъ тѣмъ лѣтъ за тридцать или болѣе.

Смерть Герардовой была одинаково чувствительна какъ для ея родныхъ, такъ и для знакомыхъ; всѣ, знавшіе ее, любили ее и уважали. У нея въ домѣ всегда жили барыни и барышни; лишившись ея, онѣ съ нею лишались угла и хлѣба насущнаго. Кромѣ своихъ племянницъ, къ которымъ она была хорошо расположена, она воспитывала еще одну барышню, дочь своего мужа, которая вышла почти противъ ея согласія за одного полковника-мусульманина, принявшаго православную вѣру для того, чтобы на ней жениться. Состоянія и средствъ большихъ онъ не имѣлъ, а родители и родные его,

узнавъ, что онъ перешелъ въ нашу вѣру, отказались ему помогать. Онъ, къ несчастію, сдѣлался такъ боленъ, кажется, отъ паралича, что долженъ былъ выйдти изъ службы, а между тѣмъ, у него уже было семейство. Екатерина Сергѣевна, сколько могла, помогала этимъ несчастнымъ, и съ нею они тоже лишились помощи. Много она дѣлала добра, видимо и невидимо, и нерѣдко, по своему доступу къ митрополиту, была ходатайницею за духовныхъ лицъ, избавляла отъ бѣды и выпрашивала мѣста: добродѣтельная была она женщина.

Домъ свой Екатерина Сергѣевна отдавала иногда внаймы, не на долгое время, и сама уходила тогда въ верхній этажъ или уѣзжала къ себѣ въ Голубино. Такъ, въ 1831 году, когда великая княгиня Елена Павловна провела часть лѣта въ Москвѣ, въ своемъ новомъ дворцѣ на Остоженкѣ, и лечилась водами въ бывшемъ почти рядомъ съ ея садомъ новоустроенномъ заведеніи минеральныхъ водъ, Екатерина Владиміровна Апраксина, состоявшая гофмейстериной при дворѣ великой княгини, по этому случаю пріѣхала въ Москву и чтобъ ей быть поближе, наняла бель-этажъ у Герардовой и прожила тамъ нѣсколько недѣль, пока продолжался курсъ леченія водами.

Въ 1832 году, въ этомъ домѣ, апрѣля 12-го, была свадьба моей племянницы Анастасіи Николаевны Римской-Корсаковой, вышедшей за внучатаго моего племянника, князя Александра Сергѣевича Вяземскаго.

Въ 1833 году, тоже апрѣля 12-го, была свадьба моего племянника Владиміра Михайловича Римскаго-Корсакова, женившагося на Аннѣ Николаевнѣ Поповой.

Въ 1834 году, была тамъ же свадьба Авдотьи Ѳедоровны Барыковой, вышедшей за Василія Николаевича Толмачева.

Въ 1836 году, домъ Герардовой нанимала княгиня Елизавета Ростиславовна Вяземская, потому что ея дочь княжна Варвара Сергѣевна (вышедшая въ слѣдующемъ году за Ивана Ивановича Ершова) и сноха ея, жена старшаго сына, родная моя племянница, княгиня Анастасія Николаевна, пили воды и тутъ имъ было поближе къ Остоженкѣ отъ заведенія минеральныхъ водъ.

II.

Въ продолженіе десяти лѣтъ, съ 1823 года по 1833 годъ, у насъ въ семействѣ, въ родствѣ и въ кругу самыхъ близкихъ моихъ знакомыхъ много было потерь и мы то и дѣло, что были въ траурѣ. Въ эти десять лѣтъ я лишилась: брата, двухъ сестеръ, двухъ невѣстокъ, троихъ зятьевъ, деверя, трехъ племянниковъ, внучатаго брата и двоюродной племянницы. Въ 1823 году, апрѣля 7-го, скончалась въ Петербургѣ сестра моя, княгиня Александра Петровна Вяземская; въ томъ же году въ Москвѣ умеръ зять мой Комаровъ, Иванъ Елисеевичъ; въ 1826 году—сестра монахиня Аѳанасія, 20-го апрѣля; въ 1827 году, октября 25-го,—мужъ моей старшей дочери Дмитрій Калиновичъ Благово; въ 1829 году, 26-го мая,—братъ Михаилъ Петровичъ Римскій-Корсаковъ. Онъ скончался въ Москвѣ, отпѣвали его въ приходѣ у Неопалимой Купины, а хоронить повезли въ деревню, въ с. Боброво. Хотя я и была дружна съ братомъ, но болѣе всѣхъ насъ была къ нему расположена сестра Варвара Петровна, и эта потеря очень ее огорчила.

Кромѣ того, въ 1823 году умеръ князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ, почти что не родня, потому что онъ приходился покойнику Дмитрію Александровичу правнучатымъ братомъ; что̀ это за родство? Но, по прежнимъ семейнымъ отношеніямъ Долгоруковыхъ съ Яньковыми и по сердечному нашему къ нему расположенію, это была для меня очень чувствительная потеря. Въ 1827 году умеръ, во время великой четыредесятницы, Степанъ Степановичъ Апраксинъ, и это была для меня большая скорбь: я лишилась въ немъ человѣка, который любилъ покойнаго моего мужа и всегда одинаково былъ къ намъ расположенъ. Никогда не позабуду его искренняго, дружескаго участія, которое онъ мнѣ высказалъ, когда скончался Дмитрій Александровичъ. Апраксина жалѣла не я одна, вся Москва его оплакивала, потому что вся Москва его любила за его привѣтливость и ласковое обхожденіе и за то, что онъ ее тѣшилъ своими чудными праздниками. Можно сказать безъ лести, что это былъ послѣдній вельможа, открыто и весело жившій въ Москвѣ.

Онъ былъ друженъ съ княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ и положили они между собою, что ежели возможно общеніе умершихъ душъ съ живыми, то чтобы тотъ, который первый изъ нихъ двухъ умретъ, предупредилъ бы пережившаго о скорой его кончинѣ троекратнымъ явленіемъ. Господь, по своей благости и во обличеніе невѣрующихъ, дозволилъ, чтобы, по условію друзей, обѣщанное ими совершилось. Князь Юрій Владиміровичъ пережилъ Апраксина тремя годами; онъ умеръ въ годъ холеры, въ ноябрѣ или декабрѣ мѣсяцѣ, и ему трижды являлся Апраксинъ: сперва за шесть мѣсяцевъ Долгоруковъ на яву увидѣлъ Степена Степановича и тогда же говорилъ нѣкоторымъ близкимъ людямъ:

— Пора мнѣ, видно, собираться въ дальній путь: я сегодня видѣлъ Апраксина; онъ меня предупреждаетъ, что пришло мое время къ отшествію.

Потомъ вторичное было явленіе, и Долгоруковъ опять сказывалъ: «Я въ другой разъ видѣлъ Апраксина; это значитъ, что онъ меня дожидается». Наконецъ, когда онъ лежалъ уже совсѣмъ на смертномъ одрѣ, дня за три до кончины, онъ еще видѣлъ то же и сказалъ: «Ну, теперь скоро, скоро я отправлюсь на покой; сегодня я въ третій разъ видѣлъ Апраксина: мнѣ теперь недолго остается томиться». И на третій день послѣ того онъ скончался.

Многіе изъ знавшихъ Долгорукова подтверждали этотъ разсказъ его. Ежели бы одинъ только разъ видѣлъ онъ Апраксина, то можно было бы усомниться и сказать, что ему такъ это попритчилось. То же самое повторилось три раза и все на яву; это ужь не бредъ и не призракъ, а подлинное явленіе души умершаго.

Тяжелый для Россіи 1830-й годъ, годъ небесной кары за грѣхи наши, за которые Господь наказалъ насъ смертоносною болѣзнью — холерою, начался для нашего семейства трауромъ: въ январѣ мѣсяцѣ скончалась моя невѣстка, жена моего шурина, Ѳедосья Андреевна Янькова, въ селѣ Петровѣ. Она была добрая и хорошая женщина, правда, что мало воспитанная и нѣсколько простоватая, но очень благочестивая и разсудительная и прекрасная, любящая жена. Не могу сказать, чтобы мы были съ нею особенно дружны, однако, всегда мы съ нею ладили и размолвки у насъ никогда не бывало.

Мнѣ было ея жаль не столько для себя, сколько для моего деверя, который очень ее любилъ, и, говорятъ, первое время онъ, какъ малый ребенокъ неутѣшно по ней плакалъ. Онъ былъ очень добрый и хорошій человѣкъ, но по добротѣ своей до того слабый и безхарактерный, что его въ семьѣ въ грошъ не ставили; поэтому онъ и не умѣлъ дать своимъ дѣтямъ воспитанія, какъ слѣдовало. По смерти жены онъ сталъ вовсе какъ безъ рукъ: все тосковалъ, хирѣлъ и дотянулъ только до ноября мѣсяца; онъ скончался въ Москвѣ 23-го числа и былъ погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, а три дня спустя умеръ второй сынъ его, Андрей, въ Петровѣ.

Въ 1829 году, родился у меня внукъ Василій, третій сынъ у дочери Посниковой, 6-го іюля, въ ихъ деревнѣ. Крестилъ его Николай Александровичъ Алалыкинъ и, кажется, Елена Александровна Посникова. За годъ предъ тѣмъ, родилась у Анночки вторая ея дочь, Александра, въ Ярославлѣ, гдѣ мой зять поступилъ было на службу къ губернатору, но по горячности своего характера наслужилъ недолго, повздорилъ съ губернаторомъ и вышелъ въ отставку. Сашеньку крестила одна Шубинская, жена бывшаго въ послѣдствіи въ Москвѣ жандармскаго полковника, а кто былъ крестнымъ отцомъ — не припомню. Вышедши въ отставку, Посниковъ опять поселился у себя въ деревнѣ, и Анночка стала звать Клеопатру пріѣхать къ ней погостить. Я отпустила ее съ Авдотьей Ѳедоровной Барыковой, бывшей тогда еще не замужемъ; Грушенька поѣхала къ себѣ въ деревню, и я осталась одна-одинешенька.

Братъ, князь Владиміръ Волконскій, бывавшій у меня почти что каждый день, пріѣхалъ разъ вечеромъ и говоритъ мнѣ: «Знаешь ли, сестра, говорятъ, что у насъ въ Москвѣ неблагополучо; появилась какая-то новая болѣзнь, называемая холерой: тошнота, рвота, круженіе головы, иногда сильное разстройство желудка, корчи, и въ нѣсколько часовъ человѣкъ умираетъ. Объ этомъ поговариваютъ въ англійскомъ клубѣ».

Очень меня это встревожило. Думаю себѣ: «совершенно я одна, никоторой изъ дочерей нѣтъ со мною, умру — некому будетъ и глаза мнѣ закрыть».

На другой день пріѣзжаетъ ко мнѣ братъ Николай Але-

ксандровичъ Корсаковъ и повторяетъ то же самое, сказываетъ, что кто-то былъ вчера въ клубѣ совершенно здоровъ, плотно поѣлъ, пріѣхалъ домой — корчи, рвота и—къ утру положили на столъ. Это взволновало меня еще болѣе, послала я къ Герардамъ просить, чтобы пришелъ ко мнѣ Антонъ Ивановичъ; — пришелъ, спрашиваю:

— Правда ли, что въ Москвѣ какая-то новая небывалая болѣзнь, холера?

— Ахъ, говоритъ, не скрою отъ васъ, что совершенная правда и много уже было смертныхъ случаевъ; поговариваютъ, что будутъ карантины, что Москву кругомъ оцѣпятъ и не будетъ ни выѣзда, ни въѣзда.

Часъ отъ часу не легчало. Ушелъ Герардъ, сѣла я писать къ Грушенькѣ и къ Клеопатрѣ; пишу той и другой:

«Пріѣзжай скорѣе; коли намъ суждено умереть, такъ ужь лучше умирать вмѣстѣ».

Въ ужасное пришла я уныніе: пока еще, думаю, письма дойдутъ къ той и къ другой, я совершенно одна; горькое было мое положеніе. Спрашиваю поутру у моего дворецкаго, когда онъ возвратился со Смоленскаго рынка:

— Чтò слышно про холеру?

— Много, говоритъ, сударыня, мретъ народу; по городу стали фуры разъѣзжать, чтобы подбирать тѣла, ежели будутъ на улицахъ валяться.

Каково было это слышать! Значитъ, это моръ, и ждутъ, что люди станутъ какъ мухи валиться. Принесли повѣстку изъ съѣзжаго дома, чтобы въ домахъ были осторожнѣе и что ежели у кого будутъ заболѣвающіе люди холерою, въ домахъ отнюдь у себя не держать, но тотчасъ отправлять въ больницы, и чтобы для очищенія воздуха вездѣ по комнатамъ ставить на блюдечкахъ деготь и хлоръ.

Наконецъ, Грушенька возвратилась изъ деревни, и у меня отлегло на сердцѣ: «Ну, теперь я хоть не одна».

Между тѣмъ, у насъ уже и въ знакомствѣ стали заболѣвать: Екатерина Терентьевна Попова, сосѣдка брата Михаила Петровича по Боброву и по зимамъ живавшая въ Москвѣ у моей невѣстки, Варвары Николаевны, сказываютъ, занемогла холерой, послала за своимъ докторомъ, Петромъ Григорьевичемъ Карпицкимъ (который лечилъ и Грушу), а тотъ, прі-

ѣхавъ и узнавъ, что у нея холера, въ комнату не вошелъ, а разговаривалъ, стоя на порогѣ въ дверяхъ.

Значитъ болѣзнь опасная и прилипчивая, что и докторъ не подходитъ къ больной! Смертность съ каждымъ днемъ все усиливалась, фуры разъѣзжали въ Москвѣ по улицамъ и переулкамъ и, вмѣстѣ съ больными, иногда хватали и пьяныхъ. Почти во всѣхъ домахъ затворились ворота; боялись ходить по улицамъ, выѣзжали въ крайнихъ случаяхъ, и каждый опасался принять кого-нибудь къ себѣ въ домъ. Я велѣла затворить ворота и никого не стала принимать; ставни на улицу у меня закрыли, чтобы стукъ отъ фуръ, которыя ужасно стучали, былъ не такъ слышенъ, и я перебралась съ Грушею въ тѣ комнаты, которыя выходили на дворъ: тамъ мы все и сидѣли. Дворецкій мой только одинъ разъ въ недѣлю ходилъ на рынокъ закупить, что̀ нужно для стола и, кромѣ кашицы или супа и куска жареной курицы, мы болѣе мѣсяца ничего не ѣли, и даже страшно было намъ вспомнить, что, за мѣсяцъ или за два передъ тѣмъ, мы ѣли свѣжіе огурцы и грибы въ сметанѣ. Весь городъ точно разъѣхался или вымеръ, рѣдко-рѣдко кто проѣдетъ или пройдетъ, вездѣ затворены ворота, закрыты ставни и завѣшены окна.

Изрѣдка братъ, князь Владиміръ Михайловичъ, напишетъ мнѣ записочку: «Всѣ ли вы здоровы и живы, я пока еще живъ». И эту записочку дворникъ возьметъ отъ дворника у калитки, не впуская его на дворъ, и вынесетъ ему мой отвѣтъ.

Какъ мы ни береглись и ни хоронились, холера забралась таки и ко мнѣ на дворъ: сынъ моего буфетчика Фоки, Миша, молодой мальчикъ лѣтъ пятнадцати или шестнадцати, неожиданно занемогъ и по всѣмъ признакамъ—холерой. Не теряя времени, его свезли въ больницу, и онъ тамъ на вторыя или на третьи сутки умеръ.

Письма, которыя мы получали, приходили гораздо позднѣе: ихъ задерживали и они были всѣ исколоты изъ предосторожности, чтобы съ ними не зашла зараза.

Въ тѣ дни, когда дворецкій ходилъ на рынокъ, я потомъ спрашивала его: «Ну что̀, Петръ, слышно насчетъ холеры?»

— Въ силѣ, сударыня: великая смертность; въ иныхъ приходахъ человѣкъ по тридцати отпѣваютъ и болѣе.

Чрезъ недѣлю опять спрашиваю его,—все тотъ же отвѣтъ; наконецъ-то, онъ однажды приходитъ и говоритъ что, слава Богу, болѣзнь пошла подъ гору; дня чрезъ два записочка отъ брата Волконскаго: пишетъ, что холера слабѣетъ и что онъ надняхъ ко мнѣ будетъ. Ну, слава Богу!.. И точно, на недѣлѣ братъ ко мнѣ пріѣхалъ, и мы свидѣлись какъ люди, которые и не надѣялись, что останутся въ живыхъ и опять увидятся.

Во время холеры все обошлось въ Москвѣ благополучно, не такъ какъ въ Петербургѣ, гдѣ было возмущеніе народа, думавшаго, что холера происходитъ отъ отравы, которую лекаря сыплютъ въ воду и въ колодцы. Спокойствіе Москвы должно приписать распорядительности тогдашняго главнокомандующаго, князя Дмитрія Владиміровича Голицына, и хотя тогда и трунили надъ нимъ, что онъ переѣхалъ съ женой къ Авдотьѣ Сильвестровнѣ Небольсиной на Садовую и изъ ея, будто бы, кармана глядитъ на холеру въ лорнетку, однако же, все-таки Москва осталась спокойною.

Такъ какъ много осталось сиротъ, лишившихся родителей въ этотъ ужасный годъ, то государю Николаю Павловичу угодно было показать Москвѣ свое отеческое милосердіе, учредить институтъ для воспитанія дѣтей, оставшихся послѣ родителей, умершихъ отъ холеры, и для этого заведенія, названнаго въ честь государыни императрицы Александры Ѳеодоровны «Александровскимъ Сиротскимъ Институтомъ», былъ купленъ Апраксинскій домъ на Знаменкѣ. Услышавъ это, я, признаюсь, порадовалась, что послѣ тѣхъ милыхъ хозяевъ, которые четверть вѣка владѣли этимъ домомъ, хозяиномъ будетъ не какой-нибудь нажившійся откупщикъ или расторговавшійся купецъ, а сама императрица, которая въ своемъ домѣ дастъ пріютъ безпріютнымъ сиротамъ.

Въ Москвѣ изъ нашихъ родныхъ и близкихъ друзей никого не умерло, а я опасалась, что многихъ не досчитаюсь; но въ Царскомъ Селѣ умерла родная племянница брата князя Владиміра Волконскаго, дочь его брата Дмитрія Михайловича, Зинаида Дмитріевна Ланская, бывшая за Павломъ Сергѣевичемъ Ланскимъ, сыномъ Елизаветы Ивановны, по себѣ Вилламовой (сестры статсъ-секретаря). Послѣ Зинаиды остался мальчикъ Сережа.

Въ то время, какъ Клеопатра гостила въ Гремячевѣ, Анночка родила, 10-го сентября, дочь Софью, и Клеопатра ее крестила.

Въ 1831 году, 30-го августа, въ самый день своихъ именинъ и въ день, назначенный для свадьбы, скоропостижно умеръ родной племянникъ моего мужа, Александръ Николаевичъ Яньковъ. Онъ былъ вдовецъ; жена его Анна Александровна, по себѣ Грушецкая, умерла еще въ 1823 году, оставивъ шестерыхъ дѣтей. Онъ очень объ своей женѣ горевалъ, но былъ человѣкъ еще молодой, вдовымъ оставаться не хотѣлъ и задумалъ опять жениться. Онъ вздумалъ было мѣтить на Грушеньку и чрезъ брата графа Петра Степановича узнавалъ, пойдетъ ли она за него, ежели бы онъ сдѣлалъ ей предложеніе. Она ему нравилась, но къ нему она не имѣла никакого особеннаго, кромѣ родственнаго, расположенія, а такъ какъ онъ былъ ей двоюроднымъ братомъ, то предлоговъ для отказа искать было нечего, потому онъ и не просилъ руки формально Знаю, что и деверь мой, и невѣстка этого желали, только мы находили, что бракъ въ такихъ близкихъ степеняхъ родства, не положенный и по церковному уставу, не возможенъ и отклонили его отъ этого намѣренія.

Яньковъ не долго думалъ и пріискалъ себѣ невѣсту, очень хорошую и милую дѣвушку, Ушакову. Назначенъ былъ день свадьбы, я должна была быть посаженою матерью, и въ самый день вѣнчанья, поутру, я совсѣмъ уже была готова ѣхать, только поджидала, чтобы Грушенька и Клеопатра одѣлись и сошли внизъ. Вдругъ присылаютъ меня извѣстить, что женихъ умеръ: онъ собрался ѣхать въ церковь, сталъ одѣваться и хотѣлъ умыться, нагнулся, зашатался, упалъ— и духъ вонъ.

Это меня ужасно поразило; но каково же было пораженіе бѣдной невѣсты? Одѣлась она, ждетъ, что шаферъ пріѣдетъ извѣстить, что женихъ въ церкви, и вмѣсто того шаферъ точно пріѣхалъ, но чтобъ извѣстить, что женихъ—покойникъ. Все, что̀ было приготовлено для свадебнаго пира, пошло потомъ на похоронныя поминки. Вечеромъ, въ день свадьбы, я поѣхала къ жениху на панихиду; схоронили его въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ схоронены были его жена и отецъ. Онъ родился 24-го августа 1791 года, и ему слѣдовательно

только-что минуло сорокъ лѣтъ; онъ женился, будучи очень еще молодъ, и старшія его дѣти, дѣвочка и два мальчика, были уже порядочные, а меньшому, Петрушѣ, было лѣтъ девять или десять.

III.

Въ 1832 году, у насъ, слава Богу, никто не умиралъ въ родствѣ, но было двѣ свадьбы: два князя Александра Вяземскихъ женились на двухъ Римскихъ-Корсаковыхъ. Первая свадьба была моего родного племянника, князя Александра Николаевича на Александрѣ Александровнѣ Римской-Корсаковой, дочери Марьи Ивановны, которая была великая мастерица тѣшить Москву своими балами и разными забавами. Молодая дѣвушка давно нравилась князю Александру и онъ увивался около нея, но онъ былъ еще такъ молодъ, что отецъ и слышать не хотѣлъ объ его женитьбѣ; къ тому же, онъ былъ имъ недоволенъ за его участіе въ декабрьской исторіи 1826 года и долгое время за это и видѣть его не хотѣлъ. Тогда не то, что̀ теперь: отцы поблажки дѣтямъ не дѣлали. Однако, предъ турецкимъ походомъ отецъ съ сыномъ, повидимому, примирился. Корсакова была на нѣсколько лѣтъ старше князя Александра; онъ ей нравился, и когда онъ съ нею сталъ прощаться предъ выступленіемъ въ походъ, она подарила ему золотой медальйонъ, въ которомъ была миніатюра—два глаза, выглядывающіе изъ облаковъ. Она имѣла прекрасные, очень выразительные и привлекательные глаза и, должно быть, знала это. Даря ему этотъ медальйонъ, она ему сказала: «Вотъ вамъ, князь, на память; пусть это будетъ для васъ талисманомъ, который сохранитъ васъ на войнѣ: помните, что эти глаза повсюду будутъ слѣдовать за вами».

Во время турецкаго похода князь Александръ подвергся двойной опасности — не только быть убитымъ на войнѣ, но умереть еще и отъ кори, которую онъ гдѣ-то захватилъ на пути; отъ этой болѣзни береглись и дома, а ему, сердечному, пришлось съ нею няньчиться въ походѣ, спать на сырой землѣ, на одной шинели, въ палаткѣ. Однако, Господь его помиловалъ: онъ преблагополучно перенесъ корь, не застудилъ и не было никакихъ послѣдствій.

По возвращеніи его изъ похода, старикъ Вяземскій сталъ къ сыну получше, но какъ только заговоритъ онъ объ Корсаковой, такъ отецъ на дыбы: «Далась тебѣ эта Корсакова, болѣзненная, старая дѣвка, привередница, какихъ мало; лучше не нашелъ... Ахъ, ужь эта мнѣ Марья, влюбила тебя въ свою дочь; чего тебѣ спѣшить, успѣешь жениться» [1]). Очень ему не хотѣлось этого брака.

Разъ какъ-то Клеопатра сказала князю Александру: «Ты видишь, что дяденька не желаетъ, чтобы ты женился на Корсаковой; охота это тебѣ приставать къ отцу»!

— А если онъ не хочетъ и станетъ мнѣ мѣшать, такъ и безъ него обойдусь, на зло ему, безъ воли женюсь.

Въ отца былъ — пресамонравный; только отецъ былъ прескупой, а сынъ мотышка и картежникъ.

Отецъ все ломался, не хотѣлъ позволять, но сынъ приступалъ и, наконецъ, перетянулъ, на своемъ поставилъ: отецъ долженъ былъ согласиться и, скрѣпя сердце, позволилъ свататься.

Предложенія давно ожидали и тотчасъ дали согласіе. Въ началѣ января былъ сговоръ и помолвка, и меня, какъ родную тетку, братъ князь Николай и князь Александръ пригласили быть посаженою матерью вмѣстѣ съ отцомъ, а вѣнчанію назначили быть въ первыхъ числахъ февраля предъ сырною недѣлей. Пасха была въ тотъ годъ не слишкомъ ранняя.

Невѣсту привозили ко мнѣ: высока, стройна, не дурна лицомъ и съ прекрасными бархатными глазами. У меня она себя держала просто, прилично и хорошо, а у князя Николая Семеновича въ домѣ (жилъ онъ тогда на Остоженкѣ въ своемъ домикѣ) стала подымать платье повыше отъ пола и осматри-

---

[1]) Александра Александровна Корсакова сама повредила своему здоровью; она была очень полна, румяна и кровь приливала къ головѣ. Будучи въ Парижѣ, она посовѣтовалась съ какимъ-то медикомъ, тотъ предложилъ ей пустить себѣ кровь; что̀ жь она придумала? Послала за кровопускателемъ и велѣла себѣ пускать кровь до обморока и этимъ такъ себя ослабила, что опасались даже за ея жизнь. Но хотя она не умерла и выздоровѣла, она этимъ подорвала свое здоровье, стала какая-то хилая, ледящая и никогда вполнѣ послѣ того не могла оправиться. Отъ этого-то старикъ Вяземскій и называлъ ее больною старою дѣвкой.

вать чисто ли кресло,—такъ ей показалось у брата неопрятно: она, говорятъ, была большая чистуля и брезгунья.

Это брату ужасно не понравилось и онъ сталъ жаловаться на нее: «Представь себѣ, матушка, дура-то эта, будущая моя сноха-то, ничего не видя, а ужь брезгать моимъ домомъ стала: юпки по щиколотку поднимаетъ, смахиваетъ съ креселъ, точно въ хлѣвъ въ какой зашла... Помяни ты мое слово, не быть пути отъ этого брака, я не доживу—ты увидишь...

И вѣдь чтò же, напророчилъ: такъ потомъ и сбылось...

Марья Ивановна была премилая и преобходительная женщина, которая всѣхъ умѣла обласкать и привѣтить, такъ вотъ въ душу и влѣзетъ, совсѣмъ тебя заполонитъ. Она имѣла очень хорошее, большое состояніе и получала не мало доходовъ, да только ужь очень размашисто жила и потому была всегда въ долгу и у каретника, и у того, и у сего. Вотъ, придетъ время расплаты, явится къ ней каретникъ, она такъ его приметъ, усадитъ съ собой чай пить, обласкаетъ, заговоритъ—у того и языкъ не шевельнется, не то что попросить уплаты, напомнить посовѣстится. Такъ ни съ чѣмъ отъ нея и отправится, хотя и безъ денегъ, но довольный пріемомъ.

Вздумалось Марьѣ Ивановнѣ съѣздить за границу, чтò въ прежнее время стоило не дешево, а денегъ у нея нѣтъ; занять, можетъ-статься, было не у кого или занимать не разсудила, она возьми да и продай одинъ изъ своихъ двухъ домовъ, чтò противъ Страстного монастыря, тотъ, который поменьше, за пятьдесятъ тысячъ ассигнаціями; съ этими денежками и повезла двухъ меньшихъ дочерей тѣшить, да и самой позабавиться; года полтора она путешествовала, пока изъ кармана всего не вытрясла. И послѣ того сама разсказывала всѣмъ и хвасталась своею оборотливостью:

— Вотъ какую аферу я сдѣлала, съѣздила даромъ въ чужіе края, только флигелекъ продала, на эти деньги и путешествовала,—каково? Вотъ какія бывали еще чудачки.

Съ молодыми людьми, которыхъ она прочила своимъ дочерямъ въ женихи, она была тоже мастерица обращаться: такъ очаруетъ, заколдуетъ, что они и не почувствуютъ, какъ предложеніе сдѣлаютъ. То зоветъ на вечеръ, то пригласитъ къ себѣ въ ложу, къ обѣду, а лѣтомъ куда-нибудь за городъ соберется на катанье большимъ обществомъ... Она первая

ввела въ обыкновеніе, чтобы на святой недѣлѣ подъ Новинскимъ (гдѣ всегда ѣздили въ каретахъ) ходить пѣшкомъ и по балаганамъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, въ 1821 году, я и стала разсказывать про эту новость сестрѣ Вяземской: «Охъ, ужь мнѣ эта Марья Корсакова, говоритъ сестра, вѣчно-то выдумаетъ она что-нибудь новенькое, свое, и все-то она хороводы водитъ».

Думала ли тогда сестра, что ея сынъ Саша попадетъ въ руки этой Марьи Корсаковой и на ея дочери женится?

По правдѣ сказать, и съ той, и съ другой стороны партія была подходящая; одно только—что невѣста была немного постарше жениха и ужь совсѣмъ не хозяйка для дома, ни о чемъ понятія не имѣла.

Свадьба была 12-го февраля. Приглашали и съ той, и съ другой стороны однихъ родныхъ и самыхъ близкихъ знакомыхъ; было, однако, людно и парадно.

Готовилась у насъ въ семьѣ и другая свадьба, но только не было еще ничего рѣшено. Настенька, дочь брата Николая Петровича, нравилась сыну княгини Елизаветы Ростиславовны, князю Александру Сергѣевичу, и объ этомъ огласки не дѣлали.

На свадьбѣ князя Александра Николаевича братъ Николай Петровичъ накинулся на Грушеньку:

— Скажи, пожалуйста, съ чего ты распускаешь слухи, что Настенька идетъ за князя Александра?

— Я этого не знала и потому говорить объ этомъ не могла...

— Ты сказывала Неклюдовой, что Вяземскій женится на Корсаковой?

— Говорила, это правда; а на чьей же мы свадьбѣ? Князь Александръ Вяземскій женился на Корсаковой.

Но скоро объявили и Настенькину свадьбу.

Настенька была не красавица, но очень мила и авантажна въ бальномъ платьѣ, а такъ какъ она была очень худощава, то ее кутали въ тюлевый или газовый шарфъ, и къ ней это очень шло.

На свадьбѣ князя Александра она была очень авантажна, и княгиня Елизавета Вяземская, глядя на нее, говоритъ Грушенькѣ: «Удивляюсь я, гдѣ это у жениховъ глаза; посмотри какъ Нанси мила»...

Она выѣзжала уже года съ два и много молодыхъ людей около нея увивалось, но ей никто особенно не нравился; она была довольно равнодушнаго характера и мало обращала вниманія на всѣхъ своихъ воздыхателей. Марьѣ Петровнѣ хотѣлось во что̀ бы то ни стало выдать ее непремѣнно за графа или за князя и потому на свои балы она только и приглашала сіятельныхъ кавалеровъ; другихъ она не удостоивала этой чести.

Братъ и княгиня Елизавета Вяземская были очень дружны между собой и обоимъ желалось, чтобъ ихъ дѣти другъ другу понравились. Въ это время сталъ около Нанси ухаживать графъ Мантейфель, который ей приглянулся и она къ нему было расположилась, но только онъ не посватался и вскорѣ потомъ женился ли, умеръ ли — не припомню хорошенько. Нанси огорчилась и сказала тогда матери: «Теперь мнѣ все равно, за кого ни выйти; выбирайте кого хотите, я отказывать не стану».

Этимъ воспользовались: Вяземскій посватался и былъ принятъ; вѣнчали 12-го апрѣля. Братъ и Вяземская-мать были очень довольны, что женили своихъ дѣтокъ, и думали: вотъ будетъ благополучіе-то. Вышло иначе: и тотъ, и другой могли бы быть счастливы, да только не вмѣстѣ, имѣя различные характеры. Вяземскій служилъ въ лейбъ-гусарахъ, и полкъ его былъ или въ Царскомъ Селѣ, или въ Гатчинѣ. Нѣсколько времени спустя послѣ свадьбы, поѣхали туда молодые, вскорѣ собрался и братъ съ женою: повезли туда своего сына Сашу, который долженъ былъ поступить въ полкъ. Онъ родился въ 1816 году и ему былъ шестнадцатый годъ; не очень великъ ростомъ, съ пріятнымъ личикомъ и милый мальчикъ; веселый, живой, ласковый, прекраснаго характера, всѣми любимый и совершенный еще ребенокъ: такъ его держали.

IV.

Въ 1833 году, были у насъ въ родствѣ то родины да крестины, то похороны, и меня совсѣмъ затаскали по этимъ церемоніямъ: то радуйся и крести, то хорони и плачь.

Годъ начался съ того, что, въ февралѣ невѣстка моя, Вар-

вара Николаевна Корсакова (по себѣ графиня Маркова), жена брата Михаила Петровича, просватала своего сына Владиміра; онъ бралъ за себя Анну Николаевну Попову. Ея мать, Катерина Терентьевна, сосѣдка брата по Боброву, была урожденная Цвиленева и имѣла сестру, пожилую дѣвушку Марью Терентьевну. Ихъ мать, очень уже преклонныхъ лѣтъ, Александра Ивановна, по фамиліи Филисова, родилась и росла по сосѣдству съ Бобровымъ, гдѣ отецъ ея, небогатый дворянинъ, имѣлъ маленькое помѣстьице; будучи еще молодою дѣвушкой, она знавала мою бабушку Евпраксію Васильевну и зачастую у ней гащивала. Бабушка къ ней благоволила и ее ласкала; но только ни ея мать, ни она о парадномъ крыльцѣ и подумать не смѣли, а всегда ѣзжали на дѣвичье крыльцо. Внучка ея Анна Николаевна очень понравилась сестрѣ Варварѣ Николаевнѣ и она эту свадьбу и сладила. Владиміръ вышелъ въ отставку ротмистромъ и жилъ въ Москвѣ. Онъ былъ непомѣрно толстъ, но лицо имѣлъ пріятное. Молодая дѣвушка была недурна собою.

На крестинахъ у моего племянника, князя Александра Николаевича Вяземскаго, у котораго родился сынъ Николай (февраля 18-го), мы всѣ родные съѣхались, въ томъ числѣ и Варвара Николаевна, и весело попировали вмѣстѣ; она была здоровехонька. На другой день она пріѣхала вечеромъ ко мнѣ, я показывала ей обращики шелковыхъ матерій для платьевъ, ей одинъ понравился, она взяла его и приколола себѣ къ платью:

— Я такое платье велю себѣ купить для Владиміровой свадьбы, и уѣхала отъ меня превеселая.

Черезъ день мнѣ присылаютъ сказать, что она занемогла; я поѣхала къ ней и нашла ее прихворнувшею, но совсѣмъ не въ опасномъ положеніи, а февраля 25-го къ утру ея не стало: оказалось сильное воспаленіе.

Я каждый день къ ней ѣздила и сидѣла у нея подолгу. Дня за два до кончины она мнѣ говоритъ:

— Если я, сестра, умру, — прошу тебя, будь Владиміру вмѣсто матери и свадьбу не откладывайте, а тотчасъ послѣ шести недѣль и вѣнчайте.

— Э, полно, сестра! говорю я ей. — Охота это тебѣ говорить пустяки...

— Ну, вотъ помяни мое слово, что я не встану.

И вѣдь такъ и вышло.

Отпѣвали ее у Неопалимой Купины, а схоронили въ Даниловомъ монастырѣ.

Не прошло мѣсяца, умеръ мой внучатый братъ, Николай Александровичъ Корсаковъ; похоронили и его въ Даниловомъ монастырѣ.

Сороковой день по Варварѣ Николаевнѣ приходился въ первыхъ числахъ апрѣля, что̀ было на святой недѣлѣ, и потому въ понедѣльникъ на Ѳоминой справили сорочины, а въ среду положили быть вѣнчанью. Владиміръ нанялъ домъ Герардовой, напротивъ меня, и къ святой туда переѣхалъ.

Вѣнчать должны были поутру и мнѣ быть посаженою матерью, а у меня съ вечера еще начались такія спазмы въ желудкѣ, что я не знаю, могу ли ѣхать въ церковь. Поминутно присылаютъ узнавать о моемъ здоровьѣ, а я лежу пластъ-пластомъ; ну, наконецъ, полегчило, я встала и кое-какъ могла ѣхать въ церковь. Вѣнчали въ домовой церкви Алексѣя Ивановича Бахметева, въ Старой Конюшенной, гдѣ вѣнчали и Грушеньку.

Въ августѣ того же года, 20-го числа, скончался зять мой, князь Николай Семеновичъ Вяземскій; онъ жилъ неподалеку отъ меня, въ своемъ домикѣ, на Остоженкѣ.

Тоже скоро его свернула болѣзнь — воспаленіе. Къ шести недѣлямъ оба сына пріѣхали. Андрей пріѣхалъ первый и, увидавъ завѣщаніе отца, прочиталъ его и пришелъ съ нимъ ко мнѣ въ ужасномъ смущеніи:

— Представьте, говоритъ, тетушка: батюшка лишилъ брата наслѣдства: все оставилъ мнѣ, ему ничего.

Показываетъ, — точно, все ему, брату ничего. Князь Николай Семеновичъ никогда не могъ въ душѣ простить князю Александру, что онъ попалъ въ заговоръ противъ государя, тутъ онъ еще себѣ повредилъ тѣмъ, что женился почти что противъ воли отца на Корсаковой, вотъ онъ въ отместку ему и хотѣлъ его всего лишить.

— Ну, какъ же ты думаешь? спрашиваю я князя Андрея.

— Я хочу, тетушка, скрыть отъ брата духовную и, какъ слѣдуетъ, все съ нимъ раздѣлить пополамъ: имѣніе, движимость и деньги.

Я обняла его и поцѣловала:

— Это ты доброе дѣло сдѣлаешь и грѣхъ съ отцовой души снимешь, говорю я.

Онъ духовную отца изорвалъ и съ братомъ все пополамъ раздѣлилъ. Себѣ взялъ Студенецъ, веневское имѣніе и половину рязанскаго, а остальное все отдалъ князю Александру, такъ что тому пришлось еще и больше, чѣмъ ему. Онъ не пожадничалъ и, поступивъ по совѣсти, былъ этимъ очень успокоенъ, а брату ничего и не сказалъ: на что̀ было его вооружать противъ памяти отца?

Честный и хорошій былъ человѣкъ князь Андрей.

V.

Приблизительно въ это время, но въ точности, въ которомъ именно году — въ 32, 33 или 34 — припомнить не могу, Господь порадовалъ меня на счетъ брата, князя Владиміра Михайловича Волконскаго. Онъ обратился на путь истины. Начитавшись смолоду Вольтера и Дидерота, онъ ни во что̀ святое не вѣровалъ, и хотя мы были дружны, но на этотъ счетъ всегда съ нимъ расходились во мнѣніяхъ и этого предмета не касались: я вѣровала, какъ учитъ церковь, онъ все отвергалъ,—что̀-жь тутъ говорить? Его не разувѣришь, что онъ заблуждается, а слушать его было непріятно и страшно: христіанинъ, а говоритъ, какъ язычникъ, и лѣтъ сорокъ или больше не былъ на духу, не причащался...

Нанималъ онъ нижній этажъ въ домѣ Владиміра Корсово, на Сѣнномъ бульварѣ, что̀ за Смоленскимъ рынкомъ. Онъ любилъ ходить пѣшкомъ, часто хаживалъ ко мнѣ и всегда остановится и спрашиваетъ у лавокъ: почемъ крупа, овесъ, мука, по какой цѣнѣ сѣно. Какъ-то осенью, въ базарный день, идетъ онъ черезъ Сѣнную площадь. Торгъ кончился, всѣ разъѣхались, стоитъ только какой-то старикъ-мужичокъ съ двумя возами.

— Почемъ продаешь сѣно? спрашиваетъ братъ.

— Купите, батюшка, говоритъ старикъ,—дорого не возьму, и сказалъ цѣну.

— А сколько въ возахъ? нужно вывѣсить.

И потомъ прибавилъ: «Вотъ что, любезный, свѣшай-ка,

[illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

[illegible]

— [illegible]

[illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

[illegible]

— Вотъ, говоритъ, сестра, что ты на это скажешь?

Въ другое время я съ нимъ объ этомъ и разговаривать бы не стала. — что толку слушать? — а тутъ, я сама не знаю, отчего ужасно обрадовалась.

— Ну, слава Богу, говорю я, это Господь тебя къ Себѣ невѣдомыми путями призываетъ, обращенія твоего ждетъ.

— Что же ты мнѣ посовѣтуешь? Докажи мнѣ кто-нибудь, что я въ заблужденіи, я не прочь увѣровать.

— Ежели ты это взаправду говоришь, совѣтую тебѣ съѣздить къ митрополиту Филарету и все ему подробно объяснить, а тамъ ты увидишь, что онъ тебѣ скажетъ.

Господь видимо его къ Себѣ призывалъ. Онъ меня по-

слушался и поѣхалъ къ митрополиту и долго у него сидѣлъ. Владыка выслушивалъ его, опровергалъ его сомнѣнія и потомъ сказалъ ему, что пришлетъ къ нему протоіерея, съ которымъ онъ можетъ подробнѣе поговорить, убѣдиться въ истинности ученія нашей церкви и можетъ взять его въ духовные отцы.

На слѣдующій день къ нему отъ митрополита пришелъ протоіерей церкви Троицы, что̀ на Арбатѣ, Сергѣй Ивановичъ.

Онъ сталъ у брата бывать, приносилъ ему книги, объяснялъ ему, чего онъ не понималъ, не зная по-славянски, и, наконецъ, братъ пожелалъ говѣть, подробно исповѣдалъ всѣ грѣхи прошлой жизни и сподобился принятія Святыхъ Христовыхъ Таинъ.

Съ тѣхъ поръ онъ ежегодно говѣлъ, соблюдалъ посты и посѣщалъ храмъ Божій. Въ первый разъ, когда онъ пріѣхалъ въ церковь, ко мнѣ въ приходъ, къ Троицѣ въ Зубовѣ, онъ мнѣ послѣ сказывалъ, что ему было совѣстно и неловко и что ему показалось, что всѣ на него глядятъ.

— Это, братъ, тебя врагъ смущаетъ; ему жаль, что онъ не могъ тебя осѣтить до конца; совѣстно и неловко быть тамъ, гдѣ мы дѣлаемъ что-нибудь худое, а не во храмѣ Божіемъ.

Князь Владиміръ былъ человѣкъ умный и много въ свою жизнь перечиталъ книгъ, и вотъ въ какомъ могъ онъ быть заблужденіи и по вражескому дѣйствію. Обращеніе его къ Богу имѣло хорошее вліяніе и на брата Николая Петровича, который одно время тоже свихнулся; онъ сталъ чаще бывать въ церкви, и въ особенности его утвердилъ въ вѣрѣ духовникъ его, священникъ отъ Большого Вознесенія, Петръ Евпловичъ.

VI.

Въ 1834 или въ 1835 году, въ нашемъ переулкѣ проявилась новая жительница, старушка лѣтъ шестидесяти, очень изъ себя миловидная, по-старушечьи одѣта, но довольно нарядно. Спрашиваю разъ у Екатерины Сергѣевны Герардъ:

— Что̀ это за новое лицо у насъ въ церкви бываетъ?

— А это сестра моей сосѣдки Плещеевой — княгиня Трубецкая.

Дворъ Плещеевой былъ рядомъ заборъ съ заборомъ съ Герардовскимъ садомъ. Лѣтъ семь или восемь жила я у Троицы въ Зубовѣ и Плещееву старушку видала только въ церкви, куда она хаживала со своею горничной, но она ни съ кѣмъ знакома не была: и къ себѣ никого не принимала, и сама ни у кого не бывала. Былъ у нея сперва старый домикъ, она его сломала и выстроила новый на двѣ половины: въ одной жила она сама, другую отдавала внаймы.

Сперва съ Трубецкою познакомилась Герардова, потомъ познакомила и насъ и мы очень сошлись и сблизились.

Она была по себѣ Кромина; это хорошая дворянская фамилія, не особенно знатная, но давнишняя, кажется, нижегородская. Плещееву звали Елизаветою Петровной, Трубецкую Марѳою Петровной. Будучи еще дѣвочкой, Марѳа Кромина часто гащивала и подолгу живала у княгини Трубецкой (жены князя Петра Сергѣевича, Дарьи Александровны, послѣ княжны Грузинской, сестры извѣстнаго князя Егора Александровича); княгиня ее ласкала и считала ее почти что своею воспитанницей; дѣвочка была собою очень хорошенькая, скромная, но веселаго и живого характера. Въ концѣ 1790 годовъ княгиня Трубецкая умерла, оставивъ нѣсколько мальчиковъ и дѣвочку. Кромина была еще очень молода — лѣтъ 14 или 15, и неутѣшно плакала о княгинѣ. Это князю было пріятно; онъ любилъ молодую дѣвушку, душевно привязанную къ его покойной женѣ, и хотя былъ гораздо старше, чѣмъ она, можетъ-быть, лѣтъ на двадцать или болѣе, онъ женился на Кроминой, отъ которой и имѣлъ сына Никиту Петровича.

Не будучи ни особенно умна отъ природы и не получивъ тщательнаго воспитанія, вторая княгиня Трубецкая сама себя довоспитала, усвоила пріемы и обращеніе хорошаго круга, а главное — была добрая мачиха, благочестивая жена, очень нѣжная и любящая мать и женщина достойная уваженія.

Оставшись молодою вдовой и съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ, княгиня Марѳа Петровна посвятила себя его воспитанію и устройству имѣнія, доставшагося на ея вдовью долю и ея сыну, которому пришлось изъ отцовскаго имѣнія очень не много; хотя пасынки ея и были богаты, но по своей матери

изъ рода Грузинскихъ. Сынъ выросъ, и мать была имъ утѣшена: онъ вышелъ хорошій человѣкъ, къ матери почтительный, и по ея желанію онъ женился довольно молодымъ на весьма достойной и умной дѣвицѣ, на фрейлинѣ Нелидовой, которая на нѣсколько лѣтъ была старше его. Они жили согласно и имѣли двухъ сыновей и двухъ дочерей.

Устроивъ судьбу сына по своему желанію, Марѳа Петровна пріѣхала въ Москву жить съ престарѣлою сестрой (а можетъ статься, и стеречь ея наслѣдство). Любя сына и заботясь объ его довольствѣ, княгиня очень поприжалась, во всемъ себѣ отказывала, чтобъ имѣть возможность побольше скопить для сына. Она стѣснилась съ сестрою въ нѣсколькихъ комнаткахъ, имѣла только человѣка и дѣвушку, а лошадей не держала. Она иногда хаживала въ церковь пѣшкомъ, а зимою или въ ненастье, по воскресеньямъ и въ праздники, отъѣхавъ въ церковь, я посылала за нею свою карету, въ которой потомъ опять ее отвозили. Въ продолженіе пяти-шести лѣтъ, что мы жили въ одномъ переулкѣ, почти-что наискось другъ противъ друга, мы очень сблизились и ужь непремѣнно видались два-три раза въ недѣлю. Потомъ старушка Плещеева умерла, княгиня переѣхала въ Петербургъ и послѣ того въ нижегородскую деревню, а я свой домъ въ Зубовѣ продала; мы изрѣдка переписывались, и Клеопатра частехонько исполняла комиссіи княгини, но видѣться болѣе ужь намъ не приходилось. Я сохранила о ней самое пріятное воспоминаніе, какъ о миломъ и хорошемъ человѣкѣ.

Падчерица ея была за графомъ Потемкинымъ, который имѣлъ свой домъ на Пречистенкѣ, и, владѣя очень большимъ состояніемъ, былъ, говорятъ, постоянно безъ денегъ и терпѣлъ нерѣдко великую нужду.

Одинъ изъ пасынковъ Марѳы Петровны былъ женатъ на Бахметевой (родной племянницѣ княгини Агаѳоклеи Алексѣевны Шаховской) и имѣлъ нѣсколькихъ дочерей, изъ которыхъ самая младшая вышла потомъ за сына княгини Ирины Никитичны Урусовой, князя Сергія Николаевича; на мой взглядъ, она была ангеломъ по наружности, а по словамъ ея свекрови—ангеломъ и по характеру и добротѣ.

VII.

Черезъ годъ послѣ смерти князя Николая Семеновича Вяземскаго, старшій сынъ его, князь Андрей, женился на замужней женщинѣ, Натальѣ Александровнѣ Гурьевой. Мужъ этой молодой красавицы былъ человѣкъ очень богатый и, съ тѣмъ вмѣстѣ, большой игрокъ, который велъ очень разсѣянную жизнь, прекрасную свою жену любилъ, баловалъ, но, должно-быть, плохо за нею смотрѣлъ и, выигрывая въ карты, проигралъ жену: она понравилась князю Андрею, а онъ ей, и вышла бѣда для оплошнаго мужа. Князь Андрей былъ, должно-быть, мастеръ ухаживать и, увиваясь за Гурьевой, вскружилъ ей голову. Но она была честною женщиной и, видя, что Вяземскій въ нее влюбленъ, однажды спрашиваетъ его: «Скажите, князь, къ чему вы меня преслѣдуете? развѣ вы не знаете, что я замужняя женщина, что я себя уважаю и что вамъ невозможно отъ меня добиться, чтобъ я забыла свой долгъ?»

— Для влюбленнаго человѣка все возможно, говоритъ онъ ей,—я ни предъ чѣмъ не остановлюсь, я добьюсь, что вы будете моею.

— О, ежели такъ, то вотъ моя рука; хлопочите о разводѣ, быть вашею женой я согласна.

Какъ принялъ это Гурьевъ и что̀ побудило его жену рѣшиться на разводъ—я не знаю, но только Гурьевъ согласился принять на себя всякія вины, чтобъ его жена могла выйдти за Вяземскаго. Говорятъ, что онъ былъ скупенекъ, а жена его много тратила, что не задолго предъ тѣмъ ему пришлось заплатить за нее по счетамъ изъ модныхъ лавокъ больше двѣнадцати тысячъ ассигнаціями, что̀, будто бы, и побудило его согласиться на разводъ.

Стали хлопотать, дѣло князю Андрею стоило большихъ денегъ, кажется, тысячъ до сорока ассигнаціями.

Не порадовалась я, когда онъ извѣстилъ меня о своей женитьбѣ, но когда черезъ годъ послѣ того онъ пріѣхалъ въ Москву и привезъ ко мнѣ свою молодою жену, я, конечно, приняла ее, какъ жену моего племянника, сына моей родной

сестры. Совѣта моего онъ не спрашивалъ, а только объявлялъ мнѣ, что женится; что̀ же мнѣ оставалось дѣлать?

Княгиня Наталья была очень видная и статная женщина, прекрасная собой; ей было лѣтъ около тридцати, а князю Андрею нѣсколько лѣтъ болѣе; и по годамъ, и по наружности это была прекрасная пара, и хотя бракъ былъ законнымъ, а все же какъ тамъ ни говори, и съ той, и съ другой стороны такое супружество было большимъ беззаконіемъ. Княгиня Наталья и сама это чувствовала и одинъ разъ сказала мнѣ:

— Знаете ли, тетушка, я иногда себя спрашиваю: хорошо ли я сдѣлала, что вышла за Андрэ; какъ вы думаете?

Очень я затруднилась отвѣтомъ; однако, думаю: «Спрашиваютъ тебя, что̀ же тутъ лукавить — говори правду», и сказала ей: «Милая моя, ежели бы ты меня не спросила, что̀ я думаю, я бы не позволила себѣ высказывать тебѣ своихъ мыслей; но разъ, что ты спрашиваешь, то должна тебѣ признаться, что не могу сказать, чтобы считала хорошимъ отъ живого мужа выходить за другого».

— Вотъ и мнѣ такъ кажется и я боюсь, что меня Богъ накажетъ за это; прежде я грозы совсѣмъ не боялась, а теперь я стала очень бояться...

Должно-быть, она пересказала своему мужу нашъ разговоръ; князь Андрей вдругъ пересталъ ко мнѣ ѣздить: жена бываетъ, а онъ ни ногой, такъ больше полугода у меня и не бывалъ. Потомъ ему стало самому совѣстно, что бросилъ старуху-тетку, явился ко мнѣ съ повинной головой, сталъ на колѣни, просилъ прощенія, но о причинѣ, за что̀ на меня сердился, не было и рѣчи; такъ дѣло и обошлось.

Нельзя не отдать справедливости княгинѣ Натальѣ: она была премилая и преласковая не только ко мнѣ, но ко всякому; каждому найдетъ, что̀ сказать пріятное и никогда никому не подастъ и виду, что ей что-нибудь непріятно. Она была со всѣми особенно учтива: и лакеямъ, и горничнымъ, своимъ и чужимъ, всегда говорила вы, что казалось смѣшнымъ и страннымъ. Говорятъ даже, что у себя въ деревнѣ она говорила бурмистру: «послушайте, бурмистръ, я хотѣла васъ попросить»... Это ужь черезчуръ по иностранному.

Но при всей своей добротѣ и съ хорошимъ своимъ харак-

теромъ, она не умѣла сдѣлать мужа счастливымъ: была слишкомъ мотовата, охотница рядиться и отдѣлывать наемныя квартиры и этими излишними тратами ввела мужа въ долги и разстроила его состояніе. Милая и пріятная женщина, но совсѣмъ не хозяйка, а совершенная пустодомка.

Жена князя Александра, напротивъ того, всегда обращалась съ людьми свысока и слишкомъ повелительно, даже рѣзко; въ чемъ былъ недостатокъ у одной, въ томъ былъ излишекъ у другой.

Княгиня Александра въ особенности допекала своихъ людей своимъ прихотничествомъ, чрезмѣрною брезгливостью и полуночничествомъ. Сидитъ бывало до трехъ, до четырехъ часовъ ночи, проспитъ до второго часа дня, утренній чай свой пьетъ въ четвертомъ часу, обѣдаетъ въ семь, за вечерній чай сядетъ въ одиннадцать часовъ, а иногда вздумаетъ еще и ужинать.

На первыхъ порахъ, возвратившись изъ пензенской деревни, она стала было и ко мнѣ ѣздить вечеромъ пить чай: я собираюсь уже къ себѣ уходить, убираю свою работу, а она является ко мнѣ проводить со мною вечеръ.

Раза два я промолчала, что она сидитъ у меня до второго часа ночи, а потомъ и сказала ей:

— Я всегда рада, моя милая, проводить съ тобою время, но только ты меня, старуху, не засиживай; ежели угодно ко мнѣ пріѣзжать, такъ милости просимъ пораньше: я въ одиннадцать часовъ ухожу къ себѣ и ложусь спать; поздно сидѣть, воля твоя, я не могу.

Ну, и стала она ко мнѣ пріѣзжать часовъ въ восемь, а въ двѣнадцать уѣзжать. Чтобы подладиться къ своему мужу, она не хорошо говорила про государя и про государыню, называла ихъ просто Николай Павловичъ и Александра Ѳедоровна и у меня разъ вздумала что-то такое неладное сказать; я тотчасъ ее остановила:

— Нѣтъ, матушка, ты при мнѣ этого не говори, я твоихъ пустяковъ слушать не буду; хочешь говорить, такъ говори, гдѣ угодно, но только не у меня.

Она засмѣялась.

— Ахъ, тетушка, какія же вы строгія!

— Ну, не взыщи, моя милая, какова ни на есть, а про

государя и государыню у меня худо не говори; я стара и перевоспитывать меня поздно, а я привыкла съ дѣтства благоговѣть предъ царемъ, такъ ужь ты меня въ моемъ домѣ не огорчай...

Ну и тоже, какъ рукой сняло: полно у меня про нихъ худо говорить. Если мы, старики, будемъ молчать и не станемъ молодыхъ уговаривать, кому же послѣ того и правду сказать! Князь Андрей, вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву (гдѣ жилъ онъ первое время, не знаю), нанялъ лѣвую половину въ домѣ княгини Мареы Петровны Трубецкой, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по просухѣ, собрались ѣхать къ себѣ въ тульскую деревню, въ Студенецъ. Они то и дѣло, что мѣняли квартиры и вездѣ все отдѣлывали. Одно время они жили на Остоженкѣ, потомъ на Пречистенкѣ и рѣдко случалось, чтобы жили гдѣ болѣе года.

Князь Александръ тоже часто мѣнялъ наемные дома, иногда и не безъ причины. Вотъ что̀ случилось у него въ домѣ, который онъ нанималъ на Сивцевомъ Вражкѣ, у Алексѣева. Къ нему по вечерамъ часто собирались игроки въ банкъ играть, такъ какъ онъ самъ былъ большой игрокъ, иногда проигрывалъ помногу, и раза два приходилось и мнѣ его ссужать порядочными кушами денегъ, которыя потомъ онъ мнѣ и возвращалъ очень аккуратно. Разъ онъ мнѣ говоритъ:

— Поздравьте меня, тетушка: я вчера выигралъ двадцать тысячъ и вотъ вамъ свой долгъ и поспѣшилъ привезти.

— Охъ, мой любезный, говорю я ему, — радуюсь, что ты съ прибылью, да жаль, что черезъ карты: выигрышъ и проигрышъ, по пословицѣ, на одномъ конѣ ѣздятъ... Сохрани тебя Богъ отъ бѣды, карты до добра не доведутъ...

Онъ поцѣловалъ у меня руку и обнялъ меня: «молчи, дескать, старуха».

Не прошло десяти дней, у него въ домѣ великая бѣда случилась.

Въ числѣ бывавшихъ у него игроковъ часто ѣзжали какой-то Сверчковъ и Дороховъ. Какъ ихъ звали и что̀ это были за люди, совсѣмъ не знаю. Весь вечеръ играли, дѣло было къ утру; встали, начали считаться, вдругъ проигравшійся опрокинулъ столъ, а выигравшій подбѣжалъ къ письменному столу, на которомъ лежалъ кабинетный кинжалецъ, хвать его и пыр-

пулъ имъ въ бокъ опрокинувшаго столъ; тотъ упалъ, хлынула кровь... Пошла суматоха въ домѣ, послали за докторомъ, за женой раненаго и, пока еще можно было, отвезли его поскорѣе домой, гдѣ, нѣсколько дней спустя, онъ и умеръ. Вотъ онѣ, карты-то, до чего доводятъ.

Къ счастью, тогда князь Андрей служилъ при князѣ Дмитріѣ Владиміровичѣ чиновникомъ особыхъ порученій. Онъ князю передалъ обстоятельства этого дѣла, тотъ послалъ за оберъ-полиціймейстеромъ Цынскимъ, такъ дѣло замяли и въ огласку не пустили. Въ этомъ же несчастномъ домѣ умеръ у Вяземскихъ второй мальчикъ — Алеша, котораго мать особенно любила; послѣ этого они и поспѣшили перемѣнить квартиру...

На слѣдующій годъ, князь Андрей купилъ дачу за Трехгорною заставой, — большой, прекрасный домъ съ обширнымъ садомъ и множествомъ построекъ, и заплатилъ всего двадцать пять тысячъ ассигнаціями. Прежде эта дача принадлежала какому-то игроку Дмитріеву, онъ самъ строилъ домъ; гдѣ-то внизу была прекрасная потаенная комната, въ которой у него вели игру очень большую. Этотъ домъ для Вяземскихъ былъ находкой, потому что князь Александръ и безъ того уже былъ подъ надзоромъ полиціи, а послѣ Дороховской исторіи за нимъ стали еще зорче слѣдить и ему хорошо было жить не въ городѣ. Князь Андрей вздумалъ было завести тутъ сахарный заводъ, посадилъ въ него много денегъ, но толку не вышло. На этой дачѣ они жили года полтора или два, и зиму, и лѣто.

Прихоти княгини Александры, смѣшныя и забавныя со стороны, были очень обременительны для домашнихъ, для мужа, а въ особенности для прислуги и для ея горничныхъ. Она не иначе шла отъ своей постели къ туалетному столу, какъ по бѣлымъ простынямъ. На тотъ стулъ, на которомъ она сядетъ, опять накинута простыня, и когда она садится чесать голову, ее покрываютъ простыней. Дѣвушка должна надѣть бумажныя бѣлыя перчатки и такъ, въ перчаткахъ, ее и чеши, что̀, конечно, неловко, но до этого ей нѣтъ дѣла, не зацѣпи ни волосика. Потомъ начнется безконечное умыванье и тоже съ прихотями въ этомъ родѣ и при этомъ она разъ двадцать выбранитъ несчастную горничную: «Ахъ, какъ

ты глупа, да ты, кажется, съ ума сошла; ты ничего дѣлать не умѣешь; что̀ съ тобой сегодня, ты совсѣмъ поглупѣла?..» И эта исторія повторялась каждый день. Одѣвалась она часа два, три. Потомъ подадутъ ей чай: человѣкъ будь въ перчаткахъ, ну, это такъ и надо, но мало того: неси подносъ такъ, чтобы не дотронуться до него рукой въ перчаткѣ, а держи салфеткой... И опять пойдетъ ссора: «Не трогай рукой, ты хочешь, чтобъ я ничего не ѣла,—я не стану послѣ этого пить, это просто противно, какъ ты подаешь...»

За обѣдомъ опять какія-нибудь новыя проказы...

Въ особенности въ дорогѣ мучила она своихъ дѣтей и дѣвушекъ; идти къ каретѣ — надѣнь дѣвушка калоши, но въ карету входя — дай человѣку снять въ ту самую минуту, какъ входишь; сиди дѣвушка — не шевельнись, не кашляни, не дотронься до ея ноги; да и пересказать всего нельзя, до чего доходили ея брезгливость и требовательность. Вѣдь и всѣ мы тоже любимъ чистоту и опрятство, но не въ тягость себѣ и не на муку другимъ.

Княгиня Наталья не имѣла никакихъ этихъ странностей; она только любила, чтобъ у нея въ домѣ было все роскошно, а главное — имѣть хорошенькій туалетъ, и очень простосердечно признавалась въ этомъ.

— Я скорѣе буду ѣсть размазню безъ масла и готова отказать себѣ во всемъ прочемъ, но люблю, чтобы то, что̀ я на себя надѣваю, было хорошо.

И именно это-то желаніе наряжаться и повредило ей и разстроило ихъ дѣла. При всѣхъ хорошихъ свойствахъ, ни та, ни другая княгиня Вяземская [1]) не умѣли составить счастія мужей, обѣ разстраивали состояніе мужей и ни которая не была вполнѣ счастлива, тогда какъ онѣ могли бы быть, имѣя все, что̀ для того нужно.

VIII.

У племянницы моей, княгини Настасьи Николаевны Вяземской, нѣсколько прежде года послѣ свадьбы, родилась дочь

---

[1]) Княгиня Наталья Александровна умерла въ 1876 или 77 году за границей и тамъ схоронена. Княгиня Александра Александровна умерла, въ 1860 году, въ своей пензенской деревнѣ.

Ольга; крестили ее братъ Николай Петровичъ и княгиня Елизавета Ростиславовна. Бракъ этотъ не былъ счастливъ, и я скажу, что этого и можно, и должно было ожидать. Настенька была держана въ хлопкахъ и оттого вышла слабая и болѣзненная дѣвушка, которой бы и замужъ-то идти вовсе не слѣдовало; князь Александръ Сергѣевичъ, напротивъ того, человѣкъ здоровый и плотный, былъ живого и веселаго характера; ему нужно было жену, которая бы могла съ нимъ скакать и верхомъ, и мчаться на лихой тройкѣ, ѣхать на балъ, въ театръ, принять дома его молодыхъ и веселыхъ товарищей, а Настенька, по привычкѣ и по слабости здоровья, боялась, чтобы на нее свѣжій воздухъ не пахнулъ; словомъ сказать, оба они другъ другу были не пара. Болѣе всего виню брата и невѣстку, да и княгиню Елизавету не похвалю: зная своего сына и видя воспитаніе Настеньки, ей бы слѣдовало не слаживать этотъ бракъ, а всѣми силами мѣшать ему.

Она была дружна съ братомъ, такъ и думала, что, женивъ своихъ дѣтей, то-то заживутъ душа въ душу; вышло наоборотъ: видя, что Настенька съ мужемъ не въ особенныхъ ладахъ, братъ и жена его охолодѣли и къ Елизаветѣ Ростиславовнѣ, какъ будто она больше ихъ виновата, что сынъ ея женился на ихъ болѣзненной дочери. Сперва она жила у отца съ матерью, когда они переѣхали въ Петербургъ; кажется, у нихъ въ домѣ и родила она ребенка. Вслѣдъ за этою радостью, съ небольшимъ черезъ годъ посѣтило ихъ великое горе: сынъ ихъ Саша, готовившійся въ военную службу, разъ какъ-то, плотно пообѣдавъ дома и поѣвъ малины со сливками, отправился послѣ того въ манежъ, а для того, чтобъ ему легче было ѣздить верхомъ, онъ крѣпко перетянулся ремнемъ. Ему сдѣлалось вдругъ дурно, говорятъ, кровь бросилась въ голову, отъ этого приключилось что-то въ родѣ удара, его привезли домой еле живаго и уже въ безпамятствѣ онъ кончилъ жизнь. Отца и матери не было дома: они поѣхали навѣстить Настеньку; каково же было ихъ пораженіе, когда, возвратившись, они нашли сына уже мертвымъ; это случилось 20 іюня 1834 года. Его схоронили въ Александро-Невской Лаврѣ.

Эта потеря сильно подѣйствовала на брата и на его жену, и они скорехонько изъ Петербурга возвратились въ Москву, а Настенька, поживъ съ мужемъ въ Царскомъ Селѣ, по сла-

бости здоровья, тоже должна была поскорѣе уѣхать изъ Петербурга и его окрестностей, по причинѣ дурного вліянія на нее тамошняго сырого климата. Дѣвочку ея взяла къ себѣ княгиня Елизавета и у ней она и жила въ первые годы своего дѣтства.

Княгиня Елизавета Ростиславовна, по отцу своему, Ростиславу Евграфовичу, приходилась батюшкѣ двоюродною племянницей, а мнѣ внучатою сестрой. Она была лѣтъ на пятнадцать моложе меня, но со временемъ эта разница лѣтъ сгладилась и мы съ нею очень были дружны. Охлажденіе, которое вышло между ею и братомъ, меня не коснулось, и мы съ нею остались въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ, за что̀ невѣстка на меня сперва немного косилась, но мнѣ до этого дѣла нѣтъ: черезъ чужіе нелады я своей дружбы никогда ни съ кѣмъ не разорву, ежели сама не имѣю на то причинъ.

Она вышла замужъ въ молодыхъ лѣтахъ за князя Сергѣя Сергѣевича Вяземскаго, который по своей матери (Аннѣ Ѳедотовнѣ Каменской) приходился роднымъ племянникомъ бабушкѣ Аграфенѣ Ѳедотовнѣ Татищевой (третьей женѣ дѣдушки Евграфа Васильевича); слѣдовательно, хотя онъ и не былъ въ прямомъ родствѣ со своею женой, но въ очень близкомъ свойствѣ.

По своему отцу (князю Сергѣю Ивановичу), онъ приходился моему зятю, князю Николаю Семеновичу Вяземскому, двоюроднымъ братомъ.

Онъ былъ очень живой и веселый, изъ себя видный и красивый мужчина, разговорчивый и любезный и большой шутникъ, когда былъ помоложе, и не послѣдней руки любезникъ. Вообще, это былъ человѣкъ пріятный въ обществѣ, который любилъ пожить, да кажется, любилъ и въ карточки поиграть; но впрочемъ, записнымъ игрокомъ онъ не былъ и небольшой былъ мастеръ выигрывать. У него было много дѣтей, но до зрѣлаго возраста дожили только трое,—два сына и дочь.

Не могу теперь припомнить, по какому случаю княгиня Елизавета хоронила дѣтей своихъ въ Перервинскомъ монастырѣ; тамъ ихъ схоронено трое, либо четверо: всѣ они умершіе въ дѣтствѣ; между прочими, была одна дѣвочка, которую звали Аглаидой.

Оставшуюся въ живыхъ дочь Варвару княгиня Елизавета сама кормила, холила и ростила, и такъ какъ была начальницей Дома Трудолюбія въ Москвѣ, который привела въ хорошій порядокъ, то своею службой выслужила дочери и фрейлинскій вензель, должно быть, въ 1835 или 1836 году, а въ 1837 году княжна Варвара вышла за Ивана Ивановича Ершова.

Старшій Вяземскій былъ мужъ Настеньки Корсаковой, а второй, князь Николай Сергѣевичъ, былъ женатъ на дочери бывшаго московскаго вице-губернатора—Екатеринѣ Петровнѣ Новосильцевой.

Здоровье княгини Настасьи Вяземской не поправлялось, а все болѣе и болѣе слабѣло, и потому, переѣхавъ въ Москву къ отцу съ матерью, она у нихъ все и жила въ домѣ и прежде ихъ обоихъ умерла въ 1848 году.

Годъ или два спустя послѣ смерти своей жены, князь Александръ Сергѣевичъ, которому было съ небольшимъ сорокъ лѣтъ, женился вторично на вдовѣ Олсуфьевой, Екатеринѣ Львовнѣ, урожденной баронессѣ Боде. Она была веселаго характера, живая, легкая на подъемъ, ѣздила съ мужемъ по разнымъ городамъ, гдѣ ему приходилось стоять со своимъ полкомъ, живала въ деревнѣ и вообще, кажется, оба они довольны были другъ другомъ» [1]).

IX.

Въ 1837 году, когда въ февралѣ мѣсяцѣ пришло въ Москву печальное извѣстіе о печальной кончинѣ славнаго сочинителя Пушкина, я тутъ припомнила о моемъ знакомствѣ съ его бабушкой и со всею его семьей.

Бабушка его со стороны его матери (Надежды Осиповны Ганнибалъ), Марья Алексѣевна, бывшая за Осипомъ Абрамовичемъ Ганнибаломъ, была дочь Алексѣя Ѳедоровича Пушкина, женатаго на Саррѣ Юрьевнѣ Ржевской, и приходилась

[1]) Отъ втораго брака князя Александра Сергѣевича родились: сынъ, князь Константинъ Александровичъ и княжна Софья Александровна, нынѣ въ супружествѣ за княземъ Александромъ Борисовичемъ Голицынымъ. Княжна Ольга Александровна Вяземская (отъ перваго брака) за графомъ Сергѣемъ Петровичемъ Буксгевденъ.

поэтому внучатою племянницей покойному мужу сестры Елизаветы Александровны Ржевской, и они между собой родством считались, оттого была и я съ нею знакома, да кромѣ того, видались мы еще у Грибоѣдовыхъ. Когда она выходила за Ганнибала, то считали этотъ бракъ для молодой дѣвушки неравнымъ и кто-то сложилъ по этому случаю стишки:

Нашлась такая дура,
Что, не спросясь Амура,
Пошла за Визапура.

Но съ этимъ Визапуромъ, какъ называли Осипа Абрамовича (потому что онъ былъ сынъ арапа и крестника Петра Великаго — Абрама Петровича), она жила счастливо, и вотъ ихъ-то дочь и вышла за Сергѣя Львовича Пушкина.

Года за два или за три до французовъ, въ 1809 или 1810 году, Пушкины жили гдѣ-то за Разгуляемъ, у Елохова моста, нанимали тамъ просторный и помѣстительный домъ, чей именно — не могу сказать навѣрно, а думается мнѣ, что Бутурлиныхъ. Я туда ѣздила со своими старшими дѣвочками на танцовальные уроки, которые онѣ брали съ Пушкиной дѣвочкой, съ Грибоѣдовой (сестрой того, что̀ въ Персіи потомъ убили); бывали тутъ еще дѣвочки Пушкины и другія, кто—не помню хорошенько.

Пушкины жили весело и открыто и всѣмъ домомъ завѣдывала больше старуха Ганнибалъ, очень умная, дѣльная и разсудительная женщина; она умѣла домъ вести какъ слѣдуетъ и она также больше занималась и дѣтьми: принимала къ нимъ мамзелей и учителей и сама учила. Старшій внукъ ея Саша былъ большой увалень и дикарь, кудрявый мальчикъ лѣтъ девяти или десяти, со смуглымъ личикомъ, не скажу, чтобы слишкомъ приглляднымъ, но съ очень живыми глазами, изъ которыхъ искры такъ и сыпались.

Иногда мы пріѣдемъ, а онъ сидитъ въ залѣ въ углу, огороженъ кругомъ стульями: что-нибудь накуралесилъ и за то оштрафованъ, а иногда и онъ съ другими пустится въ плясы, да такъ какъ очень онъ былъ неловокъ, то надъ нимъ кто-нибудь посмѣется, вотъ онъ весь покраснѣетъ, губу надуетъ, уйдетъ въ свой уголъ и во весь вечеръ его со стула никто тогда не стащитъ: значитъ, его за живое задѣли и онъ обидѣлся; сидитъ одинешенекъ. Не разъ про него говаривала

Марья Алексѣевна: «Не знаю, матушка, что выйдетъ изъ моего старшаго внука: мальчикъ уменъ и охотникъ до книжекъ, а учится плохо, рѣдко когда урокъ свой сдастъ порядкомъ: то его не расшевелишь, не прогонишь играть съ дѣтьми, то вдругъ такъ развернется и расходится, что его ничѣмъ и не уймешь; изъ одной крайности въ другую бросается, нѣтъ у него средины. Богъ знаетъ, чѣмъ это все кончится, ежели онъ не перемѣнится». Бабушка, какъ видно, больше другихъ его любила, но журила порядкомъ: «Вѣдь экой шалунъ ты какой, помяни ты мое слово, не сносить тебѣ своей головы».

Не знаю, каковъ онъ былъ потомъ, но тогда глядѣлъ рохлей и замарашкой, и за это ему тоже доставалось... Мальчикъ Грибоѣдовъ, нѣсколькими годами постарше его, и другіе ихъ товарищи были всегда такъ чисто, хорошо одѣты, а на этомъ всегда было что-то и неопрятно, и сидѣло нескладно.

Года за полтора до двѣнадцатаго года, Пушкины переѣхали на житье въ Петербургъ, а потомъ въ деревню и я совершенно потеряла ихъ изъ виду. Мы съ Марьей Алексѣевной больше уже и не видались; когда умерла—не знаю. Братъ Сергѣя Львовича, Василій Львовичъ, былъ сочинителемъ и стихотворцемъ и былъ женатъ на Капитолинѣ Михайловнѣ, замѣчательной красоты. Она съ мужемъ разошлась и вышла за Мальцева, но съ первымъ своимъ мужемъ все-таки осталась въ дружескихъ отношеніяхъ, и онъ тоже не переставалъ быть пріятелемъ Мальцева.

Кромѣ этихъ Пушкиныхъ, знавала я еще и другихъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ — Софью Ѳедоровну и Анну Ѳедоровну; обѣ онѣ воспитывались у Екатерины Владиміровны Апраксиной и она выдавала ихъ замужъ. Первая была стройна и высока ростомъ, съ прекраснымъ греческимъ профилемъ и черными, какъ смоль, глазами, и была очень умная и милая дѣвушка; она вышла потомъ за Валеріана Александровича Панина и имѣла трехъ сыновей и дочь.

Меньшая, Анна Ѳедоровна, маленькая и субтильная блондинка, точно саксонская куколка, была прехорошенькая, преживая и превеселая, и хотя не имѣла ни той поступи, ни осанки, какъ ея сестра Софья, но личикомъ была, кажется, еще милѣе. Она была за Васильемъ Петровичемъ Зубковымъ; у нихъ было двѣ или три дочери и сынъ.

Самую старшую изъ этихъ Пушкиныхъ, бывшую за Евреиновымъ, я видала, но мало ее знала. Кто была ихъ мать сама по себѣ и какъ звали ихъ отца — не знаю. Пушкинымъ Львовичамъ онѣ были сродни, а также и женѣ князя Сергія Ивановича Гагарина, княгинѣ Варварѣ Михайловнѣ, урожденной Пушкиной.

Панина и Зубкова были послѣднія изъ молодыхъ дѣвицъ, воспитывавшихся у Апраксиной; прежде ихъ были двѣ княжны Голицыны, дальнія родственницы Апраксиной: Марья Дмитріевна была за княземъ Ухтомскимъ, а Вѣра — за Голицынымъ, и очень миленькая Анна Щитцъ, вышедшая за очень богатаго человѣка, Устинова.

Въ 1838 году, я задумала продать свой домъ у Троицы въ Зубовѣ: флигель и надворныя строенія стали ветшать, требовали большихъ поправокъ и издержекъ; возиться съ этимъ мнѣ не хотѣлось, и потому я и заблагоразсудила лучше продать. Скоро нашелся охотникъ, Бухмейеръ; онъ купилъ мой домъ за двадцать восемь тысячъ рублей ассигнаціями и, проживъ въ немъ десять лѣтъ, я переѣхала на Поварскую; тамъ въ Трубномъ переулкѣ, у Рождества въ Кудринѣ, я наняла домъ Калинецкаго...

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

упоминаемыхъ въ воспоминаніяхъ Д. Благово: „РАЗСКАЗЫ БАБУШКИ".

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

Л.

M.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

